

23/1117
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1976 ГОД

Основан в 1957 г.
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

«Археографический ежегодник за 1976 год» включает статьи и материалы по вопросам археографии, специальных исторических дисциплин и архивоведения. Печатаются, в частности, статьи о значении протоколов Совнаркома РСФСР 1917—1922 гг. как исторического источника, об издании документов по истории советской культуры, о научном описании рукописных мемуарных источников, публикуются материалы памяти выдающихся ученых: академика М. Н. Тихомирова и С. Н. Валка, помещены обзоры и публикации документальных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

В подготовке «Ежегодника» к печати принимали участие сотрудники Археографической комиссии Ю. В. Андриюшайтите, Н. А. Долдобанова, В. Б. Павлов-Сильванский, И. Е. Тамм.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),

Ю. В. АНДРИУШАЙТИТЕ,

Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),

В. А. ДЬЯКОВ, Б. Г. ЛИТВАК, В. А. ЧЕРНЫХ

8(п)

A-87

72401

І. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Э. Б. Генкина

ПРОТОКОЛЫ СОВНАРКОМА РСФСР ЗА 1917—1922 ГГ. И ИХ ЗНАЧЕНИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров за первое пятилетие Советской власти (1917—1922), т. е. за те годы, когда Советское правительство возглавлял В. И. Ленин, — первостепенный и важнейший источник по истории советского общества и государства. Архивные документы СНК за этот период содержат, как известно, огромный, разнообразный, исключительной важности и ценности материал по всем вопросам социалистического и государственного строительства на первых этапах истории советского общества (период утверждения Советской власти и первых революционных преобразований, период гражданской войны, первые годы мирного социалистического строительства). Значение этих документальных материалов по *содержанию* и всем направлениям деятельности Советского правительства широко освещено в десятках, если не сотнях, исторических исследований.

Поэтому, расширив хронологические рамки изучения источника¹, автор вместе с тем строго ограничил задачи исследования, сосредоточив внимание на следующих основных вопросах.

Во-первых, общая характеристика протокольного фонда СНК за 1917—1922 гг., анализ происхождения протокола, а также приложений к нему, повесток заседаний и т. д.

Во-вторых, рассмотрение протокольного фонда СНК за этот период в его совокупности, т. е. протоколов Большого Совнаркома (БСНК)², Малого СНК (МСНК), Совета Рабочей и Крестьянской Обороны (СО) и Совета Труда и Обороны (СТО) как единого комплекса источников, каждый из которых нельзя изучать в отрыве один от другого.

Наконец, в-третьих. В повседневной работе СНК, в протоколах его заседаний отразились особенности деятельности Советского государства как государства пролетарской диктатуры, государства совершенно нового типа. Это позволяет в процессе анализа и характеристики самих архивных материалов проследить складывание, формирование, развитие как принципиально нового содержания, так и новых методов и принципов деятельности Советского правительства под непосредственным руководством В. И. Ленина.

Поставленные автором задачи требовали прежде всего широкого изучения и использования протокольного фонда Совнаркома за все эти

¹ До сих пор эта тема изучалась в значительно более узких хронологических рамках (ноябрь 1917—март 1918 г.): *Покровский А. С.* Протоколы заседаний СНК РСФСР как исторический источник («Период Смольного»). — «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974. Автор впервые дал глубокий анализ протоколов СНК. *Генкина Э. Б.* О значении протоколов Совнаркома как исторического источника (ноябрь 1917 г.—март 1918 г.). — В кн.: Исторический опыт Великого Октября. К 80-летию лауреата Ленинской премии академика И. И. Минца. М., 1975.

² Название Большой СНК появилось после создания Малого СНК, чтобы провести различие между ними.

годы как основополагающего источника по теме в целом. Однако архивные материалы нельзя понять и изучить в отрыве от всей совокупности опубликованных ленинских документов.

Особо следует выделить значение фундаментального издания «Декреты Советской власти» (т. I—VIII. Октябрь 1917 г.—май 1920 г. М., 1957—1976), а также трех томов биографической хроники послеоктябрьского периода деятельности В. И. Ленина³. Эти ценнейшие издания основаны на широком использовании материалов Совнаркома и значительно расширяют и дополняют опубликованные до сих пор документы.

Большую ценность представляет и обширная мемуарная литература, в частности, специально посвященная вопросам работы СНК (особенно воспоминания работников аппарата — В. Д. Бонч-Бруевича, Н. П. Горбунова, Л. А. Фотиевой, М. Н. Скрыпник, М. А. Володичевой, Е. К. Кокшаровой, С. Б. Бричкиной, В. А. Смольянинова и др.), позволяющая во многом уточнить и конкретизировать анализ протокольного фонда СНК.

Если выделить только работы и монографические исследования по темам, непосредственно связанным с историей становления Советского государства и деятельностью Совнаркома в 1917—1922 гг., то можно наглядно убедиться в довольно значительных масштабах изучения этих проблем⁴.

Эти работы, написанные в общеисторическом плане, но основанные на широком привлечении и обобщении документальных фондов СНК, позволяющая сейчас, опираясь на уже накопленный историками материал и их выводы, приступить к выполнению сравнительно более узкой, но чрезвычайно важной задачи — анализу документальных материалов СНК за весь период 1917—1922 гг. в целом.

Общая характеристика протокольного фонда Совнаркома

Документальные материалы Совнаркома, отложившиеся в результате его деятельности за те пять лет, когда в СНК председательствовал В. И. Ленин, хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) в фонде 19. В ЦПА ИМЛ сосредоточены также и другие важнейшие фонды, связанные с деятельностью В. И. Ленина: ф. 2 (подлинники ленинских документов, в частности, и подлинники протоколов СНК с подписью Ленина и другие ленинские документы, сохранившиеся в протоколе); ф. 5 (Секретариат Председателя Совнаркома и СТО В. И. Ленина)⁵.

Рассматривая только протокольную часть обширного фонда СНК⁶, попытаемся дать сначала общую характеристику фонда 19 ЦПА ИМЛ,

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924, т. 5. Октябрь 1917 г.—июль 1918 г. М., 1974; т. 6. Июль 1918 г.—март 1919 г. М., 1975; т. 7. Март—ноябрь 1919 г. М., 1976 (далее — В. И. Ленин. Биохроника).

⁴ Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М., 1965; Клопов Э. В. Ленин в Смольном. Государственная деятельность В. И. Ленина в первые месяцы Советской власти. Октябрь 1917 г.—март 1918 г. М., 1965; Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г.—январь 1918 г. Л., 1967; он же. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Л., 1974; Савицкая Р. М. Очерк государственной деятельности В. И. Ленина (март—июль 1918 г.). М., 1969. См. также: Генкина Э. Б. В. И. Ленин — председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 годах. М., 1960; она же. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923. М., 1969, и др.

⁵ Об истории формирования ф. 5 и других фондов ЦПА ИМЛ, связанных с государственной деятельностью В. И. Ленина, см.: Любичева В. А. Воссоздание архива Председателя СНК В. И. Ленина. — «Вопросы истории», 1969, № 4, с. 38—50.

⁶ Подлинники всех протоколов СНК за 1917—1922 гг. как ленинские документы хранятся в ЦПА ИМЛ, а копии — в ЦГАОР СССР (ф. 130, оп. 1—6). В ЦГАОРе сосредоточены и другие материалы СНК — Управления делами и канцелярии, бюро телеграмм и т. д. Материалы СНК СССР и СТО СССР с 1923 г. остались на хранении в ЦГАОРе (ф. 5446 — СНК СССР, ф. 5674 — СТО СССР).

включая протоколы не только Большого Совнаркома (ф. 19, оп. 1), но и Малого СНК (ф. 19, оп. 2), а также Совета Оборона и Совета Труда и Оборона (ф. 19, оп. 3) ⁷.

Общая характеристика состава протокольного фонда СНК (ф. 19, оп. 1—3) ⁸ представлена в табл. 1.

Т а б л и ц а 1
Состав протокольного фонда СНК за 1917—1922 гг.
(количество заседаний)

	Поябрь— декабрь 1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	Всего
БСНК	37	203	97	69	51	83	540
МСНК	—	178	215	218	193	169	973
СО	—	9	82	19	—	—	110
СТО	—	—	—	65	105	96	266
Итого	37	390	394	371	349	348	1889

Как видим, только протокольный фонд СНК и его комиссий составляет 1889 ед. хр., которые вместе с приложениями к протоколам содержат важнейшие материалы по всем вопросам повестки дня, характеризующие деятельность Советского правительства за первые пять лет Советской власти.

В литературе уже было отмечено, что некоторые заседания СНК, особенно в первые месяцы деятельности Советского правительства, не были запротоколированы ⁹.

⁷ История создания и состава МСНК, СО и СТО требует самостоятельного рассмотрения. Мы ограничимся только напоминанием, что МСНК, созданный как комиссия БСНК для решения мелких, так называемых «вермишельных» вопросов, начал фактически свою работу с декабря 1917 г., а первый протокол заседания МСНК помечен датой 9 января 1918 г. В. И. Ленин на заседаниях МСНК не председательствовал, состав МСНК и его председатель назначались БСНК, а протоколы и решения МСНК, как правило, утверждались БСНК. Совет Рабочей и Крестьянской Оборона был образован постановлением ВЦИК и СНК от 30 ноября 1918 г. (Декреты Советской власти (далее — ДСВ), т. IV, с. 92—94), первое его заседание состоялось на следующий день (1 декабря 1918 г.) под председательством В. И. Ленина (протокол полностью опубликован, см.: «Ленинский сборник», XVIII, с. 243—245). В конце марта — начале апреля 1920 г., в условиях временной мирной передышки в ходе войны, Совет Оборона был переименован в Совет Труда и Оборона, но первый протокол СТО помечен 14 апреля 1920 г. Отметим также, что в ф. 19 ЦПА ИМЛ (оп. 3) нумерация протоколов является единой как для СО, так и для СТО.

⁸ Количество единиц хранения в ф. 19 ЦПА ИМЛ (оп. 1—3) полностью соответствует количеству протоколов заседаний БСНК, МСНК, СО и СТО. Так, с 3 ноября 1917 г. (протокол № 1) по 26 декабря 1922 г. (протокол № 540) состоялось 540 заседаний СНК, и столько же в оп. 1, ф. 19 единиц хранения. Это же относится к протоколам СО и СТО (протокол № 1 заседания СО от 1 декабря 1918 г. до протокола СТО № 376 от 27 декабря 1922 г. (376 ед. хр.)). Протоколы Малого СНК представлены в оп. 2, ф. 19 ЦПА ИМЛ лишь частично и без приложений. Весь протокольный фонд МСНК вместе с приложениями хранится в ЦГАОР СССР (ф. 130).

⁹ Речь идет о первом заседании СНК от 27 октября 1917 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 547; В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 8). М. П. Ирошников, ссылаясь на ряд источников, высказывает предположение о происшедшем 29 октября заседании СНК (Ирошников М. П. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин), с. 169). Возможно также, что заседания или совещания членом Совнаркома происходили в период между 3 и 15 ноября, т. е. в промежутке между двумя первыми запротоколированными заседаниями СНК (протоколы № 1 от 3 ноября и № 1а от 15 ноября 1917 г.). См. об этом подробнее: Генкина Э. Б. О значении протоколов Совнаркома как исторического источника (ноябрь 1917 г. — март 1918 г.), с. 345—346. Имеются известные повторения при характеристике фонда СНК с ноября 1917 по март 1918 г. в этой и настоящей статьях. Поскольку последние охватывают анализ источников за весь период с 1917 по 1922 г., эти небольшие повторения были вызваны необходимостью сохранения цельности и последовательности изложения.

Выход в свет пятого тома биографической хроники В. И. Ленина позволил установить еще несколько заседаний СНК в марте и июле 1918 г., протоколы которых также не велись. Такое заседание под председательством В. И. Ленина происходило днем в воскресенье 10 марта — перед отъездом вечером того же дня Советского правительства из Петрограда в Москву. То же самое относится к первым дням работы Советского правительства в Москве, когда 12 марта было проведено первое совещание членов СНК¹⁰, а первый протокол заседания СНК в Москве помечен датой 18 марта.

Кроме того, в биохронике указаны еще два заседания или совещания членов СНК 7 июля 1918 г., в день левоэсеровского мятежа¹¹. Первое заседание В. И. Ленин провел около 7—8 час. вечера в Кремле, на котором были одобрены чрезвычайные меры, предпринятые правительством в связи с убийством германского посла Мирбаха и мятежом левых эсеров. Второе заседание СНК под председательством В. И. Ленина происходило, очевидно, ночью 7 июля, и на этом заседании Ф. Э. Дзержинский рассказал об обстоятельствах своего ареста¹².

В дальнейшем протоколы велись регулярно на каждом заседании и сохранились в ЦПА ИМЛ полностью.

Как показывают данные табл. 1, заседания Совнаркома в 1917—1918 гг. происходили почти ежедневно, поэтому сначала не были установлены специальные дни заседаний, они назначались на любой день недели, очень часто в субботние и воскресные дни, начинались, как правило, в 8—9 час. вечера и длились до поздней ночи¹³.

Почти ежедневные заседания СНК в 1918 г., а затем и Совета Обороны в первые месяцы его организации объяснялись действительно настоятельной необходимостью, буквально шквальным потоком как важнейших по своему значению, так иногда и мелких вопросов, которые требовали срочного решения в условиях, когда вся жизнь страны перестраивалась на новых началах и проводились коренные социалистические преобразования.

Создание МСНК, конечно, разгрузило повестку ВСНК от мелких вопросов, но показательно, что в 1918 г. ВСНК заседал все же чаще, чем МСНК (203 заседания ВСНК и 178 заседаний МСНК). Только с 1919 г. это количественное соотношение резко меняется, и постепенно работа СНК, СО и СТО все больше нормализуется. Количество заседаний СНК уменьшается сначала до трех, а затем и до двух раз в неделю¹⁴, а с 1921 г. был узаконен строгий и точный регламент работы — один раз в неделю (по вторникам) заседания СНК, а по пятницам (пленарные) и по средам (распорядительные) заседания СТО, на которых В. И. Ленин не председательствовал. С этого времени заседания СНК начинались ровно в 6 час. вечера.

До конца 1921 г. не была установлена и должность заместителя Председателя СНК и СТО, и В. И. Ленин неизменно председательствовал почти

¹⁰ В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 307, 312.

¹¹ После заседания СНК 2 июля 1918 г. (протокол № 152) следующее запротоколированное заседание состоялось только 8 июля (протокол № 153) — уже фактически после ликвидации левоэсеровского мятежа.

¹² В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 614, 615.

¹³ Такие поздние часы начала заседаний СНК в 1918 г. объяснялись, очевидно, также и тем, что в это время многие наркоматы и их коллегии собирались тоже почти ежедневно. Президиум ВСНХ, например, принял 27 июля 1918 г. следующее решение: «Заседания Президиума ВСНХ решено начинать ежедневно, с 4-х часов дня, доведя до сведения Совета Народ[ных] Комиссаров, что члены Президиума не могут присутствовать на заседаниях как СНК, так и комиссариатов с 4 час. до 8 час. вечера» («Народное хозяйство», 1918, № 10, с. 50).

¹⁴ Уже в сентябре 1918 г. СНК принял решение: «Назначить заседания СНК три раза в неделю — по вторникам, четвергам и субботам» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 200, л. 4), а 8 июля 1919 г. в протоколе СНК было записано о проведении заседаний два раза в неделю — по вторникам и четвергам (там же, ед. хр. 301, л. 8).

на всех заседаниях Совнаркома, Совета Оборона и Совета Труда и Оборона¹⁵.

Общая количественная характеристика протокольного фонда Совнаркома вплотную подводит к рассмотрению процесса формирования этого фонда и анализу протокола СНК как исторического источника.

Понятно, что форма протокола заседаний Советского правительства не могла сложиться сразу, а требовала постепенного накопления опыта и в области постановки делопроизводства в Совнаркоме.

30 октября (12 ноября) 1917 г. секретарем СНК был назначен (по рекомендации В. Д. Бонч-Бруевича) молодой коммунист Н. П. Горбунов¹⁶. Он и вел первый протокол заседания СНК от 3 ноября (как и последующие) и в своих воспоминаниях, впервые опубликованных в «Правде» 6—7 ноября 1927 г., подробно рассказал об истории записи этого заседания и полностью воспроизвел и опубликовал весь этот протокол¹⁷.

«Не имея представления, как нужно вести протоколы, — вспоминал десять лет спустя Н. П. Горбунов, — я попытался записывать содержание доклада, но, конечно, не поспевал, так как стенографией я не владею. Кто присутствовал на заседании, не зафиксировал; председательствовал Ленин. На заседании слушался доклад приехавшего из Москвы т. Ногина о московских событиях». Далее приводился весь текст протокола от 3 ноября «полностью и с орфографической точностью» и в заключение указывалось, что «конец заседания я уже вообще не мог записывать, так как говорили вразброд»¹⁸.

Ознакомление с этим важнейшим документом — первым протоколом заседания СНК, показывает, что он был оформлен не по правилам ведения протокола (без стандартного разделения на две части: «Слушали», «Постановили»), без записи присутствующих и председательствовавшего на заседании. Заголовок протокола гласил: «Заседание Народных Комиссаров». Далее следовала подробная (более чем две страницы) запись доклада В. П. Ногина о положении в Москве, где только заканчивались бои за установление Советской власти, а затем кратко записано выступление В. И. Ленина с резкой отповедью В. П. Ногину¹⁹.

В ф. 19 (оп. 1, ед. хр. 1) имеется только машинописная копия протокола заседания СНК от 3 ноября 1917 г., а подлинник с правкой Ленина

¹⁵ Это подтверждается следующими данными: из 37 заседаний Совнаркома в ноябре и декабре 1917 г. Ленин председательствовал на 34 (постановлением СНК ему был предоставлен на несколько дней отпуск в декабре 1917 г.). В 1918 г. Ленин председательствовал на 186 из 203 заседаний СНК. Отсутствие Председателя СНК на некоторых заседаниях в 1918 г. объяснялось прежде всего его тяжелым ранением 30 августа 1918 г. и последующим лечением в сентябре и октябре 1918 г. В 1919 и 1920 гг. В. И. Ленин председательствовал на *всех* без исключения заседаниях Совнаркома и почти на всех заседаниях СО, а затем СТО, за исключением распорядительных заседаний, которые были созданы в марте 1920 г. В 1921 г. В. И. Ленин председательствовал на 42 заседаниях СНК (из 51), отсутствуя только во время отпуска в августе и первой половине сентября 1921 г. Только в 1922 г., в связи с болезнью, Ленин с октября по декабрь председательствовал на 7 заседаниях СНК и 5 заседаниях СТО (см. также таблицу, опубликованную автором в журнале «История СССР», 1973, № 4, с. 69).

¹⁶ Н. П. Горбунов (1892—1937), член КПСС с июля 1917 г., принимал участие в Февральской революции, с июля 1917 г. был заведующим Информационным бюро ВЦИК. С ноября 1917 г. — секретарь СНК, в 1917 г. закончил Технологический институт в Петрограде; в 1918—1919 гг. — заведующий научно-техническим отделом ВСНХ; в 1919—1920 гг. — на политработе в Красной Армии, член РВС 13-й и 14-й армий, за боевые заслуги награжден орденом Красного Знамени. С декабря 1920 г. — управляющий делами СНК. В 1923—1929 гг. — ректор МВТУ. Позднее — член Госплана СССР, заместитель директора Химического института им. Карпова, с 1935 г. — действительный член и непременный секретарь АН СССР.

¹⁷ Горбунов Н. П. Воспоминания о Ленине. М., 1933, с. 11—14.

¹⁸ Там же, с. 12, 14.

¹⁹ В. П. Ногин высказывался за соглашение с Викжелем, поддерживал позицию Каменева и Зиновьева и в тот же день (3 ноября) вышел из состава ЦК партии и Совнаркома.

хранится в ф. 2 (фонд В. И. Ленина)²⁰. Ленинское выступление 3 ноября опубликовано²¹, и можно предполагать, что Владимир Ильич сам его записал или отредактировал.

Следующий протокол заседания Совнаркома от 15 ноября 1917 г.²² написан Н. П. Горбуновым уже в основном по существующим правилам с разделением на две части («Слушали», «Постановили»), без записи содержания выступлений, имеется список присутствующих (11 человек, включая и В. И. Ленина), однако председатель заседания еще не выделен, заголовок протокола не уточнен, но впервые даны приложения к протоколу (проекты некоторых декретов — о страховании рабочих, о введении государственной монополии на объявления, приказ о назначении П. И. Стучки временным заместителем наркома юстиции, подписанный В. И. Лениным и другими народными комиссарами). В протоколе указана также дата и час начала следующего заседания (16 ноября в 7 час. вечера), что с этого времени стало правилом и фиксировалось в каждом протоколе. За время с 3 по 15 ноября, как вспоминал Н. П. Горбунов, «один из наркомов, кажется г. Глебов-Авилов, научил меня вести протокол, так что я справился с этой работой на этот раз уже без особых затруднений»²³.

В протоколах № 2 и 3 (16 и 18 ноября 1917 г.), написанных рукой Горбунова, никаких изменений в форме ведения по сравнению с протоколом от 15 ноября внесено не было, но в протоколе № 4 (от 19 ноября) впервые дан полный заголовок: «Протокол заседания Совета Народных Комиссаров», а в протоколе № 5 (от 20 ноября) помечен час начала и конца заседания (9 час. 40 мин. — очевидно, вечера — начало заседания, 12 час. ночи — окончание) и, что особенно важно, впервые приложена повестка дня заседания с пометками В. И. Ленина²⁴.

Только начиная с протокола № 10 (от 24 ноября), кроме списка присутствующих впервые выделяется председатель заседания, что также с этого времени стало обязательным правилом.

Очевидно, с конца ноября 1917 г.²⁵ Н. П. Горбунову начали помогать и другие секретари²⁶, но преобладающее большинство протоколов написано его рукой и скреплено только его подписью, так как В. И. Ленин в течение всего «периода Смольного» (ноябрь 1917—март 1918 г.) сам не подписывал протоколы СНК (первый протокол, подписанный В. И. Лениным, — протокол № 77 от 18 марта 1918 г.). Поэтому первые 76 протоколов СНК (вернее, 77, если учесть, что заседание 15 ноября помечено № 1а) хранятся в фонде 19 (оп. 1) ЦПА ИМЛ в подлинниках, а начиная с протокола № 77 от 18 марта 1918 г. — в копиях (их подлинники нахо-

²⁰ См. об этом: *Любишева В. А.* Организация труда в секретариате В.И. Ленина в Совнарком. — В кн.: *Строительство Советского государства*. М., 1972, с. 199.

²¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 50.

²² Все протоколы Совнаркома с 3 ноября 1917 г. по 15 февраля 1918 г. датировались по старому стилю. Протокол от 15 ноября 1917 г. помечен № 1а, а следующий, от 16 ноября, — № 2. Надо отметить, что в ноябре и декабре 1917 г., январе и феврале 1918 г. порядковые номера протоколов проставлены на подлиннике сбоку, чернилами, возможно, рукой секретаря, т. е. нумерация протоколов, очевидно, была проведена позднее при оформлении делопроизводства в архиве СНК.

²³ *Горбунов Н. П.* Указ. соч., с. 17.

²⁴ Наличие повестки заседания СНК в каждом протоколе с этого времени стало правилом. Ленинские пометки на повестке представляют огромный интерес и поэтому требуют самостоятельного рассмотрения, что и будет сделано в дальнейшем изложении.

²⁵ Протокол № 9 от 23 ноября 1917 г. написан частично рукой Н. П. Горбунова, а частично рукой другого секретаря — возможно А. П. Кизас.

²⁶ Одной из первых, как вспоминал Н. П. Горбунов, пришла в секретариат СНК Анна Петровна Кизас (1899—1959), работавшая там с ноября 1917 по август 1922 г. С ноября 1917 г. вторым секретарем СНК стала Е. К. Кокшарова (1892—1973) — член КПСС с марта 1917 г., а с 14 декабря 1917 г. по февраль 1918 г. — М. Н. Скрыпник (1883—1968) — член КПСС с 1905 г. После переезда Советского правительства в Москву обязанности секретаря СНК стала исполнять Л. А. Фотиева (1881—1975) — член КПСС с 1904 г.

дятся в ф. 2 ЦПА ИМЛ). Черновики протоколов, написанные секретарями, в делах ф. 19 сохранились на протяжении всего периода 1917—1922 гг., как и машинописный текст этих протоколов²⁷, причем важно напомнить, что все делопроизводство в СНК до конца 1918—начала 1919 г. велось по старой орфографии²⁸.

Таким образом, к концу «периода Смольного» протоколы Совнаркома приняли уже вполне сложившуюся форму, определился и состав дел с протоколами, который оставался неизменным при хранении их сначала в архиве СНК, а потом в ЦПА ИМЛ. Каждая единица хранения ф. 19 в Партархиве ИМЛ содержит, как правило, следующие документы: 1) подлинник протокола, написанный от руки секретарем СНК; 2) машинописный текст или машинописная копия протокола; 3) приложения к протоколу по повестке дня; 4) повестка заседания (на отдельном листке), большей частью с пометками В. И. Ленина, а нередко и с записью его рукой фамилий выступающих или просящих слова; 5) с 12 апреля 1918 г. протокол пополнился еще одним документом — появился лист исполнения — сведения о рассылке выписок из постановлений СНК в соответствующие ведомства и отдельным лицам для исполнения.

М. П. Ирошников, ссылаясь на воспоминания отдельных работников аппарата СНК, подчеркивая ценность и правильность этих воспоминаний, приводит следующее высказывание М. А. Авильевой: «Нельзя говорить вообще о протоколах . . . нужно брать годы. По одному было организовано в октябре (1917 г. — *М. И.*) и марте (1918 г. — *М. И.*) — там были протоколы, написанные от руки, не всегда машинистка печатала . . . С переездом в Москву . . . до осени 1919 г. стенографисток не было, стенографических развернутых записей не было. . . до этого они (протоколы. — *М. И.*) записывались, а потом перепечатывались на машинке, и наутро протоколы Владимир Ильич подписывал целиком»²⁹.

Просмотр и изучение всего протокольного фонда СНК за период 1917—1922 гг. убедительно показывает, что существенных изменений в оформлении протоколов примерно с марта-апреля 1918 до конца 1922 г. уже не происходило³⁰. Что же касается присутствия стенографисток на заседаниях, то вопрос «О необходимости стенографирования прений» обсуждался на заседании СНК уже 28 февраля 1918 г., и было поручено секретарю найти стенографистку. Единственный опыт стенографирования был осуществлен только на заседании Совнаркома 4 марта 1918 г., и ленинские выступления на этом заседании были впоследствии расшифрованы и опубликованы³¹. В дальнейшем полная стенографическая запись прений на заседаниях больше не велась³², но с мая 1919 г. начали регу-

²⁷ Первая машинописная копия, не считая протокола № 1 от 3 ноября 1917 г., впервые появилась в протоколе № 11 от 23 ноября.

²⁸ Декрет СНК о введении новой орфографии был принят 10 октября 1918 г. (ДСВ, т. I, с. 403—404). До этого времени и даже несколько позднее все материалы СНК, в том числе переписка наркомов, записки В. И. Ленина и другие документы, хранящиеся в фонде СНК, написаны всегда, без исключения, по старой орфографии. Шрифт на пишущих машинках постепенно, очевидно с начала 1919 г., сменился на новый шрифт.

²⁹ Стенограмма совещания группы бывших сотрудников секретариата В. И. Ленина 18 мая 1946 г. — Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, фонд воспоминаний о В. И. Ленине, л. 9 (цит. по кн.: *Ирошников М. П.* Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин), с. 171).

³⁰ Можно отметить только значительное увеличение с каждым годом объема приложений к протоколам, а также отдельные изменения в оформлении списка присутствующих на заседании. Иногда в протоколе указывались часы явки на заседание членов СНК, а в ряде случаев выделялись сначала члены СНК с решающим, а потом с совещательным голосом и вызывались на заседание докладчики и представители ведомств. Но это не было правилом.

³¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 411—414.

³² До сих пор известны только два исключения из этого правила: 1) речь идет о пленарном заседании СТО от 17 февраля 1922 г., где велась стенограмма по одному только вопросу повестки дня — о топливном положении республики. Эта стенограмма приложена к протоколу заседания СТО от 8 марта 1922 г. В деле сохрани-

лярно присутствовать стенографистки, которые записывали не прения, а лишь формулировки предложений по отдельным вопросам повестки дня, что облегчало оформление протокола. Поэтому «развернутых стенографических записей» не появилось и в 1919 г., но с 15 мая 1919 г. (протокол № 287) в делах СНК начал сохраняться постоянно еще один документ — стенографическая запись (как правило, нерасшифрованный подлинник) предложений по повестке дня.

В уже упомянутой статье А. С. Покровского довольно подробно рассмотрена сама «техника» ведения протоколов и участие в их составлении В. И. Ленина. Справедливо критикуя некоторые неточности в воспоминаниях Е. К. Кокшаровой, автор статьи приводит следующую выдержку из воспоминаний А. З. Гольцмана: «Можно безошибочно сказать, что именно Владимир Ильич *выучил своих секретарей вести протоколы заседаний* (курсив наш. — Э. Г.), требовал упоминания имени каждого докладчика. Он был решительным противником того, чтобы, не вынося никаких решений, по обсуждении вопроса ограничиваться только тем, что, дескать, все поняли друг друга и вопрос будет урегулирован. Он требовал точной и окончательной записи решений по каждому вопросу с упоминанием того, кто, когда и что именно должен сделать»³³.

Вспоминая о первых днях работы Совнаркома, этот же факт подтверждает и А. М. Коллонтай. Она пишет, что когда вскоре после одного из заседаний Совнаркома ей пришлось вернуться в кабинет Владимира Ильича, то она увидела, что Ленин «вместе с Горбуновым правил протокол (Ленин всегда так делал: этой исключительной тщательности и точности в работе мы учились у него повседневно)»³⁴.

Тот факт, что Ленин учил и выучил своих секретарей вести протоколы заседаний Совнаркома, не подлежит сомнению, особенно если речь идет о первых месяцах работы Советского правительства. Бесспорно также, что, подписывая протоколы (с марта 1918 г.), Владимир Ильич нередко своей рукой вносил в них необходимые исправления и уточнения. Отдельные примеры такой ленинской правки протоколов сейчас документально установлены в 5-м томе биографической хроники В. И. Ленина за период с ноября 1917 по июль 1918 г. Кроме уже отмеченного участия В. И. Ленина в оформлении первого протокола СНК от 3 ноября 1917 г., в биохронике упоминается и ленинская правка протокола СНК от 19 марта 1918 г. (протокол № 78), написанного Е. К. Кокшаровой. Подписывая этот протокол 20 марта, В. И. Ленин внес исправления по п. 2 повестки дня — об организации Комиссариата социального обеспечения³⁵.

24 марта 1918 г. В. И. Ленин читал протокол № 80 заседания СНК от 23 марта. В списке присутствующих он исправил неверно написанную фамилию А. Ротштейна и в п. 5 повестки дня — фамилию Д. В. Кузюкова, а также внес уточнения в постановление по п. 8 повестки дня о постройке узкоколейных железных дорог для обеспечения Москвы хлебом и подписал протокол³⁶. Правка В. И. Ленина отмечена и в протоколе № 106 от 30 апреля 1918 г.³⁷

лись расшифрованные записи выступлений К. Х. Данишевского, П. А. Богданова, В. В. Фомина, А. М. Аникста, А. Д. Цюрупы, а также доклад В. А. Аванесова по этому вопросу (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 299, лл. 167—171); 2) в «Ленинском сборнике», XXXVIII (с. 426—429) впервые опубликована стенограмма заседания Совнаркома от 21 ноября 1922 г. под председательством В. И. Ленина — тоже только по одному вопросу — «О Главном концессионном комитете». Эта стенограмма ярко иллюстрирует характер прений и выступлений на заседании СНК.

³³ Покровский А. С. Протоколы заседаний СНК РСФСР как исторический источник («Период Смольного»), с. 197.

³⁴ О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 гг. М., 1963, с. 220.

³⁵ В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 326.

³⁶ Там же, с. 334.

³⁷ Там же, с. 427. Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что в т. 6 биографии (июль 1918 — март 1919 г.) о правке Лениным протоколов СНК больше ни разу не упоминается, хотя подписание Председателем СНК каждого протокола

Во время заседаний Совнаркома В. И. Ленин нередко и действительно «чаще других», как вспоминает Л. А. Фотиева, *диктовал* секретарю формулировки принимаемых постановлений. Но, как известно, многие решения СНК, а особенно важнейшие законодательные акты и декреты, не диктовались, а писались В. И. Лениным полностью или частично.

Попытка ориентировочного подсчета опубликованных декретов и постановлений СНК, СО и СТО, написанных В. И. Лениным или с его поправками и дополнениями, дает хотя и далеко не полную, но наглядную картину огромной работы Председателя СНК и в этой области (табл. 2).

Т а б л и ц а 2*

Количество декретов и постановлений СНК, СО и СТО, написанных В. И. Лениным или с его поправками

Год	Совнарком**		Совет обороны. (с декабря 1918 г.)		Совет Труда и Обор. роны (с апреля 1920 г.)		Всего
	написаны Лениным	с поправ- ками Ленина	написаны Лениным	с поправ- ками Ленина	написаны Лениным	с поправ- ками Ленина	
1917 (ноябрь— декабрь)	41	19	—	—	—	—	60
1918	77	117	6	4	—	—	204
1919	23	62	8	80	—	—	173
1920	13	72	4	28	2	50	169
1921***	10	27	—	—	7	26	70
И т о г о	164	297	18	112	9	76	676

* Эта таблица была уже опубликована автором («История СССР», 1973, № 4, с. 71), но сейчас в нее внесены значительные дополнения и уточнения в связи с выходом в свет последующих томов «Декретов Советской власти» (т. VI и VIII), а также специальной библиографии «Ленинские декреты (1917—1922)» (М., 1974), в которой содержатся подробные сведения об участии В. И. Ленина в подготовке законодательных актов.

** В число документов СНК включены постановления ВЦИК и СНК, а также важнейшие постановления съездов Советов, написанные В. И. Лениным или с его поправками.

*** 1922 г. не включен в таблицу, поскольку (в связи с болезнью) В. И. Ленин не председательствовал до октября 1922 г. на заседаниях СНК и не участвовал непосредственно в подготовке законодательных актов. Однако до мая 1922 г. им был написан важнейший документ «Постановление о работе заводов» (11 апреля 1922 г.) и сделаны замечания при подготовке гражданского, уголовного, земельного кодексов, кодекса законов о труде, а также Положения о прокурорском надзоре и др.

Таким образом, из общего числа более чем 3 тыс. ленинских декретов, принятых СНК, СО и СТО за период 1917—1922 гг. и подписанных В. И. Лениным, свыше 680 (если учесть и 1922 г.), т. е. примерно $\frac{1}{3}$, приходится на декреты и постановления, либо написанные им лично, либо с его дополнениями и правкой. К этому следует добавить, что невозможно, конечно, подсчитать и учесть десятки, если не сотни, постановлений, продиктованных Владимиром Ильичем в ходе самих заседаний.

Протокольный фонд Совнаркома, включая и приложения к протоколам, необычайно полно раскрывает законодательную деятельность Советского правительства, историю подготовки и принятия основных декретов и постановлений, а также выдающуюся роль В. И. Ленина и его руководство всей этой огромной и важной работой.

Поскольку в протоколах, по указанию Ленина, обязательно фиксировалась фамилия докладчика по каждому вопросу повестки дня, то

Совнаркома, МСНК и СО, как правило, специально отмечено. Можно предположить, что это объясняется не изменением принципа отбора фактов в т. 6 биографии по сравнению с т. 5, а скорее всего тем, что ленинская правка протоколов проводилась только в первые месяцы Советской власти, когда опыта оформления протоколов еще не было, а в дальнейшем необходимость в этом отпала.

можно восстановить участие в работе всех членов СНК, а в частности все доклады и сообщения, сделанные лично Председателем Совнаркома ³⁸.

Однако оценить в полной мере значение изучаемого источника, учитывая при этом законичность и краткость самого протокола, можно лишь при условии рассмотрения всего комплекса документов, и прежде всего приложений к протоколу, которые являются его органической составной частью, имеются в каждом протоколе БСНК, МСНК, СО и СТО и соответственно в каждой единице хранения ЦПА ИМЛ (ф. 19) за 1917—1922 гг.

Приложения к протоколам Совнаркома, их происхождение и значение

Приложения к протоколам появились, как уже упоминалось, начиная со второго заседания СНК 15 ноября 1917 г. Первоначально они были очень невелики по объему и содержали только проекты декретов и постановлений, обсуждавшихся и принятых на заседаниях СНК. В дальнейшем приложения все больше расширяются, включая ценнейшие материалы по повестке дня — доклады и докладные записки ведомств, материалы с мест и переписку, протоколы заседаний комиссий, созданных решением СНК по отдельным вопросам, и т. д.

Располагались приложения в строгом соответствии с повесткой дня, к каждому пункту протокола заседания в отдельности. Об объеме приложений можно судить по примерному листажу каждого протокола и каждой единицы хранения в ЦПА ИМЛ (ф. 19). Поскольку сам протокол был весьма краток и при любом, даже самом большом количестве вопросов на повестке, не превышал обычно 10 страниц, то все остальные листы дела содержали приложения к протоколам. Если в ноябре и декабре 1917 г. объем протоколов СНК с приложениями составлял в среднем от 5 до 50 листов (для каждого заседания), то в 1918 г. он повысился от 50 до 100 листов, в 1919—1920 гг. достигал свыше 50—100 листов, а в 1921—1922 гг. — более 150—200 листов, а отдельные дела с протоколами СТО за 1922 г. нередко превышают 300—400 листов. Такой огромный рост листажу происходил исключительно за счет роста приложений к протоколам, которые становились все полнее, разнообразнее по содержанию, охватывали историю подготовки и обсуждения, фиксировали различные точки зрения, процесс их согласования и принятия соответствующего постановления. Приложения, таким образом, органически связаны с протоколом, и без их изучения нельзя исследовать и понять по существу скупые строки самой протокольной записи.

При таком большом объеме приложений закономерна попытка известной их классификации по характеру, содержанию и происхождению и условное их разделение на три основные группы:

Первая группа — декреты и постановления, проходившие через СНК, СО и СТО ³⁹. Как правило, в приложениях к протоколам сохранились черновики и варианты декретов (нередко с правкой) и окончательные тексты, утвержденные СНК и подписанные В. И. Лениным. Эта часть приложений позволяет сопоставить первоначальную формулировку постановления в протоколе с отредактированным и уточненным вариантом, вплоть до утвержденного и опубликованного текста.

К этой же группе документов примыкают все постановления о назначениях, перемещениях и увольнениях, входящие в номенклатуру СНК, СО и СТО, а также утвержденные СНК персональные мандаты лицам, командируемым на места и на фронт.

³⁸ См. по этому вопросу уже упомянутую выше статью автора данной работы «О докладах В. И. Ленина в Совнаркоме, Совете Обороны и Совете Труда и Обороне (1917—1922 гг.)». — «История СССР», 1973, № 4.

³⁹ Приложения к протоколам МСНК не рассматриваются, поскольку МСНК не имел законодательных функций и все его протоколы утверждались БСНК.

Вторая группа — переписка членов СНК, СО и СТО на самих заседаниях, во время и в связи с обсуждением того или иного вопроса. Обмен записками по ходу обсуждения широко практиковался В. И. Лениным, и в приложениях к протоколам сохранилось множество записок самого Владимира Ильича (подлинники в ф. 2), адресованных разным лицам, а также ответов на записки. Здесь сохранились и автографы Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, А. Д. Цюрупы, Н. П. Брюханова, В. П. Милютина, С. П. Середы, М. К. Владимирова, А. Г. Шляпникова и многих других. Эти записки написаны на клочках бумаги, ныне пожелтевших⁴⁰. Они подшиты к делу по соответствующему пункту повестки дня. Эта группа документов ярко раскрывает взаимоотношения Председателя СНК с его членами и содержит нередко очень ценные сведения.

Наконец, третья группа, составляющая основную часть приложений, — это материалы наркоматов и ведомств, доклады и докладные записки по разным вопросам, отчетные данные, ответы на запросы центральных и местных учреждений по всем экономическим, оборонным, политическим вопросам, а также по советскому и культурному строительству, обсуждавшимся на заседаниях СНК.

Дать сколько-нибудь полную и исчерпывающую характеристику документов и материалов, составляющих приложения к протоколам, не только очень трудно, но и практически невозможно. Поэтому ограничимся (особенно по третьей группе документов) отдельными примерами и выводами.

Если начать с той группы материалов, в которых отражена законодательная деятельность Советского правительства, то можно отметить, что сейчас они уже в значительной мере опубликованы. Речь идет о восьми уже вышедших в свет томах «Декретов Советской власти». Как известно, большинство принятых СНК, СО и СТО декретов и постановлений широко публиковались в «Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», в «Известиях ВЦИК» и других изданиях (сборники декретов по отдельным вопросам). Но «Декреты Советской власти» — научно подготовленное издание, с большим справочным аппаратом. В нем приводятся и проекты декретов, всегда дается ленинская правка, а в примечаниях комментируется процесс обсуждения и принятия. Кроме того, во втором разделе каждого тома «Декретов Советской власти» (т. I—VIII) опубликовано около 700 документов с пометкой «Печатается впервые». В приложениях даны не опубликованные постановления об ассигнованиях (около 800 постановлений) и о назначениях и увольнениях (часть также ранее не публиковалась) — их свыше 200 документов. Всего, следовательно, по периоду с октября 1917 г. по май 1920 г. в «Декретах Советской власти» опубликовано дополнительно свыше 1700 новых документов, взятых непосредственно из первоисточника — протокольного фонда СНК, СО и СТО. Выход в свет последующих томов «Декретов Советской власти» существенно расширит опубликование этой части приложений к протоколам, хотя для дальнейшей исследовательской работы сам архивный источник, конечно, полностью сохранит свое значение.

Что касается переписки В. И. Ленина с членами СНК, СО и СТО, представителями коллегий наркоматов и ведомств, присутствовавшими на заседаниях Советского правительства, то происхождение этой группы документов и ее включение в приложения к протоколам объяснялось тем, что эта переписка непосредственно связана с повестками заседаний, составляя их органическую часть.

Требую всегда строжайшей дисциплины и полной тишины на заседаниях, не терпя и категорически запрещая всякие разговоры, Ленин

⁴⁰ Можно предполагать, что многие такие записки были просто утеряны или не сохранены, а некоторые ленинские записки нередко оставались в руках тех, кому адресованы, и только в последующие годы иногда сдавались в архив Института В. И. Ленина.

вместе с тем допускал и даже считал правомерным и целесообразным обмен записками во время обсуждения того или иного вопроса. Сохранилось несколько четких и прямых ленинских указаний по этому поводу. Одно из первых таких указаний датировано, правда в довольно широких хронологических рамках, «не ранее марта 1918—не позднее сентября 1919 г.» Речь идет о записке, адресованной секретарю СНК Л. А. Фотиевой, в которой В. И. Ленин писал: «. . . 1) Возьмите подпisku со всех секретарей, что во время заседаний СНК только записки подавать, а разговаривать запрещено. 2) Повесьте такое же объявление в секретарской»⁴¹.

Этот совет Ленин повторял часто, иногда в полушутливой, но ясной форме, как это было сделано в записке Л. А. Фотиевой 3 июня 1918 г. на заседании Совнаркома: «Если Вы и Горбунов будете болтать на заседании, я вас поставлю в угол обоих»⁴². 16 июля 1918 г. В. И. Ленин в записке опять делает следующее замечание Н. П. Горбунову: «Во время заседания не разговаривать, а только записками обмениваться»⁴³.

На протяжении всего периода 1917—1922 гг. Ленин сам широко пользовался установленной им практикой обмена записками во время заседаний. Очень любопытна с этой точки зрения его записка секретарям, посланная в октябре 1922 г., вскоре после того, как 3 октября 1922 г. он вернулся к работе после болезни и длительного отпуска. «Вы, кажись, интригуете против меня? Где ответы на мои записки»⁴⁴. Объясняя смысл этих ленинских слов, Л. А. Фотиева писала: «Свою привычку обмениваться записками во время заседания Владимир Ильич сохранил и после болезни. Узнав от врачей, что такое занятие одновременно несколькими делами утомляет во много раз больше, чем нормальная работа, мы однажды попытались воспрепятствовать ему в этом, сговорившись с товарищами, что ответы на записки Владимира Ильича они будут передавать не ему лично, а секретарю, который отдаст их Владимиру Ильичу после заседания. Не получив ответов, Владимир Ильич написал мне эту записку»⁴⁵.

В протоколах Совнаркома, СО и СТО, в приложениях к ним сохранилась довольно значительная переписка В. И. Ленина с наркомками и другими лицами, которая в своей преобладающей части уже опубликована в Полном собрании его сочинений (т. 50—54) и в отдельных «Ленинских сборниках»⁴⁶.

Наиболее полное представление о переписке В. И. Ленина на заседаниях СНК за период с октября 1917 по март 1919 г. дают 5-й и 6-й тома биографической хроники, где подробно описано каждое заседание Совнаркома, включая и те записки, которые писались на заседаниях и сохранились в составе протоколов.

В период с апреля 1918⁴⁷ и по март 1919 г. в биохронике отмечен обмен

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 54. Уточненная датировка этой записки — «не ранее 25 марта 1918 г.—не позднее сентября 1919 г.» — дана в биохронике (т. 5, с. 339).

⁴² «Ленинский сборник», XXXVII, с. 86; В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 512.

⁴³ «Ленинский сборник», XXI, с. 278; В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 641; см. также: «Ленинский сборник», XXIV, с. 302.

⁴⁴ «Ленинский сборник», XXXV, с. 356.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Трудность точного учета опубликованных документов именно этой формы ленинской переписки заключается в том, что далеко не всегда в Полном собрании сочинений указано, что записка написана на заседании Совнаркома. Как правило, это отмечалось в «Ленинских сборниках» (XVIII, XX, XXI, XXIV, XXXVII и XXXVIII). Исключением являются «Ленинские сборники» XXXIV и XXXV, где справочный аппарат очень невелик.

⁴⁷ В ноябре-декабре 1917 г. и в первые месяцы 1918 г. в приложениях к протоколам СНК почти еще не встречаются записки В. И. Ленина и ответы ему. Возможно, такая практика сложилась не сразу, а может быть, многие записки были утеряны и не включались в протокол. В протокольном фонде СНК сохранились только записка В. И. Ленина М. С. Урицкому от 27 ноября 1917 г. (В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 89), автограф записки Ф. Э. Дзержинского от 7 (20) января 1918 г. и обмен записками В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского 9 (22) января 1918 г. («Ленинский сборник», XXXVII, с. 65).

записками В. И. Ленина с членами СНК почти на каждом заседании. Особенно большой была в это время переписка с наркомами А. Д. Цюрупой, Г. В. Чичериным, И. Э. Гуковским, А. В. Луначарским, В. И. Невским, а также с работниками аппарата СНК — В. Д. Бонч-Бруевичем, Н. П. Горбуновым, Л. А. Фотиевой. Ленинские записки (иногда нескольким лицам на одном заседании) адресовались и многим другим наркомам: Ф. Э. Дзержинскому, М. Т. Елизарову, Н. Н. Крестинскому, Д. И. Курскому, К. И. Ландеру, В. Н. Подбельскому, Н. А. Семашко, С. П. Середе, И. В. Сталину, А. Г. Шляпникову, а также заместителям наркомов и членам коллегий наркоматов: Н. П. Брюханову, Д. П. Боголепову, М. К. Владирирову, Л. М. Карахану, Н. В. Крыленко, В. П. Ногину, В. П. Милютину, С. С. Пестковскому, Н. И. Подвойскому, М. Н. Покровскому, А. Г. Правдину, И. И. Радченко, Я. Э. Рудзутаку, А. И. Свицерскому, В. Я. Чубарю, О. Ю. Шмидту и др.

Выход в свет последующих томов биографии В. И. Ленина даст несомненно возможность восстановить более полную и цельную картину переписки Ленина на заседаниях Совнаркома за весь период 1917—1922 г.⁴⁸

Ленинские записки и ответы на них были большей частью очень краткими и связаны с подготовкой или прохождением отдельных вопросов на заседаниях СНК. Нередко Ленин запрашивал ту или иную справку, требовал проведения ускоренных мер, проверял исполнение, часто проявлял внимание к товарищам по работе. Характерна, например, записка В. И. Ленина А. Д. Цюрупе на заседании СНК в ночь с 20 на 21 июня 1918 г., написанная в 3 часа ночи, которая гласила: «Смотрю я на Вас и жалею Вас: надо бы Вам заменить себя Свицерским и отдохнуть (в случае крайности он бы Вас вызвал)»⁴⁹.

Такую же заботу В. И. Ленин проявлял не только по отношению к своим ближайшим соратникам, но и к работникам, с которыми знакомился на заседаниях Совнаркома. Так, 4 июня 1920 г. на заседании СТО произошел следующий обмен записками между В. И. Лениным и руководящим работником Комитета государственных сооружений К. А. Алферовым об инженерере Тахтамышеве, присутствующем на этом заседании: «т. Алферов! У Вас служит Тахтамышев? *Плохо кормите его?* Отчего он так худ и бледен?» Получив ответ, Ленин посоветовал обязательно добиться для Тахтамышева увеличения пайка⁵⁰.

Иногда Председатель Совнаркома запрашивал у своих секретарей и такие справки: «Как его фамилия? Его стаж? Кто сидит рядом с Альским?»⁵¹ и получал соответствующие ответы.

Переписка на заседаниях СНК составляла, конечно, только небольшую часть всей огромной государственной переписки В. И. Ленина. Значительная часть этих приложений в настоящее время опубликована, но материал дан разрозненно, без прямой связи с теми вопросами повестки дня, к которым переписка имела отношение. Хранясь в протоколах СНК, СО и СТО, эта часть приложений дает очень важный по значению материал для анализа государственной деятельности В. И. Ленина, методов его руководства, а также для понимания роли отдельных членов Совнар-

⁴⁸ Следует отметить дополнительно, что большое количество записок В. И. Ленина и ответов ему за 1918 г. опубликовано в «Ленинских сборниках», XVIII, XXI, XXXVII и XXXVIII; за 1919—1920 гг. — в «Ленинском сборнике», XXIV; за 1921 г. — в «Ленинских сборниках», XX и XXIII, а также в XXXVII и XXXVIII. К числу лиц, которым были направлены записки В. И. Ленина, кроме уже названных, можно добавить также Л. Б. Красина, Г. И. Петровского, К. А. Алферова, Я. С. Ганецкого, Г. М. Крижановского, А. К. Пайкеса, П. И. Попова, В. В. Воронского, М. Ю. Козловского, Е. А. Преображенского, М. П. Павловича и др.

⁴⁹ В. И. Ленин. Биография, т. 5, с. 559.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 209.

⁵¹ «Ленинский сборник», XXIII, с. 307. Записка написана, очевидно, на заседании СТО 4 ноября 1921 г.

кома в общей работе Советского правительства, во многом дополняет протокольные записи.

Проиллюстрируем на отдельных примерах значение третьей группы приложений, самой большой по объему и чрезвычайно ценной по содержанию.

В протоколах СНК за 1918 г. содержится значительное количество материалов, связанных с законодательной деятельностью Советского правительства. Речь идет в данном случае не о проектах декретов и постановлений, которые отнесены нами в первую группу, а именно о материалах, представленных ведомствами в процессе их подготовки и рассмотрения.

Когда 23 марта 1918 г. на заседании СНК был заслушан доклад М. Т. Елизарова «Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования» и в этот же день принят соответствующий декрет с поправками В. И. Ленина⁵², к протоколу был приложен большой материал, в частности докладная записка по этому вопросу и документы комиссии, созданной СНК 9 марта для подготовки декрета⁵³.

25 марта 1918 г. в СНК обсуждался вопрос «О товарообмене с деревней для притока хлебных грузов», имевший большое значение в свете выработки основ экономической политики, намеченной В. И. Лениным весной 1918 г. Проект декрета был представлен коллегией Наркомпрода вместе с докладными записками за подписью А. Д. Цюрупы: «Об ассигновании необходимых средств для товарообмена в деревне», справка «О стоимости товаров, предположенных к обмену на хлеб в течение первых трех месяцев» и «Справки о денежной потребности на готовые сельскохозяйственные машины, орудия и металлы для сельского хозяйства на один месяц»⁵⁴.

Длительное обсуждение предшествовало подготовке и принятию декрета ВЦИК и СНК «О потребительских кооперативных организациях» от 11 апреля 1918 г.⁵⁵ В протоколах СНК от 9 и 10 апреля сохранились документы, связанные с историей этого декрета (проект ВСНХ, материалы о переговорах с буржуазными кооператорами, проекты декретов о кооперативных организациях и т. д.)⁵⁶.

Очень ценный фактический материал о положении казачьих войск и организации Советской власти на казачьих территориях находится в протоколе заседания СНК от 31 мая 1918 г., где был заслушан доклад комиссии по казачьему вопросу, созданной решением СНК 23 мая, и утвержден декрет «Об организации управления казачьими областями»⁵⁷.

Следует отметить также значение отдельных документов, сохранившихся в приложениях, в связи с обсуждением «Положения о Социалистической Академии общественных наук» на заседании СНК 15 июня 1918 г.⁵⁸,

⁵² ДСВ, т. II, с. 5—11.

⁵³ ДСВ, т. I, с. 576—577.

⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 81, лл. 11—23. Декрет СНК от 25 марта 1918 г. «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок»; ДСВ, т. II, с. 23—24.

⁵⁵ ДСВ, т. II, с. 77—93.

⁵⁶ Некоторые из этих материалов опубликованы в «Ленинском сборнике», XVIII, с. 260—272. Тезисы В. И. Ленина и ленинские поправки к декрету см.: ДСВ, т. II, с. 77—81. Напомним в этой же связи, что в процессе подготовки и обсуждения последующих декретов Советского правительства о кооперации (Декрет СНК «О потребительских коммунах» от 16 марта 1919 г. — ДСВ, т. IV, с. 491—508 и декрет «Об объединении всех видов кооперативных организаций» от 29 января 1920 г. — ДСВ, т. VII, с. 146—149) в протоколах СНК отложились ценные материалы по этим вопросам. В частности, несомненный интерес представляет протокол совещания по вопросам кооперации от 26 января 1920 г., на котором присутствовали В. И. Ленин, А. Д. Цюрупа, Н. П. Брюханов, А. И. Свидерский, А. Г. Шлихтер, Ф. Э. Дзержинский, И. В. Сталин, Н. Н. Крестинский, В. В. Шмидт, В. П. Милоutin и др., приложенный к протоколу заседания СНК от 29 января 1920 г., на котором был принят декрет «Об объединении всех видов кооперативных организаций».

⁵⁷ ДСВ, т. II, с. 375—379.

⁵⁸ К протоколу заседания СНК от 15 июня 1918 г. приложены, в частности, протокол объединенного заседания Государственной комиссии по просвещению и между-

утверждением декрета о создании Наркомздрава от 11 июля 1918 г. (докладные записки, особые мнения, различные точки зрения и т. д.), первой росписи государственных доходов и расходов Российской республики на январь—июнь 1918 г. (утвержденной СНК 11 июля 1918 г.)⁵⁹, «Положения о государственной статистике», принятого СНК 25 июля 1918 г.⁶⁰, и т. д.

В приложениях к протоколам хранится и важнейший информационный материал по вопросам промышленности, сельского хозяйства, транспорта, первым строительным планам республики и т. д. Приведем только отдельные примеры.

10 мая, а затем 14 мая 1918 г. СНК обсуждал смету Комитета государственных сооружений о новых работах на водных путях, в частности, в Саратове, Нижнем Новгороде, Рыбинске, о шлюзовании по рекам Туре, Тоболу и Томи для создания углевозного пути, а также о работах по строительству Волго-Донского канала. Доклад по последнему вопросу на заседании СНК 14 мая делал инженер А. С. Аксамитный, а к протоколу приложен его подробный письменный доклад с планами и схемами Волго-Донского водного пути и подробно разработанной сметой строительства⁶¹. В. И. Ленин на заседании СНК выступал по этому вопросу, отстаивая необходимость отпуска средств на подготовительные работы по этой стройке⁶². Постановлением СНК от 14 мая из 14 млн. руб., ассигнованных на все строительные работы по водным путям, 6,5 млн. руб. было выделено специально для Волго-Дона⁶³.

Строительство Волго-Донского канала было осуществлено и закончено много лет спустя, в первые послевоенные годы (постановление Совета Министров СССР «Об открытии Волго-Донского судоходного канала» было опубликовано 10 июля 1952 г.). Знаменателен сам факт постановки и обсуждения этого вопроса в СНК уже в первые месяцы пролетарской диктатуры⁶⁴.

ведомственного совещания от 14 мая и запись выступлений по этому вопросу Н. К. Крупской, М. Н. Покровского и прений (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 140, лл. 19—27. Положение ВЦИК и СНК о Социалистической Академии общественных наук. — ДСВ, т. II, с. 468—480).

⁵⁹ ДСВ, т. III, с. 5—6. В приложениях к протоколу СНК от 11 июля 1918 г. содержатся все материалы к смете, докладная записка Наркомфина и сама роспись доходов и расходов на первую половину 1918 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 154, лл. 35—103).

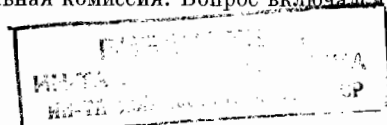
⁶⁰ ДСВ, т. III, с. 87—93. В приложениях к протоколу СНК от 25 июля сохранились следующие документы по этому вопросу: справка об организации государственной статистики в западноевропейских государствах (Англии, Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Италии и Франции), выработанный Всероссийским съездом статистиков, постановления съезда статистиков от 8—16 июня 1918 г., список избранных съездом 16 июня членов Совета по делам статистики и управляющего Центрального статистического бюро П. И. Попова; протокол заседаний Статистической комиссии под председательством В. П. Милютина, доклад П. И. Попова «Организация государственной статистики на Всероссийском съезде статистиков» (типографский текст), проект положения о государственной статистике и другие материалы (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 8—76).

⁶¹ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 115. Докладная записка по Волго-Донскому каналу (там же, лл. 32—42, смета строительства — лл. 98—104).

⁶² В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 454.

⁶³ См. постановления СНК от 14 и 24 мая 1918 г. (ДСВ, т. II, с. 594, 306—307). Известно, что планы, намеченные по Волго-Дону, начали реализовываться уже летом 1918 г., и в Царицыне приступила к работе специальная изыскательная партия. В связи с наступлением белоказахских войск Краснова на Царицын осенью 1918 г. инженеры и специалисты-изыскатели были мобилизованы на военные работы. В ответ на просьбу специалистов отменить этот приказ они получили следующую резолюцию, подписанную членами Военревсовета Царицынского фронта И. В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым: «Канал пророем после утопления белогвардейцев в Волге и Дону».

⁶⁴ Можно напомнить и другой факт. 14 ноября 1918 г. в СНК обсуждался вопрос о застройке под Москвой пригорода-сада «Приволье» (доклад М. Т. Елизарова) и была создана для этой цели специальная комиссия. Вопрос включался в повестку

Чрезвычайно ценные сведения содержались в приложениях к протоколам о состоянии и задачах развития отдельных отраслей промышленности — химической, горнометаллургической⁶⁵, резиновой⁶⁶, текстильной⁶⁷, сельскохозяйственного машиностроения⁶⁸ и др.

Несомненный интерес представляет доклад Н. П. Брюханова и Л. И. Рузера о деятельности комитетов бедноты в связи с постановкой в СНК 15 октября 1918 г. вопроса об ассигновании Наркомпроду средств на содержание комитетов бедноты⁶⁹, а также отчет о деятельности продовольственно-реквизиционной армии за июнь-октябрь 1918 г., адресованный В. И. Ленину и приложенный к протоколу СНК от 14 ноября 1918 г.

Таковы отдельные примеры содержания и значимости приложений к протоколам СНК за 1918 г.⁷⁰ С декабря 1918 г. начал свою деятельность Совет Обороны под председательством В. И. Ленина, значительно разгрузивший повестку дня СНК от ряда важнейших оборонных, продовольственных и других вопросов. Приложения к протоколам СНК нельзя уже рассматривать в отрыве от приложений к протоколам Совета

СНК еще несколько раз, но в начале 1919 г. было принято решение снять его с обсуждения, ибо осуществление этого плана улучшения быта трудящихся столицы и разгрузки Москвы не являлось в те годы реальным. Но к протоколу СНК от 14 ноября был приложен большой материал по этому вопросу — планы, схемы пригорода-сада, доклад инженеров В. В. Воейкова и В. С. Дубовского (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 221, лл. 68—109) и заключения по докладу Наркомздрава, Комгосора и других учреждений (там же, лл. 110—131).

⁶⁵ 22 июня и 1 июля 1918 г. на заседании СНК стоял вопрос о Севгилеевском цементном заводе. К протоколу были приложены большие материалы: предложения отдела химической промышленности ВСНХ о развитии Уральской горнометаллургической промышленности за счет Кузнецкого бассейна (производство кокса), а также записка профессора А. С. Маковецкого о химической промышленности в России (типографский текст), с которой ознакомился В. И. Ленин (В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 565).

⁶⁶ 1 и 16 июля 1918 г. СНК заслушал доклад о резиновой промышленности, доклад комиссии по обследованию Центрорезины. В протоколах СНК сохранились, в частности, материалы «О работе предприятий общества «Богатырь» и т. д. С этими материалами предварительно ознакомился В. И. Ленин (В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 593).

⁶⁷ 16 июля 1918 г. в связи с докладом В. И. Ленина «О способах национализации всех имеющихся в РСФСР тканей» (в целях организации товарообмена) в протоколе СНК сохранились материалы и докладные записки комиссии, содержащие данные о запасах тканей и их производстве, наличии готовых изделий, материалы закупочного бюро при Центротекстиле и т. д.

⁶⁸ 20 июня 1918 г. в повестке СНК стоял вопрос о финансировании сельскохозяйственного машиностроения. К протоколу были приложены следующие материалы: объяснительная записка к смете Президиума ВСНХ, фактические сведения о количестве заводов сельскохозяйственного машиностроения, внутреннем производстве и ввозе в 1914—1917 гг., потребности в сельхозмашинах, акты обследования и т. д. (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 143, лл. 33—74). Несколько месяцев спустя, в сентябре 1918 г., СНК заслушал доклад специальной следственной комиссии, созданной по делу о работе отдела снабжения сельскохозяйственными орудиями при Наркомпроду, в связи с чем в СНК был представлен очень большой материал комиссии — не только протоколы комиссии, но и данные о снабжении сельского хозяйства машинами и орудиями (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 198, лл. 38—273).

⁶⁹ См.: «Ленинский сборник», XVIII, с. 156—157; ДСВ, т. III, с. 593—594.

⁷⁰ Здесь совсем не рассмотрены приложения к протоколам МСНК, который с января 1918 г. также заседал почти ежедневно (178 заседаний в 1918 г.), а всего за 1918—1922 гг. состоялось 973 заседания и сохранилось столько же протоколов МСНК с очень большими приложениями к ним. Многие материалы МСНК дублировались в протоколах БСНК, поскольку всегда направлялись на его утверждение. В приложениях к протоколам МСНК сохранились некоторые уникальные по значению материалы. Например, к протоколу № 53 от 10 июня 1918 г. приложены проект сметы Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук, направленной Наркомпросом в МСНК, за подписью академика Н. С. Курнакова и другие материалы Академии наук, в частности, об учреждении Института физико-химического анализа, Института по изучению платины и т. д. (ЦПАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 943, лл. 19—58). Изучение материалов МСНК может стать задачей самостоятельного исследования.

Обороны, а затем СТО. Основные вопросы повестки дня СНК и СО особенно резко не различались, хотя компетенция Совета Обороны имела и некоторые особенности ⁷¹.

Естественно, что в годы гражданской войны в центре внимания как Совнаркома, так и Совета Обороны стояли вопросы мобилизации и организации всех сил страны для достижения военной победы.

Важнейшее значение имел, например, доклад В. И. Ленина в СО 21 апреля 1919 г. «Об усилении работы в области военной обороны». Согласно принятому по этому докладу постановлению ⁷², все органы Советской власти сверху донизу (от центральных до местных низовых, вплоть до волисполкомов) обязывались систематически представлять сведения в СО о принятых ими мерах «в области военной обороны и содействия Красной Армии». Все отчетные материалы как наркоматов, так и губисполкомов (преимущественно центральных губерний), а также отчеты отдельных волисполкомов за май—декабрь 1919 г., адресованные непосредственно в Совет Обороны на имя В. И. Ленина, были собраны и приложены к протоколу СО от 21 апреля 1919 г. Этот огромный материал ⁷³ представляет большую ценность и в полной мере еще не использован исследователями ⁷⁴.

Примерно год спустя (30 апреля 1920 г.) Совет Труда и Обороны по указанию В. И. Ленина обсуждал вопрос «О предоставлении всеми наркоматами еженедельно к пленарным заседаниям СТО кратких письменных отчетов о предпринятых мерах в отношении содействия Западному фронту» ⁷⁵, и в протоколе сохранились многие из этих отчетных материалов ⁷⁶.

Совет Обороны принимал множество конкретных решений по вопросам обеспечения Красной Армии оружием, боеприпасами, обмундированием, улучшения работы оборонной промышленности, формирования новых частей армии, снабжения ее продовольствием, фуражом и т. д. По некоторым из этих вопросов с докладами в Совете Обороны выступал лично В. И. Ленин: «О замках для пушек» (26 июня 1919 г.), «О мерах борьбы с контрреволюционными элементами в армии» (11 июля 1919 г.), «О продовольственной армии» (23 июля 1919 г.), «О снабжении рабочей силой патронных заводов» (1 августа 1919 г.), «О катастрофическом положении транспорта» (2 февраля 1920 г.) ⁷⁷, «О постройке узкоколейных лесовозных железнодорожных линий» (14 мая 1920 г.), «О радиосвязи в Красной Армии» (3 сентября 1920 г.) и др.

В приложениях к протоколам СО и СТО сохранились материалы по всем перечисленным вопросам (многие из них опубликованы), а также доклады и докладные записки ВСНХ (П. А. Богданова) в СО о работе Совета военной промышленности по усилению производства военного снаряжения (21 мая 1920 г.), «О поднятии производительности Главкоавиа» для усиления боевой авиации с данными о работающих авиационных заводах (11 и 16 июня 1920 г.), о милитаризации предприятий — со списками милитаризованных заводов (7 июля 1920 г.), о степени изношенности оборудования патронных заводов (14 июня 1920 г.), о мерах по поднятию электротехнической промышленности (1 октября 1920 г.) и т. д.

⁷¹ С лета 1919 г., а затем в 1920 г. на заседаниях Совета Обороны очень часто рассматривались ходатайства ведомств и учреждений об отсрочках по призыву в армию, и поэтому в приложениях к протоколам СО находился довольно большой материал по этим вопросам — списки людей и их персональные характеристики, мотивировка отсрочек и т. д.

⁷² ДСВ, т. V, с. 86.

⁷³ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 30, лл. 68—426.

⁷⁴ Некоторые сведения об этих материалах см. также: Генкина Э. Б. О докладах В. И. Ленина в Совнарком, СО и СТО (1917—1922 гг.). — *История СССР*, 1973, № 4, с. 78—79.

⁷⁵ «Ленинский сборник», XXXIV, с. 293, 294.

⁷⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 116, лл. 57—114.

⁷⁷ «Ленинский сборник», XXXIV, с. 186, 198, 202; XXIV, с. 62—67.

Начиная уже с 1920 г. в протоколах СНК и СТО все более широким становится круг материалов, связанных с перспективами и задачами восстановления народного хозяйства страны, первыми шагами реализации плана ГОЭЛРО (Каширская, Шатурская, Волховская, Иваново-Вознесенская ГЭС), восстановления Донбасса, организации работ Гидроторфа и др.

11 августа 1920 г. на заседании СТО стоял вопрос «О признании срочными работ по глубокому бурению Курской магнитной аномалии»⁷⁸, 30 октября и 11 декабря 1920 г. СНК обсуждал доклады о применении гидравлического способа торфодобычания и о ходе работ Гидроторфа⁷⁹. По инициативе В. И. Ленина⁸⁰ СНК 2 ноября 1920 г. принял по докладу С. П. Середы декрет об объединении тракторного хозяйства, а 30 ноября к протоколу СНК была приложена справка Наркомзема о мероприятиях, принятых во исполнение этого декрета (об организации первых курсов для трактористов, выпуске курсантов, о заявках для закупки тракторов за границей в количестве 2900 штук, создании тракторных бюро в Сибири, Доно-Кавказском районе, в Иваново-Вознесенске, Владимире, Рязани и Туле)⁸¹. Одновременно все больше внимания уделяется выпуску первых комплектов электроплугов, и в протоколах СНК за 1921—1922 гг. сохранился огромный материал по этому вопросу⁸².

Приложения к протоколам СНК и СТО в первые годы мирного строительства особенно расширяются за счет сводных и обзорных документов главным образом Президиума ВСНХ, Госплана и ЦСУ. Объем этих материалов так велик, что даже простое их перечисление становится фактически невозможным. Можно назвать только отдельные, наиболее важные, на наш взгляд, документы: информационный доклад ВСНХ о ближайших перспективах промышленности (СТО — 7 июня 1922 г.) и приложения к нему, где содержится большой материал по всем отраслям промышленности⁸³, доклады Госплана о государственном снабжении потребителей и план распределения хлебных ресурсов (СТО — 31 июля 1921 г.), о плане распределения продовольственного фонда промышленности и транспорта на 1922/23 г. и списки предприятий, оставшихся на государственном снабжении (СТО — 4 октября 1922 г.), и т. д.

Положение Донбасса и угольной промышленности, нефтяной и химической, текстильной и машиностроения, электротехнической промышленности и план ГОЭЛРО — все эти и многие другие вопросы находят конкретное отражение в приложениях к протоколам СНК и СТО.

Можно выделить и отдельные проблемы, по которым в протоколах отложился наиболее полный и ценный документальный материал. В-первых, — по вопросу о концессиях уже начиная с 1918 г., а затем в 1919 г.⁸⁴ и в течение 1920—1922 гг.⁸⁵

⁷⁸ См. публикацию: «В. И. Ленин и изучение Курской магнитной аномалии». — «Исторический архив», 1961, № 2.

⁷⁹ Некоторые из этих материалов опубликованы, см.: «В. И. Ленин и создание гидравлического способа добычи торфа (1920—1922)». — «Исторический архив», 1956, № 4, с. 9—41.

⁸⁰ См.: «Ленинский сборник», XXXV, с. 164.

⁸¹ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 402, л. 28—28 об.

⁸² «В. И. Ленин и создание электроплугов (1920—1922 гг.)». — «Исторический архив», 1956, № 4, с. 3—38.

⁸³ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 322, лл. 89—109.

⁸⁴ В протоколе СНК от 4 февраля 1919 г. сохранился в приложениях большой материал по обсужденному на этом заседании вопросу о концессии на Великий северный железнодорожный путь (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 253, лл. 34—129; см. также: ДСВ, т. IV, с. 618—619 и «Ленинский сборник», XXIV, с. 53).

⁸⁵ Обзор материалов СНК о концессиях см.: *Шишкин В. А.* Протоколы СНК РСФСР 1918—1920 гг. как источник по истории советской концессионной политики. — «Исторические записки», 1971, т. 88. Статья не охватывает материалов СНК по вопросу о концессиях за 1921—1922 гг., где они ставились уже практически в плане переговоров о концессиях (нефтяные концессии, концессии в Сибири, концессии Крупна, Уркарта и т. д.).

Во-вторых, важное значение имеет комплекс документов, связанных с историей создания 24 марта 1920 г. специальной комиссии «По исследованию и учету влияния на русское народное хозяйство войны и блокады Советской России Антантой»⁸⁶. После организации комиссии вопрос о ее деятельности и составе, первых результатах работы неоднократно рассматривался на заседаниях СНК (24 августа, 7 и 30 сентября, 19 октября 1920 г.), и в приложениях сохранились некоторые материалы (докладные записки и т. д.). К концу 1921 г. вновь было принято решение о создании комиссии для разработки практических вопросов, связанных с переговорами о долгах (доклад М. М. Литвинова в СНК 1 октября 1921 г.), был утвержден ее новый состав, а 6 декабря 1921 г. заслушан доклад этой комиссии.

Начало деятельности комиссии было связано с изменением международной обстановки весной 1920 г., снятием блокады и началом переговоров с капиталистическими странами. Однако этот начальный этап деятельности комиссии до сих пор почти не изучен в советской исторической литературе, хотя протоколы СНК дают довольно ценный материал и по этому вопросу⁸⁷.

В-третьих, протоколы СНК и СТО являются источником по вопросам производственной иммиграции в Советскую страну, ярко характеризуют подлинно интернационалистическую политику нашего государства по отношению к иностранным рабочим, желающим переселиться в Советскую Россию и помочь восстановлению народного хозяйства.

Все эти вопросы нужно было решать в 1920 г., они неоднократно обсуждались Совнаркомом⁸⁸, а начиная с 1921 г. буквально не сходили с повестки дня СНК и СТО. Эти материалы широко изучены, а значительная часть их опубликована⁸⁹.

В приложениях сохранились и документы по вопросам советского, национально-государственного, культурного строительства и многим другим, но все же в меньшей степени, чем по экономическим. Преобладание вопросов хозяйственно-экономических в деятельности Советского правительства (недаром В. И. Ленин в отчетном докладе ВЦИК и СНК на VIII Всероссийском съезде Советов говорил, что эти вопросы составляли больше половины во всей работе СНК и примерно $\frac{9}{10}$ в работе Совета Труда и Оборона)⁹⁰ соответствовало самой природе и новой сущности пролетарского государства. Этот вывод был подтвержден несколько месяцев спустя на майской партконференции 1921 г. в хорошо известных всем ленинских словах: «В буржуазном строе делом занимались хозяева, а не государственные органы, а у нас хозяйственное дело — наше общее дело. Эта самая для нас интересная политика»⁹¹.

Однако эта ведущая линия в работе СНК никогда не приводила к уменьшению, а тем более к забвению или уменьшению внимания к другим важ-

⁸⁶ См.: «Ленинский сборник», XXXIV, с. 281—282.

⁸⁷ Реорганизация комиссии в конце 1921 г. и новое ее название связаны непосредственно с подготовкой к Генуэзской конференции. Работа этой комиссии в 1921—1922 гг. и в последующие годы освещена в исторической литературе, и многие ее материалы опубликованы.

⁸⁸ На заседании СНК 25 мая и 8 июня 1920 г. обсуждались вопросы о переселении рабочих из-за границы; 29 июня — о создании специального органа для более планомерного использования труда западноевропейских рабочих и техников, 20 июля — о конструировании этой комиссии, 29 июля, 10 и 17 августа — об иммиграции иностранных рабочих и т. д.

⁸⁹ Речь идет, в частности, о вопросах промышленной иммиграции, об организации производственных объединений иностранных рабочих в промышленности и в сельском хозяйстве СССР и о материалах, отложившихся в протоколах СНК и СТО по этим вопросам (организация «Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (АИК-Кузбасс), сельскохозяйственных коммун иностранных трудящихся и т. д.). См. публикации документов: «Исторический архив», 1961, № 2—4; «Дело трудящихся всего мира». М., 1957 и др.

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 141.

⁹¹ Там же, т. 43, с. 336.

нейшим сторонам деятельности Советского государства. Мы ограничимся здесь только отдельными примерами в области советского, национально-государственного и культурного строительства.

16 марта 1920 г. Совнарком заслушал доклад В. И. Ленина «Об определении границ Донецкой губернии». Поводом для ленинского выступления послужила докладная записка старого большевика В. П. Антонова-Саратовского на имя Ленина «О состоянии Донецкой губернии», в которой содержался важный фактический материал, карты, статистические данные и т. д.⁹² В. И. Ленин предложил передать этот вопрос на окончательное рассмотрение административной комиссии ВЦИК и внес предложение: «Составить план образования Донецкой губернии так, чтобы он включал всю горную промышленность и достаточное для полного обеспечения местного населения количество продовольственных уездов и волостей соседних губерний»⁹³.

При обсуждении в СНК 1 июня 1920 г. вопроса «Об организации Советской власти на Северном Кавказе» в основу была положена докладная записка С. М. Кирова⁹⁴, а в протоколе СНК от 14 сентября 1920 г. содержится большой материал по докладу о выработке основных положений государственного счетоводства и отчетности (тезисы комиссии, формы отчетности советских учреждений и т. д.).

Интересные документы сохранились и в результате рассмотрения вопросов экономического районирования РСФСР, в частности в протоколе СТО от 10 февраля 1922 г. (материалы заседаний комиссии ВЦИК по этим вопросам и др.).

Проблемы национально-государственного строительства часто стояли в повестке дня заседаний СНК, особенно в 1920 г., когда началось создание автономных республик и областей (Карельская трудовая коммуна, Туркестанская и Татарская АССР, Калмыцкая, Марийская автономные области и др.), а затем в период подготовки образования СССР в 1922 г., но в приложениях к протоколам эти материалы отложились не полностью.

Когда сейчас, спустя много лет, читаешь и изучаешь протоколы Совнаркома, невольно испытываешь чувство глубокого волнения, знакомясь, например, с постановлением СНК от 17 января 1920 г. «Об увековечении памяти А. И. Герцена» в связи с 50-летием со дня его смерти. Это постановление (в том числе и письмо СНК дочерям А. И. Герцена) в настоящее время уже полностью опубликовано⁹⁵ и каждый читатель может проследить, с какой убежденностью и последовательностью ставились Совнаркомом в те далекие и трудные годы вопросы преемственности революционных традиций и бережного сохранения культурного наследия прошлого. Это сказывалось и в реализации ленинских планов монументальной пропаганды, в заботе об охране памятников искусства и старины⁹⁶, в решениях СНК об издании «Всемирной литературы» под редакцией А. М. Горького и во многих, многих других актах Советского правительства. В про-

⁹² ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 355, лл. 47—57.

⁹³ ДСВ, т. VII, с. 586—587. В протоколе СНК от 16 марта 1920 г. было ошибочно записано «Донской» вместо «Донецкой» губернии, а потом исправлено. При публикации в «Декретах Советской власти» оставлено название «Донской» губернии, хотя ясно, что речь идет о Донецкой. Напомним также, что в дальнейшем В. И. Ленин вновь вернулся к вопросу о плане развития Донецкой губернии и в своем письме И. Т. Смильге от 22 августа 1921 г. предлагал во всех мероприятиях по восстановлению Донбасса добиваться «надлежащей согласованности в местной работе — промышленной, земледельческой и торговой», обратив внимание на связь промышленности с земледелием Донецкой губернии (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 135).

⁹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 371, лл. 63—64.

⁹⁵ В. И. Ленин и А. В. Луначарский. М., 1971, с. 138—141.

⁹⁶ В отчете Комиссариата имуществ республики, направленном в Управление делами СНК 22 июля 1918 г. и приложенном к протоколу СНК от 29 августа того же года в связи с ликвидацией этого Комиссариата и докладом А. В. Луначарского, содержится ценный материал о работе в области охраны памятников искусства и старины (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 189, лл. 48—57).

токолах СНК сохранились и материалы по вопросам библиотечного дела, школьного строительства⁹⁷, организации науки и высшей школы, массовой пропаганды политических знаний⁹⁸ — всего не перечислить.

Подводя итоги, следует отметить, что приведенные нами факты и примеры из приложений к протоколам в основном не затрагивают магистральных направлений деятельности Советского правительства в рассматриваемые годы, связанных с коренными социалистическими преобразованиями и основополагающими государственными актами, утверждающими новый общественный строй. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, эти магистральные направления наиболее широко изучены в советской исторической литературе, и, во-вторых, в приложениях к протоколам СНК материалы по этим проблемам в полном объеме не отложились, поскольку их решение определялось прежде всего документами Коммунистической партии, соответствующими постановлениями съездов и конференций партии и пленумов ЦК РКП(б) (особенно в области внешнеполитической, при определении основ экономической политики и т. д.).

Поэтому мы и сосредоточили внимание преимущественно на характеристике повседневной, текущей деятельности СНК, как она представлена в приложениях к протоколам, а для иллюстрации отобрали только некоторые группы документов, представляющих несомненный интерес для историка-исследователя.

Основная задача краткого обзора приложений к протоколам и заключалась в том, чтобы еще раз показать богатство и значимость протокольного фонда Совнаркома, материалы которого, несмотря на широкую изученность и наличие многочисленных публикаций документов этого фонда, далеко еще не исчерпаны и долгие годы будут служить неоценимым источником для дальнейшего всестороннего исследования истории советского общества и государства.

Повестка заседаний Совнаркома и правила ее составления. Ленинские пометки на повестке

Основные вопросы повестки дня заседаний Совнаркома содержались прежде всего в самом протоколе (раздел «Слушали»). Однако к каждому протоколу (начиная с протокола № 5 от 20 ноября 1917 г.) особо прилагалась повестка дня (как правило, напечатанная на машинке, на отдельном листе), которая нередко значительно отличалась от повестки, зафиксированной в самом протоколе. Эти различия объяснялись тем, что перед началом заседаний принимались решения, какие вопросы снимаются, а какие дополнительно включаются.

Поскольку в конце протокола после приложений обычно сохранялась повестка, находившаяся во время заседания у В. И. Ленина, именно

⁹⁷ Из всех материалов по вопросам школьного строительства приведем только один пример, относящийся к сентябрю 1922 г. и, по имеющимся у нас данным, до сих пор не использованный ни историками школы, ни специалистами по истории НК РКИ. 6 сентября 1922 г. СНК разбирал конфликт между НК РКИ и Наркомпросом и поставил на вид коллегии НК РКИ «совершенно недопустимое и не соответствующее интересам республики введение к циркуляру РКИ от 10 июня о школьном строительстве». В приложениях к этому протоколу сохранилась большая переписка и документы по этому вопросу: письмо А. В. Луначарского заместителю председателя СНК, циркуляр НК РКИ, докладная записка НК РКИ о школьном строительстве, проект директивы о школьном строительстве РСФСР, «Принципы построения школьной сети РСФСР» и др. (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 514, лл. 64—99).

⁹⁸ Речь идет, в частности, об истории обсуждения и подготовки к изданию специальной хрестоматии для широких масс (см. протоколы СНК от 3, 10, 24, 29 декабря 1918 г. и 30 января 1919 г.; см. также: ДСВ, т. IV, с. 194—196, 644—645; В. И. Ленин. Биохроника, т. 6, с. 270, 273, 430, 451), а также о проекте постановления ВЦИК и СНК от 6 июля 1922 г. о желательности выпуска в свет особого издания «Современная культура России» и др.

на повестке Председатель СНК делал записи о снятии или дополнительном включении отдельных пунктов. Эти ленинские пометки на повестке сохранились в большинстве протоколов как СНК, так и СО и СТО. Об этом убедительно свидетельствуют сведения, приведенные в пятом — седьмом томах биографической хроники В. И. Ленина, являющиеся наиболее полными. В них дано подробное содержание всех основных вопросов повестки каждого заседания СНК, а с декабря 1918 г. — и Совета Оборона, конечно, только тех заседаний, на которых председательствовал В. И. Ленин. Поэтому за период с октября 1917 по ноябрь 1919 г. повестки СНК и СО почти полностью опубликованы⁹⁹.

Попытаемся дать общую характеристику ленинских пометок на повестке, основываясь на томах биографии.

Описание заседания СНК от 20 ноября 1917 г. начинается в биографии следующими словами: «Ленин председательствует (с 21 часа 30 мин. до 24 час.) на заседании СНК; просматривает и дополняет повестку дня рядом вопросов, делает на ней пометки и записи»¹⁰⁰. Такая общая оценка, без раскрытия конкретного содержания записей, давалась в биографии и по отношению ко многим другим заседаниям СНК (например, В. И. Ленин «просматривает повестку дня, делает на ней подчеркивания и зачеркивания» или Ленин «зачеркивает отдельные пункты повестки дня по мере их обсуждения» и т. д.)¹⁰¹. Но в большинстве случаев приводится и текст ленинских пометок. Так, при снятии или перенесении отдельных вопросов Ленин обычно писал на повестке: «Отложить», «Отложить за неявкой. . .» (13 и 18 декабря 1917 г.)¹⁰². Часто снятый пункт повестки просто перечеркивался, а иногда добавлялось на какое число или на какой день перенесено его рассмотрение («Отложить до завтра»; «Отложено до понедельника»; «Отложено на 3 дня»)¹⁰³ или «Отложено по просьбе Оболенского»¹⁰⁴, «отложить до возвращения Красина. . .»¹⁰⁵. Бывали и такие ленинские пометки: пункт 4 повестки дня СНК от 7 января 1918 г. («Санаторий «Халила») Ленин перечеркнул и написал: «Внесет, коли надо, Коллонтай»¹⁰⁶.

Начиная с января 1918 г. все чаще Ленин давал указание о направлении на предварительное рассмотрение вопросов в «Малый Совет» (7, 9, 23, 28 января 1918 г. и т. д.), а иногда отмечал: «Это перешло в ЦИК» или «В комиссию»¹⁰⁷. Откладывая обсуждение отдельных пунктов повестки дня, Ленин делал и такие добавления: «Чичерину для ознакомления» или «Поручить ознакомиться»¹⁰⁸, а позднее имелись и такие записи: «Спросить у Боголепова», «Спросить у Невского», «Снести с Покровским», «Снести с Ландером».

В томах биографии нередко отмечено не только какие вопросы и почему снимались с повестки, но и какие дополнительно включались. Например, 23 ноября 1917 г. ленинской рукой были вписаны три новых пункта в повестку дня СНК: «16) Доклад о Красной гвардии. 17) Воззвание (или декрет) против саботажников. 18) Выдача денег для ЦИК»¹⁰⁹.

⁹⁹ Краткое содержание повестки дня СНК, СО и СТО давалось уже в «Датах жизни и деятельности В. И. Ленина» в приложениях к 35—45-му томам Полного собрания его сочинений. Но в томах биографии сведения о повестке даны значительно шире, а главное, отмечены ленинские пометки на повестке.

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Биография, т. 5, с. 74; см. также ленинские пометки на повестке заседания СНК от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. («Ленинский сборник», XXI, с. 93—94).

¹⁰¹ В. И. Ленин. Биография, т. 6, с. 181, 98, 109, 198.

¹⁰² Там же, т. 5, с. 130, 142.

¹⁰³ Там же, с. 192, 256, 486.

¹⁰⁴ Там же, с. 223.

¹⁰⁵ Там же, т. 6, с. 526.

¹⁰⁶ Там же, т. 5, с. 187.

¹⁰⁷ Там же, т. 6, с. 101, 280.

¹⁰⁸ Там же, т. 5, с. 239, 262.

¹⁰⁹ Там же, с. 79.

24 ноября Ленин дополняет повестку вопросами: «О положении дел на Кавказе (Сталин)», «Учреждение Польского комиссариата», «Телеграфирование декретов» (о передаче декретов по телеграфу. — Э. Г.) и рядом других ¹¹⁰. Существенные дополнения сделаны В. И. Лениным и на повестках многих других заседаний СНК ¹¹¹.

Часто дополнительные вопросы включались в повестку по просьбе наркомов, они же и выступали докладчиками, а иногда докладчиком, как уже указывалось, выступал Ленин. Так, 18 декабря 1917 г. он дал указание внести в повестку дня вопрос «О финансировании Вятского губернского комиссариата». На заседании Совнаркома в ночь с 18 на 19 декабря этот вопрос был включен в повестку и Ленин отмечен в качестве докладчика. Но на самом заседании Владимир Ильич вычеркнул свою фамилию и вместо нее написал: «Матрос», а в дополнениях к повестке: «Матрос из Вятки» ¹¹². Очевидно, В. И. Ленин не знал фамилии присутствовавшего на заседании представителя Вятского губернского комиссариата.

Повестка дня СНК на большинстве заседаний пополнялась разными вопросами, например: «*Эстляндская республика*» (о признании независимости Эстляндской советской республики) (СНК — 7 декабря 1918 г.), «*Два вопроса Красина. . .*» (СНК — 10 декабря 1918 г.), «*Сообщение ВСНХ о военном имуштестве*» (СО — 8 января 1919 г.), «*Заявление о Печорском крае*» (СО — 13 января 1919 г.), «*Об бюджете*» (СНК — 16 января 1919 г.), «*Декрет о заготовке продовольственных продуктов*» (СНК — 21 января 1919 г.), «*Об овсе*» (СО — 27 января 1919 г.) ¹¹³ и т. д.

Ленинские пометки на повестках сохранились почти на протяжении всех тех лет, когда он председательствовал в СНК, СО и СТО. По мере опубликования последующих томов биографии эти ленинские записи могут быть изучены полностью и послужат ценнейшим источником для анализа всего процесса организации повестки заседаний Совнаркома.

Кроме пометок о снятии или дополнении отдельных вопросов, на повестке сохранились и другие ленинские записи, представляющие очень большой интерес. Речь идет о записи Председателем СНК выступавших на заседаниях, которые он, как правило, делал на повестке, изредка — на отдельном листе. Эти записи отмечены в биографии, конечно, без перечисления фамилий выступавших, но с указанием, сколько раз на заседании выступал В. И. Ленин, ибо обычно он включал себя в список в порядке очереди. Первая такая запись появилась на повестке заседания СНК 27 ноября (10 декабря) 1917 г. (протокол № 12) при обсуждении вопроса «О проведении в жизнь социалистической политики в области финансов и экономики», внесенного В. И. Лениным. Эта запись полностью опубликована ¹¹⁴, и из нее явствует, что Ленин выступал на этом заседании 5 раз и кроме него участвовали в обсуждении Ф. Э. Дзержинский, И. В. Сталин, М. Т. Елизаров, Г. И. Петровский, А. Г. Шляпников, П. А. Козьмин, Г. Л. Пятаков ¹¹⁵, В. Р. Менжинский, Т. Л. Аксельрод. Таким образом, из 20 присутствовавших на заседании членов СНК участвовали в обсуждении 12 человек, причем многие выступали также по 2—4 раза (Шляпников, Елизаров, Менжинский и др.).

Судя по данным биографии, В. И. Ленин выступал на отдельных заседаниях по 2—5 раз, а иногда и значительно чаще. Так, на заседании СНК 30 декабря 1917 г. Ленин выступил 7 раз, 10 и 19 апреля 1918 г. — по 8 раз, 14 мая — 9 раз, 5 июня — 10 раз, 23 июля — 12 раз, 3 августа —

¹¹⁰ Там же, с. 80—81.

¹¹¹ Там же, с. 84, 92, 97, 104, 108, 111, 114—115, 119, 121, 125 и т. д.

¹¹² Там же, с. 142.

¹¹³ Там же, т. 6, с. 287, 293, 410, 423, 435, 450, 474.

¹¹⁴ См.: «Ленинский сборник», XXI, с. 106—107.

¹¹⁵ Г. Л. Пятаков в списке присутствовавших на этом заседании СНК в протоколе не был отмечен.

10 раз, 21 ноября даже 16 раз и т. д.¹¹⁶ Конечно, эти выступления были очень краткими — 3—максимум 5 минут, согласно регламенту, принятому в СНК.

Поскольку ленинские записи выступавших частично опубликованы в «Ленинских сборниках», можно показать их значение не только за 1918 г., но и за последующие годы как по СНК, так и по СО и СТО.

Очень широкий обмен мнениями, судя по ленинским записям ораторов, произошел на заседании СНК в ночь с 5 на 6 (с 18 на 19) января 1918 г. при рассмотрении тезисов ленинского декрета о роспуске Учредительного собрания¹¹⁷. На этом заседании присутствовало около 30 человек (в том числе все левые эсеры, входившие тогда в состав правительства), а выступило 19 человек: В. И. Ленин — 5 раз, Я. М. Свердлов — 5 раз, В. В. Оболенский (Осинский) — 3 раза, а также П. Е. Дыбенко, М. Т. Елизаров, Ф. Ф. Раскольников, А. Г. Шлихтер, Н. В. Крыленко и левые эсеры — Г. Д. Закс, И. З. Штейнберг, В. А. Карелин, А. Л. Коллегаев, В. А. Алгасов, П. П. Прошьян и др.

О большом количестве выступавших на заседании СНК свидетельствует и ленинская запись ораторов во время рассмотрения в СНК продовольственных декретов 3 августа 1918 г.¹¹⁸, где В. И. Ленин выступал 9 раз, а в обсуждении участвовали Я. М. Свердлов, А. Д. Цюрупа, И. Э. Гуковский, Н. А. Семашко, С. П. Середа, С. С. Пестковский, К. И. Ландер, В. П. Милютин, В. И. Невский, А. И. Рыков, М. Г. Бронский, П. И. Стучка, М. Ю. Козловский, Ф. А. Земит и др.¹¹⁹

Интересна с этой точки зрения и ленинская запись ораторов на заседании СНК 16 марта 1919 г., когда рассматривался декрет «О потребительских коммунах», где выступило 11 человек и каждый выступал по 3—4, а иногда и более 5 раз, например, член коллегии Наркомпрода О. Ю. Шмидт был записан в порядке очереди 8 раз¹²⁰.

Такие же записи выступающих В. И. Ленин вел с первого же заседания Совета обороны (1 декабря 1918 г.). Всего на этом заседании присутствовало 6 человек: В. И. Ленин (председатель), В. И. Невский, Л. Б. Красин, И. В. Сталин, Н. П. Брюханов, Э. М. Склянский, все они активно участвовали в обсуждении. Судя по записи, В. И. Ленин выступал на этом заседании 8 раз, В. И. Невский — 10 раз, Л. Б. Красин — 10 раз, И. В. Сталин — 7 раз, Н. П. Брюханов — 3 раза, Э. М. Склянский — 10 раз¹²¹. Об этом же свидетельствует ленинская запись ораторов на втором заседании Совета обороны 4 декабря 1918 г.¹²²

Когда 2 февраля 1920 г. в повестке дня Совета обороны стоял один вопрос «О положении транспорта» (доклад В. И. Ленина), из 12 присутствующих приняли участие в обсуждении 11 человек¹²³, среди них некоторые новые члены СО: С. Д. Марков — от Наркомпути, А. Б. Халатов — от Наркомпрода, В. А. Аванесов — от НК РКИ.

Систематическая запись Лениным выступавших и просивших слова на заседаниях СО на протяжении всего периода 1917—1921 гг. подтверж-

¹¹⁶ В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 162, 372, 390, 454, 616, 661 и др.; т. 6, с. 23, 239 и др.

¹¹⁷ См.: «Ленинский сборник», XVIII, с. 51.

¹¹⁸ См.: «Ленинский сборник», XVIII, с. 126.

¹¹⁹ Необходимо отметить, что в протоколе заседания СНК от 3 августа 1918 г. (протокол № 171) в списке присутствующих некоторые из выступавших на этом заседании (Я. М. Свердлов, П. И. Стучка, А. И. Рыков, Н. А. Семашко) не были отмечены.

¹²⁰ См.: «Ленинский сборник», XVIII, с. 299. Этот же список ораторов вторично опубликован в «Ленинском сборнике», XXIV, с. 98. И в данном случае имело место известное несоответствие между списком присутствующих на заседании (по протоколу) и списком выступавших (А. И. Свидацкий, Д. Б. Рязанов, Л. Б. Каменев — отмечены только в списке ораторов).

¹²¹ См.: «Ленинский сборник», XVIII, с. 241—242.

¹²² Там же, с. 245—246.

¹²³ Там же, XXIV, с. 63.

дается и последней по времени записью (из числа опубликованных), которая велась на заседании СТО 18 февраля 1921 г. при обсуждении ленинского доклада о проекте Положения о Государственной общеплановой комиссии, где из 17 присутствовавших выступили 11 человек. Среди выступавших были В. И. Ленин (3 раза), В. П. Ногин, П. И. Попов, В. П. Милютин, Ю. Ларин, А. И. Рыков, Н. Осинский, М. Т. Лежава, Я. Э. Рудзутак и другие; дискуссия на этом заседании, судя по ленинской записи прений, была довольно острой, особенно с В. П. Милутиным, Ю. Лариным, Н. Осинским и А. И. Рыковым¹²⁴.

Записи выступавших В. И. Ленин вел обычно в верхней части повестки (в левом ее углу), а поправки и дополнения к повестке — или против отдельных ее пунктов, или в самом конце повестки. Все эти пометки написаны рукой Ленина (карандашом или чернилами), являются ленинскими документами (автографами) и потому в подлинниках хранятся в ф. 2 ЦПА ИМЛ. Можно надеяться, что выход в свет последующих томов биографии сделает доступным для более полного исследования эти материалы и позволит провести глубокий и полный их анализ.

Однако и те ленинские пометки на повестках, которые уже опубликованы, убедительно раскрывают их значение, в частности, для уточнения самой повестки. Конечно, некоторые вопросы снимались с обсуждения, другие дополнительно включались не только на самом заседании, что и фиксировалось в ленинских пометках, но заранее готовились, намечались во многих письменных указаниях В. И. Ленина, в переписке его с наркоматами и членами СНК, СО и СТО. В качестве Председателя Совнаркома Ленин проявлял широкую инициативу в постановке вопросов на повестку, обеспечивал их подготовку и принятие необходимого решения. Большое количество ленинских распоряжений о включении тех или иных вопросов в повестку опубликовано в томах Полного собрания сочинений В. И. Ленина (т. 50—54) и в «Ленинских сборниках», особенно в последнем (XXXVIII). На примере документов только этого одного сборника (издание 1975 г.) можно дать довольно наглядное представление о ленинском руководстве формированием повестки и о включении по его инициативе вопросов в повестку дня в период 1918—1921 гг.

Приведем для иллюстрации эту выборку ленинских указаний только по XXXVIII «Ленинскому сборнику»:

24 декабря 1918 г. Резолюция В. И. Ленина на докладе В. И. Невского: «Склянскому для доклада завтра (25) на Совете Оборонь» (об урегулировании взаимоотношений Военного ведомства и железнодорожных учреждений).

25 декабря 1918 г. Резолюция на телеграмме В. И. Невского: «Красину для доклада в Совете Оборонь (об использовании нефтяного топлива на Рязано-Уральской железной дороге).

2 января 1919 г. «На отзыв Брюханова и на повестку в СНК» (о снабжении рабочих национализированных фабрик Морозовых продовольствием, топливом и фуражом).

24 января 1919 г. Записка Э. М. Склянскому: «Для передачи в комиссию Сталина» и для доклада в Совете Оборонь» (о помещениях для Красной Армии и о занятии здания Воронежского университета под лазарет).

25 января 1919 г. «Склянскому для срочного расследования и доклада в Совете Оборонь» (о незаконном требовании экстренного поезда).

27 января 1919 г. Резолюция на письме С. И. Гусева: «В Совет Оборонь на 27/1» (о перевозке в центр хлеба с Волго-Бугульминской дороги).

28 января 1919 г. Записка Э. М. Склянскому: «Склянскому для немедленных мер, для сговора с Невским и для доклада в Совете Оборонь».

¹²⁴ Там же, XX, с. 20—22.

18 февраля 1919 г. Записка С. Д. Маркову, Л. Б. Красину и Э. М. Склянскому:

«Маркову Красину и Склянскому	}	для доклада в Совете Обороны»
--	---	----------------------------------

(о состоянии железных дорог на Южном фронте).

21 февраля 1919 г. Записка С. Д. Маркову: «Маркову для доклада в Совете Обороны (о восстановлении железнодорожной линии Поворино—Царицын).

7 апреля 1919 г. Резолюция на телеграмме уполномоченного Петрокомпрода из Тамбовской губернии об отсутствии вагонов для погрузки хлеба: «Сегодня 7/IV в Совете Обороны».

12 апреля 1919 г. Резолюция на телеграмме С. А. Гецова: «Сегодня в повестку Совета Народных Комиссаров» (телеграмма начальника Главугля из Харькова о тяжелом положении Донецкого бассейна).

27 апреля 1919 г. «Красину в Совет Обороны. . .» (в связи с телеграммой Х. Г. Раковского из Киева о запасах нефти и мануфактуры в Одессе и об обмене с Турцией).

15 ноября 1919 г. Записка А. И. Рыкову: «. . . перенесите (тотчас) в Совет Обороны» (о постройке узкоколейной железной дороги Ново-Бежица—Чернигов).

18 ноября 1919 г. «Сегодня же в СНК» (резолюция В. И. Ленина на телеграмме из Екатеринбурга о катастрофическом положении горно-заводской промышленности Урала из-за отсутствия продовольствия).

27 ноября 1919 г. «Склянскому для доклада в Совете Обороны: нельзя ли *везде* так?» (о политработе среди красноармейцев во время заготовки леса).

9 декабря 1919 г. «На повестку Совета Обороны завтра в 12 ч.» (о снабжении рабочих Урала продовольствием).

23 декабря 1919 г. Резолюция на телефонограмме председателя Московского Совета о том, что хлеб из Казани в Москву не поступал:

«Бакинскому Свидерскому Каменеву	}	Сегодня в СНК».
--	---	--------------------

26 февраля 1920 г. Резолюция В. И. Ленина на телеграмме из Саратова и поручение Склянскому и Красину доложить 27 февраля в СО (о строительстве железной дороги Александров-Гай—Эмба).

19 апреля 1920 г. Резолюция на телеграмме из Екатеринбурга: «На повестку СНК» (о новом административном делении Урала).

9 февраля 1921 г. «Прошу гг. Рыкова и Брюханова приготовить эти вопросы полностью для решения *сегодня* в СТО» (проект решения об усилении работы Наркомзема и изъятии имущества военных учреждений для использования в сельском хозяйстве).

27 апреля 1921 г. Распоряжение В. И. Ленина секретарю: «Внести в СТО сегодня, а копию тотчас снять и отправить Брюханову» (о снабжении крестьян яровыми семенами).

24 мая 1921 г. Резолюция на докладной записке П. А. Богданова об отношении к специалистам: «Внести в СНК» (тут же В. И. Лениным предложен состав комиссии по этому вопросу).

22 июля 1921 г. Записка А. И. Рыкову и В. А. Аванесову: «Внести сегодня в СТО. . .» (о переводе рабочих и служащих на коллективное снабжение).

26 июля 1921 г. «Надо решить *сегодня* (вторник) в СНК» (о дополнительном налоге для голодающих губерний).

13 августа 1921 г. Распоряжение В. И. Ленина: «Для проверки поставить на Большой СНК» (перенесено из МСНК — проект постановле-

ния о предоставлении Государственному издательству права на издание и переиздание учебных руководств и пособий)¹²⁵.

Этот перечень можно было бы значительно расширить за счет материалов других «Ленинских сборников», томов переписки Полного собрания сочинений и томов биографии. Но и приведенная хроника является достаточно показательной.

Постоянно следя за тем, чтобы важные, требующие скорейшего решения вопросы без промедления включались в повестку дня, В. И. Ленин в то же время уделял большое внимание строгой регламентации, установлению точного порядка и правил составления повестки заседаний Совнаркома. Уже в декабре 1917 г. он подготовил специальную инструкцию «О порядке внесения вопросов в повестку дня заседаний Совнаркома», которая требовала от каждого комиссара, внесившего какой-либо вопрос в порядок дня СНК, «предварительного *письменного* заявления с указанием:

а) в чем состоит вопрос (кратко) [это указание не может ограничиться одной ссылкой («о том-то»), а должно состоять в *изложении с о д е р ж а н и я* вопроса]

б) что именно предлагается Совету Народных Комиссаров? (дать деньги; принять *такую-то* резолюцию, и т. п. точные указания, *чего* хочет вносящий вопрос)

в) затрагивает ли данный вопрос ведомства других комиссаров? каких именно? есть ли от них письменные заключения?»¹²⁶

Ленинская инструкция обсуждалась на заседании СНК 18 (31) декабря 1917 г., и было принято следующее решение: «Утвердить инструкцию Ленина и предложение Горбунова о закрытии повестки за полчаса до начала заседания (назначенного) и обязать народных комиссаров исполнять это, взяв с них подписку»¹²⁷.

В дальнейшем, после переезда Советского правительства в Москву (в апреле 1918 г.), В. И. Ленин вновь указывал секретарям СНК на необходимость руководствоваться инструкцией, принятой еще в Петрограде, требовал, чтобы составители повестки подписывались: «Составил секретарь такой-то», напоминал всем секретарям порядок постановки вопросов на повестку и согласования с другими ведомствами, а в заключение писал: «Все секретари должны подписаться здесь, что читали это»¹²⁸.

Через несколько месяцев (7 августа 1918 г.) Совнарком опять принял постановление «О порядке составления повестки к заседаниям», которое прежде всего значительно увеличивало сроки *закрытия* повестки (не за полчаса до начала заседания, как было определено постановлением от 18 декабря 1917 г., а *за сутки* до его назначения) с добавлением, что по истечении этого срока «никакие, даже экстренные вопросы на нее не принимать». Далее, правда, следовало разъяснение, в каких случаях эти срочные вопросы все же включаются в повестку и как заблаговременно готовить материалы для их обсуждения. Предлагалось также рассылать

¹²⁵ См.: «Ленинский сборник», XXXVIII, с. 221, 228, 234—236, 238, 244, 246, 252, 255, 257, 277—279, 281, 282, 290, 309, 349, 360, 361, 377, 378, 385.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 384; см. также: «Ленинский сборник», XXI, с. 96.

¹²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 692. В протоколе заседания СНК эта подписка, составленная Н. П. Горбуновым, сохранилась. В ней говорилось, что постановление доведено до сведения наркомов и они обязуются его выполнять. Далее следовали подписи наркомов, присутствовавших на заседании. Среди них имеются автографы А. М. Коллодгай, М. Т. Елизарова, В. Оболенского, А. Г. Шлихтера, Э. Э. Эссена, Ф. Ф. Раскольников, Н. И. Подвойского и др. (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 29, л. 22).

¹²⁸ «Ленинский сборник», XXI, с. 96—97. См. об этом подробнее: *Ирошников М. П.* Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин), с. 177, 178, 183. На с. 178 автор перечисляет фамилии всех пяти секретарей СНК, поставивших свои подписи под этим ленинским документом.

повестку во все народные комиссариаты утром того дня, на который назначено заседание, и обеспечивать явку докладчиков (специалистов и экспертов) точно ко времени, когда этот вопрос слушается, «во избежание потери времени на ожидание»¹²⁹.

К этому времени порядок составления повестки СНК был окончательно узаконен и оформлен. Однако в последующие годы были внесены некоторые существенные дополнения и изменения. Прежде всего 11 мая 1921 г. Совет Труда и Оборона принял специальное постановление «О порядке составления повестки СТО», в котором, в частности, уделялось особое внимание правилам опубликования постановлений СТО, поскольку многие из них публикации тогда не подлежали.

Два важных постановления «О порядке внесения вопросов на рассмотрение в Совет Народных Комиссаров и Совет Труда и Оборона» были приняты 11 апреля и 25 июля 1922 г. (июльское в порядке проверки выполнения апрельского). Этими постановлениями сроки закрытия повестки и внесения на нее вопросов еще больше увеличивались — главы ведомств обязывались вносить вопросы на повестку за 72 часа (т. е. уже не за сутки, а за трое суток) до начала заседания. Более строгие требования предъявлялись к качеству подготовки документов и особенно декретов, в связи с чем предлагалось, чтобы проекты постановлений и директив, вносимых ведомствами в СНК и СТО, одновременно посылались в копии специальному редактору-консультанту.

В условиях 1922 г., когда шла уже подготовка к образованию СССР, важное значение приобретало указание, что те декреты и постановления, которые имеют общесоюзное значение, должны одновременно с внесением в СНК посылаться в копии полномочным представителям национальных республик (пока указывался только полномочный представитель УССР).

Все вносимые в СНК и СТО и содержащие общие нормы проекты декретов должны были обязательно рассылаться в копии всем членам СНК (СТО), а вопросы общесоюзного планового характера согласовываться с Госпланом.

В заключение предлагалось возложить во всех наркоматах (по указанию наркома) персональную ответственность на определенное лицо за проверку исполнения этого постановления¹³⁰.

Наконец, 3 октября 1922 г. на первом заседании СНК, когда Ленин вновь председательствовал после длительного отсутствия (в связи с болезнью), он выступил докладчиком по вопросу «О порядке внесения вопросов на повестку». В принятом по докладу постановлении «подтверждалось к исполнению» постановление СНК о внесении вопросов на повестку за 72 часа до начала заседания, определялись возможные изъятия из этого правила, в частности для вопросов, вносимых в МСНК и Финкомитет, где указанный срок считалось возможным сократить до 24 часов¹³¹.

Порядок, правила, система составления повестки СНК, СО и СТО, как видим, постоянно были в центре внимания В. И. Ленина на протяжении всего периода 1917—1922 гг.

Известно также, что Владимир Ильич, особенно в последние годы своей государственной деятельности, в частности, в письмах к А. Д. Цюрупе «О перестройке работы СНК, СТО и Малого СНК» (январь—февраль 1922 г.) постоянно добивался всемерной разгрузки СНК и СТО от мелких вопросов, перенесения их в МСНК и на распорядительные заседания СТО, требовал проведения минимума заседаний и установления нормы — один раз в неделю заседания СНК, а один раз — СТО, продолжительностью по два

¹²⁹ ДСВ, т. III, с. 570—571. Постановление подписано секретарем СНК Н. П. Горбуновым.

¹³⁰ СУ, 1922, № 29, ст. 340; № 46, ст. 579.

¹³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 519, л. 41.

часа каждое, решительно подчеркивая, что необходимо «вдесятеро подтянуть СНК и СТО в смысле том, чтобы наркомы не смели тащить в них мелочь, а решали ее сами и сами за нее *отвечали*»¹³².

Однако, отмечая эту исключительную требовательность В. И. Ленина в отношении так называемых «вермишельных» вопросов, нельзя не обратить внимания и на соотношение принципиальных и по видимости «мелких» дел в работе Совнаркома. В. И. Ленин подробно остановился на этом в своей речи на фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов 22 декабря 1920 г., когда отвечал на критику по отчетному докладу СНК и ВЦИК некоторых оппозиционно настроенных делегатов (Д. Б. Рязанов, В. Н. Максимовский).

«Очень может быть, — говорил Владимир Ильич, — что у нас в Совнаркоме масса дел вермишельных, это правда. Если Максимовский сделал из этого предмет, чтобы проявить свою оппозиционность и специально это подчеркнул, то я должен сказать, что нет и не может быть государственного учреждения, в котором не было бы вермишельных дел. . . Разве не бывает повестки, по окончании которой, прогнав несколько десятков вопросов, не только скажешь, что я рад утопиться¹³³, а и похуже что-нибудь. Я повторяю, что поймать меня на такого рода заявления очень не трудно, но выступать здесь и делать из этого предмета оппозицию и говорить против вермишельности — это несерьезно. Если бы мы попытались в органе, вообще устанавливающем только принципы, выделить орган, решающий мелкие практические, вермишельные дела, то мы испортили бы дело. Потому что оторвали бы обобщение от фактов, а отрыв обобщения от фактов будет фантазерством и делом несерьезным»¹³⁴.

В. И. Ленин указывал далее, что этот вывод относится не только к СНК, но и к ЦК партии и к ВЦИК.

«Нельзя в Центральном Комитете, — говорил он, — делить вопросы на принципиальные и мелочные, потому что в каждой мелочи может проявиться принципиальная сторона»¹³⁵.

Особенно решительно отвёл В. И. Ленин обвинение в адрес Президиума ВЦИК и его Председателя М. И. Калинина в том, что они завалены делами чисто «вермишельными». «Я должен сказать, — указывал по этому поводу Ленин, — что всякий член нашей партии и всякий гражданин Республики вправе довести самый пустячный вопрос, самое пустячное обстоятельство до ВЦИК. . . И так будет до полнейшего коммунистического перевоспитания трудящихся¹³⁶. . .»

Речь шла о том, что в пролетарском государстве возникают совершенно новые формы общения высших органов государственной власти с массами, а также новые взаимоотношения центра с местами. Отсюда и следовал ленинский вывод о том, что «проводить деление вопросов на мелочные и принципиальные — значит всякую основу демократического централизма подорвать»¹³⁷.

В повестках Совнаркома можно найти много подтверждений этого ленинского вывода. Когда приезжали в Москву путиловские рабочие и решительно требовали срочного решения вопроса о снабжении завода углем, чтобы предотвратить остановку его работы, В. И. Ленин не только сам принял делегатов, но в тот же день (16 июля 1918 г.) включил этот вопрос в повестку дня СНК, и уголь путиловцам из запасов морского ведомства был отпущен. Совнарком обсуждал и вопросы о введении нового календаря, о рождественских подарках служащим советских учреждений (этой давно установившейся традицией нельзя было сразу пренеб-

¹³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 367.

¹³³ Эти слова выступавшие с критикой делегаты приписывали В. И. Ленину.

¹³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 166—167.

¹³⁵ Там же, с. 167.

¹³⁶ Там же, т. 42, с. 168.

¹³⁷ Там же, с. 167.

речь), о разрешении крестного хода в воскресенье 21 июля 1918 г. в Москве ¹³⁸, о введении международной метрической системы мер и весов, об установлении новых праздничных дней ¹³⁹, о детском питании и детских домах и многие многие другие подобные вопросы. Совнарком всегда внимательно и быстро реагировал на письма, заявления и жалобы трудящихся — рабочих, крестьян, интеллигенции, а иногда и вносил рассмотрение этих заявлений в повестку дня своих заседаний ¹⁴⁰.

Конечно, по-настоящему мелкие и действительно «вермишельные» дела все решительнее снимались с повестки и передавались в другие инстанции. Работа Совнаркома с каждым годом все более нормализовалась, сокращалось количество заседаний, все более четкие и строгие правила определяли повестку дня.

Завершая общий анализ фонда 19 ЦПА ИМЛ, на основе характеристики самого протокола, приложений к нему и повестки его заседаний позволено в заключение остановиться на одном выводе принципиального порядка. В самом деле, рассмотрение процесса формирования этого фонда и его содержания даже только с точки зрения «делопроизводственной техники» вплотную подводит к вопросам *политики* Советского государства, особенностям его деятельности как первого в мире государства пролетарской диктатуры. Весь комплекс документов протокольного фонда СНК раскрывает эту новую, подлинно *социалистическую* сущность Советского государства, находящую проявление во всех областях социалистического строительства.

Более широкие и полные выводы о содержании работы СНК можно сделать, только расширив рамки исследования источника, переходя от общей характеристики протокольного фонда к анализу других проблем (состав Совнаркома, организация работы, основные направления его деятельности). Но все эти вопросы требуют дальнейшего и самостоятельного изучения и исследования.

¹³⁸ В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 653.

¹³⁹ История установления дней новых революционных праздников представляет известный интерес. Первые месяцы после Октябрьской революции по-прежнему в качестве нерабочих дней сохранялись церковные праздники. 12 июля 1918 г. СНК принял постановление о привлечении к ответственности за установление в правительственных учреждениях непроступных дней, пользуясь церковными праздниками (ДСВ, т. III, с. 549—550). 23 сентября 1918 г. СНК заслушал доклад наркома юстиции Д. И. Курского о проекте декрета об установлении новых праздничных дней. В преамбуле к этому проекту указывалось, что «в связи с отделением церкви от государства» и «впредь до установления трудящимися всего мира дней отдыха и праздничных дней в международном масштабе» предлагается утвердить следующие новые праздничные дни: 1) 1 января — Новый год, 2) 22 января — в честь 9 января 1905 г., 3) в феврале — день Коммунистического манифеста, 4) 12 марта — свержение самодержавия, 5) 18 марта — день Парижской Коммуны, 6) 17 апреля — Ленские события, 7) 1 мая — день Интернационала, 8) 7 ноября — день пролетарской революции, 9) 20 декабря — вооруженное восстание в Москве в 1905 г., 10) 27 декабря — день декабристов. Проект был передан в комиссию и 2 декабря 1918 г. Совнарком принял «Правила о еженедельном отдыхе и праздничных днях» (ДСВ, т. IV, с. 122—124), количество общих праздничных дней было сокращено с 10 до 6 дней в году, а сами правила опубликованы в качестве приложения к ст. 104 Кодекса законов о труде.

¹⁴⁰ Например, 11 июня 1918 г. в повестке дня СНК стоял вопрос «о просьбе военного моряка А. Г. Железнякова выдать его матери единовременное пособие» (В. И. Ленин. Биохроника, т. 5, с. 533), а 8 февраля 1919 г. на заседании БСНК утверждалось постановление МСНК по жалобе «гражданки Юрьевой на действия ВЧК, конфисковавшей у нее вещи» (В. И. Ленин. Биохроника, т. 6, с. 503) и т. д.

Н. Б. Волкова

ИЗДАНИЕ ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(Из опыта ЦГАЛИ СССР)

Одним из видов научно-информационной деятельности ЦГАЛИ СССР является изучение и публикация документальных материалов. Эта работа началась уже в первые годы существования архива и претерпела за это время значительные изменения. Менялся и характер сборников, и принцип отбора материалов, и виды научно-справочного аппарата. Неизменной оставалась общая направленность работы — ее идеологическая выдержанность в соответствии с основополагающими решениями ЦК КПСС и задачами по воспитанию человека коммунистического общества, актуальность тематики.

Можно наметить две стороны в развитии публикационной деятельности архива: повышение научного уровня изданий и поиски возможностей для популяризации материалов архива.

С точки зрения современной археографии первые сборники архива «А. П. Чехов. Сборник документов и материалов» (М., 1947) и «И. Е. Репин. Письма к писателям и литературным деятелям» (М., 1950) были весьма несовершенны. В них были включены материалы, хранящиеся только в ЦГАЛИ, что весьма обедняло содержание; вступительные статьи представляли краткий обзор публикуемых документов и были лишены литературоведческого или искусствоведческого анализа; сведений археографического характера было мало, имелись и другие недостатки.

Однако постепенно, с накапливаемым опытом, эти недостатки преодолевались, что можно проследить по таким изданиям 50-х годов, как «Н. А. Римский-Корсаков. Сборник документов» (М., 1951)¹, «Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сборник материалов» (М., 1953)² и «М. А. Балакирев. Переписка с нотопечателем П. Юргенсона» (М., 1958). В эти сборники уже включаются не только материалы ЦГАЛИ, но и других архивохранилищ, в частности Государственного центрального музея музыкальной культуры и Дома-музея П. И. Чайковского в Клину. Совершенствуется научно-справочный аппарат, обязательным становится именной указатель, появляются указатели произведений, библиография, аннотированный перечень документов, не включенных в публикацию, расширяются комментарии, в которых также используются выявленные документы, оставшиеся за пределами издания. Сборник, посвященный деятельности Ф. Г. Волкова, впервые готовился ЦГАЛИ совместно с Институтом истории искусств АН СССР и издан под грифом этих двух учреждений. Ввиду большого разнообразия публикуемых в нем документов, с целью их систематизации был разработан тематически-хронологический

¹ См. рец.: *Кандицкий А. Н.* А. Римский-Корсаков. Сборник документов. — «Советская книга», 1952, № 6.

² См. рец.: *Дурылин С.* Новые материалы о Ф. Г. Волкове. — «Советская культура», 1954, 2 марта; *Козьмин М.* За научную биографию Ф. Волкова. — «Новый мир», 1954, № 7; *Вейсман Е.* Где же погребен Ф. Г. Волков? — «Театр», 1956, № 2.

принцип расположения документов, который получил широкое применение в последующих изданиях архива. Кроме вступительной статьи крупного специалиста, в каждом сборнике давалось археографическое предисловие, в котором оговаривались все особенности публикации документов.

Хотя в основном методика публикации документов была выработана ЦГАЛИ на протяжении первых десяти лет деятельности, следует отметить, что каждое новое издание имело свою специфику в зависимости от состава материалов и поставленной цели. Подготовка документов к печати осуществлялась ЦГАЛИ или самостоятельно, или, большей частью, совместно с другими научно-исследовательскими учреждениями. В этих случаях сотрудники архива брали на себя выявление и отбор материалов, подготовку и сверку текстов, текстологический комментарий, составление научно-справочного аппарата издания и т. д.

Накопленный опыт работы и пополнение фондов материалами творческих учреждений и организаций, а также личных архивов наших современников — деятелей литературы и искусства — дали возможность ЦГАЛИ перейти к более глубокому освоению наследия советской культуры.

Широкий профиль материалов в этой области и их богатейшее содержание позволяют обращаться к разработке самых различных проблем. Их выбор обычно определяется актуальностью темы, ее идейно-политической значимостью, наличием комплекса архивных материалов по ней. В ряде случаев подготовка издания связана с поступлением в архив значительного фонда, материалы которого в основном не публиковались, и архив впервые подготавливает их к печати, используя большую предварительную работу, проделанную при их изучении и научном описании.

Вышедшие сборники документов освещают главным образом историю литературы, театра, кино, в меньшей степени — музыки и изобразительного искусства. Обратившись к разработке творческого наследия русских писателей, архив подготовил книгу «А. С. Серафимович. Сборник неопубликованных произведений и материалов» (М., 1958)³. Основная задача сборника — раскрыть творческую лабораторию писателя, познакомив с вариантами его классического «Железного потока», главами неоконченного романа «Борьба», а также ранее неизвестными киносценариями, пьесами, рецензиями и биографическими материалами. В текстологических примечаниях были приведены их варианты и разночтения, а в ломаных скобках воспроизводился зачеркнутый автором текст. В комментариях давались сведения об истории написания данного произведения, прослеживались стадии его переработки, для пьес устанавливалась их сценическая история. Впервые архив столкнулся с проблемой передачи текста стенограмм, не выправленных автором. При их подготовке устранялись только явные опiski и неправильные согласования, допущенные стенографисткой. Необходимые редакторские конъектуры заключались в квадратные скобки. Сборнику предшествовала вступительная статья известного литературоведа А. А. Волкова, характеризующая творчество писателя и особенно состав рассматриваемых материалов. Книга была издана большим тиражом.

Несколько иной характер имел сборник «А. Н. Афиногенов. Дневники и записные книжки» (М., 1960)⁴. Весь том фактически состоял из публикации одного документа — дневника А. Н. Афиногенова с 1927 по 1941 г. Ввиду большого количества записей бытового или личного характера, не предназначенных автором для печати, архиву пришлось провести очень сложную работу по отбору материала. В издание были включены преиму-

³ См. рец.: Афанасьев В. Неопубликованные страницы А. Серафимовича. — «Вопросы литературы», 1959, № 8.

⁴ См. рец.: Богуславский А. Немой свидетель. — «Новый мир», 1960, № 1.

щественно записи, отражающие творческую биографию писателя, его взгляды на литературу и искусство, отклики на общественно-политические события того времени. К этому методу выборочной публикации, впервые примененному сотрудниками ЦГАЛИ в данном сборнике, архив стал обращаться впоследствии при подготовке аналогичных текстов наших современников. Дальнейшая работа над творческим наследием А. Н. Афиногенова позволила ЦГАЛИ перейти к подготовке его первого Собрания сочинений. В два тома намеченного издания войдут его пьесы, выступления, статьи (многое публикуется впервые), а также письма и дневники, которые будут напечатаны в значительно расширенном виде.

В этих двух изданиях архивисты выступили не только в качестве публикаторов, осуществляющих подготовку текстов к печати, но и в качестве комментаторов.

Сборник «А. А. Фадеев. Материалы и исследования» подготовлен к печати ЦГАЛИ совместно с Институтом мировой литературы АН СССР. Он знакомит читателя с неопубликованными ранее выступлениями Фадеева на заседаниях в Союзе писателей, юбилейных вечерах, творческих конференциях, а также с его письмами к Н. Н. Асееву, М. М. Зощенко, В. М. Инбер, И. Л. Сельвинскому, Н. С. Тихонову, К. А. Треневу, К. А. Федину, К. И. Чуковскому, М. А. Шолохову, И. Г. Эренбургу, Б. Иллешу, К. Причард, Б. Шоу.

Разработку документального наследия русского театра архив начал буквально с его зарождения, поскольку первый русский актер Ф. Г. Волков по праву считается и зачинателем русского театра. Вторым изданием, посвященным истории театра, явился сборник «Л. В. Собинов» (т. 1, 2. М., 1970)⁵. Трудность работы над сборниками, посвященными актеру, певцу, заключается в том, что результат их творчества не фиксируется в такой полной мере, как труд писателя, композитора или художника. Однако архивисты нашли в своих фондах источники, которые позволили в какой-то степени проследить творческий путь, сценические искания великого русского певца — это письма Собинова. Адресованные близким ему людям, они представляют собой своеобразный дневник, по которому буквально день за днем можно проследить процесс создания тех или иных сценических образов, познакомиться с ходом репетиций, поисками грима, костюма, атмосферой театральных премьер. В то же время публикация его речей, выступлений, докладных записок воссоздает облик Собинова — общественного деятеля, а письма к нему, статьи и воспоминания его партнеров, композиторов, писателей дают представление о его политических и эстетических взглядах и обширных художественных и дружеских связях.

Сборник снабжен разнообразным научно-справочным аппаратом. Здесь и ежедневная хроника выступлений певца на оперных сценах, и оперно-концертный репертуар, библиография и дискография (описание всех грампластинок, выпущенных при жизни Собинова), а также аннотированные указатели имен и музыкальных произведений. Все это делает названный двухтомник своеобразной собиновской энциклопедией.

ЦГАЛИ также проводит планомерную работу по подготовке к изданию целой серии сборников «Советский театр. Документы и материалы». Первые три тома, охватывающие материалы за 1917—1926 гг., вышли в 1968, 1972 и 1975 гг.⁶ Характерным для них является широкий охват документов, выявленных не только в центральных, но и в областных и краевых архивах. Документы систематизированы по разделам, посвященным крупнейшим театрам Москвы и Ленинграда, приводится сезонный репертуар каждого театра с указанием исполнительского состава и коли-

⁵ См. рец.: *Альтшуллер А.* Собинов в письмах и воспоминаниях. — «Советская музыка», 1971, № 11; *Вяликов В.* Сборник документов о Л. В. Собинове. — «Советские архивы», 1971, № 3.

⁶ См. рец.: *Рудницкий К.* Говорят документы. — «Театр», 1969, № 8; *Осовцов С.* У истоков советского театра. — «Нева», 1969, № 8.

чества представлений каждого спектакля в сезоне, а также обширный справочный аппарат, дающий сведения о театрах, музыкальных коллективах, учебных заведениях, периодических изданиях, авторах пьес, режиссерах и актерах, действовавших в первые послереволюционные годы. Объединение столь обширного и разнообразного материала, выявленного и первично обработанного разными лицами, потребовало огромной археографической работы. Все документы снабжались подробными редакционными заголовками, включающими в себя вид документа, название учреждения или наименование лица, его составившего, адресата, содержание и дату. Если последняя устанавливалась по содержанию или косвенным данным, то в подстрочном примечании давалось обоснование датировки. В легенде, кроме шифра и способа воспроизведения документа, приводились сведения о его публикации. В первый и третий тома вошли аннотированные перечни материалов, информирующие исследователей о тысячах документов по истории театра этих лет, хранящихся в центральных архивах Москвы и Ленинграда и в местных архивах РСФСР. Все это позволяет говорить о весьма полном охвате темы сборниками, делает их ценнейшим вкладом в изучение истории советского театра. Работа над этими трудоемкими томами объемом 70—80 печатных листов каждый проводится архивом совместно с такими научно-исследовательскими учреждениями, как Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, Ленинградский театральный музей и др.

Работа архива в области публикации документов по истории советского кино началась с освоения творческого наследия С. М. Эйзенштейна. Уже в 1956 г., когда в ЦГАЛИ поступила значительная часть его архива, возникает идея подготовки Собрания сочинений выдающегося кинорежиссера. Необходимо отметить, что $\frac{3}{4}$ всех включенных в тома статей, сценариев, воспоминаний Эйзенштейна публиковались впервые по черновым рукописям, хранящимся в архиве. Текст немногочисленных работ, опубликованных ранее в сокращенном или излишне отредактированном виде, исправлялся по рукописям, что повышало научную ценность издания.

Собрание сочинений С. М. Эйзенштейна было издано в шести томах в 1964—1971 гг.⁷ Подготовка осуществлялась ЦГАЛИ совместно с Институтом истории искусств и Союзом кинематографистов СССР при участии крупнейших деятелей советской кинематографии: С. И. Юткевича, М. И. Ромма, Р. Н. Юренева и др. Сотрудники архива не только полностью проводили подготовку текста томов, но также входили в состав редколлегии, выступали в качестве составителей и комментаторов. Каждый том был посвящен отдельной теме. В первый из них были включены автобиография и автобиографические записки Эйзенштейна, где он не только проследил свой жизненный путь, но и дал анализ собственного творчества и его истоков. Там же помещены статьи, посвященные истории создания и анализу поставленных им фильмов, в них режиссер делится и своими неосуществленными замыслами. Все вместе взятое дает полное представление об Эйзенштейне-кинорежиссере, и притом с его авторских позиций.

В предисловии к первому тому указывалось, что задача данного издания — дать подлинного Эйзенштейна, установить авторский канонический текст его произведений. Учитывая большое количество рукописей и их неопубликованность, это было нелегко. При выборе основного текста (когда их было несколько) преимущество отдавалось последней авторской редакции, но с обязательной сверкой ее со всеми автографами.

⁷ *Эйзенштейн С. М. Избранные произведения*, т. 1—6. М., 1964—1971. См. рец.: *Шкловский В.* Выдающийся труд о киноискусстве. — «Советский экран», 1971, № 19; *Юткевич С.* «В пароходы, в строки и в другие долгие дела. . .» — «Искусство кино», 1973, № 1; *Селезнева Т.* Теоретическое наследие С. М. Эйзенштейна. — «Искусство кино», 1975, № 10.

При передаче текста сохранялась интонационно-смысловая разбивка, присущая Эйзенштейну, но с внесением современной пунктуации. При публикации черновых текстов дополнения, необходимые для понимания смысла, вводились обязательно в квадратных скобках, а неизбежные исключения отдельных незаконченных фраз и слов обозначались знаком купюры. Важные по смыслу авторские зачеркивания приводились в ломаных скобках. Переводы многочисленных иноязычных текстов давались под строкой. Во втором и третьем томах напечатаны теоретические труды Эйзенштейна о монтаже, режиссуре фильма, эстетике кино. В них он исследует пути развития кино как искусства, широко затрагивая общие проблемы художественного творчества. Четвертый том отражает деятельность Эйзенштейна-педагога, а в двух последних собраны его статьи по вопросам кино, театра, музыки и киносценарии. В издание были также включены фильмография Эйзенштейна, летопись его жизни и творчества, библиография.

Общий объем Собрания сочинений С. М. Эйзенштейна превысил 250 печатных листов. Отдельные тома были переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, польский, чешский, японский и другие языки.

Аналогичный характер носила работа над подготовкой Собрания сочинений А. П. Довженко, вышедшего в четырех томах (1966 — 1969 гг.)⁸. В них вошли сценарии фильмов, рассказы и очерки, статьи, доклады и выступления, отразившие деятельность Довженко — кинорежиссера, писателя и публициста.

Известные сложности при подготовке этого издания заключались в передаче авторского текста, который в некоторых случаях был и на русском и на украинском языках (предпочтение отдавалось авторской русской редакции), а также многочисленных нецвренных стенограмм выступлений Довженко, которые подвергались лишь самой необходимой редакционной правке, отмечаемой соответствующими знаками. Работа была осуществлена теми же учреждениями. Авторами вступительных статей были кинорежиссер С. А. Герасимов, поэт М. Ф. Рыльский, художник Б. Е. Ефимов, театровед Ю. С. Калашников.

С 1965 г. гриф ЦГАЛИ появился на титульном листе неперiodического издания «Из истории кино. Материалы и документы», вып. 6 (1965), 7 (1968), 8 (1971), 9 (1974), осуществляемого совместно с Институтом истории искусств. В составе этих сборников — публикации отдельных наиболее значительных документов, обнаруженных в различных архивохранилищах Советского Союза, как-то: выступления деятелей кино, их статьи, сценарии, письма, мемуары, официальная документация. Наряду с публикацией документов в сборники включались и исследовательские работы киноведов, связанные с наиболее актуальными вопросами истории советского кино («Ленин и кино», «Октябрь на экране» и др.). Сборники «Из истории кино», хотя и носили научно-исследовательский характер, все же были рассчитаны на широкого читателя, интересующегося прошлым советского кино. В состав следующих сборников этого издания предполагается внести некоторые изменения, сделать их строго тематическими, посвящая отдельные выпуски крупнейшим представителям советского киноискусства.

В числе изданий по истории кино надо еще упомянуть сборник «Броненосец «Потемкин» (М., 1969) из серии «Шедевры советского кино». В известной степени он приближается к вышеупомянутым сборникам «Из истории кино» и очень разнообразен по составу. Сюда включены высказывания Эйзенштейна, документы, связанные с историей постановки фильма, статьи о нем, а главное — большой иллюстративный материал:

⁸ Довженко А. П. Собрание сочинений, т. 1—4. М., 1966—1969. См. рец.: Капранов Г. Чистые краски. — «Правда», 1969, 2 декабря.

фотографии кадров, рабочих моментов, воспроизведение рисунков, афиш и программ.

Новым типом издания для архива явился сборник «Встречи с прошлым» (М., 1970)⁹. Он был задуман как научно-популярное издание, отвечавшее на возросший за последнее время интерес к истории культуры, к нашему прошлому, к подлинным документам. Сборник рассчитан на массового читателя, о чем говорит 125-тысячный тираж, кстати, сразу же разошедшийся. Задача сборника — популяризация работы архива, введение в научный оборот неизвестных ранее документов, ознакомление читателя с обзорами архивных фондов, поступлениями новых материалов и проч. Доступность этого издания достигается путем отбора наиболее интересных документов, беллетризацией вступительных статей и обзоров, сохранением лишь самого необходимого справочного аппарата. Вступительная статья известного писателя, литературоведа, знатока архива И. Л. Андроникова посвящена деятельности ЦГАЛИ в целом и составу документов данного выпуска. Сборник создан и отредактирован силами сотрудников архива. Работа над его следующими выпусками продолжается.

В 1976 г. вышел второй выпуск с предисловием К. М. Симонова. В этом выпуске введены новые разделы: «Из истории архивов» и «Страницы из прошлого ЦГАЛИ». Подготовлен третий выпуск с предисловием Ю. А. Завадского.

Анализируя публикационную деятельность ЦГАЛИ за 30 лет, можно сделать следующие краткие выводы.

Возрастает количество печатных трудов ЦГАЛИ: с 1944 по 1953 г. объем вышедших сборников составил 71 печатный лист, за второе десятилетие — с 1954 по 1963 г. — 93, а за третье десятилетие достиг 690 печатных листов. Подъем археографической деятельности ЦГАЛИ объясняется тем, что вырос опыт сотрудников, укрепились связи архива с научно-исследовательскими институтами, уделяющими самое серьезное внимание публикации документов, и совместные издания стали более эффективными.

Одновременно совершенствуется и сама подготовка изданий, улучшилась археографическая обработка текстов, подлинно научный характер приобрели вводные статьи и комментарии, все более детализируется справочный аппарат. Большинство сборников отличается глубиной содержания, включает в себя впервые публикуемые документы, снабжено научно-справочным аппаратом, облегчающим использование сборников и дающим дополнительную информацию читателям. Все это подтверждают и многочисленные отзывы и рецензии, в основном дающие положительную оценку вышедших изданий.

Тематика изданий весьма разнообразна и охватывает многие проблемы истории развития советской литературы, театра, кино.

Очень различна и форма готовящихся архивом изданий. Здесь и сборники, посвященные творчеству отдельных деятелей советской культуры, куда, кроме работ самого автора, включаются документы других лиц, характеризующие его деятельность, как в сборнике «Л. В. Собинов», и собрания сочинений, включающие в свой состав впервые публикуемый материал. Наконец, серии тематических сборников, охватывающих определенные периоды развития той или иной области нашей культуры, например, истории советского театра.

На всем протяжении публикационной работы последовательно выдерживаются и два ее направления: углубление и расширение научных изданий, приближение их к типу академических и в то же время постепенное,

⁹ См. рец.: *Леонтьев Е.* Современники о современниках. — «Вечерняя Москва», 1971, 27 ноября; *Брайнина Б.* Встречи с прошлым. Сборник неопубликованных материалов ЦГАЛИ. — «Новый мир», 1972, № 1; *Фомичев С.* Встречи с прошлым. — «Звезда», 1972, № 2; *Литинский Г.* Дневник читателя. — «Театр», 1972, № 7; *Эйдельман Н.* В гостях у прошлого. — «Знание — сила», 1972, № 11.

настойчивое внедрение изданий научно-популярного характера, наиболее ярко представленных сборником «Встречи с прошлым».

Проводить столь значительную публикационную работу и притом весьма ограниченными силами ЦГАЛИ удастся в основном потому, что она является органической частью общего процесса деятельности архива.

Возможность публикации документа учитывается уже при комплектовании ЦГАЛИ. Большую роль здесь играет то обстоятельство, что архив комплектуется как материалами учреждений, так и документами личного происхождения. Это дает возможность создать в ЦГАЛИ комплекс материалов, взаимно дополняющих друг друга, что открывает широкие возможности их использования, в том числе и в публикационной работе. Практикует архив и собирание материалов по определенным темам (писатели — участники Великой Отечественной войны, актеры Малого театра, писатели-«знаньевцы» и т. д.) и привлечение отдельных документов частных лиц для сборников, издание которых уже осуществляется. Не случайно подготовка многих сборников была связана с получением архивного творческого наследия этих лиц. В настоящее время ведется работа над сборниками, посвященными А. Д. Попову, Е. Л. Шварцу, А. А. Яблочкиной.

Весьма облегчает публикационную работу предварительное изучение поступающих в архив материалов. Фактически наиболее интересные документы берутся на учет уже в стадии предварительной разборки в отделе комплектования. Однако наиболее полное их изучение проходит в процессе научного описания, которому сопутствует большая текстологическая работа, установление дат документов, расшифровка фамилий и имен лиц, с ними связанных. Используется в публикационной работе архива и предварительное выявление документов, проводимое как при научном использовании, так и особенно при каталогизации фондов.

Следует отметить, что в процессе подготовки издания накапливается материал, который может быть использован как для него, так и для других сборников. Например, перечни документов, выявленных при подготовке сборника «Советский театр», были включены в него в переработанном и обобщенном виде. Огромная справочная и текстологическая работа, проведенная архивом при составлении каталога переписки А. А. Блока, дает возможность перейти теперь к изданию этих писем, а также к подготовке летописи жизни и творчества поэта.

Немало способствовало улучшению качества изданий ЦГАЛИ совершенствование археографических методов и навыков. Отсутствие специальных пособий весьма затрудняло подготовку первых сборников. Появление «Правил издания исторических документов» (М., 1956), «Правил издания документов советского периода» (М., 1960) и «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1969), в разработке которых ЦГАЛИ принимал участие, значительно облегчило работу по подготовке документов к публикации. Вместе с тем, учитывая специфику издания документов деятелей литературы и искусства, архиву было необходимо в дополнение к существующим правилам разрабатывать отдельные вопросы методики подготовки тех или иных сборников. Так была разработана «Инструкция по археографической обработке документов серии сборников «Из истории культурного строительства в СССР» (М., 1959). Разработка теоретических и методических вопросов археографии способствовала качественному улучшению изданий ЦГАЛИ, и, в свою очередь, в этих пособиях закреплялся практический опыт архива в данной области.

Нельзя не отметить и научный рост архивистов-публикаторов. Если сначала их работа сводилась только к подготовке текстов публикуемых документов к изданию, а в качестве составителей, комментаторов и редакторов приглашались специалисты литературоведы и искусствоведы, то в дальнейшем, начиная с 60-х годов, сотрудники ЦГАЛИ выступают сначала как составители, а затем и как комментаторы и редакторы. Что же

касается сборника «Встречи с прошлым», то он от начала до конца подготовлен сотрудниками архива, причем не только отдела публикации, но и всего коллектива научных сотрудников. Многие сотрудники архива выросли за эти годы в научных специалистов, глубоко знающих свой предмет. Таковы киновед Ю. А. Красовский, глубоко изучившие наследие С. М. Эйзенштейна В. П. Коршунова и Г. Д. Эндзина, театровед К. Н. Кириленко, литературовед К. Н. Суворова, знаток творчества В. Э. Мейерхольда — М. М. Ситковецкая.

Как уже отмечалось, чрезвычайно важную роль в развитии публикационной деятельности ЦГАЛИ сыграло установление тесных научных контактов с другими исследовательскими учреждениями. Это Институт истории искусств, Институт театра, музыки и кинематографии в Ленинграде, Институт мировой литературы АН СССР, Научно-исследовательский институт теории и истории кино. Работая совместно с ними, ЦГАЛИ берет на себя, как правило, работу по выявлению материалов, их предварительному отбору, археографической обработке, текстологическому комментированию и проч. Крупные специалисты из институтов, используя предоставленный и обработанный архивом материал, дают его теоретическое раскрытие, обоснование поставленных проблем, характеристику эпохи. В известной степени эта совместная работа облегчает и положение с издательской базой, которая обычно предоставляется одним из участвующих учреждений.

Именно поэтому своими ближайшими задачами на будущее ЦГАЛИ считает расширение и изыскание новых форм сотрудничества с близкими по профилю учреждениями, совершенствование изданий, дальнейшую разработку документальной базы для советского литературоведения и истории советского искусства.

С. В. Житомирская

ВОПРОСЫ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ РУКОПИСНЫХ МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКОВ ¹

Своеобразие дневников и воспоминаний как исторических источников определяется самой их функцией, отличающей источники этого вида от всех других: они создаются отдельными лицами для фиксации и интерпретации и прошлого, и мгновенно ускользающего из настоящего в прошлое исторического бытия. Этот вид источников, как и вообще документы личного происхождения, дает исследователям важнейший и неповторимый материал для понимания взаимодействия субъективного и объективного в истории, раскрытия социально-психологических и идеологических процессов, протекающих в обществе. Сама история предстает перед потомками на страницах дневников и воспоминаний и так, как она фактически совершалась, и так, как она отражалась в сознании современников; историк, лишенный этих источников, увидел бы не живую картину ушедшего в прошлое мира, а лишь приблизительную и плоскую схему его.

Естественно то пристальное внимание, с каким всегда относилась наука к воспоминаниям и дневникам. Если их не так уж часто исследовали теоретически как особый вид источников, то достаточно много печатали и постоянно использовали. Наука накопила значительный опыт их источниковедческого анализа, и методы этого анализа продолжают совершенствоваться.

Вместе с тем свойственная этому виду источников, вытекающая из самой их природы, откровенная, даже демонстративная субъективность породила традиционное и все более укореняющееся торопливое желание источниковеда предостеречь исследователя, напомнить ему прежде всего о сомнительной достоверности субъективных свидетельств и о первостепенной важности исторической критики при их использовании. Естественно также, что эта тенденция тем сильнее, чем ближе к источниковеду прошлое, о котором повествуют мемуарные источники. Кажется иногда, что научное значение источников этого рода начинает как-то тускнеть и исчезать под шквалом этих предостережений и оговорок, сопровождающих всякое упоминание о них.

Между тем не совсем прав был И. Г. Эренбург, сказавший, что «наша эпоха оставит мало живых показаний» ². Потребности жизни, потребность человеческой личности в осмыслении себя и своего времени не перестают вовлекать в этот род творчества многих людей, и мемуарная литература, одно время приумолкнувшая, с каждым годом занимает все большее место на наших книжных полках. Неотложной, хотя и трудно выполнимой задачей, без осуществления которой нельзя обеспечить развитие науки, становится библиографирование опубликованных мемуаров.

¹ К выходу в свет справочника: Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. М., 1976. Сост. Л. П. Балашова, К. И. Бутина и др. Под ред. С. В. Житомирской.

² *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь, кн. 1—2. М., 1961, с. 6.

Легко понять, что еще больше по объему важная для науки и мало еще известная масса неопубликованных мемуарных источников, которая в составе личных архивных фондов и коллекций наполняет архивохранилища.

Изданный Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина справочник «Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей» представляет собой попытку приоткрыть для исследователей небольшую часть рукописных мемуаров. В связи с выходом этой книги уместно обратиться к некоторым вопросам, касающимся мемуаров и дневников вообще — и как источника и как историко-культурного факта. Некоторые замечания по этому поводу необходимы не только затем, чтобы разъяснить археографические принципы составителей, реализованные в этом издании, но и для того, чтобы попытаться представить эти принципы в процессе формирования.

Основной проблемой, стоявшей перед составителями в начале работы, было определение круга источников, которые предстояло описать. Для этого следовало прежде всего выбрать ту или иную систему терминов и тесно связанную с ней классификацию. Но установившейся терминологии для интересующих нас письменных источников пока нет, а их классификация, предлагавшаяся уже во многих вариантах, тоже остается дискуссионной. Все это определяется, на наш взгляд, сложностью и неоднозначностью самого объекта рассмотрения, его принадлежностью одновременно к разным рядам произведений человеческой мысли и деятельности. Среди литературных произведений, к которым несомненно относятся мемуарные источники, они занимают промежуточное и неустойчивое место, сливаясь то с одним, то с другим жанром (словом «жанр», как кажется, их можно обозначить с тем же правом, как и назвать «видом исторических источников»). В области исторической документации их можно найти и среди нарративных источников (дневники) и среди вполне официальных документов служебного назначения (автобиографии, например). Кроме того, нельзя упускать из виду легкость слияния и превращения одних видов мемуарных источников в другие и близость их к иным видам источников, например к письмам³.

Выделяя из массы материалов личных архивов рукописи, которые предстояло описать в справочнике, следовало прежде всего определить самые понятия подлежащих отбору объектов и принципы их отбора. Нельзя не согласиться с мнением о необходимости собирательного понятия для воспоминаний и дневников как особого типа источников и предложением для него термина «мемуарные источники»⁴. Лучше было бы даже, приняв его, не употреблять, как это часто бывает, в качестве собирательного понятия слово «мемуары» — синоним одной из разновидностей этих источников — воспоминаний. Однако пока эта терминология не стала общепринятой, составители книги предпочли отказаться от нее в заглавии. В данной же статье мы предпочитали термин «мемуарные источники» как собирательное понятие, обнимающее собой все виды рассказов отдельных лиц о прошлом, опирающихся преимущественно на память рассказчика и созданных с целью фиксации и осмысления этого прошлого.

Мемуарные источники наиболее очевидно делятся на дневники и воспоминания, отличающиеся по приемам создания, внутренней структуре и функции произведения. Действительно, в одном случае (воспоминания) перед нами цельное, подчиненное общему замыслу произведение, единый связный текст, всегда написанный позже того времени, о котором повествует автор. Этих его признаков не меняет ни часто встречающееся деле-

³ См. об этом: *Дмитриев С. С.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. — В кн.: *Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970, с. 350—351.*

⁴ *Деревинца Л. И.* О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (историография вопроса). — *«Вопросы архивоведения», 1963, № 4.*

ние на части и главы (по хронологическому или тематическому принципу), ни иное какое-либо построение произведения, например композиция его в виде серии этюдов о современниках. В другом случае (дневник) мы имеем дело с отрывочными, часто не связанными между собой записями, заносимыми в текст либо изо дня в день, либо с промежутками, иногда очень значительными, но всегда синхронно событиям.

Однако четкость такого разграничения очевидна только на первый взгляд. Не менее существенными оказываются черты, сближающие произведения обоих видов.

Фиксируя настоящее, дневниковые записи возникают как ближайшее непосредственное отражение и осмысление событий сегодняшнего дня, и в то же время они всегда в какой-то степени воспоминание о них, уже ушедших в прошлое.

Эта прерывистая микроструктура дневника не бросается в глаза, и дневник воспринимается обычно как литературная (или документальная) фиксация настоящего; однако наблюдения над отдельными записями легко обнаруживают этот двойственный его характер. Он особенно очевиден в тех случаях, когда записи в дневнике не ежедневны, а охватывают сразу какой-то значительный отрезок времени. Часто именно это время бывает очень важно для автора, насыщено эмоциями, впечатлениями или сложными событиями, которые и оторвали его от дневника, — а записи о них, сделанные позже, уже утрачивают специфически-дневниковые свойства, и главным образом сохраненная в них отрывочность, повременность структуры отличает их от воспоминаний⁵.

Нет, например, существенной разницы ни по содержанию, ни даже по характеру текста и авторской интерпретации событий между дневником человека, находившегося в Кремле в октябре 1917 г. и бывшего очевидцем боев красногвардейцев с юнкерами, и воспоминаниями того же лица, записанными по окончании боев и после победы революции в Москве⁶. Кроме того, само осмысление автором дневника событий настоящего сплошь и рядом несет в себе сложное отражение ретроспективы его жизни — иногда явную фиксацию событий прошлого, но чаще скрытую, пропускающую лишь при внимательном анализе. К первому варианту, особенно характерному для дневников-самоотчетов, относится, например, дневник Л. Н. Толстого. Толстой считал эту фиксацию (и прямо это выразил) одной из главных функций дневника. «Последние три года, проведенные мною так беспутно, — писал он 14 июня 1850 г., — иногда кажутся мне очень занимательными, поэтическими и частью полезными; постараюсь пооткровеннее и поподробнее вспомнить и написать их. Вот еще третье назначение для дневника»⁷. Второй, весьма частый в дневниках вариант, — рассмотрение текущих событий в свете прошлого жизненного опыта автора.

Дневник насыщается впечатлениями, сохранившимися в памяти, и очень часто сливается с воспоминаниями, когда краткие записи, сделанные на месте происходящих событий, — событий, как правило, необычных (в дороге, на войне, в обстановке политических или иных острых ситуаций) — впоследствии «приводятся в порядок» в спокойной обстановке.

⁵ Ср., например, дневниковые записи Л. Н. Толстого, сделанные в первой половине сентября 1862 г. — в период влюбленности и сватовства к С. А. Берс, с первой записью после свадьбы: «20, 21, 22, 23, 24 сентября. Непонятно как прошла неделя. Я ничего не помню, только поделу у фортепьяно и появление сатаны, потом ревности к прошедшему, сомнения в ее любви и мысль о том, что она себя обманывает. . .» и т. д. (*Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 20-ти т., т. 19. М., 1965, с. 252—254).

⁶ Ср., например, дневниковые записи С. П. Бартечева, сделанные 26 октября — 2 ноября 1917 г. (*Бонч-Бруевич В. Д.* Кремль в Октябре семнадцатого (по неопубликованным документам Октябрьской революции). — «Красная новь», 1932, № 11, с. 208—223), с его же неопубликованными воспоминаниями, написанными в ноябре 1917 г. (ГБЛ, ф. 369, 375. 34).

⁷ *Толстой Л. Н.* Собр. соч., т. 19, с. 47—48.

При этом раскрываются имена, расшифровывается символика записей, отдельные памятные вехи, наскоро обозначенные как зарубки для памяти, превращаются в подробное описание соответствующих эпизодов. Сохраняя дневниковую форму, повествование приобретает характер связного, последовательного рассказа о событиях, возможного только при последующем их осмыслении. Иногда автор с самого начала предполагает предстоящее превращение дневников в воспоминания и рассматривает их лишь как заготовку для последних. Такое соотношение первоначальных записей с созданным в конечном результате произведением совсем иного жанра характерно, например, для книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»⁸ и вообще для журналистских блокнотов, которые, несмотря на их специфический характер, иногда трудно отличить от дневников. С другой стороны, воспоминания могут откровенно включать в себя прежние дневники или их части, как это сделал, например, В. В. Сухомлин⁹, либо могут быть построены на дневниковых записях, не обнаруживая этого ни в композиции, ни в форме текста: в таких случаях автора выдает лишь точность деталей, обычно не сохраняющихся в памяти столь долго¹⁰. Тем не менее деление мемуарных источников на воспоминания и дневники, невзирая на зыбкость границы между ними, для нужд классификации достаточно удобно.

Каждый из этих двух основных видов мемуарных источников, кроме того, включает в себе ряд разновидностей и особых вариантов. Исследователь или библиограф, работающий только с изданными мемуарными источниками, сталкивается со значительно меньшим их разнообразием, чем тот, кто отбирает их из массы документальных материалов личных архивов. Для последнего становится особенно очевидной трудность разграничения этих источников с другими материалами и их обоснованной внутренней классификации.

К сожалению, ни один из предложенных в последние годы вариантов классификации¹¹ нельзя признать полностью удовлетворительным:

⁸ *Старцев А. И.* Русские блокноты Джона Рида. М., 1968, с. 6—7.

⁹ *Сухомлин В. В.* Гитлеровцы в Париже. — «Новый мир», 1965, № 11—12. Этот случай особенно характерен для взаимопроникновения дневников и воспоминаний. В предисловии автор пишет: «В июне 1940 г. мне пришлось увидеть вступление немцев во французскую столицу. У меня сохранились дневники, которые я вел в оккупированном Париже и на юге Франции. С их помощью я попытаюсь воскресить картины парижской жизни в первые месяцы оккупации» (с. 111). На следующих нескольких страницах помещен текст дневников, который производит впечатление подлинного, — но лишь до тех пор, пока его не сравнить с сохранившимися, к счастью, в архиве В. В. Сухомлина его блокнотами 1940—1941 гг. (ГБЛ, ф. 543. Фонд не обработан). В них — те краткие отрывочные записи, какие только и могли быть сделаны в дни падения Франции: слова сокращены, ситуации лишь отмечены для памяти в двух-трех словах, имена, как правило, обозначены начальными буквами, не снабжены никакими (не нужными, конечно, автору) разъяснениями, которыми, напротив, изобилует текст, опубликованный в «Новом мире». Таким образом, этот текст, не только литературно обработанный, но и обогащенный фактическим материалом, есть на деле симбиоз реального дневника времен оккупации Парижа и позднейших воспоминаний автора об этом времени; он, в свою очередь, в качестве подлинного дневника вставлен частями в текст написанных в начале 1960-х годов воспоминаний об оккупации Парижа.

¹⁰ В качестве примера можно напомнить соотношение той части «Воспоминаний» А. Г. Достоевской, где рассказано о ее знакомстве с Достоевским и их романе, с соответствующими записями в ее дневнике 1867 г. (любопытно при этом отметить, что последние, хотя и записаны в дневнике, но, в свою очередь, являются воспоминаниями о событиях, происходивших за год до записи. См. об этом подробно в моей статье, предвещающей публикацию этого дневника. — «Литературное наследство», т. 86. М., 1973, с. 164).

¹¹ *Черноморский М. Н.* Мемуары как исторический источник. М., 1959; *Деревнина Л. И.* Указ. соч.; *Кардин В.* Сегодня о вчерашнем. Мемуары и современность. М., 1961; *Дмитриев С. С.* Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 3; *он же.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. — В кн.: Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970.

они либо не учитывают реальную сложность и разнородность классифицируемых объектов, либо нарушают единый принцип построения ряда, кладя в основу схемы не один, а несколько не связанных между собой признаков. Так, М. Н. Черноморский делит мемуарные источники то по объекту повествования («собственно мемуары», т. е. воспоминания автора о своем жизненном пути, и «воспоминания», т. е. рассказ лишь о тех событиях, в которых пришлось участвовать автору), то по приемам создания текста (авторские произведения и литературная запись), расставляя все эти разнородные рубрики в единый ряд.

С. С. Дмитриев, отвергая классификацию М. Н. Черноморского и, в частности, отнесение «литературных записей» к воспоминаниям, по существу отказывается от попытки классификации, рассматривая мемуарные источники лишь по хронологии и социальной или профессиональной принадлежности автора, что, с нашей точки зрения, определяет лишь содержание, а не жанровые или видовые особенности источника.

Л. И. Деревнина, основывая свою классификацию мемуарных источников на различиях авторской индивидуальности и позиции (воспоминания — авторское рассмотрение прошлого с позиций настоящего; дневники — авторское рассмотрение прошлого с позиций, свойственных ему в самом этом прошлом, и т. д.), выделила две отдельные группы — «литературные записи» и стенограммы, нарушив тем самым свой логический ряд и не всегда убедительно мотивируя это нарушение.

Думается, что созданию классификации мемуарных источников должна предшествовать еще значительная работа. Принцип классификации научно определится лишь тогда, когда сами эти источники предстанут перед нами во всем своем разнообразии и анализ каждого варианта как вида источников позволит уловить объединяющие и разъединяющие их черты. Этой задаче косвенно служит и рассматриваемое издание.

* * *

Наиболее сложна для такого анализа группа источников, которую мы обобщенно назовем *воспоминаниями*.

Отмечается обычно, что воспоминания как особый литературный жанр «занимают промежуточное положение между произведениями художественной литературы <...> и произведениями научно-исторической литературы»¹². Это верно; однако с тем же правом можно было бы поместить воспоминания как вид источника между произведениями художественной литературы, с одной стороны, и служебными и научными отчетами, с другой; между автобиографическим романом, с одной стороны, и обычной автобиографией, лежащей в каждом личном деле в отделах кадров и, наряду с анкетой, к которой она приложена, несомненно являющейся одним из видов биографических документов. Эти противопоставления можно продолжить. Мемуарные источники (как и частная переписка) являются именно той областью, на которой легче всего продемонстрировать условность отделения документальных материалов от книжной письменности, так называемой «деловой» документации — от частной и вообще применения этих терминов с их кажущейся недвусмысленностью к той неопределенной, зыбкой и вечно движущейся в своих границах массе письменной фиксации человеческой мысли и деятельности, которая составляет понятие «письменные исторические источники».

Для справочника «Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. . . .» необходимо было выработать критерии отбора того материала, который предстояло описать (или хотя бы условиться с будущим читателем об этих критериях), и предложить свою — назовем ее «рабочей» — классификацию.

¹² Дмитриев С. С. Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в., с. 351.

К воспоминаниям было решено отнести все виды рассказов отдельных лиц о прошлом: о своей жизни, своем времени, отдельных случаях, событиях, людях, известных авторам по личным впечатлениям или по рассказам других. Удачно определил это понятие В. Шкловский; по его мысли, воспоминания — «это рассказ о том, что сам видел или по крайней мере слышал в давнее время. Они — признание в том, что ты сам сделал и думал»¹³.

Архивист, говоря о воспоминаниях, обычно имеет в виду письменный текст. Однако в принципе к ним могут относиться и рассказы устные, зафиксированные в звуке (на пластинке или магнитной ленте) или в звуке и видеозаписи. Способ фиксации рассказа не меняет его жанровой принадлежности, хотя и накладывает существеннейший отпечаток на его форму, композицию и соответственно на содержание, превращая его в особую разновидность жанра¹⁴.

Но большей частью в архивах хранятся обычные, написанные автором воспоминания. Первым направлением их отбора и определения их разновидности являлось установление грани, — почти всегда очень неопределенной, — отделяющей воспоминания от художественной литературы, основанной на автобиографическом материале.

Мы, разумеется, оставляем здесь в стороне тот факт, что любые произведения художественной литературы являются обобщением и отражением личного жизненного опыта и суммы впечатлений писателя. Не рассматриваем мы также и вопрос об изменении функции произведения во времени и восприятия его читателями-современниками и читателями-потомками в зависимости от эпохи, в которую оно увидело свет. Составителям справочника приходилось иметь дело с рукописями, рассматривать тексты независимо от их литературной судьбы и, следовательно, подходить к ним, как к данности, отыскивая критерии отбора только в них самих.

Бывают, естественно, совершенно очевидные случаи, когда в творчестве одного писателя можно найти и романы, полностью лишенные мемуарных черт, и произведения, принадлежность которых к воспоминаниям не оставляет сомнений. Сравним, например, роман В. А. Каверина «Исполнение желаний» и книгу его воспоминаний «Здравствуй, брат, писать очень трудно». Сравнение это тем более убедительно, что оба произведения рассказывают об одном и том же времени.

Но гораздо чаще между такими крайними точками творчества одного писателя лежит широкий круг произведений, которые то ближе к мемуарам, то дальше от них и, даже приближаясь к этому жанру, все-таки не сливаются с ним совсем. Это хорошо прослеживается, например, в произведениях такого писателя, как В. П. Катаев, идущего в своем творчестве от повести «Белеет парус одинокий», где автобиографический элемент целиком подчинен вымыслу писателя и поглощен им, к повести «Трава забвения» — по преимуществу художественному произведению, которое, однако, уже затруднительно с достаточной уверенностью поставить по одну или иную сторону искомой грани, и, наконец, к его произведению «Волшебный рог Оберона», которое так и хотелось бы решительно отнести

¹³ Шкловский В. Память и время. — «Новый мир», 1964, № 12, с. 205.

¹⁴ С источниковедческой точки зрения, своеобразное явление представляют устные рассказы И. Л. Андропикова, создаваемые именно для устного произнесения и даже в процессе произнесения и поэтому неотделимые от личности рассказчика. Как источник они включают в себя жест, голос, мимику, наконец, артистическое перевоплощение рассказчика в объект своего повествования. Ближе всех к подлинному источнику, следовательно, телефильм; однако эти рассказы существуют параллельно в виде звукозаписей, а некоторые зафиксированы и письменно. Здесь очевидно, как непосредственное впечатление от лица или ситуации, послужившее толчком к кристаллизации прежних разрозненных впечатлений и породившее, — быть может, одновременно — устный рассказ, превращается с течением времени в воспоминания. В обычной письменной форме этот рассказ не отличался бы от дневниковой записи, но записи художника, обобщающего свои впечатления в образах.

к мемуарам, если бы фантазия писателя и специфические художественные приемы не проявлялись им так демонстративно на каждой странице.

Это слияние и неразделимость жанров, определяющие собой всю сложность проблемы, связаны еще и с тем, что воспоминания, написанные писателем, не только непременно являются произведениями художественной литературы, но в иных случаях становятся вершинами его творчества и закономерно входят в мировую классику. Достаточно вспомнить в этой связи «Исповедь» Руссо и «Былое и думы» Герцена. «Я предпринимаю дело беспрецедентное и которое не найдет подражателя, — писал Руссо в начале своей «Исповеди». — Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, и этим человеком буду я»¹⁵. Подобный замысел не может реализоваться в скромном по функции жанре воспоминаний, и такое произведение, как это и случилось, должно быть прежде всего романом о себе. А вот как объяснял замысел своих мемуаров Герцен: «Это не столько *записки*, сколько *исповедь*, около которой, по поводу которой собрались там-сям схваченные воспоминания из *Былого*, там-сям остановленные мысли из *Дум*. Впрочем, в совокупности этих пристроек, надстроек, флигелей *единство есть*, по крайней мере мне так кажется»¹⁶.

Эта точнейшая, как всегда у Герцена, характеристика сама приводит к нужному выводу. Действительно, это произведение *равно* занимает свое место и в истории русской литературы и общественной мысли, и среди мемуарных источников по истории русской литературы и общественной мысли.

Как же практически решали составители справочника проблему отбора воспоминаний из писательских творческих рукописей, одновременно обладающих признаками художественной и мемуарной литературы? Главным критерием являлось (и мы не нашли другого реально возможного выхода) отсутствие или наличие вымышленных персонажей и ситуаций или смешение их с реально существовавшими лицами и событиями. С этой точки зрения, «История моего современника» В. Г. Короленко и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова были бы признаны воспоминаниями, а «Детство, отрочество, юность» Л. Н. Толстого — отвергнуто. Как видно из этих примеров, простое избрание автором для себя вымышленного имени в автобиографическом произведении (прием, употребленный С. Т. Аксаковым) не служило основанием для сомнения в его мемуарной жанровой принадлежности. Там же, где для установления автобиографических реалий пришлось бы заниматься исследованием сложной и ненадежной для классификации проблемы прототипов литературных героев и историчности ситуаций, произведение отвергалось заведомо. Уже упоминавшаяся повесть В. П. Катаева «Трава забвения» была бы тоже несомненно отвергнута, несмотря на преобладание в ней автобиографического элемента: отделив себя, реального писателя Катаева, о молодости которого и, скажем, о разговоре которого с реальным же Буниным идет там речь, от вымышленного (хоть сквозь него и просвечивает молодой Катаев) Пчелкина, писатель взломал законы мемуарного жанра и смог свободно ввести в свое произведение необходимую для его целей долю вымысла.

Вторым направлением отбора являлось отделение воспоминаний от публицистики и корреспонденций, а также от историографии и научно-популярной литературы. Здесь возникал свой ряд проблем. В самом деле, произведение, в котором автор обобщает свои впечатления от посещения, например чужой страны, может быть воспоминанием; помещенное в газете сразу вслед за написанием и обнаружившее, таким образом, свою функцию, оно оказывается очерком, статьей или корреспонденцией. Помещенное в той же газете спустя несколько лет, оно снова превращается в воспоминания или, по крайней мере, колеблется между этими двумя жанрами.

¹⁵ Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. М., 1949, с. 33.

¹⁶ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 8. М., 1956, с. 9.

Но, больше того, войдя впоследствии вместе с другими подобными произведениями в отдельную книгу автора о той же стране, оно может с равной степенью вероятности оказаться частью книги мемуарной, публицистической или исследовательской, ничем не обнаруживая своей чужеродности характеру этой книги (легко найти такие примеры, проанализировав, например, выпущенные за последние годы книги советских журналистов — корреспондентов в зарубежных странах).

Среди авторов, творчество которых в этом плане подлежало нашему рассмотрению, особо следует отметить В. Д. Бонч-Бруевича. Один из наиболее плодотворных и авторитетных мемуаристов советского времени, он в 1920—1930-е годы необыкновенно активно сотрудничал в прессе. К этим годам относится большинство его мемуарных произведений, одно только описание которых занимает 32 страницы справочника. Кроме этого, он написал в те же годы большое количество публицистических и исследовательских статей и брошюр, основанных уже не на памяти и даже не на документах личного архива, а, как и всякая подобная работа, на широком круге источников. По привычке же мемуариста и по тому значению, которое Бонч-Бруевич придавал закреплению живых свидетельств современников в памяти потомков, он обычно и в эти свои произведения вводил какие-то памятные эпизоды прошлого. Отыскание грани «мемуарного» и «не мемуарного», таким образом, становилось делом субъективным и не имеющим строгих оснований.

В этом случае составители избрали в качестве критерия прежде всего целевое назначение произведения — там, разумеется, где его можно было обнаружить. При отборе отвергались корреспонденции в газеты и журналы и те статьи, где мемуарный элемент был незначителен и подчинен общему исследовательскому или публицистическому заданию. Несомненно, однако, что зачастую отделить эти жанры вряд ли удалось, и какие-то в равной степени «мемуарные» произведения могли и отразиться в справочнике, и оказаться за пределами его.

Близка к этой проблеме и третья задача: отделение воспоминаний от деловых, служебных или научных отчетов. Трудность этой задачи была, однако, тем меньше, чем ближе была рассматриваемая рукопись к нашему времени. Современный человек, даже очень далекий от проблем стилистики и жанровых отличий, тонко чувствует особенности, диктуемые официальным, литературным или частным назначением текста. Но полтора столетия назад письменные показания декабристов, затребованные от них высочайшим их тюремщиком, в рассматриваемом аспекте мало отличались по стилю и характеру от их же собственных автобиографических записок; содержание, разумеется, в соответствии с обстоятельствами отличалось коренным образом.

Любопытным примером текста со строго определенным деловым целевым назначением, являющегося одновременно подробнейшими и увлекательнейшими автобиографическими записками, служит «Записка о службе» И. П. Липранди¹⁷. Написанная с целью добиться нового служебного назначения, служащая самооправданием и напоминанием о своих заслугах начальству, она не должна была бы выходить за рамки соответствующей этой задаче документа. Между тем не так уж много мемуарных произведений, где полная превратностей жизнь автора и само его время раскрывались бы с такой верностью особенностям именно мемуарного жанра. И все же составители в раздумье останавливались перед этой рукописью: ведь это служебная бумага. Недаром она не была включена в первый подобный справочник в 1951 г.¹⁸, хотя к тому времени она была хорошо известна и уже 70 лет хранилась в Отделе рукописей. Тем не менее

¹⁷ См. о ней: *Эйдельман Н.* «Где и что Липранди?..» — «Пути в неизвестное», сб. 9. М., 1972, с. 127 и сл.

¹⁸ Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII—XIX вв. (из фондов Отдела рукописей). Под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. М., 1951.

в конце концов предпочтение было отдано автобиографической, а не деловой стороне этой рукописи, а это помогло окончательному формированию критерия: при отборе из докладов, отчетов, записок и других деловых документов, содержавших одновременно рассказ автора о тех или иных событиях его жизни или наблюдавшихся им, привлекались лишь те немногие, где целевое назначение не определяло характера рассказа и текст представлял собой свободное повествование. Так была включена в книгу записка некоего подполковника М. А. Зигерн-Корна об англо-бурской войне, несмотря на очевидно служебные цели, с которыми он был командирован во время этой войны в Южную Африку и писал эту записку.

Расширило рамки справочника и включение в него целой группы биографических документов, диктовавшееся прежде всего практическими соображениями. Речь идет об обычных кратких жизнеописаниях, прежде именовавшихся «*Curriculum vitae*», теперь же — автобиографиями. Подобные документы каждый составляет не раз в течение своей жизни. Природа их, однако, тоже двойственна. С одной стороны, это краткий документ информационно-биографического характера, служебного или иного делового назначения, с другой же — это пусть краткий, но все же рассказ человека о событиях и фактах своей жизни. Правда, отбор сообщаемых в автобиографии фактов определяется главным образом назначением документа. Но разве нет подобной внутренней задачи отбора фактов в любых мемуарах? Отдать предпочтение документальной природе автобиографий и отказаться от них? Но здесь пришлось принять во внимание соображения совсем иного рода.

В Отделе рукописей ГБЛ, как и во многих других хранилищах, имеются материалы к изданным (или только задуманным) биографическим и био-библиографическим словарям, например, к альбому «Сто русских писателей. Портреты, биографические данные, образцы произведений», изданному В. А. Никольским в 1904 г., к литературным и театральным справочникам, подготовленным в 1920-х годах В. Г. Лидиным, словарю членов Общества друзей книги и пр. Часть собранных для этого автобиографий вошла в издания, часть — по разным причинам — не вошла. При анализе их оказалось, что авторы, даже ограниченные задачей краткой информации, часто сообщали такие детали жизни, творческого становления или духовного развития, которые прямо сближали автобиографии с другими, уже несомненно мемуарными источниками. Вместе с тем эти автобиографии не так уже сильно отличались и от обычных официальных. Вопрос нужно было решать для всей их совокупности. Решило его прежде всего сознание ответственности перед будущим историком.

Историк России XIX—начала XX в. располагает богатейшим набором персональных и биографических справочников. Описанию их посвящена главным образом известная фундаментальная работа И. М. Кауфмана объемом более 70 печ. л.¹⁹ В ценнейшей библиографии «Справочники по истории дореволюционной России»²⁰ издания, содержащие сведения об отдельных лицах, занимают добрую половину всех учтенных в ней пособий.

Историк, изучающий нашу современность, поставлен в значительно более трудные условия, нежели историк, исследующий далекое прошлое. Последнему достаточно упоминания о том, что анонимный автор изучаемого текста был в таком-то году, скажем, чиновником судебной палаты во Владимире, чтобы, пользуясь персональными справочниками, не только быстро установить имя этого автора, но и проследить весь его жизненный путь. Историк нашего времени для установления хотя бы имени или социального статуса автора в момент создания документа

¹⁹ Кауфман И. М. Русские биографические и библиографические словари. М., 1955.

²⁰ Справочники по истории дореволюционной России. Библиография. Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1971.

требуются несоизмеримые с задачей длительные архивные разыскания, к тому же часто безуспешные.

Современная информация в печати касается только крупнейших деятелей, сведения о которых включены в энциклопедии. В этих условиях составители каждого справочника, несущего в себе данные персонального и биографического характера, в особенности о людях советского времени, просто обязаны отказываться от многих обоснованных самоограничений. Составителями, как это было и в данном случае, должна руководить мысль о насущных и столь мало удовлетворяемых информационных потребностях исторической науки, еще более — о том внимании, с каким наше время будет изучаться потомками, и, наконец, о том тяжелом положении, в которое мы их поставим, не издавая разнообразных биографических справочников²¹.

Именно поэтому было решено включить в предлагаемый указатель даже обычные служебные автобиографии, отложившиеся, например, в фондах Бонч-Бруевича (сотрудники Государственного литературного музея), В. И. Невского (РАНИОН и Комакадемия) и др.

При описании воспоминаний как группы мемуарных источников необходимо было найти, кроме того, свои определения для каждой их разновидности.

Произведения, где излагался преимущественно жизненный путь автора, чаще всего определялись как автобиографические записки. Следует помнить, что реализация произведений такого рода часто значительно отличается от авторского замысла. Люди обычно принимаются за мемуары в конце жизни, «подводя итоги»²², и, задумав широкую и последовательную картину своей судьбы, нередко успевают выполнить только часть этой задачи. Поэтому столь многие автобиографические записки не доходят до кульминационных моментов жизни автора.

Сохранился, например, много обещавший, но не реализованный план книги В. В. Сухомлина «Записки русского интеллигента». Он успел написать воспоминания о детстве²³ да несколько этюдов, относящихся к студенческим годам, участию в революционном движении 1906—1907 гг. и тюремному заключению в Одессе в 1907 г. Из всей последующей жизни он описал лишь период начала второй мировой войны: упоминавшиеся уже воспоминания «Гитлеровцы в Париже».

Еще в меньшей степени завершены автобиографические записки Х. А. Абрикосова, толстовца, принадлежавшего к известному роду купцов и фабрикантов Абрикосовых. Мемуаров купцов сохранилось сравнительно мало, и каждое такое произведение — ценнейший и редкий источник для истории возникновения и развития русского капитализма²⁴. Задумав обширное произведение, Абрикосов, однако, успел изложить историю рода только до жизни своего отца. Остался нетронутым важней-

²¹ Положению с изданием справочников была посвящена убедительная статья С. Машинского («Золотоискатель перед Гималаями». — «Литературная газета», 1972 г. 29 ноября). Однако печальная картина, им нарисованная, относилась к одной из наиболее благополучных в этом смысле областей — к литературе. Со справочниками о людях науки дело обстоит много хуже, а уж сведений о советских, партийных, хозяйственных работников, врачах, учителях, библиотекарях, рабочих и колхозниках, за исключением немногих самых выдающихся их представителей, вообще нигде нельзя найти. Ежегодно выходящий в России в XIX в. адрес-календарь, в XX в. — с его техническими возможностями — лишь мечта историка.

²² Автобиографические записки начинают писать смолоду крайне редко. Это случается с людьми большой творческой потенции, склонными к самоанализу, рано заставляющему их обращаться к своим «истокам», либо с людьми, для которых характерна ранняя очень высокая самооценка и непрерывная фиксация своей жизни для будущего. Пример такого раннего автобиографического творчества мы находим у В. Я. Брюсова (ГБЛ, ф. 386, 1.3).

²³ «Детство на Каре». — «Прометей». Историко-биографический альманах, т. 3. М., 1967, с. 264—305.

²⁴ О них см.: *Кафенгауз Б. Б.* Купеческие мемуары. — В кн.: Московский край в его прошлом, кв. I. М., 1928.

ший для истории русского капитализма и соответственно для истории самой семьи Абрикосовых период — вторая половина XIX — начало XX в.; за пределами записок осталась необычная, но в то же время характерная судьба самого автора — последнего в дореволюционной России потомка этого рода, отказавшегося от уготованной ему дороги фабриканта, ставшего последователем учения Толстого и пытавшегося вернуться к патриархальной крестьянской жизни.

Произведения, посвященные не столько жизненному пути автора, сколько отдельным историческим периодам, людям и событиям, происшедшим во время его жизни, мы определяли большей частью словом «воспоминания». И, наконец, краткое изложение автором своего жизненного пути обозначалось как автобиография или промежуточная форма между автобиографическими записками и краткой автобиографией — автобиографический очерк.

Эти основные видовые определения не могли, однако, исчерпать необходимую для понимания и описания особенностей произведения характеристику — они не охватывали всех вариантов. Поэтому в ряде случаев приходилось прибегать к более частным и конкретным определениям, разясняющим и особенности того или иного произведения и мотивы его включения в справочник.

Так, не предусматривалось, как правило, включение в книгу биографий разных лиц и некрологов. В огромном большинстве случаев произведения такого рода являются либо компиляциями, либо исследованиями, опирающимися на различные источники и меньше всего — на память автора. Встречаются, однако, биографии и некрологи, написанные близкими к объекту повествования лицами, в рассказе которых мемуарный элемент либо по объему, либо по значимости превалирует над сведениями, заимствованными из других источников. Такой характер носят некоторые статьи, тоже в виде исключения описанные в справочнике. В этих случаях и появлялись определения типа: «статья, основанная на личных воспоминаниях», «биография с элементами воспоминаний» и т. п. Мы не ставили перед собой задачу строгой унификации подобных определений: при огромном разнообразии вариантов, с которыми приходилось иметь дело, такой ригоризм лишил бы справочник важных для исследователя оттенков, а иногда мог и исказить представление о произведении.

Наконец, необходимо было установить принципы отбора произведений с необычными способами фиксации текста. Мы отмечали выше, что содержание и назначение служат определяющими моментами в классификации мемуарных источников, и поэтому нельзя считать воспоминания вообще, литературные записки воспоминаний, стенографические или протокольные записки их равнозначными делениями одного классификационного ряда: последние два вида источников есть лишь частные случаи первого. Однако форма очень существенно отражается на свойствах текста как источника и определяет собой специфические приемы его изучения. Поэтому в связи с отбором таких произведений возникали свои проблемы.

Первая из них относилась к записям воспоминаний других лиц. Они отнюдь не являются чем-то однородным. Между записями рассказов родителей о своей молодости или предках, с которых начинаются обычно автобиографические записки, рассказом няни Веры Артамоновны о войне 1812 г., с которого начал А. И. Герцен свое «Былое», и таким вариантом, как книга «От Путивля до Карпат», где в качестве автора обозначен рассказчик — С. Ковпак, а фактически книга написана с его слов писателем Е. Герасимовым²⁵ (т. е. «литературная записка», как это обычно называется), лежит множество разнородных произведений, с трудом укладываемых в жесткие рамки каких-либо систематических разграничений.

²⁵ Об этом подробнее см.: *Черноморский М. И.* Мемуары как исторический источник, с. 13—15; *Новикова М.* Мемуары и жизнь. Симферополь, 1957.

Вопрос об авторстве литературных записей и вообще о природе этого жанра сложен и пока недостаточно исследован в литературе. Впрочем, эта проблема и не стояла перед составителями данного справочника в литературоведческом аспекте. Но и при рассмотрении их как источника возникла разнобой в отборе и особенно в приемах описания. Анализируя аргументы в пользу авторства рассказчика или лица, записавшего чужой рассказ, следует, на наш взгляд, постоянно иметь в виду, что запись эта как мемуарный источник всегда представляет собой как бы двухслойный объект, на который можно взглянуть с равным правом как через один слой, так и через другой. Воспоминания рассказчика доходят до нас только через воспоминания об этом рассказе другого, записавшего их лица. Таким образом, любое решение в этом случае остается неким условным приемом. Прибегая к нему по необходимости, мы приняли в качестве основного автора рассказчика, указав везде на факт записи его рассказа другим лицом. Правда, учитывая состав наших фондов, нам не пришлось отбирать такие «литературные записи», которые, в сущности, являются просто романом о каком-либо лице, основанным отчасти на его собственных рассказах. Поэтому мы оставляем в стороне вопрос о произведениях такого рода.

Наконец, доклады, речи и другие устные выступления, сохранившиеся в стенографической и протокольной записи. В том случае, когда публичные выступления текстуально подготовлены автором заранее и сохранился этот первоначальный текст, они не отличаются от любого другого написанного автором мемуарного текста. Другое дело — стенограммы и протокольные записи. Эта особенность источника тоже определяет его своеобразие — неуверенность в идентичности стенограммы фактически произнесенному тексту требует дополнительной критики его как источника; еще менее достоверна протокольная запись, большей частью очень краткая; тут часто не до тонкостей: понять бы мысль оратора. Чужое авторское влияние здесь проявляется главным образом в большей или меньшей степени компетентности и точности стенографистки или секретаря. Тем не менее пренебречь подобными записями устных воспоминаний, не закреплённых авторами в обычной письменной форме, было бы ошибкой. Иногда эти свидетельства, особенно если они предназначены для определенного узкого круга слушателей, содержат факты, не встречающиеся в таком объеме в других источниках. Укажем для примера на стенограмму выступления В. Д. Бонч-Бруевича в 1941 г. перед военнослужащими в Казани, являющегося не просто воспоминаниями, а целой небольшой энциклопедией методов конспиративной подпольной деятельности большевиков (ГБЛ, ф. 369, 4.8, 10).

Именно вследствие такого подхода составители расписали и включили в настоящее издание многочисленные протоколы заседаний несколько раз менявшего свое название общества «Старая Москва», где в 1920-х годах систематически выступали с воспоминаниями многие люди, никогда в иной форме не делившиеся тем, что сохранилось в их памяти, и заседаний Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

* * *

Вторая большая группа мемуарных источников — *дневники* — значительно более однородна. По давно установившейся традиции в справочнике сохранены в качестве самостоятельной разновидности дневников «путевые записки». Впрочем, дело здесь не только в приверженности к традициям, но и в том, что этот вид дневника особенно часто выступает в качестве того симбиоза дневника с воспоминаниями, о котором уже шла речь, и такой промежуточной форме удобно было присвоить особое наименование.

В плане классификации этими двумя разновидностями — дневником и путевыми записками — разнообразие дневников и исчерпывается. На деле же словом «дневник» обозначаются такие различные по функции тексты, что само это слово в сущности является лишь собирательным наименованием различных видов отрывочных датированных записей. Часто дата, проставленная в начале записи, и служит решающим признаком дневникового характера рассматриваемого текста, хотя, в сущности, могут быть датированы, скажем, и записи в рабочих тетрадях учебного, совсем не служащие дневниковым целям. Можно себе представить, например, перед какими трудностями отбора стояли издатели дневниковых записей В. О. Ключевского, рассеянных среди его научных заметок и афоризмов²⁶. Как раз в этом издании легко обнаружить, что именно дата, предшествующая записи какой-то мысли, часто служила издателям единственным аргументом в пользу отнесения ее к дневниковой части книги.

К подлинному, не переработанному впоследствии дневнику с полным основанием можно отнести известные слова Герцена: «Письма больше, чем воспоминанья, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное»²⁷. С большим правом — ибо письма адресованы другому лицу, и как ни близко, быть может, это лицо, у автора все-таки всегда остается нечто, доступное лишь самому себе.

Принципиальная разница между синхронным и ретроспективным восприятием действительности одним и тем же лицом лучше всего была выражена А. И. Герценом. Рассказывая в предисловии к «Былому и думам» о своих ранних автобиографических записках, он писал: «Тон «Записок одного молодого человека» до того был розен, что я не мог ничего взять из них; они принадлежат молодому времени, они должны остаться сами по себе. Их утреннее освещение нейдет к моему вечернему труду»²⁸.

В отличие от воспоминаний, которые в конечном итоге во всех вариантах преследуют цель сохранения в памяти людей прошлого (самой ли личности автора или окружавшего его мира) дневники служат разным целям: они могут быть закреплением фактов текущей действительности для себя, близких и потомства или для практических, справочных или иных нужд, могут быть средством самоотчета и самоанализа, направленного к нравственному самоусовершенствованию или профессиональному становлению, наконец, могут фиксировать отдельные важные автору мысли. Таким образом, говоря «дневник», мы все еще не определяем назначения, а следовательно, и признаков того текста, о котором идет речь. Поэтому отбор дневников и дневниковых записей (этим термином удобно обозначать разрозненные, ничем не связанные записи дневникового характера, разделенные иногда целыми годами) от записей другого рода, которых так много в личных фондах, совсем не так прост.

Легче и определеннее всего обстоит дело с дневниками, откровенно демонстрирующими свою задачу фиксации фактов жизни автора и окружающей действительности, такими, как известные дневники Д. А. Милютина, А. В. Никитенко и многие другие. Но уже дневники, подобные дневникам Л. Н. Толстого, где факты жизни — всегда лишь материал для углубленного самоанализа, «беседы со своей душой», и чем дальше, тем больше ему подчинены, нелегко отличить, особенно если имеешь дело с фрагментом, от других, совсем не дневниковых записей. Сам Толстой писал о своих дневниках: «Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей — преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня телесно не будет, и что в этом нет ничего дурного < . . . > Они нужны, может быть, для других, а для меня, наверное, — не то, что нужны, а они — я»²⁹.

²⁶ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

²⁷ Герцен А. И. Указ. соч., т. 8, с. 290.

²⁸ Там же, с. 11.

²⁹ Толстой Л. Н. Собр. соч., т. 20. М., 1965, с. 236.

Но вот автор другого дневника прямо декларирует иную его функцию, прежде всего — функцию самовоспитания: «Нужно, чтобы дневник, который мы ведем, не был только болтовней < . . . > Нужно, чтобы он помог нам формировать характер, непрерывно его исправлял, выпрямлял»³⁰. В этом дневнике уже почти не улавливается связь записей с фактами жизни автора или истории его времени: только пристальное внимание к собственному духовному облику, попытка «видеть ясно, осветить себя внутри для других и для себя самого», при этом — с существенной оговоркой: «Хватит ли у меня мужества рассказать другим правду, которую мне не хватает мужества рассказать себе самому?»³¹. Как видим, здесь все же упоминаются «другие», и к ним тоже обращен дневник. Но, замыкаясь на авторе, дневник может принять такую форму, характерным примером которой является дневник М. В. Муратова «Передуманное» (ГБЛ, ф. 486, не обработан), по содержанию точно отвечающий своему заглавию: только мысли, в разное время и по разным поводам возникшие и записанные.

Но даже самый обычный дневник, посвященный исключительно фактической истории лица, семьи или эпохи, тоже склонен смещаться к другим жанрам, по временам неотличимо сливаясь с ними. Так, трудно установить грань перехода от кратких дневниковых записей о жизни семьи к хронологической канве этой жизни (см., например, у П. А. Базилевского — ГБЛ, ф. 15, 4.1), а от них — к записи для памяти семейных дат, которая, кажется, совсем уж не имеет отношения к дневникам и которую легко обнаружить почти в каждом старом семейном архиве на чистом листе молитвенника или месяцеслова. Взаимосвязь дневников и воспоминаний мы уже рассматривали выше.

И, наконец, надо сказать несколько слов о письмах. Архивист или историк-исследователь, приступивший к выявлению воспоминаний и дневников в архивах, вообще не должен искать их среди переписки, столь очевидно отличающейся от мемуарных произведений. Кроме того, только отказ от просмотра писем может вообще сделать этот отбор реально осуществимым — иначе само выявление дневников и воспоминаний затянулось бы в любом крупном хранилище на десятки лет. Принимая это необходимое решение, всегда надо помнить, однако, что при этом за пределами учтенных дневников и воспоминаний обязательно останутся идентичные произведения, заключенные в письмах. Речь идет не о фиксации фактов своей жизни или совершающихся событий, присущей письмам так же, как дневникам и воспоминаниям, но производимой со своей собственной эпистолярной целью — информации о ней адресата³². Эта сходная с мемуарными источниками функция писем очевидна, но не перевешивает различий в целевом назначении, определяющем вид источника. Мы имеем в виду другое: нередко встречающееся включение в письма мемуарных произведений (целиком или в виде фрагмента) либо замысел мемуарного произведения в виде собрания писем, либо, наконец, заведомо двойное предназначение (и письмо, и дневник, например) создаваемого документа, при рассмотрении которого трудно отдать предпочтение той или другой цели. Несомненно, что такие случаи во множестве останутся неизученными, ибо для их установления необходимо прочесть многие сотни тысяч писем. Укажем все же на некоторые встретившиеся варианты и выдвинутые ими проблемы. Вот один из случаев. В свое время М. О. Гершензон опубликовал под названием «Замогильные записки» книгу воспоминаний

³⁰ Ренар Ж. Дневник. М., 1965, с. 131.

³¹ Там же, с. 135, 275.

³² Нет сомнения, что автобиографические сведения, сообщаемые Толстым своему биографу П. И. Бирюкову в письмах, написанные он их на отдельном листке, были бы восприняты как отрывок автобиографии (см., например, письмо от 24 декабря 1905 г. — Толстой Л. Н. Собр. соч., т. 18, с. 370—372), но выявление подобных мемуарных элементов в письмах неосуществимо, да, вероятно, и не нужно.

В. С. Печерина³³, подлинник которых хранится в Отделе рукописей ГБЛ, в архиве Ф. В. Чижова. Напрасно, однако, было бы искать в описи этого архива рукопись такого произведения. Дело в том, что воспоминания эти заключены частично в письмах Печерина к своему племяннику С. Ф. Пояркову, частично в письмах к самому Чижову³⁴. При этом некоторые фрагменты воспоминаний отчетливо отделены по форме от текста писем и лишь приложены к ним (что давало бы право рассматривать их вообще вне принадлежности к переписке), другие же — есть неотъемлемая внутренняя часть письма, написанного с обычными для письма целями. «При жизни батюшки, — пишет Печерин в середине письма к С. Ф. Пояркову от 28 марта 1867 г., где до этого места шла речь о текущих событиях жизни, — неловко было писать о тех обстоятельствах, в которых заключается тайна моей жизни и без которых она осталась бы необъяснимой загадкой. Теперь надобно возвратиться назад в Одессу в 1815 г. Я остановился на этих словах: «С этого времени начинается моя ненависть к притеснителям и я становлюсь посредником между тиранами и их жертвами». Теперь продолжаю. . .» Далее следует фрагмент воспоминаний, за которым без перехода идет текст: «Примите эти строки как знак моего искреннего уважения и сердечного доверия. Надеюсь, что ваша любезная супруга и милые дети, слава богу, здоровы. Поручаю себя вашему родственному воспоминанию»³⁵. Публикатор, со свойственной тому времени свободой обращения с источниками, расположил эти фрагменты в избранном им порядке, заключив некоторые из них в рамку из отрывков писем. В результате по изданию трудно понять особенности публикуемого источника, и лишь обращение к подлиннику обнаруживает его своеобразие. Как мы отметили, рукописи этих воспоминаний, широко известных благодаря указанному изданию, были описаны в качестве единого мемуарного произведения, несмотря на то, что часть их несомненно являлась письмами. Составителям никогда не удалось бы найти их среди писем, если бы не предшествующая их публикация.

Второй случай встретился при подготовке справочника и повлек за собой иное решение. В 1906 г. защитники матросов — участников ноябрьского восстания 1905 г. в Севастополе — П. И. Корженевский и Н. К. Муравьев попросили своих подзащитных описать события, участниками которых они были. Собранные ими тексты хранятся в архиве Корженевского в Отделе рукописей ГБЛ и частично опубликованы в сборнике, изданном к 50-летию первой русской революции³⁶. Однако тексты эти неоднородны: часть из них носит ярко выраженный мемуарный характер, жанр других трудно установить с полной определенностью (эпистолярные по форме, по существу они не отличаются от других воспоминаний), третьи — просто письма, ответы на вопросы Корженевского и пр. Составители отобрали для описания в справочнике лишь те из документов, которые не оставляли сомнений в своей принадлежности к воспоминаниям, хотя отказ от описания остальных спорен и легко может быть подвергнут критике с точки зрения их целевой определенности.

Наконец третий, может быть, самый сложный случай. Рассмотрим и его на некоторых примерах. В архиве Булгаковых в Отделе рукописей ГБЛ хранится переписка А. Я. Булгакова с женой. О характере этих писем читатель может судить по частичной их публикации в печати³⁷. В обзоре архива говорится: «Супруги Булгаковы довольно часто разлу-

³³ Печерин В. С. Замогильные записки. М., 1932.

³⁴ Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII—XIX вв. (Из фондов Отдела рукописей), с. 113—114.

³⁵ Печерин В. С. Указ. соч., с. 30—37.

³⁶ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. М., 1956. Подробнее об этих материалах см.: Сидорова А. Б. Архив П. И. Корженевского. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», М., 1972, вып. 33, с. 49—52.

³⁷ «Русский архив», 1866 (№ 1—12), стлб. 703—711, 715—731.

чались <...> И письма А. Я. Булгакова, и письма его жены являются своеобразными дневниками, содержащими подробнейший отчет об ежедневной жизни и занятиях супругов во время их разлуки»³⁸. Вполне вероятно, что если бы А. Я. Булгаков почему-либо лишен был возможности писать жене, а заносил бы свои впечатления в дневник, то текст его очень незначительно отличался бы от текста этих писем. Следствием душевной близости с адресатом была почти столь же малая скованность автора, как если бы он писал все это в дневнике. И тем не менее письма остаются письмами, дневники — дневниками, и нет никаких оснований относить письма А. Я. Булгакова к мемуарным источникам.

Бывает, что подробные письма близким пишутся (особенно во время далеких поездок) именно для того, чтобы превратить их потом в целостные путевые записки, а то и в книгу воспоминаний. Так, И. А. Гончаров начинал свою книгу «Фрегат „Паллада“» с писем семье Майковых. Так же написаны, например, путевые записки А. В. Рачинского «Походные письма ополченца по Южной Бессарабии в 1855—1856 году» (ГБЛ, ф. 139, 9.4). В этих случаях, как и в некоторых других, рассмотренных нами раньше, первичный текст значительно отличается от позднейшей переработки, и неудивительно, что при этом один вид источников (письма) может превращаться в другой (мемуары), служа этому другому документальной базой.

Но вот перед нами произведение иного рода, хотя и очень близкое первому из наших примеров. В 1827 г. жена декабриста И. Д. Якушкина Анастасия Васильевна, встретившись с мужем на пути его в Сибирь, узнала, что он просит ее не следовать за ним на каторгу, а остаться в России и посвятить себя детям. Потрясение ее было очень велико. Некоторые жены декабристов уже разделили к этому времени судьбу своих мужей, другие деятельно готовились последовать их примеру. Собиралась в эти месяцы в дорогу и Н. Д. Фонвизина, тоже молодая мать двух маленьких детей. Именно в это время, в течение трех месяцев, А. В. Якушкина ведет предназначенный мужу и обращенный к нему дневник, который она намеревалась передать ему, минуя почту, с одной из отъезжающих³⁹. Одновременно она пишет и отправляет ему письма по почте. Разница между письмами и рассматриваемым документом определяется, однако, не только подцензурным и минуящим цензуру путем их следования, и даже не тем, что дневник этот имел целью миновать также «семейную цензуру» матери А. В. Якушкиной — Н. Н. Шереметевой, читавшей все письма дочери и делавшей к ним приписки на тех же листках. Сам род записей, хотя и обращенных к адресату, все же носит характер не писем, предназначенных к отправке вслед за написанием, а некоего комплекса собираемых воедино подневных записей, впечатлений и мыслей. И в то же время это — письмо, распространенное во времени, пишущееся в течение месяцев, но тем не менее письмо — страстное и полное раскрытие своих мыслей и чувств определенному адресату.

Вот два отрывка из него: «19 октября. Этот маленький дневник ты получишь с верным человеком, и я его начинаю с момента нашего горестного расставания. Я хотела бы тебе раскрыть самые печальные уголки моего печального сердца»⁴⁰. «23 октября <...> Все ушли к обеду, а я с детьми осталась дома. Евгений завтракает около меня, он ест котлету; Вячеслав играет. Я пишу тебе этот дневник, когда никого нет, я не хочу,

³⁸ Герасимова Ю. И. Архив Булгаковых. Материалы А. Я. и К. Я. Булгаковых. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», М., 1969, вып. 31, с. 64.

³⁹ Дневник А. В. Якушкиной. — «Новый мир», 1964, № 12, с. 138—152. По предположению автора послесловия, Н. В. Якушкина, дневник был отослан с Н. Д. Фонвизиной, уехавшей в Сибирь в январе 1828 г. Однако из самого текста дневника ясно, что он был отослан по крайней мере двумя частями и первая из них была отправлена раньше отъезда Фонвизиной: «Прощай, отправляю эти листки, — пишет А. В. Якушкина в конце, — часть их уже отослана раньше» (с. 151).

⁴⁰ Там же, с. 138.

чтобы это видели посторонние»⁴¹. Автор, как видим, не сомневается в наименовании своего текста, называет его дневником и публикатор, а все же мы, читающие в конце каждой записи: «Прощай, милый друг» или «Прощай, дорогой, я тщетно пытаюсь казаться лучше, чем я есть», осознающие предназначение этого дневника-письма, не можем не видеть его неразделимо-двойственный характер. Поставленные перед необходимостью выбора, мы, вероятно, все же включили бы подобные тексты в справочник и описали бы их в нем как дневники.

Последняя группа материалов, от которых нужно отделять дневники и о которой следует упомянуть, это так называемые «журналы» служебного или иного официального назначения, в более позднее время тоже часто именуемые дневниками (например, дневники археологических, геологических, фольклорных и иных экспедиций). В личных архивах и особенно в коллекциях хранится довольно много материалов такого рода, причем часто — в фондах лиц, по долгу службы составлявших эти «журналы». Это может быть полковой, судовой, камер-фурьерский или иной придворный журнал; в XVIII и XIX вв., например, каждая поездка членов императорской фамилии за границу сопровождалась составлением «Журнала пребывания его императорского высочества» такого-то там-то. Многие из рассматриваемых «журналов» по самому их характеру должны были заполняться сменявшими друг друга лицами, дежурными в данный день; другие велись одним, специально назначенным лицом. Отделение подобных материалов от частных дневников представляло значительные трудности как раз в этом последнем случае и, может быть, его нельзя провести с достаточной строгостью. Тем не менее составители пытались следовать избранному ими принципу исключения из своего издания «журналов» и дневников служебного характера.

* * *

В заключение — несколько общих замечаний. Проблема достоверности или оценки описанных в справочнике мемуарных рукописей не входила в задачу издания. Не может она быть и предметом рассмотрения в рамках данной статьи. Хотелось бы лишь заметить, что сведение оценки источника к таким эпитетам, как «субъективный», «односторонний», «узко-классовый», и употребление их при этом в качестве синонимов слова «недостоверный», достаточно распространенное в литературе, кажется нам неправомерным. Подобная оценка, будь она и справедлива, вовсе еще не исчерпывает, однако, ни вопроса о достоверности мемуаров, ни проблемы их значения как источника. Точность сообщаемых мемуаристом фактов, имен, дат, ситуаций — очень важное качество источника, к которому, однако, не следует сводить оценку его достоверности: неточный и тем самым, казалось бы, недостоверный рассказ о какой-нибудь, например, встрече в прошлом, где неверно названы присутствовавшие и смещены события, может быть в то же время достовернейшим свидетельством того, как эта встреча была воспринята автором, а может быть, и всем его кругом. Мемуары, как и всякий субъективный источник, всегда ограничены личностью своего создателя, но вместе с тем они — незаменимый источник для познания этой личности⁴². В этом смысле они не более и не менее достоверны, чем любой исторический источник. Ведь даже такой вполне объективный документ, как международный договор, закрепляющий определенную выработанную сторонами правовую норму, отнюдь не отражает еще практику действительных отношений между сторонами.

⁴¹ Там же, с. 140.

⁴² См. ряд верных наблюдений об этом в статье: *Рошаль Л. М.* К методике составления каталогов мемуаров и дневников. — «Труды Московского государственного историко-архивного института», 1961, т. 16, с. 267—270.

«Все знают, насколько разноречивы рассказы очевидцев о том или ином событии, — писал И. Г. Эренбург, приступая к своим воспоминаниям, — < . . . > Политическая буря, разразившаяся в Париже 15 мая 1848 года, описана Гюго, Герценом и Тургеневым; когда я читаю их записи, мне кажется, что речь идет о различных событиях»⁴³.

Из этого справедливого наблюдения вытекает, на наш взгляд, несколько выводов, прямо относящихся к интересующему нас вопросу. Во-первых, разная оценка событий не есть еще сознательная их фальсификация. Но если бы среди рассказов о французской революции 1848 г. оказались даже мемуары ее палача, генерала Кавеньяка, который пожелал бы оправдать себя в глазах потомства очернением парижского пролетариата, то и такие мемуары, с их очевидной тенденциозностью, были бы ценны для нас как источник: не поняв Кавеньяка, трудно понять события июня 1848 г. Во-вторых, очевидно, что для познания или хотя бы приближения к познанию действительной истории какого-либо события нужно изучить освещение ее разными людьми с разных позиций.

Наконец, нельзя никогда упускать из виду, что мемуарный источник есть исторический факт, он — одно из изучаемых историком идейных явлений определенной эпохи. Лишь при таком подходе становится понятной идейная эволюция мемуариста, меняющая его рассказы о прошлом, написанные в разное время; он позволяет оценить по достоинству глубокое замечание Герцена: «„Былое и думы“ не были писаны подряд; между иными главами лежат целые годы. Оттого на всем остался оттенок своего времени и разных настроений — мне бы не хотелось стереть его»⁴⁴.

К историческим явлениям, какими являются мемуарные источники, следовало бы, на наш взгляд, в известном смысле подходить так же, как П. В. Анненков предлагал когда-то писать биографии: «Прежде всего хотелось бы нам, чтобы навсегда была отвергнута система отдельного изъяснения и отдельного оправдания всех частностей в жизни человека, а также и система горевания и покаяния, приносимого автором за своего героя, когда, несмотря на все усилия, не находит более слов к изъяснению и оправданию некоторых явлений < . . . > Живой характер, глубоко обдуманый и искренне переданный, носит уже в себе само пояснение и оправдание всех жизненных подробностей, как бы разнообразны, противоречивы или двусмысленны ни казались они, взятые врозь и отдельно друг от друга. Он освобождает биографа от необходимости стоять в недоумении перед каждым пятнышком, придумывая средства, как бы вывести его поскорее, и отстраняет другую, еще важнейшую беду, видеть пятно там, где его совсем нет и где только существует игра света и тени, порождаемая естественным отражением характера на других предметах и лицах»⁴⁵.

Руководствуясь всеми этими соображениями, составители справочника, характеризуюя авторов и сами источники, стремились сообщить исследователям только фактические сведения об авторах и возможно более адекватное изложение содержания дневников и воспоминаний.

Более того, одним из главных стремлений составителей было приблизиться к такой аннотации, которая сохраняла бы свойственную авторскому взгляду на мир связь вещей и их понимание, что дало бы читателю более ясное представление об авторе и системе его воззрений, чем сообщаемые о нем вначале внешние биографические данные. Это тонкое раскрытие содержания источников осуществлялось, естественно, в терминах, свойственных нашей науке, а не мемуаристу; составители не позволяли себе, однако, врываться в текст аннотации, воспроизводящей в конспективном виде ткань самого произведения, с критикой авторской позиции. Исправ-

⁴³ Эренбург И. Г. Указ. соч., кн. 1—2, с. 9.

⁴⁴ Герцен А. И. Указ. соч., т. 8, с. 7.

⁴⁵ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 65—66.

лялись лишь очевидные фактические ошибки в датах (иногда с оговорками) и в именах упоминаемых лиц, — если ясно было, о ком идет речь.

При всем том аннотации, как и обычно, дают лишь приближенное представление о подлинном тексте. Само соотношение объемов аннотаций с объемами текстов источников свидетельствует о неизбежной неполноте раскрытия произведений обширных по сравнению с более краткими.

Последнее замечание — об указании на публикацию описанных в книге мемуарных источников. Значительная часть их уже появлялась в печати — до поступления в Отдел рукописей ГБЛ или после того. Одной из задач справочника являлась информация читателя о степени известности каждого из этих источников в науке; без этого справочник потерял бы свое значение. Необходимо было указать читателям на публикации и на различия между печатными текстами и включенными в справочник рукописями. Опубликованные тексты не было нужды аннотировать, однако неполная публикация требовала раскрытия неизвестной в печати части текста.

При этом неожиданно обнаружилось еще одно информационное направление предлагаемого справочника: по отношению к описанным в нем источникам, во многом типичным, он явился также пособием для истории археографии, вскрыв и эволюцию приемов публикации мемуарных источников почти за два века, и сложную, интереснейшую цензурную историю многих из них.

Таким образом, в указателе заключено одновременно несколько информационных рядов: биографический, библиографический, источниковедческий, археографический. Все они, надо надеяться, будут полезны исследователям.

В. Л. Янин

К ХРОНОЛОГИИ «ТОРГОВОГО УСТАВА» КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА

В 1856 г. Макарий Миролюбов издал рукопись XVI в., содержащую запись о ружных церквах Новгородца и его епархии. «Подлинная запись сия, — сообщал издатель, — без начала, в разбитых листках, хранится в библиотеке новгородского Софийского собора»¹. В этом документе упомянут архиепископ Александр (1577—1589), годы деятельности которого и определяют широко дату «Записи».

Имеются возможности максимально уточнить эту дату. В «Записи» упоминается хутынскй игумен Сильвестр, имя которого фигурирует в писцовой книге Леонтия Аксакова по Торговой стороне Новгородца, составленной в 1582 г.: «. . . а ныне тот двор по даной Ондрея же Корюкова за Спаским монастырем, что на Футине, за игуменом Селивестром з братиею»². Между тем еще в 1581 г. настоятелем в Хутыне был не Сильвестр, а Дионисий³. В качестве настоятеля Александрo-Свирской Троицкой пустыни «Запись» называет Иоасафа, но в 1583 г. в этом монастыре игуменствовал Дионисий⁴. Наконец, антониевским игуменом — по «Записи» — был Мисаил, известный в той же должности в 1572 и 1573 гг.⁵, но к 1584 г. относится игуменство в Антониеве монастыре уже Кирилла⁶. Эти сопоставления ограничивают дату «Записи о ружных церквах» 1581—1583 гг.

Наиболее существенная особенность «Записи» состоит в ее двуслойности, которая проявляется в скрытом использовании двух разных систем денежного счета при исчислении клирового жалования. Для иллюстрации этой особенности воспользуемся отрывком, который касается назначения руги монастырю Двенадцати апостолов:

«В монастырь святых Апостол на Чудинцову улицу игуменье Софье рубль и два алтына и четыре деньги, да пятнадцати старицам по пяти алтын без дву денег. И всего годовые руги в тот монастырь денег три рубли и шесть алтын.

¹ Макарий. Запись о ружных церквах и монастырях в Новгородце и в новгородских пятинах. — «Временник ОИДР», кн. 24. М., 1856, Смесь, с. 25—39. См. также: Хорошев А. С. «Ружная роспись» новгородских церквей и время ее составления. — «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974, с. 113—115.

² Майков В. В. Книга писцовая по Новгородцу Великому конца XVI в. СПб., 1911, с. 217.

³ Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 347. В 1581 г. Дионисий из хутынских игуменов был поставлен Иваном IV в московские митрополиты.

⁴ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 992.

⁵ Новгородские летописи, с. 121; Грамоты Великого Новгородца и Пскова. М.—Л., 1949, с. 160 (подтвердительная Ивана IV к «грамотам Антония Римлянина»); Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгородце и его окрестностях, ч. 2. М., 1860, с. 83 (надпись на резной иконе).

⁶ Грамоты Великого Новгородца и Пскова, с. 160 (подтвердительная Ивана IV к «грамотам Антония Римлянина»).

В тот же монастырь, к церкви святых Апостолов идет годовые руги попу Михаилу Федорову четыре рубли, дьячку Богданку Федорову полтина, понамарю Якушу Иванову полтина, на свечи за полпуда воску пол осмнадцать алтына, да на понахиды по великаго князя родителей за полпуда воску ⁷ четыре алтына с деньгою, да на вино и на темьян и на ладан семь алтын без дву денег. И всего годовые руги трем человекам, за воск, и за мед, и за вино служебное, и за темьян, и за ладан денег пять рублей и двадцать восемь алтын и две деньги ⁸.

Переведем эту смету на язык более понятных цифр, начав с руги церковному клиру. Здесь мы имеет дело с круглыми на московский счет суммами: попу — 4 руб., дьячку — $\frac{1}{2}$ руб., понамарю — $\frac{1}{2}$ руб., на панихиды — 25 денег ($\frac{1}{8}$ руб.), за вино, темьян и ладан — 40 денег ($\frac{1}{5}$ руб., или 2 московские гривны). Выпадает из этой серии рациональных исчислений только $17\frac{1}{2}$ алтын за воск, но здесь круглым оказывается количество воска (полпуда), а цена его определена рыночной конъюнктурой.

Иное дело — смета монастырской руги: игуменье — 1 руб. 2 алтына и 4 деньги, старицам — по 5 алтын без 2 денег. С точки зрения московского счета, эти суммы иррациональны и неудобны. Переведем их, однако, в копейки: игуменье — 108 коп., старицам — по 14 коп. Мы легко опознаем в этих суммах рациональные величины новгородской денежной системы: 108 коп. — новгородская полтина, 14 коп. — новгородская гривна.

Очевидно, что даже в небольшом цитированном отрывке мы встретились с пластами документа, имеющими разный хронологический смысл. Исчисление руги по новгородскому счету принадлежит к более раннему времени, нежели ее исчисление по московскому счету. Нужно полагать, что в какой-то более ранний период, когда предшествующий вариант «Записи» содержал только первоначальный пласт, все фигурирующие в ней суммы были выражены в новгородских единицах. Они были приведены к «московскому знаменателю», когда «Запись» была дополнена новыми назначениями руги, исчисленными уже в московских единицах.

Расслоить записи по этим пластам нетрудно. Более ранняя часть во всех случаях распознается по уже замеченному признаку громоздкости сумм, приведенных к московским денежным единицам. Однако само по себе такое расслоение еще не открывает даты формирования более ранней части «Записи». Счет по новгородской денежной системе держался на севере долго, практически на протяжении всего XVI в. ⁹, хотя писцовые книги, пользуясь им, постоянно демонстрируют его реликтовый характер. Он в эпоху писцовых книг как бы перекрыт московским счетом, как это наглядно видно и в «Записи о ружных церквах». Вводя в свои расчеты новгородский рубль или новгородскую гривну, писцовые книги передают традицию, древность определения дохода, но подводят итоги по московской системе.

Самостоятельное существование новгородской денежной системы несомненно вплоть до реформы Елены Глинской в начале 30-х годов XVI в., когда изменение монетной стопы отменило древний новгородский рубль в традиционные 170 г серебра. Поэтому с формальной точки зрения у исследователей нет права, обнаружив, как это только что установлено для «Записи о ружных церквах», наличие в каком-либо документе новгородского и московского пластов денежного счета, утверждать, что первый относится к эпохе новгородской независимости, а второй —

⁷ «Воску» написано по ошибке вместо «меду». Цена 4 алтына с деньгой в «Записи» неоднократно сопутствует полупуду меда. Воск стоил гораздо дороже.

⁸ Макарий. Запись о ружных церквах, с. 29.

⁹ Обширный подбор примеров употребления новгородского денежного счета в XVI в. см.: Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени. — «Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества», 1906, т. I, вып. 1, с. 109—118.

к периоду подчинения Новгорода Москве. И тем не менее поставить вопрос о возможности включения в «Запись» домосковских норм нужно. Для проверки такого предположения необходимо только искать независимые аргументы.

Следы назначения руги в первоначальных новгородских единицах обнаруживаются в записях о следующих церквях:

Покрова Богородицы надвратная в кремле,
Иоанна Златоуста в кремле,
Спаса Преображения надвратная в кремле,
Андрея Стратилата в кремле,
придел Николы к церкви Михаила на Прусской улице,
придел Трех Отроков к той же церкви,
придел Николы к Введенской церкви на Прусской улице,
монастырь Двенадцати апостолов на Чудинцевой улице,
Симеона Столпника на Чудинцевой улице,
Ивана Предтечи на Опоках (за исключением придела Захарии),
Благовещения на Городище,
Козмы и Демьяна на Городище.

Кроме того, небольшие суммы (на воск, милостыня) в первоначальных новгородских единицах назначены церкви Михаила на Михайловой улице, Антошиеву и Хутынскому монастырям, загородной церкви апостола Петра на Волхове и монастырю Николы на Голинех.

Хотя все эти церкви и монастыри существовали со времен новгородской независимости, самый их подбор отличается определенностью. Все четыре кремлевские церкви расположены в южной части Детинца, освоенной после 1478 г. дворцовым управлением московского великого князя; здесь расположился наместничий двор и государевы житницы. К дворцовому ведомству относятся также городищенские церкви, находившиеся в древней резиденции новгородского князя, церковь Петровского погоста на Волхове, «писаная в дворцовой волости»¹⁰, и монастырь на Гольневе, где, согласно писцовой книге Шелонской пятины 1501 г., располагался двор великого князя¹¹. Чудинцевские церкви после присоединения Новгорода к Москве отошли к архиерейскому дому, а бывшая приходская церковь Двенадцати апостолов превращена во владычный монастырь¹². Статус придельных церквей на Прусской улице неясен, однако и приведенных материалов достаточно, чтобы догадаться о времени назначения руги большинству перечисленных выше церквей. Очевидно, что ранний пласт «Записи о ружных церквях» относится к первым годам по присоединении Новгорода к Москве и отражает заботу московской администрации об освоении той части новгородского наследства, которая поступила непосредственно в руки московских светских и духовных чиновников.

Существует, однако, исключение. Имеется в виду определение руги для церкви Ивана на Опоках. Эта знаменитая в истории Новгорода церковь была ружной и до присоединения Новгорода к Москве, причем жалование клиру шло от великого князя. Об ивановской руге шла речь во время переговоров Новгорода с Иваном III в Троице 13 января 1479 г.: «Да и о попех Ивановских говорили. . . , чтобы попом ругу отдали, задние годы, что им не дали, да и вперед бы давали ругу»¹³. Это требование, надо полагать, опиралось на древний порядок, запечатленный в известном «Рукописании» князя Всеволода Мстиславича, в котором назначение

¹⁰ Новгородские писцовые книги, т. 3. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г., первая половина. СПб., 1868, стлб. 478.

¹¹ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг., I. Списки селений. М., 1914, с. 17.

¹² Майков В. В. Указ. соч., с. 94—102.

¹³ ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, с. 186.

жалования ивановскому клиру определялось именно княжеским решением.

Вокруг «Рукописания» Всеволода давно уже ведутся споры, в ходе которых мнение М. Н. Тихомирова о восхождении этого документа к первой половине XII в. столкнулось с мнением А. А. Зимина о возникновении «Рукописания» в конце XIV в.¹⁴ А. А. Зимин связывает его появление с успехами антимосковской борьбы 1385 г. и, следовательно, трактует самый документ как фальсификат, имевший определенный политический смысл. Посмотрим, что для разрешения этого спора дает привлечение показаний «Записи о ружных церквах». Для сравнения положений «Записи» и «Рукописания» используется древнейшая — Троицкая — редакция «Рукописания».

Рукописание Всеволода

А оброка попом, и дьякону, и дьяку, и сторожам из весу воцаного имати: попом по осми гривен серебра, а дьякону четыре гривны серебра, а дьяку три гривны серебра, а сторожам три гривны серебра. А имати им той оброк и в веку, на всякий год по моему данью великого князя Всеволода. . .

А имати старостам купецким и купьцем из весу из воцаного на полътретьяцать гривен серебра, на всякий праздник святого Ивана и в век, а старостам купецким святого великого Ивана ставити на праздник святого Ивана семьдесят свечь и темьян и ладан. . .

А пети в праздник владыце. А старостам купецким и купцам дати владыце гривна серебра да сукно ипское.

А на завтрее пети анхимандриту святого Егоргиа, а взяти ему полъгривне серебра.

А на третей день пети игумену святей богородици из Оньтонова монастыря, взять ему полъгривне серебра¹⁵.

Запись о ружных церквах

На Опоке к церкви Ивана Предтечи идет годовые руги двем попом Ивану Иванову да Микуле Обросимову тридцать четыре рубли и осмадцать алтын и четыре деньги, по семинадцати рублев и по девяти алтын и по две деньги попу, дьякону Роману Семенову восемь рублев и двадцать один алтын и две деньги, дьячку Федку Ларионову шесть рублев и шеснадцать алтын, да за воск и за свечи четыре рубли и десять алтын четыре деньги, да на вию и на темьян полтина, двем пономарем Михалку Офонасьеву да Овдейку Федотьеву шесть рублев и шеснадцать алтын. И всего годовые руги попом, и дьякону, и дьячку, и пономарем, и за воск, и за темьян денег шесдесят рублев и тридцать два алтына и четыре деньги.

Архиепископу Александру идет от службы два рубли и пять алтын и две деньги, что он служит у Ивана Предтечи на Опоках на праздник. Юрьевскому архимандриту идет от службы рубль и два алтына и четыре деньги, что он служит у Ивана Предтечи на Опоках на другой день праздника, а июня в 27 день те деньги дано, взял слуга Гриша Пиминов.

Спаского Хутыня монастыря игумену Селивестру идет от службы рубль и два алтына и четыре деньги, что он служит обедню у Ивана Предтечи на третий день праздника, и июня в 27 день те деньги дано, взял слуга Сошко Сухлянской¹⁶.

¹⁴ *Зимин А. А.* Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1953, с. 181—188; *он же.* Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956, с. 114—117.

¹⁵ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 559—560.

¹⁶ *Макарий.* Запись о ружных церквах, с. 31—32.

Для удобства сравнения приведем дробные числа «Записи о ружных церквах» к единицам новгородской денежной системы:

Рукописание Всеволода	Запись о ружных церквах
попам — по 8 гривен серебра	попам — по 8 руб.
дьякону — 4 гривны серебра	дьякону — 4 руб.
дьяку — 3 гривны серебра	дьячку — 3 руб.
сторожам — 3 гривны серебра	2 пономарям — 3 руб.
на праздник — 25 гривен серебра	за припасы 2 руб. 50 денег
владыке — 1 гривна серебра	архиепископу — 1 руб.
юрьевскому архимандриту и антониевскому игумену — по $\frac{1}{2}$ гривны серебра	юрьевскому архимандриту и хутынскому игумену — по $\frac{1}{2}$ руб.

Это поразительное соответствие цифр может свидетельствовать только об одном: исчисление руги ивановскому клиру в конце XVI в. опиралось на традицию времен новгородской независимости, запечатленную в «Рукописании» Всеволода. А это значит, что «Рукописание» до присоединения Новгорода к Москве не только входило в число документов действующего законодательства, но и в глазах великокняжеской администрации Новгорода выглядело несомненным законодательным актом, накладывающим на нее определенные обязательства.

Сравнение «Записи» и «Рукописания» обнаруживает и некоторые различия между ними в смете ивановской руги. Обедню в третий день служит в XVI в. уже не антониевский, а хутынский игумен; значительная сумма в 25 гривен серебра, полагающаяся на праздник, резко уменьшена до 2 руб. 50 денег на различные припасы. Попробуем выяснить, когда возникли эти изменения — в эпоху новгородской независимости или же в московское время. Данных, касающихся момента появления хутынского игумена на месте антониевского, в источниках, к сожалению, нет. Что касается времени изменения сумм, следующих на организацию престольного праздника, то этот более значительный вопрос вполне разрешим.

«Рукописание» Всеволода известно в двух редакциях. Одну содержит только Троицкий список Новгородской I летописи. Эта рукопись датируется 60-ми годами XVI в., но восходит к протографу 30-х годов XV в., имевшему в своем составе и «Рукописание» Всеволода. Другая редакция — Археографическая — представлена заметным количеством списков, группирующихся в несколько изводов — Житийный, Псковский и Археографический. Как отмечает А. А. Зимин, «все эти три извода по существу почти не отличаются друг от друга и восходят к Археографическому». Последний известен по трем спискам: Археографическому середины XV в. в Комиссионной рукописи Новгородской I летописи, Соловецкому 1493 г. и списку в Летописи Авраамки 1495 г. Древнейший из них — Археографический; А. А. Зимин возводит этот список к юридическому сборнику 1421 г.¹⁷ Таким образом, обе существующие редакции «Рукописания» Всеволода датируются еще временем новгородской независимости.

Сопоставляя эти редакции, мы можем отметить только одно принципиальное различие между ними. Оно касается как раз определения сумм, назначаемых для проведения престольного праздника рождества Ивана Предтечи:

Троицкий список	Археографический список
А праздник Рожество святого великого Ивана почеть створити и празновати старостам купецким и купцам. А имати старостам купецким и купцем из весу из воцаного на полтьретьяцать гривен	А праздник рожество святого великого Ивана почеть творить и празновати старостам иваньским купцам; а петь в праздник обедня владыце, а на завьтрее архимандриту святого Георгия.

¹⁷ Зимин А. А. Указ. соч., с. 124—127; Памятники русского права, вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. Сост. А. А. Зимин. М., 1953, с. 175—185.

серебра на всякий праздник святого Ивана и в век, а старостам купецким святого великого Ивана ставить на праздник святого Ивана семьдесят свечь и темьян и ладан, А пети в празьдник владыце. А старостам купецким и купцам дати владыце гривна серебра да сукно ипское. А на завтрее пети анхимандриту святого Егоргиа, а взять ему полъгривне серебра; а на третей день пети игумену святей богородици из Онътонова монастыря, взять ему полъгривне серебра¹⁸.

а на 3 день игумену святей богородици на Онтонова монастыря. А взяти владыце дару рубль; а князя великого наместником дару по сукну ипскому, а дати им 20 пудов меду на подсласту чистого пошлыны; а дворечьскому сукно ипское, а 10 пудов меду на подсласту чистого пошлыны по старине; а тиуну дару сукно тумаское, а дати ему 5 пудов меду на подъсласту чистого пошлыны по старине; архимандриту взяти дару сукно ипское; а игумену Онтоновскому взяти дару полтина, а пошлыны от него идеть 40 колачев да сорок хлебов да капуста и уксус¹⁹.

Сравнение этих двух текстов наглядно демонстрирует старшинство Троицкой редакции, которая во всех расчетах пользуется гривной серебра, тогда как в Археографической редакции эта единица уже не употребляется, уступив место рублю и полтине. Более поздний вариант фиксирует и иной способ организации праздника. По Троицкому списку, все расходы падают на купеческую корпорацию, которая берет из воцаного веса 25 гривен серебра. По Археографическому списку, воцаный вес для этого не используется, а на праздник церковь Ивана получает от должностных лиц княжеской администрации в общей сложности 35 пудов меда «на подсласту», а от антониевского игумена — 40 калачей, 40 хлебов, капусту и уксус²⁰. Клир Ивана на Опоках в праздник не только получает, но и несет некоторые расходы: в частности, лицам великокняжеской администрации от него идет «дар» — 3 сукна ипрского (2 — наместникам великого князя и 1 — дворецкому) и 1 сукно тумаское (великокняжескому тиуну).

Существует возможность выразить этот «дар» в денежном измерении. Троицкий список «Рукописания» Всеволода и «Запись о ружных церквах» говорят о равенстве оплаты за праздничную службу юрьевского архимандрита и антониевского (или хутынского) игумена. Между тем, согласно Археографическому списку, архимандрит получает ипрское сукно, а игумен — полтину. Такой же «дар» назначен дворецкому и каждому из двух великокняжеских наместников. Получая равный «дар», эти лица, естественно, дают церкви и равную пошлыну — по 10 пудов меда. Но поскольку великокняжеский тиун должен выдавать церкви не 10, а только 5 пудов меда, надо полагать, что и причитающееся ему тумаское сукно стоило вдвое дешевле ипрского. Таким образом, если штука ипрского сукна стоит полтину, то штука тумаского сукна должна стоять четверть новгородского рубля, а всего великокняжеская администрация получает сукна на $1\frac{3}{4}$ руб., выдавая при этом церкви 35 пудов меда.

Сравним эту калькуляцию с порядком назначения руги в «Записи о ружных церквах». В ней никаких «даров» великокняжеской администрации нет, а есть сумма в 2 руб. 50 денег (на новгородский счет), следующая церкви на праздник от государевой казны. В московском счете она равна 482 коп. Надо полагать, что эта сумма соответствует 35 пудам меда без $1\frac{3}{4}$ руб. (на новгородский счет), иначе равна 378 коп. Следовательно, в конце XVI в. 35 пуд. меда должны были стоить 860 коп. (482+378). Разделив эту сумму на 35, можем выяснить цену одного пуда меда в это время. Результат деления выражается в $24\frac{1}{2}$ коп.; иначе эта цена выглядит так:

¹⁸ Новгородская Первая летопись. . ., с. 559—560.

¹⁹ Там же, с. 509.

²⁰ Отметим, что праздник рождества Ивана Предтечи (24 июня) приходится на Петров пост.

8 алтын 1 деньга. Соответственно полпуда меда оказываются по цене равными 4 алтынам с полуденьгой. «Запись о ружных церквах» несколько раз называет цену меда, которая немного варьирует в зависимости от того, в каком районе Новгородской земли расположен тот или иной ружной монастырь, однако в самом Новгороде она постоянна и равна 4 алтынам с деньгой за полпуда. Совпадение с нашими расчетами, как видим, поразительное. Почти неощутимая разница в полупуку — естественное следствие округления сметных сумм.

Таким образом, мы убеждаемся в том, что сметной основой исчисления руги Ивановской церкви в «Записи о ружных церквах» послужило «Рукописание» Всеволода в его Археографической редакции.

Приводя расчет сумм, следующих церкви Ивана на Опоках от великокняжеской администрации, Археографическая редакция «Рукописания» неоднократно ссылается на «пошлину по старине», т. е. на традиционность записанных в ней норм. Поскольку этих норм нет в Троицкой редакции, последняя оказывается отстоящей от Археографической во времени: породившие Археографическую редакцию новации возникли не непосредственно перед их фиксацией в новом варианте «Рукописания». И если Археографическая редакция уже существовала около 1421 г., то Троицкая редакция должна быть, естественно, отнесена к заметно более раннему периоду.

А. А. Зимин склонен датировать ее сложение концом XIV в., не ранее 1385 г. Сомнительность такого решения определяется чистотой денежной терминологии Троицкой редакции, которая еще не знает рубля и полтины, а пользуется гривнами серебра. Между тем решительная смена денежной терминологии в Новгороде приходится на рубеж XIII—XIV вв., и с этого момента счет на гривны серебра уже не употреблялся²¹. Принимая во внимание это обстоятельство, нам следует рассмотреть аргументы А. А. Зимина в пользу столь поздней датировки документа. Оговоримся только, что его аргументация направлена против принятого в литературе датирования «Рукописания» первой половиной XII в. Не касаясь пока вопроса о времени первоначального возникновения этого памятника или его источников, мы ограничимся лишь проблемой датировки его Троицкой редакцией и будем оценивать выявленные А. А. Зиминим анахронизмы не относительно XII в., а только относительно конца XIII в.²²

1. Титулатура «се аз князь великий Гаврил, нареченный Всеволод, самодръжець Мъстиславичъ внук Володимир, владычествующю ми всею Рускою землею и всею областью Новгородскою», по мнению А. А. Зимина, отражает «позднейшее представление о том, что новгородским князем должен быть великий князь». Действительно, эта титулатура совершенно не соответствует положению Всеволода Мстиславича, который никогда не владычествовал над всею Русскою землей. Однако к концу XIII в. единство великого и новгородского княжений давно уже сложилось, и подобный титул для указанного времени не анахронистичен.

2. «Грамоту князь Всеволод якобы дал церкви Иоанна Предтечи на Петрятине дворе, которая, как известно, в XV в. называлась церковью Ивана Предтечи на Опоках». Смысл этого аргумента нам не понятен. Если терминология древнее XV в., то почему же это анахронизм относительно раннего времени?

3. «С этой церковью якобы тесными узами связан Спасский собор в Торжку. Но собор Преображенье Спасово в Торжку поставлен только в 1364 г.». Это неверно. К 1364 г. относится каменное здание Спасской церкви, сооруженное действительно новгородскими купцами: «замышлением богоязвнивых купецъ новгородчких»²³. Однако храм существовал и раньше.

²¹ Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. — «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. 3. Л., 1970.

²² Зимин А. А. Указ. соч., с. 128—129.

²³ Новгородская Первая летопись... с. 368—369.

М. Н. Тихомиров указал на его упоминание в летописном отрывке под 1329 г.²⁴ Но имеются и более ранние сведения о нем. В докончании Новгорода с Михаилом Ярославичем 1304—1305 гг. говорится: «А кто живеть в Търъжкку на Новотъръзкой земли, а к святому Спасу не тягнетъ к Търъжкку...». Аналогичная формула имеется в договоре князей Юрия Даниловича и Михаила Ярославича 1318—1319 гг.: «А кто живеть в Новоторьскомъ уезде у святого Спаса, а те потягнутъ к Торъжкку»²⁵. Как видим, в начале XIV в. выражение «у святого Спаса» уже было синонимом Торжка, как выражение «у святой Троицы» было синонимом Пскова. А это значит, что Спасская церковь была не одной из рядовых приходских церквей Торжка, а его городским собором, время возникновения которого практически должно совпадать с самыми ранними упоминаниями этого города еще в XII в.

4. В «Рукописании» упоминаются житыи люди, известные в актах только с 1372 г., а в летописи только с 1398 г. Это был бы действительно сильный аргумент, если бы не исключительная редкость употребления в источниках самого термина «житыи люди». В актах он употребляется после 1372 г. только в 1456 и 1471 гг.²⁶, а в Новгородской I летописи кроме 1398 г. еще раз только в 1441 г.²⁷ Во всех случаях о житых людях вспоминают в критические моменты внешнеполитической истории Новгорода. Само же сословие, обозначаемое этим термином, включает в себя феодалов небоярского происхождения, в том числе и купцов. Начало его формирования отнюдь не относится к последней трети XIV в., а уходит в XII—XIII вв. Поэтому, ссылаясь на первое упоминание термина, мы рискуем оказаться примерно в таком же положении, как при попытке отрицать существование соборной церкви в Торжке в XIII в. на том основании, что она не упоминается в источниках до XIV в.

5. «Сведения об ипрском и тумасском сукнах характеризуют торговлю Новгорода с Западной Европой XIV—XV, а не XII в.». Не будем касаться тумасского сукна, упоминаемого не в Троицкой, а в Археографической редакции. Что же касается ипрских суков, то, хотя первое их упоминание в связи с Новгородом относится к 1327 г., широкое распространение этих тканей в Северной Европе фиксируется письменными источниками уже конца XIII в.²⁸ А. Нахлик, исследовавший обширную коллекцию тканей из новгородских раскопок, доказал, что активное внедрение фламандских суков на новгородский рынок для всей второй половины XIII в. было уже вполне характерным²⁹.

6. «Анахронизмами для XII в. являются также упоминания о «тверском госте» (Тверь в источниках начинает упоминаться с начала XIII в.) и об архимандритах Юрьева монастыря (архимандриты в Юрьевом монастыре появились после 1297 г., но до 1324 г.)». Последнее положение неправильно: архимандриты упоминаются в Новгородской I летописи старшего извода уже под 1226 и 1270 гг.³⁰ Оба отмеченных А. А. Зиминным анахронизма действительно для XII в., но никак не для XIII в.

7. В «Рукописании» упоминаются «мордки», впервые фигурирующие в источниках под 1396 г., но в 1410 г. в Новгороде уже отмененные. Это положение также сомнительно. Впервые денежный термин «мордка» может быть отмечен в новгородской берестяной грамоте № 108, происходящей из слоев первой четверти XIII в.: «... у суме две гривнь корсто-

²⁴ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., с. 182; Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. 2. М., 1910, с. 243.

²⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 18, № 7; с. 25, № 13.

²⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 32, № 17; с. 38, № 21; с. 39—48, № 21—27.

²⁷ Новгородская Первая летопись... с. 391, 421.

²⁸ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, с. 178.

²⁹ Нахлик А. Ткани Новгорода. — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, № 123. М., 1963, с. 285—292.

³⁰ Новгородская Первая летопись... с. 65, 88.

кых мородоко»³¹. Этот пример лишний раз показывает, как опасно опираться на термины, не имеющие в источниках массового распространения.

Можно было бы к аргументам А. А. Зимина добавить еще один. Церковь Ивана на Опоках уже в Троицкой редакции «Рукописания» называется «зборной», а все сведения о соборном устройстве Новгорода не опускаются ниже последней трети XIV в. Однако мы не знаем, были ли все семь новгородских соборов учреждены одновременно или же их число увеличивалось постепенно, и, усматривая в слове «зборный» возможный анахронизм, рискуем впасть в ошибку.

Подытоживая все сказанное относительно спорных мест «Рукописания», мы можем утверждать, что для датировки Троицкой редакции концом XIII в. не существует никаких противопоказаний. Новгородский князь в это время был великим, Спас в Торжке стоял, сословие житых людей сложилось, ипрские сукна завоевали популярность на новгородском рынке, Тверь стала уже центром особого княжества, юрьевские игумены титуловали себя архимандритами, мордка бытовала в денежном обиходе. Все эти положения действительны и для конца XIV в. за одним исключением. Тогда давно уже не было гривен серебра, что мешает согласиться с датировкой документа, предложенной А. А. Зиминим, и переносит ее во времена не позднее рубежа XIII—XIV вв.

В то же время остается в силе вся изложенная выше аргументация А. А. Зимина против датировки «Рукописания» первой половиной XII в. Это раннее время не знает на новгородском столе великого князя; тогда еще не пользовались ипрскими сукнами, не считали на мордки, не было в XII в. ни Твери, ни архимандритов. И поскольку эти анахронизмы пронизывают всю ткань «Рукописания», а не концентрируются в какой-то его части, которую можно было бы посчитать дополнением к более раннему тексту, думается, что Троицкая редакция «Рукописания» в целом тождественна его первоначальному варианту, который возник, таким образом, только в конце XIII в. Именно к этому времени относится появление нового сфрагистического разряда печатей «новгородских тиунов», отождествленных нами с купеческими старостами³². Формирование этого разряда отражает возникновение в Новгороде особого торгового суда, о котором говорится и в «Рукописании» Всеволода. Судебная реформа конца XIII в., конституировавшая торговый суд в составе тысяцкого и двух купеческих старост, и представляется нам побудительным толчком к созданию «Рукописания», в котором новые привилегии церкви Ивана на Опоках тенденциозно возведены к инициативе основателя церкви князя Всеволода Мстиславича.

Источники фиксируют момент, раньше которого отраженный в «Рукописании» порядок не мог возникнуть. Имеем в виду показание проекта договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом 1269 г.: «А будет ссора между немцами и новгородцами, кончать ссору на дворе святого Ивана перед посадником, тысяцким и купцами»³³. Церковь Ивана на Опоках, следовательно, и в середине XIII в. была местом решения торговых и гостиных споров. Однако этот суд тогда находился под эгидой посадника, тогда как «Рукописание» Всеволода требует «Мирславу посаднику в то не вступатца, и иным посадником в Ъванское ни во что же, ни боярам новгородским»³⁴. Это сравнение открывает нам и смысл судебной реформы конца XIII в.: торговый суд обретал автономию, независимость от посадничества, а купеческая корпорация, подчиненная тысяцкому, получала иммунитет в решении торговых споров.

³¹ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, с. 38; ср.: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 99—100.

³² Янин В. Л. Актовые печати древней Руси, т. 2. М., 1970, с. 105—111.

³³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 60, № 31.

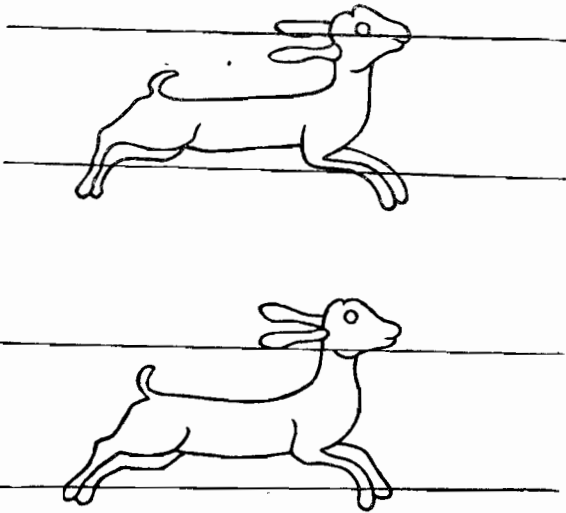
³⁴ Новгородская Первая летопись... , с. 508.

Т. В. Дианова, Б. М. Клосс

ФИЛИГРАНЬ «БЕГУЩИЙ ЗАЯЦ» И ЕЕ ДАТИРОВКА

Филигрань с изображением бегущего зайца (см. рис.; уменьшено в $\frac{1}{3}$ раза) не зафиксирована в опубликованных альбомах водяных знаков; она встретилась нам (в двух вариантах) в следующих рукописях: ГБЛ, Рог. № 38; ГПБ, Соф. № 1498, Соф. № 1451; ГИМ, Епарх. № 343.

Рукопись Рог. № 38 представляет собой список Бесед Иоанна Златоуста на евангелие от Матфея (в переводе Максима Грека). Текст почти целиком переписан одной рукой — писцом московского митрополичьего скриптория¹. Некоторые листы рукописи подновлены в XIX в. (лл. 1—21, 23—26, 28—41, 45, 47—52, 54). Филигрانی: 1) гербовый щит под короной, на щите в круге солнце с расходящимися лучами, под щитом буква В (лл. 22—117, 395—403) — типа Брике, № 13 978 (1512—1521 гг.); 2) бегущий заяц (два варианта; лл. 119—306); 3) двуглавый орел под короной

(лл. 307—394) — типа Брике, № 243 (1516 г.); 4) готическая буква Р (лл. 404—408, 427—430) — типа Брике, № 8536 (1519—1522 гг.); 5) готическая буква Р — с перечеркнутой ножкой, под розеткой (лл. 411—416, 422—424, 435—442) — типа Брике, № 8669, 8671 (1489—1521 гг.); 6) щит с буквой R под короной и двумя лилиями (лл. 419, 426) — типа Брике, № 8987 (1493—1523 гг.). Водяные знаки рукописи указывают на середину 20-х годов XVI в. (Беседы Иоанна Златоуста на евангелие от Матфея переведены Максимом Греком в 1524 г.)

¹ Клосс Б. М. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 330, 332.

Сборник Соф. № 1498 составлен, по предположению Н. А. Казаковой, в 1521—1524 гг.² Если это заключение справедливо в отношении нижней даты (в сборнике содержится «Житие богородицы» Симеона Метафраста, переведенное на русский язык Максимом Греком около 1521 г.), то вопрос о верхней границе остается открытым. Дело в том, что, как установила Н. В. Синицына, сборник Соф. № 1498 представляет собой конволют, состоит из двух частей, различающихся по почеркам и бумаге: первая часть (лл. 1—118, 232—282) — кирилло-белозерского происхождения (почерк Гурия Тушина и еще одного писца), вторая часть (лл. 119—231, 283—299) — московского³. Переводы из Метафраста помещены в московской части. Кирилло-белозерская рукопись представляет собой часть какой-то книги: рукой Гурия Тушина перенумерованы тетради: 13—21 (лл. 49—118), 22—27 (лл. 232—282), 28 — 31 (лл. 1—48). Тетради 22—31 переписаны самим Гурием, тетради 13—21 — другим писцом, но составляют с ними единое целое по содержанию: текст в тетрадах 13—21 включает в себе Житие Зосимы Соловецкого, а в тетрадах 22—26 переписаны Чудеса Зосимы. Филигрань на лл. 49—118 — бегущий заяц — корректируется знаками тетрадей Тушина: 1) перечеркнутая готическая буква Р под розеткой — типа Брике, № 8675—8680 (1496—1514 гг.); 2) рука в рукавчике под розеткой — типа Брике, № 11 424—11 426 (1500—1524 гг.). Верхний хронологический рубеж составления кирилло-белозерской части сборника — 1526 г. (год смерти Гурия Тушина).

Сборник Соф. № 1451 представляет собой конволют⁴, рукой Гурия Тушина писаны лл. 88 об.—136, 191—202 об., 233—236 об. На лл. 89—96 — водяной знак с изображением бегущего зайца. Н. А. Казакова выяснила, что помещенная на лл. 98—102 об. сборника редакция «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева возникла не ранее 1518 г.⁵ Таким образом, тушинская часть, а с нею и данная филигрань датируются 1518—1526 гг.

Рукопись Епарх. № 343 представляет собой по содержанию сборник учебный, на 458 лл., писан несколькими почерками. Интересующая нас филигрань находится на лл. 448—455, составляющих последнюю тетрадь сборника. Текст на лл. 448—454 об. написан одним почерком, оставшиеся чистыми часть л. 454 об. и лл. 455—455 об. заполнены рукой волоколамского монаха Фомы Шмоилова⁶. На происхождение сборника из Иосифо-Волоколамского монастыря указывает помимо почерка Фомы Шмоилова тот факт, что на лл. 2—221 об. здесь скопирована принадлежащая монастырю рукопись Епарх. № 349. Водяные знаки лл. 2—447: 1) рука под короной — типа Брике, № 10951 (1527 г.); подобные знаки встречаются до 1544 г.); 2) гербовый щит с буквой L и двумя лилиями — типа Брике, № 8295 (1521 г.); но подобные знаки встречаются до 1531 г.). Переплет XVI в., бумага переплетных листов имеет водяной знак: рука — типа Лихачев, № 1570 (1530 г.). На задней крышке переплета запись XVI в.: «Сборник Симеонов, написан в лето 7038». Так как характер переплета и переплетных листов не противоречит записи о написании рукописи в 1530 г., можно считать эту дату временем создания памятника.

Таким образом, можно ограничить время использования русскими книгописцами бумаги со знаком бегущего зайца 20—30-ми годами XVI в.

² Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли (первая треть XVI века). Л., 1970, с. 252.

³ Синицына Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга, с. 315.

⁴ Описание сборника см.: Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910, с. 211—215.

⁵ Казакова Н. А. Указ. соч., с. 252, 262—265.

⁶ Ср. с почерком рукописей Епарх. № 354, Вол. № 526, Вол. № 500 (лл. 2, 10—75 об., 87—173 об., 183—318 об., 321 об. — 326 об., 331—338, 340 об. — 341, 341—341 об., 343—346 об., 363, 367—374 об.). На них имеется запись, что это сборники «Фомы Шмоилова».

А. А. Севастьянова

ЗАПИСКИ О МОСКОВИИ ДЖЕРОМА ГОРСЕЯ
(К вопросу о принципах научного перевода терминов
при публикации источников)

Использование записок иностранных авторов о России XV—XVI вв. продолжает оставаться одним из активных средств в источниковом арсенале историков. О значительной важности сочинений иностранцев как источника свидетельствует усилившееся в литературе за последние годы внимание к изучению отдельных сочинений иностранцев о России¹. В этой связи показателен тот факт, что на повестку дня в современной науке поставлена задача создания корпуса источников по отечественной истории, где значительное место должны занять иностранные повествовательные источники. Характерно, что при обосновании этой задачи указывается необходимость единой системы обработки и единой структуры публикации памятников².

В практику изданий записок иностранцев на русском языке уже давно вошли такие важные для сохранения источника в переводе правила, как система скобок для передачи иностранных вариантов русских имен, названий, трудных для однозначного перевода слов, а также для стилистических добавлений переводчика; комментарии к известиям, указывающие на параллельные чтения в других источниках³. Характерной положительной чертой публикаций последнего времени является совмещенное издание текста на языке оригинала, его русского перевода и источниковедческого исследования памятника⁴. Важным моментом подготовки текста в современных изданиях является стремление переводчиков сохранить особенности языка автора источника в переводе⁵.

¹ См., например: «Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.» Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Л., 1971 (далее — «Барбаро и Контарини о России...»); *Годовикова Л. Н.* Исторические сочинения Поссевино о России XVI в. Автореферат канд. дисс. М., 1970; *Никитина Л. А.* Англо-русские отношения в свете хроники В. Кэмдена. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 312—331; *Савельева Е. А.* «История северных народов» Олауса Магнуса и ее известия о России. Автореферат канд. дисс. Л., 1974.

² *Пашуто В. Т.*, академик *Рыбаков Б. А.* Корпус древнейших источников по истории народов СССР. — «Вопросы истории», 1974, № 7, с. 49—54.

³ См., например: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906; *Корб И.-Г.* Дневник путешествия в Московию. Перевод, предисловие и примечания А. И. Малеина. СПб., 1906. Среди ранних советских публикаций интересен опыт перевода записок Г. Штадена, сделанного И. И. Полосиным (*Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925).

⁴ См., например, *Буссов К.* Московская хроника 1584—1613 гг. Комментарий А. И. Копанева, М. В. Кукушкиной. М.—Л., 1961; «Барбаро и Контарини о России...». Новой и важной стороной академического издания «Хроники» Конрада Буссова является археографическое изучение памятника во введении к публикациям.

⁵ Внимание к особенностям языка источника было одним из основных принципов работы Ю. В. Готье (Английские путешественники в Московском государстве XVI в. М., 1937, с. 23). См. также интересный опыт использования данных лексики и терминологии источника при его публикации в книге Б. А. Ларина «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса» (Л., 1959).

Наряду с хорошо известными и успешно применяемыми приемами в методике научного издания иностранных источников есть ряд вопросов, в решении которых еще много неясного. Одним из таких неразработанных вопросов является передача терминологии источника в переводе. Выбор русских соответствий ключевым иностранным терминам источника, обозначающим специфические русские учреждения, сословные группы, характерные явления русской действительности, — этот выбор возлагает на переводчика особую ответственность за достоверность отдельных известий в переводе и часто требует специального обоснования в самом издании источника на русском языке.

Почему именно вопрос о терминологии столь важен для качества перевода? Одно из объяснений кроется в том, что, как справедливо замечал В. О. Ключевский, иностранец сталкивался в России с рядом таких явлений, которые не имели аналогий у него на родине⁶. Задача переводчика иногда усложняется еще и непоследовательностью иностранца в обращении с выбранными им иностранными эквивалентами специфических русских понятий.

Все это создает проблему передачи терминологии в переводе. Для каждого источника эта проблема решается по-своему, поскольку разные авторы по-разному могли проникнуть в существо описываемых явлений. Но важно, чтобы вопрос о терминологии не выпал совсем из поля зрения исследователя-переводчика, в противном случае может пострадать смысл передаваемых известий и понятий.

В настоящей работе делается попытка показать конкретные возможности и трудности решения проблемы передачи в переводе терминологии иностранного источника на примере анализа отдельных терминов из сочинения о России англичанина Джерома Горсея⁷.

Агент «Московской компании» английских купцов Д. Горсей, не раз выполнявший дипломатические поручения русских царей и английской королевы, оставил свои записки о России второй половины XVI—начала XVII в.⁸ Сочинения Горсея со времен Н. М. Карамзина активно используются в исследованиях, посвященных последним десятилетиям царствования Ивана Грозного, годам правления Федора Ивановича и Бориса Годунова. В записках Горсея причудливо сочетаются важнейшие свидетельства очевидца или хорошо осведомленного рассказчика и явные фантазии автора, его преувеличения и путаница в последовательности событий⁹. Другая особенность записок как источника состоит в том, что, рассказывая о практике государственных учреждений в России, сословной и должностной принадлежности русских, Горсей пользуется английскими терминами, не закрепляя их за определенными русскими понятиями и описываемыми явлениями. Поэтому нельзя подчас найти англий-

⁶ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918, с. 8.

⁷ В рамках небольшой статьи невозможно рассмотреть весь комплекс вопросов, связанных с терминологией источника. Мы останавливаемся лишь на одном аспекте: анализе части английских терминов Горсея, от перевода которых зависит смысл многих сообщаемых известий. Подробнее анализ терминов записок Горсея см.: Севастьянова А. А. Сочинения Джерома Горсея как источник по истории России XVI—начала XVII в. Канд. дисс. М., 1974, глава II, с. 84—130.

⁸ Сочинения Горсея о России были полностью изданы у него на родине в 1856 г.: *Russia at the Close of 16th Century*, edited by Edward A. Bond. Works issued by the Hakluyt Society. London, 1856 (далее — «Russia at the Close. . .»). Кроме того, главное сочинение Горсея «Путешествия сэра Джерома Горсея» опубликовано в сборнике: *Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of 16th Century English Voyagers*. Ed. by L. E. Berry & R. O. Crummev. Madison — Milwaukee — London, 1968 (далее — «Rude & Barbarous. . .»).

⁹ Противоречивость многих известий записок обусловлена сложной структурой источника, писавшегося, дописывавшегося и редактировавшегося в разное время. Подробнее об этом см.: Севастьянова А. А. Записки Джерома Горсея о России в конце XVI—начале XVII в. (Разновременные слои памятника и их хронология). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974 г. (далее — Севастьянова А. А. Записки Джерома Горсея. . .).

ским терминам указанного значения точные и постоянные русские со-ответствия.

Между тем при использовании сведений Горсея внимание исследова-телей привлекало не только содержание текста, но и терминология опи-саний явлений русской действительности¹⁰. Такому уровню использо-вания источника не отвечают имеющиеся переводы записок Горсея на-чала века¹¹. В них важнейшие для смысла известных английские термины (такие, как «parliament», «council», «nobility», «gentlemen») переводились произвольно; разные русские термины использовались для перевода одного и того же английского и наоборот. Это невольно служит ловуш-ками для тех историков, которые рассматривают терминологию перевода как терминологию автора источника.

Для более конкретного уяснения вопроса о терминологии записок обратимся к непосредственному анализу важнейших английских терми-нов источника.

Из терминов интересующего нас значения наиболее распространен-ными являются «noble» (и его производные «nobles», «noblemen», «no-bility») и «gentleman» (и его производное «gentlemen»). Вот несколько характерных примеров их употребления в записках¹²:

1. «. . .возникло много попыток и замыслов сокрушить этого тирана, но ему удавалось раскрывать заговоры и измены с помощью отъявленных негодяев, которых он включал в состав знати (inoiblinge) и всячески поощрял, противопоставляя главной знати (chieff nobillitie)» (р. 163)¹³.

2. «Сильно расстроенный и пораженный постигшим его несчастьем, он (царь.— А. С.), сопровождаемый своими митрополитами, епископами, священниками, главными князьями и старинной знатью (aunctient no-billitie). . . распустил армию. . .» (р. 166).

3. «. . .царь вскоре отправил послом туда (в Крым.— А. С.) умного (noble gentilman) Афанасия Федоровича Нагого» (р. 167).

4. «. . .его князья и «nobles» находились большей частью на своем собственном содержании, а «gentilmen» и простые (common) дети боярские (synnoboarskes) имели участки земли, получая ежегодно деньги и зерно из специально отведенных на это доходов. . .» (р. 181).

5. «. . .сэр Вильям Рассел — «a noble» умный и спокойный «gentil-man», третий сын графа Бедфордского. . .» (р. 196).

6. «. . .всякий раз я пытался уничтожить ваше сословие, чтобы вос-становить тысячи моих обедневших «nobillitie» (р. 176).

7. «most noble», могущественнейший и прославленнейший царь Федор Иванович. . .» (р. 221).

¹⁰ Терминология известий Горсея использовалась в ряде работ, появившихся в ходе дискуссии о становлении сословно-представительных учреждений в России и исто-рии земских соборов (см., например: *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частич-ное возрождение опричнины. — «Вопросы истории», 1967, № 5, с. 36; *Павленко Н. И.* К истории земских соборов XVI в. — «Вопросы истории», 1968, № 5, с. 103—104).

¹¹ Путешествия в Московию сэра Еремея Горсея. Перевод Ю. Толстого. М., 1907; Записки о Московии сэра Джерома Горсея. Перевод Н. А. Белозерской, предисловие и примечания Н. И. Костомарова. СПб., 1909. О неточностях обоих переводов см. в приложении к статье А. А. Севастьяновой «Записки Джерома Горсея. . .», с. 83—124.

¹² Неправильное (даже для XVI в.!) написание терминов в источнике сохраняется лишь в приведенных в качестве примеров фрагментах текста. В ходе же их анализа будем оперировать английскими терминами в их общепринятом, традиционном на-писании. В конце каждого примера в скобках даны страницы по изданию «Russia at the Close. . .»

¹³ Фрагменты здесь и далее даются в переводе с издания «Russia at the Close. . .» Во втором издании записок («Rude & Barbarous. . .») дается современное английское написание слов. Поскольку предметом нашего рассмотрения являются термины за-писок, целесообразнее использовать издание «Russia at the Close. . .», сохранившее орфографию подлинника (написание сверено с микрофильмом рукописи Горсея. — PS. 41424, Sch. 38692, Nakl. 1813). Приносим искреннюю благодарность Р. Г. Скрын-никову, любезно предоставившему нам возможность ознакомиться с микрофильмом рукописи, подлинник которой находится в Британском музее.

8. «... Борис ... заставил вновь созданное «nobillitie» и других своих подданных бить ему челом, чтобы он принял венец» (р. 258).

9. «... Никита Романович... третий «nobleman» доверенный по завещанию прежнего царя...» (р. 226).

10. «Никита Романович, солидный и храбрый князь (prince), уважаемый и любимый всеми...» (р. 226).

11. «... Анастасия Романовна, дочь «to a gentilman» хорошего звания (of good rank)» (р. 157).

12. «Вслед за ним (Баусом.— А. С.) был послан «a gentilman» высокого звания (of quallitie), доставивший ему к обеду 200 мясных блюд» (р. 198).

13. «На третий день моего приезда от князя был прислан «gentilman» Савлук Сабуров (Sablock Savora), «a captain», который показал мне копию милостивого наказа, данного ему относительно меня царем и Борисом Федоровичем...» (р. 231).

14. «... он (Борис Годунов.— А. С.) был торжественно возведен на престол, коронован и получил титул ... из «gentilmen» — царь Борис Федорович...» (р. 258).

Термин «nobility» в примерах 2, 6 и особенно 7 (где «most noble» относится к царю) можно считать обозначением аристократии, слоя высокородной знати. На это же значение указывают как будто пример 4, где «nobles» по смыслу противопоставляется «gentleman», и пример 3, где «noble gentleman» относится к *думному дворянину* Афанасию Нагому¹⁴. Но если принять это значение, то станет неясен смысл примеров 1 и 8, в которых Горсей говорит о «вновь пожалованных» (ennobling) в «nobility». Выходит, «nobility» относится не только к знати по рождению. Одно из объяснений такого явления в терминологии Горсея заключается в несходстве социальных процессов, определявших общественную жизнь в России и Англии во второй половине XVI в. В Англии к аристократии принадлежали не только потомки стариннейших родов, но и те, кому королева за их заслуги даровала титулы лордов и пэров. Именно такими представителями аристократии были многие деятели эпохи Елизаветы Тюдор¹⁵. Другим объяснением употребления терминов «nobleman» и «gentleman» будет непоследовательность самого Горсея в выборе их значений. В этом смысле интересно сравнение примеров 5 с 12 и 13. В двух последних случаях речь идет о служилых людях, а в первом, скорее всего, имеет смысл более широкий: «человек благородный, джентльмен». Очень хорошо непоследовательность терминологии Горсея иллюстрируется примерами, в которых упоминаются члены семьи Романовых (9, 10, 11). Никита Романович в одном месте у Горсея — князь (пример 10), а в другом — «nobleman» (пример 9), при этом его отец был, по Горсею, «gentleman» высокого звания (пример 11). Значение слова «gentleman» в записках шире значения слова «nobleman». Чаще всего, когда Горсей употребляет «noble», то он высказывается о происхождении, когда же — «gentleman» — это может относиться и к происхождению (в значении «благородный»), и к положению в обществе (военный, человек, состоящий на службе), и к состоятельности (владеющий богатым имуществом). Отмеченная особенность хорошо иллюстрируется примером 14 о воцарении Бориса Годунова.

Употребление слова «gentleman» Горсеем отражает довольно сложную эволюцию, которую претерпевало значение этого слова в Англии в разные периоды времени и, в частности, в XVI в.¹⁶

Наблюдения за употреблением в записках Горсея терминов «noble», «nobility», «gentleman» показывают, что у автора нет закрепления этих

¹⁴ «Древняя Российская Вивлиофика», ч. XX. Изд. 2-е. М., 1791, с. 60.

¹⁵ Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957, с. 65—69.

¹⁶ Encyclopædia Britannica, vol. 10. Chicago, London, Toronto, 1958, p. 123—125.

терминов за определенной группой представителей господствующего класса в России XVI в. Отмеченная особенность оказывается справедливой и для другой группы английских терминов, перевод которых имеет большее значение для использования сведений источника о практике учреждений того времени. Это термины: «council», «council royal», «general council», «parliament».

В русской истории XVI в. известны такие учреждения, как Боярская дума, Освященный собор, ближняя Царская дума, наконец, Земский собор. Какие из них мог иметь в виду Горсей в таких, например, высказываниях:

1. «...мы созовем «a parliament or counsaill royal» из всех наших князей и знати, митрополитов, епископов, настоятелей, архимандритов и игуменов...» (р. 177).

2. «Этот царь (Иван Грозный.— А. С.) установил и обнародовал единое вероисповедание... согласно... учению о трех символах... подтвержденному мнением Афанасия и других лучших отцов церкви на их Никейском и других, наиболее праведных, соборах (counsalls)» (р. 207).

3. «...он (Иван Грозный.— А. С.) согласился на многочисленных условиях, указанных в документах, подтвержденных актом «of Parliament» (р. 169).

4. «Высокий областной собор (a hie and provinciall convocation) был создан в консистории св. Духа...» (р. 175).

5. «...он (Иван Грозный.— А. С.) приобрел могущество и славу... и «by a general counsaill» всех своих князей, знати, духовенства, народа был венчан и провозглашен царем...» (р. 158).

6. Михаил Федорович — царь и великий князь всея Руси... со всеобщего согласия и ликования всех сословий в государстве...» (р. 264).

7. «...он (Борис Годунов.— А. С.) был торжественно возведен на престол, коронован при всеобщем одобрении...» (р. 258).

В сочинении о России Джильса Флетчера, получившего многие сведения от Горсея¹⁷, дается толкование русских слов «Боярская дума» и «Собор»¹⁸. Их Флетчер определяет английскими терминами «emperor's council» (Дума) и «parliament» (Собор). Однако применить указанные Флетчером соответствия к тексту Горсея нельзя, потому что для Горсея не характерна последовательность в употреблении одного и того же термина. Русских слов «Собор» или «Дума» в записках Горсея нет, о Никейском соборе (пример 2) он говорит «council», а собрание русского духовенства (пример 4) — возможно, освященный собор или поместный собор священства — называет характерным английским «convocation». Горсей не стремился указать различие между учреждениями, отсюда выражение «a parliament or council royal» (парламент или царский совет) в примере 1. Неопределенность терминологии источника должна учитываться в трактовке известий, где указанные термины несут главную смысловую нагрузку. В этом отношении характерно прочтение некоторыми историками известия Горсея об «акте парламента» (пример 3) («...by act of Parliament...») как возможного сообщения о Земском соборе¹⁹.

Отсутствие четкости и разграниченности терминов видно также из сравнения примеров о воцарениях Ивана Грозного, Михаила Романова и Бориса Годунова (соответственно примеры 5—7). Трудно сказать, чем отличается, в изложении Горсея, возведение на престол Михаила Романова, избранного, как известно, Собором 1613 г., от воцарения Гроз-

¹⁷ Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера «О государстве русском» как исторический источник. СПб., 1891, с. 64—67.

¹⁸ «Rude & Barbarous...», р. 135, 153.

¹⁹ «...Описание это очень напоминает собор, причем с участием кунечества», — пишет С. О. Шмидт («К истории соборов XVI в.» — Исторические записки, т. 76, с. 145; он же. Становление российского самодержавства. М., 1973, с. 255—256). Из сообщения Горсея, однако, неясно, о каком собрании говорит автор.

ного, например. Горсей в записках неоднократно говорит о каких-то собраниях, но его терминология едва ли может лечь в основу точной идентификации описываемых и существовавших явлений. Употребление в записках терминов «council», «council goyal», «parliament», так же, как и терминов «noblemen», «gentlemen», не дает возможности отыскать постоянные русские эквиваленты каждому из этих терминов.

Иногда переводу ключевых терминов может помочь анализ *русских* терминов, их написания и употребления. Иностранцы охотно включали в свои сочинения отдельные русские слова, имена, названия. В записках Горсея таких «заимствований» около 30, если даже исключить употребление русских личных имен и географических названий. Из этих русских слов нас интересуют, в данном случае, следующие ²⁰:

«Knez»	употребляется	в	значении	«князь»
«Velica Knez»	«	«	»	«великий князь»
«Charowich (Charrewich)»	«	«	»	«царевич»
«synnoboarskes»	«	«	»	«сыны боярские»
«sinaboarskoie»	«	«	»	«сын боярский»
«boaiers»	«	«	»	«бояре»

Все приведенные русские термины употребляются Горсеем в полном соответствии с их русским смыслом, хотя в их употреблении есть некоторые особенности.

Титулы «Knez» и «Velica Knez» приводятся в записках всегда как часть имени собственного («Knez Ivan Mistisloskoie», «Velica Knez Ivan Vaziliwich» и т. д.) и никогда — как понятия, обозначающие иерархическое положение лица. В последнем значении у Горсея употребляются английские «duke», «prince», поэтому в записках можно встретить такие сочетания, как «the duke Knez Mischaell Izvenagorodzcoie», «a prince of blood Knez Ivan Glinscoie». Употребление Горсеем слова «Charowich» (царевич) напоминает употребление слова «Knez», оно тоже является частью имен сыновей Грозного, царевичей Ивана, Федора и Дмитрия, и самостоятельно в записках не употребляется. В значении «наследник престола» Горсей употребляет еще один термин — «the prince»: «Царь сидел в полном величии . . . царевич и другие его великие князья и знатные лица («. . . the price and other his great dukes and nobliet of rancke») сидели вокруг него»²¹.

Интересно у Горсея употребление термина «sinaboarskoie» (сын боярский, множественное число — «synnoboarskes»). Наиболее характерен следующий пример такого употребления: «. . . его (Ивана Грозного. — А. С.) князья (princes) и знать (nobles) находились большей частью на своем собственном содержании, а «gentilmen» и простые дети боярские (common synnoboarskes) имели участки земли, им ежегодно выдавалось зерно и деньги из специально отведенных на это доходов. . .»²² Горсей здесь противопоставляет положение «princes» и «nobles» положению «gentlemen» и «synnoboarskes», причем не отождествляет «gentlemen» с «synnoboarskes», хотя указывает, что обеспечение у них одинаково.

Нельзя ли, учитывая принадлежность детей боярских («сынов боярских») к корпорации дворянства ²³, выяснить, кого здесь Горсей называет «gentlemen»? Что отличает у Горсея детей боярских от «gentlemen»? На это, думается, указывает в приведенном отрывке слово «common» — простой, рядовой, обыкновенный.

Если предположить, что с помощью слова «common» Горсей хотел

²⁰ Анализ слов, имен и названий, не рассматриваемых в статье, дает интересный материал для характеристики степени знания Горсеем русского языка.

²¹ «Russia at the Close. . .», p. 198.

²² Ibid., p. 181.

²³ Отметим, что русские термины «дворяне», «дворянин» в записках вообще не встречаются.

соотнести два термина: «synnoboarskes» и «gentlemen», то в приведенной фразе сочетание «common synnoboarskes» означает или «низший чин» — «gentlemen», или ниже по происхождению, чем «gentlemen» (и тогда «gentlemen» в этой фразе с дворянством не отождествляется). Если же предположить, что с помощью слова «простой» Горсей в разбираемой фразе соотносил «common synnoboarskes» с какими-то детьми боярскими, про которых Горсей знал, что они — не «простые», то тогда этот пример ничего нового для перевода термина «gentlemen» не дает.

Выражение «common synnoboarskes» у Горсея, в известной степени, отражает состояние русского служилого населения во второй половине XVI в., когда чины столичного дворянства (стольники, жильцы, стряпчие и др.) составляли верхний слой, за которым шли «выборные дворяне» — высший чин провинциального дворянства — и, наконец, дворяне и дети боярские «городовые», т. е. провинциальные. Термин «common synnoboarskes», вероятнее всего, относится в записках к представителям провинциального дворянства — так называемым «городовым».

Русское слово «бояре» Горсей употребляет в записках лишь один раз, без какого-либо своего толкования: «Борис Федорович, теперь князь-правитель (lord-protector), и три других главных боярина (chieff boaiers) вместе с ним — князь Иван Мстиславский, князь Иван Васильевич²⁴ Шуйский и Никита Романович — составили правительство по воле прежнего царя»²⁵. В другом месте записок Горсей употребляет по отношению к трем названным у него боярам термин «noblemen»²⁶. Однако на основании только этого примера термины «boaiers» и «noblemen» отождествить нельзя, так как других случаев сходного употребления этих терминов нет.

Итак, рассмотренные примеры употребления отдельных русских терминов в записках Горсея не дают дополнительного материала для отыскания точных и постоянных русских соответствий английским терминам «noble», «gentlemen», «parliament» и другим. Возникает вопрос, как в подобном случае решать проблему перевода этих терминов в русском издании источника?

Наиболее простое решение этого вопроса — давать перевод, в каждом конкретном случае исходя из содержания данной части текста, но при этом обязательно всякий раз ставить в скобках иностранный переводимый термин. Такой путь вполне приемлем, но не лишен известных недостатков: он делает перевод громоздким, сохраняет некоторую субъективность в передаче известий источника. Работая над новым переводом записок Горсея, автор настоящей статьи предложил другое решение этой проблемы. Перед текстом перевода помещается таблица принятых в данном переводе условно-однозначных соответствий русских и английских терминов исторического характера²⁷, имеющих принципиальное значение для трактовки известий источника. Руководствуясь этими соответствиями, историк, привлекаящий сведения Горсея, всегда может уточнить, какой английский термин стоит за предложением в переводе русским. Сохраняя за исследователем право на интерпретацию терминов, такая система предупреждает об условности некоторых принятых в переводе значений²⁸. (Так, например, терминам «noble», «nobleman», «gentleman», «council», «council royal» в таблице соответствуют: «боярин», «знатный человек», «дворянин», «совет», «царский совет». Это означает, что английские термины будут постоянно передаваться в переводе только этими русскими.

²⁴ «...Васильевич...» — так у Горсея.

²⁵ «Russia at the Close...», p. 202.

²⁶ Ibid., p. 226.

²⁷ Объяснение определения «условно-однозначное соответствие см.: Севастьянова А. А. Записки Джерома Горсея...», с. 84—85.

²⁸ Там же.

Думается, что система условных соответствий явилась своеобразной «крайней мерой» в работе над переводом группы важных терминов записок Горсея, не поддающихся точному и постоянному переводу. Главная же задача переводчика, как нам кажется, заключается в отыскании возможно большего числа постоянных соответствий. Хотелось бы отметить, что поиск терминологических соответствий нужно рассматривать не как отвлеченное средство точности перевода, а как попытку источниковедческого анализа сообщаемых источником сведений, от которой и будет зависеть точность перевода.

Внимание к терминологии источника служит, на наш взгляд, одним из действенных методов научной объективизации перевода. Как и другие методы, он требует от переводчика большой работы с текстом. Но затрата усилий в этом направлении представляется оправданной: от того, как сможет переводчик почувствовать и передать русскую историческую действительность, скрытую иностранными понятиями и иностранным языком автора, зависит в конечном итоге дальнейшая жизнь перевода источника в исторической литературе.

В. И. Гальцов

СВЕДЕНИЯ О С. И. ШАХОВСКОМ В ОПИСИ АРХИВА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА 1673 Г.

В отличие от архивных описей, составленных в Посольском приказе в 1614—1615 и 1626—1627 гг., опись 1673 г.¹ как исторический источник использовалась гораздо меньше. Между тем в ней имеются интересные сведения не только по истории внешней политики России (и, конечно, истории государственных учреждений, архивного дела), но и по истории классовой борьбы в России XVII в. (подробно описаны, например, столбец со следственным делом о восстании в Устюге Великом 9 июля 1648 г., хранившийся в архиве среди польских столбцов; находившиеся в составе шведских дел шесть столбцов о Псковском восстании 1650 г.; два документа о С. Т. Разине, хранившиеся среди донских дел).

Примером многоаспектности описи 1673 г. как исторического источника могут служить и ее оригинальные сведения, относящиеся к биографии русского писателя первой половины XVII в. Семена Ивановича Шаховского, известного своими «Домашними записками», нравоучительными и некоторыми историческими сочинениями, к числу которых прибавилась, особенно благодаря последним изысканиям М. В. Кукушкиной, «Повесть о смуте», приписывавшаяся ранее И. М. Катыреву-Ростовскому².

В своей трудной жизни Шаховской довольно часто попадал в немилость к царям, за что его неоднократно ссылали в отдаленные города России. В одну из таких ссылок Шаховской был отправлен весной 1644 г. на воеводство в Усть-Колу, где служил до 1646 г., после чего его перевели сначала в Устюг Великий, а затем в Сольвычегодск. В конце 1648 г. Шаховской был отпущен в свою галицкую вотчину, а вскоре возвращен в Москву. Однако уже весной 1649 г. Шаховского вновь сослали, на этот раз в далекий Томск³.

Обстоятельства, связанные с опалой Шаховского в 1644 и 1649 гг., анализировали в своих исследованиях А. П. Голубцов, С. Ф. Платонов, а также современный американский историк Э. Кинан⁴. В 1892 г.

¹ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 4. Вопрос о генеральном описании Посольского архива был поднят еще в 1670 г., когда Посольским приказом руководил А. Л. Ордин-Нащокин («Дела Тайного приказа», кн. 1. Под ред. С. А. Белокурова. — В кн.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, т. 21. СПб., 1907, стлб. 1535).

² Кукушкина М. В. Семен Шаховской — автор «Повести о смуте». — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975, с. 75—78.

³ «Домашние записки князя Семена Шаховского». — «Московский вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным», 1830, ч. 5, с. 61—70; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913, с. 300—302, 451—452.

⁴ Голубцов А. П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891, с. 345—346; Платонов С. Ф. Указ. соч., с. 451—452; Keenan E. L. The Kurbskii — Groznyĭ Apocalypse. The Seventeenth-Century Genesis of the «correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge (Mass.), 1971, p. 35, 186.

А. П. Голубцов опубликовал обнаруженное им в Московском главном архиве Министерства иностранных дел среди датских документов «Дело об отпращивании в ссылку к Соли Вычегодской князя Семена Шаховского за старание его, чтобы бывший в России дацкой королевич Вальдемар без крещения мог остаться в Российском государстве»⁵. Этот документ представляет собой отрывок «сказки» Шаховского и боярского приговора об его ссылке. В документе повествуется о том, что по указу царя Алексея Михайловича Шаховской был допрошен 1 января (год в источнике не указан) боярином князем А. Н. Трубецким и начальником Посольского приказа думным дьяком М. Д. Волошениновым, которые спрашивали Шаховского, почему он, «быв у государские руки», говорил, оправдывая свою связь с королевичем Вальдемаром, «будто он то делал, исполняя повеленье» царя Михаила Федоровича. На допросе Шаховской раскаялся, сказав, «что такие де речи он говорил безпамятно», и сообщил, что в 1644 г. (во время пребывания королевича в Москве) он написал письмо о допустимости, по мнению Шаховского, женитьбы Вальдемара на царевне Ирине без принятия королевичем православия.

В документе о Шаховском далее отмечалось, что после допроса, 3 января, бояре приговорили Шаховского к смертной казни за его прежнее «еретичество и великое воровство». 4 января Волошенинов приказал духовному священнику Шаховского «поновити» завещание князя, но самого Шаховского перед казнью «не причащать, потому что он еретик». В тот же день Волошенинов, «сшед сверху от государя», объявил Шаховскому, поставленному у здания Посольского приказа, смертный приговор, в котором вначале сообщалось, что во время пребывания Вальдемара в Москве Шаховской уже был приговорен к сожжению за «еретическое и богомерское дело», однако царь смягчил приговор и велел сослать Шаховского в Сольвычегодск. На этом содержание смертного приговора и всего документа, опубликованного А. П. Голубцовым, обрывается⁶.

Анализируя документ о Шаховском, А. П. Голубцов неправильно датировал его, отнеся допрос Шаховского и смертный приговор, упомянутые в источнике, к январю 1647 г.⁷, когда в действительности Шаховской находился в Устюге Великом⁸. С. Ф. Платонов, исследуя биографию Шаховского, использовал тот же источник, но при этом допустил серьезную ошибку, указав, что смертный приговор был объявлен Шаховскому 4 января 1644 г.⁹, тогда как королевич Вальдемар (из-за которого Шаховской чуть было не поплатился жизнью) приехал в Москву только 21 января 1644 г.¹⁰ Э. Кинан в изложении биографии Шаховского повторяет в основном выводы С. Ф. Платонова¹¹. Неточности, допущенные А. П. Голубцовым и С. Ф. Платоновым при анализе упомянутого источника, можно объяснить отсутствием полного текста документа (в нем нет начала и конца).

Подробное описание документа о Шаховском, с цитатами отдельных предложений, имеется в описи Посольского архива 1673 г. В описи на листе 1086—1086 об. читаем: «Скаска князь Семену Шаховскому, какова сказана за ево воровство и еретичество, что он говорил многожды, и в письме своем написал — датцкому де королевичю мочно ходить в церковь не крещену и еретика лютерской веры приобщить с православными христианы. И бояря приговорили было ево за то зжечь, а великий госу-

⁵ «Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александром Голубцовым». — ЧОИДР, 1892, кн. 2, с. 156—158.

⁶ Там же, с. 156—158.

⁷ Голубцов А. П. Указ. соч., с. 345—346.

⁸ Платонов С. Ф. Указ. соч., с. 300.

⁹ Там же, с. 451.

¹⁰ Голубцов А. П. Указ. соч., с. 67—68.

¹¹ Кинан Е. Л. Op. cit., p. 33—35.

дарь пожаловал, жечь ево не велел, а велел сослать к Соли Вычегоцкой. И из опалы взят он к Москве, а на Москве, будучи великого государя у руки, оправдаючи себя, говорил непристойные речи, что он такое дело чинил, исполняя повеленье блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси. А его государского повеленья такого ему не бывало. И бояря приговорили его за то казнить смертью. И у казни на Пожаре та скаска ему сказана, и на плаху кладен. И великий государь пожаловал, смертью казнить ево не велел, а велел сослать в сылку в Сибирь».

Сравнение текста описи 1673 г. с документом, опубликованным А. П. Голубцовым, показывает, что в описи был отмечен только смертный приговор, объявленный Шаховскому думным дьяком Волошениновым (как выясняется, его прочитали второй раз, вероятно публично, «на Пожаре», т. е. на Красной площади). Содержание этого документа, изложенное в описи, позволяет сделать вывод о том, что известный смертный приговор был составлен в январе 1649 г., а не в январе 1644 или 1647 г., как предполагали ранее С. Ф. Платонов и А. П. Голубцов. Именно в 1649 г., судя по воспоминаниям самого Шаховского, он был сослан в Сибирь (в Томск)¹². Текст описи 1673 г. от слов «И из опалы взят он к Москве. . .» является оригинальным продолжением известного документа, раскрывающим последовательность событий от объявления приговора Шаховскому перед зданием Посольского приказа до его ссылки в Томск.

Это небольшое дополнение к биографии Шаховского является, однако, важным свидетельством ценности описей архива Посольского приказа XVII в. для разработки самых разнообразных вопросов отечественной истории¹³

¹² «Домашние записки князя Семена Шаховского», с. 69—70.

¹³ Не лишне заметить, что в той же описи 1673 г. отмечены и документы о другом русском писателе первой половины XVII в. — князе И. А. Хворостинине, относящиеся к его ссылке в Кирилло-Белозерский монастырь в 1623—1624 гг.: «Скаска князю Ивану Хворостинину, как взят к Москве ис-под начала Кирилова монастыря, которого году, не написано» и «Речь князю Ивану Хворостинину, что ему сказана вина его» (ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 4, лл. 21 об., 1068).

Ю. С. Васильев

ПОРЯДНЫЕ ЗАПИСИ СЕВЕРНОЙ МОНАСТЫРСКОЙ ВОТЧИНЫ XVII в.

В исторической литературе крестьянскому порядку уделялось большое внимание. Многие дореволюционные историки обращались к нему в основном в связи с проблемой происхождения крепостного права. Общий анализ их взглядов дан Б. Д. Грековым¹. Данному вопросу и сейчас продолжает уделяться большое внимание при изучении экономического положения различных категорий крестьян, а также и в связи с изучением проблемы развития крепостного права².

В нашем распоряжении имеется 70 различных порядных XVII в.³, относящихся к Богословскому монастырю Важского уезда Поморья⁴. Шесть порядных оформляют в монастырь разного рода церковнослужителей⁵: игумена (1631 г.), попов (1646, 1653, 1654 гг.), дячкаво (1638, 1656 гг.)⁶. Одна из порядных (1682 г.) оформляла С. А. Воробьева в монастырские швецы⁷. Две порядные (1636, 1699 гг.) оговаривали условия, на которых двое дворцовых крестьян должны были изготовить для монастыря дощачики⁸.

Основная масса порядных (60) относится к крестьянам и пашенным бобылям. При этом лишь десять порядных оформлены на крестьян близлежащих дворцовых волостей уезда.

Число сохранившихся порядных за 1610—1680-е годы⁹ распреде-

¹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 2. М., 1954, с. 163—185.

² Ключков М. В. Крестьяне Севера XVII в. по порядным грамотам. — «Ученые записки Ростовского-на-Дону гос. ун-та», 1945, т. VI, вып. 3, с. 52—90; Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.—Л., 1951, с. 63—77, 443—449; Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI—XVII вв. — «Исторический архив», 1953, вып. VIII, с. 80—197; Каменцева Е. И. Условия закрепощения новопорядчиков. — «Труды Московского государственного историко-архивного института», 1954, вып. 7, с. 129—154; Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, с. 378—400; Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1959, с. 145—177; Лозтева Г. Н. Половники Троицкого Гledenского монастыря в XVII в. — «Исторические записки», 1962, т. 72, с. 119—139; Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962, с. 222—247; Огризко З. А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. М., 1968.

³ Восемь порядных хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (далее — ГИМ, ОПИ), ф. 226, ед. хр. 5, одна — в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (кол. 27, оп. 2, № 27), остальные — в Государственном архиве Архангельской области (далее — ГААО), ф. 829.

⁴ Общую характеристику землевладения и хозяйства монастыря см.: Васильев Ю. С. Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле XV—XVII вв. Автореферат канд. дисс. Л., 1974, с. 13—19.

⁵ Подобные явления могли фиксироваться и документами иного рода.

⁶ ГААО, ф. 829, оп. 1, № 1031, 748, 920, 790, 950, 753.

⁷ Там же, № 1103.

⁸ Там же, № 751, 1222.

⁹ Цифры в скобках означают количество порядных, оформленных на дворцовых крестьян уезда. Две порядные, имеющие «противни» (о них далее), считаются за один акт, поэтому в итоге получается 58 порядных.

ляется следующим образом по десятилетиям XVII в.:

1610-е годы — 2 (1)	1650-е годы — 19 (2)
1620-е » — 4 (1)	1660-е » — 4 (1)
1630-е » — 7 (2)	1670-е » — 5
1640-е » — 12 (1)	1680-е » — 5 (2)

Как от первой, так и от второй половины столетия сохранилось почти равное количество порядных, больше всего за 1640—1650-е годы — 31.

Структура имеющихся в нашем распоряжении монастырско-крестьянских порядных XVII в. близка источникам, опубликованным и рассмотренным другими исследователями¹⁰. Порядные имеют следующие составные элементы: 1) кто поряжается; 2) к кому; 3) на какой участок (иногда указывается конкретно деревня, починок, размер пашни, чаще просто оговаривается «где преж сего жил» (пахал) такой-то); 4) с какого времени и на какой срок; 5) подмога; 6) условия эксплуатации участка; 7) трудовые повинности и подати в пользу монастыря; 8) государственные повинности; 9) неустойка в случае невыполнения поставки; 10) удостоверительная часть.

Следует отметить, что подмога в монастыре сводилась к тому, что крестьяне (29 порядных) поселялись «ко рже и к парам», т. е. к посеянной озими и распаханному парам. Подмогой это назвать можно лишь условно, так как, покидая участок, крестьяне обязаны были вспахать пары и посеять рожь своими семенами. Редко крестьяне получали подмогу семенами и инвентарем. Как правило, это крестьяне, порядившиеся на участок «исполу» или из «трети» урожая. Порядившиеся половничать в 1621 г. Федор Титов и Иван Мосеев в деревню Першинскую получали от монастыря семена, «конную силу» и половину сельскохозяйственного инвентаря¹¹. Порядившийся «исполу» в 1610 г. Иван Савлуков получил от монастыря в деревне Андреяновской распаханый пар, засеянную рожь, лошадь и половину семян¹². В качестве подмоги получают семена Первый Артемьев (1634, 1647 и 1653 гг.) и Анфим Титов с племянником (1667 г.), также порядившиеся «ис половного хлеба»¹³. В качестве подмоги треть семян получают Семей Акимов (1625 г.), Никита Дементьев с детьми (1630 г.), Оная Степанов (1653 г.), Петр Конечный (1656 г.)¹⁴, порядившиеся из трети урожая. Таким образом, подмога семенами и инвентарем отмечена лишь в 10 порядных из 58. Еще реже встречается льгота. Первый Артемьев по порядной 1653 г. освобождался на год от поставки сена в монастырь, Петр Конечный (1656 г.) и братья Конечные (1655 г.) освобождались на год от поставки хлеба в монастырь¹⁵. Иногда в качестве льготы крестьяне первые один-два года мешине давали в монастырь оброчного хлеба¹⁶. Совсем не практиковалась при порядке денежная ссуда.

В течение столетия структура порядных не претерпела особых изменений. В ранних порядных 1610, 1619, 1621 гг. (четыре порядных) нет денежного выражения «поставки», позднее это, как правило, указывалось. В первой половине столетия денежное выражение «поставок» редко превышало 5 руб., во второй половине столетия поставки чаще всего оце-

¹⁰ Греков Б. Д. Указ. соч., с. 177; Ключков М. В. Указ. соч., с. 56—88; Сербина К. Н. Указ. соч., с. 65, 433—450; Образцов Г. Н. Указ. соч., с. 81, 106—197; Каменцева Е. И. Указ. соч., с. 131—154; Прокофьева Л. С. Указ. соч., с. 147—148.

¹¹ ГААО, ф. 829, оп. 1, № 606.

¹² Там же, № 697.

¹³ Там же, № 807, 841, 1059, 941.

¹⁴ Там же, № 957, 1118, 654, 883.

¹⁵ Там же, № 1059; 883, 1085.

¹⁶ Филипп Липарев (1632 г.) из деревни Немировской первые три года должен был давать посопного хлеба по 20 мер, а потом — по 30 мер в год. Михаил Худяков (1640 г.) из деревни Проклюевской первый год давал поспом 4 меры, а остальные 4 года — по 9 мер хлеба. Василий Конечный в первые два года — по 12 мер, а в остальные восемь лет — по 15 мер (ГААО, ф. 829, оп. 1, № 1055, 1139, 680).

нивались в 6—10 руб.¹⁷ Порядные второй половины столетия более подробно излагают и обязательства порядчиков, особенно если они не монастырские крестьяне. Порядные дворцовых крестьян аналогичны порядным монастырских крестьян, однако в первые, как правило, внесены послухи. В порядных монастырских крестьян и бобылей послухи отмечены редко.

Обычно в конце порядных Богословского монастыря есть запись: «. . . да в том яз (имярек) им, игумену (имярек) з братею, в казну на себя и порядную написав дал, а от них к себе такову ж взял». Или более краткая запись: «. . . а порядные писаны две по противням, слово в слово»¹⁸. Есть подобные записи и в четырех порядных, опубликованных Г. Н. Образцовым¹⁹. На написание порядных «по противням» в поморских уездах обратил внимание еще М. А. Дьяконов²⁰. Однако его замечание осталось без внимания. Но раз крестьянский порядок оформлялся «по противням», следовательно, должен существовать и «противень» крестьянской порядной, писавшейся от лица монастыря. Нам удалось выявить четыре подобных порядных²¹, две из них имеют и крестьянские «противни». Ввиду исключительности приведем целиком текст порядной, написанной от лица монастыря²², и для сравнения текст крестьянского «противня» этой порядной²³:

«Се яз Богословского монастыря келарь старец Сергей да казначей старец Саватей / . . . /²⁴ и вся братия Богословского монастыря порядили есми того ж Богословского монастыря вотчины крестьян Федора да Онфима Федоровых детей Долгобородова в нашу монастырскую деревню, где преж сего жили они же по порядке отца своего Федора Степанова Долгобородова, в Столыпинскую деревню с нынешнего со 185-го году декабря с 30 числа, впред на 6 лет до такова же дни и числа.

А приехали они в ту нашу деревню ко рже и к парам. А как из деревни вон поедут, и им до ржи и до паров дела нет, рожь оставить на земле насеяна своими семенами.

А живучи им в той нашей деревне, горняя поля и луговая земля пахать вся на себя и санными покосы владеть, чем преж сего владели по той деревне; всеми пашнями пахать всякая пашенная земля в той деревне пашнею доброю, как в добрых людех водитца, своею склюю конною и люцкою. А пашнею земли не запустошить и около пол и в лугу, где будет надобно, повые огороды ставит и старые починивать. А государевы дань

«Се яз Богословского монастыря вотчины Пенежской волости монастырские крестьяне Федор да Онфим Федоровы дети Долгобородова порядилися есми Богословского монастыря у келаря старца Сергея да у казначея старца Саватя, да у житного ключника старца Сергея, у старца Пахомия, у старца Антония, у старца Тарасия, у старца Семиона, у старца Исаии, у старца Иакова, и больничных старцев у старца Лаврентья, у старца Васяна, у старца Корнилия, у старца Феодосия и у всеи братии Богословского монастыря в их монастырскую Столыпинскую деревню за ренку, где преж сего жили мы же по порядке отца своего Федора Степанова. А порядились мы с нынешняго со 185-го году декабря с 30 числа впред на 6 лет до такова же дни и числа.

А и приехали мы в ту их деревню ко рже и к парам. А как из деревни вон поедем, и нам до ржи и до паров дела нет, рожь оставить на земле насеяна своими семяны.

А живучи нам в той их деревне, горнее поля и луговая земля пахать вся на себя и санными покосы владеть, чем и преж сего владели по той деревне всеми паш-

¹⁷ Там же, № 1267, 1053, 883, 1157, 680.

¹⁸ Там же, № 963.

¹⁹ *Образцов Г. П.* Указ. соч., с. 106, 107—108, 113—114, 128—129, № 1, 3, 9, 28.

²⁰ *Дьяконов М. А.* Половники поморских уездов в XVI—XVII веках. — ЖМНП, 1895, кн. 299, май—июнь, с. 48—49.

²¹ ГИМ, ОПИ, ф. 226, ед. хр. 5, л. 9; ГААО, ф. 829, оп. 1, № 1284, 1249, 644.

²² ГААО, ф. 829, оп. 1, № 644.

²³ Там же, № 1053.

²⁴ Далее пропущены имена остальных старцев, так как они полностью даны во второй порядной.

и оброк, и всякие денежные поборы, и подымные деньги, и монастырская казенная дань, и овчина, и полешее с тое деревни платит им, Федору да Онфиму, со крестьяны в ряд Пенежской волости, и монастырское всякое сделье делать им, Федору да Онфиму, с тое деревни со крестьяны вместе Пенежской волости неослышно. А посопного хлеба с тое деревни платить в Богословской монастырь им, Федору и Онфиму, по вся годы в монастырскую полмеру хлеба доброго по 4 меры ржи да по 3 меры жита, да по 3 меры овса доброго хлеба сухого. А поставит им поставки в тои деревне в те 6 годов: изба поставить новая одне стены длиной 5 сажен и с шемнушей, а другие стены полчетвертых сажен, и у избы и у шемнуши двери зделать, и окна зделать, и лавицы зделать и впустить, и изба и шемнуша покрыть дертьем новым в новые потоки. И избы, и двора, и дворовых хором живучи постраивать и не изгноить. И рыбные ловлями владеть и лешими путики, что к тои деревне истар прилегло и чем преж сего владели. А будет они в те срочные годы в 6 лет в тои деревне тои поставки, которая в сие порядной писана, не поставят, и за непоставку взят на них, на Федоре да на Онфиме, в Богословскую казну 10 рублей денгами, чего будет не поставят по договору.

А будет нам, келарю и казначею и всеи братии, их житье не полюбитца в тои нашей деревне и пашне их, ино то им и год и неделя, а дворовая поставка по розчету.

В том мы, келарь и казначей и вся братья, им, Федору и Онфиму, и порядную дали со всего брацкогю собору.

Порядную писал по келареву и казначею и всеи братии велению монастырской дьячек Гришка Викулов 185-го году декабря в 30 день.

На обороте: «К сие порядной вместо келаря старца Сергия и казначая старца Саватая и вместо всеи брати по их велению больничной старец Лаврентьище руку приложил».

нями. Пахать всякие пашенная земля в тои деревне пашнею доброю, как в добрых людях водитца, своею силою конною и люцкою. А пашнею земли не запустошить и около поль и в лугу, где будет надобно, новые огороды ставить и старые починивать. А государева дань и оброк и всякие денежные поборы, и подымные деньги, и монастырская дань, и овчина, и полешее с тое деревни платить нам, Федору да Онфиму, со крестьяны в ряд Пенежской волости, и монастырское всякое сделье делать нам, Федору да Онфиму, с тое деревни со крестьяны вместе Пенежской волости неослышно. А посопного хлеба рядили мы, Федор и Онфим, с тое деревни платит в Богословской монастырь и все те годы в монастырскую полмеру хлеба доброго сухого по 4 меры ржи, да по 3 меры жита, да по 4 меры овса и отмерить сполна. А поставки мы рядили поставить в тои деревне в те 6 лет: изба поставить новая о две стены длиной 5 сажен и с шемныши, а другие степы полчетвертных сажен, и у избы и у шемныши двери зделат и с окна зделать, лавицы зделать, и впустить, и изба сооростить наготово и шемнуша, и покрыть дертьем новым в новые потоки. И избы и двора и дворовых и игуменных хором живучи постраивать и не изгноить. А рыбными ловлями владеть и лешими путики, что в тои деревне истари прилегло и чем преж сего владели. А будет мы в те срочные годы в 6 лет в тои деревне тои поставки, которая в сие порядной писана, не поставим, и за непоставку взят на нас, на Федоре да на Онфиме, в Богословскую казну 10 рублей денгами, чего будет не поставим по договору.

А будет им, келарю и казначею и всеи брат е, житие наша и работа не полюбитца и пашня в тои деревне, и то им год и неделя, а дворовая поставка по розчету.

В том мы, Федор и Онфим, против их порядной келаря и казначая з братею, что от них к нам порядная дана, и противень дали.

А противень против порядные писал по их Федорову и Онфимову велению монастырской дьячек Гришка Викулов 185-го года декабря в 30 день.

На обороте: «К сей порядной вместо Федора да Онфима Федоровых детей по их велению больничной старец Лаврентьище руку приложил».

Сравнивая тексты обеих порядных, видим, что они отличаются адресатами. Сопоставление их показывает, что первоначально порядная оформлялась от лица монастырского собора, а затем уже составлялся крестьянский «противень» этой порядной. В первой порядной читаем: «В том мы, келарь и казначей и вся братья, им, Федору и Онфиму, и порядную дали со всего брацкого собору». В крестьянском «противне» следующая запись: «В том мы, Федор и Онфим, *против* их порядной, келаря и казначей з братею, что от них к нам порядная дана, и *противень дали*» (курсив наш. — Ю. В.). На порядок выдачи порядной от лица монастыря указывает и запись в порядной от 6 апреля 1590 г. из фонда Антониево-Сийского монастыря, где говорится, что Ивана и Юрия Калининих детей Михайлова и Никиту Андреева сына Калинина «*порядили* по милости живоначальные троицы и пречистые богородицы и чудотворца Антония Сийского монастыря *игумен Никандр* яже о Христе з братиею»²⁵ (курсив наш. — Ю. В.). В 60—70-х годах XVII в., при игуменах Макарии и Ионе, порядные нередко писались только от лица Богословского монастыря и выдавались крестьянам. Крестьяне же, получив такую порядную, давали в монастырь «покладное письмо», где отмечалось, куда они поряжены игуменом и с какого срока. Крестьяне также обязывались выданную им из монастыря порядную «за собой не таить» и когда понадобится игумену и братии порядная, то «им смотреть давать». Нам известно пять таких писем из фонда Богословского монастыря²⁶.

Б. Д. Греков, а вслед за ним и Л. С. Прокофьева склонны считать, что порядные, как правило, оформлялись лишь на вновь прибывающих в вотчину крестьян. В связи с этим и крестьян, давших на себя порядную запись, они называют повопорядчиками²⁷. Нам кажется это мнение не совсем обоснованным. М. В. Ключков убедительно показал на материале порядных двинских крестьян, что порядные оформлялись и неоднократно переоформлялись даже крестьяне, жившие на земле приходской церкви на протяжении многих поколений²⁸. Из 90 порядных записей, опубликованных Г. Н. Образцовым, имеется также 19 записей крестьян Антониево-Сийского монастыря²⁹. Это явление вряд ли можно объяснить лишь своеобразием Двинского чернососного уезда. Встречаются случаи повторных порядов монастырских крестьян и в Спасо-Прилуцком монастыре, как отмечает Л. С. Прокофьева³⁰. Большинство монастырско-крестьянских порядных из фонда Богословского монастыря (48 из 58), как отмечалось ранее, оформлялось именно на монастырских крестьян. Нередки случаи, когда одни и те же монастырские крестьяне получают за свою жизнь несколько порядных. Так, в 1657 г. на три года был оформлен порядок Федора Степанова Долгобородова на деревню в Пи-

²⁵ Образцов Г. Н. Указ. соч., с. 107—108.

²⁶ ГААО, ф. 829, оп. 1, № 1025, 1249, 1135, 1246, 693. Вот полный текст одного из таких писем: «Се яз Богословской вотчины Пинежской волости монастырской крестьянин Иван Артемьев сын Осокин дал есми сие покладное письмо того ж Богословского монастыря в казну игумену Ионе да келарю старцу Сергию, да казначею старцу Матфею з братиею в том, что оне, игумен Иона з братиею, в нынешнем 179 году порядили меня, Ивана, в свой монастырской пашенной починок на Березнике, где преж сего жил я ж, Иван. И тому оу меня, Ивана, от них порядная следует. И как им, игумену Ионе з братею, та порядная смотреть понадобитца, и мне, Ивану, та порядная им смотреть давать, за собой не таить, да в том я, Иван, им, игумену Ионе и всей братии Богословского монастыря, в Богословскую казну сие и покладное письмо дал. На то послуши отец мой Иванов родной Артемеи Никитин сын Осока. Писал сие письмо по его Иванову велению в Богословском монастыре казенной дьячек Оська Степанов. 179-го году февраля в 4 день» (ГААО, ф. 829, оп. 1, № 693).

²⁷ Греков Б. Д. Указ. соч., с. 163—185; Прокофьева Л. С. Указ. соч., гл. V «Новопорядчики», с. 145—177.

²⁸ Ключков М. В. Указ. соч., с. 49—51.

²⁹ Образцов Г. Н. Указ. соч., с. 80.

³⁰ Прокофьева Л. С. Указ. соч., с. 151—161 и др.

нежской волости. Но и до 1657 г. он жил в этой же деревне ³¹. Вероятно, это та же деревня Стольшинская, где жили до 1676 г. Федор Степанов со своими детьми и куда последние вновь поряжаются в 1676 г. на шесть лет, а по истечении этого срока Федор Федоров Долгобородов — еще на три года ³². Приведенные факты по Двинскому, Вологодскому и Важскому уездам не дают основания считать оформление порядка монастыря с «извечно» монастырскими крестьянами чем-то особенным, а само оформление порядка присущим лишь для новоприходцев.

Монастырские крестьяне, оформлявшие и переоформлявшие порядные, безусловно, не могли представлять собой резерв для пополнения крепостных монастырской вотчины. Каковы же причины оформления порядных?

Г. Н. Образцов считает, что главной причиной появления порядных монастырских крестьян «следует считать переход крестьян с одного участка на другой в пределах монастырской вотчины» ³³.

Порядок оформления порядка в Богословском монастыре говорит о том, что монастырские власти имели право поряжать и перепоряжать своих крестьян. В порядной Ананьи Степанова сына Завьялова от 23 марта 1650 г. говорится, что игумен может порядить в починок нового бобыля до истечения срока порядка Ананьи. Последний лишь выговаривает себе условие, что если он поставит поставку (избу, сарай и прочее) к этому времени, то с нового жильца получит за ее выполнение 2 руб. ³⁴ В ряде порядных конца XVII в. прямо указывается на право монастыря вывести крестьянина из деревни в любое время: «. . . а будет им, келарю и казначею и всей братие, житие наше и работа не полюбитца и пашня в той деревне, и то им год и неделя» ³⁵. Об этом же говорится и в порядной Ефрема на игуменство: «. . . а кого будет в монастырской вотчине в деревнях люда крестьян рядить. . . ино мне, игумену Ефрему, крестьян Богословского монастыря рядити и выряжати и переменять з братцкого собору» ³⁶.

В связи с этим нам кажется, что выражение порядной «а как из деревни вон поедем» вряд ли всегда следует понимать как право крестьян на свободный переход, даже по истечении срока порядка и внутри вотчины. В порядных Богословского монастыря эта запись явно говорит лишь об условии, на котором должна быть оставлена полученная пашня после истечения срока порядка, когда поряженный может быть переведен на другой участок. После указанной фразы всегда говорится в порядной «ино мне (поряженному. — Ю. В.) до ржы и до паров дела нет» или «ино мне рожь на земле оставить засеяна» и т. д. Неустойка берется с крестьян не за то, что они могут покинуть деревню раньше срока, а за то, что они в срок не поставят поставку. Так, в порядной Калины Анфимова 1647 г. об этом записано следующее: «А не поставлю я, Калина, в той их деревне той поставки в те три года, которая в сей порядной писана, и на мне за поставку деньгами в казну Иванну Богослову рубль денег» ³⁷. Аналогичны записи и в других порядных.

В ряде монастырских книг прихода хлеба и зерна говорится, что посопный хлеб с крестьян берется по порядным. Так, в книге 1651/52 г. записано: «. . . принял посопново хлеба у Федора Попова по порядной ржы меру, да жита меру, да овса меру», «принял в житницу посопного хлеба по порядной у Онтоня Фомина 2 меры ржы, да 2 меры овса, да

³¹ ГААО, ф. 829, оп. 1, № 820.

³² Там же, № 644, 1267.

³³ Образцов Г. Н. Указ. соч., с. 82, 83.

³⁴ ГААО, ф. 829, оп. 1, № 971.

³⁵ Там же, № 644, 1267, 773.

³⁶ Там же, № 1031

³⁷ ГИМ, ОПИ, ф. 226, ед. хр. 5, л. 5.

меру жита. . .»³⁸ Интересна в этом отношении и запись от 3 января 1644 г. в расходной денежной книге казначея Леванида: «. . . послали на Паденгу в монастырскую в Богословскую вотчину для оброчного казенного хлеба старца Васьяна с служкой с Олексеем с Каюком *по порядку имати на крестьянях хлеб*»³⁹ (курсив наш. — Ю. В.).

Вероятно, порядные в вотчине Богословского монастыря имели все крестьяне. Старые порядные время от времени заменялись новыми на протяжении всего XVII в. в связи с новыми описаниями вотчины (государственными и внутривотчинными), с введением новых повинностей и норм обложения, в связи с переходом, а точнее, с переводом крестьян на новые участки. Монастырско-крестьянскую порядную в Важском Богословском монастыре XVII в. мы вправе считать внутренним хозяйственным документом, отражавшим в себе формы эксплуатации крестьянства, своеобразной выпиской из окладной книги, определяющей конкретно повинности каждого крестьянина.

И последнее, на чем бы хотелось остановиться. Вотчинник, эксплуатируя по порядной еще в какой-то степени свободного крестьянина, стремится удлинить срок эксплуатации, т. е. оформить порядную на возможно более длительное время. Другое дело, если порядная заключается вотчинником с его же крепостным. Здесь в удлинении срока, естественно, заинтересован уже крестьянин, поскольку перевод из деревни в деревню подрывал крестьянское хозяйство. Обычные сроки порядка в Богословской вотчине — 2—6 лет, реже 6—10 лет. Лишь Сава Васильев с братом и Иваном Жилиным в 1646 г. выговорили себе право после 10-летнего срока порядка жить в Киселевской деревне «безпереводно». Но это право, вероятно, ими получено потому, что они положили в монастырь «рубель да волика трех годов за 40 алтын»⁴⁰.

Таким образом, порядок — явление сложное, имеющее хронологически и регионально специфические особенности, не учитывать которые нельзя.

³⁸ ГААО, ф. 829, оп. 2, № 8, лл. 2, 5 об., 6.

³⁹ Там же, № 36, л. 12.

⁴⁰ ГИМ, ОПИ, ф. 226, ед. хр. 5, л. 4.

В. Ю. Афиани

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХЕОГРАФИИ.
ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ» П. П. СВИНЬИНА
(1818—1830)

Для начала XIX в. в России характерно бурное развитие собрания, описания, изучения и публикации исторических источников. Наиболее известна деятельность в этой области группы ученых так называемого Румянцевского кружка. В литературно-общественных журналах той поры¹ в широких масштабах публиковались как исторические статьи, очерки и заметки (научного и популярно-беллетристического типа), так и большое число разнообразных источников.

Такое явление в отечественной журналистике связано с усилением интереса к историческому прошлому различных слоев русского общества, в значительной мере возникшего под влиянием общественно-политического подъема, связанного с Отечественной войной 1812 г.²

В настоящей статье рассматриваются публикации исторических источников в журнале «Отечественные записки», издававшемся П. П. Свиньиным в 1820—1830 гг. (в 1818—1819 гг. выходил, как альманах)³. В статье делается попытка проследить общую тенденцию в подходе к источникам, приемы и методы публикаций документов в целом, выявить место публикаций в структуре журнала и связь их с общим направлением издания.

В «Отечественных записках» наряду с историческими статьями было издано около 200 документов XIV—XIX вв. Большая часть их публиковалась впервые, а некоторые, вышедшие в свет ранее, напечатаны в более полном виде или по оригинальным спискам.

«Отечественные записки» считаются новым типом «преимущественно-исторического» журнала, по выражению С. С. Дмитриева⁴. Другие исследователи считают возможным назвать это издание первым историческим⁵ или «первым историко-археологическим» журналом в России⁶.

¹ Специальные исторические журналы появились несколько позднее, а повременные издания научно-исторических обществ журнального типа, такие как «Русские достопамятности», «Труды и летописи» Общества истории и древностей российских при Московском университете, на наш взгляд, имеют свои типологические особенности.

² Яркий пример тому — известный успех первого издания «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, начавшей выходить с 1816 г.

³ [Дубровин] Н. К истории русской цензуры. — «Русская старина», 1900, № 12, с. 660—661. Опубликовано прошение Свиньинова в Петербургский цензурный комитет о разрешении издания журнала вместо альманаха.

⁴ Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики. (Постановка темы и проблематика). — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1976, с. 284.

⁵ Данилов В. В. Дедушка русских исторических журналов («Отечественные записки» П. П. Свиньинова). — «Исторический вестник», 1915, т. СХII, № 7, с. 109—129.

⁶ Формозов А. А. Первый русский историко-археологический журнал. — «Вопросы истории», 1967, № 4, с. 208—212; Формозов А. А. «Notes du Pays» de P. P. Svin'in — premier journal russe historique et archéologique. — В кн.: Труды I Международного конгресса славянской археологии, VII, 1972, с. 77—86.

Окончательное решение этого вопроса возможно только после всестороннего изучения журнала, но, видимо, предпочтительнее точка зрения С. С. Дмитриева, позволяющая определить «Отечественные записки» как переходный тип издания от литературно-общественных к специально-историческим журналам. Сам издатель «Отечественных записок» — П. П. Свиньин — писал, что «не имеет намерения сделать себе сим изданием ученой славы»⁷. Журнал был рассчитан на массового читателя. Число подписчиков журнала доходило до 1400, что для первой трети XIX в. считалось внушительной цифрой⁸. По свидетельству Свиньи-на, «Отечественные записки» ориентировались на «все классы и состояния своих соотечественников», широко распространялись, «читались и в Кяхте, и в Коле, в Бухаресте и в Соловецком монастыре, в Феодосии и в Гельсингфорсе»⁹.

В отличие от большинства других журналов «Отечественные записки» помещали материалы прежде всего по русской истории и истории других народов России. Интерес к истории России, ко «всему отечественному» во многом определял и деятельность самого издателя журнала — коллекционера, литератора, художника и историка П. П. Свиньи-на. Оценка личности Свиньи-на, его взглядов и многочисленных предприятий требует самостоятельного исследования¹⁰.

Программа издания предусматривала публикацию «журналов многих, никому не известных русских путешественников по России, Бухарии, Кавказу, Киргизской степи и чужим краям», «записок отличных воинов-литераторов», «наблюдения издателем Москвы, Киева, Новгорода и других классических отечественных городов», «жизнеописаний знаменитых россиян и достойных известности граждан и художников», «описаний сибирских рудников и заводов», «отечественных открытий и исторических розысков», «Санкт-петербургских современных летописей», «смеси»¹¹; последние два пункта программы составляли самостоятельные разделы. Для публикаций не был выделен специальный раздел, и они помещались в «общем» разделе и в «смеси». В статьях, описаниях и заметках часто сообщались сведения о коллекциях и собраниях письменных и вещественных источников в архивах и библиотеках местных учреждений, монастырей, семинарий и у любителей отечественной истории. Нередко упоминаются актовые документы (грамоты и указы) в статьях по истории описываемых заводов и фабрик (Златоустовского и Тульского оружейного заводов, Киево-Межигорской фаянсовой фабрики и др.), церквей и монастырей, торговли (Нижегородская ярмарка).

Более половины публикаций приходится на долю документов XVIII в. А. А. Формозов даже называет П. П. Свиньи-на «пионером... в деле публикации документов XVIII в.»¹² Непосредственный просмотр материалов журналов «Вестник Европы», «Северный архив», «Сын Отечества» показывает, что публикация документов XVIII в. началась с первых лет XIX в.¹³ Выходили и отдельные издания, чаще других — письма

⁷ «Отечественные записки» (далее — ОЗ), 1829, ч. XI, № 116, с. 501.

⁸ Там же, с. 500. *Формозов А. А.* Тиражи исторических изданий в первой половине XIX в. в России. — «Вопросы истории», 1970, № 2, с. 195.

⁹ ОЗ, 1829, ч. XI, № 116, с. 501.

¹⁰ См. об этом: *Данилов В. В.* Указ. соч.; *Кулябко Е. С.*, *Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1974, с. 74—89; *Трубецкой Б. А.* П. П. Свиньин в Бессарабии. (Из истории русско-молдавских культурных связей в начале XIX века). — «Ученые зап. Кипинев. ун-та», 1959, т. XXVI. Филология, с. 56—64; *Формозов А. А.* Первый русский историко-археологический журнал.

¹¹ ОЗ, 1821, ч. VII, № 17, с. 397; см. также: «Вестник Европы», 1820, ч. 110, № 8, с. 320; «Русская старина», 1900, № 12, с. 660—661.

¹² *Формозов А. А.* Первый русский историко-археологический журнал, с. 209.

¹³ Сделанные в литературе наблюдения о публикации в журналах «Современник», «Русское слово», «Русская старина» преимущественно документов XVIII—XIX вв.,

и указы Петра I (из собрания А. И. Нагаева, опубликованные П. П. Бекетовым, В. Н. Берхом и другими археографами).

Благодаря свойственной историческим представлениям начала XIX в. «персонализации» государственной (политической, военной, дипломатической) деятельности в восприятии историков и археографов сближались источники государственного и частного происхождения. Причем источники частного происхождения, особенно воспоминания, признавались особо ценными для истории¹⁴. Источники других видов за густую также воспринимались ими как близкие к мемуарно-эпистолярным. Поэтому кроме воспоминаний — «памятных записок» — и многочисленных писем наиболее место занимают журналы, описания и дневники путешествий, инструкции, донесения и другие дипломатические документы, журналы кампаний, дневники и походные журналы.

Среди опубликованных источников XIV—XVII вв. преобладают статейные списки, записки иностранцев и грамоты (договорные, жалованные, духовные).

Наблюдения показывают, что публикуемый источник рассматривался скорее как историко-литературный памятник, содержащий в себе готовое повествование о том, или ином событии, лице и представляющий возможность читателю извлечь нечто более «любопытное» и «занимательное», чем документ, несущий информацию о прошлом ученому-историку.

Этот подход к документу приводил к «беллетризации» источника, к поискам «литературно-повествовательных» текстов, к обработке источника в этом направлении: публикации в выписках и извлечениях, с минимумом комментариев и справочных сведений или часто без них. В примечании Свиньина к описанию посольства Боттони от австрийского императора Леопольда к Алексею Михайловичу говорится о том, что выпущена часть текста, содержащая рассказ о пути посольства от Вены до Москвы, потому, что он «довольно длинный и мало заключающий любопытного для читателя»¹⁵. Часто «беллетризация» приводила к появлению текстов сложного состава, включающих элементы статьи, публикации и воспоминания. В предисловии Свиньина к такой «публикации» под названием «Действия российского корабельного флота во время трех военных кампаний против шведского» (1788—1790 гг.) написано, что им были приобретены «Дневные записки» адмирала В. Я. Чичагова «в виде донесений к императрице», «драгоценные для истории царствования Великой Екатерины»¹⁶. Но показавшиеся издателям «для составления из них журнальной статьи . . . несколько сухими», они были отданы А. С. Шишкову (участнику этих событий) для переделки и добавления известных А. С. Шишкову фактов¹⁷.

В журнале содержатся следующие разновидности публикаций документов: 1) полная публикация одного или группы документов, 2) пуб-

---

особенно историко-литературных мемуарных и эпистолярных видов источников, позволяло предположить, что публикация документов, хронологически «близких» изданию, — характерная черта журналов XIX в. (Симина Н. Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70-х—80-х годах XIX в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, с. 197—203; Эпштейн Д. М. О публикации исторических источников в революционно-демократической печати в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. — «Труды Московского государственного историко-архивного института», 1957, т. 8, с. 95—119).

¹⁴ «Памятные записки должны считаться лучшими, вернейшими материалами для современной истории», — писал П. П. Свиньин в примечании к воспоминаниям А. В. Нащокина (ОЗ, 1830, ч. XII, № 117, с. 76).

¹⁵ ОЗ, 1828, ч. XXXIII, № 94, с. 292.

¹⁶ ОЗ, 1824, ч. XVII, № 46, с. 157—158.

¹⁷ Там же, с. 158.

ликация в выписках и извлечениях, 3) публикация-статья, где группа документов, напечатанных полностью или в извлечениях, сопровождается текстом составителя в виде заголовков, комментариев или соединительного звена между документами¹⁸.

Часты примеры издания документа в статьях, очерках и описаниях, в подстрочных примечаниях или приложениях. Для раннего этапа в развитии археографии, на наш взгляд, следует рассматривать и такие публикации.

Многообразие приемов передачи текста источников объясняется не только уровнем археографии периода ее становления, но и поисками адекватной формы публикации, отвечающей задаче избранного журналом направления и интересам его читателей. Публикации документов не образовывали самостоятельного раздела в «Отечественных записках», а наравне со статьями, очерками и т. п. раскрывали основные направления деятельности журнала, объявленные в программе. По теме, предусматривавшей публикацию «журналов многих русских путешественников», помещались статейные списки и другие дипломатические документы и описания посольств¹⁹. Эти документы большей частью печатались не полностью, иногда с кратким предисловием, содержащим исторические сведения, но без комментариев и подстрочных примечаний.

К этого рода источникам примыкают не объявленные в программе сочинения и «записки иностранцев»²⁰. Эти публикации, как правило, имеют своим источником ранние иностранные издания. Чаще всего использовалось «*Rerum moscoviticarum auctores varii*» (Франкфурт, 1600). Они публиковались также в извлечениях и с сокращениями, но сопровождалась предисловиями и подробным подстрочным комментарием, в котором разъяснялись малопонятные или ошибочные места в тексте, трудные для перевода слова и выражения. (с параллельным текстом на языке оригинала).

Неполнота опубликованных «записок иностранцев» часто объясняется требованиями цензуры. Иногда это видно из комментария. В подстрочных примечаниях к запискам Корнелия Бруина о пребывании в России пропуски мотивируются так: «Известия о русских царях, Бруином помещенные, слишком недостаточны, почему я оные прохожу молчанием»²¹. Но в большинстве случаев изъятия и сокращения не оговариваются.

В публикации «Первого путешествия англичан в Россию в 1550-е годы (описанного Адамом Климентом, другом Ченслера)»²², переведенного с латыни (как и большинство других латинских текстов) К. Успенским, без указания на то в примечаниях или предисловии выпущены

---

¹⁸ Последняя разновидность была отмечена Д. М. Эпштейн, относившей ее к «приемам публикации, выработанным редакцией журнала «Современник» (*Эпштейн Д. М.* Указ. соч., с. 387). Между тем в журналистике эта разновидность публикации употреблялась с начала XIX в.

¹⁹ Были опубликованы документы: о поездке в Литву вел. кн. Елены Иоанновны (1495); о посольствах: во Францию И. Г. Кондырева (1615), в «Мунгалию» С. Гречанина и А. Сампсонова (1636), в Пруссию Е. С. Порошина (1654), в Турцию Е. Украинцева (1689 и 1700), П. А. Толстого в Турцию (1702), Н. П. Резанова в Японию (1803—1805), в Персию (1817); «Журнал путешествия» Петра I во Францию (1716), «Записная книжка любопытных замечаний» о русском посольстве 1697—1698 гг. и др.

²⁰ Сочинения Павла Иовия Новокомского, Адама Климента о путешествии Ченслера, А. Гваньини, Адольфа Лиззекка о посольстве Боттони, «донесение» Иоанна Фабр австрийскому императору Фердинанду о России, записки А. Вимена да Ченеда, де Бруина и графа Сегюра.

²¹ ОЗ, 1830, ч. XLIV, № 126, с. 25.

²² ОЗ, 1826, ч. XXVII, № 77, с. 368—395; ч. XXVIII, № 78, с. 83—103; № 79, с. 177—188.

те места, где говорится о русском судопроизводстве, воровстве, духовенстве, кабаках. Если сравнить часть того же текста, переведенного Ю. В. Готье, то видно, что в переводе К. Успенского смягчались отдельные слова и выражения подлинника²³.

Любопытно отметить «усиление» комментария в 1826 г., после восстания декабристов²⁴. В переводе К. Успенского донесений Иоанна Фабра говорится о «беспрекословном» повиновении русских своему государю, не исключая и «князей», и в комментариях подчеркивается, что «в совершенном повиновении воле божьей и повелениям царя состоит сила и благоденствие царств, это-то и составляет истинную честь, славу и счастье всякого верноподданного»²⁵.

Другую обширную группу материалов, опубликованных в «Отечественных записках», составляют «жизнеописания знаменитых россиян и достойных известности граждан и художников» — документы, связанные с деятельностью русских государственных и военных деятелей (указы, рескрипты, письма и т. п. Петра I, Екатерины II²⁶ и др.; письма и другие документы М. И. Кутузова, Х. Б. Миниха, М. И. Платова, Г. А. Потемкина, П. А. Румянцева, А. В. Суворова)²⁷, писателей и ученых (М. В. Ломоносова, В. К. Тредьяковского, Д. И. Фонвизина)²⁸; биографические очерки и статьи, в том числе и о русских «самородках» (механике П. И. Кулибине, мастере-каменотесе С. К. Суханове, химике С. П. Власове и др.).

В журнале были напечатаны интересные воспоминания В. А. Нащокина, И. И. Неплюева, А. В. Храповицкого, опубликованные с краткими предисловиями, без комментариев²⁹. Воспоминания опубликованы с сокращениями.

В «Памятных записках» А. В. Храповицкого в предисловии отмечается, что «опущены многие подробности частной жизни императрицы Екатерины»³⁰. В тексте фамилии некоторых лиц переданы начальными буквами со звездочками — Пр*** и так далее.

В записках И. И. Неплюева, несмотря на примечание издателя, что «не смели сделать ни малейшей перемены в сем образчике старинного

²³ В переводе Ю. В. Готье (Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938, с. 54—55): «варвары», «народ почти совсем не знает других повозок» (кроме саней), «ссорились и дрались». Соответственно в переводе К. Успенского (ОЗ, 1826, ч. XXVII, № 77, с. 391—394): «россияне», «кои (сани. — В. А.) у них в большом употреблении», «ссорились между собой».

²⁴ Об этом свидетельствуют и названия статей и публикаций в первых номерах журнала за 1826 г.: «Замечания иностранца XVI века о военных походах русских того времени и преданности их государю своему (Из Гваньини)». — ОЗ, 1826, ч. XXV, № 69; «О начале и происхождении российского дворянства». — Там же, № 70; «Преданность к своим государям и отечеству жителей Смоленской губернии и примерные их деяния в достопамятную 1812 года войну». — Там же, № 71 и др.

²⁵ ОЗ, 1826, ч. XXV, № 70, с. 297.

²⁶ ОЗ, 1820, ч. V, № 10; 1822, ч. X, № 25; 1827, ч. XXX, XXXII, № 86, 91, 92; 1830, ч. XLIII, № 124. Письма и указы Петра I опубликованы в составе других публикаций (ОЗ, 1820, ч. III, № 6; 1821, ч. V, № 11).

²⁷ ОЗ, 1822, ч. IX, № 23. 1820, ч. I, № 1, ч. III, № 5; 1825, ч. XX, № 54; ч. XXIV, № 68; 1830, ч. XLII, № 120 и др. 1824, ч. XVII, № 45. 1825, ч. XXIII, № 65. 1824, ч. XVII, № 46 («Мысли гр. Петра Александровича Румянцева-Задунайского о военной части»); 1825, ч. XXIV, № 66. 1822, ч. IX, № 22; ч. X, № 24; 1824, ч. XX, № 56; 1828, ч. XXV, № 101; 1830, ч. XLIII, № 121.

²⁸ ОЗ, 1828, ч. XXXVII (М. В. Ломоносов. «Записка составленная им о трудах его по соляной части»); 1829, ч. XXXVII, № 105 («Некоторые сведения о Ломоносове (им самим написанные)»); 1823, ч. XIII, № 34. 1829, ч. XL, № 115.

²⁹ ОЗ, 1830, ч. XLI, № 117. 1821—1827, ч. VII—XVIII, XX, XXI, XXIV, XXVII, XXXI, XXXIII, № 16, 19, 21, 23—26, 28—33, 35, 36, 41, 44, 45, 49, 50, 56, 57, 67, 68, 77, 89, 93. 1823—1826, ч. XVI, XIX—XXI, XXIII—XXV, № 43, 44, 51, 52, 54, 59, 64, 65, 71.

³⁰ ОЗ, 1821, ч. VII, № 16, с. 128.

повествовательного слова»³¹, текст воспоминаний подвергся сокращению³².

К материалам «жизнеописаний» примыкали публикации «записок отличных воинов-литераторов». Опубликованы «Выписки из дневника партизана Дениса Давыдова»³³, «Отрывки из походного дневника» П. Должикова³⁴, анонимные «Походные записки артиллериста» (1805—1814)³⁵ и др. Все эти публикации напечатаны в отрывках, с кратким пояснением-предисловием издателя и подстрочными комментариями автора. В таком предисловии к дневнику Дениса Давыдова П. П. Свиньин своеобразно обосновывал неполноту публикации: «Мы выбрали . . . некоторые статьи, кои *могут быть напечатаны*»³⁶.

Различного рода сокращениям и изъятиям по «литературным», а более всего по цензурным соображениям подвергались записки иностранцев, мемуары, дневники и записки современников. Но подвергались сокращениям, и даже изменениям, и официальные «политически острые» документы. При публикации «Наставления выборному от Малороссийской коллегии в комиссию о сочинении проекта нового Уложения г. коллежскому советнику и члену той коллегии Наталину»³⁷ была проведена такого рода правка текста³⁸.

В этом смысле тексты документов до XVIII в. (жалованные и духовные грамоты³⁹, Книга тысячная 1550 г.⁴⁰, Разрядная книга⁴¹ и др.) напечатаны удовлетворительно, хотя также не всегда точно. Орфография источников до XVIII в. не сохранялась. Знаки препинания и прописные буквы расставлялись по правилам начала XIX в., вышедшие из употребления буквы славянского алфавита заменялись без указания в предисловии или в примечаниях даже для документов XIV в.⁴², также раскрывались и титла⁴³. Для документов XVIII в. в некоторых случаях отмечалось, что «соблюдено правописание подлинника»⁴⁴.

В большинстве публикаций употребляется авторский курсив для выделения прямой речи, имен и фамилий, географических обозначений, специфических терминов и выражений в тексте⁴⁵. Заголовки публикаций

³¹ ОЗ, 1823, ч. XVI, № 43, с. 169.

³² См. предисловие к публикациям в «Русском архиве», 1871, № 4—5, стлб. 578—580 и «Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773)». СПб., 1893, с. VI.

³³ ОЗ, 1820, ч. I, № 1; ч. II, № 3; ч. IV, № 8; 1821, ч. VII, № 17; ч. VIII, № 18; 1822, ч. IX, № 23; ч. X, № 24.

³⁴ ОЗ, 1830, ч. XLI, № 118.

³⁵ ОЗ, 1823, ч. XIII, № 35; ч. XIV, № 38; ч. XV, № 39; ч. XVI, № 42; 1824, ч. XVII, № 46; ч. XVIII, № 48; ч. XIX, № 51; 1826, ч. XXVII, № 77.

³⁶ ОЗ, 1820, ч. I, № 1, с. 86.

³⁷ ОЗ, 1830, ч. XLI, № 119, с. 347—376; ч. XLIII, № 120, с. 44—74.

³⁸ Об этом см.: ЧОИДР, 1858, кн. III, с. 70.

³⁹ Например, духовные грамоты Иоакима, московского патриарха, 1690 г. (ОЗ, 1830, ч. XLII, № 122), торгового гостя Г. М. Фетиева 1683—1686 гг. (там же, 1829, ч. XXXVII, № 106, 107, с приложением росписей имущества).

⁴⁰ ОЗ, 1828, ч. XXXVI, № 102—104. Описание списка и публикации в «Отечественных записках» см. в археографическом предисловии к книге: Тысячная книга и Дворянская тетрадь 50-х годов XVI в. Подгот. к печати А. А. Зимным. М.—Л., 1950, с. 7.

⁴¹ ОЗ, 1828, ч. XXXVII, № 106, 107.

⁴² См. современную публикацию грамоты Владислава Ягеллона 1387 г. по копии (подлинник не сохранился) в кн.: Памятки української мови. Грамоти XIV ст. Київ, 1974, с. 74—79.

⁴³ Единственное исключение — публикация грамоты Алексея Михайловича к шведскому королю Карлу XI (1666 или 1667 г.), где в подстрочном примечании написано: «В подлинном писанном скорописью употреблены многие сокращения, как в наших церковных книгах, здесь замененные полными словами» (ОЗ, 1829, ч. XXXVII, № 110, с. 406).

⁴⁴ ОЗ, 1823, ч. XIII, № 34, с. 298 (два письма В. К. Тредьяковского к И. Л. Кутузову и кп. Антиоху Кантемиру 1768 и 1743 гг.).

⁴⁵ Только в одной, уже упоминавшейся грамоте Алексея Михайловича к шведскому королю Карлу XI в примечании замечено, что курсивом выделено то, что в подлиннике написано золотом (ОЗ, 1829, ч. XXXVII, № 110, с. 406).

чаще всего включают необходимые элементы: разновидность документа, автора и дату. Иногда в них отмечается, что публикация сделана с копии («списка»), вводится оценочный момент: «Любопытное письмо. . .», «Достопримечательное письмо. . .» Заголовки публикаций статейных списков существенно отличаются от других. В них не указывается разновидность документа, замененная своеобразным типовым словом: «Бытность в . . .», иногда «Поездка. . .», «Посольство. . .» Уже упоминавшиеся статьи-публикации обычно имеют подзаголовки: «Извлечение из официальных бумаг», «Выписка из рукописного хронографа» и т. д.

Составные части справочного аппарата (примечания, предисловие) находятся в процессе становления, поэтому их место в структуре публикации и объем подвержены изменениям. Многие публикации не имеют справочного аппарата. Чаще всего применялся тип краткого предисловия — подстрочного примечания в сноске к заголовку публикации. Автором большинства имеющих предисловий и части примечаний был П. П. Свинын. Кроме исторической части, сведений о происхождении документа, первичности публикации и т. п., частью многих предисловий были обращения к читателям подражать примеру того или иного лица, приславшего документы в редакцию.

Сведения о месте хранения поступивших документов указывались в предисловиях или примечаниях (но не всегда); обобщая их, можно составить предварительную картину использованных библиотек, архивов и собраний, послуживших источниками публикаций.

Место хранения документов, не указанное в публикациях, иногда удается установить по косвенным признакам. В первую очередь это относится к документам из Московского архива Коллегии иностранных дел (более 15 публикаций, из них только в двух имеется указание на архив). Половина публикаций подписана или атрибутирована в списке авторов в «Отечественных записках» за 1830 г., как принадлежащих А. Ф. Малиновскому — директору этого архива ⁴⁶.

В публикации, подготовленной П. Гуляевым, «Приготовление к проезду Петра Великого через Рязанскую провинцию в 1722 г.» (указы государственной Камор-коллегии, переписка и донесения местных властей) использованы документы губернского архива бывшей канцелярии Переславля-Рязанского ⁴⁷.

В предисловии П. П. Свинына к «Известиям о Московии, писанным Албером Вимена да Ченедом в 1657 г.», сообщается, что «любопытные сведения сии переведены для Отечественных записок с итальянской рукописи, отысканной одним русским путешественником в Риме в славной Барбериниевой библиотеке» ⁴⁸. В связи с публикацией документов

⁴⁶ Часть публикаций документов из архива Коллегии иностранных дел, возможно, принадлежит декабристу А. О. Корнилову, работавшему в это время над документами архива. А. Г. Грум-Гржимайло считает А. О. Корниловича публикатором «Журнала путешествия по Франции и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 г.» (ОЗ, 1822, ч. XII, № 31—32). В списке авторов эта публикация значит принадлежит А. Ф. Малиновскому. По свидетельству современников, А. О. Корнилович, работая в архивах, «тем самым подал повод многим журналистам искать его знакомства, чтобы воспользоваться через него любопытными и не для всех доступными материалами», и в числе этих журналистов назывался П. П. Свинын (*Грум-Гржимайло А. Г. А. О. Корнилович — исследователь архивных источников и археограф.* — «Исторический архив», 1961, № 2, с. 189). В последнее время доказана принадлежность А. О. Корнилову нескольких статей в «Отечественных записках» (*Лотман Ю. М.* Неизвестные и утраченные труды А. О. Корниловича. — «Русская литература», 1961, № 2, с. 124—125). Следует отметить, что большинство анонимных публикаций документов, возможно, происходящих из Московского архива Коллегии иностранных дел, напечатано в журнале до 1826 г.

⁴⁷ ОЗ, 1826, ч. XXXIII, № 93—95.

⁴⁸ ОЗ, 1829, ч. XXV, № 105, с. 13. В настоящее время трудно определить, кто был этим «русским путешественником». Это мог быть Магнус фон Штрандман, по заданию графа Н. П. Румянцева в 1818—1827 гг. обследовавший архивы и библиотеки Ита-

упоминаются библиотеки и хранилища монастырей: Костромского-Ипатьевского, Изборского девичьего, Макарьевского на Унже, Новгородского Николаевского, Соловецкого, Спасо-Преображенского (в Новгороде-Северском) и некоторых церквей.

Многие источники были опубликованы из архивов частных лиц и собраний любителей отечественной истории: М. И. Антоновского, П. А. Демидова⁴⁹, А. П. Ермолова, вдовы П. С. Палласа, Н. П. Резанова, Н. И. Салтыкова, Н. В. Сушкова (племянника А. В. Храповицкого), сестры Д. И. Фонвизина, М. В. Васильевского из Вологды, Гавриила — епископа екатеринославского (Розанов В. Ф.), Н. Ф. Герасимова из Шенкурска, А. В. Журавлева из Архангельска, С. А. Маслова, возможно М. Н. Мясникова из Верхневажья, Назарова из Костромы, П. П. Свинына, А. П. Сулакадзева, Б. М. Федорова.

Собирательская и издательская деятельность П. П. Свинына были тесно взаимосвязаны — источники, присылавшиеся для публикации в журнале (подлинники и копии), затем, как правило, поступали в коллекцию Свинына — «Русский музей»⁵⁰. В свою очередь, документы, собранные самим издателем, часто публиковались в журнале. В «Отечественных записках» помещались и документы, перепечатанные из других изданий, чаще всего они входили в состав исторических статей, описаний и очерков⁵¹.

Источники, напечатанные в «Отечественных записках», сыграли свою роль в развитии источниковой базы исторической науки. Они использовались еще современниками. А. С. Пушкин высоко оценивал издание записок А. В. Храповицкого и использовал их (привлекая и рукопись из собрания П. П. Свинына) в «Истории Пугачева», как и другие воспоминания, опубликованные в журнале, например «Оборона крепости Яика от партии мятежников (описана самовидцем)»⁵².

Обращение к публикациям источников в журналах позволяет выявить круг источников, известных историкам начала XIX в. Обнаруживается своеобразная «специализация» журналов в деле публикации

лии, в том числе библиотеку Барберини (*Иконников В. С.* Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1. Киев, 1891, с. 199—200; кн. 2. Киев, 1892, примеч. СССXXX). Это мог быть и А. И. Тургенев. С выписками А. И. Тургенева до их публикации были знакомы многие русские историки. П. П. Свинын мог получить их и от Б. М. Федорова, впоследствии тесно связанного с А. И. Тургеневым и издавшего часть выписок, переданных ему самим А. И. Тургеневым.

⁴⁹ Публикуя записку Н. М. Зотова о «водяных сообщениях» в России и Польше в начале XVIII в. и письмо Зотова к Никите Демидову, издатель в предисловии сообщил: «Рукопись сия найдена в 1812 году июня 20, в Москве, в доме, принадлежащем известному Прокопию Акинфиевичу Демидову» (ОЗ, 1828, ч. XV, № 40, с. 145—146).

⁵⁰ О «Русском музее» П. П. Свинына см.: Краткая опись предметов, составляющих Русский музей Павла Свинына. СПб., 1829 (то же на франц. яз.); *Пушкин А. С.* Дневник 1833—1835 гг. Пг., 1923, с. 147—150 (примеч. Б. Л. Модзалевского); *Овчинникова С. А.* Частное собирательство в России в XVIII—первой половине XIX века. — В кн.: Очерки истории музейного дела в России, вып. III. М., 1961, с. 268—299.

⁵¹ Например, письмо Петра I в Сенат (Прутское дело) в статье П. П. Свинына «Воспоминания о степях Бессарабии» (ОЗ, 1821, ч. V, № 9, с. 14—15) публиковалось по книге «Любопытные и достопамятные сказания о имп. Петре Великом, собранные в течение 40 лет Яковом Штелиным» (СПб., 1786, с. 4). В статье Е. П. Подъяпольской («К вопросу о достоверности письма Петра I с берегов Прута». — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка, с. 314—318) его публикация в «Отечественных записках» не отмечена. В статье Б. М. Федорова «Екатерингофский дворец Петра Великого» (ОЗ, 1824, ч. XVIII, № 51, с. 130—131) опубликованы письма Петра I из «Деяний Петра Великого» И. И. Голикова.

⁵² *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969, с. 18. Известно, что А. С. Пушкин ознакомился с принадлежавшей П. П. Свиныну рукописью (автографом) Г. А. Потемкина (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 706).

документов XVIII в. в отличие от Румянцевского кружка, издававшего почти исключительно древнерусские источники.

На методы и приемы издания источников в «Отечественных записках» оказало влияние то обстоятельство, что источники печатались в журнале, рассчитанном на широкого читателя, от этого зависели приемы воспроизведения текста, характер и объем комментариев. Опубликованные в «Отечественных записках» источники большей частью переизданы в 60—80-х годах XIX в. Таким образом, многие публикации сейчас имеют историографическое значение. Но часть источников, правда небольшая, больше не переиздавалась, другие перепечатаны уже в наше время по сохранившимся копиям или даже по тексту публикаций в «Отечественных записках», тогда как ранее были изданы по подлинникам⁵³. Возможно, что при дальнейшем исследовании появятся новые сведения, проливающие свет на судьбу утерянных подлинников.

---

⁵³ Суворов А. В. Материалы по истории русской армии. Русские полководцы, т. III. М., 1952, № 382, 385, 415, 416, 418, 419, 420, 422, 428. Письма Суворова напечатаны по их первому изданию в ОЗ, 1824, ч. XX, № 56, с. 377—427; публикация списка Тысячной книги 1550 г. в журнале привлекалась в издании «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.» и в др.

М. И. Пернер

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРОТИВ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ ЗА РУБЕЖОМ

Авторитет русского революционного центра в Лондоне, растущая популярность его изданий в конце 1850-х годов серьезно тревожили царское правительство, и оно пыталось разными способами прекратить, подавить или хотя бы компрометировать деятельность А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Однако убедить английское правительство выслать Герцена и Огарева из Лондона или хотя бы организовать постоянную слежку за ними полицейской службы не удавалось¹. О «наблюдателях» из III Отделения за границей редакторы «Колокола» узнавали достаточно быстро, на письма русского агента барона Ф. И. Фиркса (пользовавшегося псевдонимом Шедо-Ферроти) и анонимные угрозы физической расправы, исходящие из III же Отделения, Герцен отвечал печатно — и в «Колоколе» и в различных английских и французских газетах — к вящему посрамлению и русского правительства и его слуг.

Русский посол в Англии Ф. И. Бруннов, высмеянный Герценом в прессе и понимавший, что правительство им недовольно, предпочел в 1862 г. совместно с III Отделением обеспечить наблюдение за русскими посетителями Всемирной выставки, открывшейся в Лондоне. В собрании П. Я. Дашкова находятся письма (до сих пор не привлекавшие внимания исследователей) Ф. И. Бруннова и сотрудника посольства Д. Н. Лонгинова к В. А. Долгорукову, бросающие свет на отношения посольства с III Отделением и на организацию слежки за Герценом. Из письма Ф. И. Бруннова от 3 (15) июня видно, что в Лондоне с весны 1862 г. находился представитель III Отделения надворный советник А. Ф. Шульц, действовавший самостоятельно и чрезвычайно скрытно, предпочитающий сноситься со своим начальством не через дипломатических курьеров, а шифрованными письмами, посылаемыми обыкновенной почтой. (Обиженный посол выражал сомнение в успешности таких тайных розысков, вежливо оговаривая, однако, что держащемуся в тени Шульцу, может быть, и удастся понять больше, чем самому Бруннову, предпочитающему «полную ясность»; Долгоруков отчеркнул эти слова, пометив на полях: «Я в этом убежден».)²

Несколько позже, летом, в Лондон приехал тот агент-шпион, которому удалось «получить права гражданства» в кружке Герцена. Этому агенту, которого, как нам теперь известно, звали Г. Г. Перетц, посвящены в основном письма Бруннова и его помощника Лонгинова от 6 (18) августа, позволяющие пополнить данные, собранные в специальной статье о нем³. После отъезда Шульца в Петербург работу шпиона контролировало посольство, не слишком склонное доверять человеку, «доб-

¹ Английское правительство интересовалось отношениями Герцена с Францией, но не его встречами с русскими посетителями.

² ИРЛИ, ф. 93 (П. Я. Дашкова), оп. 3, ед. хр. 1532, л. 2.

³ Розенблюм Н. Г. Г. Г. Перетц — агент III Отделения. — «Литературное наследство», 1959, т. 67, с. 685—697.

ровольно вызвавшемуся» таким образом «служить отечеству», и прежде всего постаравшееся его «привязать и компрометировать» расписками в получении денег ⁴. Как указывает Лонгинов, агент импонировал «членам герценовского комитета» своим умом, идеями и красноречием, позволявшими отнестись к тому кругу лиц, откуда выходили «самые пылкие адепты» лондонских агитаторов. Найти другого подобного осведомителя посольство не надеялось и указывало III Отделению на необходимость сугубой осторожности. Д. Н. Лонгинов писал: «Утраченную возможность далеко не всегда удается восстановить. Даже простые полицейские меры заставляют революционеров насторожиться: они удваивают предосторожности, прерывают свои собрания, устраивают их более тайно и надежно. Как говорят, собрания у Герцена прекращены вследствие того, что некоторые проезжие посетители навлекли на себя подозрение в неосторожности или недобросовестности. Если бы эти люди получили подтверждение того, что предательство совершено кем-то из своих, их кружок сделался бы совершенно неприоницаемым, недоступным для надзора, какие бы усилия ни прилагать. Среди них есть злодеи, но продажных душ там нет» ⁵. Подозрения, о которых идет речь в письме, были возбуждены полученным А. И. Герценом в начале августа «Списком лиц, которых правительство велело арестовать по возвращении из-за границы» (помещен в 141 листе «Колокола» от 15 августа), а затем известием об аресте возвращавшегося в Россию П. А. Ветошникова, который вез много писем от революционеров (о чем агент успел сообщить в III Отделение). Рассказывая Стасову об усилившемся шпионстве, А. И. Герцен и Н. П. Огарев — как видно из письма к В. В. Стасову от 5 сентября 1862 г. — упомянули и Перетца в числе возможных «подслушивателей». Агент опасался окончательного разоблачения, и Долгоруков решил срочно отозвать его, тем более что надеялся из устных сообщений узнать больше того, что вошло в шифрованные денешки и перехваченные письма. Эти письма дали предлог для ареста Н. Г. Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича (оба были отправлены в крепость 7 (19) июля, на другой же день после задержания П. А. Ветошникова), а затем и ряда других лиц, но для обвинения этого было недостаточно. В тот момент шефу жандармов было важнее получить основания для осуждения Чернышевского, чем разведать связи М. А. Бакунина среди чехов и поляков и пути доставки лондонских изданий в Россию.

Агент должен был выехать из Лондона 17 или 18 августа, т. е. ко времени отправки писем из посольства. Чтобы снять с него подозрения, во-первых, Герцену в те же дни было прислано открывавшееся именем шпиона «Дополнение к списку лиц, которых велено остановить на границе» (помещено в следующем, 142 листе «Колокола» от 22 августа), во-вторых, сам агент был по специальному указанию задержан на таможне и обыскан. Последняя мера тщательно оговаривалась и Брунновым и Лонгиновым, внявшими настояниям агента, который еще ранее, впрочем, успел заручиться обещанием своего начальства, что спектакль будет разыгран точно по сценарию. Бруннов писал: «...Надо, чтобы при переезде границы его тщательно обыскали, обходясь с ним поглубже, как с подозрительным лицом. Таможенному начальству (которое не должно быть посвящено в тайну) ⁶ следует послать секретное уведомление, что такой-то будет переезжать границу примерно тогда-то, имея при

⁴ Эта и последующие выдержки взяты из письма Д. Н. Лонгинова к В. А. Долгорукову от 6 (18) августа 1862 г. (ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, ед. хр. 1533) и даются в переводе с французского.

⁵ А. И. Герцен писал В. В. Стасову в субботу 9 августа: «Воскресенья и среды надобно приостановить — приезжайте сегодня или во вторник вечером — но не завтра. Шпионство усилилось — до наглости» (*Герцен А. И. Собр. соч.* в 30-ти т., т. 27, кн. 1. М., 1963, с. 251).

⁶ В посольстве полагали, что «Список» попал в «Колокол» из-за «преступной небрежности» таможенников, как писал Лонгинов.

себе, вероятно, запрещенные издания. . .» Против этого места письма Долгоруков пометил на полях: «Это так и приказано»⁷.

Действительно, 23 августа Перетца задержали и обыскали на Вержболовской пограничной станции. Сыгранный спектакль обманул Герцена: он «убедился, что перец чист»⁸, и в дальнейшем не обращал внимания на новые предостережения.

Из рассматриваемых писем (в которых он ни разу не называется по имени, но содержание которых бесспорно показывает, что речь идет именно о нем) видно, что в Англию летом 1862 г. Перетц приехал уже в качестве платного агента III Отделения, добровольно выбравшего этот род занятий.

За те летние недели, когда Перетц был вхож в дом Герцена, он успел узнать не слишком много (как можно судить по материалам «Процесса 32-х» и по отчету Долгорукова за 1862 г.): темы и общий тон разговоров там были и так достаточно широко известны, о большинстве посетителей Герцена русское посольство было осведомлено другими путями, к сколько-нибудь конспиративным сведениям агент, допускаясь в гостиную в общепринятые дни, доступа не имел. Но тень невяявленного предательства серьезно омрачила общение лондонских издателей с приезжими из России, осложнила их отношения с рядом более и менее знакомых лиц (в том числе с Артуром Бени); главное же, донес на Зетопникова привел к аресту Н. Г. Чернышевского и других выдающихся деятелей, вырванных из общественной жизни в один из самых напряженных периодов истории России, погибших в расцвете творческих сил (Николай Серно-Соловьевич — на тридцать втором, Микаэл Налбандян — на тридцать шестом году жизни скончались весной 1866 г.).

Вернувшийся в Россию агент продолжал доносить, действуя при той же личиной якобы либерально настроенного господина, образованного и красноречивого. Он проник, как сообщается в статье Н. Г. Розенблюма, в среду организаторов воскресных школ, позднее прослыл одним из ревнителей женского образования, а через десяток лет решил вернуться к шпионажу среди русских, оказавшихся за границей. О прежней его «деятельности» русские революционеры 70-х годов не подозревали и предполагали, что сообщают своим зарубежным товарищам о недавнем пополнении отряда агентов, когда писали 4 июня 1874 г. в Лондон о том, что в числе отправляемых за границу шпионов находится «Перец, некогда известный радикал и социалист, состоявший где-то чиновником особых поручений, кажется в Министерстве внутренних дел; потом он был причастен к редакции «Нового времени» в либеральный период этой газеты. Два года тому назад он сделался шпионом»⁹. П. Л. Лавров поместил это известие в третьем томе «Вперед!» (Лондон, 1874, отд. II, с. 120).

Кроме обнаруженных в письмах фактов помощи посольства III Отделению, любопытны и рассуждения Бруннова о том, что «бояться следует не находящихся за границей польских эмигрантов и русских изгнанников, а отравленной ядом «Колокола» русской молодежи» [...] (письмо от 3 (15) июня); его злобные насмешки над «так называемыми интеллигентами, самозванными законодателями, стремящимися управлять Россией, не умея навести порядка даже в жалкой деревушке», которые, к огорчению посла, приехали в Лондон на Всемирную выставку как представители различных ведомств и университетов (письмо от 6 (18) августа).

Рассмотренные письма дают дополнительное представление о методах борьбы царской полиции против революционеров и сотрудничестве русского посольства в Лондоне с III Отделением.

⁷ ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, ед. хр. 1533.

⁸ См. письмо А. И. Герцена к В. В. Стасову от 5 сентября 1862 г. и комментарии к нему. — *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 27, кн. 1, с. 252 и кн. 2, с. 715.

⁹ «Вперед!» 1873—1877 гг. Материалы из архива В. Н. Смирнова, т. 2. Амстердам, 1970, с. 258.

А. Д. Зайцев

«РУССКИЙ АРХИВ» И ЦЕНзуРА

Русские исторические журналы второй половины XIX в. предоставляют историкам обилие разнообразных материалов по истории России. Широкое их использование ставит вопрос о соответствии опубликованных текстов их автографам.

Исследований в этом направлении практически нет, а существующие носят эпизодический характер и в основном посвящены истории публикации отдельных памятников¹. Единственная работа, поднимающая вопрос о соответствии публикаций их автографам, — статья Н. Г. Симиной², ограниченная, впрочем, и хронологическими, и тематическими рамками. Поэтому представляется своевременным и небезынтересным предложить некоторые соображения по изучению изменений опубликованных текстов на материале «Русского архива».

Прежде всего нужно отметить, что в целом публикуемые тексты подвергались изменениям на нескольких уровнях. Во-первых, изменял текст редактор-издатель «Русского архива» П. И. Бартенев исходя из собственных убеждений. Во-вторых, изменения делали цензура и сам Бартенев, зная требования цензуры. И, в-третьих, иногда просили что-либо изменить авторы публикуемых документов или их ближайшие родственники.

Остановимся на выяснении тех изменений в опубликованных текстах, которые явились следствием вмешательства цензуры — этой «официальной критики», по словам К. Маркса³.

Во-первых, цензура вычеркивала в статьях и публикациях те строки и слова, в которых неуважительно, по ее мнению, говорилось о представителях императорской фамилии и высших государственных деятелях. В этом смысле наиболее характерна история попытки опубликовать в 1870 г. в «Русском архиве» «Записку о древней и новой России» Н. М. Карамзина. Сам император отметил красным карандашом те места в «Записке», которые нужно выбросить. Они касались эпитетов, которыми Н. М. Карамзин награждал русских императоров и императриц и, в частности Екатерину II. Эпитеты эти были такого рода: «праздная, сластолюбивая», «любоострастная», замечание: «как люди ни развратны, но внутренне не могут уважать развратных», сказанное о Екатерине II и т. д.⁴

Во-вторых, цензура запрещала публиковать материалы об отдельных эпизодах из истории России. Так, у Бартенева всегда были неприятности при опубликовании им материалов, в которых говорилось о вступлении

¹ См., например: Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931, с. 9—10.

² Симиная Н. Г. Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70—80-х годах XIX в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, с. 197—202.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 1, с. 3.

⁴ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, л. 94.

Екатерины II на престол. По этой причине, например, в 1890 г. вовсе не были опубликованы записки Рюльера «О перевороте 1762 г.»⁵, выпущены были строки о «незаконном вступлении на престол» Екатерины II из «Записок» Н. И. Греча в 1873 г.⁶ и т. д. К числу таких эпизодов относится и история вступления на престол первого Романова. В 1873 г. Московский цензурный комитет признал публикацию записок Фокеродта «Россия при Петре» «вредною и подлежащею аресту, ибо она говорит, будто Михаил Федорович Романов избран под условием ограничения власти, каковое условие им и преемниками нарушено»⁷. И, конечно же, цензура не оставляла без внимания материалы, посвященные движению декабристов.

В-третьих, цензура не пропускала в «Русском архиве» те места в статьях, где критически оценивалась работа государственного аппарата, говорилось о бюрократизме, взяточничестве, волоките. Так, в 1898 г. статья Д. И. Иловайского о М. Н. Каткове была пропущена в печать после сокращения строк, в которых говорилось о безответственности министров⁸. Нужно отметить, что цензура вычеркивала отдельные строки не только в мемуарах и переписке, но и в документах официального происхождения. По этому поводу Бартев писал 6 января 1865 г. М. П. Погодину, что цензор «даже в одном рескрипте Екатерины к Потемкину намарал»⁹.

Таковы основные направления, по которым происходили изменения цензурой текстов, публикуемых в «Русском архиве». Зная эти требования, Бартев многое изменял сам. В рукописи «Записок» Греча он вычеркнул несколько резких отзывов о лицах императорской фамилии. Бартев снял такое высказывание Греча: «Александр был чужд и неприступен своему народу, он рисовался и кокетничал»¹⁰; не мог опубликовать в статье Ф. В. Чижова «упоминание об адресе Московской городской думы, о коем высочайше и специально приказано не допускать и заиканья»¹¹. Возникает вопрос — выбрасывая из текстов места по цензурным соображениям, не захватывал ли Бартев и то, что цензура могла бы пропустить? Изученный материал показывает, что на практике выходило даже наоборот: Бартев опускал какие-то строки, а цензура «дополняла» его работу по сокращению. 5 января 1866 г. Бартев писал Е. П. Ковалевскому о «Записках о юности императора Александра Павловича»: «... я должен был их обрезать для представления в цензуру, но и после того целые страницы вымарал цензор»¹².

Помимо этого, можно проследить некоторую зависимость цензурно-редакторской обработки публикаций в журнале от вида источника: материалы официального происхождения подвергались ограниченному изменению, во всяком случае, намного меньшим, чем материалы личного происхождения. Изучая «Русский архив», можно подтвердить выводы Н. Г. Симиной, сделанные ею на основании материалов журнала «Русская старина», и заключить, что такое положение было, очевидно, во всех исторических журналах. Поэтому степень соответствия опубликованных источников официального происхождения их автографам значительно выше.

Обращение к автографам опубликованных в «Русском архиве» текстов осложняется тем, что материалы журнала разбросаны по различным архивным хранилищам СССР. В целях облегчения выявления текстов предлагается сделанный на материалах фонда № 776 (Главного управления по

⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 156, л. 355.

⁶ Там же, ед. хр. 155, л. 154.

⁷ Там же, л. 161.

⁸ Там же, ед. хр. 156, л. 200.

⁹ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), ф. 231/II, п. 3, ед. хр. 2, л. 5.

¹⁰ Государственный исторический музей, Отдел письменных источников (далее — ГИМ, ОПИ), ф. 445, ед. хр. 93, л. 134 об.

¹¹ ГБЛ, ф. 332, п. 17, ед. хр. 3. Письмо от 7 ноября 1872 г.

¹² Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), ф. 356, ед. хр. 133, л. 1.

делам печати — ГУДП) в ЦГИА СССР перечень статей и публикаций, обративших на себя внимание цензуры и подвергшихся изменениям. В тех случаях, когда имелся материал по цензурной истории отдельных публикаций, он включен в качестве дополнительных сведений. Предлагаемый перечень включает в себя все сведения о замечаниях цензуры, содержащиеся в специально заведенном в ГУДП на «Русский архив» деле. Некоторые данные взяты из переписки Бартенева. Поэтому думается, что при дальнейшем изучении истории журнала «Русский архив» могут быть дополнительно выявлены статьи и публикации документов, измененные цензурой¹³.

П р и л о ж е н и я

№ 1. Список материалов «Русского архива», подвергшихся цензурным изменениям

1865, № 1. М. П. Погодин. Воспоминание о Пушкине. — Выпущено резкое замечание о цензуре в 1827 г. (Письмо Бартенева Погодину от 6 января 1865 г. — ГБЛ, ф. 231/II, п. 3, ед. хр. 2, л. 5).

1866, № 10. «Из дневника и воспоминаний Липранди». — Выпущены места, где Липранди «мрачно пишет» о 20-х годах XIX в. («Русский архив», стлб. 1461—1463 — ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, лл. 20—24). Липранди писал Бартеневу 8 ноября 1866 г.: «Меня чрезвычайно поразило известие о придирах цензуры; на указанных Вами страницах я никак не мог отыскать и тени того, о чем цензор толкует, в особенности же если принять во внимание то, что сплошь и рядом печатается ныне и что, конечно, не прошло бы и в Бельгии» (ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 560, л. 421). М. Н. Щербинин, чиновник ГУДП, «сослуживец» Липранди писал 9 ноября 1866 г. последнему: «Ввиду отсутствия тенденциозности со стороны издания «Русского архива» и его строгого библиографического характера [. . .] Совет Главного управления нашел возможным не подвергать редакцию означенного журнала за напечатанные в № 10 Архива статьи какому-либо преследованию, поручив Московскому цензурному комитету поставить редакцию в известность о таковом, со стороны администрации, снисхождении, со внушением быть на будущее время осмотрительнее» (там же, лл. 419—420).

1866, № 10. «Письмо графа И. де-Местра к князю Козловскому». — Выпущены строки с отрицательной оценкой государственного управления в России (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, л. 21). 21 сентября 1866 г. Бартенев писал Погодину: «Высылаю Вам 10 № Архива, за который меня предадут суду» (там же, ф. 1108, оп. 1, ед. хр. 42, л. 5). 9 октября Бартенев писал Вяземскому: «Мой пристав, г. Рахманинов (тот самый, с одобрения которого издавался Современник 1863 г. и роман *Что делать?*), видно забывает, что я печатаю не современные статьи, а историю, в моих же предисловиях и примечаниях решительно никого и ничего не желаю затрагивать. Архив — не спекуляция, но может быть потому-то и горько будет прекратить его» (ЦГАЛИ СССР, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, лл. 36—37). Подробнее писал об этом Бартенев тому же Вяземскому 19 октября 1866 г.: «Недели две тому назад г. цензор Рахманинов вызывает меня к себе на дом и объявляет, что 10-й номер надо было арестовать, но он по милости своей устроил только предание суду. Когда он показывал мне три места (о ссылке Раевского, намек о Бороздне и слова гр. Местра о том, что законы стоят ежегодно 100 тысяч руб.), то на мои возражения отвечал, что призвал меня не для словопрений. От него я пошел в типогра-

¹³ В статье использованы материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (далее — ЦГАЛИ СССР), ЦГИА СССР, ЦГА г. Москвы, ГИМ, ОПИ, рукописных отделах ГБЛ и ГПБ.

фию и велел перепечатать прилагаемое место о Бороздне, хотя Архив не дамское чтение. Затем меня не тревожили. Кн. Дм. Ив. Долгорукий, по доброму расположению ко мне, спрашивал у другого цензора г. Росковшенко, что все это значит. Тот ему сослался уже на четвертое место, именно стр. 1451, на стихи Раевского: Как истукан, немой народ и пр. Для меня очевидно, что за неизменением другого дела задумали придаться и к Р. Архиву» (там же, л. 38).

1869, № 11. «Из записок Н. А. Саблукова о временах императора Павла Петровича». — За пропуск этой публикации без изменений ГУДП поставил на вид Московскому цензурному комитету (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, л. 46). По мнению ГУДП, публикация вообще не должна была появиться. Но, судя по письму С. А. Рачинского Бартеневу от 28 мая 1869 г., текст, очевидно, был несколько изменен самими редакторами из-за боязни осложнений с цензурой: «Записки Саблукова [. . .] весьма интересны, и пропуски придется сделать разве по цензурным соображениям» (ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 561, л. 323).

1870, № 12. *Н. М. Карамзин*. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — Из «Записки» Александр II вычеркнул 50 строк, касающихся резких оценок Екатерины II и государственных деятелей ее времени (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, лл. 92—94). Бартенева писал Погодину 26 ноября 1870 г.: «Зная, как близко принимаете Вы к сердцу все, что относится до Карамзина, и удовлетворяя моей личной потребности поделиться горестным чувством, уведомляю Вас, что вчера здешний цензурный комитет подвергнул аресту 12-ю тетрадь Р. Архива, где помещена Записка о древней и новой России. Единственной целью моею было дать возможность людям честным к опровержению тех клевет, коими осыпается имя Карамзина в С-Петербургских ведомостях и в Вестнике Европы, в наглых произведениях Суворина и Пыпина. . .» (ЦГАЛИ СССР, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 73, л. 20). Эта история надела много шума в обществе. Вот выдержки из двух писем. Письмо А. П. Барсукова Бартеневу от 23 ноября 1870 г.: «Об этом курьезе толков много, а негодования еще больше, удивляются только, почему вы не сделали объяснений» (ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 562, л. 604). Письмо Я. К. Грота Бартеневу от 28 января 1871 г.: «Ваша 12-я книжка Архива с одним хвостом без головы надела здесь много шума» (там же, л. 19).

1873, № 3. «Записки Николая Ивановича Греча». — В публикации обратили на себя внимание цензуры слова Греча о «незаконном вступлении Екатерины II на престол» (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, л. 154). В опубликованном тексте это место пропущено.

1873, № 7. «Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях». — За эту публикацию номер был арестован и вышел в свет после значительных изменений (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, л. 170). Вообще «Записки» Берга, публиковавшиеся в журнале на протяжении длительного времени, подверглись очень большим изменениям. По воспоминаниям Бартенева, перед публикацией каждой части «Записок» изменения в них делались и самим Бартеньевым, и цензурой, и вел. кн. Константином Николаевичем (ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 27, лл. 11—12. Запись от 20 октября 1909 г.). Свое отношение к этой публикации Бартенева так выразил в письме Вяземскому весной 1873 г.: «Пишу Вашему сиятельству из Петербурга, куда вызвал меня великий князь Константин Николаевич по поводу новой главы Берга о польских восстаниях, касающейся управления его высочеством в Царстве Польском. Великий князь очень милостив, очень откровенен. Бог даст, и эта глава пройдет в печати. Мне лично вся эта статья не по душе, и предмет совсем чужд, поэтому вчера я обрадовался, когда разговор наконец перешел на другие предметы» (ЦГАЛИ СССР, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 150).

1873, № 8. «Россия при Петре Великом (Записки Фокеродта)». — Номер арестован за то, что, по словам Московского цензурного комитета, ав-

тор утверждает, «будто Михаил Федорович Романов избран под условием ограничения власти, каковое условие им и преемниками нарушено» (ЦГА г. Москвы, ф. 31, оп. 1, ед. хр. 150, л. 6). Вышел в свет с пропуском таких мест.

1873, № 8. *С. А. Соболевский*. Стихотворение «На перепечатку Григорием Книжником «Жизнь Ваньки Каина». — По требованию цензуры стихотворение целиком исключено из номера (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, л. 180).

1874, № 10. *И. С. Аксаков*. Федор Иванович Тютчев (1804—1873). — Номер арестован, так как «Московский цензурный комитет признал десятую книжку Русского Архива вредною и надлежашею аресту, как заключающую крайне славянофильские политические воззрения» (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, лл. 203—204). Александр II лично цензуровал статью. В вышедшем номере пропуски на с. 82, 192—194, 198, 262, 306, 339 (там же). В опубликованном тексте все исключения обозначены многоточием. В письме Вяземскому от 27 сентября 1874 г. Барте-нев так рассказывал историю, связанную с выпуском этого номера: «На той неделе вышлю Вам выпущенное в статье о Тютчеве. Пришлось перепечатывать в осьми местах, и я все еще не покончу этого несносного дела. Тут погорячилась Дарья Федоровна. В то время как цензура соглашалась все дозволить, кроме одного места (на уничтожение которого потом и автор согласился), она потревожила императрицу, по желанию которой государь изволил потребовать у Лобанова-Ростовского арестованную книжку. Она была ему представлена с допесением первой цензурной инстанции Московского цензурного комитета, и государь решил: «Можно выпустить, кроме некоторых выражений в указанных местах». Тогда уже приехал из деревни и Лонгинов и поневоле должен был отнестись к статье с крайней строгостью. Тут произошел целый ряд осложнений» (ЦГАЛИ СССР, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, лл. 186—187).

1875, № 7. *Г. В. Есипов*. Жизнеописание князя А. Д. Меншикова по вновь найденным бумагам. — Номер арестован. Вышел в свет с пропусками (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 156, лл. 1—8).

1877, № 2. «Записки Винского». — Номер арестован за резкие отзывы о Екатерине II. Вышел в свет с небольшими изменениями (там же, лл. 9—22). 13 марта 1877 г. Барте-нев писал Вяземскому: «В исходе января арестована была вторая тетрадь за Винского. То что всегда прежде благополучно проходило, на этот раз подвергнулось задержанию. Цензурные ищeyки, чуя, что пришло их время и можно заслужить награду, озлились продажным усердием. Три недели сряду мне не отвечали из Петербурга ни на письма, ни на телеграммы, и наконец, уже под исход февраля, объявили мне, что если я не соглашусь из 12 страниц Винского уничтожить 8, то тетрадь вся будет уничтожена полицейской властью» (ЦГАЛИ СССР, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 247).

1877, № 3. *Ю. Ф. Самарин*. Рижские письма. — Номер арестован. Статья исключена целиком за «тенденциозное описание отношений русского правительства к остзейскому крестьянству» (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 156, лл. 23—38). В вышедшем номере пропуск с. 369—418. 14 марта 1877 г. Барте-нев писал цензору Росковшенко: «Как ни прискорбно мне сообщенное Вами конфиденциальное решение относительно третьей тетради моего Русского архива, но долг совести и уважение к покойному Самарину препятствует мне согласиться на уничтожение его Рижских писем. Пользуюсь сим случаем, чтобы просить Вашего ходатайства и доклада о том, что по вполне искреннему убеждению моему из немногих подписчиков Русского Архива едва ли одна треть прочтет столь серьезное сочинение, как Рижские письма, и что напечатанием их я желал сохранить для потомства памятник исторический и литературный, подобного которому не имеют сами немцы» (там же, л. 48). 13 марта 1877 г. Барте-нев писал Вяземскому: «. . . началось печатание 3-й тетради, и в ней Рижских

писем Самарина, писанных в 1847 году. 22 февраля арестована и эта книжка, или тетрадь. Я уже ничего не пишу в Петербург. Обращался только к в. к. К. Н., так как он некогда, во время ареста статьи о Тютчеве, предлагал мне свое заступничество. На этот раз я получил от него уклончивый ответ» (ЦГАЛИ СССР, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 247). И, наконец, 30 марта Бартепов сообщал Вяземскому: «Я получил известие от шефа жандармов, что государю отнюдь не угодно дозволить появление Рижских писем Самарина в 3-й задержанной книжке Р. Архива. За сим, стало быть, всякие ходатайства и надежды упряднились.» (там же, л. 249).

1877, № 4. «Записки графа Александра Ивановича Рибопьера». — Номер арестован за резкие высказывания о Екатерине II. Вышел в свет с купюрами, которые обозначены в опубликованном тексте многоточием (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 156, л. 39). По поводу этой публикации Бартепов писал 30 марта 1877 г. Вяземскому: «Мучительное мое положение, в котором нахожусь с 20 января, еще не миновало. Арестован 4-й выпуск Р. Архива. Посылаю Вам выписку того, что требуют уничтожить! Согласитесь, можно ли после этого заниматься своим делом. Вчера я получил известие от Григорьева, что этот выпуск поступит в Комитет Министров. Если можно, попросите мне пощады. Возможно ли, чтобы граф Рибопьер осуждался за оскорбление Екатерининской памяти!» (ЦГАЛИ СССР, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1407, л. 250).

1882, № 2. «Записки неизвестного. Из общества соединенных славян». — Номер арестован. Из предисловия Бартепова к «Запискам» выброшены следующие места: утверждение Бартепова о большой важности «Записок» как источника, замечания о влиянии общества на «местных жителей», «сочувственное описание их (декабристов. — А. З.) казни», утверждение Бартепова, что восстание декабристов имело прогрессивный характер. В этом же духе подверглись изменениям и сами «Записки». Но по техническим причинам из отпечатанных 1200 экземпляров «Русского архива» купюры были произведены только в 1009 экземплярах, т. е. в 191 экземпляре находится полный текст (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 156, лл. 93—108)¹⁴.

1885, № 10. А. О. Дюгамель. Автобиография. — Публикация, по заключению ГУДП, «совершенно невозможного содержания». Е. М. Феоктистов, начальник ГУДП, писал в Московский цензурный комитет: «Я полагаю необходимым потребовать от редактора Русского Архива г. Бартепова, чтобы он исключил их (строки из публикации. — А. З.), и, вероятно, он согласится на это, как уже были примеры». В результате номер вышел в свет с пропуском «возмутительных отзывов о живых государственных деятелях» (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 156, лл. 112—120).

1888, № 1. Д. И. Иловайский. М. Н. Катков. Историческая поминка. — Номер арестован. По донесению Московского цензурного комитета, эта статья не столько о М. Н. Каткове, сколько о внутренней жизни России (там же, л. 132). Статья целиком исключена из номера. В вышедшем номере пропуск с. 130—161. В связи с этим эпизодом Бартепов писал К. П. Победоносцеву 25 декабря 1887 г.: «Феоктистов жестоко оскорбил меня, окарнав 1-ю книжку Русского архива уничтожением статьи Иловайского, которая, по его определению, содержит в себе совершенно неуместные рассуждения. По совести нахожу их вполне уместными и в обыкновенном издании, тем паче в историческом. Целые обширные кружки читающего люда, множество отцов и матерей и доселе относятся к Каткову с ненавистью [. . .] С другой стороны, слепые поклонники его дошли до того, что называют его деятельность богослужением. . . Ввиду этого, кому же как не историку подать трезвый, примиряющий голос, воздавая должное и

⁴ Подробнее об истории публикации «Записок» говорится в книге: Горбачевский И. И. Записки. Письма, М., 1963.

не увлекаясь личной выгодой и пристрастием. В статье Иловайского нет ни одного упрека Михаилу Никифоровичу, которого бы я, в разное время, не выражал ему самому: он иногда сердился, но до конца сознавал, что мною руководило [. . .]. Если можно, доведите ее (статью. — А. З.) до сведения государя императора: она внушена любовью к родной стране, изызываемой разными измами, над которыми да возсияет Свет Разума. Ее помещением я думал поступить как следует верноподданному» (ГБЛ, ф. 230, п. 4396, ед. хр. 5, лл. 1—2).

1890, № 12. «Повествование или рассказы о перевороте в России в 1762 г. г-на Рюльера, бывшего историографа при иностранных делах и секретаря графа Прованского». — Номер арестован. Феоктистов писал в Московский цензурный комитет 2 декабря 1890 г.: «Г. Бартеневу очень хорошо известно, что книга Рюльера о перевороте 1762 г. принадлежит к числу строго запрещенных. Тем не менее, не считая даже нужным справиться, как отнесется к этому цензурное ведомство, он напечатал полный перевод ее в декабрьской книжке «Русского архива» (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 156, л. 146). 6 января 1891 г. Московский цензурный комитет доносил в ГУДП о том, что «12-я книга «Русского архива» выпущена в свет без Рюльера» (там же, л. 355). Но в экземплярах номера, хранящихся в Государственной публичной исторической библиотеке, «Записки» опубликованы. По-видимому, случай, аналогичный с публикацией «Записок» Горбачевского, и текст был изъят не из всех отпечатанных экземпляров номера. В 1899 г. Бартенева вновь просит разрешения опубликовать «Записки Рюльера». На полях резолюция: «Отклонить» (там же, л. 230). Начальник ГУДП М. Соловьев писал Бартеневу 5 мая 1899 г.: «. . . так как основания, по которым не было дозволено в 1890 г. напечатать статьи о перевороте 1762 г. по Рюльеру, сохраняют силу и в настоящее время, то, к сожалению, я не имею возможности исполнить Вашу просьбу» (ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 591, л. 120). Наконец, в 1904 г. Бартенева делает последнюю попытку опубликовать «Записки» Рюльера, окончившуюся также неудачно. Начальник ГУДП Н. Зверев писал 15 ноября 1904 г. Бартеневу: «Г. министр внутренних дел затруднился удовлетворить ходатайство Ваше о напечатании в издаваемом Вами журнале «Русский архив» статьи Рюльера «О перевороте в России в 1762 г.» (там же, ед. хр. 596, л. 370).

1892, № 8. «Письма графа Ф. В. Ростопчина к императору Александру Павловичу». — Цензура обратила внимание на публикацию из-за содержащихся во многих письмах Ростопчина резких оценок современных ему государственных и военных деятелей. По требованию цензуры эти места были исключены на с. 444, 446, 543, 558 (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 156, лл. 163—165).

1893, № 7. «Переписка Н. И. Костомарова и И. С. Аксакова». — Публикация целиком исключена из номера (там же, л. 169). В вышедшем номере пропуск с. 406—417. Изъятая публикация появилась под названием «Переписка И. С. Аксакова с Н. И. Костомаровым о Малороссии. 1861 г.» спустя 13 лет в 3-й книге «Русского архива» за 1906 г. со следующим примечанием Бартенева: «Горько, жалко и смешно вспомнить, что эта переписка, помещенная в 7-й тетради «Русского архива» 1893 года, была после долгой переписки и задержки вырезана по распоряжению тогдашнего начальника печати Феоктистова и уничтожена» (с. 537).

1897, № 1. *Д. И. Иловайский*. М. Н. Катков. Историческая поминка. — Вторая попытка Бартенева опубликовать эту статью (первая в 1888 г.). Московский цензурный комитет сообщал Бартеневу 3 декабря 1896 г.: «Признаю ныне возможным дозволить к печати задержанную в декабре м. 1887 г. статью профессора Иловайского «М. Н. Катков как политик и публицист. Историческая поминка», но под условием исключения в статье стр. 143-й, начиная со слов «а потому дальнейший» и т. д. и страницы 144-й сверху до слов «повторяю однако» (ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 611,

л. 1). В результате номер вышел с купюрами. Исключено 30 строк текста и 25 строк примечания, где Иловайский дает отрицательную оценку деятельности министерств в России, где говорит о полной безответственности министров (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 156, л. 200).

1898. № 7. «Записки игуменьи Евгении (Озеровой)». — За публикацию этих «Записок» Московский цензурный комитет возбудил судебное дело против Бартенева. Из публикации выброшены места, где говорится «об исповеди посредством записок», и выражение о митрополите Иннокентии: «из грязи в князи» (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 156, л. 227).

1900, № 2. «Из записок фельдмаршала Сакена». — Номер арестован. Исключены места на с. 163, 165, 166 и целиком с. 169—170, касающиеся «обстоятельств вступления на престол императора Александра I» (там же, ед. хр. 157, л. 5). История публикации текста развивалась следующим образом. 25 января 1900 г. Победоносцев писал Бартеневу: «Ваша 1 книжка Русского архива задержана из-за Записок Сакена о Павле. Особливо на стр. 165/6 очень резкие отзывы, которые сразу подхватит газетная печать. Вы скажете — и знаю — что появлялись еще более резкие отзывы в истор. журналах. Правда, но времена меняются. После Горемыкина и Соловьева — взгляды новые [. . .]. Может быть, ввиде снисхождения к вашему изданию, предложат вам исключить кое-что, и тогда благоразумно будет и этим воспользоваться. Предупреждаю вас весьма конфиденциально» (ЦГАЛИ СССР, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 592, л. 10). Через два дня сын Бартенева Ю. П. Бартнев писал отцу: «Книжка задержана по распоряжению Совета главного управления по делам печати за записки Сакена, все листы о Павле признаны подозрительными и отзыв о солдатомании К. Вчера был совет сугубый, нашедший, что подобные вещи можно печатать лишь заграничным подпольным типографиям; сочли, что даже надо выкинуть мое примечание «событие 11 марта центральное в жизни Александра» (там же, л. 11). Наконец, начальник ГУДП Шаховской писал Бартеневу 28 января: «Несколько отмеченных московскою цензурою мест из Записок Сакена он (министр внутренних дел. — А. З.) не признает возможным разрешить к выпуску в свет главным образом ввиду того соображения, что их подхватит наша пресса и разнесет по лицу земли Русской, а места эти оскорбительны для памяти императора Павла [. . .]. Наконец, ему (министру внутренних дел. — А. З.) просто тяжело было бы и больно ставить *Русский архив*, занявший такое почетное и достойное место среди журналов, посвященных разработке русской истории, наряду с теми книгами, которые обыкновенно вносятся в Комитет Министров» (там же, лл. 13—14). Закljučая всю эту переписку, Ю. П. Бартнев писал отцу 29 января: «Вчера после упорного спора отстоял некоторые места записок Сакена, но выкинуть надо: стр. 163-я, что напечатано под 6-м сентября, стр. 165—167 с 17 дек. и стр. 169-я 16-е ноября» (там же, л. 15).

1904, № 7. А. А. Голембиевский. Князь Григорий Григорьевич Орлов (1734—1783). — Из примечания Бартенева исключено упоминание, что «Бобринский сын Екатерины II и гр. Орлова» (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 157, л. 29).

1904, № 8. «Княгиня Ангальт-Сербская, мать Екатерины Великой. Ее письма о России с записками Марка Шампо. 1758—1759». — Номер приостановлен. ГУДП предложило опустить некоторые биографические подробности на с. 467, 471, 478 (там же, л. 33). Бартнев отказался, и 1 сентября начальник ГУДП писал в Московский цензурный комитет: «. . . разрешить выпустить VIII книгу этого журнала без всяких исключений» (там же, л. 36). Тем не менее на несколько дней раньше Бартнев согласился все-таки на исключения, и Московский цензурный комитет доносил ГУДП: «Ввиду согласия, изъявленного издателем-редактором журнала «Русский архив» на предложенные ему исключения из восьмой книжки этого издания, последняя по исправлению выпущена в свет» (там же, л. 46).

1904, № 8. А. А. Голомбиевский. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1735—1807). — По требованию цензуры исключены места на с. 502 и 503 о перевороте 1762 г. (там же, л. 46).

№ 2. Список материалов «Русского архива», обративших на себя внимание цензуры

1866, № 4. «Воспоминания И. М. Снегирева»; «Лорд Мальмсбюри о России»; Л. Н. Трефолев. Странники. (Из истории раскола); И. С. Аксаков. Краткая записка о странниках или бегунах (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, л. 14).

1869, № 7, 8. Ю. Ф. Самарин. Православные латыши в 1841 и 1842 годах (там же, л. 36).

1869, № 8. С. С. Ланской. Взгляд на положение крестьянского вопроса в настоящее время (август 1859). — Публикация появилась без купюр, но по указанию ГУДП не должна была появляться вообще (там же, л. 43).

1870, № 8, 9. П. Н. Сеистунов. Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событиях 14 декабря и о декабристах. — Московский цензурный комитет доносил ГУДП по поводу этой статьи, где автор «пытается доказать, что декабристы, замышлявшие переворотом в России, действовали не из корысти и честолюбия, а из пламенной любви к отечеству и из желания возвеличить его, доставив ему блага свободы. Автор идет даже дальше, он силится оправдать «Русскую Правду» Пестеля и «Конституцию» Муравьева и доказывает, что затеянные в этих сочинениях проекты политических переворотов были составлены в духе русского народа и что если восстание не удалось, то лишь вследствие незрело обдуманного плана действий» (ЦГА г. Москвы, ф. 31, оп. 1, ед. хр. 149, л. 7). ГУДП ставит на вид Московскому цензурному комитету за пропуск этих номеров в свет (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 155, лл. 50—56).

1871, № 1. «Письма де-Местра Виктору Эммануилу» (там же, л. 78).

1871, № 6. «Неизданные стихи Кольцова» (там же, л. 128).

1871, № 6. Н. И. Греч. Выдержки из записок. — Публикация обратила на себя внимание из-за «мрачной характеристики государственной деятельности» (там же).

1872, № 1. Ф. П. Лубяновский. Воспоминания. — Публикация обратила на себя внимание из-за намеков о причинах смерти Петра III и Павла I на с. 148, 151, 152 (там же, лл. 139—145).

1872, № 11. «Письмо кн. С. Р. Воронцова к гр. Ф. В. Ростопчину» (там же, л. 148).

1873, № 2. А. П. Барсуков. Князь Григорий Григорьевич Орлов (1734—1783). — Статья привлекла внимание из-за «сообщения новых сведений» о перевороте 1762 г. (там же, л. 151).

1874, № 6. «Записки лорда Мальмсбюри о России в царствование Екатерины II». — Публикация обратила внимание цензуры из-за описания событий 1762 г. (там же, л. 177).

1877, № 5. «Записки графа Александра Ивановича Рибопьера (продолжение)». — Публикация обратила на себя внимание из-за высказываний о том, что «Константин Павлович сочувствовал полякам» (там же, ед. хр. 156, лл. 70—71).

1881, № 5. «Новонайденные бумаги графа Ф. В. Ростопчина». — Цензура обратила внимание на предисловие Бартенева, в котором он говорит о том, что Ростопчин был недоволен обстоятельствами вступления на престол Александра I (там же, л. 91).

1883, № 5. «Воспоминания Григория Ивановича Филипсона». — Цензура обратила внимание на эту публикацию из-за резких отзывов автора о Николае I, положительной оценки деятельности декабристов и за замечание о том, что Д. Н. Блудов всю свою жизнь раскаивался, что был редактором донесения Следственной комиссии (там же, л. 107).

1889, № 10. *Е. С. Шумигорский*. Императрица Мария Федоровна (там же, л. 139).

1890, № 6. *А. Н. Сиротинин*. К. Ф. Рылеев. Историко-литературный биографический очерк. — Цензура обратила внимание из-за описания «бедственного положения народа» в начале XIX в. и из-за сочувствия автора деятельности декабристов (там же, л. 143). На донесении Московского цензурного комитета — резолюция: «к сведению».

1895, № 7. «Письма дьякона Пальмера к А. С. Хомякову» (там же, л. 178).

1895, № 11. «Дневник генерала Нарбута». — Цензура обратила внимание на эту публикацию из-за отрицательной характеристики генерала Циммермана и предложила Бартеневу выбросить все резкие отзывы о нем (там же, л. 182). Бартнев наотрез отказался что-либо выбросить из публикации и, по словам Московского цензурного комитета, «начал поносить самыми оскорбительными словами цензуру» (там же, л. 187). В результате Бартеневу было разрешено публиковать «Дневник» без каких-либо изменений (там же, л. 191).

С. М. Душинов

К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОГРАФИИ

(издания, подготовленные А. И. ЯКОВЛЕВЫМ)

Алексей Иванович Яковлев (1878—1951) более 40 лет посвятил непрерывной изыскательской работе, результатом которой было открытие и введение в научный оборот обширных, ранее не использовавшихся исследований архивных материалов. Среди подготовленных им изданий документов (свыше 20 томов) значительное место занимают публикации, в основу которых положен номинальный признак, а также пофондовые публикации и тексты отдельных памятников и тематические сборники. Эти издания составили ценный вклад в советскую археографию.

Родился Алексей Иванович 18 (30) декабря 1878 г. в Симбирске¹, в семье выдающегося просветителя чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева, деятельность которого отмечал Владимир Ильич Ленин², близкого друга и соратника Ильи Николаевича Ульянова. Закончив в 1896 г. Симбирскую гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где занимался русской историей под руководством В. О. Ключевского. Дважды исключался в 1899 г. за революционную деятельность³, но в 1900 г. закончил университет с дипломом первой степени и был оставлен в качестве приват-доцента при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. 19 февраля и 1 мая 1917 г. Яковлев защитил магистерскую и докторскую диссертации⁴ и с этого времени до 1929 г. состоял профессором Московского университета.

С первых дней Советской власти Алексей Иванович включился в культурное строительство. В 1920 г. он был командирован в Симбирск в качестве ректора и профессора открывшегося там университета. Одновременно он руководил Чувашским педагогическим институтом и местным губернским архивом, где провел большую работу по охране архивов учреждений Симбирской губернии⁵.

В 1922 г. Яковлев возобновил педагогическую деятельность в Москве, продолжавшуюся с некоторыми перерывами до 1949 г. В 1925—1930 гг. он возглавлял Центральную библиотеку ВСНХ. В результате этой работы им было написано несколько трудов по библиотечному делу⁶. В 1929 г. Яковлев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. С 1934 по 1937 г. он заведовал Бюро транскрипции географических названий в Научно-издательском институте Большого советского атласа

¹ Статью о нем см.: СИЭ, т. 16, стлб. 862—863.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 61.

³ См. копию дела о его высылке из Москвы: Архив АН СССР, ф. 665 (А. И. Яковлева), оп. 2, д. 17, л. 1.

⁴ Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916; он же. Приказ сбора ратных людей 1637—1653 гг. М., 1917.

⁵ Архив АН СССР, ф. 665, оп. 2, д. 24, л. 1.

⁶ О развитии современной библиотеки; Постановка библиотечного дела в Англии; Постановка библиотечного дела в Америке (там же, оп. 1, д. 198, 199, 200).

мира при ЦИК СССР, а с 1938 по 1951 г. работал в качестве старшего научного сотрудника в Институте истории АН СССР и состоял членом его Ученого совета.

Умер Алексей Иванович в Москве 30 июля 1951 г.

В годы Великой Отечественной войны Яковлев активно популяризировал военное прошлое России⁷. В 1943 г. его монография «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.» была удостоена Государственной премии, которую он пожертвовал на организацию в Чувашии и Мордовии детских домов для детей погибших воинов.

Исторические труды Яковлева посвящены вопросам обороны и заселения южных пограничных окраин Русского государства в XVII в., финансовой политики и деятельности органов власти, с помощью которых она проводилась, а также исследованию отдельных категорий зависимого населения, процесса закрепощения крестьян и идеологии русского общества XVII в.⁸

Археографическая деятельность Яковлева началась в 1909 г. изданием двух документальных сборников, предназначавшихся для учебных целей: «Памятники истории смутного времени» (М., 1909) и «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства» (М., 1909)⁹. Первая публикация служила хрестоматией к курсу русской истории, который читался в Московском университете. В нее вошли 30 документов, перепечатанных из различных изданий, по истории русского государства начала XVII в. — наиболее интересных и характерных, по возможности полно отражавших бурные события 1604—1612 гг. Вторая публикация также состояла из документов, перепечатанных из различных изданий. В ней сводились в один том все известные в то время уставные грамоты. Ученый считал, что издает полный сборник сохранившихся уставных грамот, но позднее были обнаружены и другие¹⁰.

Первая публикация научного типа была осуществлена Яковлевым в 1916 г. Это издание материалов грандиозной ревизии — «Счетного дела»¹¹, позволивших уяснить многое не только в деятельности Приказа сбора ратных людей, но и в организации всего приказного строя. «Счетное дело» считалось погибшим, но в сентябре 1913 г. было найдено С. Б. Веселовским и С. К. Богоявленским среди неразобранных и неописанных столбцов Московского главного архива Министерства иностранных дел. В состав «Счета» вошли челобитные взятых под стражу по обвинению в злоупотреблениях чиновников и дьяка, обнаружившего утайку денег; расписи похищенных денег, позволяющие раскрыть механизм хищения; материалы допросов обвиняемых и очных ставок, показаний свидетелей, графологических экспертиз подписей дьяков приказа, а также перечни документов, привлеченных к делу, и сведения об их возвращении в приказ. Поскольку подобных материалов в архивах нашей страны пока не обнаружено, «Счетное дело» является уникальным источником для изучения бюрократического аппарата феодальной России. Недостатками публика-

⁷ Яковлев А. И. Суворов. М., 1943; *он же*. Разгром немецких псов-рыцарей в XIII в. Александр Невский. М., 1944. По свидетельству Л. В. Черепнина, Яковлев читал лекции и организовывал выставки, посвященные деятельности Александра Невского, Дмитрия Донского, Мина, Пожарского, Суворова, Кутузова (Архив АН СССР, ф. 665, оп. 2, д. 50, лл. 2—3).

⁸ Яковлев А. И. Безумное молчание. — В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909; *он же*. Очерк истории крепостного права до половины XVIII в. — В кн.: Великая реформа. М., 1911; *он же*. Засечная черта. . . ; *он же*. Приказ сбора ратных людей. . . ; *он же*. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М., 1943.

⁹ Сборники продолжали серию «Памятники русской истории», издававшуюся историко-филологическим факультетом Московского университета. К 1909 г. вышел один ее выпуск: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. Под ред. М. К. Любавского. М., 1907.

¹⁰ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962, с. 216.

¹¹ Счетное дело Приказа сбора ратных людей. М., 1916.

ции являются отсутствие научно-справочного аппарата и перегрузка заголовков документов излишними многочисленными сведениями о сумме хищений.

Централизация и интенсивное развитие публикаторской деятельности после Великой Октябрьской социалистической революции требовали теоретического обобщения богатого опыта русской археографии. В августе 1918 г. по инициативе Главного управления по архивным делам в Петрограде, а затем и в Москве, были открыты специальные полугодовые курсы для подготовки работников Единого государственного архивного фонда страны. Здесь Яковлевым был прочитан курс «Обзор русской археографии и изданий документов»¹². В декабре 1918 г. Главархив создал научно-издательскую комиссию, а в 1919 г. разработал «Правила издания документов». В состав комиссии вместе с М. М. Богословским, С. Б. Веселовским, Ю. В. Готье, М. К. Любавским и др. вошел и Яковлев. Одной из основных своих задач комиссия считала создание единообразного научного типа издания¹³.

В 1925 г. Московский университет выпустил пятитомный машинописный сборник документов «Памятники истории крестьян и холопов в Московском государстве XVII в.», редакторами которого были А. А. Новосельский и А. И. Яковлев. В подготовке материалов к печати принимали участие Д. М. Банин и Л. В. Черепнин. Выявление материалов велось по архивным фондам крупнейшего государственного учреждения России XVII в. — Разряда. Здесь были обнаружены документы судебных процессов, предметом которых были тяжбы по спорным вопросам закрепощения и закабаления; правительственных сысков беглых крестьян; дела о религиозных преступлениях. Издание дало исследователям ценные источники для изучения процесса закрепощения крестьян и связанных с ним различных форм классовой борьбы.

Публикация документов в целом велась в соответствии с «Правилами издания сборника грамот Коллегии экономии», разработанными А. С. Лапшо-Данилевским и его учениками в 1922 г. Однако имеются различия в составе заголовков дел: в I томе заголовки не содержат крайних дат дела; во II томе в них включены сведения о числе листов в подлиннике; нет единообразия в расположении элементов контрольно-справочных сведений и в принятых сокращениях. Тома не имеют пагинации, что объясняется непоследовательностью их комплектования копиями документов, вызванной трудностями машинописного размножения сборника. Выпущенная тиражом всего в несколько десятков экземпляров, публикация не получила широкой известности; она стала библиографической редкостью, не успев войти в научный оборот.

В 1928 г. увидела свет учебная публикация «Русская Правда по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому», осуществленная Яковлевым совместно с Черепниным. Она представляет собой перепечатку текста трех списков этого выдающегося памятника древнерусского права — кратко и двух пространных — с издания Н. В. Калачова. В отличие от предыдущих учебных публикаций Яковлева в ней имелись элементы научно-справочного аппарата: таблица, иллюстрирующая соотношение статей издаваемых списков, и библиография трудов, касающихся Русской Правды. Публикация была первым советским изданием Русской Правды, которое пришло на смену ставшим к этому времени библиографической редкостью дореволюционным изданиям.

¹² Николаев А. С. Реформа архивного дела в России. — «Исторический архив», 1919, № 1, с. 56. В личном фонде Яковлева, хранящемся в архиве АН СССР, текста лекций не обнаружено.

¹³ Гондратьев В. А., Хевролина В. М. Из истории археографической деятельности в первые годы Советской власти (1917—1924). — «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, с. 259.

В 1926 г., обследуя музей Троице-Сергиевой лавры, Веселовский и Яковлев обнаружили большое число интереснейших хозяйственных документов монастыря. Издание их было признано М. Н. Покровским и В. И. Невским «вполне очередным», «необходимым, полезным и своевременным» для изучения истории русского крестьянства и социально-экономической истории вообще¹⁴. Их публикация вводила в научный оборот новые материалы, хранившиеся в малодоступных для исследователей монастырских архивах. В декабре 1926 г. Институт истории РАН ИИОН выпустил под редакцией Яковлева два машинописных тома «Памятников хозяйственной истории Троице-Сергиевой лавры», послуживших основой изданного позднее, в 1929 г., сборника «Памятники социально-экономической истории Московского государства в XVI—XVII вв.», где были опубликованы жалованные и указные грамоты XIV—XV вв. под редакцией Веселовского, а также свозные и дозорные книги XVII в. под редакцией Яковлева. Материалы свозной книги 1614 г., в которой регистрировались побеги монастырских крестьян и своз их на тяглые места, рисуют картину обострившейся борьбы различных групп феодалов, в том числе и монастырей-вотчинников, за перераспределение феодальной ренты. Несмотря на ряд неточностей и пробелов, свозные книги вотчин монастыря представляют исключительный интерес, так как содержат сведения о числе беглых крестьян и, главное, позволяют определить направление их миграции. Дозорные книги 1610—1616 гг. содержат богатейшие сведения о хозяйстве монастыря, основанном на эксплуатации крестьянского труда; в отличие от материалов правительственных переписей, они не только констатируют общий податной оклад деревни, но и определяют платежеспособность каждого отдельного хозяйства.

Данную публикацию выгодно отличает научно-справочный аппарат — составленные Черепниным два указателя (личных имен и географических названий) и предисловие Веселовского и Яковлева, в котором содержатся необходимые сведения о монастырской вотчине, результатах обследования древлехранилища Троице-Сергиевой лавры, составе и содержании публикуемых материалов.

Еще в дореволюционные годы Яковлев начал подготовку к печати кабальных книг. В 1913 г. они были включены в издательский план Археологической комиссии, и в 1917 г., несмотря на организационные и финансовые затруднения, текст кабальных книг 7100—7104 (1591—1596) гг. был отпечатан и в рогожных кулях доставлен из Петрограда в Москву¹⁵. Однако выход публикации в свет задержался до 1938 г.¹⁶ Материал кабальных книг при всем однообразии записей представляет огромный интерес для изучения социальной истории Русского государства, особенно данные о поступающих в кабальные холопы лицах, позволяющие уточнить вопросы о происхождении и составе этой многочисленной социальной группы, о классовой принадлежности господина холопа и размере займа, о динамичности закабальных операций.

Вследствие того что подготовка кабальных книг к публикации была начата еще до Великой Октябрьской социалистической революции, а закончена в конце 30-х годов, издание носит неровный характер: текст кабальных книг 7100—7104 (1591—1596) гг. передан на основе дореволюционной орфографии и печатается в два столбца, а текст книг 7111 (1602—1603) г. издан в соответствии с «Правилами издания сборника грамот Коллегии экономии». В предисловии к публикации сообщается, что текст книг сохранен в неприкосновенности и печатается «без каких-бы то ни было изменений, перестановок, дополнений и комментариев»¹⁷. Это

¹⁴ См. их отзывы: Архив АН СССР, ф. 665, оп. 1, д. 240, лл. 1—3.

¹⁵ См. переписку Яковлева с С. Ф. Платоновым: Архив АН СССР, ф. 665, оп. 3, д. 233, лл. 33, 48, 53, 54, 78.

¹⁶ Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. М.—Л., 1938.

¹⁷ Там же, с. IX.

привело к тому, что под заголовок «Новгородские кабальные книги 7103 года» попали книги Деревской и Обонежской пятин 7100—7102 (1591—1593) гг., поскольку подлинники этих книг были объединены одним переплетом.

В рецензии на сборник В. И. Шунков отмечал, что «устойчивость формуляра кабальной записи позволяет производить значительные сокращения при публикации без всякого ущерба для исследователя»¹⁸. Яковлев тоже был сторонником сокращенного издания текста кабальных книг: возможность «сокращать текст однородных записей ссылками на образцы» он обдумывал еще в 1914 г., когда обсуждался план издания кабальных книг, однако вопрос о конкретной форме издания тогда решен не был¹⁹. Насколько он сложен, можно судить уже по тому, что рецензент воздержался от рекомендации каких бы то ни было определенных методов сокращенной передачи текста кабал, поэтому замечание о ее возможности следует расценивать скорее как пожелание, а не упрек автору рассматриваемой публикации. Между тем для полной публикации текста кабальных и таможенных книг у Яковлева были основания: практика сокращенного воспроизведения содержания документов в то время большого распространения не получила, и даже к самой идее воспроизведения табличным методом или путем изложения содержания документа с приведением в случае необходимости выдержек из него многие археографы относились отрицательно²⁰.

Более справедлив адресованный Яковлеву упрек в том, что издание не выдержано в едином археографическом и полиграфическом плане и разница в орфографии затрудняет чтение текста²¹. Несмотря на это, научная ценность публикации бесспорна, и ни один ученый, исследовавший институт холопства, не пренебрег опубликованными Яковлевым документами.

Тематически тесно связана с рассмотренным выше сборником документов группа материалов, напечатанных в качестве приложения к монографии Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.» (М., 1943). Это 26 судных дел — лишь небольшая часть архива Приказа холопского суда, обнаруженного Яковлевым среди документов Оружейной палаты. Архив сильно пострадал во время восстания стрельцов в 1682 г., но сохранившиеся материалы — более 150 судных дел, полтора десятка кабальных книг и другие документы²² — содержат важнейшие сведения для изучения правовых норм феодального Русского государства, о чем убедительно свидетельствуют и те сравнительно немногочисленные документы, которые опубликовал Яковлев. Они освещают причины столкновения холоповладельцев, бытовые условия жизни холопа за хозяином, обстоятельства, приведшие его к новому владельцу, содержат сведения о социальном составе холопов и их господ. Содержание тяжб в общем сходно: два владельца претендуют на одного холопа, один — по «старине», другой — по новой кабале. Эта публикация ввела в научный оборот важные для изучения феодальных отношений новые источники, значение которых по достоинству оценили оппоненты труда Яковлева²³.

¹⁸ Шунков В. И. Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов (1591—1596 и 1602—1603 гг.). — «Историк-марксист», 1939, № 2, с. 160.

¹⁹ Летопись занятий Императорской Археографической комиссии за 1914 г., вып. 27. Пг., 1915, с. 4. Конкретных сведений о предполагаемых сокращениях текста кабальных книг протоколы заседаний Археографической комиссии не содержат.

²⁰ Валк С. И. Регесты в их прошлом и настоящем. — «Археографический ежегодник за 1968 г.» М., 1970, с. 38—39.

²¹ См. отзыв Е. А. Мороховца и А. Н. Сперанского. — Архив АН СССР, ф. 665, оп. 1, д. 237, л. 5.

²² Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., с. 7.

²³ Критические статьи С. Б. Веселовского, В. В. Виноградова и С. А. Покровского о монографии Яковлева см.: «Исторический журнал», 1944, № 10—11, с. 116—123.

В 1940 г. в «Исторических записках» Института истории АН СССР Яковлев и Черепнин опубликовали новый перевод Псковской судной грамоты и комментариев к ней. Особую ценность представляет комментарий, для составления которого были привлечены ранее не издававшиеся комментарии В. О. Ключевского и материалы доклада И. С. Макарова²⁴. Яковлев и Черепнин проделали значительную работу по сведению различных толкований терминов, исследованию причин, породивших отдельные статьи памятника, определению времени их появления и соотношения их с другими законодательными актами Древней Руси. Была тщательно исследована история возникновения Псковской судной грамоты. Авторы комментария подчеркивали трудности ее изучения как документа сводного, в основе которого лежат «две княжеские грамоты и разновременные записи псковских обычаев»²⁵. Особенно важно сделанное ими методологическое указание о необходимости изучения памятника путем сопоставления его с другими, более ранними договорными грамотами Новгорода с князьями, а также с Русской Правдой, Двинской уставной грамотой. Сравнительный анализ, проделанный Яковлевым и Черепниным, помог определить характер непосредственных источников Псковской судной грамоты. Это позволило выявить самостоятельные части памятника, возникшие в разное время и послужившие впоследствии основой для создания кодекса северо-западного русского права XIV в. Одновременно были вскрыты причины и установлено время возникновения дополнений к этому кодексу, трансформировавших его в судную грамоту. Яковлев и Черепнин не только впервые поставили задачу сравнительного анализа памятника, но и предложили ее решение, выделив пятьдесят первых статей грамоты как основу ее первой редакции. Их перевод и комментарий к Псковской судной грамоте явились итогом почти столетнего изучения этого памятника.

Яковлевым была осуществлена и публикация документов вотчинного хозяйства боярина Б. И. Морозова — уникального для XVII в. светского вотчинного архива²⁶. Значение этих исторических материалов определяется тем, что в хозяйстве Морозова — одном из самых крупных в середине XVII в. после царской вотчины, отчетливо проявились характерные черты того исторического этапа в развитии России, который В. И. Ленин относил к началу «нового периода русской истории»²⁷. В многочисленных документах, связанных с морозовской вотчиной, нашли отражение рост феодального землевладения и усиление крепостного гнета, борьба крестьянства против феодальной эксплуатации, и, с другой стороны, начало формирования всероссийского рынка и его влияние на социально-экономическое развитие страны.

Основная работа по выявлению и подготовке к изданию документов была проделана Яковлевым и Новосельским, которые еще в 1928—1931 гг. подготовили машинописный сборник «Материалы по истории землевладения. (Вотчинное хозяйство Б. И. Морозова)»²⁸, послуживший основой для двух последующих больших изданий этого вотчинного архива.

²⁴ Псковская судная грамота. — «Исторические записки», 1940, т. 6, с. 299.

²⁵ Там же, т. 6, с. 256.

²⁶ Издание материалов вотчинного архива боярина Морозова было начато еще в дореволюционные годы, когда публиковались только разрозненные документы (Библиографический указатель литературы и источников о боярине Б. И. Морозове и его вотчинном хозяйстве. — В кн.: Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., ч. 1. Л., 1933). Из сохранившихся вотчинных архивов этого периода морозовский является наиболее обширным, и советские публикации его материалов служат надежной источниковой базой для исторического исследования. См., например: *Петричев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967.

²⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

²⁸ Сведения об этом сборнике см. в археографических предисловиях: Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., вып. 1, с. 1—3; Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, т. I. М., 1940, с. 1—4, а также в документах личного фонда Яковлева (Архив АН СССР, ф. 665, оп. 1, д. 98, л. 16—17).

Первое издание — «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.» — вышло из печати в 1933—1936 гг. под общей редакцией Б. Д. Грекова. Часть материалов машинописного сборника, признанная издателями второстепенной, в эту публикацию не вошла²⁹. Второе издание этих документов было осуществлено Яковлевым под названием «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова» в 1940—1945 гг. Здесь были напечатаны все материалы машинописного сборника без исключения³⁰. Эти издания существенно различаются по археографическим приемам. Так, в публикации Яковлева документы сопровождаются более лаконичными и точными заголовками, они не перегружены именами и отчествами авторов документов (что в некоторых случаях допускалось в издании Грекова), шире применяются сокращения титулов и часто встречающихся терминов, значительно упрощено обозначение пагинации подлинника: номера, за которыми закреплены в столбце листы документа, указываются в скобках непосредственно в тексте публикации. В издании Грекова пагинация крупных документов вынесена на поля, а сравнительно небольших (до 6 листов) — в легенду. Все текстуальные примечания Яковлев давал в подстрочнике, тогда как Греков помещал их или в подстрочнике, или в легенде. Основным же различием этих публикаций является принцип систематизации документов. В издании Грекова документы систематизируются по видам (акты, книги), а внутри этих групп — по географическо-хронологическому принципу. Такая схема систематизации архивного комплекса привела к тому, что на географическом фоне образовались «белые пятна»: в тех случаях, когда грамоты боярина адресовались приказчикам нескольких смежных вотчин разных уездов (а в различных грамотах такие вотчины относятся к разным уездам), они были отнесены к какому-либо одному уезду и вторично, естественно, не печатались. Систематизация документов в издании Яковлева по хронологическому принципу позволила избежать этого.

Документы, составившие яковлевский сборник, характеризуют организацию феодальной вотчины и методы управления ее хозяйством, сельскохозяйственную технику, структуру торговых и промышленных предприятий, складывавшихся в недрах феодального хозяйства, деятельность крестьянского «мира». Относятся они в основном к 1648, 1650—1652 и 1659—1660 гг. Время возникновения недатированных документов определялось по месту их подклейки в столбце (если была уверенность, что он не переклеивался и не перешивался в позднейшее время), иногда по содержанию документа, но в каждом конкретном случае метод датировки, так же как внешний вид и состояние рукописи, не указан. Работа с публикацией осложняется отсутствием каких-либо указателей; именной, географический и предметный указатели предполагалось издать в дополнительном томе, который не увидел света³¹. В археографическом плане сборник имеет ряд недочетов: не идентичны заголовки однотипных документов, имеются неточности в датировке отдельных документов³².

Значительным вкладом в исследование социально-экономических проблем истории России XVII в. были впервые осуществленные Яковлевым публикации таможенных книг: трехтомное издание «Таможенные книги Московского государства XVII в.» (М., 1950—1951) и «Саранская таможенная книга за 1692 г.» (Саранск, 1951). В дореволюционной археографии отсутствие интереса к таможенным книгам было обусловлено тем, что главным фактором в развитии русской торговли считалась внешняя

²⁹ Архив АН СССР, ф. 665, оп. 1, д. 98, л. 17 (рецензия Веселовского и Яковлева); Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., вып. 1, с. 2.

³⁰ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, т. I, с. 4.

³¹ Рукописи именной и географического указателей к сборнику, подготовленные О. А. Яковлевой, в 1968 г. поступили в Архив АН СССР и в настоящее время находятся среди неописанных документов личного фонда А. И. Яковлева.

³² См. рецензию Л. В. Черешнина. — «Вопросы истории», 1946, № 10, с. 119—120.

торговля, поэтому состояние внутреннего рынка XVII в. изучалось мало. Советские историки высоко оценили значение таможенных книг как источника по социально-экономической истории России ³³, но этот источник был мало доступен широкому кругу исследователей.

Ввиду того что сохранилось более ста таможенных книг, перед редактором издания стояла прежде всего задача отбора материала для публикации. Самый значительный комплекс составляли таможенные книги городов, расположенных по Северному речному пути: так, сохранившиеся записи таможен Великого Устюга почти полностью охватывают период с 1633 по 1680 г., Соли Вычегодской — с 1625 по 1679 г., Тотьмы — с 1627 по 1657 г. Еще более значительный промежуток времени охватывают таможенные книги Тихвина — 1623—1701 гг. Для публикации были отобраны таможенные книги Устюга Великого, Соли Вычегодской и Тотьмы за три периода: в I том издания вошли книги за 1633—1636 гг., во II — за 1650—1656 гг., в III — за 1675—1680 гг. Выбор хронологических границ публикации определялся стремлением отразить динамику товарооборота и расширение рыночных связей. Все хронологические группы представлены таможенными книгами трех городов, что позволяет изучать указанные явления в рамках крупного экономического района в период складывания всероссийского рынка.

Публикация «Таможенные книги Московского государства XVII в.» является примером хорошо продуманного отбора документов для печати. Работа с публикацией, однако, осложняется тем, что система указателей разработана для каждой таможенной книги в отдельности. В результате, например, для того чтобы собрать все имеющиеся в публикации упоминания о каком-либо человеке, необходимо навести справки по шести указателям в первом томе, по семи во втором и по семи — в третьем. Преимущества единого для тома указателя в данном случае очевидны. Не оправдалась и принятая методика составления указателей: отказ от объединения имен и названий местностей постоянного жительства лиц, упоминаемых в тексте книг, в случае малейшего сомнения в их идентичности ³⁴ привел к насыщению указателей сходными именами, так как «сомнения», а вернее — различия в транскрипции и написании имен собственных, встречались очень часто.

Рецензент первого тома издания Черепнин справедливо считал, что «в указателях можно было провести большую систематизацию и объединение материала» или, во всяком случае, дать перекрестные ссылки ³⁵. Того же мнения придерживался и другой рецензент — Н. В. Устюгов, поставивший вопрос о коренном пересмотре построения справочного аппарата и предлагавший объединить указатель имен с указателем мест жительства ³⁶. Однако эти рекомендации при издании двух последующих томов не были учтены.

Интересовавшийся историческим прошлым народов Поволжья, Яковлев постоянно поддерживал связи с научно-исследовательскими и педагогическими учреждениями Мордовской АССР. Одним из результатов

³³ *Базилевич К. В.* Таможенные книги как источник экономической истории России. — «Проблемы источниковедения», 1933, вып. I; *он же.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. (Проблема внутренней критики источника). — «Проблемы источниковедения», 1936, вып. II; *Николаева А. Т.* Отражение в уставных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка. — «Исторические записки», 1950, т. 31; *Мерзон А. Ц.* Таможенные книги XVII в. М., 1957; *Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А.* Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960; и др.

³⁴ Ее установление было признано нецелесообразным. «Изучать судьбу отдельного (лица. — *С. Д.*) ничем не обращающего на себя внимания. . . дело явно лишнее да и невозможное», — заключил А. И. Яковлев на одном из заседаний редакции (Архив АН СССР, ф. 665, оп. 1, д. 106, л. 16).

³⁵ «Советская книга», 1950, № 10, с. 78.

³⁶ «Вопросы истории», 1950, № 8, с. 125.

плодотворного сотрудничества явилось издание «Саранской таможенной книги за 1692 г.» Саранск в конце XVII в. был связан более чем с 20 торговыми центрами, и, хотя обороты его рынков были еще незначительны, «их показательность для характеристики тогдашней экономики очень велика: так срастались между собой районы этой географической полосы»³⁷. В публикацию вошли «Книга города Саранска таможенному сбору 200 г.» и «Книга Кружечного двора 201 г.». Археографическая методика сходна с методикой предыдущих сборников, но отсутствуют указания на место хранения документов и нумерация листов текста по подлиннику. Публикация имеет обширный научно-справочный аппарат.

В 30—50-х годах Академия наук СССР осуществила серию публикаций «Материалы по истории народов СССР», в которую вошли сборники документов по истории украинского, белорусского, казахского, туркменского, таджикского, узбекского, татарского, каракалпакского, башкирского народов, якутов, карело-финнов, народов Закавказья, Дальнего Востока и др. Тома этой серии издавались как центральными учреждениями, так и республиканскими научно-исследовательскими институтами.

Многотомное документальное издание «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», отредактированное Яковлевым, издавалось Мордовским институтом истории языка и литературы (Саранск) в 1939—1953 гг. Часть материалов — сведения, извлеченные из произведений античных, средневековых западноевропейских и арабских авторов, — напечатана во фрагментах. Текст, как правило, сопровождается комментариями и снабжен краткой историко-биографической справкой об авторе с источниковедческой оценкой его произведения. Специальный раздел публикации составили материалы археологических раскопок и находок, почерпнутые из отчетов экспедиций и характеризующие быт древнейших племен, стоянок, городища и могильники которых были обнаружены на территории современной Мордовии.

Изданный актовъй материал относится не только к истории мордвы, но и к истории других народов Среднего Поволжья. Он освещает захват земли светскими и духовными феодалами, борьбу коренного населения против помещичьих и монастырских захватов, колонизацию Среднего Поволжья бежавшими от крепостнического гнета из центральных районов России крестьянами. Материалы сборника в целом характеризуют колониальную политику царского правительства, основными средствами проведения которой были крепостнический, национальный и религиозный гнет. Ряд документов отражает участие народов Поволжья в крестьянских войнах XVII—XVIII вв., социально-экономическое положение народных масс, развитие мануфактурного производства и крестьянских промыслов, рост ярмарочной торговли, втягивание Мордовии в сферу всероссийского рынка и связанное с его развитием расслоение крестьянства, выделение торгово-промышленного элемента. Значительная группа материалов характеризует рабочее и крестьянское движение в Мордовии в первой половине XIX в. на чугуноплавильных заводах — в Инсаре (1804 г.) и на Авгорском (1858—1859 гг.), в многочисленных деревнях и селах Пензенской губернии. Ценные сведения об экономическом положении, культуре, социальном и бытовом укладе содержат извлечения из литературных описаний Мордовии XVIII—XIX вв., принадлежащих перу русских и иностранных авторов, а также материалы устного творчества народов Поволжья.

Публикация осуществлялась в течение длительного времени: I—III тома сборника были изданы в 1939—1940 гг., вторые части I и III томов, а также первая часть последнего, IV тома, вышли в 1948—1953 гг. Так как в этот период действовали различные правила публикации документов, в сбор-

³⁷ Саранская таможенная книга за 1692 г. Саранск, 1951, с. 12.

нике нет единства в принципах построения указателей, в элементах контрольно-справочных сведений, принятых сокращениях, методике воспроизведения текста на обороте документа и его пагинации по подлиннику.

В качестве приложения к «Документам и материалам. . .» был издан указатель «Материалы для библиографии по истории мордовского народа» (Москва—Саранск, 1941), составленный Черепниним, принимавшим самое непосредственное участие в подготовке публикации. Одновременно вышел из печати альбом «Древности мордовского народа» (Саранск, 1941), содержащий иллюстрации к описаниям археологических материалов. Как самостоятельную часть сборника документов по истории Мордовии следует рассматривать упоминавшуюся выше публикацию таможенной книги города Саранска.

Документальные сборники, инициатором и организатором издания которых был Яковлев, стали надежным фундаментом для многих научных исследований. Яковлев пользовался заслуженным уважением коллег, ценивших его энтузиазм и большой опыт. Научный уровень осуществленных им публикаций повышался от издания к изданию; это было связано с развитием теории и методики советской археографии, на разработку которых ученый влиял как своим личным участием, так и практической деятельностью.

Уже первые дореволюционные публикации Яковлева обнаружили его стремление издавать документальные комплексы («Счетное дело») и подборки документов (наместничьи, губные и земские уставные грамоты). Это, несомненно, было новаторством для времени, когда «подбор публиковавшихся материалов носил отрывочный и во многом случайный характер»³⁸.

Введенные Яковлевым в научный оборот документы отражают важнейшие аспекты истории русского феодального общества: положение трудящихся масс, развитие и многообразие форм классовой борьбы, экономику. Большой интерес представляют исторические статьи, написанные Яковлевым в качестве предисловий к изданным им документальным сборникам. Осуществленные им публикации материалов XVII в. составляют значительную часть всех документов по этому периоду, изданных в 1917—1951 гг.

«Исследование устаревает и утратит под ударами критики часть своей первоначальной репутации, но исправно изданные первоисточники будут для науки прочным приобретением»³⁹, — эти слова Веселовского с полным основанием могут быть отнесены к археографической деятельности Яковлева.

³⁸ История советской археографии. Учебное пособие, вып. 1. М., 1966, с. 43.

³⁹ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве, т. 1. М., 1913, с. VI.

Н. Н. Покровский, С. О. Шмидт

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Д. С. ЛИХАЧЕВА

Имя академика Дмитрия Сергеевича Лихачева хорошо известно и в нашей стране и за рубежом. Заслуги его как исследователя общепризнанны. Многие сделал Д. С. Лихачев и для популяризации научных знаний, возбуждения интереса и уважения к памятникам культуры. Его книги и статьи всегда находили живой отклик широкой общественности. Трудам Лихачева посвящено множество рецензий; опубликованы и статьи, характеризующие его научное творчество. Они названы в издании «Дмитрий Сергеевич Лихачев. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия литературы и языка. Вып. 7», вышедшем в 1966 г. За последние десять лет опубликовано много новых трудов ученого (среди них и большие монографии) и работ о его творчестве. В данной статье внимание уделяется преимущественно одной сфере этого многогранного творчества — археографии, сфере, взаимосвязанной и с другими сторонами его деятельности.

Д. С. Лихачев заметил, что «в основе творческой деятельности каждого крупного ученого заложен, как правило, единый одушевляющий всю его работу интерес, сказывающийся прежде всего в выборе самих тем, в направлении их разработки, в скрытом и не всегда заметном научном пафосе»¹. Объединяющим моментом исследований и публичных выступлений (устных и в широкой прессе) Д. С. Лихачева является глубокий и постоянный интерес к проблеме «культура», причем во всей многоплановости этой проблемы. Это — не только интерес к памятникам культуры и вообще к культуре прошлых веков, но к самому процессу развития культуры во всех его проявлениях, к формам выражения культурной традиции (а следовательно, и к определению «вечного» значения выдающихся памятников культуры, «их значения для нашего времени и их общегуманитарной ценности»²), к культуре творчества и культуре его восприятия, к культуре труда и особенно научного труда.

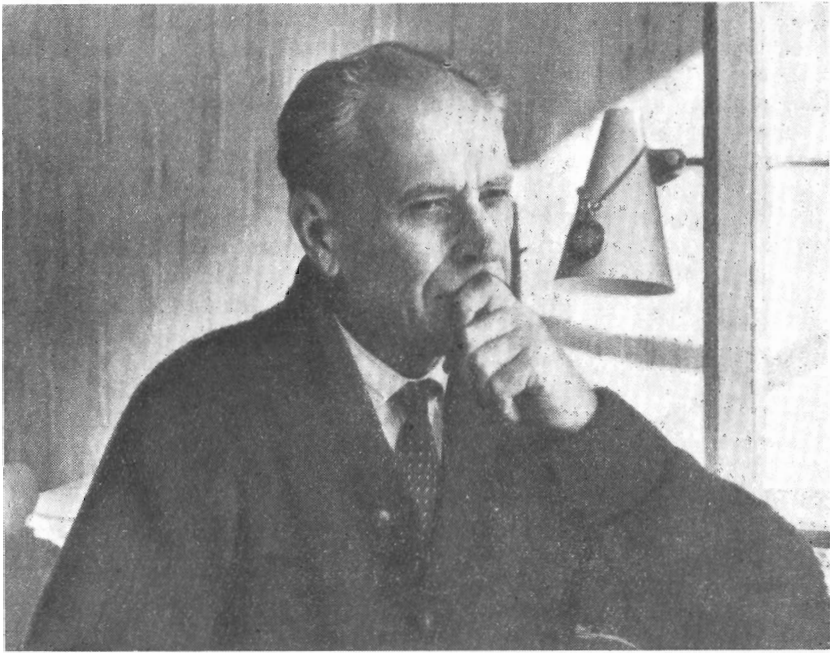
Это предопределило особое внимание Лихачева к процессам создания памятников культуры и их изучения. «Интеллигентный читатель, — убежденно писал ученый, — интересуется теперь не только тем, *что* создано, но и *как* создано. Знание личности автора, его биографии, его творчества, самого процесса создания того или иного произведения освещают это произведение, углубляют его понимание. Современному интеллигентному читателю это знание совершенно необходимо»³. Это замечание относится, думается, не только к особо выдающимся памятникам культуры (удостоившимся чести быть названными среди классических «литературных памят-

¹ Лихачев Д. С. Вступительная статья к изданию «Варвара Павловна Адрианова-Перетц» (Материалы к библиографии ученых СССР). М., 1963, с. 8.

² Лихачев Д. С. Н. И. Конрад — как руководитель серии «Литературные памятники». — «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, с. 230.

³ Там же, с. 229.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Комарово, 1970 г.

ников») и путям ознакомления с ними. Такой подход характерен для исследований Д. С. Лихачева и о «рядовых» памятниках письменности Древней Руси. Он всесторонне изучает процесс труда сочинителя и переписчика, среду бытования рукописи и восприятие ее, отношение к ней читателей (и владельцев) разных поколений и даже эпох. Источниковая база исследований самого Лихачева и тех научных начинаний, которыми он руководит, разнообразна и широка.

Не менее характерен для творчества Лихачева, его подхода к явлениям культуры неизменный интерес к истории и методике их познания, не только к тому, *что* познано, но и *как* познано. Для него явлением и показателем развития культуры становится не только сам памятник, но и приемы его изучения. А это предопределяет особое внимание к специальным научным дисциплинам (филологическим и историческим) и, в частности, к археографии. «Уровень культуры научного труда в значительной мере определяется состоянием специальных дисциплин». Без этого фундамента, без этих базовых дисциплин, пишет Д. С. Лихачев, невозможно и сохранение нашего культурного наследия, введение его в строй современной культуры⁴. Это — тоже черта, типичная для мышления ученого века научно-технической революции и науковедения⁵. «Неточные науки», литературоведение и история, по мнению Д. С. Лихачева, «действительно недостаточно точны, если не опираются на специальные дисциплины, развитие которых должно стать объектом особых забот Отделения литературы и языка и Отделения истории АН СССР»⁶. Эту точку зрения ученый осо-

⁴ Лихачев Д. С. О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин. — «Вестник АН СССР», 1976, № 4, с. 64—65.

⁵ Шмидт С. О. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины. — В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975, с. 330, 345—347.

⁶ Лихачев Д. С. О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин, с. 72.

бенно детально обосновывал в статье о неотложных задачах специальных филологических дисциплин, напечатанной в «Вестнике Академии наук СССР», 1976 г., № 4.

Много внимания Д. С. Лихачев уделяет вопросам теории и методики археографии и пограничных и близких к ней наук — и в работах, специально посвященных этой тематике, и в собственно литературоведческих трудах («методическая эффективность» которых тоже, как правило, очень велика). Для академика Лихачева вопросы эти теснейшим образом связаны с «археографической практикой» и опираются в значительной мере и на собственный опыт Лихачева — разностороннего и эрудированного археографа и текстолога наших дней, блестящего мастера эдиционной техники. В области археографии не в меньшей степени, чем в области литературоведения, проявилось и призвание Лихачева как большого организатора науки, начинания которого во многом определяют перспективы ее развития и способствуют гармоническому сочетанию труда ученых разных поколений.

Талант Д. С. Лихачева как организатора и редактора научных документальных публикаций более всего, пожалуй, обнаружился в серийных изданиях высокого класса. Это «Труды Отдела древнерусской литературы», где много места отводится научным публикациям; это — серия монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы (или, точнее сказать, древнеславянских литератур), для которых обязательны полный текстологический анализ изучаемых произведений и публикация текста по всем редакциям⁷. Д. С. Лихачев достойно продолжил традиции своих знаменитых предшественников — академиков В. П. Волгина и Н. И. Конрада, возглавив редколлегия широкоизвестной академической серии «Литературные памятники». В последние годы издания серии получили особенно широкое признание. Д. С. Лихачев — председатель редколлегии нового ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия», издаваемого Научным советом по истории мировой культуры. В ежегоднике характеризуются памятники письменности, искусства, археологии и также немало места уделяется публикациям и описаниям малоизвестных письменных источников⁸.

Во многих своих трудах и выступлениях, включая фундаментальное исследование, посвященное методике изучения истории текста древнерусского произведения, Д. С. Лихачев постоянно подчеркивает стоящую перед археографией задачу учета, систематизации и научного описания всего огромного рукописного материала, сохранившегося до наших дней⁹.

Д. С. Лихачев не раз приводил примеры больших достижений советской науки в решении этой задачи. И тем не менее в его высказываниях на эту тему постоянно звучит вполне обоснованная, на наш взгляд, тревога. Без ясной картины того, что хранится в рукописных собраниях, чрезвычайно трудно восстанавливать подлинно научными методами истинный текст памятника древнерусской письменности, и сам список этих памятников не будет полным. Успешное развитие археографии, как считает Д. С. Лихачев, является необходимым условием развития целого ряда гуманитарных наук. Между тем «советским литературоведам-древникам приходится считаться с тем, что целые большие собрания древнерусских рукописей (например, Погодинское, в ГПБ) остаются научно не описанными, а по другим имеются только поверхностные «путеводители». Эта неопианность рукописного наследия тяжело сказывается на изданиях памятников современными текстологическими методами, требующими

⁷ Дмитриева Р. П. Монографические исследования — издания памятников древнерусской литературы. — «Археографический ежегодник за 1971 год».

⁸ Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975, с. 5—6 («К читателю»). Автор этого обращения — Д. С. Лихачев).

⁹ Лихачев Д. С. Текстология на материалах русской литературы X—XVII вв. М.-Л., 1962 (далее — Лихачев Д. С. Текстология. . .), с. 102.

привлечения всех списков и учета всего «окружения» памятника в рукописях¹⁰.

Однако не всякое «описание», по справедливому суждению Д. С. Лихачева, полезно для науки. «Нет ничего более вредного, — пишет он, — чем неполно описать рукописи, дать о них неверные сведения. Это значит «похоронить» рукописи для исследователей. Лучше, чтобы не было никакого описания рукописей, чем плохое. Если нет научных описаний — исследователь сам их пересмотрит, но если научное описание есть — исследователь, как правило, этому описанию доверяет»¹¹.

Отсюда настойчиво повторяемый Дмитрием Сергеевичем лозунг, которому он следует в своих методических трудах, — лозунг трудолюбия и добросовестности в работе археографа и текстолога, требование доводить эту работу до логической полноты и совершенства, образцами которых являются его исследования. Отсюда открытая враждебность к «обзорам» и «описаниям» рукописных коллекций, в которых археографическая работа не «дотянута» до необходимых высоких стандартов. «Хороший исследователь, — утверждает Д. С. Лихачев, — опознается в науке по тому, как он умеет «дотягивать» свое исследование — доводить до конца изучение. Именно последние этапы исследования оказываются всегда наиболее трудными. Поверхностный исследователь бросает работу на полпути, спешит ее опубликовать, когда в ней еще остаются некоторые неясные вопросы, требующие, однако, для своего завершения серьезных усилий. Это свойство поверхностного исследователя, у которого не хватает силы воли использовать все возможности исследования на его завершающих этапах, особенно нетерпимо в археографе, занимающемся описанием рукописи. Неряшливо и неточно определенные «трудные» памятники (пусть даже кажущиеся археографу малозначительными) — главная беда научных описаний, «заживо хоронящих» свежий научный материал»¹².

Для современной археографии, современной практики описания рукописей немалое значение имеет и один из частных выводов, который исследователь делает из этого общего требования полноты и тщательности описания. Речь идет о необходимости выполнять до конца в научных описаниях рукописей трудоемкую и специфическую работу по определению и фиксации переводных памятников, а также церковно-служебных, литургических текстов, столь часто встречающихся в древнерусских рукописях. Между тем, «в древней русской литературе не так просто отделить церковные памятники от светских, переводные от оригинальных. Правила, по которым очень часто в наших научных описаниях не описываются церковно-служебные материалы, могут повести к пропуску важных историко-литературных материалов»¹³.

Методические проблемы описания рукописей постоянно находятся в центре внимания Д. С. Лихачева; они не раз рассматривались им и при разработке обширной серии изданий отдельных памятников в Пушкинском доме, и в связи с текстологическими правилами «Трудов Отдела древнерусской литературы» и зарубежных изданий, во многих выступлениях Лихачева на археографических и литературоведческих конференциях. В 1962 г. он публикует развернутую схему описания рукописей¹⁴; в 1970 г. выступает с предложением организацией специального совещания археографов для обсуждения вопроса о составлении научных описаний

¹⁰ Лихачев Д. С. О планировании изучения древней русской литературы. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970 (далее — Лихачев Д. С. О планировании. . .), с. 7.

¹¹ Лихачев Д. С. Текстология. . ., с. 104—105.

¹² Там же, с. 105.

¹³ Лихачев Д. С. О планировании. . ., с. 9; см. также Лихачев Д. С. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей. — «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974 (далее — Лихачев Д. С. Задачи составления методик. . .), с. 236.

¹⁴ Лихачев Д. С. Текстология. . ., с. 108—113.

рукописей¹⁵. Для археографической методики Дмитрия Сергеевича чрезвычайно характерно, что руководимая им ныне обширная работа по описанию Кирилло-Белозерского рукописного собрания ГПБ ведется по предельно полной и трудоемкой схеме¹⁶.

Схема и методы описания рукописей обсуждались при активном участии Дмитрия Сергеевича в феврале 1971 г. на специальном совещании в Ленинграде, организованном Археографической комиссией АН СССР совместно с Библиотекой АН СССР в связи с подготовкой Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР¹⁷. Итогом этого совещания и последующих консультаций со специалистами явилась выработка инструкции по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв.¹⁸, и начало издания выпусков соответствующего методического пособия¹⁹.

Важнейшие задачи составления методик описания славяно-русских рукописей Д. С. Лихачев сформулировал и детально обосновал в докладе на «Тихомировских чтениях» 1972 г., темой которых была «Методика описания древних рукописей». В докладе, содержащем и критический обзор сделанного в последние годы в нашей стране и за рубежом, акцентируется внимание на тех вопросах, которые не нашли еще должного отражения в археографической практике. Это — различия типов описаний (охранное; путеводители; описание фондов и собраний; полное научное постапейное описание рукописей). Лихачев убедительно показывает, что «история фонда должна предварять описание отдельных рукописей»²⁰. Он выступает деятельным пропагандистом принципа комплексности изучения рукописей: «Комплексность входит в изучение рукописей, следуя в этом отношении за развитием принципа комплексности в текстологии. Изучение рукописей в составе собраний аналогично изучению текстов в окружении других текстов. Мы должны заниматься «конвоем» рукописей так же, как «конвоем» текстов, и историей рукописей — как историей текстов»²¹. (Следует отметить, что столь распространенный теперь термин «конвой» введен в оборот текстологии; кодикологии и археографии Д. С. Лихачевым.) Ученый призывает к соблюдению основных «принципов надежности в области работы с рукописью». Д. С. Лихачев полагает необходимым по возможности «формализовать» описание и всегда указывать основания тех или иных определений; ставится вопрос о целесообразности подготовки различных пособий — фототек почерков (по датам, писцам, месту создания), сводных каталогов филиграней и др. Эти мысли нашли дальнейшее развитие в названной уже статье 1976 г. в «Вестнике АН СССР».

Д. С. Лихачев не раз характеризовал и этические основы работы археографа. «Археографическая работа требует доверия и добросовестности. Доверия к археографу — при планировании его работы и предоставлении ему времени, добросовестности же — со стороны археографа, без чего совершенно невозможно, разумеется, и доверие. Между тем и другим должно быть полное равновесие. Если археограф проявил хотя бы малейшие признаки спешки, т. е. недобросовестности, в работе по научному описанию рукописи, его необходимо не допускать впредь к этой работе, ибо проверить и выявить все его ошибки почти невозможно; для этого нужно проделывать заново всю его работу. Ставить же археографа, занимающегося научным описанием рукописей, в условия контроля завышенной и только количественной «нормой работы» — также крайне опасно и вредно»²².

¹⁵ Лихачев Д. С. О планировании. . . , с. 9.

¹⁶ См. с. 318—319 наст. тома.

¹⁷ «Археографический ежегодник за 1971 год», с. 384—391.

¹⁸ «Археографический ежегодник за 1975 год». М., 1976, с. 24—40.

¹⁹ Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973; вып. 2. М., 1976 (ротапринт).

²⁰ Лихачев Д. С. Задачи составления методик. . . , с. 235.

²¹ Там же, с. 236.

²² Лихачев Д. С. Текстология. . . , с. 106.

«Добросовестная работа по описанию рукописей — это настоящая и очень важная научная работа, требующая высокой научной квалификации». И хорошие научные описания, по мнению Д. С. Лихачева, должны были бы представляться в качестве диссертаций²³. В области изучения памятников на древних и восточных языках, это — уже давняя традиция. Очевидно, что такой порядок следовало бы распространить и на некоторые описания рукописей кириллической письменности, а также описания отдельных разновидностей источников нового времени, рукописей классиков литературы и др.

Постоянное внимание Д. С. Лихачев уделяет проблемам развития полевой археографии в нашей стране. Его ученики, сотрудники руководимого им сектора Института русской литературы из года в год участвуют в разработке богатейших в стране районов бытования рукописной и старопечатной книги в Поморье, Карелии, Прибалтике²⁴. На ежегодных конференциях в Пушкинском Доме археографы Ленинграда подводят итоги каждого нового сезона и намечают перспективы дальнейшей работы. Д. С. Лихачев не раз ставил в своих статьях и выступлениях проблемы организации рационального планирования полевой археографической работы, создания гибкой системы оперативного соотношения экспедиционных планов с поступающей новой информацией. В 1970 г. он пишет: «Прежде всего нужно продолжать археографические экспедиции и правильно их намечать. Изменения в плане экспедиционной работы могут понадобиться после любой новой экспедиции, любого нового сообщения с мест о наличии тех или иных рукописей. Должны быть составлены карты обследованных районов с указанием всех побывавших в отдельных пунктах экспедиций»²⁵.

Археографическая комиссия АН СССР последние годы начала вести обобщающие работы в этом направлении. Разосланные в научные институты, библиотеки, архивы, музеи анкеты, систематическая работа с опубликованными экспедиционными отчетами дают возможность значительно расширить наши представления о масштабах и районах советских археографических экспедиций, об их результативности. Первые итоги этой важной работы (включая предложенные Д. С. Лихачевым географические таблицы) были опубликованы в статье безвременно скончавшейся Д. И. Тверской²⁶.

С самого начала полевых археографических работ в Сибири в 1965 г. сибирские археографы ощущают действительную помощь Дмитрия Сергеевича, приехавшего в Новосибирск на совещание по истории русской литературы в Сибири, выступавшего там с лекциями и докладами, постоянно готового оказать поддержку молодому археографическому центру.

23 сентября 1971 г. академик Д. С. Лихачев сделал на заседании Президиума АН СССР доклад о новых открытиях памятников древнерусской письменности и литературы. Именно после этого доклада Президиумом АН СССР было принято развернутое решение, во многом облегчающее дальнейшее развитие работы по сбору, изучению и описанию памятников древнерусской письменности, существенно способствовавшее и активизации деятельности Археографической комиссии²⁷ (Д. С. Лихачев — член Археографической комиссии со времени ее организации; с 1973 г. — член Бюро Комиссии).

Д. С. Лихачев отметил, что в рукописных хранилищах нашей страны накоплены огромные богатства, тысячи славяно-русских рукописей, что рукописное наследие Болгарии и Сербии представлено в наших собраниях гораздо полнее, чем на родине. Настойчиво повторяя мысль о необходи-

²³ Лихачев Д. С. Задачи составления методик. . . , с. 242.

²⁴ ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 348—362.

²⁵ Лихачев Д. С. О планировании. . . , с. 8—9.

²⁶ Тверская Д. И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период. — «История СССР», 1976, № 1.

²⁷ Шмидт С. О. Деятельность Археографической комиссии АН СССР и актуальные задачи научной работы в области специальных исторических дисциплин. — В кн.: Южноуральский археографический сборник, вып. 1. Уфа, 1973, с. 15.

мости тщательного научного описания рукописных коллекций как основной задачи советской археографии, Д. С. Лихачев подробно остановился и на задачах полевой археографии.

Он подчеркнул, что последние годы принесли немало открытий новых памятников русской культуры, письменности, обнаруженных во время археографических экспедиций. Созданное экспедициями В. И. Малышева Древлехранилище ИРЛИ ежегодно пополняется сотнями новых перво-классных рукописей, все интенсивнее разворачивается «археографическое открытие Сибири», больших успехов добились археографы Московского университета и др. Вместе с тем в этом докладе Д. С. Лихачева²⁸, как и в многочисленных его выступлениях в широкой прессе²⁹ на ту же тему, звучит тревога — по-прежнему продолжают поступать сведения о расхищении и даже уничтожении памятников древнерусской культуры, особенно находящихся в отдаленных поселениях.

Д. С. Лихачев выступает с конкретными предложениями о координации полевых археографических работ, об их расширении, улучшении их методики. Эти его предложения помогали и помогают активизации деятельности основных археографических центров страны. В то же время Дмитрий Сергеевич неоднократно напоминал, что в полевых археографических работах, как и в описании рукописных коллекций, и в текстологии, количество никогда не может заменить качество. Неправильная методика полевых работ, небрежность в оформлении документации, в фиксации культурно-исторического окружения книги резко снижают научную ценность археографических экспедиций. Это одна из причин того, что во всех своих выступлениях по проблемам сохранения и изучения памятников древней письменности Д. С. Лихачев огромное внимание уделяет необходимости подготовки квалифицированных кадров.

Вопросы полевой археографии справедливо включаются при этом в более широкий комплекс проблем, охватывающий подготовку специалистов по истории культуры Древней Руси. Та тесная и плодотворная связь, которая уже многие годы существует между Ленинградским университетом и Пушкинским Домом, является во многом заслугой школы Лихачева и являет образцовый пример решения такого комплекса. Это относится, в частности, и к совместным археографическим экспедициям, их планированию, четким и логичным принципам распределения привезенных из экспедиций книг — рукописных и печатных — между ЛГУ и ИРЛИ.

Для научного мышления Дмитрия Сергеевича как исследователя и организатора науки в высшей степени характерно подобное включение конкретных археографических задач в круг более широких научных проблем. В его классическом труде «Текстология» (переиздание которого представляется настоятельно необходимым) это — соотношение задач археографии с общими задачами выявления истории текста памятника на основе изучения всех его списков. И в статье «Задачи изучения связи рукописной книги и печатной»³⁰ он пишет о «необходимости изучения истории книги в контексте эпохи, истории общественной мысли в контексте истории техники, истории культуры, истории письма»; он подчеркивает: «История книги, если ее рассматривать широко, контекстно, а не только как историю книжного оформления, чрезвычайно важная часть истории культуры человечества. Общение между собой народов, их культур совершается в первую очередь через книги, но и консолидация национальных особенностей культур также совершается прежде всего в книге»³¹.

²⁸ Лихачев Д. С. Новые открытия памятников русской письменности и литературы. — «Вестник АН СССР», 1972, № 4.

²⁹ Лихачев Д., Шмидт С., Покровский Н. Уважение к древности. — «Правда», 1973, 14 августа.

³⁰ Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 3—10.

³¹ Там же, с. 7, 10.

Именно в этом широком «контекстном» плане следует искать решения многих конкретных археографических проблем. Это в равной мере относится и к комплексной методике полевой работы, и к принципам всестороннего изучения памятников древней письменности методами филологии, истории, палеографии, искусствоведения, с учетом этнографического, лингвистического и фольклорного материала. Нам представляется особенно важной подчеркиваемая Д. С. Лихачевым связь истории книги с историей общественной мысли, общественного сознания. Как известно, уже в XVII—XVIII вв. рукописная книга проникает в крестьянскую среду, появляются даже крестьянские центры переписки книг, крестьянские библиотеки. Поэтому изучение крестьянской книги следует рассматривать как важнейший аспект изучения крестьянского общественного сознания. Уровень современной археографической культуры в значительной мере определяет возможности познания культуры прошлых веков.

В 1975 г. вышла из печати книга Д. С. Лихачева «Великое наследие» — очерки о классических произведениях литературы Древней Руси. В основе некоторых очерков ранее опубликованные статьи ученого. Хочется увидеть подготовленный им сборник очерков о приемах собирания, описания, публикации и изучения памятников письменности. Основой такой книги могли бы стать статьи и доклады последних лет (а также, возможно, и книга «Текстология. Краткий очерк», давно уже ставшая библиографической редкостью). Объединенные вместе, они, несомненно, будут обязательным пособием для всех интересующихся вопросами сохранения и изучения памятников культуры и, написанные рукою мастера-стилиста, — увлекательной книгой. Такая книга будет способствовать усилению интереса к памятникам культуры, к процессу их изучения, распространению истинно научных знаний, развитию которых отдает столько сил академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.

К 10-летию со дня смерти М. Н. Тихомирова

М. Т. Белявский, А. Г. Сукаев

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О М. Н. ТИХОМИРОВЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Михаилом Николаевичем Тихомировым написано много самых различных по тематике, форме и задачам книг и статей. Много написано и о нем, его разносторонней научной и преподавательской деятельности, роли в становлении и развитии советской исторической науки. Но о его жизни и деятельности в первые пять лет после окончания Московского университета почти ничего или ничего неизвестно, кроме того, что он жил в Дмитрове и Самаре, где написал первые свои работы по истории этих городов. Поэтому несомненный интерес представляют обнаруженные весной 1975 г. в Куйбышевском государственном архиве материалы самого Тихомирова и материалы о нем.

Из них в первую очередь следует назвать рукопись М. Н. Тихомирова, которая составляет сейчас архивное дело в фонде Самарского научно-краеведческого общества. Это дело на 78 листах сохранило название, которое дал рукописи М. Н. Тихомиров в 1920 г.¹

Составление «Описания рукописей Криволудцкого Воскресенского монастыря» относится ко времени, когда М. Н. Тихомиров, работая уездным инструктором библиотечного дела, выполнял огромную по значению работу по выявлению и спасению памятников древнерусской письменности в Заволжье и Приуралье, архива С. Т. Аксакова и других архивов. Данное «Описание» не является ни научным исследованием, ни всесторонним археографическим описанием рукописей. Такой характер «Описания» определяется условиями работы, ограниченностью времени и задачей выявить то, что представляет наибольшую ценность и должно быть сохранено в первую очередь.

В «Описании» значатся 72 рукописи, но на самом деле их 71, так как в одном месте нумерация спутана. Самая древняя рукопись относится к XV в., а позднейшая — ко второй четверти XIX в.

Состав и характер «Описания» определяются как происхождением данного собрания рукописей, так и принадлежностью его одному из крупнейших старообрядческих Иргизских монастырей. В составе собрания: 4 различных сборника, 4 сборника житий святых, 4 Октоиха певчих, 4 рукописи Праздников певчих, 3 Триоди цветных, 3 Трезвона певчих, 3 Минеи служебных, 3 рукописи Ответов Ивана Пешехонова в разных редакциях, 2 Евангелия, 2 Псалтыри толковые, 2 Цветника, 2 Синодика, 2 Требника, 2 Канонника, 2 «Старчества», 2 Лествицы Иоанна Синайского, 2 Службы Тихвинской иконе богородицы; по одной рукописи: Сборник летописный, «Вопросы и ответы Никодима Стародубского», Зластоуст, Октоих, Пандекты Никона Черногорца, Тактикон Никона Черногорского и Слова Исаака Сирина, Обиход певческий, Апостол, Часослов, Церков-

¹ Государственный архив Куйбышевской области (далее — ГАКО), ф. 558 (Самарское научно-краеведческое общество), оп. 1, ед. хр. 256. *Тихомиров М. Н. Описание рукописей Криволудцкого Воскресенского монастыря*, лл. 1—78.

ный устав, выписки из Церковного устава, Стоглав, «Альфа и Омега», Албука демественного роспева, «Слова Исаака Сирина о молчании и безмолвии». Все рукописи сохранили в архивном деле тот номер, который им дал М. Н. Тихомиров при составлении «Описания». Этот номер мы и будем указывать, говоря о той или иной рукописи.

Тихомировское описание можно назвать первичным. С одной стороны, описаны в первую очередь внешние признаки и особенности рукописи — количество листов, состав, ее палеография, записи на чистых листах. С другой стороны, «Описание» совершенно отчетливо показывает интересы молодого ученого. Так, М. Н. Тихомиров особое внимание уделял датировке рукописей на основе совокупности палеографических данных: особенностей почерка, написания отдельных букв, количества и характера сокращений, выносных букв, использования и замены юсов и т. д. Однако одни рукописи, главным образом в первой части «Описания», описаны весьма подробно (как правило, это 3—4, а то и 6—7 страниц текста); во второй же части «Описания» характеристика рукописей становится все более краткой (подчас, занимая 3—4 строки). В какой-то степени это также свидетельствует о весьма ограниченном времени, имевшемся в распоряжении ученого.

Составляя «Описание», М. Н. Тихомиров отметил, что 18 рукописей написаны на «синей» или «синеватой» бумаге ², что бумага рукописей имеет водяные знаки: «единорог, арбалет, ваза, буква Р с раздвоенной оконечностью и рука в рукавчике» (рукопись № 1), «ваза с одной ручкой» (№ 4, 10, 11), «бычья голова служит подножием кресту» и «тиары, бычья голова» (№ 5), «водяной знак герба» (№ 6), «Нептун с трезубцем и ладьей» (№ 7), «герб города Амстердама» (№ 9), «ваза с двумя ручками» (№ 13), «неразборчивый знак» (№ 12) ³. Правда, ни характерные черты бумаги, ни водяные знаки не использованы для датировки рукописей.

Можно выделить еще несколько особенностей «Описания». В большинстве случаев оно содержит указания на состав рукописи, особенно там, где речь идет о летописных, житийных и других сборниках. Иногда эти указания весьма подробны.

Особое внимание обращается на записи, сделанные на вклеенных листах, на полях, в конце рукописей их владельцами, «передатчиками» или другими лицами ⁴; записи воспроизводятся целиком. Эта особенность «Описания» получила продолжение и развитие в последующей научно-исследовательской работе М. Н. Тихомирова с памятниками древнерусской письменности.

Не менее примечательны и указания в ряде случаев на то, что данная рукопись или ее часть были в свое время напечатаны, а также на степень соответствия рукописного текста печатному изданию ⁵.

При изучении тихомировского «Описания рукописей Криволуцкого Воскресенского монастыря» нельзя не обратить внимания на то, что некоторые из рукописей отмечены особыми знаками — звездочкой (чернилами) и галочкой (карандашом). При этом все номера, отмеченные звездочкой, отмечены и галочкой. На первой странице «Описания» указано: «Звездочка отмечает рукописи, вывезенные в Самару». Но что от-

² Рукописи № 8, 14—17, 24, 29, 31, 34, 36—38, 44, 59, 61, 70, 71.

³ Отмечены водяные знаки только первых тринадцати рукописей (правда, нет указаний в отношении рукописей № 3 и 8).

⁴ В «Описании» воспроизведены записи на рукописях № 4, 6, 7, 21, 23, 34, 46, 47, 50, 52, 53, 56, 58, 67.

⁵ В описании «Сборника» начала XVI в., заключающего в том числе «Слова» Ефрема Сирина (рук. № 1), Тихомиров отмечает: «Всего 104 слова, последнее 104 слово об антихристе: состав тот же, что и в печатном издании Московском 1652 г., только иная нумерация». В описании рукописи № 2 им отмечено: «В Тактиконе 40 слов, во всем сходен с печатным Почаевским изданием 7303 года» (1795 г., рук. № 109). Описание «Лествицы Иоанна Синайского» начала XVII в. завершается замечанием: «Сама Лествица начинается с л. 18, включает в себе до 30 слов (как и в московском издании, с л. 294 идут толкования на Лествицу)» (рук. № 11).

мечает галочка? Где находятся рукописи, отмеченные звездочкой? Какова судьба остальных рукописей?

В пользу предположения, что рукописи, отмеченные галочкой (их в «Описании» десять), также вывезены в Самару, говорит и сам М. Н. Тихомиров, который в своих воспоминаниях рассказал о трех своих поездках в Иргизские монастыри и привозе оттуда древних рукописей⁶. То же подкреплялось и списком рукописей Иргизских монастырей и Саровской пустыни, хранящихся в рукописном отделе Куйбышевской областной библиотеки, опубликованном в 1958 г. С. Я. Наживиной⁷. Конечно, сам по себе тот факт, что многие названия из 38 иргизских рукописей, значащихся в списке С. Я. Наживиной, совпадали с названиями рукописей в тихомировском «Описании», еще ничего не доказывает. Но изучение рукописей, хранящихся в Куйбышевской библиотеке, позволило установить, что 8 рукописей из списка С. Я. Наживиной являются рукописями из Криволудского монастыря, описанными М. Н. Тихомировым. Кроме того, в списке Наживиной оказалось пропущенным хранящееся там Евангелие XVI в., описанное М. Н. Тихомировым. Все же другие рукописи, названия которых совпадают с названиями в тихомировском «Описании», не совпадают с ними по составу, количеству листов, времени написания и другим признакам.

Таким образом, из десяти рукописей, отмеченных в тихомировском «Описании» галочкой, девять хранятся в Куйбышевской библиотеке. В их число входят и все три книги, отмеченные звездочкой. Неясной остается лишь судьба рукописи № 20 — «Сборника», написанного скорописью XVIII в., на 465 листах в четверть, основное содержание которого составляют выписки из старообрядческого Цветника, статей о деле патриарха Никона, «разоблачения на епископа Питирима и несогласников», выписок из Толкового Апокалипсиса и других более мелких выписок.

Перейдем непосредственно к характеристике рукописей Криволудского монастыря, описанных в 1920 г. М. Н. Тихомировым, привезенных им в Самару и ныне хранящихся в Куйбышевской библиотеке.

Рукопись № 1. *Сборник*, в большой лист, написанный полууставом начала XVI в., на 511 листах, включающий 104 слова Ефрема Сирина, входящие, как отмечалось выше, в московское издание 1652 г. В «Описании» отмечен галочкой. Номер по каталогу библиотеки — 306206.

Рукопись № 4. *Евангелие*, в лист, написанное полууставом середины XVI в., на 317 листах. Отмечено звездочкой и галочкой. № 306322⁸.

Рукопись № 9. *Сборник житий святых*, в лист, на бумаге, с водяным знаком герба Амстердама, написан скорописью начала XVIII в., на 523 листах + 7 листов чистых. В сборник включены жития Пафнутия Боровского, «Евуфросина нового чудотворца», царевны Ирины, мученика Христофора, Епифания Кипрского, Леонтия Ростовского, Симеона Столпника, игуменьи Ефросинии, Федора Стратилата, Кирилла Белозерского, пустычника Ануфрия, Петра Афонского, Марка Афинеяского, Григория

⁶ Павлов-Сильванский В. Б. М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций. — «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1970, с. 244—263.

⁷ Наживина С. Я. Рукописи Иргизского монастыря и Саровской пустыни в собрании Куйбышевской областной библиотеки. — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIV. М.-Л., 1958.

⁸ Для того чтобы дать представление о характере тихомировского «Описания» в отношении некоторых из сохранившихся рукописей, приведем их полное описание: «Евангелие. В лист; на 317 лл. с водяным знаком — ваза с одной ручкой, с заставками в красках ново-византийского орнамента, полууставом пол. XVI в. [употребление ж]. Правописание русское [мена а и ѿ, неправильно — на конце после гласных вм. и — а]. Переплет — доски в коже. По л. 9 запись скорописью: «Сию книгу святое евангелие тетр приложили в дом живоначальной троице к великому чудотворцу Николе в селе Казневе, а веру держит Сергей Иванов сын, да Анякита Купреянов, да Офонасей Федоров сын лета 7145 году декабря в 26 день на память собор пресвятых богородицы и никоум не продать, ни заложить, а кто станет по сей книге чести и за тех бога молить, родители их поминать от ныне и до века».

мниха, Иоанна Крестителя, мученицы Февронии, апостолов Петра и Павла; «Слово воспоминательное о святых чудотворцах в России возсиявших, яко о святости жития, тако и о преславных чудесех их . . .»; «слова» Иоанна Златоуста, Нила Синайского; сказания о Тихвинской иконе Богоматери и нерукотворном образе Спаса. Отмечено звездочкой и галочкой. № 306209.

Рукопись № 19. *Сборник*, в лист. на 353 листах полууставом первой четверти XVII в. Отмечен галочкой. № 306223⁹.

Рукопись № 35. *Сборник летописный*, в четверку, на 170 листах, конца XVIII века. Отмечен галочкой. № 306222¹⁰.

Рукопись № 67. *Трезвонь певчие крюковые*, в осьмушку, на 10+90+547 листах, написана полууставом конца XVII—начала XVIII в. С записью полууставом XVIII в. на первом листе. Отмечена галочкой. № 305197. В составе рукописи русские службы Никите Переяславскому, Сергию Радонежскому, Алексею митрополиту, Александру Невскому, кн. Георгию, Макарию Желтоводскому, Петру и Февронии Муромским, Иоасафу Каменскому, кн. Федору Смоленскому, Варлааму Хутынскому, князьям Борису и Глебу, царевичу Димитрию, Кириллу Белозерскому, Зосиме и Савватию, Василию и Константину Ярославским, иконам Знамения, Владимирской Богоматери, ризе Господней.

Рукопись № 68. *Евангелие*, в осьмушку, на 256 листах, мелким полууставом XV в. с золотыми заставками и с медными бляхами на переплете. Отмечена галочкой. № 306199.

Рукопись № 70. *Синодик*, в лист, на 95 листах, полууставом конца XVIII—начала XIX в. Отмечен галочкой. № 306203¹¹.

⁹ Полный текст Описания М. Н. Тихомирова: «*Сборник*. В лист, на 353 л., полууставом перв. четв. XVII века, правописание русское. На 266 л. скорописью конца XVII века: «Лета 7197 сентября в 25 день на память преподобного отца нашего Сергия радонежского чудотворца». Л. 1. «Книга иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста патриарха [визы] Константина града [следуют] слова, входящие в Златоуст». Л. 229. «Повесть от жития святых новых чудотворец муромских благоверного и преподобного и достохвальнаго князя Петра, нареченнаго во иноческом чину Давида и супруги его благоверныя и преподобныя и достохвальныя княгини Февронии во иноческом чину Еуфросинии. Богу отцу присносущному слову божию сыну. . .» Л. 240. «Месяца июля в 25 день житие и жизнь преподобнаго отца нашего Макария Желтоводскаго и Оунежскаго чудотворца. Сей же препреблаженный отец наш Макари. . . [из других статей]. Л. 338. «Повесть душеполезна о чудотворном образе пречистые Богородицы, честнаго и славнаго ея Одегитрия иже в Новгородстей области в нарицаемой всей на Выдропуске во храме святаго страстотерца Георгия. Списано благоверным князем Георгием Звенигородским еже именуется такматов. Благослови отче. Страшна повесть и дивно чудо. . .» Л. 344 об. «Месяца мая в 15 день оубиение благовернаго царевича Димитрея Московскаго и всея Руси и оуглицкаго чудотворца. Благослови отче. Сей благоверный царевич Димитрей. . .» Л. 349. «О явлении благовернаго царевича Димитрия по оубиение явися старцу Тихону и отмщению крови. И еще не оудовлет тому Борису. . .» Переплет — доски в коже, внутренние корки переплета оклеены бумагой, на которой скорописью первой половины XVIII в. — Сказание о Казанской иконе».

¹⁰ Полный текст описания М. Н. Тихомирова: «*Сборник летописный*. В четв., на 14 н. н. +170 лл. со знаком, разными почерками XVIII в. Л. 3. перв. нум. — «Тропарь ко оумилению чудотворнаго образа пресвятыя Богородицы: глас 4». Л. 5 об. «Сказание известно отчасти чудес от образа пресвятыя Богородицы иже есть в церкви святыя Троицы и о зачале церкви. В лето мироздания (6702—1194) года. . .» Л. 11. перв. нум. — «Рождение преподобнаго и богоуснаго отца нашего Антония в Риме бе 6575 г. [Запись о житии Антония и предметах, оставшихся от него в монастыре, и судьбах монастыря, последняя запись от декабря 1731 г.]» Л. 15. «Выписано из истории Киевская зачало великому Новуграду [далее следует летописец преимущественно с новгородскими известиями, кончается 7182 (1674) годом]. Л. 118. «В лето 6506 году [сказание об образе св. Софии Новгородской]. Л. 120. «О святых великоновгородских епископ и о архиепископех и преподобных чудотворцах». Л. 144. «Сказание, что именуется София премудрость Божия». Л. 150. «[Такая же запись об Антонии Римлянине, как и на л. 11 перв. нум.]». Л. 153. «Во дни благочестиваго и великаго государя и царя и великаго князя Алексея Михайловича. . . [о знамениях при рождении Петра Великаго]. Л. 160. «Азбука скорописная». Л. 164. «Каким образом кому писать письма».

¹¹ Полный текст описания М. Н. Тихомирова: «*Синодик*. В лист; на 95 лл. синей бумаги (лл. 83—92 на белой), полууставом конца XVIII—нач. XIX в. Л. 1. «Каталог

Мы охарактеризовали сохранившиеся рукописи Криволуцкого монастыря, полвека тому назад описанные и спасенные М. Н. Тихомировым. Следует заметить, что они пока еще не были предметом изучения историков; остается неизвестной и судьба остальных 63 рукописей этого собрания. Учитывая данные обстоятельства, а также возрастание интереса к памятникам русской письменности и составу отдельных собраний, рукописей, вероятно, было бы целесообразно опубликовать тихомировское описание и снабдить им соответствующие научные учреждения и рукописные отделы крупнейших библиотек. Думается, это могла бы взять на себя Археографическая комиссия, возрожденная к жизни М. Н. Тихомировым, который и сам, как это теперь очевидно, начал свою научную деятельность на ниве археографии.

Описание рукописей Криволуцкого монастыря является не единственным документом М. Н. Тихомирова в Куйбышевском архиве. Кроме него, в фондах Общества археологии, истории и этнографии и Самарского университета обнаружено несколько документов о деятельности М. Н. Тихомирова в самарский период его жизни. Хотя эти документы невелики, в какой-то степени случайны и отрывочны, они представляют значительный интерес.

Первый из этих документов — заявление М. Н. Тихомирова о приеме его в «число сотрудников» Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете от 2 июня 1920 г. На обороте заявления он приводит «краткие сведения о себе», представляющие несомненный интерес.

Так, говоря об учебе в Московском университете, М. Н. Тихомиров пишет: «Все время работал по истории России и *русскому искусству*»¹². Выделенная нами вторая часть ответа несколько неожиданна. Хотя ученый много и плодотворно занимался изучением истории русской культуры, но, пожалуй, это первый и единственный раз, когда он указал ее в качестве основного направления своей работы.

«Краткие сведения» содержат также точное определение его должности: «С 1919 г. работаю в Самаре как уездный инструктор по библиотечному делу». Данный ответ уточняет другие документы — «Индивидуальную анкету» из личного дела М. Н. Тихомирова в Самарском университете и написанную им 20 декабря 1920 г. краткую автобиографию¹³. В первом документе он говорит о том, что работал «заведующим библиотечной секцией Уездн. Отд. нар. образования», а затем «библиотекарем Общества археологии, истории и этнографии», а во втором уточняет время начала первой из этих работ — февраль 1919 г.

«Индивидуальная анкета» позволяет уточнить и характер его работы в Самарском университете. В декабре 1920 г. он занимал должность ассистента по кафедре палеографии и вел практические занятия по славяно-русской палеографии на литературно-художественном отделении университета. Кроме того, на социально-экономическом отделении того же университета он читал курс «Древнерусские акты XV—XVII вв.», а на Высших археологических курсах — курс «Древнерусские грамоты XV—XVII вв.» Весьма показательно, что в графе «специальность» «Индивидуальной анкеты» М. Н. Тихомиров написал: «Русская история и *палеография*». Таким образом, палеография, интерес к которой так ярко проявился в последние десятилетия жизни ученого, занимала его внимание с первых лет преподавательской работы.

Нижнего Воскресенскаго Старообрядческаго монастыря коликое число и под каким номером по сему списку написаны присланные из разных городов и сел поминать преставившихся своих родственников за оупокой, о том значит ниже сего [следует помянник]. Л. 83. «Без начала, помянник патриарха Иова». Переплет — доски в коже».

¹² ГАКО, ф. 558, оп. 1, ед. хр. 18.

¹³ ГАКО, ф. 28 (Самарский университет), оп. 1, ед. хр. 949.

Как видим, и темы практических занятий и курсов, читавшихся молодым ученым в Самарском университете в 1920 г., тесно связаны с теми курсами, которые он читал в 40—50-х годах в МГУ, с его докладами, статьями, публикациями и монографиями 40—60-х годов. О такой же связи можно говорить и в отношении тем его исследований. Отвечая на вопрос анкеты «Разработкой какого научного вопроса заняты в настоящее время», М. Н. Тихомиров ответил: «История Пскова в XVII в.» И кто, читая этот ответ, не вспомнит его монографии «Псковское восстание 1650 года», сыгравшей такую важную роль в изучении истории классовой борьбы и истории русского города.¹⁴

Не менее показателен и ответ на вопрос о том, что у него «находится в периоде лабораторной работы», — «Очерки истории Дмитровского края». Ответ, за которым встают тихомировские работы по Дмитрову, опубликованные им в 1925—1928 гг.¹⁵

Наконец, последний документ из этой группы — рекомендации, данные М. Н. Тихомирову профессором С. А. Щегловой и академиком В. Н. Перетцем при его зачислении в штат Самарского университета по кафедре палеографии в декабре 1920 г. Проф. С. А. Щеглова написала, что он «на археологических курсах прекрасно сдал мне зачет по палеографии». Рекомендация академика В. Н. Перетца несколько подробнее: «Знаю М. Н. Тихомирова второй год. Под моим руководством он занимался славянской палеографией и русской археографией. Очень начитан. Имеет большую любовь к русским древностям. Получил хорошую школу в Московском университете и обещает быть хорошим академическим работником. Акад. Перетц»¹⁶.

Академик В. Н. Перетц не ошибся в своем предвидении относительно будущего М. Н. Тихомирова, и всю жизнь с уважением и любовью вспоминал В. Н. Перетца, считая его одним из своих учителей.

Подводя итоги, можно сказать, что документы о жизни и деятельности М. Н. Тихомирова, обнаруженные в Куйбышевском архиве, касаются того периода его научной и преподавательской деятельности, о котором мало известно ученым. Думается, что продолжение работы по изучению фондов Самарского научно-краеведческого общества, Самарского университета и Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете приведет к новым находкам документов и материалов о жизни, преподавательской и научной деятельности одного из крупнейших советских историков.

¹⁴ Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 года. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века. М.-Л., 1935.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Город Дмитров. — «Труды Музея Дмитровского края», вып. 2. Дмитров, 1925; *он же*. Население Дмитрова в XVII и начале XVIII века. — «Московский краевед», 1927, вып. 1, с. 20—39; *он же*. Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI веке. В кн.: Московский край в его прошлом. М., 1928, с. 5—34.

¹⁶ ГАКО, ф. 28, оп. 1, дело М. Н. Тихомирова, ед. хр. 949:

Е. В. Чистякова

М. Н. ТИХОМИРОВ КАК ИСТОРИК РУССКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА ¹

В многогранном творческом наследии академика М. Н. Тихомирова, глубокого исследователя вопросов русской истории от ее истоков до конца XIX в., доминирующей была тема истории русского феодального города. Он охватил эту тему широко хронологически и тематически: от небольших заметок и публикаций по истории отдельных городов до внушительных монографий, вошедших в золотой фонд советской историографии. М. Н. Тихомиров начал свой творческий путь в 1919 г. публикацией студенческой работы «Псковский мятеж XVII в.», а одной из последних была его превосходная статья «Соборное уложение и городские восстания середины XVII в.» (1961 г.) ².

До революции урбанистика была отсталым участком исторической науки. Дореволюционных историков в основном интересовало правовое и политическое положение горожан, слабо изучалась их классовая борьба.

Классические труды К. Маркса, Ф. Энгельса о феодальном городе, замечательные произведения В. И. Ленина стали методологической основой для разработки проблем периода феодализма в советское время.

Труды М. Н. Тихомирова о феодальном городе основаны на использовании разнообразных источников. Это были визуальные наблюдения, посещение около 70 городов, работа в их музеях и библиотеках, участие в археологических раскопках и обработке добытого археологами материала ³.

Но основным материалом для построений Михаилу Николаевичу служили, конечно, письменные памятники, которые он превосходно знал и тонко анализировал: это и нарративные источники, в первую очередь летописи, и актовые. Использовал он и устные памятники и литературные произведения. Прежде всего М. Н. Тихомиров дал понятие о городе, как об «огражденном укрепленном месте» с «примыкавшим к нему посадом», населенном торговцами и ремесленниками. Город был центром большой сельской округи. Михаилу Николаевичу принадлежит классическое определение причин возникновения городов: «Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма — в области общественных отношений» ⁴.

Много внимания М. Н. Тихомиров уделял производственным занятиям горожан: он рассматривал экономику города в ее эволюции, в постепенном отрыве горожан от земледелия, огородничества и т. д. Его интересовало больше всего занятие горожан ремеслом и торговлей. Он обратил внимание на организации ремесленников и купцов в средневековом городе

¹ Изложение содержания доклада, прочитанного на заседании Археографической комиссии, посвященном М. Н. Тихомирову (сентябрь 1975 г.).

² См. в кн.: *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.

³ Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР. М., 1974, с. 59 и др.

⁴ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 64.

России — зачатки цехового строя, которым не позволили развиваться неблагоприятные условия существования городов.

М. Н. Тихомиров подробно изучил управление городом, городской строй и сделал вывод о том, что до татаро-монгольского нашествия прогрессирующее развитие древнерусского города шло по тем же путям, что и западноевропейского.

Особенно большое значение М. Н. Тихомиров придавал проблеме классовой борьбы горожан, их требованиям, идеологии. Он изучил характер и конкретно осветил ход городских восстаний, начиная с Древней Руси и включая середину XVII в. Своими исследованиями он блестяще подтвердил марксистское положение о том, что в период феодализма все крупные движения исходили из деревни. Он проследил связь восстаний в городе с крестьянскими, их антифеодальную направленность, а также влияние классовой борьбы на правотворчество князей⁵.

Целую эпоху в изучении народных движений в России в середине XVII в. составляют две книги Михаила Николаевича о восстании 1650 г. в Пскове, работы о Новгороде Великом, публикации о Земском соборе 1650 г., о городских восстаниях 1648 г. в Москве и других городах, публикация Уложения 1649 г. М. Н. Тихомиров охарактеризовал процессы, происходившие в городе в середине XVII в., проследил действие различных слоев городского населения, впервые поставил вопрос о связи восставших городов с движением служилых людей, крестьян, подробно проследил внутреннюю борьбу в городе и убедительно доказал неосновательность построений П. П. Смирнова о расстановке классовых сил. Историк сумел раскрыть новые аспекты изучения темы: место народных движений в международном плане, связь городских восстаний с движениями на Украине и т. д.⁶

Михаил Николаевич ярко показал прогрессивную роль города и его населения в развитии материальной и духовной культуры феодальной России: развитие просвещения, книжности, грамотности горожан, искусства, литературы, философских знаний и т. д.⁷ Перу М. Н. Тихомирова принадлежат блестящие этюды по истории отдельных городов (Дмитрова, Каменца-Подольского, Новгорода, Киева) и серия работ и монографий по истории нежно любимой им Москвы, с которой связана большая часть жизни и творчества Михаила Николаевича, его педагогическая деятельность в Московском университете, откуда пошла семья его учеников, друзей и почитателей.

На основании трудов М. Н. Тихомирова советская урбанистика развивается дальше. В работах советских историков — современников и учеников М. Н. Тихомирова находят отражение как теоретические, так и конкретно-исторические проблемы развития русского феодального города.

⁵ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.

⁶ Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в.

⁷ Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968.

И. И. Ростунов

ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
АКАДЕМИКА М. Н. ТИХОМИРОВА

Михаил Николаевич Тихомиров был историком широкого профиля. В его трудах нашли отражение самые различные стороны социально-экономической, политической и культурной жизни феодальной России. Большое внимание уделялось им изучению вопросов военной истории нашей страны. Они освещались в исследованиях общего характера. Но ученый создал немало и специальных военно-исторических работ.

Центральное место в этой области научного творчества академика М. Н. Тихомирова занимала проблема борьбы русского народа и других народов нашей страны против иноземных захватчиков. Актуальность темы была обусловлена огромной ролью, которую играет изучение и пропаганда героического прошлого Родины в деле военно-патриотического воспитания советских людей. Это имело особо важное значение в деле военно-патриотического воспитания советского народа накануне и в ходе Великой Отечественной войны. Именно в то время проявляет М. Н. Тихомиров наибольший интерес к военной истории.

Накануне Великой Отечественной войны выходят в свет первые работы Михаила Николаевича по военной истории. Они были посвящены преимущественно теме борьбы русского народа против рыцарской феодальной агрессии в XII—XIII вв.¹ Эту тему ученый продолжал развивать в период Великой Отечественной войны². Среди работ того времени особо следует выделить брошюру «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв.»³ В 1942 г. она переиздавалась в Свердловске, Баку, Казани.

Отличительной чертой работ предвоенных и военных лет являлось то, что они были написаны с большой любовью к подвигам наших великих предков. Автор ярко и образно рисовал стойкость и мужество ратных людей Руси в нелегкой борьбе против сильного и коварного врага. Сокрушительный разгром агрессора — таков был результат этой борьбы. Через все работы красной нитью проходит одна мысль: поучительные уроки истории должны служить суровым предупреждением для тех, кто все еще строил несбыточные мечты о новых завоевательных походах на нашу страну. Тем самым подчеркивалась прямая связь истории с современностью.

¹ Тихомиров М. Н. Оборона Пскова в 1582 г. — «Красный воин», 1938, 28 февраля; *он же*. Борьба русского народа с немецкой агрессией (XII—XIII вв.). — «Знамя», 1939, кн. 3, с. 209—229; *он же*. Сражение на Неве. — «Военно-исторический журнал», 1940, № 7, с. 96—102; *он же*. Александр Невский. — «Вечерняя Москва», 1941, 23 мая.

² Тихомиров М. Н., Лебедев В. И., Никольский В. К. Великие русские полководцы. М., 1943; Тихомиров М. Н. Византия и Московская Русь. — «Вестник АН СССР», 1944, № 7—8, с. 112—113.

³ Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1941.

Помимо своего огромного патриотического звучания; труды М. Н. Тихомирова интересны и с чисто военной точки зрения. Их автор — бывший солдат чапаевской дивизии, но отнюдь не профессиональный военный. И тем не менее он обладал способностью глубоко раскрыть существо форм и способов вооруженной борьбы, издавна применяемых русским войском. Михаил Николаевич отмечал, что дружественные отношения между русским народом и народами Прибалтики во многом предопределили успех боевых действий против шведских и немецких рыцарей. Так, хорошо организованная разведка ижорцев помогла новгородскому князю Александру Ярославичу достигнуть стратегической и тактической внезапности в сражении на Неве в 1240 г. и нанести поражение шведам.

Анализируя борьбу новгородцев с Тевтонским орденом, М. Н. Тихомиров обращает внимание на высокий уровень развития русского военного искусства. Он характеризует Александра Невского как талантливого полководца, который умел тщательно планировать военные действия, обеспечивать их во всех отношениях, искусно руководить своим войском. Его стратегия отличалась реализмом и была направлена на активную оборону родной земли от нашествия чужеземных захватчиков. Правильный выбор направления главного удара имел решающее значение для достижения победы над рыцарями в исторической битве на льду Чудского озера 5 апреля 1242 г. Важную роль сыграло и боевое построение, соответствовавшее замыслу полководца. Монолитному войску рыцарей, как справедливо подметил Михаил Николаевич, русские противопоставили боевой порядок с сильными флангами, которые раздавили их знаменитую «свинью». Он же высказал интересные мысли относительно места Ледового побоища ⁴.

Немало усилий затратил М. Н. Тихомиров на изучение борьбы народов нашей страны против другого опасного врага — татаро-монгольских завоевателей. Этой теме им посвящен ряд оригинальных работ ⁵. В них убедительно раскрыты те поистине колоссальные бедствия, которые принесли с собой захватчики на Русь. Автор прослеживает основные этапы борьбы с ненавистным игом, которое, по словам К. Маркса, «не только подавляло, но унижало и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой» ⁶.

Передовой характер русского военного искусства особенно наглядно показан М. Н. Тихомировым на примере Куликовской битвы. Подвергнув критическому анализу источники, он уточнил силы противоборствующих сторон и маршруты движения русских полков к месту битвы. Отмечена правильность стратегического решения Дмитрия Ивановича, который быстрым движением своих сил навстречу главному противнику помешал соединиться татарскому войску с союзным войском литовского князя. Русский полководец умело выбрал место сражения, правильно построил боевой порядок. Большое значение имело наличие в нем общего и частных резервов, что во многом способствовало разгрому противника. Татарская орда понесла небывалое поражение. Был разрушен, как указывал М. Н. Тихомиров, миф о непобедимости татаро-монгольских завоевателей.

Интересным опытом военно-исторического исследования служит специальная работа Михаила Николаевича по истории военно-морского искусства ⁷. В ней были поставлены и решены некоторые проблемы раз-

⁴ Тихомиров М. Н. О месте Ледового побоища. — «Известия АН СССР». Серия история и философия, 1950, т. 7, № 1, с. 88—91.

⁵ Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. М., 1944; *он же*. Предвестник Куликовской битвы (Побоище на Воже в 1378 г.). — «Советский воин», 1953, № 14, с. 22; *он же*. Куликовская битва. — «Советский воин», 1955, № 17, с. 16; *он же*. Куликовская битва. — «Вопросы истории», 1955, № 8, с. 11—25.

⁶ Карл Маркс. Биография, изд. 2. М., 1973, с. 333.

⁷ Тихомиров М. Н. Борьба русского народа за выходы к морю в XIII—XVII вв. — В кн.: Русское военно-морское искусство. М., 1951, с. 25—40.

вития русского мореходства в допетровский период. Автор отмечает, что Русь даже в период татаро-монгольского ига была способна отстаивать от посягательств шведов и немцев свои побережья Балтийского, Белого и Баренцова морей, искать новые морские пути. С образованием и укреплением Русского централизованного государства возобновилась борьба и на южных окраинах страны за выходы к Черному, Азовскому и Каспийскому морям, которые были отрезаны враждебными татарскими ханствами. М. Н. Тихомиров вскрыл историческую необходимость для русского народа приобретения выходов к морям, отметил преемственность традиций мореходства и судостроения на Руси, которые продолжил Петр I.

С именем М. Н. Тихомирова связано развитие таких специальных отраслей военно-исторической науки, как военное источниковедение, военная историография и военная картография. Он не только оказал большую помощь военным историкам своими советами и пожеланиями, но и лично внес немалый вклад в это дело. Михаил Николаевич находился в числе редакторов «Хрестоматии по русской военной истории»⁸ и подготовил для нее перевод на современный язык ряда военно-исторических источников. Он редактировал первую советскую монографию по источниковедению военной истории России⁹ и первый атлас карт и схем по русской военной истории¹⁰. Большое значение для военно-исторической науки имеет его учебное пособие по общему источниковедению истории СССР¹¹. В нем содержится глубокий анализ и оценка важнейших источников как гражданской, так и военной истории России до XVII в. К ним относятся такие выдающиеся памятники, как «Повесть временных лет», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о погибели Русской земли», «Житие Александра Невского», «Устав воинский» Петра I и многие другие.

Труды М. Н. Тихомирова по военной истории основаны на всестороннем знании источников и отличаются глубиной исследуемых вопросов. Это определяет их большую научную ценность. Они по праву завоевали себе широкую известность в Советском Союзе и за рубежом.

М. Н. Тихомиров был страстным пропагандистом военно-исторических знаний. Так, в 1947 г. он прочитал на военно-историческом факультете Военной академии им. М. В. Фрунзе лекцию о военном искусстве Александра Невского. В 1962 г. в Колонном зале Дома союзов им была прочитана лекция, посвященная Бородинской битве 1812 г. Михаил Николаевич выступал с лекциями и докладами перед самой различной аудиторией, вел обширную переписку с трудящимися. Он призывал своих слушателей и читателей, особенно молодое поколение, знать и любить героическое прошлое нашей Родины, ибо это очень важно для воспитания высокообразованного человека — строителя коммунистического общества.

Академик М. Н. Тихомиров проявлял большую заботу о дальнейшем развитии советской исторической, в том числе военно-исторической, науки. Его интересовало не только далекое прошлое, но и современность. «Нечего и говорить о том, — писал он, — какое громадное значение имеют труды по современной истории. Не надо забывать, что этими трудами будут пользоваться в первую очередь будущие историки, когда они станут писать о нашем времени»¹². Этот призыв ученого сохраняет свою актуальность и по сей день.

Труды и практическая деятельность Михаила Николаевича Тихомирова в области истории войн и военного искусства — неотъемлемая часть его научного наследия. Они сыграли большую роль в становлении и поступательном развитии советской военно-исторической науки.

⁸ Хрестоматия по русской военной истории. Сост. Л. Г. Бескровный. М., 1947.

⁹ Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

¹⁰ Атлас карт и схем по русской военной истории. Сост. Л. Г. Бескровный. М., 1947.

¹¹ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, изд. 2. М., 1962.

¹² Тихомиров М. Н. Летопись нашей эпохи. — «Известия», 1962 г., 30 октября.

Ш. Ф. Мухамедьяров

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ТРУДАХ М. Н. ТИХОМИРОВА

Перу М. Н. Тихомирова принадлежит около 300 работ. Круг его интересов очень велик. Уделив основное внимание истории русского народа, он посвятил ряд работ изучению исторического прошлого народов СССР, сознательно избирая предметом изучения переломные моменты в их исторических судьбах. Особое место занимают его исследования по истории народов Поволжья. Как известно, начало научно-педагогической и общественной деятельности М. Н. Тихомирова падает на 1919—1923 гг. и разворачивается в Среднем Поволжье. В эти годы им были спасены архивы семьи Аксаковых и Иргизских монастырей в Самарской губернии, он стал первым хранителем так называемой Аксаковской комнаты в Самаре, началась его неутомимая деятельность по разысканию, описанию и изданию рукописного наследия прошлого¹.

Сравнительное изучение относящихся к этому времени работ исследовательского характера М. Н. Тихомирова и того, что было написано им в последующие годы показывает, что его ранние работы как бы превосходят тематику позднейших. Уже в первых своих работах, посвященных истории Среднего Поволжья и написанных им в бытность преподавателем Самарского государственного университета², он проявил себя как один из зачинателей советской исторической географии, выдающимся достижением которой заслуженно стало одно из последних фундаментальных исследований М. Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии», опубликованное в 1962 г. Значимость этого издания общепризнана среди всех историков Поволжья. Благодаря исключительному знанию источниковой базы М. Н. Тихомирову удалось в этой работе рассмотреть ряд основных вопросов исторического развития Поволжья в XVI в. и показать роль и место Поволжского региона в составе Российского государства, когда присоединение Казанского и Астраханского ханств закрепило за Россией все течение Волги до ее впадения в Каспийское море.

В отличие от многих своих предшественников М. Н. Тихомиров уделял большое внимание изучению исторических связей народов Поволжья с русским народом. Эти вопросы он решал широко и свободно, значительно обогащая наши представления по одной из труднейших проблем отечественной истории, касающейся взаимоотношений русского народа с народами Востока. Наибольший вклад внес М. Н. Тихомиров в разработку средне-

¹ Архив Аксаковых в настоящее время хранится в Пушкинском Доме, а рукописные и старопечатные книги из Иргизских монастырей были переданы в музей Пугачева, Самары и Саратова. В личном фонде М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР сохранилось составленное им «Описание архива семьи Аксаковых (Самарского губернского архивного бюро и Самарского губернского музея)» на 330 л. (Архив АН СССР, ф. 693, оп. 1, д. 68).

² Тихомиров М. Н. Из истории колонизации Самарского края. — «Известия Самарского гос. ун-та», 1923, вып. 5, отд. 2, с. 1—12; *он же*. Самара в половине XVII века. — В кн.: Материалы по изучению Самарского края, вып. 5. Самара, 1928, с. 11—13.

вековой истории татар и чувашей. По мнению М. Н. Тихомирова, для отечественной историографии в целом «история волжских татар и болгар имеет колоссальное значение. Без ее изучения мы никогда не поймем связь России с Востоком.

Это история блестящего, яркого, талантливового, энергичного, смелого народа — татарского народа привлекает нас своим большим значением в истории, я бы сказал, общей, международной.

Понять историю татарского народа в ее международном окружении — благодарная задача, которую следует по крайней мере поставить»³.

Общая характеристика этих связей, описание и анализ ряда фактов из истории этих связей встречаются во многих работах М. Н. Тихомирова⁴. В монографиях, посвященных средневековой Москве, специальные разделы отводятся истории Волжского пути и описанию торговых связей с татарскими ханствами и странами Востока. Он справедливо указывал, что именно «Волжский путь связывал Москву с отдаленными странами Востока, которые вовсе не были столь недоступными для русских купцов, как это порой представляется в некоторых наших исторических работах»⁵. В лекциях, прочитанных М. Н. Тихомировым в Сорбонне (Франция) в 1957 г., эти вопросы были рассмотрены на широком фоне международных взаимоотношений России XIV—XV вв.⁶

С сожалением приходится отметить, что написанная М. Н. Тихомировым еще в предвоенные годы по просьбе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории специальная работа по истории русско-казанских отношений XV—первой половины XVI в. погибла летом 1941 г. во время бомбежки Москвы в начале Великой Отечественной войны, когда было повреждено здание Института истории АН СССР (ул. Волхонка, д. 14).

В послевоенные годы пристальное внимание М. Н. Тихомирова привлекают наиболее животрепещущие вопросы происхождения народов Поволжья, которые с особой остротой встали перед историками автономных республик Поволжья в связи с подготовкой обобщающих трудов по истории своих народов. Он принимает деятельное участие в подготовке и проведении специальных сессий Отделения истории и философии АН СССР, посвященных этногенезу татар Поволжья (1946) и этногенезу чувашского народа (1950). История развития науки показывает, что проблемы этнической истории народов периодически привлекают пристальное внимание широких кругов общества. Поэтому сейчас, когда на новом уровне развития гуманитарных наук поднимается заново весь комплекс вопросов, связанных с происхождением, этнической и историко-культурной эволюцией народов Поволжья, изучение взглядов М. Н. Тихомирова по этим проблемам, которые были затронуты в его выступлениях на этих сессиях, показывает, насколько глубоко и проникновенно он отнесся к этим сюжетам. В книгах, выходящих в Казани и Чебоксарах под грифами Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР и Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР, широко дебатруется вопрос о роли волжских болгар и значении болгарского культурного наследия в формировании татарского и чувашского народов⁷. Критическое рассмотрение развиваемых в совре-

³ Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVI веков. М., 1973, с. 308.

⁴ Тихомиров М. Н. История СССР. Учебник для педагогических училищ. М., 1947. Дмитриев С. С., Тихомиров М. Н. История СССР, т. I. С древнейших времен до 1861 года. М., 1948.

⁵ Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947, с. 99; *он же*. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, с. 32.

⁶ Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966.

⁷ См., например: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии, вып. 1. Казань, 1971; Городище Хулаш и памятники средневекового Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972; и др.

менной литературе теорий о происхождении татар и чувашей убеждает нас в том, что высказывания М. Н. Тихомирова по этим вопросам сохраняют не только чисто историографическое значение, а имеют непреходящее научное значение. М. Н. Тихомиров на сессии по этногенезу татар Поволжья в 1946 г. указывал, что «спор-то о том, кто является потомками булгар — татары или чуваша, происходит потому, что мы не хотим обратить внимание на то, что и татары, и чуваша являются потомками булгар»⁸. Сохраняют свою силу и критические замечания М. Н. Тихомирова по поводу позиции излишнего автохтонизма в освещении истории Татарии и татарского народа: «Мне показалась странной эта непрерывная линия, начиная с ананьинской культуры и до современных татар. Я думаю, — говорил он, — что так вопрос по-серьезному нельзя ставить, потому что тогда из истории выпадает чрезвычайно много важнейших элементов»⁹. Диалектически подошел М. Н. Тихомиров и к вопросу о роли Золотой Орды в истории народов Поволжья, справедливо рассматривая ее как «явление общемирового порядка, если под этим миром понимать Азию и Европу. Каким же образом из истории народов, которые входили в Золотую Орду, выкидывать целый большой этап?»¹⁰ Не менее интересные соображения были высказаны М. Н. Тихомировым на заседании ученого совета Института истории АН СССР 23 мая 1949 г., когда он выступал в качестве официального оппонента по диссертации казанского историка Х. Г. Гимади «Из истории народов Булгарии под игом Золотой Орды». Это выступление М. Н. Тихомирова по сохранившейся стенограмме опубликовано в очередном сборнике его трудов «Российское государство XV—XVII веков»¹¹. По утверждению М. Н. Тихомирова, «большая заслуга тов. Гимади заключается в том, что поставил по-новому и реально показал, что страна волжских булгар, по существу говоря, была разорена и пострадала от монголов так же, как многие другие области. Судьба в данном случае Булгарии напоминала на первых порах монгольского завоевания судьбы русских княжеств»¹².

Последующее развертывание исследований по этому периоду истории народов Поволжья дало возможность пролить свет на различные стороны их жизни и взаимоотношений с рядом государств Востока и Запада. Имеются в виду прежде всего результаты работ объединенной Поволжской экспедиции Института археологии АН СССР, основанной профессором А. П. Смирновым и возглавляемой сейчас Г. А. Федоровым-Давыдовым¹³. Значительную ценность представляют данные, уточняющие дату знаменитых памятников архитектуры волжских булгар (вопрос, который долгое время оставался спорным). Огромный материал получен при раскопках Нового Сарая — столицы Золотой Орды. Новые данные позволили всесторонне изучить не только богатую культуру Золотой Орды, созданную трудом покоренных народов, но и социальные отношения в ней¹⁴. В финансировании и организации этих работ наряду с Институтом археологии АН СССР принимали участие Московский, Казанский и Мордов-

⁸ Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР 25—26 апреля 1946 г. в Москве (по стенограмме). Казань, 1948, с. 120. Выступление М. Н. Тихомирова на этой сессии опубликовано также в сборнике его трудов «Российское государство XV—XVII веков», с. 305—308.

⁹ Тихомиров М. Н. Выступление по вопросу этногенеза казанских татар. — В кн.: Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков, с. 306.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 395—397.

¹² Там же, с. 395.

¹³ Уже опубликовано три выпуска «Трудов Поволжской археологической экспедиции» под названием «Поволжье в средние века» (М., 1970), «Города Поволжья в средние века» (М., 1974), «Средневековые памятники Поволжья» (М., 1976).

¹⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; он же. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

ский государственные университеты, Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, Чувашский и Мордовский научно-исследовательские институты, Волгоградское и Астраханское областные управления культуры, Министерство культуры Татарской АССР и др.

20 января 1949 г. на заседании сектора истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР М. Н. Тихомиров прочитал доклад под названием «К вопросу о происхождении казанских татар». В Отделе рукописных фондов Института истории СССР АН СССР хранится протокол этого заседания, где указано, что «М. Н. Тихомиров особое место в докладе отводит вопросу о значении термина «бесермены»¹⁵. Исключительная осторожность, с которой подходил М. Н. Тихомиров к своим выводам и наблюдениям, проявилась в том, что статья, в основу которой был положен этот доклад, была опубликована им в переработанном виде спустя 15 лет под названием «Бесермены в русских летописях» в сборнике статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка¹⁶. Проблема бесермен является традиционной в историографии Поволжья. М. Н. Тихомирову удалось найти новые аспекты для ее освещения, которые вошли в позднейшую литературу вопроса¹⁷. В частности, он убедительно доказал, что в русских исторических документах термины «бусурмане» и «бесермены» имеют разное значение: «бусурмане» употребляется для обозначения принадлежности к мусульманам, а термин «бесермены» для обозначения определенной народности¹⁸. Бесермен М. Н. Тихомиров тесно связывает с волжскими булгарами и считает термин «бесермены» не соотносимым для XIII—XV вв. с этнонимом «татары», как тогда вообще называлось население Золотой Орды¹⁹.

М. Н. Тихомиров принимал активное участие в работе Комиссии содействия написанию «Истории Татарской АССР», созданной при Институте истории АН СССР, и участвовал в обсуждении макета первого тома «Истории Татарской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции)», на совместном заседании секторов истории СССР до XIX в. и истории СССР XIX—начала XX в., которое состоялось 28 апреля 1950 г.²⁰

В хранящемся в Отделе рукописных фондов Института истории СССР годовом отчете сектора истории СССР до XIX в. за 1950 г.²¹ и в планкарте М. Н. Тихомирова, собственноручно им заполненной, упоминается также о написании им по просьбе Государственного музея Татарской АССР рецензии на работу старшего научного сотрудника музея О. С. Хованской «Взятие Казани в 1552 г.»²²

На сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвященной этногенезу чувашского народа, М. Н. Тихомиров в январе 1950 г. выступил с докладом «Присоединение Чувашии к Русскому государству», который был опубликован в журнале «Советская этнография»²³, а затем был переиздан в «Материалах по истории Чувашской АССР»²⁴. Основные по-

¹⁵ Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, р. II, оп. 1, д. 4, ед. хр. 11—15, л. 37.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Бесермены в русских летописях. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. — М.—Л., 1964, с. 50—57.

¹⁷ Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М., 1970, с. 6, 17.

¹⁸ В настоящее время бесерменское население определяется Т. И. Тепляшиной в 10 тыс. человек. Бесерменская народность расселена на северо-западе Удмуртской АССР на небольшой территории среди удмуртских, татарских и русских поселений.

¹⁹ Мухамедьяров Ш. Ф. Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности. М., 1968 (VIII Международный конгресс этнографических и антропологических наук. Токио, сентябрь 1968).

²⁰ История Татарской АССР, т. I. Казань, 1955, с. 10.

²¹ Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР, р. IV, оп. 1, д. 11, ед. хр. 12, л. 18.

²² Там же, р. III, оп. 5, д. 11, ед. хр. 11, л. 24—24 об.

²³ «Советская этнография», 1950, № 3, с. 93—106.

²⁴ Материалы по истории Чувашской АССР, вып. 1. Чебоксары, 1958, с. 104—128.

ложения доклада М. Н. Тихомирова были широко использованы при написании первого тома «Истории Чувашской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции)», в предисловии к которому он указан в качестве одного из авторов²⁵.

К вопросам, затронутым в докладе и статье «Присоединение Чувашии России», М. Н. Тихомиров вернулся в монографии «Россия в XVI столетии», специальные разделы которой посвящены исторической географии Среднего Поволжья, в том числе и районам расселения чувашей и татар²⁶.

Несомненный вклад М. Н. Тихомирова в источниковедение истории народов Поволжья. Изученные под наблюдением и при участии М. Н. Тихомирова многочисленные источники летописного характера значительно расширили источниковую базу изучения средневекового Поволжья²⁷. Так, опубликованный им казанский ярлык 1547 г., который был отобран у казанских послов, ехавших в Крым, и доставлен в Москву, благодаря чему случайно сохранился в одном из сборников XVII в. в собрании Забелина в Государственном историческом музее, представляет значительный интерес для изучения международного положения Казанского ханства²⁸.

Любопытно отметить, что важная задача по организации систематических поисков и сбора древних рукописей не только на русском языке, но и на других языках народов СССР, которая позднее получила отражение в деятельности созданной по инициативе М. Н. Тихомирова Археографической комиссии и ее отделений на местах, была поставлена в его речи на диспуте по диссертации Х. Г. Гимади в 1949 г. М. Н. Тихомиров обратился с призывом разобраться в источниках, которые использовал выдающийся татарский историк XIX в. Шигабутдин Марджани (1818—1889) в своем двухтомном сочинении «Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара»²⁹: «Марджани писал не так давно, не было ни губительных пожаров, ничего, что могло бы уничтожить эти источники. Может быть, погибли отдельные рукописи, да и то многие из рукописей находятся. Если взять Карамзина, то представление о том, что Карамзин пользовался неизданными источниками, основано на лени историков. Старые каталоги, которыми пользовался Карамзин, где рукописи Синодальной библиотеки получили новые номера, все с пометками Карамзина (за исключением некоторых рукописей) стоят на полках. Я уверен, что то же самое будет и с Марджани»³⁰.

Переиздавая в 1962 г. свой курс источниковедения истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., М. Н. Тихомиров поставил перед современным поколением ученых-историков благородную задачу: «Нет никакого сомнения в том, что наряду с общим курсом источниковедения истории СССР в университетах союзных и автономных республик должны читаться специальные курсы по источниковедению народов на родном языке».

По совету М. Н. Тихомирова и при его ближайшей помощи в мою бытность заведующим кафедрой истории СССР Казанского государственного университета была организована в 1963 г. действующая уже на протяжении более 10 лет Археографическая экспедиция Казанского университета,

²⁵ История Чувашской АССР, т. I. Чебоксары, 1966, с. 7.

²⁶ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962, гл. XXV «Горная сторона и земли чувашей» (с. 467—484) и гл. XXVI «Казанское царство и Луговая сторона» (с. 485—507).

²⁷ См., например: Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI века. — В кн: Московский край в его прошлом, ч. 2. М., 1930, с. 105—114; «Полное собрание русских летописей», т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.—Л., 1949; т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.—Л., 1959 и др.

²⁸ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 489—490.

²⁹ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. т. I. Казань, 1885; т. II. Казань, 1900 (на татарском языке арабским шрифтом).

³⁰ Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков, с. 397.

занимающаяся поисками и собиранием рукописей на татарском и других восточных языках среди татарского населения Поволжья и Приуралья ³¹.

Благодаря советам М. Н. Тихомирова удалось привлечь внимание и к ряду малоизученных памятников русского Поволжья. Одним из таких источников является писцовая книга Казанского уезда письма и меры Ивана Болтина 7111 (1602/03 г.) г., хранящаяся в Центральном государственном архиве древних актов ³². Выписки из нее были широко использованы М. Н. Тихомировым в его работе «Россия в XVI столетии» ³³. В настоящее время эта книга, подготовленная к печати ныне покойным Р. Н. Степановым, намечена к опубликованию издательством Казанского университета.

Михаил Николаевич Тихомиров помог мне сделать первые шаги в исторической науке и, не навязывая своего мнения и выводов, фактически подсказал и определил направление моих исследовательских интересов на долгие годы — изучение в сущности одной из самых трудных тем по истории Казанского ханства, а именно вопроса о его внутреннем строе ³⁴. М. Н. Тихомиров считал особенно важным рассмотрение вопросов истории хозяйства Казанского ханства, феодального землевладения и положения крестьянства, «потому что как раз названные вопросы привлекали к себе очень мало внимания историков Казанского ханства, предпочитавших останавливаться на более заметных и поддающихся исследованию вопросах внешней политики ханства» ³⁵.

Удивительная широта и многообразие научных интересов М. Н. Тихомирова, конкретные его положения и выводы по истории народов Поволжья, пути и методы исследования несомненно и впредь будут оказывать большое позитивное влияние на разработку самых разнообразных проблем богатого исторического прошлого этого крупнейшего многонационального региона нашей страны.

³¹ Усманов М. А. Об археографических экспедициях Казанского университета. — В кн.: Тихомировские чтения 1970 года. М., 1970, с. 118—128; *он же*. Методика организации сбора восточных рукописей среди населения Поволжья и Приуралья. — В кн.: Южноуральский археографический сборник, вып. I. Уфа, 1973, с. 170—175 и др.

³² Мухамедьяров Ш. Ф. Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. «Известия Казанского филиала АН СССР». Серия гуманитарных наук, 1957, № 2, с. 191—196.

³³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии, с. 494.

³⁴ Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI в.). Автореферат канд. дисс. М., 1950.

³⁵ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 1, ед. хр. 410, л. 1.

Тихомировские чтения 1976 года

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

17 июня 1976 г. в Археографической комиссии состоялись очередные Тихомировские чтения. В этом году они были посвящены вопросам сокращенной передачи текста массовых источников. В своем вступительном слове председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт* отметил возросшую роль массовых источников в современных исторических исследованиях и указал на необходимость их широкой публикации. В связи с этим особое значение приобретает стоящая на стыке археографии и источниковедения проблема сокращенной передачи текста источников этой категории, позволяющая с наименьшими затратами довести до сведения читателя максимальный объем информации.

А. И. Копанев (ЛОИИ АН СССР), выступивший с докладом «О сокращенных изданиях массовых источников XVII века», отметил, что сокращенные издания являются единственным способом для введения в научный оборот огромного по объему фонда писцовых и переписных книг XVII в. Он рассказал о практике сокращенных изданий таких источников в виде извлечений из полного текста документа определенных его частей (например, итоговых записей писцов по уездам, волостям и пр.), в виде регест и таблиц. Докладчик подчеркнул, что осуществлению сокращенных изданий писцовых и переписных книг XVII в. должно предшествовать их тщательное источниковедческое изучение.

Б. Г. Литвак (Институт истории СССР АН СССР) в докладе «Проблемы формализации содержания массовой документации и регесты» высказал ряд интересных наблюдений о развитии делопроизводства в России после создания министерств в начале XIX в., проследив эволюцию документов в сторону наибольшей стандартизации. Поэтому, как отметил докладчик, формализация материала массового источника исследователем вполне оправдана, являясь как бы логическим завершением того процесса преобразования массовой документации, который в свое время не был закончен. Особое внимание *Б. Г. Литвак* обратил на регесты, являющиеся в современных условиях важнейшим средством для формализации материала и его последующей математической обработки.

А. И. Вдовин и *А. К. Соколов* (МГУ), сделавшие доклад «Некоторые вопросы изучения и публикации массовых источников по истории рабочего класса СССР», рассказали о деятельности исследовательской группы, существующей на историческом факультете МГУ и руководимой профессором *В. З. Дробижев*ым. Главная задача этой группы — введение в научный оборот комплексов источников массового характера для изучения изменений социальной структуры рабочего класса и советской интеллигенции. Докладчики познакомили аудиторию с методикой обработки первичных материалов профессиональной переписи 1918 г., которая легла в основу многих дальнейших исследований. К числу последних работ группы в данном направлении относится обработка личных карточек, заполняемых рабочими на предприятиях.

Открывая прения *Е. Н. Кушева* (Институт истории СССР АН СССР) рассмотрела опыт подготовки сокращенного издания кабальных книг, проделанный *В. И. Шунковым* в 1930-х годах. Отметив научную ценность этого труда, полностью подготовленного к печати, *Е. Н. Кушева* внесла предложение опубликовать его.

Ю. Г. Алексеев (ЛОИИ АН СССР) отметил, что основными принципами, положенными в основу всех сокращенных изданий массовых источников, должны быть универсальность, т. е. наибольшая широта охвата содержания материалов, и индивидуальный подход к каждому типу документов. Поэтому такое издание должно явиться результатом глубокой исследовательской работы над данным типом источника. *Ю. Г. Алексеев* сообщил также о тех сокращенных изданиях документов феодального периода, которые ведутся в настоящее время в ЛОИИ.

В. Б. Павлов-Сильванский (Археографическая комиссия) высказал мнение, что предложенные в докладе *А. И. Копанева* варианты «сокращенных изданий» писцовых и переписных книг не соответствуют задачам изучения этих источников на современном этапе развития исторической науки. Как изучение, так и использование писцовых и переписных книг, источника чрезвычайно сложного и многопланового, могут быть плодотворными только при наличии в распоряжении исследователей их текстов целиком. Для уменьшения объема предполагаемых изданий означенных книг следует подумать о выработке системы сокращений лишь постоянно повторяющихся элементов формул описания. Предлагаемое же *А. И. Копаневым* представляет собой публикацию не самих писцовых и переписных книг, а *материалов из них* и может иметь место либо в качестве таковых, либо как приложение к соответствующим научным исследованиям.

Эту точку зрения поддержал *А. Л. Станиславский* (Архив АН СССР), считающий, что главной задачей, которая должна предшествовать широким работам по изданию писцовых книг, является создание каталога, содержащего их научное описание.

О необходимости бережного отношения к тексту источника говорил *В. А. Кучкин* (Институт истории СССР АН СССР). Он подчеркнул важность воспроизведения личных имен при издании писцовых книг, что позволит решать вопросы демографии, национального состава, антропоники.

К. К. Миронова (ГАУ) осветила практику сокращенного издания массовых документов, осуществляемую архивными учреждениями. Одним из важных условий успешной работы в этом направлении является повышение квалификации кадров археографов. Для этого намечено проведение целого ряда мероприятий, в том числе кустовых конференций с участием научных учреждений.

Т. В. Батаева (Университет Дружбы народов им. П. Лумумбы) остановилась на такой форме сокращенной передачи содержания массовых источников, как систематические перечни выявленных в архивах документов по определенной тематике.

Ю. П. Бокарев (Институт истории СССР АН СССР) рассказал об опыте сокращенной передачи текста крестьянских бюджетов 1920-х годов, осуществленном советскими статистиками, обратив особое внимание на методику обработки ими материала.

В. Ф. Иванов (Институт языка, истории и литературы Якутского филиала АН СССР) в своем выступлении говорил о важности ввода в научный оборот источников по истории феодальной Якутии, в частности, большого количества таможенных книг, что может быть осуществлено при помощи сокращенной передачи их текста.

Закрывая заседание, *С. О. Шмидт* подчеркнул, что успешное решение всех поднятых проблем может быть достигнуто лишь при условии объединения сил работников академических учреждений, вузов и архивов.

Все материалы «Тихомировских чтений» 1976 г. будут опубликованы в «Археографическом ежегоднике за 1977 год».

М. П. Мироненко

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

К. И. Иванова

ОБ УТОЧНЕНИИ ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ XIV—XV ВВ.

Для освоения специалистами славяно-русского рукописного наследия большое значение имеет развитие палеографии и других вспомогательных историко-филологических дисциплин. Каждая из этих дисциплин в отдельности достигла в настоящее время значительных успехов. Так, можно говорить о накоплении новых фактов и наблюдений в области изучения почерков и выявления новых датирующих примет рукописей. Наиболее значительные результаты в последнее время приходится на долю филиграноведения, свидетельством чего являются публикации альбомов водяных знаков бумаги и новых работ по их исследованию как в Советском Союзе, так и за его пределами. Датировка рукописей по водяным знакам бумаги в настоящее время позволяет делать выводы с точностью до 10—15 лет. Заметим, однако, что наиболее точные результаты при определении времени написания рукописи достигаются в тех случаях, когда исследователи обращаются к показателям всех примет в совокупности. Изучение почерка, орнамента, языка рукописи в сочетании с данными филиграней дают возможность не только датировать не датированные до сих пор рукописи, но и в значительной степени уточнять уже имеющиеся сведения о времени их написания. Считаем, что уточнение датировок рукописей, вошедших в научный обиход, в настоящее время совершенно необходимо.

В приводимых ниже примерах уточнения времени написания некоторых рукописей автор, не претендуя на признание этих датировок окончательными, надеется, что его выводы будут иметь некоторое методическое и практическое значение при работе над научным описанием рукописей. Основанием для более точного, на наш взгляд, определения времени написания рукописей служат время изготовления бумаги (кроме № 1) и графико-орфографические особенности письма¹.

1. Минея праздничная «трефологий» (ГПБ, Ф. п. 1.72), 247 листов пергамена, устав. Рукопись болгарская начала XIV в. Е. Э. Гранстрем датирует XV в.², В. Мошин — серединой XIV в.³

Письмо прямое с небольшим количеством лигатур. Вязь простая, геометрическая. Надстрочных знаков немного: титла, точка и две черточки над некоторыми буквами. Начертания отдельных букв близки к почерку рукописи Номоканона 1305 г. и других южнославянских рукописей конца XIII—начала XIV в.

¹ Автор пользуется случаем выразить благодарность О. А. Князевской, оказавшей ей большую помощь в работе над статьей.

² Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, с. 86.

³ Мошин В. Палеографски албум на ужнославянското кирилско писмо. Скопје, 1966, с. 104, рис. 102.

Правописание юсовое (на месте носовых гласных употребляется только один знак — ѡ). Встречаются случаи взаимной мены букв Ъ и А. Из двух букв Ъ и Ь чаще употребляется Ь. На месте этимологического Ъ часто пишется Е, а буква О на месте Ъ встречается только в суффиксе -ОК на месте этимологического ЪК.

Можно предполагать, что рукопись была написана в Средецкой (Софийской) диалектной области.

2. Слова Иоанна Златоуста (Центральная научная библиотека Академии наук УССР (ЦНБ АН УССР), № 140⁴, Собрание ЦАМ при КДА⁵). Содержат: Слово о посте и о милостыни и (без начала) Слово о Марии Магдалине. 2 листа бумаги. Полуустав. Рукопись сербская XIV в. Н. Петров датирует XV в.⁶

Почерк — типичный южнославянский полуустав XIV в. Бумага плотная, темная, с очень широкими вержерами; водяные знаки отсутствуют. Буквы носовых гласных не употребляются (правописание безъюсовое).

3. Житие Иоанна Златоуста (ГПБ, Погод. 770). 38 листов бумаги. Рукопись болгарская середины XIV в.

Водяные знаки: 1) Briquet⁷ № 251, Opusculum-Monumenta, IV № 1955, 1331 г. 2) там же № 169, 1333 г.; Лихачев⁸ № 342, 1340 г. 3) Briquet № 3936, 1346 г.

Греческий текст (Migne 114, col. 1045—12101) принадлежит Симеону Метафрасту. Возможно, данный текст представляет собой первый перевод с греческого языка.

Употребляются две буквы носовых гласных; в их употреблении и взаимной замене система не обнаруживается (после гласных чаще употребляется ѡ, после буквы Л, Ч — обычно ѡ, после Ж — ѡ). В окончаниях полных форм прилагательных и причастий в вин., твор. пад. ед. ч., ж. р. чаще пишется ѡѡ, но встречается и ѡѡ (Тырновская школа). Эпентетическое Л употребляется непоследовательно. В окончании аориста (3 л. мн. ч.) чаще пишется Шѡ, реже — Шѡ; в 3 л. мн. ч. имперфекта — ААШѡ. Употребляются обе буквы редуцированных гласных Ъ и Ь, но чаще употребляется Ь.

4. Слова постнические Исаака Сирина (ГПБ, Погод. 1029), в 4°, 129 листов бумаги. Рукопись неполная (утрачены начало и конец), сербская, второй половины XIV в.; В. М. Загребин датирует ее началом XV в.⁹ Бумага плотная, грубая с широкими вержерами; вертикальных линий не видно. Водяной знак — типа МТ¹⁰ № 812, 1340 г. Редакция слов — древнейшая. Буквы носовых гласных не употребляются (правописание безъюсовое). Употребляется только буква Ь, встречается знак паерка. Буквы йотированных гласных употребляются непоследовательно, встречается мена букв Ы и И. Удваивается окончание родительного падежа множественного числа. Иногда удваивается гласная А.

Возможно, что некоторые редкие болгарские особенности принадлежали языку перевода.

5. Слова постнические Исаака Сирина с прибавлениями (ЦБАН УССР, № 153, Собрание ЦАМ при КДА), в 4°, 160 листов бумаги. Рукопись не-

⁴ Рукописи № 140, 153, 151, 367 — дар архимандрита Антонина Капустина.

⁵ Здесь и далее — Центральный археологический музей при Киевской духовной академии.

⁶ Петров Н. Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. 1. Киев, 1875, с. 65.

⁷ Здесь и далее — Briquet С. М. Les filigranes. Dictionnaire des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600, vol. 4. Genève, 1907.

⁸ Здесь и далее — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1—3. СПб., 1899.

⁹ Загребин В. М. Сербские рукописи из собрания М. П. Погодина. — «Археографический ежегодник за 1973 год». М., 1974, с. 196.

¹⁰ Здесь и далее — Mošin V. A., Traljić S. M. Filigranes des XIII-e et XIV-e ss. (I—II). Zagreb, 1957.

полная (утрачены начало и некоторые листы в середине), болгарская, конца XIV в. Н. Петров датирует XVI в.¹¹

Бумага темная, плотная с очень широкими вержерами. Водяные знаки: 1) МТ № 2161, 1360—1370 гг., 2) МТ № 350, 1361 г.; № 353, 1360—1370 гг.

Редакция слов древнейшая. Самый ранний известный список болгарского извода начала XIV в. слов Исаака Сирина в этой редакции, содержащий 92 слова, хранится в Отделе рукописей Народной библиотеки в Софии (№ 1023).

6. Маргарит (ГПБ, F, 1.197. Собр. Ф. А. Толстого. Отд. 1, № 59), в 1°, 297 листов бумаги, болгарский полуустав, 70-е годы XIV в.¹² К. Калайдович и П. Строев датируют началом XV в.¹³

Перевод осуществлен Дионисием, учеником Феодосия Тырновского. Употребляются обе буквы носовых гласных, возможна их взаимная замена. Буквы Ъ, Ь употребляются этимологически неоправданно.

7. Евангелие тетр (ГПБ, Погод. 128), в 4°, 169 листов бумаги. Полуустав. Рукопись болгарская последней четверти XIV в. (с сербскими прибавлениями XVII в.¹⁴). Бумага плотная с широкими вержерами. Водяные знаки: 1) МТ № 4681, 1358 г. и № 4696, 1381 г., 2) МТ № 353, 1360—1370 гг. Употребляются обе буквы носовых гласных. После Ш, Ч часто пишется Ѡ, после Ж — обычно ѡ. В окончаниях прилагательных часто употребляются ѡѡ. В окончании аориста 3 л. мн. ч. встречаются Шѡ и Шѡ. Буквы Ъ и Ь употребляются непоследовательно, часто заменяя друг друга.

8. Сборник монашеский включает Сводный, патерик, часть Римского патерика, Ответы Афанасия Александрийского (БАН, Калужняцкий, 12.3.9), в 1°, 314 листов бумаги, рукопись болгарская последней четверти XIV в.

Водяные знаки: 1) типа МТ № 2086, 1392—1394 гг. и МТ № 2092, конец XIV в.—10-е годы XV в. (1398 г.) 2) МТ № 2314, 1385—1387 гг. и Briquet № 3289, 1370 г. 3) МТ № 4551, конец XIV в.—10-е годы XV в. (1385 г.) и № 4552, конец XIV в.—10-е годы XV в. 4) МТ № 2068, 1381 г.

Правописание тырновское с двумя ерами и двумя юсами.

9. Пандекты Никона Черногорца (ГПБ, Погод. 266), в 1°, 231 лист бумаги, полуустав, рукопись болгарская последней четверти XIV в.

Водяные знаки: 1) типа МТ № 4847, 1370—1380 гг.; № 4848, 1370 г.; № 4857, 1380—1395 гг., 2) МТ № 1960, 1368 г., 3) типа МТ № 300, 1384 г. Бумага с широкими вержерами.

Почерк — четкий полуустав, заметна хорошая выучка писцов. Надстрочные знаки и ударения ставятся регулярно.

Правописание тырновское, однако употребление носовых и редуцированных гласных не всегда последовательное. Преобладает Ъ. Встречается замена Ь через Е (непоследовательно). О на месте Ъ только в суффиксе -ОК. Часто встречается мена носовых; в прилагательных обычно употребляются ѡѡ, после Ч, Л пишется ѡ, после Ж иногда пишется ѡ (не ѡ). В окончании аориста — Шѡ. Часто употребляется буква зело — з для обозначения аффрикаты дз; йотация выражена слабо.

10. Минея служебная на март (ГПБ, Погод. 531), в 1°, 120 листов бумаги, полуустав. Рукопись болгарская конца XIV в. Водяной знак типа МТ № 4705, 1375 г.

¹¹ Петров Н. Указ. соч., с. 86.

¹² Датировка обоснована Н. П. Лихачевым (*Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1, с. 196—198).

¹³ Калайдович К. и Строев П. Описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке. . . графа Ф. А. Толстого. М., 1825, с. 29.

¹⁴ О 29 листах в этой рукописи, написанных сербским писцом XVII в., см.: Загребин В. М. Указ. соч., с. 198.

Несколько писцов писали попеременно. Основной почерк (лл. 3 об. — 84 и 97 — 119 об.) — округленный полуустав, с некоторыми скорописными буквами в конце строки.

Правописание болгарское, с двумя ерами и двумя юсами. Буква Ъ пишется в середине слов и в предлогах. Встречается замена Ъ через Е и Ъ через О (только в суффиксах). В начале слов употребляется Ѡ; после Ч, Л, І — Ѡ, часто ѠѠ (встречаются, однако, и отклонения). В окончании аориста преобладает — ШѠ (реже Шѡ). Йотация выражена слабо.

11. Минея служебная на январь и Пролог стипной (ГПБ, Погод. 520), в 1°, 247 листов бумаги, полуустав. Рукопись болгарская конца XIV — начала XV в.

Водяные знаки: 1) Основной знак, подобный МТ № 6355, 1389 г. (бумага с широкими вержерами), 2) подобный МТ № 6325, конец XIV в. — 10-е годы XV в., 3) подобный МТ № 6664—6669, 1390—1398 гг. (бумага с более узкими вержерами), 4) подобный МТ № 1426, 1391 и 1400 г., 5) подобный МТ № 5665, 1400 г.

Почерк — четкий полуустав. Употребляются буквы ѡ, Ѡ; Ѡ широкое — на месте йотированного Е; І употребляется без системы, но чаще перед гласной. На месте звонкой аффрикаты пишутся ѕ и з. Отмечено употребление глаголического ять. Частые лигатуры, надстрочные знаки регулярны.

Правописание тырновское с редкими отклонениями. Буква Ъ пишется в середине слов; буква Ь — на конце. Встречается замена Ъ через Е; замена Ъ через О — только в суффиксах. Буква Ѡ употребляется в начале слов, после Ч и, с незначительными отклонениями, после Ш. Окончание ѠѠ регулярно.

12. Патерик сводный (ГПБ, Погод. 881), в 1°, 229 листов бумаги, полуустав, рукопись русская конца XIV — начала XV в.

Водяной знак: типа МТ № 431, 1390 г., Лихачев № 505, конец XIV в.

Правописание русское, но со 193 л. текст, по-видимому, списан с болгарского оригинала. Юсы пишутся последовательно, следуя правилам тырновского правописания.

13. Панегирик на сентябрь—март и Слова пасхального цикла (ГПБ, Погод. 873), в 1°, 300 листов бумаги, рукопись южнославянская начала XV в.

Водяные знаки: 1) подобный МТ № 431, 1390 г., Лихачев № 500—505, конец XIV в., 2) подобный МТ № 478, 1380—1395 гг., Лихачев № 2331, конец XIV в. (бумага с узкими вержерами), 3) типа МТ № 4775, 1385 г. (бумага с широкими вержерами), 4) подобный Briquet № 12061, 12080, 1398 г. (бумага с узкими вержерами), 5) подобный МТ № 4888, 1380 г. (бумага с очень широкими вержерами), 6) отдаленно подобный МТ № 4658, 1381—1383 гг. (бумага с более узкими вержерами), 7) типа МТ № 499, 1380—1395 г., 8) подобный МТ № 3150, 1385 г., 9) типа Briquet № 14632, 1389 г., 10) типа МТ № 3126, 1380—1395 гг. и 1395—1403 гг., и Briquet № 4462, 1402 г.

Встречаются листы бумаги без водяных знаков.

Буквы носовых гласных не употребляются (правописание безъюсовое). В языке отражается мена носовых гласных оригинала. Употребляется только Ъ. Буквы Ы, И, Ъ, Е пишутся этимологически правильно.

Можно предполагать, что рукопись списана с юсового оригинала в Восточной Сербии или в Западной Болгарии (или на Афоне).

14. Евангелие, толковое (Иоанн, Лука, Матфей) (ГПБ, Погод. 175), в 1°, 303 листа бумаги. Рукопись русская конца XIV — начала XV в. и конца XV в.

Водяные знаки: 1) подобный МТ № 5131, 5132, конца XIV в., 2) два вида головы быка, древнего типа, не имеют соответствия в МТ и Briquet, 3) более новые листы бумаги имеют водяной знак типа Briquet № 11811, 1498 г.

15. Поучение Аввы Дорофея, Синаксарь постный включает слова и жития (ГПБ, Погод. 872), в 1°, 352 листа бумаги. Рукопись русская начала XV в.

Водяные знаки: 1) типа Briquet № 350, 1401 г., 2) подобный МТ № 1511, 1392 г. и № 1512, 1392 г., 3) подобный Briquet № 6805, 1405 г.

16. Сборник содержит слова постнические Исаака Сирина с прибавлением слов Григория Синаита, Симеона Нового, 150 глав Макария, 100 слов блаженного Диодоха и др. (ЦНБ АН УССР, № 151, Собрание ЦАМ при КДА), в 1°, 624 листа бумаги. Рукопись южнославянская начала XV в., Н. Петров датирует XVI в.¹⁵

Водяные знаки: 1) а. подобный МТ № 1089, 1395 г., б. грифон второго типа отсутствует в альбомах МТ и Briquet, 2) подобный МТ № 1394, 1395 г., 3) подобный МТ № 2262, 1395—1396 гг. и № 2265, конец XIV в.—10-е годы XV в., 4) голова быка с перекрещенными линиями между рогами; не совпадает ни с МТ, ни с Briquet, слабо напоминает МТ № 1421, конец XIV в.—10-е годы XV в. и № 1442, конец XIV в.—10-е годы XV в., 5) типа МТ № 2944, 1394 г.; подобный МТ № 1396, 1397 г., 6) типа № 4931, 1360—1376 гг. (бумага с очень широкими вержерями), подобный МТ № 5018, 1396—1399 гг. (бумага с более узкими вержерями), 7) подобный МТ № 5018, 1396—1399 гг. (бумага с более узкими вержерями), 8) подобный МТ № 6420, 1397—конец XIV в., 9) МТ № 6321, конец XIV в.—10-е годы XV в., 10) подобный МТ № 3377, 1383 г., Briquet № 5156, 1390 г., 1390—1400 гг., 11) подобный МТ № 3631, 1385—1395 гг., 12) МТ № 1381, 1391—1408 гг., 13) МТ № 1792, 1392—1402 гг., 14) подобный МТ № 1736, 1380—1395 гг. (бумага с широкими вержерями), 15) Briquet № 8361, 1392—1408 гг.

17. Триодь постная (ЦНБ АН УССР, № 367, Собрание ЦАМ при КДА), в 1°, 232 листа бумаги. Рукопись сербская начала XV в.

Н. Петров датирует XVI в.¹⁶

Водяной знак: Briquet № 15803, 15804, 1406—1408 гг. и 1410—1413 гг. Буквы носовых гласных не употребляются (правописание безъюзное).

¹⁵ Петров Н. Указ. соч., с. 75.

¹⁶ Там же, с. 364.

С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский

**СОСТАВ ОСОБОГО ДВОРА ИВАНА IV
В ПЕРИОД «ВЕЛИКОГО КНЯЖЕНИЯ»
СИМЕОНА БЕКБУЛАТОВИЧА ¹**

Многие обстоятельства, сопутствовавшие временному уходу в 1575—1576 гг. Ивана Грозного с царского престола, в последние годы в значительной степени прояснились благодаря трудам А. А. Зимина, С. М. Каштанова, В. И. Корецкого, Р. Г. Скрынникова и С. О. Шмидта. Однако разногласия по вопросам о побудительных мотивах этого ухода и направленности политики «князя Московского» все еще остаются. Высказывались, в частности, мнения, что «удел» Грозного был возрождением опричнины ² и что он носил антиопричный характер ³ и т. д. С целью привлечения дополнительных материалов к изучению земельной и «кадровой» политики Ивана IV в этот период в настоящей работе делается попытка рассмотреть персональный состав особого («удельного») двора Грозного 1575—1576 гг. Аналогичные исследования применительно к опричному двору 1565—1572 гг. проведены С. Б. Веселовским и В. Б. Кобриным ⁴.

В. И. Корецкий обратил внимание на основной источник для реконструкции «удельного» двора — разрядную роспись государева полка, стоявшего «на берегу» в апреле 1576 г. ⁵ Помимо этой росписи, в разрядных книгах пространной редакции имеется прямое указание на вхождение в «двор» весной 1576 г. Андрея Федоровича Нагого ⁶. К делопроизводству «дворового» Разрядного приказа относится и местническое дело 1576 г. В. Г. Зюзина с Ф. Ф. Нагим, которое разбирали в Старице «дворовые» судьи кн. И. П. Шуйский и дьяк А. В. Шерефединов ⁷. «Дворовыми» следует считать также дьяков, подписавших немногие известные грамоты «князя Московского» (У. М. Айгустов, И. Д. Собакин), и лиц, получивших в 1575—1576 гг. ввозные грамоты от его имени на поместья (К. О. и И. О. Безобразовы, Г. М. Елчанинов) ⁸. Служба в «удельном» старицком дворе Ивана IV Б. Ф. Годунова и И. В. Киндырева зафиксирована в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря ⁹.

В «двор» Ивана IV, несомненно, входили писцы отошедшей в 1575/76 г. в «удел» части Шелонской пятины Новгорода (В. М. Безобразов, В. Мш-

¹ Список принятых сокращений см. в конце статьи.

² *Корецкий*. Возрождение опричнины, с. 49; *Скрынников*. Возрождение опричнины, с. 218.

³ *Зимин* А. А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. — В кн.: Из истории Татарии, сб. IV («Ученые записки Казан. гос. пед. ин-та», вып. 80). Казань, 1970, с. 157.

⁴ *Веселовский*. Опричнина, с. 200—237; *Кобрин*. Опричный двор, с. 16—91.

⁵ *Корецкий* В. И. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии». — «Исторический архив», 1959, № 2, с. 151; РК, с. 259—261.

⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 472.

⁷ РИС, т. V, с. 1—36.

⁸ Акты Юшкова, с. 24, 186; *Шмидт*. Документы XVI в., с. 157.

⁹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 115 (Коллекция рукописных книг), № 1028, л. 44. На ценность этого источника для выявления имен «дворовых» 1570—1580-х годов любезно обратил наше внимание Р. Г. Скрынников.

хин, П. Иванов) и дьяки, подписавшие наказ этим писцам, — И. Жихарев и Т. Петров¹⁰. Еще П. А. Садилов предположил, что лиц, оставшихся на поместьях в отошедшей в «удел» части Шелонской пятины, можно рассматривать как «опричников». Он же составил их приблизительный список по погостам¹¹. Мы также считаем допустимым использовать писцовую книгу Шелонской пятины 1575/76 г. как источник по составу «особного» двора Ивана Грозного¹². Однако в прилагаемый ниже список «дворовых» включены имена лишь тех новгородских помещиков, которые, по свидетельству разрядных книг и других источников, были «в чинах» и не служили «с городом», выделяясь из массы провинциальных детей боярских.

Источники позволяют воссоздать особый двор Грозного далеко не полностью: установлена принадлежность к «двору» 1575—1576 гг. лишь 108 человек. Роспись государева полка в калужском походе 1576 г. дает при этом неравномерное представление о различных чинах «двора». Больше всего в ней рынд и поддатней у рынд — молодых людей, которые в чинах стольников и жильцов только начинали службу, и сравнительно мало — московских и выборных дворян — не только многочисленных, но и наиболее значимых чинов «двора», выполнявших основные обязанности военной службы и гражданского управления. Известно, например, что в особый двор был принят еще не верстаный поместным окладом жилец М. У. Микулин (см. ниже список «дворовых»), в то же время аналогичных сведений нет об его отце, Утеше Микулине, с поместья которого сын служил. Тем не менее даже эта неполная реконструкция позволяет сделать некоторые выводы о землевладении «дворовых» Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича.

А. А. Зимин справедливо отметил, что В. Б. Кобрин при изучении территориальных связей опричников не делал различий между данными Дворовой тетради и послеопричных писцовых книг¹³. Поэтому для установления районов испомещения «дворовых» в приводимой таблице учитывались сведения об их поместьях не ранее октября 1575 г., т. е. начиная с «вокняжения» Симеона. Несмотря на то, что писцовые книги конца XVI в. сохранились не по всем уездам, данные таблицы все же достаточно достоверны, так как боярские списки конца XVI—начала XVII в. зафиксировали состав верхушки провинциального дворянства более чем пятидесяти городов. Писцовые книги XVI—XVII вв., акты, десяти и боярские списки содержат указания на поместья свыше 55% «дворовых»¹⁴.

Для сопоставления приводим данные о территориальном размещении «дворовых» только по боярскому списку 1588—1589 гг.: по Вязме — 6 человек, Дмитрову — 1, Козельску — 3, Медыни — 1, Переяславлю — 1, Ржеву — 9, Рязани — 3, Старице — 1, Ярославлю — 1 человек.

Принципы земельной политики Грозного, как уже отмечалось в литературе, изложены в его известной челобитной Симеону от 30 октября 1575 г.: «дворовые» Ивана IV взамен «земских» поместий получали поместья на территории «удела», в то же время вотчины в «земских» уездах они сохраняли¹⁵. В 1575—1576 гг. территорию «удела» Грозного составляли: Старица, Дмитров, Ржев, Зубцов, Псков, Порховский у. Шелон-

¹⁰ *Корецкий*. Материалы, с. 303.

¹¹ *Садилов*. Очерки, с. 178—180. По мнению В. И. Корецкого, немногие незапустевшие поместья, упомянутые в писцовой книге Шелонской пятины 1575/76 г., или относились к дворцовым землям, или принадлежали «помещикам, оставленным в «уделе» (*Корецкий*. Возрождение опричнины, с. 45).

¹² НПК, т. V, стлб. 571—696.

¹³ *Кобрин В. Б.* Социальный состав Опричного двора. Автореферат канд. дисс. М., 1964, с. 10; *Зимин*. Опричнина, с. 157.

¹⁴ В подсчеты не входят и в таблице (см. с. 155) не приводятся данные о дополнительных подмосковных поместьях, так как на поместья под Москвой, по-видимому, имели право все члены и «земского» и особого двора.

¹⁵ Послания Ивана Грозного. Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.—Л., 1951, с. 195—196.

Уезд	Количество «дворовых», имевших в них поместья, по данным писовых книг, актов и боярских списков конца XVI — начала XVII в.	Имена «дворовых»
Вяземский	15	С. Г. Алодуров, Б. Я., Н. Я., И. Б. и П. Б. Бельские, И. В. Воейков, Б. Ф. Годунов, И. В. Головленков, И. И. Осорьин, С. А. Пушечников, И. К. и Ф. К. Фофановы, Деменша И. и Демид И. Черемисиновы, кн. В. И. Шуйский
Дмитровский	1	Г. М. Елчанинов
Зубцовский	2	Б. Я. Бельский, Ф. К. Фофанов
Козельский	8	Б. Я. Бельский, Н. К. и С. К. Канчевы, М. У. Микулин, Федор М. и Фома М. Панины, А. В. Трубецкой, Деменша И. Черемисинов
Лихвинский	2	В. К. и С. К. Канчевы
Медынский	1	И. И. Пушкин-Бобрицев
Можайский	2	И. А. Воейков, И. П. Татищев
Переяславский	2	Г. Н. Безобразов, А. С. Милославский
Порховский	9	Б. Я., Н. Я. и А. В. Бельские, И. В. Воейков, Е. Ш. Воронов, В. Г. Зюзин, кн. Ю. Костров, П. И. и И. С. Нащокины
Попехонский	1	Ф. П. Петелип
Псковский	1	Д. Ф. Перетрутов
Ржевский	16	И. О. и К. О. Безобразовы, Б. Я. Бельский, В. П., Е. И. и И. О. Благие, О. С. и С. М. Вахромеевы, А. В. Головленков, И. А. и Ф. А. Жеребцовы, Ч. И. Култушев, Г. А. Нащокин, Т. С. Осорьин, Т. А. Хлопов, кн. В. И. Шуйский
Ростовский	2	Ф. Е. Елчанинов, М. А. Нащокин-Безнин
Рязанский	3	Р. П. Биркин, Д. Ф. Булгаков, И. В. Дмитриев
Старицкий	4	Б. Я. Бельский, И. М. Козловский, Р. В. Нащокин-Алферьев, кн. В. Ф. Шуйский
Тверской	1	И. Г. Алодуров
Ярославский	1	П. Р. Пивов

ской пятины, Двина и Ростов ¹⁶. В 1577 г., а вероятно и раньше, в особом дворе находились также Переяславль, Каргополь, Вологда, Попехонье, Себеж, Красный, Опочка, Белев, Козельск, Перемышль и Лихвин ¹⁷.

С. М. Каштанов и А. А. Зимин полагают, что в «удел» могли входить также Белоозеро (до марта 1576 г.) и Ярославль ¹⁸. Это предположение по крайней мере относительно Ярославского у. нуждается в дополнительной аргументации. В 1575/76 г. отряды белозерцев, ярославцев и костромичей в судовой рати возглавлял тульский помещик Иван Никитич Мясной ¹⁹, родной брат которого Андрей в январе 1576 г. был дьяком Симеона Бекбулатовича ²⁰. Бывший опричник, а затем «дворовой» Г. Б. Васильчиков, в результате развода Ивана IV с А. Васильчиковой перешедший в «земщину» ²¹, взамен конфискованных поместий в Вязьме и Переяславле

¹⁶ *Корецкий*. Возрождение опричнины, с. 40—41.

¹⁷ *Садиков П. А.* Из истории опричнины XVI в. — «Исторический архив», кн. III. М.—Л., 1940, с. 280—282; *Скрынников*. Возрождение опричнины, с. 240.

¹⁸ *Каштанов С. М.* О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. — «Труды МГИАИ», 1961, т. 16, с. 431; *он же*. Очерки русской дипломатики. М., 1970, с. 154; *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г., с. 157.

¹⁹ РК, с. 263. По-видимому, эту роспись участников судовой рати (к сожалению, она не датирована точно) можно использовать для уточнения территории «двора» и «земщины».

²⁰ ААЭ, т. 1, с. 356.

²¹ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1, столц. 3, л. 123.

получил в 1577 г. новое поместье в Ярославле²². В 1578 г. упоминавшийся выше «земский» дьяк Андрей Мясной подписал указную грамоту в Ярославль²³. Наконец, боярский список 1588—1589 гг. показывает, что верхушка ярославского дворянства была связана не с «двором», а с опричниной: Вяземские, Бирдюкины-Зайцевы, Милюковы служили в 1565—1572 гг. в опричнине и в «земщине» в 1576—1577 гг.²⁴

Еще менее оправдано отнесение к территории «удела» Ивана IV не только Порховского, но и Новгородского у. Шелонской пятины²⁵: находившиеся в Новгородском у. поместья «дворовых» Воейковых и П. Григорьева в марте 1576 г. были отданы в раздачу «земским» детям боярским, высланным из взятого в «удел» Порховского у.²⁶

подавляющее большинство «дворовых» владели поместьями на западе и северо-западе, что, вероятно, следует поставить в связь с подготовкой Грозного к решающей схватке за Ливонию²⁷. Земельную базу «двора» в этот период составили в первую очередь Ржевский, Вяземский, Козельский, Старицкий и Порховский уезды.

По подсчетам О. А. Шватченко, в конце 1580-х годов 47% поместных земель, находившихся в Ржевском у. во владении местного дворянства, составляли бывшие черные и дворцовые земли. Раздачу этих земель исследователь датирует временем не ранее 1575 г.²⁸ Поместья в Ржевском у. получили в основном лица, выдвинувшиеся после опричнины и не входившие в руководящую верхушку «двора», хотя и занимавшие в нем прочное положение: Безобразовы, Благие, Вахромеевы, Жеребцовы и др. Представляется интересным тот факт, что ряд испомещенных в Ржевском у. «дворовых» занимал в последующие царствования высокие должности в дворцовом управлении (С. В., К. О. и И. О. Безобразовы — стряпчих с ключом и постельничих, Е. И. Благой — ясельничего, И. А. Жеребцов — сокольничего).

В целом программа, декларируемая Иваном IV, выполнялась, и, как правило, «дворовые» люди имели поместья на территории «двора», а «земские» — на территории «земщины»²⁹. Наиболее заметное исключение из этого порядка (исходя из сложившихся представлений о территории «удела») — Рязанский и Вяземский уезды. Данных о вхождении этих уездов в «удел» пока нет, однако рязанскими помещиками были «дворовые» Биркины и Дмитриевы, а вяземскими — крупнейшие «дворовые» деятели: Годуновы, Бельские, Шуйские, Черемисиновы, многие из которых (если не все) служили еще в опричнине.

Также в соответствии с челобитной Симеону от 30 сентября 1575 г. «дворовые» сохраняли свои вотчины на территории «земщины». Примером может служить землевладение Хлоповых в Коломенском у.: в писцовой книге 1577/78 г. отмечено несколько вотчин представителей этого рода, но коломенские поместья Хлоповых принадлежали к этому времени другим владельцам. То же относится и к владениям А. В. Шерефедина —

²² *Сухотин. Пожалования*, с. 30—31.

²³ *Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.*, ч. 3. — АЕ за 1966 г. М., 1968, с. 249.

²⁴ Б. сп. 1588—1589 гг., лл. 71—72. Только Пивовы служили как в опричном, так и в особом дворе второй половины 1570-х годов.

²⁵ *Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины.* Л., 1974, с. 122.

²⁶ *Самоковасов*, т. I, с. 72—76.

²⁷ Большую роль в образовании территории «удела» военно-стратегических планов Грозного отметил В. И. Корецкий (*Корецкий. Возрождение опричнины*, с. 42).

²⁸ *Шватченко О. А. К вопросу о состоянии поместной системы в Замосковном и Рязанском краях в конце 80-х—90-е годы XVI в.* — «Вестник Москов. ун-та», 1974, № 2, с. 59.

²⁹ После ликвидации «удела» в 1576 г. положение, возможно, несколько изменилось: в ноябре—декабре 1579 г. Семену Федоровичу Нагому были отделены поместья в Обо-нежской пятине (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 16933, лл. 330—334, 336 об.—339).

в 1577/78 г. он имел в Коломне большие вотчины, но свое поместье там уже потерял³⁰.

В 1575—1576 гг. в боярскую думу «удельного» двора входили двое бояр, окольничий, кравчий и думные дворяне. В росписи калужского похода 1576 г. под заголовком «А за государем ездити дворянам з бояры» названы Б. Я. Бельский, М. А. Безнин, Д. И. Черемисинов, Б. В. Воейков, И. П. Татищев и В. Г. Зюзин³¹. Весьма вероятно, что привилегией «ездить» с боярами в походах обладали именно думные дворяне, тем более что все упомянутые выше лица позднее (а В. Г. Зюзин еще в 1574 г.) встречаются в источниках с этим чином. Таким образом, мы, по-видимому, располагаем данными о численности думных дворян в «уделе» — вместе с А. Ф. Нагим и печатником Р. В. Алферьевым их было восемь человек. Чин думного дворянина существовал только в особом дворе Ивана IV — в «земщине» думных дворян не было.

Постельничим в «дворе» в 1577 г. (и, возможно, в 1575—1576 гг.) был И. А. Хлопов, шатерничим «князя Московского» в 1576 г. — Г. Я. Извеков. В «дворе» насчитывалось не менее 20 стольников, 10 стряпчих и 40 жильцов. Состав боярской думы, дворцовых чинов и дьяков особого двора Ивана Грозного 1575—1577 гг.³² реконструируется следующим образом:

Бояре

Князь Федор Михайлович Трубецкой. Князь Иван Петрович Шуйский

Окольничие

Дмитрий Иванович Годунов. [Степан Васильевич Годунов. Федор Федорович Нагой. Михаил Тимофеевич Петров]

Кравчий

Борис Федорович Годунов

Печатник и думный дворянин

Роман Васильевич Алферьев

Дворяне в думе

Богдан Яковлевич Бельский. Афанасий Федорович Нагой. Михаил Андреевич Безнин. Деменша Иванович Черемисинов. Баим Васильевич Воейков. Игнатий Петрович Татищев. Василий Григорьевич Зюзин

Постельничий

[Илья Александрович Хлопов]

Шатерничие

Гневаш Яковлевич Извеков. [Тимофей Иванович Кокорев]

Стольники

Верига Третьяков Бельский. Григорий и Давыд Неждановы Бельские. Иван Богданович Бельский. Невежа Яковлевич Бельский. Иван Юрьевич Булгаков. Дмитрий Федорович Булгаков. Иван Васильевич Воейков. Иван Васильевич Дмитриев. Князь Андрей Васильевич Трубецкой. Князь Тимофей Романович Трубецкой. Федор Константинович Фофанов. Князь Андрей Иванович Шуйский. Князь Василий Иванович Шуйский. [Андрей Никитич Годунов. Константин Михайлович Годунов. Яков Михайлович Годунов. Никита и Петр Васильевичи Годуновы. Иван Васильевич Измайлов. Дмитрий Михайлович Петров. Михаил Иванович Петров.

³⁰ ПКМГ I, с. 432—433, 437—439 и др.

³¹ РК, с. 259—260.

³² В квадратных скобках помещены имена лиц, известных как «дворовые» в 1577 г.

Князь Александр Иванович Шуйский. Князь Дмитрий Иванович Шуйский]

Стряпчие

Постник Богданович Бельский. Никита Кутлуков Канчеев. Петр Романович Пивов. Иван Константинович Фофанов. Тимофей Андреевич Хлопов. [Истома Осипович Безобразов. Иван Михайлович Измайлов. Юрий Петрович Леонтьев. Петр Афанасьевич Нагой. Андрей Иванович Петров

Жильцы

Иван и Семен Григорьевичи Адодуровы. Григорий Никифорович Безобразов. Образец Семенович Вахромеев. Степан Михайлович Вахромеев. Иван Борисович Воейков. Игнатий и Казарин Андреевичи Воейковы. Федор Семенович Воейков. Афанасий и Иван Васильевичи Головленковы. Иван Меньшиков Козловский. Данила Мурзин Кубкеев. Богдан Игнатьевич Култушев. Черемисин Иванович Култушев. Меркурий Утешев Микулин. Андрей и Владимир Степановичи Милославские. Михаил Иванович Милославский. Федор Васильевич Милославский. Иван Иванович Осорьин. Тимофей Субботин Осорьин. Федор и Фома Меньшиковы Панины. Семен Андреевич Пушечников. [Константин Петрович Воейков. Петр Меньшиков Воейков. Данила и Иван Андреевичи Извековы. Петр Гневашев Извеков. Прохор Иванович Литвинов. Лев Иванович Лодыженский. Смирной Юрьевич Маматов. Петр Иванович Мижуев. Лука Иванович Милославский. Никита Матвеевич Панин. Назарий Степанович Хлопов. Андрей Иванович Хомутов]

Дьяки

Андрей Шерефединов, Петр Григорьев, Улан Айгустов, Ерш Михайлов, Стахий Иванов, Дружина Петелин, Иван Собакин, Инозем Жихарев, Трегьяк Петров, [Андрей Арцыбашев, Андрей Клобуков, Иван Стрешнев, Басенок Верещагин, Василий Колударов]³³.

Неполнота источников по составу «удельного» двора создает известные трудности для изучения его в генеалогическом плане. В то же время роспись калужского похода 1576 г. (полков, стоявших с Симеоном), «земский» боярский список 1577 г., разряд ливонского похода 1577 г. и другие источники дают, по-видимому, весьма полное представление о составе «земщины» и показывают, что в ней в это время служило подавляющее большинство аристократических фамилий³⁴.

В 1577 г. в «земском» дворе было семь бояр, пять окольничих, дворецкий, кравчий, казначей, печатник, двое постельничих, сокольничий, ловчий, четверо судей Земского двора и Пушечного приказа, 27 стольников, 8 стряпчих («с платьем» и «с чеботы») ³⁵, 32 жильца, не менее 10 дьяков, около 130 московских и несколько сот выборных дворян — всего, по нашим подсчетам, не более 600 человек. Соотношение между московскими и выборными дворянами в «земщине» и «дворе» было, вероятно, иным: для военной службы и управления обширными территориями в «земщине» требовалось больше воевод и голов — весной 1576 г. «на берегу» стоял один полк Ивана IV и пять «земских» полков. Численность особого

³³ Восстановить достаточно полно состав дворян не представляется возможным, к тому же источники не различают в особом дворе дворян московских и выборных.

³⁴ РК, с. 261—266; ВЖ, 1852, № 1—2; ДРВ, ч. XIII, с. 350; ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1, столп. 3, лл. 104—109, 118—120, 123—137. Сравнение разрядных росписей 1576 и 1577 гг. показывает, что состав особого двора и «земщины» после сведения Симеона с «великого княжения» существенно не изменился (*Станиславский А. Л.* Опыт изучения боярских списков конца XVI—начала XVII в. — «История СССР», 1971, № 4, с. 108).

³⁵ Отметим, что в «земщине» не было стряпчего с ключом (помощника постельничего), в то время как в особом дворе 1570—1580-х годов стряпчих с ключом было необычно много: А. В., И. О., К. О. и С. В. Безобразовы, Т. А. Хлопов, Н. К. Канчеев, Ю. П. Леонтьев, Б. П. Благой.

двора в 1576 г. едва ли превышала 500 человек ³⁶, а прилагаемый ниже перечень «дворовых» содержит, следовательно, не многим более 20% его состава.

Вывод о сравнительной худородности особого двора может быть обоснован сравнением «земского» и «удельного» дворов по чинам. Среди «земских» стольников (как и среди членов «земской» боярской думы) не было ни одного лица, не принадлежавшего к знатнейшим князьям (В. И. Мстиславский, И. И. Булгаков, И. В. Сицкий, А. А. Репнин, А. Д. Хилков, Ф. Д. Шестунов, Р. К. Пронский и Прозоровские) или старомосковскому боярству (И. П. Морозов, Салтыковы, Н. М. Долматов-Карпов, П. Н. Шереметев, Ф. И. Хабаров и Головины). В особом дворе Ивана IV высшая знать (Трубецкие, Шуйские, Годуновы) составляла лишь верхнюю часть чиновного списка стольников. Наряду с ними служили стольниками сравнительно невысокие стоявшие при московском дворе потомки рязанских бояр Булгаковы-Денисьевы, Измайловы и выходцы из провинциальных детей боярских — Бельские, Ф. К. Фофанов, И. В. Воейков.

Состав «земских» и «дворовых» стряпчих и жильцов также заметно различался. Среди первых — около половины всех лиц (Головины, Замыцкие, Новосильцевы, Д. В. Отяев) принадлежали к родам, внесенным в «Государев родословец», составленный в середине XVI в., остальные — к фамилиям, записанным в Дворовую тетрадь. Ни один «дворовый» стряпчий или жилец не относился к вошедшим в «Государев родословец» родам, а около трети «дворовых» жильцов (Адодуровы, Воейковы, Панины, Култушевы и др.) не имели однофамильцев в Дворовой тетради, что объясняется отчасти тем, что в особом дворе было сравнительно много выходцев из Новгорода. Некоторые жильцы и стряпчие попали в «двор» из низов дворянства: братья «дворового» стряпчего Н. К. Канчеева (как, вероятно, и он сам) начинали службу городовыми детьми боярскими, детьми городского сына боярского были и «дворовые» жильцы Адодуровы.

Как и опричный двор ³⁷, особый двор 1570—начала 1580-х годов был сплочен сложными родственными узами, браки «дворовых» и их детей, по-видимому, обычно не выходили за его пределы. Классический пример — свойство Б. Ф. Годунова, Д. И. Шуйского и И. М. Глинского, женатых на сестрах — дочерях Малюты Скуратова-Бельского, — находит аналогию и на других уровнях «двора»: близкий к Грозному «дворовый» Р. П. Биркин был женат на дочери крупного «дворового» дьяка А. В. Шерефединова, И. С. Нагой — на дочери «дворового» постельничего Н. А. Хлопова, М. А. Нагой — на дочери «дворового» печатника Р. В. Алферьева, в 1581 г. дочь «дворового» дьяка И. Жихарева вышла замуж за «дворового» жильца Б. И. Култушева (см. ниже) и т. д. К тому же «дворовые» временщики выводили в особый двор своих родственников и земляков, которые образовывали внутри «двора» своеобразные «кланы»: бельский, рязанский и др.

Подобно особому двору Грозного предшествующего времени ³⁸, «удельный» двор 1575—1576 гг. имел много общего с опричным окружением Ивана IV. Несмотря на то что к 1575—1577 гг. в «земщину» перешли, по меньшей мере, 48 бывших опричников ³⁹, а некоторые другие были каз-

³⁶ А. А. Зимин на основании показаний иностранцев принимает максимальную численность опричного двора в 500—800 человек (*Зимин. Опричнина*, с. 346). Р. Г. Скрынников полагает, что «удельная» армия Ивана IV в 1575 г. была немногочисленна (*Скрынников. Возрождение опричнины*, с. 205).

³⁷ *Кобрин. Опричный двор*, с. 13.

³⁸ *Станиславский А. Л. Книга раздачи денежного жалованья 1573 г.* — *История СССР*, 1976, № 4.

³⁹ Князья Петр Иванович и Михаил Федорович Барятинские, Игнатий и Михаил Борисовичи и Семен Федорович Блудовы, Григорий Никитич Борисов, Роман Дмитриевич Бугурлин, Григорий Андреевич (или Григорий Борисович) Васильчиков, Василий Федорович Воронцов, кн. Василий Иванович Вяземский, Даниил Андреевич Замыцкий, Даниил Меньшиков Истленьев, Григорий Федорович Милуков,

нены непосредственно перед «вокняжением» Симеона ⁴⁰, лица, известные службой в опричном дворе, составляли среди дворовых «князя Московского», 26% и 31% — их однофамильцы. Если считать также опричниками выведенцев из Обонежской пятины, взятой в опричнину в 1571 г. (Култушевы, Е. Ш. Воронов, Т. П. Болкошин) ⁴¹, то доля опричников и их родственников в «уделе» Грозного превысит 60%. Этот подсчет не противоречит установленному факту разрыва в эти годы Ивана IV со значительной частью опричной верхушки, но показывает, что уничтожая и отстраняя ее, Грозный все же опирался на бывших опричников.

После ликвидации особого двора в 1584 г. один за другим попали в опалу думные дворяне и дворовые дьяки. Многие «дворовые» стольники и подавляющее большинство «дворовых» стряпчих и жильцов выбыли из состава столичного дворянства в городской выбор или опустились в ряды провинциальных детей боярских. В целом после 1584 г. чиновное положение бывших «дворовых» Ивана IV было приведено в соответствие с их происхождением.

Публикуемые ниже биографии «дворовых» расположены в алфавитном порядке. Помимо сведений о тех, кто несомненно входил в «двор» Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича с октября 1575 г. по сентябрь 1576 г., приводятся также данные о представителях их родов, входивших в особый двор Ивана IV в более позднее время ⁴².

Список «дворовых» Ивана IV в 1575—1576 гг.

Адодуровы (Ододуровы) Иван (Иванис) и Семен (Семейка) Григорьевичи Мамышевы. Из рода Глебовых-Сорокоумовых. Отец И. Г. и С. Г. Адодуровых Григорий (Мамыш) Осипович Кудашев, записанный в Тысячной книге городовым сыном боярским Каргальского погоста Водской пятины ¹, сохранял поместье в этом погосте и в 1571 г. ² Иван и Семен служили поддатными у рынд в полку Ивана IV в походе 1576 г. ³ В росписи ливонского похода 1577 г. они упоминаются жильцами ⁴, в 1581 г. на приеме А. Посевича — «дворовыми» жильцами ⁵. С. Г. Адодуров в 1580 г. во Пскове «отводил головой» к Р. Д. Бутурлину В. В. Головина после местнического спора ⁶. Летом 1582 г. был приставом у литовского гонца ⁷. В 1583 г. «ближний дворянин» Семен Адодуров ездил к Стефану Баторию для переговоров о размежевании спорных земель и размене пленных ⁸.

После 1584 г. Адодуровы, по-видимому, на некоторое время выбыли из состава государева двора: в боярском списке 1588—1589 гг. их имена отсутствуют, в боярском списке 1602—1603 гг. Иван записан в выборе по Твери с окладом 600 ч., Семен — в выборе по Вязьме с тем же окладом ⁹. Василий Шуйский приблизил Адодуровых: Иван Григорьевич получил

Иван Федорович Мишурич, Василий Иванович Молчанов, Иван Иванович Мятлев-Слизнев, Иван Иванович, Петр Суворов и Яков Гаврилович Наумовы, Иван Семенович и Григорий Семенович Овцыны, Иван Романович Писарев, Федор Андреевич Писемский, Никита Иванович, Андрей Иванович и Иван Дмитриевич Плещеевы, Богдан Иванович Полев, Иван и Константин Дмитриевичи Поливановы, кн. Семен Данилович Пронский, Юрий Федорович Пушечников, Евстафий, Иван, Никита и Семен Михайловичи и Иван Иванович Бобрищев Пушкины, Дмитрий и Даниил Борисовичи Салтыковы, князя Василий Андреевич и Иван Васильевич Сицкие, Федор (Баланда) Григорьевич Совин, Петр Игнатьевич Таптыков, Рудак Иванович Толмачов, князь Дмитрий, Андрей, Петр и Федор Ивановичи Хворостинины и Никита Васильевич Хитрого.

⁴⁰ *Корецкий*. Возрождение опричнины, с. 75; *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г., с. 155—157; *Скрынников*. Возрождение опричнины, с. 192—194.

⁴¹ *Корецкий*. Возрождение опричнины, с. 44.

⁴² Приносим глубокую благодарность за ценные замечания и дополнения Б. Н. Флоре и С. О. Шмидту. Б. Н. Флоре авторы обязаны многими сведениями из неопубликованных посольских книг.

при нем чин стряпчего с платьем¹⁰, а затем постельничего¹¹. Карьера И. Г. Адодурова закончилась в 1617 г.: за сдачу королевичу Владиславу Дорогобужа воевода попал в опалу и был сослан в Казань¹².

С. Г. Адодуров, помимо вяземского поместья, имел земли в Московском у.: в 1584/85 г. к дьяку Я. Витовтову («за ево иск») перешла вотчина Семена Адодурова в Сурожском стане — сельцо Поведино и деревня Сохино (105 ч.)¹³. В 1610 г. две его подмосковные пустоши были пожалованы Сигизмундом С. Соловецкому¹⁴.

В особый двор Ивана IV входили, возможно, и другие Адодуровы, на что косвенно указывает родословная, поданная ими в Разрядный приказ в конце XVII в.: «А у Григорья у Мамыша дети: Иван прозвище Иванис да Семен прозвище Семейка, да Сергей, да Александр. При государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа России были пожалованы все четыры в комнату»¹⁵.

¹ ТРДТ, с. 86. ² *Самоквасов*, т. 2, с. 158. ³ РК, с. 260—261. ⁴ ВЖ, 1852, № 2, с. 92—94. ⁵ *Лизачев*. Дело о приезде, с. 45. ⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 504. ⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, л. 199. ⁸ *Бантыш-Каменский*. Обзор, с. 106; ДРВ, ч. XII, с. 152. ⁹ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1132, столп. 1, лл. 39, 74. ¹⁰ *Овчинников Р. В.* Боярский список 1607 г. — «Исторический архив», 1953, кн. VIII, с. 75. ¹¹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907, с. 95. ¹² ПСРЛ, т. 14, с. 141. ¹³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, л. 730 об. Приносим глубокую благодарность В. Б. Павлову-Сильванскому за возможность ознакомиться с обнаруженной им записной книгой актов на владения в Московском у. 1585/86 г. ¹⁴ АЗР, т. 4, СПб., 1851, с. 320. ¹⁵ С неопубликованной родословной Адодуровых авторов любезно ознакомил старший научный сотрудник ЦГАДА А. В. Маштафаров.

Айгустов Улан Мартемьянович. По предположению А. А. Зимина, подьячий У. М. Айгустов входил в опричнину¹. В апреле 1574 г. он «дворовый» дьяк в походе Ивана IV к Серпухову². 19 сентября 1574 г. отписка А. Щелкалова к царю была «отдана по государеву приказу в Осифов монастырь Офонасью Федоровичю Нагому да дьяку Улану Айгустову»³. 19 ноября 1575 г. У. Айгустов подписал от имени «князя московского, псковского и ростовского» грамоту на Двину о сборе денежных налогов⁴. С этого времени и до 1577 г. — второй дьяк Двинской «дворовой» четверти⁵. В январе 1576 г. участвовал во встрече австрийских послов в Можайске⁶, в весеннем походе 1576 г. в Калугу — второй дьяк в полку Ивана IV⁷. В феврале 1571 г. имущество У. Айгустова (включая и дмитровскую вотчину) за ложный донос было конфисковано в пользу В. Я. Щелкалова⁸. В писцовых книгах 1577—1578 гг. упоминается небольшая его вотчина в Коломенском у.⁹ В конце XVI в. многие Айгустовы служили по Переяславлю¹⁰.

¹ *Зимин*. Опричнина, с. 348. ² ГПБ, Эрм. 390, л. 491 об. ³ ДДГ, с. 483. ⁴ *Шмидт*. Документы XVI в., с. 157. ⁵ *Садиков*. Очерки, с. 337—342. ⁶ ПДС, т. I, с. 514. ⁷ РК, с. 260. ⁸ ААЭ, т. 2, с. 315—316. ⁹ ПКРМГ I, с. 471. ¹⁰ *Сторожев*. Материалы, с. 6, 8, 11 и др.

Алферьев Р. В. см. Нащокины

Безнин М. А. см. Нащокины

Безобразовы Владимир Матвеевич, Кузьма (Авраам) и Иван Осиповичи, Никифор Васильевич и Григорий Никифорович. Родоначальник (Христофор) выехал из Пруссии в начале XV в. В. М. Безобразов в Дворовой тетради и Тысячной книге записан по Вязьме¹, в книге раздачи денежного жалованья 1573 г. — с окладом 30 руб.² В 1576 г. наместник в Порхове, проводит описание отошедшей в «удел» Ивана IV части Шелонской пятины³. Его сын Семен Владимирович в 1588—1589 гг. служил выборным дворянином по Козельску с поместным окладом 800 ч.⁴ Сохранилось позднейшее свидетельство, что Иван IV отдал «поместником Алексею, Меркурию, Михайлу, Семену, Миките и Ивану Безобразовым» волости Сукремль и Поречье в Старицком у.⁵ Это известие находит кос-

венное подтверждение в боярском списке 1588—1589 гг., где по Старице записаны Михаил и Елизарий Владимировичи, Никита Шарапов, Меркурий и Алексей Ивановичи Безобразовы⁶, и в писцовой книге Старицкого у. XVII в., где в разных станах упоминаются бывшие поместья Алексея, Меркурия, Елизария, Никиты и других Безобразовых⁷. Вероятно, Безобразовы были приняты в «особный» двор родом. В частности, вхождение в него Семена Владимировича несомненно, хотя нет прямых доказательств его службы в «уделе» в 1575—1576 гг.: в конце 1574 г. он был послан из Александровой слободы в Москву купить на 300 руб. для царского обихода «ширинок, шитых золотом и серебром»⁸, в 1579—1586 гг. носил чин стряпчего с ключом⁹, существовавший в последние годы жизни Грозного только в его особом дворе. Другой сын В. М. Безобразова Андрей в мае 1583 г., по-видимому, возглавлял «дворовых» жильцов¹⁰. Чисто «дворовое» назначение — «государевым посланником» на Двину (в Лодму) — получил в 1583 г. Алексей Иванович Безобразов¹¹.

Никифор Васильевич (родной дядя Владимира Матвеевича) в Дворовой тетради записан по Вязьме¹², в книге 1573 г. — с окладом 25 руб.¹³ В походе 1576 г. занимал почетную должность первого воеводы у знамени в полку Ивана IV¹⁴, в 1582 г. участвовал в посольском приеме¹⁵. Его сын Г. Н. Безобразов входил в «удельный» двор в чине жильца¹⁶. В 1574 г. вместе с отцом присутствовал на свадьбе царя Ивана с А. Васильчиковой¹⁷. В калужском походе 1576 г. был в качестве поддатня у рынды в полку Ивана IV¹⁸. В 1588—1589 гг. выборный дворянин по Переяславлю с окладом 300 ч.¹⁹ В 1590/91 г. по завещанию Григория Никифоровича А. В. и М. И. Безобразовы дали в Серпуховской Высоцкий монастырь его вотчины в Рузе (полсельца и 5 пустошей) и Волоке (две пустоши)²⁰. Брат Никифора Васильевича Андрей входил в «особный» двор в чине стряпчего с ключом (упоминается в этом чине в 1579—1581 гг.²¹). В 1602—1603 гг. служил выборным дворянином по Вязьме²².

Основанием для включения в число «дворовых» Кузьмы и Ивана Осиповичей служит выданная им 11 марта 1576 г. ввозная грамота на бывшее поместье Овцыных в «дворовом» Ржевском у. «против алексинского поместья пятисот чети в их оклады в восемьсот чети, по четыреста чети человеку»²³. В книге 1573 г. К. О. и И. О. Безобразовы записаны с окладом 11 руб.²⁴ В 1580 г. Кузьма Осипович был укладничим на последней свадьбе Ивана IV²⁵, в 1581 г. носил чин стряпчего с ключом²⁶, в 1588—1589 гг. — выборного дворянина по Ржеву с окладом 600 ч.²⁷ В 1590-е гг. вновь получает чин стряпчего с ключом, а в царствование В. Шуйского — чин постельничего. Помимо ржевского поместья, К. О. Безобразову в конце XVI—начале XVII в. принадлежали поместья в Белеве и Угличе и какие-то владения в Боровске и Дмитрове²⁸. Высокое положение в особом дворе в 70—80-е годы XVI в. занимал и Харитон (Истома) Осипович Безобразов. Уже в 1577 г. он был стряпчим с ключом²⁹, в начале царствования Федора Ивановича стал постельничим; как и братья владел поместьем в Ржевском у.³⁰ В писцовой книге XVII в. упоминается бывшее поместье И. О. Безобразова в Козельском у.³¹

¹ ТКДТ, с. 78, 189. ² *Альшиц*. Новый документ, с. 22. ³ НПК, т. V, стлб. 573. ⁴ Б. сп. 1588—1589 гг., лл. 58, 73. ⁵ АЗР, т. 4, с. 329. ⁶ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 73. ⁷ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 15397, лл. 1197, 1202, 1224, 1230—1230 об., 1241 об. ⁸ *Дмитриев А. А.* Пермская старина, вып. 6. Пермь, 1895, с. 134—135. ⁹ *Татищев Ю. В.* Местнический справочник XVII века. — «Летопись историко-родословного общества в Москве», вып. 2 и 3. Вильна, 1910, с. 15; РК, с. 364; ГПБ, Эрм. 390, лл. 618, 659 об.; ГБЛ, Горск. 16, л. 61; *Забелин*. Материалы, ч. 1, стлб. 1209. ¹⁰ ГПБ, Эрм. 390, л. 660. ¹¹ РИБ, т. 25, стлб. 97. ¹² ТКДТ, с. 189. В писцовой книге Вяземского у. конца XVI в. упоминается его бывшее поместье, приписанное к дворцовым селам (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 188 об.). ¹³ *Альшиц*. Новый документ, с. 22. ¹⁴ РК, с. 260. ¹⁵ *Сторожев*. Материалы, с. 60. ¹⁶ ВЖ, 1852, № 2, с. 93; *Лихачев*. Дело о приезде, с. 46. ¹⁷ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 12—13. ¹⁸ РК, с. 260. ¹⁹ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 37. ²⁰ ЦГАДА, ГКЭ, по Рузе, № 109/10340. Известны вклады в Серпуховской Высоцкий монастырь и

многих других Безобразовых (*Воронцова Л. Д.* Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря. — «Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», т. I, вып. 2. М., 1898, стлб. 229—330 и др.). Возможно, это был их родовой монастырь. ²¹ ГБЛ Горск. 16, лл. 61, 132. ²² ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1132, столп. 1, л. 39. ²³ Акты Юшкова, с. 186. Описание этого поместья сохранилось в писцовой книге конца XVI в. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, лл. 249 об. — 254). ²⁴ *Альшиц*. Новый документ, с. 23. ²⁵ *Татищев Ю. В.* Местнический справочник XVII века, с. 15. ²⁶ ГБЛ, Горск. 16, л. 132. ²⁷ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 71. ²⁸ Акты Юшкова, с. 246, 276—277, 299—300, 304. ²⁹ РК, с. 364, 379. ³⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, лл. 162—163 об. ³¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 193, л. 1369 об.

Бельские Богдан (Андрей) и Невежа (Матвей) Яковлевичи, Верига (Петр) Григорьевич Третьяков, Григорий и Давыд Неждановы, Иван и Постник (Иван) Богдановичи (Андреевичи) Сидоровы и Афанасий Васильевич. В середине XVI в. Бельские служили по Белой¹. В 1570—1580 гг. занимали при дворе исключительное положение благодаря близости к Ивану IV виднейшего опричника Малюты Скуратова Бельского, а позднее его племянника Богдана Яковлевича, который, по словам Д. Горсея, был «главным любимцем» царя². Для А. Курбского «гноснодейные» и «богомерские» Бельские олицетворяли новое окружение Грозного³.

В 1573 г. Б. Я. Бельский еще в чине стольника получал 250 руб. в год⁴. В походе 1576 г. он среди дворян, ездивших за государем «з бояры»; в том же походе упоминается «с шеломом» в полку Ивана IV⁵, видный воевода в ливонских походах. В походе 1577 г. царевичу Ивану был подан в Бронницах «конь сер Богдановской Белского»⁶. В 1577 г. Б. Я. Бельский — думный дворянин, с января 1578 г. — оружничий «из двора»⁷. С конца 1570-х годов непреременный участник дипломатических переговоров с титулом наместника ржевского⁸. В 1580 г. «дружка» на свадьбе Ивана IV с М. Нагой⁹. Как установил В. Н. Холодков, в конце жизни Грозного Б. Я. Бельский ведал Аптекарским приказом. На посольских приемах начала 1580-х годов он стоял выше рынд справа от царя¹⁰. В конце 1583—начале 1584 г. вел переговоры с английским послом о женитьбе Грозного¹¹. После смерти Ивана IV возглавил выступление за сохранение «особного» двора и был сослан. Вотчины Б. Я. Бельского находились в Москве, Ярославле, Переяславле, Зубцове, поместья — в Вяземском у. и ряде «дворовых» уездов: Ржевском, Козельском, Зубцовском, Старицком и Порховском. После смерти Ивана Грозного в 1584 г. обширные поместья Б. Я. Бельского в Порховском у. были отписаны к дворцовым землям. Вероятно, тогда же, за исключением вяземского, у Богдана Яковлевича были отписаны и другие поместья, превышавшие его поместный оклад, в частности козельское, перешедшее к Евстафию Михайловичу Пушкину¹². Вклады Бельских существенно обогатили их родовой Иосифо-Волоколамский монастырь: только Богдан Яковлевич дал туда около 1000 руб.¹³ По наблюдению М. Н. Тихомирова, «отношения Бельского к Иосифову монастырю отмечены особой интимностью»: его казна хранилась в монастыре в запечатанных сундуках¹⁴.

Тенью Богдана Яковлевича в «дворе» был его брат Невежа, следовавший за ним везде и занимавший в походах (в том числе и 1576 г.) должность второго рынды с шеломом¹⁵. В 1580 г. Н. Я. Бельский — «мовник» на свадьбе Грозного с М. Нагой¹⁶. Вместе с Б. Я. Бельским А. Поссевин называет Невежу Яковлевича в числе ближайших советников царя¹⁷. В 1584/85 г. он дал взаймы английскому купцу 550 руб.¹⁸ В боярском списке 1588—1589 гг. записан с чином московского дворянина¹⁹. Имел крупное поместье в Вяземском у., часть этого поместья принадлежала ранее кн. Тулуповым²⁰. Поместья Н. Я. Бельского в Порховском у. в 1584 г. были отписаны к дворцовым землям²¹. В 1594/95 г. Б. Я. Бельский дал 100 руб. в Иосифо-Волоколамский монастырь «по брате своем Невеже Яковлевиче во иноцех по Макарье». Так как известен более ран-

ний вклад Б. Я. Бельского «о здравии брата его Матфея», можно предположить, что христианское имя Н. Я. Бельского — Матвей ²².

Двоюродные братья Богдана Яковлевича Петр (Верига) Григорьевич Третьяков, Григорий и Давыд Неждановы записаны в книге 1573 г. с окладами 40 (первые двое) и 10 руб. ²³ В. Т. и Г. Н. Бельские служили в опричнине ²⁴. В походах 1574—1579 гг. — рынды, в калужском походе 1576 г. Верига Третьяков — рында с копьём, Григорий Нежданов — с саадаком, Давыд — с рогатиной ²⁵. В 1577—1580 гг. все трое упоминаются в чинах стольников ²⁶. Григорий и Давыд присутствовали в 1580 г. на свадьбе Ивана IV с М. Нагой, младший брат — в качестве «мовника» ²⁷. В июне 1581 г. Д. Н. Бельский бежал из Старицы в Речь Посполитую, выдав русских агентов в Литве ²⁸. Принимая во внимание подозрительность Грозного, трудно понять, каким образом бегство Давыда Нежданова не пошатнуло положения Богдана Яковлевича Бельского. С 1576/77 по 1579/80 г. В. Г. Бельский купил у Е. С. Калитиной, И. Ф. и М. Ф. Чубаровых, Г. Михайлова и И. П. Голохвастова несколько владений в Московском у. ²⁹ В 1585/86 г. Б. С. Бельский дал по Вериге-Петре Григорьевиче 100 руб. в Иосифо-Волоколамский монастырь ³⁰.

Иван и Постник Богдановичи Сидоровы присутствовали на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой ³¹, участвовали в походе 1576 г. в полку Ивана IV: старший в чине стольника, младший — стряпчего ³². В ливонском походе 1577 г. И. Б. Бельский — стольник «с государем», 31 августа послан к Грозному с грамотой из-под ливонского города Вольмара (Владимирца) ³³. В 1580 г. — «мовник» на свадьбе Ивана IV с М. Нагой ³⁴. В августе 1581 г. Иван и Постник Бельские — чашники на приеме А. Посевина ³⁵. В 1581—1582 гг. И. Б. Бельский упоминается в качестве рынды на посольских приемах ³⁶, 14 мая 1583 г. — рында «санопаль» в царском полку ³⁷. В боярском списке 1588—1589 гг. братья записаны в выборе по Вязьме с окладами 800 и 600 ч. ³⁸ Иван Сидоров-Бельский имел в Вяземском у. поместье в 803 ч., крупное поместье принадлежало и Постнику Бельскому ³⁹. Вхождение в «особный» двор в 1570—1580-е годы отца Ивана и Постника Богдана (Андрея) Сидоровича более чем вероятно: в 1574 г. он нес обручальные свечи на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой ⁴⁰, в 1580 г. «на месте государеве сидел» на свадьбе с М. Нагой ⁴¹, в мае 1583 г. ведал ночной стражей в походном стане Грозного ⁴², в 1588—1589 гг., как и сыновья, служил в выборе по Вязьме с максимальным для выборного дворянина окладом 900 ч. ⁴³

Афанасий Васильевич в 1573 г. получал 40 руб. ⁴⁴ В 1576 г. сохранял крупное поместье в отошедшей в «удел» части Шелонской пятины ⁴⁵. Его отец в декабре 1576 г. был казначеем Иосифо-Волоколамского монастыря ⁴⁶. В 1580/81 г. Б. С. Бельский дал в этот монастырь 200 руб. «по изустной и по духовной памяти и по совету Богдана Яковлича по Васьянове сыне по Афонасие Васильевиче Бельском и по отце его иноке Васиане» ⁴⁷. Эта формула — «по совету Богдана Яковлича» и вклады Б. Я. Бельского по своим здравствующим родственникам ясно показывают, что он был признанным главой рода.

В 1581 г. в особый двор Грозного в чине «дворового» стряпчего входил Иван Данилович Бельский ⁴⁸, служивший позднее в выборе по Вязьме с окладом 500 ч. ⁴⁹ В ближайшем царском окружении 1570—1580-х годов фигурирует и брат его Булгак Данилович ⁵⁰.

¹ ТКДТ, с. 194. ² Горсей, с. 111. О службе Бельских в опричнине см.: Веселовский. Опричнина, с. 201—204; Кобрин. Опричный двор, с. 23—25. ³ РИБ, т. 31, стлб. 155. ⁴ Альшиц. Новый документ, с. 20. ⁵ РК, с. 259—260. Б. Я. Бельский исполнял в этом походе обязанности первого рынды, хотя рындой и не писался. ⁶ Забелин. Домашний быт, с. 856. ⁷ ВЖ, 1852, № 1, с. 137; ДРВ, ч. XIV, с. 350; Саваа, с. 397. ⁸ Саваа, с. 397—398. ⁹ ДРВ, ч. XIII, с. 112. ¹⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 13, лл. 22 об.—23; кн. 14, лл. 140—141. ¹¹ Сборник РИО, т. 38, с. 104—105 и др. ¹² Кобрин. Опричный двор, с. 25; ИРГО, вып. 3, с. 265; НПК, т. V, стлб. 660; Сухотин. Пожалования, с. 111; ЦГАДА, ГКЭ, № 10180, лл. 1, 3, 7; ф. 1209, кн. 619, лл. 1052—1062 об., 1068 об. —

1074 об.; кн. 967, лл. 58 об.—59, 280; кн. 639, лл. 46 об., 238, 302; кн. 257, лл. 756—757, 759 об., 594 об.; кн. 192, л. 433; кн. 15397, л. 594 об.¹³ ЦГАДА, ф. 181, № 141/196, лл. 76 об.—78 об., 80.¹⁴ *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII веков. М., 1973, с. 123.¹⁵ РК, с. 260, 276, 293, 295.¹⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 614.¹⁷ *Саваа*; с. 145.¹⁸ Сборник РИО, т. 38, с. 206—207.¹⁹ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 66.²⁰ *Сухотин*. Четвертьчики, с. 96; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, лл. 1090 об., 1109 и др.²¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, лл. 58 об.—59 об., 177.²² ЦГАДА, ф. 181, № 141/196, лл. 78, 80 об.²³ *Альшиц*. Новый документ, с. 21, 24.²⁴ *Кобрин*. Опричный двор, с. 25.²⁵ РК, с. 260, 276; ГПБ, Эрм. 390, лл. 401 об., 429—429 об., 544 об., 567.²⁶ ГПБ, Эрм. 390, лл. 429—429 об., 619.²⁷ Там же, л. 614.²⁸ *Новодворский*, с. 210; *Гейденштейн*, с. 174.²⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, лл. 730 об.—731 об.³⁰ ЦГАДА, ф. 181, № 141/196, л. 80.³¹ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 12.³² РК, с. 261.³³ ГПБ, Эрм. 390, л. 435.³⁴ ДРВ, ч. XIII, с. 114.³⁵ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 44.³⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 13, лл. 22 об.—23; кн. 14, лл. 140—141.³⁷ ГПБ, Эрм. 390, лл. 614, 659 об.³⁸ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 79.³⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, лл. 929 об.—936 об., 953 об. и др.⁴⁰ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 11.⁴¹ ДРВ, ч. XIII, с. 114.⁴² ГПБ, Эрм. 390, л. 666.⁴³ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 79.⁴⁴ *Альшиц*. Новый документ, с. 21.⁴⁵ НПК, т. V, стлб. 684. В 1583/84 г. это поместье было отделено кн. В. И. Ростовскому (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, л. 369).⁴⁶ ЦГАДА, ф. 181, № 141/196, лл. 76 об.—77.⁴⁷ Там же, л. 77 об.⁴⁸ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 44.⁴⁹ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 49. В его вяземском поместье было 488 ч. земли (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 980).⁵⁰ ГПБ, Эрм. 390, лл. 546, 660.

Биркины Петр Григорьевич и Родион Петрович. Представитель старшего рязанского рода П. Г. Биркин в Дворовой тетради записан по Рязани¹. В 1566 г. упоминается поручителем по кн. М. И. Воротыньском². В походах 1574 и 1579 гг. расставлял охрану царского полка³, в калужском походе 1576 г. — второй воевода у знамени в полку Ивана IV⁴. 25 апреля 1577 г. дал 50 руб. в Троицкий Сергиев монастырь⁵.

Более заметной фигурой в «особном» дворе был старший сын П. Г. Биркина Родион, женатый на дочери видного «дворового» дьяка А. В. Шерефединова⁶. Как и отец, в походах (1574, 1576⁷, 1577, 1579, 1581, 1583 гг.) ведал стражей полка Грозного⁸. 1 сентября 1577 г. послан к ливонскому королю Магнусу «роспрошати короля про князя Олександра Полубенского», взятого в плен в Вольмаре; 8 сентября того же года первым въезжает в ливонский город Ронненбург (Ровный)⁹; в 1580 г. присутствует на свадьбе Ивана IV с М. Нагой¹⁰. В августе 1581 г. послан от царя на двор к А. Поссевину¹¹. Сохранилось свидетельство Д. Горсея, что перед смертью Иван Грозный позвал дворянина Родиона Биркина, «своего любимца», для игры в шахматы¹².

В 1582 г. Р. П. Биркин купил у М. С. Петрова, Шиловских и Запольских за 800 руб. рязанскую вотчину, а затем заложил ее А. В. Шерефединову. В 1584 г. Шиловские доказали на суде, что часть этой вотчины А. В. Шерефединов «вымучил у них насильством». Из судебного дела 1584 г. выясняется, что среди «роду и племени» Р. П. Биркина были Ю. В. и И. В. Дмитриевы, Михаил и Алексей Петровы, Александр Ляпунов¹³ и др. Таким образом, Р. П. Биркин был тесно связан с верхушкой рязанского дворянства, многие представители которого в 1570-е годы вошли в особый двор Грозного. В частности, И. В. Дмитриев в 1576 г. и позднее носил чин «дворового» стольника (см. ниже), а М. Т. Петров, отец второй жены царевича Ивана Ивановича Пелагеи, в 1577 г. стал окольничим и возглавил «дворовый» Разрядный приказ¹⁴. В 1584 г. «в закладе» за Р. П. Биркиным находился рязанский Спасский Зарецкий монастырь¹⁵. После смерти Ивана IV, в 1585 г. Р. П. Биркин служил головой в Пронске¹⁶. В 1586—1589 гг. ездил посланником в Грузию¹⁷. В боярском списке 1588—1589 гг. записан в выборе по Рязани с окладом 550 ч., в 1589 г. умер¹⁸.

Брат Родиона Петровича Иван входил в особый двор Грозного в 1581 г. в чине «дворового» жильца¹⁹. В 1588—1589 гг. выборный дворянин по Рязани с окладом 400 ч.²⁰ В царствование Б. Ф. Годунова служил головой в Березове²¹. Известны рязанские поместья и вотчины Р. П. и И. П. Биркиных в Пехлецом и Перевицком станах²². В XVII в. крупную карьеру

сделал племянник Петра Григорьевича Иван Васильевич Биркин, дослужившийся до чина ясельничего и думного дворянина.

¹ ТКДТ, с. 168. ² СГГид, ч. 1, с. 539. ³ ГПБ, Эрм. 390, лл. 491 об., 567 об. ⁴ РК, с. 261. ⁵ Тр. вкл., л. 493. ⁶ Акты Юшкова, с. 205. ⁷ В росписи калужского похода 1576 г. в разрядной книге 1475—1598 гг. (с. 261) описка: «Родион Петров сын Петров». Исправляется по другим разрядным книгам. ⁸ ГПБ, Эрм. 390, лл. 401 об., 429 об., 545 об., 567 об. ⁹ Там же, лл. 437 об., 441. ¹⁰ ГБЛ, Горск. 16, л. 127 об. ¹¹ *Лизачев*. Дело о приезде, с. 43. ¹² *Горсей*, с. 113. ¹³ Акты Юшкова, с. 208. ¹⁴ *Садиков*. Очерки, с. 78. ¹⁵ Акты Юшкова, с. 208. ¹⁶ РК, с. 350. ¹⁷ *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1888, с. 33—45. ¹⁸ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 44. ¹⁹ *Лизачев*. Дело о приезде, с. 46. ²⁰ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 32. ²¹ *Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937, с. 385. ²² РПК, т. 1, вып. 1, с. 121, 160, 179.

Благие Владимир Петрович Веригин, Елизарий и Иван Ивановичи Шемякины, Иван Осипович Блудов. Считали себя потомками младшего сына князя Александра Всеволожа¹. До опричнины служили по Шелонской пятине, где в 1571 г. в поместной раздаче находились бывшие поместья Степана Фендрикова, Осипа, Андрея Веригина и Замятни Васильевича Благих². Андрей Петрович Веригин и Степан Фендриков упоминаются среди опричников³.

Владимир Петрович, брат опричника Андрея Петровича, записан в книге 1573 г. с окладом 30 руб.⁴ В походе к Пайде 1573 г. и в калужском походе 1576 г. расставлял стражу в полку Ивана IV⁵. В 1578 г. был послан из Александровой слободы «для жеребят» вместе с думным дворянином М. А. Безниным⁶. В 1588—1589 гг. выборный дворянин по Ржеву с окладом 700 ч. Умер в 1589 г.⁷ Известна небольшая вотчина В. П. Благого под Москвой, купленная в 1577/78 г. у П. Б. Дедевшина⁸.

Сын Владимира Петровича Петр в 1581 г. входил в «особный» двор в чине «дворового» жильца⁹. В 1588—1589 гг. он также служил в выборе по Ржеву с окладом 350 ч.¹⁰ Видным деятелем в «особном» дворе Ивана Грозного был старший брат В. П. Благого Борис Петрович — стряпчий с ключом в ливонском походе 1579 г.¹¹ В 1627 г. Иван Владимирович Благой заявлял на местническом суде, что «дядя мой родной Борис Благово был при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси у царицы дворецкой»¹². В 1584—1585 гг. В. П. Благой ездил в Турцию с известием о воцарении Федора Ивановича¹³. В боярском списке 1588—1589 гг. записан первым в выборе по Ржеву с окладом 900 ч.¹⁴

Елизарий Иванович Благой в книге 1573 г. упоминает с окладом 15 руб.¹⁵ В том же году присутствовал на свадьбе ливонского короля Магнуса с княжной М. В. Старицкой¹⁶. В 1574 г. с Р. И. Чертковым встречает польских послов¹⁷. В калужском походе 1576 г. расставлял стражу в полку Ивана IV¹⁸. В январе—апреле 1580 г. ездил гонцом в Речь Посполитую¹⁹. В 1580—1583 гг. исполнял обязанности ясельничего²⁰, в царствование Федора Ивановича — ясельничий. Имел поместье в Ржевском у.²¹ и подмосковную вотчину, «а в приправочных книгах и в продажном списке та вотчина не написана, а крепости на ту вотчину Елизарей не положил»²². Иван Иванович в книге 1573 г. записан с окладом 15 руб.²³ В 1573 г. в пайдинском походе и в калужском походе 1576 г. расставлял стражу в полку Ивана IV²⁴. Участвовал в ливонском походе 1577 г.: 30 августа послан с царской грамотой под ливонский город Вольмар к воеводам Б. Я. Бельскому и Д. И. Черемисинову, вернулся к Ивану IV с воеводской отпиской²⁵. В 1581—1582 гг. голова в Себеже²⁶.

Иван Осипович Блудов в 1573 г. получал 30 руб.²⁷ Как и другие Благие, ведал стражей царского полка в 1576 г.²⁸ В 1580 г. стряпчий «с чепоты» на свадьбе Ивана IV с М. Нагой²⁹, в 1581 г. — «дворовый» стряпчий на приеме А. Поссевина³⁰. В 1588—1589 гг. выборный дворянин по Ржеву с окладом 400 ч.³¹, в его ржевском поместье было 500 ч. доброй земли³². Известна подмосковная вотчина И. О. Благого, документов на владение которой он в 1586 г. не предъявил³³.

¹ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 28, столп. 1, л. 54. ² НПК, т. V, стлб. 466—468, 531. ³ *Веселовский*. Опричнина, с. 204—206; *Зимин*. Опричнина, с. 346. ⁴ *Альшиц*. Новый документ, с. 21. ⁵ ГПБ, Эрм. 390, л. 469 об.; РК, с. 261. ⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 538. ⁷ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 70. ⁸ ПКМГ I, с. 137; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, л. 737—737 об. ⁹ *Лизачев*. Дело о приезде, с. 46. ¹⁰ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 50. ¹¹ ГПБ, Эрм. 390, лл. 545, 566. ¹² ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 28, столп. 1, л. 19. ¹³ *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946, с. 128—138. ¹⁴ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 70. ¹⁵ *Альшиц*. Новый документ, с. 23. ¹⁶ ДРВ, ч. XIII, с. 99. ¹⁷ *Żródła do dziejów polskich*, t. 2. Wilno, 1844, s. 292. ¹⁸ РК, с. 261. ¹⁹ *Савава*, с. 119; *Новодворский*, с. 128—130. ²⁰ ГПБ, Эрм. 390, лл. 618, 660. ²¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, л. 501 об. ²² ПКМГ I, с. 140, 159; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, л. 766. ²³ *Альшиц*. Новый документ, с. 23. ²⁴ ГПБ, Эрм. 390, л. 470; РК, с. 261. ²⁵ ГПБ, Эрм. 390, лл. 433 об., 436. ²⁶ РК, с. 313, 320. ²⁷ *Альшиц*. Новый документ, с. 23. ²⁸ РК, с. 261. ²⁹ ГПБ, Эрм. 390, л. 614. ³⁰ *Лизачев*. Дело о приезде, с. 45. ³¹ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 50. ³² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, л. 141. ³³ ПКМГ I, с. 137; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, л. 766 об.

Бобрицев И. И. см. Пушкин И. И. Бобрицев

Болкошин Третьяк Панин. В Тысячной книге 1550 г. записан городовым сыном боярским Никольского погоста Обонежской пятины Новгородской ¹. До 29 марта 1576 г. переведен из Обонежской пятины в «двор» ².

¹ ТКДТ, с. 97. ² *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Русии», с. 154—155.

Булгаковы-Денисьевы Федор Меньшой и Юрий Матвеевичи, их сыновья Дмитрий и Петр Федоровичи и Иван Юрьевич. Из рода рязанских бояр. Жестоко пострадали в опричнину, хотя Федор Матвеевич и входил в опричный двор ¹. По жене Михаила Матвеевича находились в родстве с Годуновыми ². Ф. М. и Ю. М. Булгаковы, их жены (в качестве боярынь) и дети (Дмитрий Федорович и Иван Юрьевич) в 1574 г. присутствовали на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой ³. В калужском походе 1576 г. старшие Булгаковы служили воеводами в полку Грозного, младшие — Иван и Дмитрий — рындами, Петр расставлял стражу ⁴. В ливонском походе 1577 г. Ю. М. и П. Ф. Булгаковы участвовали с чинами дворян, в походе 1579 г. Петр Булгаков расставлял стражу, а Юрий был головой у «ночных сторожей» ⁵. В 1580 г. Ф. М. и Ю. М. Булгаковы упоминаются среди поезжан на свадьбе Ивана IV с М. Нагой ⁶. Федор Матвеевич в 1582 г. служил воеводой в Себеже, в 1583 г. — в Кинешме; Юрий Матвеевич последний раз встречается в разрядах в 1591 г. ⁷ Иван Юрьевич умер в 1578 г. — 14 мая Ю. М. Булгаков дал по нему 50 руб. в Троицкий Сергиев монастырь. Очень крупные вклады, в том числе боровскую вотчину, дал в Троицу и Федор Булгаков ⁸. По писцовым книгам 1595—1597 гг. известны рязанские вотчины Федора и Юрия Матвеевичей ⁹. В 1588—1589 гг. в выборе по Рязани служили с окладами по 400 ч. Дмитрий Федорович и Федор Юрьевич (младший брат Ивана Юрьевича) Булгаковы ¹⁰.

В 1577 г. в «особный» двор Грозного входили представители еще одной знатнейшей рязанской фамилии: в росписи ливонского похода 1577 г. в чине «дворового» стольника упоминается Иван Васильевич Измайлов ¹¹. Подобно Булгаковым-Денисьевым и Биркиным Измайловы сохранили свои рязанские владения: Иван Васильевич в 1588—1589 гг. служил выборным дворянином по Рязани с окладом 500 ч. ¹²

¹ *Веселовский*. Опричнина, с. 207—208; *Кобрин*. Опричный двор, с. 37. ² *Веселовский*. Опричнина, с. 208. ³ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 9, 11, 12. ⁴ РК, с. 260—261. ⁵ ГПБ, Эрм. 390, лл. 384, 545 об., 567. ⁶ Там же, лл. 614 об.—615. ⁷ РК, с. 320; ГПБ, Эрм. 390, л. 653; Разрядная книга 1559—1605 гг. Сост. Л. Ф. Кузьмина. М., 1974, с. 263. ⁸ Тр. вкл., лл. 393 об.—394. ⁹ РПК, т. I, вып. 1, с. 36, 194, 210. ¹⁰ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 32. ¹¹ ВЖ, 1852, № 1, с. 143. ¹² Б. сп. 1588—1589 гг., л. 44.

Вахромеевы Образец Семенович и Степан Михайлович. Отец О. С. Вахромеева Семен Тимофеевич в Дворовой тетради записан по Костроме в рубрике: «Литва дворовая» ¹. В 1573 г. Образец Семенович получал 9 руб.

«с городом»². В 1574 г. присутствовал на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой³.

В калужском походе 1576 г. О. С. и С. М. Вахромеевы служили податными у рынд в полку Ивана IV⁴, в росписи ливонского похода 1577 г. упоминаются с чинами жильцов⁵, в росписи приема А. Поссевина 1581 г. — «дворовых» жильцов⁶. О. С. Вахромеев в ноябре 1581 г. ездил к Ивану IV в Александрову слободу с грамотой от Н. Р. Юрьева и А. Я. Щелкалова⁷. В 1582 г. О. С. и С. М. Вахромеевы присутствовали на посольском приеме⁸. В 1588—1589 гг. служили в выборе по Ржеву с окладами 550 и 300 ч.⁹ Известно крупное (более 1000 ч.) ржевское поместье О. С. Вахромеева¹⁰, которым он владел совместно с братом Иваном, впоследствии видным дьяком, также, вероятно, входившим в «особный» двор Ивана IV¹¹. В Ржевском у. получил поместье также Михаил Васильевич Вахромеев¹².

¹ ТКДТ, с. 151. ² *Альшиц*. Новый документ, с. 28. ³ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 12. ⁴ РК, с. 260. ⁵ ВЖ, 1852, № 2, с. 91—92. ⁶ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 44—45. ⁷ Там же, с. 79. ⁸ *Сторожев*. Материалы, с. 61, 63. Роспись посольского приема, сохранившаяся без начала, датирована В. Н. Сторожевым 1582 г. Однако она относится, возможно, к более позднему времени, так как Деменша Черемисинов, упоминающийся в ней (с. 56), был взят в плен в 1580 г. и возвратился в Москву лишь в декабре 1582 г. (см. ниже). ⁹ Б. сп. 1588—1589 гг., лл. 50—51. ¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, лл. 51—57. ¹¹ О. С. Вахромеев см. подробнее: *Мордовина С. П.* Указ об амнистии 1598 года. — «Советские архивы», 1970, № 4, с. 85. ¹² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, л. 595 об.

Воейковы Иван (Губа), Ефим (Баим) и Иван (Ивака) Васильевичи, их двоюродные братья Иван Борисович Осетр и Федор Семенович Булгаков и их троюродные братья Казарин и Игнатий Андреевичи Звягины. В первых поколениях род боярский, но затем захудал. «А Воейковы, государь, люди неродословные», — заметил вскользя в 1631 г. М. Вельяминов, местничавшийся с кн. В. Вяземским¹. Выдвинулись Воейковы в эпоху опричнины, среди известных в настоящее время опричников упоминаются Матвей Семенович и младшие представители рода². Несколько Воейковых были приглашены на свадьбы Ивана IV 1572 и 1574 гг. и свадьбу ливонского короля Магнуса с княжной М. В. Старицкой 1573 г.³

Особенно заметную роль в «дворе» Грозного играл Ефим Васильевич, записанный в книге 1573 г. с окладом 120 руб.⁴ В 1574 г. он среди поезжан на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой⁵. В походе 1576 г. Баим Воейков в полку Ивана IV среди дворян, «ездивших» с боярами⁶. В 1577 г. пишется с чином думного дворянина; 25 августа 1577 г. — «из двора дворянин», послан к г. Роннебургу, участвует в ливонских походах 1578—1579 гг.⁷ Поезжанин на свадьбе Ивана IV с М. Нагой. 15 мая 1583 г. ведал стражей полка Грозного⁸. В конце 1583 г. присутствовал на переговорах Ивана IV с английским послом⁹.

В январе и марте 1573 г. Б. В. Воейков вместе с братьями Федором, Иваном и Григорием получил ввозные грамоты на бывшие поместья И. Д. и П. Д. Сабуровых и Б. И. Бутурлина в Лосицком погосте Шелонской пятины (835 ч.), в марте 1576 г. эти поместья «по указному списку» были отданы в поместную раздачу «порховичам детям боярским»¹⁰. В 1575/76 г. за вклад он взял в пожизненное пользование у Троицкого монастыря села Махру и Дмитровское (последнее село было куплено Б. В. Воейковым у Г. П. Ловчикова), 1 сентября 1578 г. дал в Троицу еще 300 руб. и 4 кубка и получил также в пожизненное пользование село Раменки в Бежецке¹¹. Вклады Баима Воейкова (помимо Троицкого Сергиева он давал деньги в Соловецкий, Антониев Сийский и Чудов монастыри¹²) свидетельствуют о его незаурядном богатстве. Известны вклады и матери Б. В. Воейкова. 120 руб. Евфимья Воейкова дала в Соловецкий монастырь «по детех своих по Иване да Матвее, да по дочери по Аграфене и по ее дочери по Матрене»¹³, в Антониев Сийский монастырь — 80 руб. и шесть книг. Возвышение Баима Васильевича позволило ей, по-видимому, получить

придворный чин боярыни: во вкладной книге Антониева Сийского монастыря в одном случае она именуется как «Еуфимия Баимова мати», в другом — как «христоролюбивая боярыня Еуфимья Александровна»¹⁴. Смерть Ивана IV пошатнула положение Ефима Васильевича: в 1584 г. он был назначен головой в Пронск и после этого надолго исчезает из разрядов. В 1594/95 г. советник Грозного служил головой в Цареве-Санчурске¹⁵.

Старший брат Е. В. Воейкова Иван Васильевич Губа в 1573 г. получал 40 руб.¹⁶ В калужском походе 1576 г. расставлял стражу в полку Ивана IV, участвовал в ливонском походе 1577 г. в чине дворянина¹⁷. В 1580 г. послан «в прибавку» в Луки Великие¹⁸ наблюдать, по словам Гейденштейна, именуящего его «главным постельничим», за другими воеводами, которым царь «не вполне доверял»¹⁹. Во время штурма города войсками Батория погиб²⁰. 7 апреля 1581 г. брат Баим дал по нему 50 руб. в Троице-Сергиев монастырь²¹. В 1584 г. «Ивановское поместье Васильевича Воейкова» (не ясно Ивана Большого или Ивана Меньшого) в Ясенском погосте Порховского у. (по книгам В. М. Безобразова 1576 г. около 28 обещ) было отписано к дворцовым селам²².

Младший брат Ивана и Ефима Васильевичей Иван Меньшой в 1573 г. получал 15 руб. «с городом»²³. Служил стольником в полку Ивана IV в калужском походе 1576 г. и рындой в ливонских походах 1577—1579 гг.²⁴ В августе 1581 г. — чашник на приеме А. Поссевина²⁵. В 1581—1582 гг. — рында на приемах послов Речи Посполитой²⁶. В мае 1583 г. — рында в полку Ивана IV, в октябре 1583—январе 1584 г. — стольник, ездит «с столом» от царя к английскому послу²⁷. По сведениям Д. Горсея, в 1584 г. «фаворит» Б. Ф. Годунова Иван Воейков сопровождал в ссылку казначея П. И. Головина, причем по дороге казначей был убит²⁸. В 1599 г. И. В. Воейков служил головой в Верхотурье, где о нем производился сыск по доносу воеводы В. П. Головина: голова не устроил предписанной встречи царице и царевичам Кучума, «пьет безпрестанно» и т. д.²⁹ В 1602—1603 гг. И. В. Воейков выборный дворянин по Вязьме с окладом 600 ч.³⁰ В мае 1606 г. принимает участие в убийстве Лжедмитрия³¹.

В «двор» Грозного входили и другие братья Баима Воейкова — Матвей и Григорий. Матвей Васильевич в 1580 г. шел за санями царицы на свадьбе Ивана IV с М. Нагой³². В 1581 г. он служил четвертым воеводой в Торопце и был отозван в Александрову слободу³³, в том же году умер³⁴. Григорий Васильевич в 1581 г. упоминается «дворовым» стряпчим на приеме А. Поссевина³⁵, в 1602—1603 гг. — выборным дворянином по Вязьме с окладом 500 ч.³⁶

Известия о службе в «дворе» Федора Семеновича и опричника Ивана Борисовича³⁷ Воейковых сходны: в 1573 г. они получали по 9 руб. «с городом»³⁸, в калужском походе 1576 г. служили поддатными у рынд в полку Ивана IV³⁹, в росписи ливонского похода 1577 г. упоминаются в чинах жильцов⁴⁰. И. Б. Воейков как «дворовый» жилец присутствовал в 1581 г. на приеме А. Поссевина⁴¹.

Казарин и Игнатий Андреевичи в походе 1576 г. также служили поддатными у рынд⁴², участвовали в ливонском походе 1577 г., присутствовали на приеме А. Поссевина в качестве «дворовых» жильцов⁴³. И. А. Воейков был принят в опричнину⁴⁴, в 1573 г. получал 8 руб. «с городом»⁴⁵, в 1602—1603 гг. — выборный дворянин по Можайску с окладом 400 ч.⁴⁶ В «двор» Грозного были взяты, кроме того, Воин Игнатьевич и Пимен Матвеевич — «дворовые» жильцы на приеме А. Поссевина в 1581 г.⁴⁷, Константин Петрович и Петр Меньшиков, упоминающиеся жильцами в росписи ливонского похода 1577 г.⁴⁸ и отсутствующие в «земском» боярском списке того же года.

¹ РИС, т. V, с. 59. ² *Кобрин*. Опричный двор, с. 29; *Зимин*. Опричнина, с. 351. ³ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 12—13; вып. 2, отд. 1, с. 15; ДРВ, ч. XIII, с. 101. ⁴ *Альшиц*. Новый документ, с. 21. ⁵ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 13. ⁶ РК, с. 260. ⁷ ВЖ, 1852, № 1, с. 137, 141; ГПБ, Эрм. 390, лл. 392 об., 439 об., 543, 566. ⁸ ГПБ, Эрм. 390, лл. 614 об.,

660. ⁹ *Саваа*, с. 142. ¹⁰ *Самоквасов*, т. 1, с. 58—59, 72—73. ¹¹ ГБЛ, Тр. XIII, № 401; ЦГАДА, ГКЭ, по Бежецку, № 222/1326. ¹² Тр. вкл., л. 493 об.; Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, № 161, л. 191; Архив ЛОИИ СССР, К. 2. (Коллекция актовых книг), № 152, л. 117; *Изоюв А. Ф.* Вкладные книги Антониева Сийского монастыря. 1576—1694 (7084—7202) гг. — ЧОИДР, 1917, кн. 2, отд. 1, с. 7—8. ¹³ Архив ЛОИИ СССР, К. 2, № 152, л. 117. ¹⁴ *Изоюв А. Ф.* Указ. соч., с. 8. ¹⁵ РК, с. 342, 486. ¹⁶ *Альшиц*. Новый документ, с. 21. ¹⁷ РК, с. 201; ГПБ, Эрм. 390, л. 384. ¹⁸ РК, с. 312. ¹⁹ *Гейденштейн*, с. 128. ²⁰ Там же, с. 141. ²¹ Тр. вкл., л. 493 об. ²² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, лл. 246—250. ²³ *Альшиц*. Новый документ, с. 27. ²⁴ РК, с. 261, 296; ГПБ, Эрм. 390, л. 296. ²⁵ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 44. ²⁶ ЦГАДА, ф. 79; кн. 13, лл. 22 об. — 23; кн. 14, л. 140. ²⁷ ГПБ, Эрм. 390, лл. 659 об., 661; Сборник РИО, т. 38, с. 80—81. ²⁸ *Горсей*, с. 118—119. ²⁹ *Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. I, с. 366; *Оглобин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), ч. 4. М., 1901, с. 135. ³⁰ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1132, столп. 1, л. 39. ³¹ *Бодянский О. М.* Сказание и Повесть еже содеяна в царствующем граде Москве и о ростриге Гришке Отрепьеве и о похождениях его. — ЧОИДР, 1847, кн. 9, отд. 2, с. 25. ³² ДРВ, ч. XIII, с. 115. ³³ РК, с. 312. ³⁴ Архив ЛОИИ СССР, К. 115, № 1028, л. 487. ³⁵ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 44. ³⁶ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1132, столп. 1, л. 39. ³⁷ *Зимин*. Опричнина, с. 351. ³⁸ *Альшиц*. Новый документ, с. 28. ³⁹ РК, с. 260. ⁴⁰ ВЖ, 1852, № 2, с. 92. ⁴¹ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 45. ⁴² РК, с. 260. ⁴³ ВЖ, 1852, № 2, с. 91—92; *Лихачев*. Дело о приезде, с. 45—46. ⁴⁴ *Зимин*. Опричнина, с. 351. ⁴⁵ *Альшиц*. Новый документ, с. 28. ⁴⁶ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1132, столп. 1, л. 81. ⁴⁷ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 45. ⁴⁸ ВЖ, 1852, № 2, с. 93.

Воронов Ефим Ширшиков (Ширшов). Сын Ширшика Алексеевича, записанного в Тысячной книге городовым сыном боярским Петровского погоста Обонежской пятины ¹. В 1573 г. получал 25 руб.² В 1576 г. переведен из Обонежской пятины в «дворовый» Порховский у.³ В 1596 г. похолопил в Новгороде А. А. Воробьева ⁴. В том же году окладчик у верстанья новиков Шелонской пятины ⁵. Вместе с кн. И. Е. Черкасским и Кулгушевыми «дворовые» Вороновы «запустили» новгородское поместье Б. Д. Мартемьянова ⁶.

¹ ТКДТ, с. 97. ² *Альшиц*. Новый документ, с. 22. ³ *Корецкий*. Возрождение опричнины, с. 43. Описание его поместья см.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, лл. 6 об. — 8, 260—261. ⁴ Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. М.—Л., 1938, стлб. 405—407. ⁵ *Лихачев Н. П.* Десятия 1596 г. — ИРГО, вып. 3, с. 199. ⁶ *Корецкий*. Закрепощение, с. 83.

Годунов Борис Федорович. Отец Федор Иванович в Дворовой тетради записан по Вязьме ¹. Б. Ф. Годунов начинал службу в опричнине в качестве рынды ². Дальнейшей карьерой во многом обязан женитьбе на одной из дочерей Малюты Скуратова и браку своей сестры Ирины с царевичем Федором. В 1573 г. получал 50 руб.³ В том же году — рында с копьём у царевича Ивана Ивановича в походе к Пайде ⁴. В 1574 г. — царский дружка на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой ⁵. 1 мая 1576 г. игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Еуфимий привез из Старицы от Бориса Федоровича вклад в 50 руб.⁶ — это сведение служит основанием для включения Б. Ф. Годунова в состав «удельного» двора Грозного. В росписи ливонского похода 1577 г. упоминается в чине кравчего, похода 1578 г. — кравчего «из двора» ⁷. Вскоре пожалован в бояре ⁸. В 1577 г. Иван IV ехал в Псков из Новгорода (от 2-го до 3-го стана) на сером аргамаке Б. Ф. Годунова. 25 декабря 1578 г. после местнического спора с кн. И. В. Сицким Борис Годунов был «учинен многими месты больше» его отца ⁹. В 1580 г. — дружка царицы на последней свадьбе Ивана IV ¹⁰. По свидетельству Д. Горсея, был с царем (вместе с Б. Я. Бельским) в момент его смерти ¹¹. В писцовых книгах Вяземского у. 1594—1595 гг. упоминается бывшее поместье Б. Ф. Годунова в Загробовском стане ¹². К началу царствования Федора Ивановича ему принадлежали вотчины в Дмитрове ¹³, Твери (570 ч.), Малоярославце (1757 ч.) и подмосковное поместье ¹⁴. Кроме того, в 1575 г. к Борису Федоровичу перешла старицкая вотчина попавшего в опалу окольничего кн. Б. Д. Тулунова ¹⁵.

Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря сохранили известия о присутствии в свите Грозного жены Б. Ф. Годунова

Марии Григорьевны, сопровождавшей царя в поездках в 1575—1581 гг.¹⁶ Выдающееся положение в «дворе» Грозного занимал дядя Б. Ф. Годунова опричный постельничий Дмитрий Иванович¹⁷, который уже в 1574 г. был окольным, а в 1578 г. — боярином «из двора»¹⁸. В 1587 г. в вяземском поместье Д. И. Годунова было 752 ч.¹⁹ Он имел вотчины в Костроме (родовые)²⁰, Рязани²¹ и село Крутец в Судогодской волости Владимирского у., купленное в 1581/82 г. у А. И. Перепечиной за 350 руб.²² В особый двор Грозного, несомненно, входили и другие Годуновы. Так, Андрей Никитич упоминается «дворовым» стольником на приеме А. Поссевина в 1581 г.²³ Можно предположить, что «дворовыми» были Степан Васильевич, Никита Васильевич, Константин и Яков Михайловичи Годуновы, — они значатся в росписи ливонского похода 1577 г. с чинами окольного (С. В. Годунов) и стольников²⁴, и в то же время их имена отсутствуют в боярском списке 1577 г.

¹ ТКДТ, с. 188. ² *Кобрин*. Опричный двор, с. 34. ³ *Альшиц*. Новый документ, с. 21. ⁴ ГПБ, Эрм. 390, л. 469. ⁵ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 8. ⁶ Архив ЛОИИ СССР, К. 115, № 1028, л. 44. ⁷ ГПБ, Эрм. 390, л. 385; ДРВ, ч. XIV, с. 350. ⁸ *Зимин*. Боярская дума, с. 78. ⁹ *Забелин*. Домашний быт, ч. 2, с. 864; ГПБ, Эрм. 390, л. 543 об.; СГТ и Д, ч. 2, с. 66—67. ¹⁰ ДРВ, ч. XIII, с. 112. ¹¹ *Горсей*, с. 113. ¹² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 500 об. ¹³ ГИМ, Сим., 58, лл. 465 об. — 467. ¹⁴ *Сухотин*. Пожалования, с. 70—71. ¹⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, ч. 2. М., 1956, с. 422. ¹⁶ Архив ЛОИИ СССР, К. 115, № 1028, лл. 10, 43; *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII веков, с. 124. ¹⁷ *Кобрин*. Опричный двор, с. 34. ¹⁸ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 9; ГПБ, Эрм. 390, л. 659 об.; ДРВ, ч. XIV, с. 350. ¹⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, лл. 781, 811 об. — 816 и др. ²⁰ ГПБ, Эрм., кн. 520, лл. 478—480. ²¹ РПК, т. I, вып. 1, с. 246. ²² ЦГАДА, ГКЭ, по Владимиру, № 8/1785 и 89/1866. ²³ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 45. ²⁴ ГПБ, Эрм. 390, лл. 377 об., 385 об. и др.

Головленковы Иван и Афанасий Васильевичи. Отец Василий Кузьмич в Дворовой тетради записан по Торжку¹. И. В. и А. В. Головленковы служили в опричнине, находились в близком родстве с видным опричником И. И. Бобрищевым-Пушкиным². В 1573 г. Афанасий Васильевич получал 12, Иван Васильевич — 9 руб.³ А. В. Головленков участвовал в церемонии свадьбы ливонского короля Магнуса с княжной М. В. Старицкой 1573 г.⁴ В калужском походе 1576 г. братья служили податными у рынд⁵, в росписи ливонского похода 1577 г. упоминаются с чинами жильцов⁶. И. В. Головленков в ноябре 1577 г. был послан в Путивль за крымскими гонцами⁷. А. В. Головленков в 1581 г. раздавал награды воеводам в Смоленске⁸. В 1588—1589 гг. — выборный дворянин по Ржеву с окладом 500 ч.⁹

Иван Васильевич Головленков в 1581 г. в чине «дворового» жильца присутствовал на приеме А. Поссевина¹⁰. Известны его вотчина в Переяславском у., купленная в 1581/82 г. у И. И. Бобрищева-Пушкина¹¹, вотчина в Волоке — сельцо Васильевское и вяземское поместье — сельцо Середкино¹². В 1580 г. он дал 100 руб. в Троицкий Сергиев монастырь¹³. Сын Ивана Васильевича Афанасий в 1602—1603 гг. служил в выборе по Вязме¹⁴. В начале царствования Федора Ивановича И. В. Головленков был пострижен и посажен на цепь в тюрьме Соловецкого монастыря¹⁵. Опалы не избежал и его брат, служивший и в начале XVII в. головой на Таре¹⁶.

¹ ТКДТ, с. 80. ² *Веселовский*. Опричнина, с. 211—212; *Кобрин*. Опричный двор, с. 35—36. ³ *Альшиц*. Новый документ, с. 23, 24. ⁴ ДРВ, ч. XIII, с. 99. ⁵ РК, с. 260. ⁶ ВЖ, 1852, № 1, с. 144. ⁷ ЦГАДА, ф. 123, кн. 15, л. 48. ⁸ ГПБ, Эрм. 390, л. 631 об. ⁹ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 51. Сохранилось описание его ржевского поместья (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, л. 248). ¹⁰ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 45. ¹¹ *Кобрин*. Опричный двор, с. 36. ¹² АЗР, т. 4, с. 330. ¹³ Тр. вкл., л. 503 об. ¹⁴ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1132, столп. 1, л. 41. ¹⁵ *Кобрин*. Опричный двор, с. 36. ¹⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 930 об.

Григорьев Петр. Опричник. По мнению С. Б. Веселовского, одно лицо с Петром Григорьевичем Совиным, шурином «дворового» печатника Р. В. Алферьева¹. В мае 1570 г. брал из Царского архива для Ивана IV «кум-

ран татарской, на чом приводить татар к шерти»². В 1573 г. получал 300 руб.³, 25 сентября 1574 г. — дворцовый дьяк⁴. В том же году — дьяк у государева платья на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой⁵, принимал участие в царском походе 1574 г. в Серпухов⁶. В калужском походе 1576 г. — третий дьяк в полку Ивана Грозного, в ливонском походе 1577 г. первый «дворовый» дьяк⁷. 30 января 1578 г. на переговорах с польскими послами в Москве дьяк П. Григорьев внес крест для ратификации перемирия⁸. В августе 1572 г. и марте 1573 г. получил ввозные грамоты на бывшие поместья С. Т. и Ж. Т. Нееловых, Ф. Ч. Харламова и Г. Тювашова — 345 ч. в Ильменском и Корыстынском погостах Новгородского у. Шелонской пятины «против старого медынского поместья». В марте 1576 г. это поместье было роздано «порховичем детям боярским»⁹.

¹ Веселовский. Опричина, с. 234. К этому предположению присоединился А. А. Зимин (Зимин. Опричина, с. 373). Ср. также: Кобрин. Опричный двор, с. 36.
² Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960, с. 42.
³ Альшиц. Новый документ, с. 20.
⁴ Дмитриев А. А. Пермская старина, вып. 6, с. 134.
⁵ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 11.
⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 491.
⁷ РК, с. 260; ВЖ, 1852, № 1, с. 137.
⁸ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 368 об.
⁹ Самохвасов, т. 1, с. 74—76. В. Б. Кобрин приводит сведения о поместье П. Григорьева в Коломенском у., однако в писцовой книге сохранилось описание поместья не Петра, а Алферия Григорьева (ПКМГ I, с. 584).

Денисьевы см. Булгаковы-Денисьевы

Дмитриев Иван Васильевич. Его происхождение не выяснено. Возможно, сын Василия Дмитриевича Федорова, записанного первым по Рязани в Дворовой тетради¹. В апреле 1574 г. расставлял стражу царского полка в серпуховском походе². В калужском походе 1576 г. — рында с копьём у царевича Ивана и голова у ночных сторожей, «спит» в государевом стане³. В ливонском походе 1577 г. и на приеме А. Поссевина в 1581 г. «дворовый» стольник⁴, присутствовал на посольском приеме 1582 г.⁵ В 1588—1589 гг. — выборный дворянин по Рязани с окладом 400 ч.⁶ В 1584 г. рязанский вотчинник Т. Д. Шиловский обвинял дьяка А. Шерефединова в том, что он «вымучил» у него вотчину для своего зятя Р. П. Биркина и что в створе с ним были, в частности, родственники Биркиных Юрий и Иван Васильевичи Дмитриевы. Тогда же «в закладе» за И. В. Дмитриевым находился рязанский Никольский Огламазовский монастырь⁷. Брат И. В. Дмитриева Юрий в 1588—1589 гг. служил выборным дворянином по Рязани с окладом 450 ч.⁸ Известно, что «государев дворянин Юрьи Васильевич Дмитреева, рязанец» дал 50 руб. в Соловецкий монастырь⁹. Вотчины И. В. и Ю. В. Дмитриевых находились в Окологородном, Каменском и Пониском станах Рязанского у.¹⁰

¹ ТКДТ, с. 166. Скорее всего, Дмитриевы — отрасль одного из рязанских боярских родов.
² ГПБ, Эрм. 390, л. 491.
³ РК, с. 260.
⁴ ВЖ, 1852, № 1, с. 144; Лизачев. Дело о приезде, с. 45.
⁵ Сторожев. Материалы, с. 58.
⁶ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 31.
⁷ Акты Юшкова, с. 208.
⁸ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 31.
⁹ Архив ЛОИИ СССР, К. 2, № 152, л. 131 об.
¹⁰ РПК, т. I, вып. 1, с. 37, 88, 238.

Елчаниновы Иван и Федор Елизарьевичи и Григорий Михайлович. Родоначальник Елчаниновых выехал из Польши при Василии Темном, позднее Елчаниновы служили в уделе князя Бориса Васильевича Волоцкого. По крайней мере Федор Елизарьевич был принят в опричнину¹. В книге 1573 г. И. Е. и Ф. Е. Елчаниновы записаны с окладом 30 руб.² Ф. Е. Елчанинов ездил гонцом в Польшу, откуда возвратился в июле 1575 г.³ В феврале—марте 1576 г. он пристав у послов Речи Посполитой⁴. В калужском походе 1576 г. братья расставляли стражу в полку Ивана IV⁵. В ливонском походе 1577 г. участвовали с чинами дворян и также ведали стражей царского полка. Ф. Е. Елчанинов в июле 1577 г. вел переговоры о сдаче г. Резекне (Резица). Иван Елизарьевич в августе 1577 г. во главе

отряда в 400 человек взял ливонский город Крейцбург (Крупборх) и вел успешные переговоры о сдаче другого города — Пиболга (Пиболда) ⁶. В ливонском походе 1579 г. И. Е. и Ф. Е. Елчаниновы по-прежнему ведали стражей царского полка ⁷, в 1580 г. находились в свадебном поезде Ивана IV и М. Нагой ⁸. Старший из братьев Иван в качестве прибыльного воеводы участвовал в военных действиях отряда кн. В. Д. Хилкова против польско-литовской армии и был убит в сражении под Торопцом в сентябре 1580 г. ⁹

В 1559 г. Иван Елизарьевич с матерью Ксенией и братом Дементьем владел вотчиной в Звенигороде ¹⁰. В 1575/76 г. «по изустной памяти и по приказу Ивана Елизарьевича Елчанинова прикащики его Богдан Яковлевич и Богдан Сидорович Бельские» (находившиеся, очевидно, в близком родстве с И. Е. Елчаниновым) дали в Иосифо-Волоколамский монастырь бельскую и звенигородскую вотчины, несколько лошадей, девять образцов в серебряных окладах и другие вещи — всего на 700 руб. ¹¹

Ф. Е. Елчанинов в июне 1582 г. был приставом у «великих» послов Речи Посполитой ¹², присутствовал на посольском приеме того же года ¹³. В начале 1590-х гг. — выборный дворянин по Ростову с окладом 600 ч. ¹⁴ 22 октября 1580 г. дал 200 руб. и московский двор в Троице-Сергиев монастырь по Иване Елизарьевиче Елчанинове ¹⁵. Весной 1595 г. был послан головой в Березов, «и Федора на дороге не стало» ¹⁶.

Григорий Михайлович Елчанинов (двоюродный брат Ивана и Федора Елизарьевичей) впервые упоминается в 1567/68 г. в качестве послуха у духовной волоколамского вотчинника И. В. Мечова ¹⁷ и данной С. И. Трофимова на дмитровскую вотчину в Иосифо-Волоколамский монастырь ¹⁸. В 1573 г. имел оклад 15 руб. ¹⁹

1 марта 1576 г. он получил от имени «князя Московского» взвозную грамоту на поместье в Дмитровском у. (119 ч.), принадлежавшее ранее Г. Унговскому, в придачу к старому дмитровскому поместью (170 ч.) при окладе 400 ч. ²⁰ Участвовал в ливонском походе 1577 г.: в составе отряда Б. Я. Бельского брал ливонские города Ашераден (Скровный) и Вольмар ²¹. 25 мая 1579 г. находился в свите Ивана IV при посещении им Иосифо-Волоколамского монастыря ²². В 1582 г. присутствовал на посольском приеме ²³. В боярском списке 1588—1589 гг. Г. М. Елчанинов записан выборным дворянином по Дмитрову с окладом 500 ч. ²⁴ В 1590-е годы служил воеводой в Арзамасе ²⁵. В марте 1598 г. дал 100 руб. в Иосифо-Волоколамский монастырь ²⁶.

¹ *Зимин*. Опричнина, с. 350. ² *Альшиц*. Новый документ, с. 21, 23. ³ *Савва*, с. 116; *Поводворский*, с. 21—27. ⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 108 и др. ⁵ РК, с. 261. ⁶ Там же, с. 277, 280; ГПБ, Эрм. 390, лл. 413, 416. ⁷ ГПБ, Эрм. 390, лл. 546, 567 об. ⁸ Там же, лл. 614—614 об. ⁹ РК, с. 308; ГБЛ, Горск. 16, л. 122 об. ¹⁰ ПКМГ I, с. 706. ¹¹ ЦГАДА, ф. 181, № 141/196, л. 26—26 об. ¹² ГПБ, Эрм. 390, л. 643 об.; *Лихачев Н. П.* Дьяки, с. 97. ¹³ *Сторожев*. Материалы, с. 61. ¹⁴ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1092, столп. 6, л. 28. ¹⁵ Тр. вкл., л. 504. ¹⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 823 об. ¹⁷ *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. 1, СПб., 1895, с. 57. ¹⁸ *Шумаков*. Обзор ГКЭ, вып. 3, с. 3. ¹⁹ *Альшиц*. Новый документ, с. 23. ²⁰ Акты Юшкова, с. 24. ²¹ ГПБ, Эрм. 390, лл. 429, 431 об. ²² Архив ЛОИИ СССР, К. 115, № 1028, л. 11 об. ²³ *Сторожев*. Материалы, с. 62. ²⁴ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 50. ²⁵ *Веселовский С. Б.* Арзамасские поместные акты 1578—1618 годов. М., 1915, с. 114, 121—125 и др. ²⁶ ЦГАДА, ф. 181, № 141/196, л. 27.

Жеребцовы Иван и Федор Алексеевичи. Представители слабой отрасли старомосковского боярского рода Бяконта. В середине XVI в. Жеребцовы служили по Новгороду и Кашину ¹. В калужском походе 1576 г. И. А. и Ф. А. Жеребцовы расставляли стражу в полку Ивана IV ². Иван Алексеевич участвовал в ливонском походе 1577 г., в августе ездил с царской грамотой в Крейцбург к И. Е. Елчанинову ³. В 1580 г. — поезжанином на свадьбе Ивана IV и М. Нагой, в 1581 г. был послан с наказом о городном деле в Торопец, оттуда отозван в Александрову слободу ⁴. В декабре

того же года — воевода в Порхове⁵. В 1582 г. вместе с братом Федором присутствовал на посольском приеме⁶, в октябре 1583 г. был приставом у английского посла⁷. В 1588—1589 гг. И. А. Жеребцов носил чин московского дворянина, Ф. А. Жеребцов — выборного дворянина по Ржеву с окладом 400 ч.⁸ Их поместья тогда же находились в Язжинской и Ковецкой волостях Ржевского у.⁹ В начале 1590-х годов Иван Алексеевич стал сокольничим¹⁰.

¹ ТКДТ, с. 87, 136. ² РК, с. 261. ³ ГПБ, Эрм. 390, л. 416 об. ⁴ РК, с. 312; ГПБ, Эрм. 390, л. 615. ⁵ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 140—141, 188. ⁶ *Сторожев*. Материалы, с. 59, 62. ⁷ ГПБ, Эрм. 390, л. 661; Сборник РИО, т. 38, с. 79—83. ⁸ Б. сп. 1588—1589 гг. лл. 50, 65. ⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, лл. 366 об. — 387, 491—493 об. ¹⁰ *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV—XVI вв. — «Исторические записки», 1958, т. 63, с. 205.

Жихарев Инозем. В 1573 г. получал 12 руб. «с городом»¹. 30 марта 1576 г. — псковский дьяк «князя Ивана Васильевича Московского», подписал наказ писцам «дворового» Порховского у.² По его «даче» в Порховском у. получили поместье Богдан и Невежа Яковлевичи Бельские³. Вскоре Инозем Жихарев умер; в 1577/78 г. его жена, дочь Евстафия Сьянова, продала конюху А. Грачову часть вотчины (94 ч.) в Сурожском стане Московского у.⁴ Другая часть этой вотчины принадлежала позднее сыновьям И. Жихарева. Его дочь Евдокия в 1581 г. вышла замуж за «дворового» жильца Б. И. Култушева⁵. Ждан и Федор Иноземовы — дети Жихарева — в начале 1590-х годов служили в выборе по Можайску⁶. В начале XVII в. Ф. И. Жихарев стал шатерничим царевича Федора⁷.

¹ *Альшиц*. Новый документ, с. 26. ² НПК, т. V, стлб. 571; *Корецкий*. Материалы, с. 303. ³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, лл. 58 об. — 59 об. ⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, лл. 732, 733 об. ⁵ ПКМГ I, с. 101—102. ⁶ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1092, столп. 6, л. 44. ⁷ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1074, столп. 12, л. 112.

Зюзин Василий Григорьевич. Из рода тверских бояр. В Дворовой тетради записан по Суздалью¹. Крупный опричник, командовавший передовым отрядом во время новгородского погрома 1570 г.² В 1573 г. получал 400 руб.³ Присутствовал на свадьбе ливонского короля Магнуса с М. В. Старицкой⁴. Участник свадебных церемоний Ивана IV с А. Васильчиковой и М. Нагой⁵. Дворянин в полку Грозного в серпуховском походе 1574 г.⁶, с того же года — думный дворянин⁷. В 1576 г. местничался в Старице с Ф. Ф. Нагим⁸. В калужском походе 1576 г. он среди дворян, ездивших за царем «з бояры»⁹. Участвует в ливонских походах 1577—1579 гг.¹⁰ В январе 1578 г. — дворянин ближней думы на переговорах в Кремле с польскими послами, в августе в Александровой слободе ведет переговоры с датскими послами, в сентябре в Москве — переговоры с крымскими послами¹¹. В ноябре 1579 г. местничался с «земским» казначеем П. И. Головиным и получил на его правую грамоту¹². В апреле 1581 г. — ночной голова в государеве стане, в мае 1583 г. ведет стражей полка Ивана IV¹³. На посольских переговорах 1581—1582 г. носит титул наместника суздальского¹⁴. После 1583 г. его имя исчезает из документов. В 1576 г. В. Г. Зюзин имел крупное поместье в отошедшей в «удел» части Шелонской пятины¹⁵. Его дочь Ольга была замужем за Алексеем Ивановичем Годуновым, источники упоминают ее приданную вотчину в Угличе — село Спасское¹⁶. Сыну В. Г. Зюзина Якову принадлежала подмосковная вотчина и земли в Зубцове¹⁷.

¹ ТКДТ, с. 153. ² *Кобрин*. Опричный двор, с. 39. ³ *Альшиц*. Новый документ, с. 20. ⁴ ДРВ, ч. XIII, с. 101; ⁵ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 12; ДРВ, ч. XIII, с. 113. ⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 491. ⁷ *Зимин*. Боярская дума, с. 80. ⁸ РИС, т. V, с. 1. ⁹ РК, с. 260. ¹⁰ ВЖ, 1852, № 1, с. 137; № 2, с. 103; ДРВ, ч. XIV, с. 350; ГПБ, Эрм. 390, лл. 545 об., 565 об. ¹¹ *Савва*, с. 397. ¹² ГПБ, Эрм. 390, л. 577 об. ¹³ ГЕЛ, Горск. 16, лл. 134, 184. ¹⁴ *Савва*, с. 397—398. ¹⁵ НПК, т. V, стлб. 650—653. ¹⁶ ЧОИДР, 1868, кн. 4, смесь, с. 1—2. ¹⁷ ПКМГ I, с. 139—140.

Ивановы Владимир и Василий Дворяниновы. Расставляли стражу в полку Ивана IV в калужском походе 1576 г.¹, ливонских походах 1577—1579 гг. и в мае 1583 г.² Владимир Дворянинов присутствовал на посольском приеме 1582 г.³

¹ РК, с. 261. ² РК, с. 277; ГПБ, Эрм. 390, лл. 507 об. — 508, 660 об. ³ *Сторожев.* Материалы, с. 63.

Иванов Петр. В 1576 г. подъячий, описывал вместе с В. М. Безобразовым отошедшую в «удел» Ивана IV часть Шелонской пятины¹.

¹ НПК, т. V, стлб. 573; *Корецкий.* Материалы, с. 303.

Иванов Стахий (Тимофеев Стахий Иванович). В 1573 г. подъячий с окладом 30 руб.¹ 16 марта 1575 г. — дьяк, подписал царскую грамоту о сохранении за Троицким Сергиевым монастырем казачьих дворов у соляных варниц во Владимирском у.² Его припись имеется и на жалованной грамоте шуйским посадским людям 1575/76 г. на земли для новых дворов и выпасов³. В калужском походе 1576 г. — пятый дьяк в полку Ивана IV⁴. В 1578—1579 гг. дьяк «дворового» Разрядного приказа, в декабре 1579 г. — первый дьяк «дворового» Ямского приказа⁵. В 1576/77 г. купил у Б. И. Полева за 450 руб. сельцо Куретниково Старое с деревнями в Раменском стане Дмитровского у., а в следующем году дал это сельцо в Троицкий Сергиев монастырь по отце и «по тетушке по Лекарице по Ульяне по Федорове дочери Татьянина, а по Костянтинове жене Онаньина», взяв с монастыря 100 руб. сдачи⁶.

¹ *Альшиц.* Новый документ, с. 30. ² *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. 2. Юрьев, 1897, с. 24. ³ *Борисов В. А.* Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. М., 1851, с. 235. ⁴ РК, с. 261. ⁵ *Лихачев.* Дьяки, с. 36; *Садиков.* Очерки, с. 78, 350. ⁶ *Шумаков.* Обзор РКЭ, вып. 3, с. 24, 56.

Извеков Гневаш Яковлевич. В Дворовой тетради Извековы записаны по Медине как «Литва дворовая»¹. Г. Я. Извеков был в «особном» дворе Грозного довольно заметным лицом. В книге 1573 г. записан с окладом 50 руб.² В калужском походе 1576 г. служил шатерничим (барашем) в полку Ивана IV³, в той же должности упоминается в июне и сентябре 1579 г. среди участников ливонского похода⁴. Сын Гневаша Яковлевича Петр как «дворовый» жилец присутствовал в 1581 г. на приеме А. Посевина⁵. В «двор» Грозного входили, очевидно, также Даниил и Иван Андреевичи Извековы — они значатся жильцами в росписи участников ливонского похода 1577 г.⁶, и в то же время их имен нет в «земском» боярском списке того же года. Поместья Извековых, в том числе Андрея Яковлевича, в конце XVI в. находились в Вязьме⁷.

¹ ТКДТ, с. 207. ² *Альшиц.* Новый документ, с. 21. ³ РК, с. 260. ⁴ ГПБ, Эрм. 390, лл. 545, 566 об. ⁵ *Лихачев.* Дело о приезде, с. 46. ⁶ ВЖ, 1852, № 2, с. 94. ⁷ ПКМГ II, с. 822, 901—902 и др.

Канчеевы Никита, Степан, Федор и Воин Кутлуковы. Родоначальник выехал, по преданию, из Орды к великому князю рязанскому: к старшим линиям рода относятся Вердеревские и Крюковы. В каширской десятне 1556 г. «Воинко и Митко Кутлуковы дети Канчеева» записаны среди городских детей боярских, «поместья за ними по 100 четв.»¹ В дальнейшем дети Кутлука Канчеева сделали редкую карьеру. В 1573 г. Никита получал 40 руб., Степан и Федор — по 25 руб., Воин записан в книге 1573 г. среди детей боярских, получавших денежное жалованье «с городом»². В походе 1573 г. к Пайде все четверо расставляли стражу в полку Ивана IV³. Н. К. Канчеев вскоре получил чин стряпчего, в серпуховском походе

1574 г. он ведал постелью Ивана IV, Степан расставлял стражу полка Грозного⁴. В калужском походе 1576 г. Никита Кутлуков шел вторым за постелью Ивана IV, три его брата, как и прежде, «ставили сторожи»⁵. В росписи ливонского похода 1577 г. Н. Канчев упоминается с чином стряпчего с ключом, Воин — в чине дворянина⁶. Федор Канчев в сентябре 1577 г. был послан к царю Ивану воеводами А. Ф. Нагим и И. П. Татищевым с вестью о взятии г. Трикаттена (Треката). В ливонском походе 1579 г. Никита участвовал стряпчим с ключом, Федор ведал стражей государева полка⁷. Никита Кутлуков в 1588—1589 гг. носил чин выборного дворянина по Козельску с окладом 600 ч.⁸ Воин и Степан Канчевы, по воспоминаниям 1631 г. их родственника В. Ханькова, «служили с Лихвина по выбору»⁹. В писцовой книге Козельского у. 1629—1631 гг. в Серенском стане упоминается «князь Гавриловское поместье Коркодинова, а преж было за Микитою да за Степаном Канчевыми»¹⁰.

¹ Гуляев Е. О детях боярских и отроках княжеских и вообще о дворянах, служивших в России до конца XVIII столетия. — «Heraldica». Исторический сборник Н. В. Шапошникова, т. I. СПб., 1900, с. 40. ² *Альшиц*. Новый документ, с. 21, 22, 24. ³ ГПБ, Эрм. 390, л. 469 об. ⁴ Там же, лл. 491 об.—492. ⁵ РК, с. 260—261. ⁶ ВЖ, 1852, № 1, с. 138, 144. ⁷ ГПБ, Эрм. 390, лл. 444 об., 545, 546, 566, 568. ⁸ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 58. ⁹ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 59, л. 545. ¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 193, л. 1214 об.

Карауловы-Черемисиновы см. Черемисиновы-Карауловы

Киндырев Иван (Воин) Васильевич. Внук выехавшего в 1476 г. из Твери в Москву боярина Дмитрия Ивановича Киндырева¹. В Дворовой тетради вместе с братом Федором записан по Твери². Находился в родстве с другим тверским боярским родом: его сестра была замужем за Г. И. Нагим³. О высоком положении Ивана Васильевича в «дворе» Грозного свидетельствует его денежный оклад в 1573 г. — 250 руб.⁴ В 1574 г. И. В. Киндырев шел за санями царицы на свадьбе Ивана IV и А. Васильчиковой⁵. 1 мая 1576 г. игумен Иосифо-Волоколамского монастыря привез из Старицы вклад от Воина Киндырева⁶ — это сведение служит доказательством его вхождения в «удельный» двор «князя Московского». В 1577 г. он упоминается среди дворян царевича Федора, оставленных на время ливонского похода в Великом Новгороде⁷. В 1590—1591 гг. воевода в Брянске⁸.

И. В. Киндырев был одним из самых крупных вкладчиков Троицкого Сергиева монастыря. С 1568 по 1599 г. он дал в монастырь два села, 19 деревень и 500 руб. деньгами⁹. 150 руб. вложил также в Иосифо-Волоколамский монастырь¹⁰. В 1585/86 г. продал Б. Ф. Годунову село Замытье в Бежецком Верхе¹¹.

В 1570-е годы в особый двор Ивана IV входили, по-видимому, и другие Киндыревы: в книге раздачи денежного жалованья 1573 г. с окладами по 40 руб. каждый записаны Иван и Григорий Григорьевичи Киндыревы¹², вероятно, двоюродные братья Ивана Васильевича.

¹ ПСРЛ, т. 25, с. 308. ² ТКДТ, с. 195. ³ ЦГАДА, ф. 154, оп. 1, № 4, л. 1; ГБЛ, Тр. XIII, № 394. ⁴ *Альшиц*. Новый документ, с. 20. ⁵ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 12. ⁶ Архив ЛОИИ СССР, К. 115, № 1028, л. 44. ⁷ ВЖ, 1852, № 2, с. 89. ⁸ РК, с. 435, 459. ⁹ *Шумаков С. А.* Тверские акты, вып. 1. Тверь, 1896, с. 71—75, 79—81; Тр. вкл., л. 491—491 об. Ср. с описанием бывших вотчин И. В. Киндырева в писцовой книге Тверского у. 1581—1582 гг. (ПКМГ II, с. 322). ¹⁰ ЦГАДА, ф. 181, № 141/196, л. 26—26 об.). ¹¹ *Сухотин*. Пожалования, с. 70. ¹² *Альшиц*. Новый документ, с. 21.

Козловский Иван Меньшиков. Отец Меньшик Семенов в Дворовой тетради записан тверским помещиком¹. И. М. Козловский в калужском походе 1576 г. податень у рынды в полку Ивана IV². В росписи ливонского похода 1577 г. упоминается с чином жильца³. В 1588—1589 гг. выборный дворянин по Старице с окладом 400 ч.⁴

Костров Юрий, кн. В 1576 г. сохранял поместье в отошедшей в «удел» части Шелонской пятины ¹. В ливонском походе 1577 г. участвовал в чине дворянина, тогда же был есаулом в полку Ивана IV ². В 1572 г. его родственнику кн. М. Кострову было пожаловано поместье в Шелонской пятине, принадлежавшее ранее казначею Н. А. Фуникову ³, казненному в 1570 г. по «новгородскому делу» ⁴. В 1585 г. мать Ю. Кострова княгиня Бекалека владела его бывшими поместьями в Карачуницком, Михайловском и Ручьевском погостах Порховского у. ⁵

¹ НПК, т. V, стлб. 664—665, 677—678. ² ВЖ, 1852, № 1, с. 144. ³ Самоквасов, т. 1, с. 89. ⁴ Веселовский. Опричнина, с. 405; Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969, с. 283. ⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 267, лл. 264—265, 275 об—277.

Кубкеев (Купкеев) Даниил Мурзин. Опричник ¹. В 1573 г. получал 50 руб. ² В калужском походе 1576 г. — поддатеи у рынды в полку Ивана IV ³. В ливонском походе 1577 г. участвовал в чине жильца ⁴. В 1581 г. — «дворовый» жилец на приеме А. Поссевина ⁵. В том же году бежал в Речь Посполитую, воспользовавшись подходом к царской резиденции польского отряда ⁶. Польские источники называют Д. Кубкеева «стольником» и «постельником», посвященным во все тайны царя ⁷. В 1595 г. послы М. И. Вельяминов и А. И. Власьев везли ему в Литву царскую грамоту с предложением вернуться в Россию: «И ты б к нашему царскому величеству ехал без всякого опасу, а как будешь у нас, и мы тебя пожалуем своим жалованьем по твоему достоинству» ⁸.

¹ Кобрин. Опричный двор, с. 45. ² Альшиц. Новый документ, с. 21. ³ РК, с. 260. ⁴ ВЖ, 1852, № 2, с. 91. ⁵ Лихачев. Дело о приезде, с. 44. ⁶ Новодворский, с. 253. ⁷ Гейденштейн, с. 221; Васильевский В. Г. Польская и немецкая печать о войне Батория с Иваном Грозным. СПб., 1889, с. 69. ⁸ ПДС, т. 2, стлб. 233, 235. Первая «опасная» грамота была послана Д. Кубкееву и Д. Бельскому еще в 1585 г. (ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, лл. 596 об.—597).

Култушевы Богдан Игнатьевич и Черемисин Иванович. Происходили из Обонежской пятины Новгорода и, вероятно, служили в опричнине. В конце XVI в. Б. Д. Мартемьянов жаловался, что его обонежское поместье заустело «от князя Ивана Егупова. . . да от дворовых от Вороновых и от Култашовых» ¹. В числе других детей боярских Култушевы были выведены из Обонежской пятины в «двор» Ивана IV: их опустевшие поместья должны были перейти к «земским» детям боярским Ржевы и Зубцова ². В свою очередь, некоторые «выведенцы» из Обонежской пятины получили поместья в «дворовом» Ржевском у. Среди них был и Казарин Култушев, в 1610 г. вместе с другими дворянами и детьми боярскими Ржевы целовавший крест королевичу Владиславу ³. Ржевским поместьем в 1588—1589 гг. владел и Черемисин Иванович ⁴.

В марте 1573 г. Богдан получал 9 руб., а Черемисин — 7 руб., «с городом» ⁵, в апреле 1573 г. прислуживали у столов гостей на свадьбе короля Магнуса с кн. М. В. Старицкой ⁶. В калужском походе 1576 г. — поддатеи у рынд в полку Ивана IV ⁷, в ливонском походе 1577 г. — жильцы ⁸, в 1581 г. на приеме А. Поссевина — «дворовые» жильцы ⁹, при суживали на посольском приеме 1582 г. ¹⁰ Богдан Игнатьевич в 1581 г. женился на дочери «дворового» дьяка Инозема Жихарева (см. выше), взяв в приданое небольшую вотчину в Сурожском стане Московского у. ¹¹ Черемисин Иванович в 1603—1604 гг. расписался в кормленной к ниге за нескольких четвертчиков Галицкой четверти ¹². Родственник Бог дана и Черемисина Отуч Култушев упоминается среди детей боярских царицы на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой ¹³.

¹ *Корецкий*. Закрепощение, с. 83. ² *Корецкий*. Возрождение опричнины, с. 44. ³ Сборник РИО, т. 142, с. 82. ⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, л. 166. Однако большинство Култушевых, выведенных из Обонежской пятины, получили поместья в Порховском у. ⁵ *Альшиц*. Новый документ, с. 28. ⁶ ДРВ, ч. XIII, с. 101. ⁷ РК, с. 260. ⁸ ВЖ, 1852, № 2, с. 92. ⁹ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 46. ¹⁰ *Сторожев*. Материалы, с. 62—63. ¹¹ ПКМГ I, с. 101—102. ¹² *Сухотин*. Четвергичики, с. 15, 23 и др. ¹³ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 11.

Купкеев Д. М. см. Кубкеев Д. М.

Литвинов Григорий Григорьевич. Выходец из Литвы. В Дворовой тетради записан по Торжку ¹. В калужском походе 1576 г. и в ливонских походах 1577 и 1579 гг. расставлял стражу в полку Ивана IV ². 25 августа 1577 г. послан воеводами к царю с грамотой о сдаче ливонской крепости Эрл ³. В 1580 г. находился в свадебном поезде Ивана IV и М. Нагой ⁴. В августе 1581 г. вместе с Р. П. Биркиным ездил от царя на двор к А. Поссевину ⁵. В 1577 г. Г. Г. Литвинов с сыном Иваном дал в Троицкий Сергиев монастырь небольшую вотчину в Переяславском у. ⁶ В «особный» двор Грозного входил и Прохор Иванович Литвинов: он значится жильцом в росписи ливонского похода 1577 г. ⁷, но не упоминается среди жильцов в «земском» боярском списке этого года. В 1588—1589 гг. П. И. Литвинов имел ржевское поместье ⁸.

¹ ТКДТ, с. 201. ² РК, с. 261; ГПБ, Эрм. 390, лл. 546, 568. ³ ГПБ, Эрм. 390, л. 430. ⁴ Там же, л. 615. ⁵ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 7. ⁶ ЦГАДА, ГКЭ, по Переяславлю, № 263/8987. ⁷ ВЖ, 1852, № 2, с. 94. ⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, л. 499.

Микулин-Петров Меркурий Утешев. По мнению А. А. Зимина, весной 1572 г. служил в опричнине ¹. В 1573 г. получал 6 руб. «с городом» ². В калужском походе 1576 г. — поддатень у рынды ³. Участвовал в ливонском походе 1577 г. в чине жильца ⁴. Его отец Утеш Никитич Петров также упоминается в царском окружении: в ряде походов конца 1570—начала 1580-х годов он вместе с братом Андреем Никитичем расставлял стражу полка Ивана IV ⁵. В 1573 г. У. Н. и А. Н. Петровы получали по 12 руб. ⁶ В 1588—1589 гг. Утеш Микулин Петров (с окладом 500 ч.) и «сын его Меркур» служили выборными дворянами по Козельску ⁷. В конце 1589 г. Меркурий Утешев был поверстан поместным окладом в 300 ч. ⁸, до этого времени он служил без оклада с отцовского поместья. В последующие 15 лет службы оклад М. У. Микулина увеличился лишь на 50 ч. ⁹ В писцовой книге Козельского у. 1629—1631 гг. упоминается поместье его сына Дениса в Подгородном стане ¹⁰.

¹ *Зимин*. Опричнина, с. 352. ² *Альшиц*. Новый документ, с. 26. ³ РК, с. 260. ⁴ ВЖ, 1852, № 2, с. 92. ⁵ ГБЛ. Горск. 16, лл. 61, 134 об., 184 об. ⁶ *Альшиц*. Новый документ, с. 23. ⁷ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 58. ⁸ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1167, столп. 1, л. 22. ⁹ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1074, столп. 12, л. 34. ¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 192, лл. 345—346.

Милославские Андрей и Владимир Степановичи Рудаковы, их двоюродный и троюродный братья — Михаил Иванович и Федор Васильевич. Происходят от Вячеслава, выехавшего в Москву в 1390 г. в свите великой княгини Софьи Витовтовны ¹. Отец Андрея и Владимира Степан Дмитриевич Рудак в Дворовой тетради записан по Переяславлю ², его старшие братья были казнены в опричнину ³. Несмотря на это, в опричном дворе весной 1572 г. служили А. С. и В. С. Милославские ⁴. В 1573 г. они получали 11 и 10 руб. «с городом» ⁵. В калужском походе 1576 г. — поддати у рынд в полку Ивана IV ⁶, в ливонском походе 1577 г. — жильцы ⁷. Андрей Степанович в чине «дворового» жильца присутствовал в 1581 г. на приеме А. Поссевина ⁸. В переяславской десятье 1589/90 г. он значится среди дворовых детей боярских с поместным окладом 395 ч. ⁹ В 1615 г. получал 15 руб. годового жалованья из Владимирской четверти ¹⁰.

Федор Васильевич, сын казненного Грозным Василия Варфоломеевича, также служил в опричнине¹¹. В 1573 г. получал 11 руб. «с городом»¹². В калужском походе 1576 г. — поддатень у рынды в полку Ивана IV¹³. В росписи ливонского похода 1577 г. — жилец¹⁴, в 1581 г. на приеме А. Поссевина — «дворовый» жилец¹⁵.

Михаил Иванович Милославский и его брат Лука начинали службу новгородскими владычными детьми боярскими¹⁶. Их родственники, также служившие при дворе новгородского архиепископа, погибли во время казней 1570 г.¹⁷ М. И. Милославский участвовал в калужском походе 1576 г. в полку Ивана IV в качестве податня у рынды¹⁸. В росписи ливонского похода 1577 г. Михаил и Лука упоминаются с чинами жильцов¹⁹: так как имя Л. И. Милославского отсутствует в боярском списке 1577 г., его также можно считать «дворовым». В 1603—1604 гг. братья получали по 15 руб. из Галицкой четверти²⁰. В 1605/06 г. Лука Иванович служил дворовым сыном боярским по Шелонской пятине с окладом 600 ч.²¹

¹ Веселовский. Опричнина, с. 411. ² ТРДТ, с. 140. ³ Веселовский. Опричнина, с. 411. ⁴ Зимин. Опричнина, с. 352. ⁵ Альшиц. Новый документ, с. 27. ⁶ РК, с. 260. ⁷ ВЖ, 1852, № 1, с. 140—141; № 2, с. 92. ⁸ Лизачев. Дело о приезде, с. 46. ⁹ Сторожев В. И. Десятни XVI века. — «Описание Московского архива Министерства юстиции», кн. 8. М. 1891, с. 60. ¹⁰ Сухотин. Четвертки, с. 43. ¹¹ Веселовский. Опричнина, с. 411; Зимин. Опричнина, с. 352. ¹² Альшиц. Новый документ, с. 27. ¹³ РК, с. 260. ¹⁴ ВЖ, 1852, № 2, с. 93. ¹⁵ Лизачев. Дело о приезде, с. 46. ¹⁶ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, с. 99; Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, д. 46, л. 96 об. ¹⁷ Скрынников Р. Г. Опричный террор, с. 48, 280. ¹⁸ РК, с. 260. ¹⁹ ВЖ, 1852, № 2, с. 91, 93. ²⁰ Сухотин. Четвертки, с. 43. ²¹ ЦГАДА, ф. 210, Дела десятиев, № 126, лл. 45—45 об.

Михайлов Петр (Ерш). В 1573 г. — конюшенный дьяк с окладом 80 руб.¹ В 1574 г. ездил в Речь Посполитую для переговоров об избрании Ивана IV на королевский престол: посольство было задержано в Литве и отозвано в Москву². В том же году «списки держал и разряжал» на свадьбе царя с А. Васильчиковой³. 3 июля 1574 г. в Старице в дьячьей избе вместе с В. Я. Щелкаловым принимал датского посланника⁴. В 1575 г. в Александровой слободе вместе с А. Ф. Нагим расспрашивал польского шляхтича Х. Граевского⁵. В калужском походе 1576 г. — четвертый дьяк в полку Ивана IV⁶. В ливонском походе 1577 г. — «дворовый» дьяк, ведет переговоры о сдаче Зессвегена (Чествина), после взятия города составляет опись «немецких животных»⁷. В январе 1578 г. присутствует на переговорах с польскими послами в Москве⁸. В ливонском походе 1579 г. — «дворовый» дьяк⁹.

¹ Альшиц. Новый документ, с. 42. ² Новодворский, с. 20—21. ³ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 10. ⁴ Саева, с. 396. ⁵ Рябинин И. С. Показания польского шляхтича Криштофа Граевского о своей поездке в Москву, 1574—1575 гг. — ЧОИДР, 1905, кн. 1, с. 11. ⁶ РК, с. 260. ⁷ ВЖ, 1852, № 1, с. 137; ГПБ, Эрм. 390, лл. 419 об., 421 об. ⁸ ЦГАДА ф. 79, кн. 10, лл. 347—348. ⁹ РК, с. 293 и 295.

Мшохин Вешняк. В 1576 г. вместе с В. М. Безобразовым описывал отошедшую в «удел» Ивана IV часть Шелонской пятин¹.

¹ НПК, т. V, стлб. 571; *Корецкий*. Материалы, с. 303.

Нагие Федор, Афанасий и Андрей Федоровичи. Из рода тверских бояр. В Дворовой тетради и Тысячной книге записаны по Переяславлю¹. Положение Афанасия Федоровича в «дворе» Грозного хорошо показал Р. Г. Скрынников: осенью 1573 г. А. Ф. Нагой возвратился из Крыма, где пробыл 10 лет с посольством, в следующем году получил чин «дворянина ближней думы» и стал, по-видимому, одним из самых близких к царю людей². В апреле 1574 г. в серпуховском походе он «стражу дозировал» в полку Ивана IV³. В том же году присутствовал на свадьбе царя с А. Васильчиковой⁴. 7 июня 1575 г. участвовал в переговорах в Старице с дат-

скими послами. В январе 1576 г. с титулом дворянина ближней думы и наместника новоторжского ведет переговоры в Можайске с австрийскими послами⁵. В марте «являл» Ивану IV в Старице литовских гонцов⁶. В калужском походе 1576 г. — дворовый воевода «князя Московского»⁷. В ноябре — наместник козельский, принимает гонцов Стефана Батория⁸. Как дворовый воевода участвует в ливонских походах 1577—1579 гг. и упоминается в росписи царского полка апреля 1581 г. В походе 1577 г. царевичу Федору дважды были поданы кони А. Нагого: «конь бурчал лыс крымской» и «конь сер. . . седло крымское, луки подволочены олтабасом»⁹. В 1577 г. А. Ф. Нагой вел переговоры с крымскими гонцами в Братошине, в 1578 г. «являл» Ивану IV датских послов в Александровой слободе¹⁰. В 1580 г. на «окольном месте» сидел на свадьбе Грозного с М. Нагой¹¹. На приемах послов Речи Посполитой 1581—1582 гг. он наместник можайский, стоял выше рынд слева от царя (справа — Б. Я. Бельский)¹². Умер около 1593 г.¹³

Старший брат Афанасия Федор Федорович в апрельском серпуховском походе 1574 г. служил царским дворовым воеводой¹⁴, в калужском походе 1576 г. исполнял обязанности окольного в полку Ивана IV¹⁵, в 1577 г. в чине окольного вошел в боярскую думу¹⁶. Близость Нагих к государю была закреплена в 1580 г. женитьбой Ивана IV на дочери Федора Федоровича. Умер Ф. Ф. Нагой в конце 1590 г.¹⁷

Андрей Федорович в 1573 г. служил головой в Пайде, в 1573/74 г. с отрядом ногайских и романовских татар участвовал в военных действиях против «немецких людей» под г. Раквере (Ракобором), в том же году — воевода в походе к Тарту (Юрьеву-Ливонскому). В январе 1576 г. встречает австрийских послов в Смоленске: «А как послы пришли к Смоленску, из города из Смоленска была встреча цесарским послам — Федор Васильевич Шереметев з земскими дворяны да Ондрей Федорович Нагова, а с ним были дворовыя».¹⁸ В 1577 г. дворянин на смотре русского войска в Пскове Андрей Нагой голова в царском полку с отрядом в 100 человек, в сентябре 1577 г. участвует во взятии ливонского г. Трикаттена. Зимой 1583 г. — посол на переговорах о размене пленных с представителями Речи Посполитой¹⁹. После смерти Грозного Нагие «тое же ночи» были арестованы²⁰. В дальнейшем род Нагих не выходил из опалдо конца царствования Б. Ф. Годунова.

Отцу Федора, Афанасия и Андрея Федору Михайловичу принадлежали вотчина и поместье в Тверском у. Ф. Ф. Нагой имел старинную вотчину в Юрьев-Польском у. и небольшую приданную вотчину в Звенигороде²¹. В угличских приправочных книгах 1595—1597 гг. упоминается его бывшее владение — село Новое (889 ч. средней земли)²². Афанасию Федоровичу принадлежала родовая вотчина в Переяславле — село Клобуково²³.

В «двор» Грозного в 1570—1580-е годы входили, несомненно, и другие Нагие. Только на посольском приеме 1582 г., помимо Афанасия и Андрея Федоровичей, присутствовали еще семь представителей этого рода²⁴. По свидетельству Горсея, брат Федора, Афанасия и Андрея Семен по приказу царя «разорил» дьяка Щелкалова: убил его слугу и «выколотил из пяток у Андрея Щелкалова пять тысяч рублей»²⁵. Сын Аф. Ф. Нагого Петр упоминается стряпчим с платем в росписи ливонского похода 1577 г.²⁶ и отсутствует среди стряпчих в «земском» списке того же года. Михаил и Афанасий Александровичи имели крупное поместье в «дворовом» Ржевском у.²⁷

¹ ТКДТ, с. 138. ² *Скрынников*. Возрождение опричнины, с. 192 и др. ³ ГПБ, Эрм. 390, л. 491 об. ⁴ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 13. ⁵ ЧОИДР, 1916, кн. 2, отд. 2, с. 169; ПДС, т. 1, с. 533. ⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 114 об. ⁷ РК, с. 259. ⁸ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 217. ⁹ *Забелин*. Домашний быт, ч. 2, с. 850, 853. ¹⁰ ГПБ, Эрм. 390, лл. 528, 566 об. и др.; ЦГАДА, ф. 53, 1559 г., № 1, л. 3. ¹¹ ДРВ, ч. XIII, с. 113. ¹² ЦГАДА, ф. 79, кн. 13, лл. 22 об.—23; кн. 14, лл. 140—141. ¹³ ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 27. ¹⁴ ГПБ, Эрм. 390, л. 491 об. ¹⁵ РК, с. 259. ¹⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 377 об. ¹⁷ Тр. вкл., л. 234. ¹⁸ ГПБ, Эрм. 390, лл. 472, 489 об., 490, 508 об. ¹⁹ ГПБ, Эрм. 390, лл. 393 об., 444 об., 657; ВЖ,

1852, № 1, с. 145; *Бантыш-Каменский*. Обзор, с. 184.²⁰ ПСРЛ, т. 14, с. 35.²¹ ПКМГ I, с. 115, 182, 266, 667, 856.²² *Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и записи. М., 1902, с. 103—107.²³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 348, л. 146 об.²⁴ *Сторожев*. Материалы, с. 55—58.²⁵ *Горсей*, с. 108.²⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 385. П. Ф. Нагой в 1588 г. был пострижен и заточен в монастырь (*Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий. — Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 188).²⁷ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, лл. 572—583.

Нацокины Роман Васильевич Алферьев, Михаил Андреевич Безниц, Григорий Афанасьевич Злобин, Ермола Осипович Ляпунов, Павел Андреевич Истомин и Иван Семенович. В число руководителей особого двора Грозного входили Р. В. Алферьев и М. А. Безниц, записанные в Дворовой тетради и Тысячной книге по Можайску и служившие в опричнине¹. Роман Васильевич с 1571 г. был печатником и думным дворянином². В 1574 г. — воевода в Васильгороде³, в калужском походе 1576 г. печатник в полку Ивана IV, второй воевода у знамени в царском полку в ливонском походе 1577 г.⁴ В декабре 1577—январе 1578 г. — воевода у наряда в Резекне⁵. В 1580 г. — печатник и воевода «слободкой» (!) на свадьбе Ивана IV с М. Нагой⁶. В 1581—1582 гг. с титулом наместника козельского вел переговоры о перемирии с Речью Посполитой⁷. 7 февраля 1584 г. участвовал во встрече английского посла⁸. В царствование Федора Ивановича в опале был сослан в Царицын и умер там в 1590 г.⁹

Известны поместья Р. В. Алферьева в Московском у. и в Старице¹⁰. Он был женат на сестре опричников П. Г. и Б. Г. Совиных¹¹, одна его дочь вышла замуж за М. А. Нагого¹², другая — за кн. И. А. Бахтеярова¹³. Сын его Семен Романович — «дворовый» жилец на приеме А. Поссевина в 1581 г.¹⁴ В 1588—1589 гг. он служил выборным дворянином по Козельску с окладом 600 ч.¹⁵, испомещен был в Козельске (300 ч.) и Вязьме (300 ч.)¹⁶. Другой сын — Василий Романович, в 1588—1589 гг. также выборный по Козельску, имел вотчину в Верейском у., конфискованную позднее Б. Ф. Годуновым¹⁷. 22 ноября 1590 г. братья дали вкладом по отцу в Троицкий Сергиев монастырь 100 руб.¹⁸ и в том же году 400 четвертей ржи ценою в 100 руб. в Иосифо-Волоколамский монастырь¹⁹.

Двоюродный брат Р. В. Алферьева Михаил Андреевич Безниц был одним из виднейших «дворовых» воевод времени Ливонской войны. В 1573 г. участвует во взятии Пайды, остается там наместником и воеводой, совершает походы под Таллин (Кольвань) и Тарту²⁰. В калужском походе 1576 г. он среди дворян, «ездивших з бояры» в полку Ивана IV²¹. В апреле 1577 г. ведает стражей царского полка, в августе — думный дворянин, ведет в ливонском городе Негвине переговоры о сдаче²². В сентябре 1577 г. во главе передового полка вновь действует под Таллином, в следующем году — воевода в Кексгольме (Кореле)²³. В ливонском походе 1579 г. ведал ночной стражей в полку Грозного, в июле «воевал» за Двиной «литовские земли и курляндских немец», осенью возглавлял передовой полк в походе из Тарту под Нарву (Ругодив)²⁴. В 1580 г. — третий воевода в Зубцове, 8 сентября отозван в Москву, участвует в церемонии свадьбы Ивана IV с М. Нагой²⁵. В начале 1582 г. послан в Новгород для шведского похода. В январе 1583 г. вел переговоры о размене пленных с послами Речи Посполитой, в мае 1583 г. расставлял стражу царского полка, в октябре назначен встречать английского посла²⁶, в ноябре 1583 г. — воевода в казанском походе²⁷. В 1585 г. в составе «великого посольства» ездил в Речь Посполитую для заключения перемирия²⁸. В 1586 г. постригся в Иосифо-Волоколамском монастыре²⁹. Имел крупное поместье в Ростовском у.³⁰

Отец и дед Григория Афанасьевича служили по Водской пятине Новгорода³¹. В калужском походе 1576 г. он расставлял стражу царского полка³². В 1580 г. ездил гонцом в Речь Посполитую³³. На последней свадьбе Ивана IV в сентябре 1580 г. был в свадебном поезде и «сорок соболей держал, чем государя на месте опаживать»³⁴. В конце сентября взят в плен

в неудачном сражении под Торопцом³⁵. По возвращении из плена в 1585 г. — наместник в Белой³⁶. В 1588—1589 гг. служил выборным дворянином по Ржеву с окладом 800 ч.³⁷ В 1592—1593 гг. — посланник в Турции³⁸, в 1597—1598 гг. — один из руководителей Московского судного приказа³⁹. В чине московского дворянина подписал Утвержденную грамоту об избрании на царство Б. Ф. Годунова⁴⁰. В 1602 г. воевода в Ельце⁴¹. В 1604 г. его вдова Марья выставила в поход против самозванца со своих ржевских владений пять всадников⁴².

В особый двор Грозного 1570—1580-х годов входил и старший брат Г. А. Нащокина Петр Афанасьевич. В 1573/1574 г. он служил воеводой в Раквере⁴³. Родословцы сообщают: «А у Афанасья у Злобы 4 сына: Петр, который был в Ракоборе в осаде, как немцы приступали к Ракобору, и за ту службу на Перми на жалованьи был»⁴⁴. П. А. Нащокин, участник ливонских походов 1577—1579 гг., в 1580 г. стоял «у царыцына зголовья» на свадьбе Ивана IV с М. Нагой, в 1581 г. в качестве «прибавочного» воеводы «годовал» в Смоленске⁴⁵. В сентябре 1582 г. — государев посланник на Двине⁴⁶. В 1583—1584 гг. строил Архангельск: грамоты к нему писались из «дворового» Большого Прихода⁴⁷. В 1588—1589 гг. выборным дворянином по Ржеву служил сын П. А. Нащокина Алексей⁴⁸.

Отец Ермолы Осиповича Осип Иванович Бородин был (как и дед) помещиком Шелонской пятины⁴⁹. Е. О. Нащокин в 1573—1575 гг. — голова в Пайде, в калужском походе 1576 г. расставлял стражу в полку Ивана IV и ездил «в окольных перед государем», в 1581—1582 гг. — голова в Красном⁵⁰.

Павел Истомин и его племянник Иван Семенович Нащокины сохранили в 1576 г. поместья в отошедшей в «удел» части Шелонской пятины⁵¹. В Тысячной книге П. И. Нащокин с братьями записан по Шерскому погосту Шелонской пятины среди дворовых детей боярских⁵². В боярской книге 1556 г. Семен Истомин значится в 17-й статье с окладом 20 руб. В его новгородском поместье в это время было 25 беж⁵³. К 1585 г. Ивану Семеновичу в Порховском у. принадлежали поместья отца, дяди Павла Истомина и еще нескольких помещиков⁵⁴.

¹ *Веселовский*. Опричнина, с. 200; *Кобрин*. Опричный двор, с. 50—52. ² *Зимин*. Боярская дума, с. 80. ³ ГПБ, Эрм. 390, л. 494 об. ⁴ РК, с. 260, 277. ⁵ ГПБ, Эрм. 390, л. 556 об.; *Буганов В. И.* Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577—1578 годах. — АЕ за 1964 г. М., 1965, с. 298—299. ⁶ ДРВ, ч. XIII, с. 113. ⁷ *Новодворский*, с. 274. ⁸ ГПБ, Эрм. 390, л. 661 об. ⁹ Тр. вкл., л. 434 об. ¹⁰ *Кобрин*. Опричный двор, с. 52; АЗР, т. 4, с. 383—384; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 15397, лл. 1073—1077. ¹¹ *Лихачев*. Дьяки, с. 74. ¹² ГБЛ, Горск. 16, л. 124 об. ¹³ Тр. вкл., л. 177. ¹⁴ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 45. ¹⁵ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 58. ¹⁶ АЗР, т. 4, с. 384; *Сухотин*. Пожалования, с. 78—80. ¹⁷ АЗР, т. 4, с. 383—384. ¹⁸ Тр. вкл., л. 434 об. ¹⁹ ЦГАДА, ф. 181, № 141/196, л. 50 об. ²⁰ ГПБ, Эрм. 390, лл. 472, 472 об., 490, 494 об. ²¹ РК, с. 259. ²² РК, с. 277—279. ²³ ГПБ, Эрм. 390, лл. 445 об., 446 об., 528 об. ²⁴ Там же, лл. 545 об., 556 об., 557, 565 об., 567 об. ²⁵ РК, с. 308, 310; ГПБ, Эрм. 390, л. 614 об. ²⁶ РК, с. 324—325. ²⁷ РК, с. 340. ²⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. IV. М., 1960, с. 206—207. ²⁹ *Кобрин*. Опричный двор, с. 52. О его деятельности после пострижения см.: *Нурбок В. Б.* Михаил Безнин — опричник, монах, авантюрист. — «Вопросы истории», 1965, № 11, с. 215—216. ³⁰ *Сухотин*. Пожалования, с. 48. ³¹ НПК, т. III, стлб. 157—162. ³² РК, с. 261. ³³ *Новодворский*, с. 130—131; *Бантыш-Каменский*. Переписка, с. 161. ³⁴ ГПБ, Эрм. 390, лл. 613 об., 615. ³⁵ *Новодворский*, с. 187; ГБЛ, Горск. 16, л. 123. ³⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 684. ³⁷ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 70. ³⁸ СГГид, ч. 2, с. 125; ГПБ, Эрм. 390, л. 785 об. ³⁹ ГПБ, Эрм. 390, л. 865, 879. ⁴⁰ ААЭ, т. 2, с. 44, 51. ⁴¹ ГПБ, Эрм. 390, л. 940. ⁴² ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1074, столп. 12, л. 135. ⁴³ РК, с. 251. ⁴⁴ *Временник Московского общества истории и древностей российских*, кн. 10, 1851, с. 198. ⁴⁵ ГПБ, Эрм. 390, лл. 415 об., 441, 545 об., 556 об.—557, 565 об., 613 об., 616 об. ⁴⁶ РИБ, т. 25, стлб. 87. ⁴⁷ *Садиков*. Очерки, с. 351; *Титов А. А.* Летопись Двинская. М., 1889, с. 13. ⁴⁸ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 70. ⁴⁹ НПК, т. V, стлб. 11, 18. ⁵⁰ РК, с. 251, 255, 261, 313, 320. ⁵¹ НПК, т. V, стлб. 676—678. ⁵² ТКДТ, с. 91. ⁵³ *Оболенский М. А.* Боярская книга 1556 года. — В кн.: *Калачов Н. В.* Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, кн. III, СПб., 1861, отд. II, с. 34. ⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, лл. 296, 305 об. — 310, 331.

Одадуровы (Ододуровы) см. Адодуровы

Осорьины (Осоргины) Тимофей Субботин и Иван Иванович Худяк. Двоюродные братья. Представители «доброто» служилого рода: в 1500 г. Т. М. и С. М. Осоргиным был пожалован в кормление Гороховец¹. Отцы их в Дворовой тетради и Тысячной книге записаны по Белой². Соборный старец Иона Осорьин ведал в 1575 г. «приказом» по управлению вотчинами Иосифо-Волоколамского монастыря³. Опричник Суббота Осорьин в 1571 г. ездил в Новгород за скоморохами и медведями для свадьбы Ивана IV с М. Собакиной. В Новгороде он пустил медведей в земскую дьячью избу и затравил дьяка Д. Микулина⁴.

Тимофей Субботин и Иван Иванович также служили в опричнине⁵. В книге 1573 г. первый из них записан с окладом 50 руб., второй — 9 руб. «с городом»⁶. В калужском походе 1576 г. участвовали поддатными у рынд в полку Ивана IV⁷, в росписи ливонского похода 1577 г. упоминаются с чинами жильцов⁸, на приеме А. Поссевина в 1581 г. — с чинами «дворовых» жильцов⁹. В 1588—1589 гг. Тимофей Осорьин был выборным дворянином по Ржеву с окладом 500 ч., Иван Иванович — выборным дворянином по Вязьме с окладом 600 ч.¹⁰ В начале 1590-х годов И. И. Осорьин служил дьяком в Казани¹¹. В 1573/74 г. он дал по своей матери в Троицкий Сергиев монастырь дмитровскую вотчину¹². В его вяземском поместье (часть этого поместья принадлежала до него П. С. Намумову) в 1590-х годах было 613 ч.¹³ В писцовых книгах Московского у. 1584—1586 гг. упоминается его бывшее подмосковное поместье в Горетове стане (200 ч.). Кроме того, в 1592—1594 гг. И. И. Осорьину принадлежала небольшая вотчина во Владимирском у.¹⁴

Скуратовы-Бельские «вывели», по-видимому, в «двор» Ивана Грозного 1570—1580-х годов целую группу детей боярских Белой, связанных между собой родственными и дружескими узами: Осорьиных, Фофановых (см. ниже) и др. К ним принадлежал и Петр Иванович Мижугев, отец которого Иван Алферьевич записан по Белой в Дворовой тетради¹⁵. В 1573/74 г. он упоминается в качестве послуха вместе с Т. С. Осорьиним и Ф. М. Паниным в данной И. И. Осорьина в Троицкий монастырь. В 1581 г. как «дворовый» жилец присутствует на приеме А. Поссевина¹⁶. В 1588—1589 гг. вдова П. И. Мижугева Аксиныя владела поместьем в Ржевском у.¹⁷ В 1560-е годы П. И. Мижугев сделал несколько довольно крупных вкладов в Иосифо-Волоколамский монастырь¹⁸.

¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. 3. М., 1964, с. 285. ² ТКДТ, с. 79 и 194. ³ «Исторический архив», 1939, кн. II, с. 75. ⁴ *Скрынников*. Опричный террор, с. 113—114. ⁵ *Зимин*. Опричнина, с. 352. ⁶ *Альшиц*. Новый документ, с. 21 и 28. ⁷ РК, с. 260. ⁸ ВЖ, 1852, № 1, с. 138—139; № 2, с. 91. ⁹ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 44. ¹⁰ Б. сп. 1588—1589 гг., лл. 51 и 79. ¹¹ ГПБ, Эрм. 390, л. 759. ¹² *Шумаков*. Обзор ГКЭ, вып. 3, с. 21. ¹³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, лл. 24 об.—28; ПКМГ II, с. 754—757. ¹⁴ ПКМГ I, с. 127, 744. В конце XVII в. Осорьины били целом о своих «старинных», «родовых» вотчинах во Владимирском и Муромском уездах (*Лихачев Н. П.* Грамоты рода Осорьиных. — ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 22). ¹⁵ ТКДТ, с. 178. ¹⁶ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 44. ¹⁷ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, лл. 106—107 об. ¹⁸ *Титов А. А.* Рукописи славянские и русские, принадлежавшие А. А. Вахромееву, вып. 5. М., 1906, с. 66, 71, 73; ЦГАДА, ф. 181, № 141/196, лл. 34 об.—35 об.

Панины Федор и Фома Меньшиковы. Сыновья опричного дьяка Меньшого Панкратьевича. Федор Меньшиков также упоминается среди опричников¹. В 1573 г. получали по 50 руб. годового жалованья каждый². В калужском походе 1576 г. служили поддатными у рынд в полку Ивана IV³. В ливонском походе 1577 г. упоминаются жильцами⁴. В 1581 г. на приеме А. Поссевина Фома Меньшиков — «дворовый» жилец⁵. Позднее он служил в Козельске губным старостой, в 1590—1597 гг. — дьяком в Астрахани и Царицыне⁶. Известно его козельское поместье⁷. В писцовой книге Козельского у. XVII в. упоминается также бывшее поместье Федора Панина⁸.

В 1577 г. в особый двор Грозного входил Никита Матвеевич Панин: его имя упоминается в росписи участников ливонского похода⁹, но отсутствует в боярском списке 1577 г. Семен Панин в 1570-е годы возглавлял один из московских стрелецких приказов¹⁰, как и некоторые другие головы московских стрельцов, он, вероятно, был «дворовым». В 1588—1589 гг. Семен Матвеевич Панин служил выборным дворянином по Козельску с окладом 500 ч.¹¹

¹ *Кобрин*. Опричный двор, с. 55; *Зимин*. Опричнина, с. 350. ² *Алшиц*. Новый документ, с. 21. ³ РК, с. 260. ⁴ ВЖ, 1852, № 2, с. 91, 93. ⁵ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 46. ⁶ *Татищев Ю. В.* Местнический справочник XVII века, с. 13; ГПБ, Эрм. 390, лл. 746 об., 860 об. ⁷ *Сухотин*. Пожалования, с. 78—80. ⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 193, л. 1117. ⁹ ВЖ, 1852, № 2, с. 92. ¹⁰ ГПБ, Эрм. 390, л. 406. ¹¹ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 58.

Перетрутов Давыд Федорович Жданов. В 1571 г. упоминается в поручной записи по кн. И. Ф. Мстиславском первым среди псковичей¹. В походе 1576 г. расставлял стражу в полку Ивана IV². В 1586/87 г. во владении его жены Ирины находились поместья в Псковском у.³, где имели поместья и другие Перетрутовы.

¹ СГГид, ч. 1, с. 567. ² РК, с. 261. ³ «Сборник Московского архива Министерства юстиции», 1913, т. V, с. 194, 386 и др.

Петелин Фома (Дружина) Пантелеевич. Представитель старого московского служилого рода¹. В калужском походе 1576 г. — четвертый дьяк в полку Ивана IV². В 1577 г. — дворцовый дьяк, в 1579 г. — дворцовый дьяк в «земщине»³. В 1580—1581 гг. вместе с Р. М. Пивовым вел переговоры о перемирии в военном лагере Стефана Батория⁴. В 1580 г. — дьяк Разрядного приказа, в 1582 г. — в Большом Приходе⁵. В августе—декабре 1582 г. в составе посольства ездил в Речь Посполитую⁶. В феврале 1584 г. — дьяк на встрече английского посла⁷. В царствование Федора Ивановича — думный дьяк. Имел поместье в Пошехонском у.⁸

¹ *Лихачев*. Дьяки, с. 492. ² РК, с. 260. ³ ВЖ, 1852, № 1, с. 137; РК, с. 295. ⁴ *Новодворский*, с. 166—168. ⁵ *Лихачев*. Дьяки, с. 494. ⁶ *Бантыш-Каменский*. Переписка, с. 182—183. ⁷ ГПБ, Эрм. 390, л. 661 об. ⁸ АЗР, т. 4, с. 351.

Петров М. У. см. **Микулин-Петров** М. У.

Петров Третьяк. 30 марта 1576 г. — псковский дьяк «князя Ивана Васильевича Московского», подписал наказ писцам «дворового» Порховского у.¹ По его (и И. Жихарева) «даче» Богдан и Невежа Яковлевичи Бельские получили поместье в Порховском у.²

¹ НПК, т. V, стлб. 571; *Корецкий*. Материалы, с. 303. ² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, лл. 58 об.—59 об.

Пивов Петр Романович. Из рода смоленских бояр. Впервые упоминается в разрядах в 1571 г. как поддатень у рынды в опричнине¹. В 1573 г. в качестве стряпчего сопровождал царя в пайдинском походе². В 1574 г. вместе с отцом присутствовал на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой³. В калужском походе 1576 г. шел «за постелью» «князя Московского»⁴. В ливонских походах 1577 и 1579 гг. также стряпчий «у постели»⁵. В 1586—1589 гг. ездил с посольством в Грузию⁶. В боярском списке 1588—1589 гг. записан выборным дворянином по Ярославлю с окладом 800 ч. и пометой «97-го умре»⁷.

Выдающееся положение в «дворе» Грозного занимал отец П. Р. Пивова Роман Михайлович, видный опричник⁸. К 1578 г. Р. М. Пивов стал думным дворянином⁹ (в 1570—начале 1580-х годов это «дворовый» чин). В 1580 г. вел мирные переговоры в военном лагере Стефана Батория¹⁰.

В походах вместе с другими думными дворянами «дозирал» стражу царского полка¹¹. О близости Романа Михайловича к Грозному красноречиво говорит тот факт, что в 1582 г. он сообщал «государево слово» боярам¹². В 1580—1582 гг. с титулом наместника елатьмовского принимал участие в переговорах с А. Поссевином¹³. О богатстве Пивовых можно судить как по многочисленным вкладам в монастыри, так и по тому, что в 1584/85 г. Роман Михайлович с сыном дали в долг английскому купцу 2400 руб.¹⁴ В Дворовой тетради Р. М. Пивов записан по Ярославлю, там же имел вотчину и поместья¹⁵. В 1585/86 г. Б. Ф. Годунов купил у Р. М. и П. Р. Пивовых вотчину в Бежецком Верхе¹⁶. В конце царствования Федора Ивановича Р. М. Пивов постригся в Борисоглебском монастыре и умер около 1600 г.¹⁷

¹ РК, с. 239. ² ГПБ, Эрм. 390, л. 469 об. ³ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 12. ⁴ РК, с. 260. ⁵ ГПБ, Эрм. 390, лл. 378 об., 545, 566. ⁶ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. 1, с. 33—45. ⁷ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 72. ⁸ Кобрин. Опричный двор, с. 56. ⁹ Зимин. Боярская дума, с. 80. ¹⁰ Новодворский, с. 166—168. ¹¹ ГБЛ, Горск. 16, лл. 132, 184. ¹² РИС, т. II, с. 36. ¹³ Савава, с. 397—398. ¹⁴ Сборник РИО, т. 38, с. 207. ¹⁵ Кобрин. Опричный двор, с. 56. ¹⁶ Сухотин. Пожалования, с. 70. ¹⁷ ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 28.

Пушечников Семен Андреевич. Опричник¹. В калужском походе 1576 г. поддатень у рынды в полку Ивана IV². В ливонском походе 1577 г. участвовал в чине жильца³, в 1581 г. — «дворовый» жилец на приеме А. Поссевина⁴. В 1588—1589 гг. — выборный дворянин по Вязьме с окладом 500 ч.⁵ Сохранилось описание его вяземского поместья⁶.

¹ Веселовский. Опричина, с. 230; Кобрин. Опричный двор, с. 68. С. Б. Веселовский ошибочно отождествляет его с тысячником Семеном Ширяевым, однако в Дворовой тетради 1550-х годов у Семена Ширяева помета: «Умре» (ТКДТ, с. 178). ² РК, с. 260. ³ ВЖ, 1852, № 2, с. 91. ⁴ Лихачев. Дело о приезде, с. 44. ⁵ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 44. ⁶ ПКМГ II, с. 776, 783.

Пушкин Иван Иванович Бобрищев. Отец Иван Бобрищев в Дворовой тетради и Тысячной книге записан по Ржеву¹. Иван Иванович служил сокольничим в опричнине². В калужском походе 1576 г. — голова у почной стражи государева стана³. Вскоре перешел в «земщину»: в боярском списке 1577 г. он значится сокольничим⁴, как сокольничий «из земского» участвовал и в ливонском походе 1578 г.⁵ В 1588—1603 гг. — выборный дворянин по Медыни со скромным окладом 400 ч.⁶ В 1586/87 г. в его медыньском поместье было немногим больше 200 ч.⁷ В 1579/80 г. дал по своей жене в Троицкий Сергиев монастырь вотчину в Переяславском у.⁸

¹ ТКДТ, с. 75, 179. ² Кобрин. Опричный двор, с. 68. ³ РК, с. 260. ⁴ Акты Московского государства, изданные имп. Академиею наук под редакцією Н. А. Попова, т. I. СПб., 1890, с. 41. ⁵ ДРВ, ч. XIV, с. 350. ⁶ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 75; ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1132, столп. 1, л. 44. ⁷ ПКМГ II, с. 841. ⁸ Тр. вкл., л. 383.

Скопин-Шуйский В. Ф. см. Шуйские

Собакин Иван Дорофеевич. В 1571 г. — дьяк на «земской» стороне в Великом Новгороде, где служил до 1574 г.¹ В 1574 г. — дьяк Ямского приказа². 1 апреля 1575 г. подписал жалованную грамоту нижегородским ключникам³. По предположению С. Б. Веселовского, в июне 1575 г. — дьяк Поместной избы⁴. 19 ноября 1575 г. и 1 марта 1576 г. подписал от имени «князя Московского» грамоты на Двину о сборе денежных налогов и Г. М. Елчанинову — на поместье в Дмитровском у.⁵ В январе 1576 г. в Можайске участвует во встрече австрийских послов и в дальнейших переговорах с ними⁶. В 1581—1582 гг. принимал участие в работе ответных комиссий боярской думы⁷. В феврале 1573 г. И. Д. Собакин (при окладе 500 ч.) взамен бельского поместья получил поместья В. Д. Колтовского, И. Д. Мотякина и С. З. Боброва в двух погостах Шелонской

пятины (250 ч.), в июле 1574 г. большая часть этих земель перешла к М. Т. Петрову⁸. Известен небольшой вклад (12 руб.) новгородского дьяка И. Д. Собакина в Соловецкий монастырь⁹.

¹ *Самоквасов*, т. 1, с. 125, 206, 395. ² *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900, стлб. 335. ³ *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. 2. — АЕ за 1960 г. М., 1962, с. 180. ⁴ Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, № 65, л. 198. ⁵ Акты Юшкова, с. 24; *Шмидт*. Документы XVI в., с. 155. ⁶ ПДС, т. 1, с. 512—514; ГПБ, Эрм. 390, лл. 508—508 об. ⁷ *Савва*, с. 397—398. ⁸ *Самоквасов*, т. 1, с. 64—65. ⁹ Архив ЛОИИ СССР, К. 2, № 152, л. 114.

Татищев Игнатий Петрович. Потомок смоленских князей, потерявших княжеские титулы. Отец И. П. Татищева Петр Васильевич в Дворовой тетради записан по Дмитрову¹. И. П. Татищев упоминается впервые как поддатель у рынды в серпуховском походе 1556 г.² В 1573 г. имел оклад 80 руб.³ В росписи калужского похода 1576 г. включен в рубрику «А за государем ездити дворяном з бояры»⁴. В сентябре 1577 г. участвует во взятии ливонского города Трикаттена, в конце 1577—начале 1578 г. — второй воевода передового полка под Цесисом (Кесью), в ливонском походе 1579 г. воедет ночной стражей царского полка. В 1580 г. поезжанин на свадьбе Ивана IV с М. Нагой, его жена — дочь Никифора Вышеславцева — была свахой у царицы. Осенью 1582 г. вторым воеводой передового полка действует против шведов под Шлиссельбургом⁵. В 1583 г. упоминается с чином думного дворянина⁶. В мае 1583 г. — голова в полку Ивана IV⁷, в конце года присутствует на переговорах с английским послом⁸. 3 сентября 1598 г., в день венчания Б. Ф. Годунова на царство, пожалован в казначеи⁹. Последний раз упоминается в источниках как глава Казенного приказа в 1602/03 г.¹⁰ Похоронен на Татищеве погосте Ростовского у.¹¹

И. П. Татищеву принадлежала крупная (1446 ч.) родовая вотчина в Дмитрове и поместье в Можайске¹². В 1604 г. его сыновья стряпчие Владимир, Григорий и Юрий выставили против самозванца отряд из 23 всадников¹³. Старший сын И. П. Татищева Михаил к 1598 г. стал ясельничим, в конце царствования Б. Ф. Годунова — думным дворянином¹⁴.

¹ ТКДТ, с. 130. ² РК, с. 157. ³ *Альшиц*. Новый документ, с. 21. ⁴ РК, с. 260. ⁵ ГПБ, Эрм. 390, лл. 444 об., 449, 449 об., 545 об., 614 об., 649. ⁶ *Зимин*. Боярская дума с. 80. ⁷ ГПБ, Эрм. 390, л. 660 об. ⁸ *Савва*, с. 142. ⁹ ГПБ, Эрм. 390, л. 894. ¹⁰ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.-Л., 1946, с. 68. ¹¹ вел. кн. *Николай Михайлович*. Русский провинциальный некрополь, т. I. М., 1914, с. 844. ¹² *Татищев С. С.* Род Татищевых. СПб., 1900, с. 9—10. ¹³ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1074 столб. 12, л. 80. ¹⁴ РК, с. 521, 528; ГПБ, Эрм. 390, лл. 838 об., 989.

Тимофеев Стахий Иванович см. Иванов Стахий

Трубецкие Федор Михайлович, Никита и Тимофей Романовичи, Андрей Васильевич. Знатнейшие князья литовского происхождения, одни из последних «служилых князей» на Руси. Ф. М. и Н. Р. Трубецкие были приняты в опричнину¹. Не ранее осени 1573 г. А. Ф. Нагой взял с Ф. М., Н. Р. и А. В. Трубецких «проклятую запись»². Боярин Федор Михайлович в пайдинском походе 1573 г. и ряде других походов 1570—начала 1580-х годов (в том числе и в калужском 1576 г.) занимал должность первого дворového воеводы Ивана IV³. В 1578 г. «сказывал» боярство Б. Ф. Годунову⁴. Ф. М. Трубецкой возглавлял «дворовую» боярскую думу, — на это указывает, в частности, грамота Грозного в Яренский городок от 6 апреля 1582 г.: «. . . и мы де вас пожаловали, велели с усольцы судить всем своим дворovým бояром князю Федору Михайловичу Трубецкому с товарищи»⁵. В сентябре 1581 г. сопровождал царя в его поездке в Иосифо-Волоколамский монастырь⁶. В конце 1583—начале 1584 г.

присутствовал при «тайных» переговорах о сватовстве с английским послом⁷.

Н. Р. Трубецкой в пайдинском походе 1573 г. служил головой в полку Ивана IV, в серпуховском походе 1574 г. сопровождал царя в чине дворянина⁸. В январе 1576 г. вместе с Федором Михайловичем присутствовал в Можайске на приеме австрийских послов⁹. В калужском походе 1576 г. — воевода в полку Грозного¹⁰. Во время смотра царского войска в Пскове перед ливонским походом 1577 г. — голова царского полка с отрядом в 100 человек. Принимал участие в ливонском походе 1579 г., голова у ночной стражи царского стана в мае 1583 г.¹¹

Тимофей Романович и Андрей Васильевич служили воеводами в полку Ивана IV в калужском походе 1576 г.¹² В росписи ливонского похода 1577 г. упоминаются в чинах стольников. Т. Р. Трубецкой в июле 1577 г. во главе передового отряда из нескольких тысяч детей боярских и татар вступил в Ливонию и произвел там опустошения. В сентябре 1579 г. — действовал под Нарвой во главе большого полка¹³. На свадьбе Ивана IV с М. Нагой в 1580 г. исполнял обязанности конюшего царевича Ивана Ивановича¹⁴. Андрей Васильевич крупных воеводских должностей не занимал: в конце 1570—начале 1580-х годов служил головой у ночной стражи в полку Ивана IV¹⁵. Н. Р. и Т. Р. Трубецкие получили чины бояр в первые годы царствования Федора Ивановича, А. В. Трубецкой в боярском списке 1588—1589 гг. записан «служилым князем», стал боярином в 1598 г.¹⁶

Известны вотчины Трубецких в Трубчевске, Рязани, Волоке и Москве¹⁷. В писцовой книге Козельского у. XVII в. упоминаются бывшие поместья Дмитрия Тимофеевича, Андрея Васильевича и Алексея Никитича Трубецких¹⁸.

¹ Кобрин. Опричный двор, с. 78—79. ² ДДГ, с. 480. ³ ГПБ, Эрм. 390, лл. 467 об., 491, 566 об., 618 и др. ⁴ Дворцовые разряды, изданные II Отделением собственной е. и. в. канцелярии, т. II. СПб., 1851, стлб. 456—457. ⁵ Материалы для истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник, вып. 1. Вологда, 1970, с. 441. ⁶ Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков, с. 124. ⁷ Савва, с. 142—143. ⁸ ГПБ, Эрм. 390, лл. 470, 491. ⁹ ПДС, т. 1, стлб. 514. ¹⁰ РК, с. 261. ¹¹ ГПБ, Эрм. 390, лл. 568, 660. ¹² РК, с. 261. ¹³ ГПБ, Эрм. 390, лл. 397, 564, 568. ¹⁴ ДРВ, ч. XIII, с. 115. ¹⁵ ГПБ, Эрм. 390, лл. 567, 660. ¹⁶ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 21; ГПБ, Эрм. 390, л. 894. ¹⁷ Подробнее о вотчинах и вкладах Трубецких см.: Кобрин. Опричный двор, с. 79; Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI века. — «Труды МГИАИ», т. 28, с. 333. ¹⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 192, лл. 20—29, 379, 388 об., 414; кн. 193, лл. 1045—1046, 1084, 1510 об.

Фофановы Федор и Иван Константиновичи. Отец Костя Андреев в Дворовой тетради записан по Белой¹. Ф. К. Фофанов впервые упоминается в 1574 г. на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой². В калужском походе 1576 г. он служил стольником, И. К. Фофанов — стряпчим в полку Грозного³. Федор в качестве стольника «с государем» участвовал в ливонском походе 1577 г., Иван в чине стряпчего — в ливонском походе 1579 г.⁴ В 1580 г. братья присутствовали на свадьбе Ивана IV с М. Нагой: Ф. К. Фофанов был «мовником» царя, И. К. Фофанов держал колпак царевича Ивана⁵. В 1581 г. на приеме А. Поссевина И. К. Фофанов «дворовый» стряпчий⁶. В апреле того же года Федор Константинович — рында у царевича Ивана Ивановича⁷.

Пожалование Ф. Фофанову стольничества — явление необычное, которое можно объяснить либо исключительной милостью к нему царя, либо родством с царскими фаворитами (с Бельскими?). В 1588—1589 гг. Федор и Иван Фофановы служили выборными дворянами по Вязьме с окладами 700 и 350 ч.⁸ В начале XVII в. Ф. К. Фофанов голова в Туринском остроге⁹.

У Федора Константиновича в 1594—1595 гг. поместья находились в Вязьме (395 ч.) и Зубцове (304 ч.)¹⁰, у Ивана Константиновича —

в Вязьме (265 ч.)¹¹. Кроме того, у Ф. К. Фофанова была вотчина в Московском у. (110 ч.)¹², у И. К. Фофанова — в Новоторжском у. (220 ч.)¹³.

¹ ТКДТ, с. 193. ² ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 12. ³ РК, с. 261. ⁴ ВЖ, 1852, № 1, с. 141; ГПБ, Эрм. 390, лл. 545, 566. ⁵ ДРВ, ч. XIII, с. 114. ⁶ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 44. ⁷ ГБЛ, Горск. 16, л. 134. ⁸ Б. сп. 1588—1589 гг., лл. 48 и 79. Их брат Михаил тогда же служил в выборе по Вязьме с окладом 200 ч. (там же, л. 48). ⁹ *Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. 1, с. 407—409. ¹⁰ ПКМГ II, с. 774—776. ¹¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 1129. ¹² ПКМГ I, с. 130. Документов на владение этой вотчиной «люди ево не положили» (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, лл. 765 об. — 766). ¹³ *Сухотин*. Пожалования, с. 100—101.

Хлопов Тимофей Андреевич. Родоначальник Хлоповых хан Казы-Гирей (Хлопец) выехал, по преданию, к Ивану Калите. Двое представителей рода известны как опричники¹. Отец Т. А. Хлопова Андрей Лишнего в Дворовой тетради записан по Коломне². Тимофей Андреевич на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой 1574 г. «с чарою и с вином ходил к месту»³, в калужском походе 1576 г. шел «за постелью» Ивана IV⁴, в походах 1577—1583 гг. участвовал в чине стряпчего с ключом⁵. Этим весьма высоким придворным чином он был обязан близости к царю старших преставителей рода, в частности, отца, стоявшего «у места государева» на свадьбе Ивана IV с М. Нагой. 9 марта 1584 г. и в «канун государева преставленья» Т. Хлопов брал из казны полотна «к государеву делу». В 1589—1593 гг. — голова в Нижнем Новгороде⁶. В актах 1562—1568 гг. упоминается его бывшее поместье в Шелонской пятине, промененное Ж. Т. Шабалыкину⁷. В 1588—1589 гг. Тимофей Андреевич вместе с сыном Павлом служил выборным дворянином по Козельску с окладом 300 ч.⁸ Имел поместье и в Ржевском у.⁹

В «особный» двор Грозного входили и другие Хлоповы. К старшей линии рода принадлежал Илья (Нехороший) Александрович — имя его отсутствует в «земском» боярском списке 1577 г., и он одновременно упоминается постельничим в росписи ливонского похода 1577 г.¹⁰ 21 сентября 1575 г. находился в царской свите при посещении Иваном IV Иосифо-Волоколамского монастыря¹¹. В 1577—1578 гг. И. А. Хлопову принадлежала старая вотчина в Коломенском у., а его коломенское поместье находилось уже во владении Ф. Ф. Срезнева¹². В 1578/79 г. жена Н. А. Хлопова Марья дала в Троицкий Сергиев монастырь два сельца в Тверском у.¹³ Дочь И. А. Хлопова вышла замуж за Ивана Семеновича Нагого — племянника «дворовых» думцев Федора и Афанасия Федоровичей¹⁴.

Назарий Степанович упоминается «дворовым» жильцом в 1581 г. на приеме А. Поссевина¹⁵. Его отец Степан Лишнего в середине XVI в. служил по Коломне¹⁶. В писцовой книге Коломенского у. 1577—1578 гг. сохранилось описание бывшего поместья Н. С. Хлопова¹⁷. В 1588—1589 гг. он уже ржевский помещик¹⁸, служит по Ржеву с окладом 450 ч. Дядя Н. С. Хлопова Никита Иванович в боярском списке 1588—1589 гг. записан в выборе по Козельску с окладом 600 ч.¹⁹ Иван Матвеевич 20 августа 1582 г. был послан Иваном IV в Суздальский Покровский монастырь «для своего дела» с государевым наказом за приписью «дворового» дьяка А. Шерефединова²⁰.

¹ *Кобрин*. Опричный двор, с. 82; *Зимин*. Опричина, с. 346. ² ТКДТ, с. 160. ³ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 9. ⁴ РК, с. 260. ⁵ ВЖ, 1852, № 1, с. 138; ГПБ, Эрм. 390, лл. 544 об., 566, 659 об. ⁶ ГПБ, Эрм. 390, л. 613; *Забелин*. Материалы, стлб. 1203; РК, с. 436; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. 1. СПб., 1890, с. 182, 204 и др. ⁷ *Сажокас*, т. 1, с. 14, 17, 33. ⁸ Б. сп. 1588—1589 гг., л. 58. ⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, л. 397. ¹⁰ ГПБ, Эрм. 390, л. 385 об. В боярском списке 1577 г. постельничими называются В. А. Белый и И. П. Новосильцев (Акты Московского государства, т. 1, с. 41). ¹¹ Архив ЛОИИ СССР, К. 115, № 1028, л. 9 об. ¹² ПКМГ I, с. 441—442, 465. ¹³ ЦГАДА, ГКЭ, по Твери, № 58/12551. ¹⁴ *Мятлев Н. В.* К родословию Нагих. — ИРГО, вып. 4, с. 79. ¹⁵ *Лихачев*. Дело о приезде, с. 45. ¹⁶ ТКДТ, с. 160. ¹⁷ ПКМГ I, с. 357. Как и Илья Александрович, Н. С. Хлопов сохранил коломенскую вотчину (там же, с. 441). ¹⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, л. 609 об.

Черемисиновы-Карауловы Демид и Деменша Ивановичи. Иван Семенович Черемисинов в Тысячной книге и Дворовой тетради записан по Твери ¹. Демид вместе с отцом — думным дворянином упоминается среди опричников ². Однако более заметную роль в «дворе» Грозного играл его брат Деменша Иванович. В апрельском походе 1574 г. он «дозирал» стражу царского полка ³. Вместе с Демидом был среди поезжан на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой ⁴. В калужском походе 1576 г. он в числе дворян, «ездивших» с боярами, Демид — один из дворовых, охранявших ночью «князя Московского» ⁵. В 1577 г. Деменша в чине думного дворянина принимал участие в проведении смотра царского войска в Пскове перед ливонским походом, а во время его — во взятии нескольких городов. Демид Иванович в этом походе — дворянин, «спал» в царском стане, во главе отряда в 300 человек взял ливонский город Ронненбург. Братья находились в полку Ивана IV и в ливонском походе 1579 г. ⁶ В январе 1578 г. Деменша Иванович — дворянин ближней думы на переговорах с польскими послами в Москве ⁷, в августе в Александровой слободе вел переговоры с датскими послами ⁸. В мае 1579 г. сопровождал Ивана Грозного в его поездке в Иосифо-Волоколамский монастырь ⁹. В сентябре 1580 г. служил прибыльным воеводой в отряде кн. В. Д. Хилкова (по словам Р. Гейденштейна, он прислан был «наблюдать» за Хилковым) и попал в плен после неудачного сражения под Торопцом ¹⁰. Из плена возвратился в Москву в декабре 1582 г. ¹¹ В мае 1583 г. его имя вновь появляется в разрядах — он «спит» в стане государя и проверяет ночную стражу. В октябре 1583 г. назначен встречать английского посла. В начале царствования Федора Ивановича Деменша Черемисинов стал казначеем. В 1594 г. отстранен от участия в работе боярской думы и послан на воеводство в Астрахань, где находился вплоть до явной опалы 1598 г.: он был лишен думного чина и сослан в Царицын. Вернулся из ссылки в 1600 г. и, вероятно, вскоре умер ¹². Демид Иванович также побывал в ссылке — в 1599 г. он был назначен головой в Тобольск ¹³, погиб в бою на Тереке в 1604 г. ¹⁴

Деменше Ивановичу принадлежали поместья в Вязьме (572 ч.) ¹⁵, Козельске (347 ч.) ¹⁶ и подмосковные вотчины, купленные им в нескольких станах (всего более 700 ч.) ¹⁷. Демид Черемисинов имел поместье в Вязьме ¹⁸ и вотчины в Старицком, Московском и Коломенском уездах ¹⁹; в 1570—1580-х годах он скупил значительные владения в Юрьев-Польском у. ²⁰

¹ ТКДТ, с. 64. ² Кобрин. Опричный двор, с. 84. ³ ГПБ, Эрм. 390, л. 491 об. ⁴ ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 13. ⁵ РК, с. 259—260. ⁶ ГПБ, Эрм. 390, лл. 392, 431 об., 442 об. ⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, лл. 347—348. ⁸ Савва, с. 397. ⁹ Тихомиров М. П. Российское государство XV—XVII веков, с. 123. ¹⁰ РК, с. 308; ГБЛ, Горск, 16, л. 122 об.; Новодворский, с. 187; Гейденштейн, с. 128. ¹¹ Бантыш-Каменский. Переписка, с. 183. ¹² РК, с. 493, 504, 513; ГПБ, Эрм. 390, лл. 660, 661, 830, 860 об., 915 об. и др. ¹³ РК, с. 322. ¹⁴ ПСРЛ, т. 14, с. 57. ¹⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, лл. 115 об.—116. ¹⁶ Сухотин. Пожалования, с. 48. ¹⁷ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, л. 748—748 об. ¹⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, лл. 54—58, 121, 124 об. ¹⁹ Кобрин. Опричный двор, с. 85; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, лл. 746—748 об., 766; кн. 15397, л. 386 об. ²⁰ Кобрин В. Б. Несколько документов из истории феодального землевладения XVI века в Юрьев-Польском уезде. — АЕ за 1957 г. М., 1958, с. 468.

Шерефединов Андрей Васильевич. Родственники его погибли во время опричных казней, однако сам Андрей Васильевич, по мнению С. Б. Веселовского и А. А. Зимина, был опричником ¹. В 1570—1580-х годах возглавлял «дворовой» Разрядный приказ ². В калужском походе 1576 г. — первый дьяк в полку Ивана IV ³. П. А. Садиков с полным основанием считал А. В. Шерефединова думным дьяком в «государевом уделе», опираясь, в частности, на показания датского послапника И. Ульфельда ⁴.

В мае—июне 1576 г. А. В. Шерефединов разбирал в Старице местнический спор В. Г. Зюзина с Ф. Ф. Нагим⁵. В ноябре 1576—октябре 1577 г. — первый дьяк «дворовой» Двинской четверти⁶. Участвовал в ливонских походах 1577—1578 гг. как «дворовой» дьяк в полку Ивана IV⁷. В 1577—1579 гг. вместе с В. Я. Щелкаловым, А. Ф. Нагим и другими вел в Москве, в Александровой слободе, в Новгороде переговоры с представителями Швеции, Речи Посполитой и Дании⁸. Упоминается дьяком в царском полку в майской росписи 1583 г.⁹ В феврале 1584 г. встречал английского посла¹⁰.

Вскоре после смерти Грозного был обвинен рязанскими землевладельцами Т. Шиловским и И. Запольским в злоупотреблениях и грабеже¹¹. Само обвинение, несомненно справедливое, было связано, вероятно, с пошатнувшимся положением руководителей «двора», — к осени 1584 г. дьячья карьера А. В. Шерефедина завершилась. В царствование Б. Ф. Годунова бывший дьяк служил выборным дворянином по Коломне¹². Опала сделала его непримиримым врагом Годуновых. В 1605 г. он участвовал в убийстве жены и сына царя Бориса¹³. При Шуйском вновь попал в опалу и был посажен в тюрьму¹⁴.

В 1576—1578 гг. А. В. Шерефединов имел значительные вотчины в Коломенском у. — более 1000 ч. Делал крупные вклады в Спасский Коломенский монастырь, куда давали вклады и другие Шерефединовы¹⁵. Известен небольшой вклад А. В. Шерефедина 1584 г. в Антониев Сийский монастырь¹⁶.

¹ Веселовский. Опричнина, с. 471; Зимин. Опричнина, с. 181. ² Впервые упоминается дьяком «разряду дворового» в 1574 г. (Лихачев. Дьяки, с. 466). ³ РК, с. 260. ⁴ Садилов. Очерки, с. 338; Путешествие в Московию датского посланника Иакова Ульффельда в 1575 г. — ЧОИДР, 1883, кн. 2, с. 30. ⁵ РИС, т. V, с. 1 и др. ⁶ Садилов. Очерки, с. 339—341. ⁷ ВЖ, 1852, № 1, с. 137; ДРВ, ч. XIV, с. 350. ⁸ Саваа, с. 397. ⁹ ГПБ, Эрм. 390, л. 495. ¹⁰ Там же, л. 660. ¹¹ Акты Юшкова, с. 209—230; см. также РИБ, т. 32, стлб. 607—615. ¹² ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1132, столп. 6, л. 16. ¹³ ПСРЛ, т. 14, с. 66. ¹⁴ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1, столп. 3, л. 116. ¹⁵ ПКМГ I, с. 319—323, 383 и др. В коломенских писцовых книгах 1576—1578 гг. упоминается также бывшее поместье А. В. Шерефедина (там же, с. 44). Запись его по Коломне в боярском списке 1602—1603 гг. можно, вероятно, объяснить тем, что в результате опалы дьяк потерял поместье на территории бывшего «двора», а затем вновь был испомещен в Коломне. ¹⁶ Изюмов А. Ф. Указ. соч., с. 8.

Шуйские Иван Петрович, Василий Федорович Скопин, Василий и Андрей Ивановичи. Знатнейшие суздальские князья. Наиболее приближен к царю среди них был Иван Петрович (сын боярина Петра Ивановича), получивший еще в 1572 г. боярский чин¹. В 1574 г. на свадьбе Ивана IV с А. Васильчиковой «на место государя звал»². В калужском походе 1576 г. — воевода в полку Ивана IV³. В мае—июне 1576 г. вместе с А. В. Шерефединовым судил в Старице В. Г. Зюзина с Ф. Ф. Нагим⁴. В 1577 г. верстал детей боярских Шелонской пятины⁵ и участвовал в ливонском походе вторым воеводой большого полка⁶. Прославился в конце Ливонской войны обороной Пскова. После смерти Грозного — один из виднейших деятелей правительства и участников придворной борьбы. В 1586 г. в результате победы партии Годуновых был сослан и вскоре погиб⁷. И. П. Шуйскому принадлежали родовые вотчины в Суздале и небольшая вотчина под Москвой⁸.

Василий Федорович Скопин в походе 1576 г. служил головой у ночной стражи в полку Ивана IV⁹, в ливонском походе 1577 г. — первым воеводой сторожевого полка¹⁰, в росписи ливонского похода 1578 г. упоминается с чином боярина «из двора»¹¹. Боярин в полку Грозного в ливонском походе 1579 г.¹² Вместе с И. П. Шуйским руководил обороной Пскова в 1581 г. После смерти царя стоял, по-видимому, в стороне от придворной политики, избежал опалы и умер в 1595 г.¹³ Известна небольшая московская вотчина В. Ф. Шуйского¹⁴. В начале XVII в.

его вдове принадлежали вотчины в Суздале (села Рождественское, Даниловское, Рекшма и Кохма), Переяславле и Бежецке¹⁵. В 1604 г. в поход против самозванца она выставила один из самых больших конных отрядов — 56 человек¹⁶. В писцовой книге Старицкого у. XVII в. упоминается бывшее поместье боярина кн. Василия Федоровича Шуйского¹⁷. Возможно, во время своего воеводства в Пскове Иван Петрович и Василий Федорович получили поместья в Псковском и Островском уездах¹⁸. В. Ф. Скопин находился в близком родстве с кн. Глинскими: в своей духовной И. М. Глинский называет его «дядей»¹⁹.

Василий Иванович Шуйский, старший сын боярина Ивана Андреевича, родился в 1553 г. Служил первым рындой (с большим саадаком) в полку Ивана IV в серпуховском походе 1574 г., калужском походе 1576 г. и ливонских походах 1577 и 1579 гг.²⁰ Царский дружка в 1580 г. на свадьбе Ивана IV с М. Нагой, в числе боярынь на свадьбе упоминается и его жена — дочь оболенского князя М. А. Репнина²¹. Известны московская вотчина и поместья В. И. Шуйского в Вяземском и Ржевском уездах²².

Андрей Иванович Шуйский имел, по словам Д. Флетчера, репутацию чрезвычайно умного человека²³. Участвовал в походах 1574, 1576 и 1579 гг. в качестве рынды в полку Ивана Грозного. В 1580 г. в чине стольника присутствовал на свадьбе Ивана IV с М. Нагой. В 1582 г. возглавлял войско, действовавшее против шведов под Шлиссельбургом²⁴. После смерти Грозного получил боярский чин. Попал в опалу вместе с Иваном Петровичем и погиб в ссылке 8 июня 1589 г.²⁵ Можайское поместье А. И. Шуйского принадлежало позднее другому суздальскому князю — Д. А. Ногтеву²⁶.

Основанием для включения в число «дворовых» Дмитрия и Александра Шуйских (младших братьев Василия и Андрея Ивановичей) служит их отсутствие в боярском списке 1577 г. и одновременное упоминание стольниками в росписи ливонского похода²⁷. Близость Шуйских к Грозному была закреплена женитьбой Дмитрия Ивановича на одной из дочерей Малюты Скуратова²⁸. Как установил Б. Н. Морозов, к детям Ивана Андреевича перешли основные родовые владения Шуйских в Суздальском у. Как и Василий, Ал. И. и Д. И. Шуйские имели поместья в Вязме: Дмитрий, к которому перешло вяземское поместье тестя и поместья Бугурлиных, — 1859 ч., Александр — около 400 ч²⁹. Д. И. Шуйский владел вотчиной в Переяславле³⁰, Ал. И. Шуйский — вотчиной под Москвой³¹.

¹ Зимин. Боярская дума, с. 76. ² ИРГО, вып. 1, отд. 3, с. 9. ³ РК, с. 261. ⁴ РИС, т. V, с. 1 и др. ⁵ ДРВ, ч. XIV, с. 328. ⁶ ВЖ, 1852, № 1, с. 132. ⁷ Скрынников Р. Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий, с. 187. ⁸ ПСРЛ, т. 14, с. 37; Федотов-Человской А. А. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, т. I. Киев, 1860, с. 236; ПКМГ I, с. 185; Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в. СПб., 1897, с. 184. ⁹ РК, с. 260. ¹⁰ ВЖ, 1852, № 1, с. 132. ¹¹ ДРВ, ч. XIV, с. 350. ¹² ГПБ, Эрм. 390, лл. 545, 546. ¹³ РИБ, т. 13, стлб. 1324. ¹⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, л. 767. ¹⁵ ЧОИДР, 1917, кн. 2, отд. 1, с. 288; Шумаков. Обзор ГРЭ, вып. 1, с. 27; Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, № 263, лл. 92 об. — 93. ¹⁶ ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 1074, столб. 12, л. 75. ¹⁷ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 15397, л. 214. ¹⁸ Рождественский С. В. Указ. соч., с. 191—192. ¹⁹ Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. 2, с. 64. ²⁰ ГПБ, Эрм. 390, лл. 446 об., 466 об., 491 об.; РК, с. 260. ²¹ ГПБ, Эрм. 390, л. 566 об.; ДРВ, ч. XIII, с. 112. ²² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 257, л. 767 об.; кн. 619, лл. 1019—1023; Сухотин. Пожалования, с. 80. ²³ Флетчер Д. О государстве Русском, изд. 2-е. СПб., 1906, с. 33. ²⁴ ГПБ, Эрм. 390, лл. 491 об., 566 об., 614, 649; РК, с. 260. ²⁵ Скрынников Р. Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий, с. 187. ²⁶ Холмогоровы В. И. и Г. И. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVII столетий, вып. 10. М., 1901, с. 126. ²⁷ ВЖ, 1852, № 2, с. 89. ²⁸ Псковские летописи, вып. 1. М.-Л., 1941, с. 125. ²⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, лл. 958, 965 и др. ³⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 348, лл. 152 об. — 153. ³¹ ПКМГ I, с. 181.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук», т. 1—2. СПб., 1836
- АЕ — «Археографический ежегодник»
- АЗР — «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией»
- Акты Юшкова — «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков», ч. 1. М., 1898
- Альшиц. Новый документ — *Альшиц Д. Н.* Новый документ о людях и приказах Опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. — «Исторический архив», 1949, кн. IV
- Бантыш-Каменский.* Обзор — *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России по 1800 г., ч. III. М., 1897
- Бантыш-Каменский.* Переписка — *Бантыш-Каменский Н. Н.* Переписка между Россией и Польшею по 1700 год. — ЧОИДР, 1860, кн. 4
- Б. сп. 1588—1589 гг. — Боярский список 1588—1589 гг. — ЦГАДА, ф. 210, Стлб. Москов. стола, № 751, столб. 3
- Веселовский.* Опричнина — *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963
- ВЖ — «Военный журнал»
- Гейденштейн* — *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
- Горсей — *Севастьянова А. А.* Записки Джерома Горсея о России в конце XVI—начале XVII веков. — «Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории». Сб. трудов. М., 1974
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» Подг. к печ. Л. В. Черепнин. М.-Л., 1950
- ДРВ — «Древняя российская вивлиофика», ч. XII. М., 1789; ч. XIII. М., 1790; ч. XIV. М., 1790
- Забелин.* Домашний быт — *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 2. М., 1915
- Забелин.* Материалы — *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. 1. М., 1884
- Зимин.* Боярская дума — *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — АЕ за 1957 г. М., 1958
- Зимин.* Опричнина — *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964
- ИРГО — «Известия Русского генеалогического общества», вып. 1. СПб., 1900; вып. 2. СПб., 1903; вып. 3. СПб., 1909; вып. 4. СПб., 1911
- Кобрин.* Опричный двор — *Кобрин В. Б.* Состав Опричного двора Ивана Грозного. — АЕ за 1959 г. М., 1960
- Корецкий.* Возрождение опричнины — *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — «Вопросы истории», 1967, № 5
- Корецкий.* Закрепощение — *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI века. М., 1970
- Корецкий.* Материалы — *Корецкий В. И.* Материалы по истории земского собора 1575 г. и о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси». — АЕ за 1969 г. М., 1971
- Лихачев.* Дело о приезде — *Лихачев Н. П.* Дело о приезде папского посла Антония Поссевина. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 11. СПб., 1903
- Лихачев.* Дьяки — *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888
- ЛОИИ СССР — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
- Новодворский* — *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904
- ПНК — «Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией», т. III. СПб., 1868; т. V. СПб., 1905
- ПДС — «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. 1—2. СПб., 1851—1852

- ПКМГ I,II — «Писцовые книги Московского государства», ч. I, отд. 1. СПб., 1872; отд. II. СПб., 1877
- ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей», т. 14. М., 1965; т. 25. М.-Л., 1949
- РИБ — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею», т. 13, изд. 2-е. СПб., 1909; т. 25. СПб., 1908; т. 31. СПб., 1914; т. 32. Пг., 1915
- РИС — «Русский исторический сборник», т. II. М., 1838; т. V. М., 1842
- РК — «Разрядная книга 1475—1598 гг.» Подг. к печ. В. И. Буганов. М., 1966
- РПК — «Писцовые книги Рязанского края», т. I, вып. 1. Рязань, 1898
- Савва — Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в., вып. 1. Харьков, 1917
- Садиков. Очерки — Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1951
- Самокасов — Самокасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы помеотно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII вв., т. 1—2. М., 1905—1909
- Сборник РИО — «Сборник имп. Русского исторического общества», т. 38. СПб., 1883; т. 142. СПб., 1913
- СГГиД — «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел», ч. 1. М., 1813; ч. 2. М., 1819
- Скрынников. Возрождение опричнины — Скрынников Р. Г. «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575—1576 гг. — «Исторические записки», 1971, т. 8
- Сторожев. Материалы — Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. — ЧОИДР, 1909, кн. 3
- Сухотин. пожалования — Сухотин Л. М. Земельные пожалования при царе Владиславе. — ЧОИДР, 1911, кн. 4
- Сухотин. Четвертки — Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604—1617). — ЧОИДР, 1912, кн. 2
- ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. Подг. к печ. А. А. Зимин. М.-Л., 1950
- Тр. вкл. — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1673 г., копия С. Б. Веселовского. — Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, № 19
- Труды МГИАИ — «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 16. М., 1964; т. 28. М., 1970
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
- ч — четверть земли
- ЧОИДР — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете»
- Шмидт. Документы XVI в. — Шмидт С. О. Неизвестные документы XVI в. — «Исторический архив», 1961, № 4
- Шумаков. Обзор ГКЭ — Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 1. М., 1899; вып. 3. М., 1912

С. В. Поздняков

НОВОЕ ОБ ИСТОРИИ РОДА РАДИЩЕВЫХ

Изучение генеалогии рода Радищевых явилось предметом разработки одной из статей П. Г. Любомирова¹. Исследование проводилось в основном по опубликованным материалам. Труд Любомирова не утратил своей ценности до сего дня, однако привлечение новых материалов и переосмысление уже известных позволяют сделать некоторые уточнения и дополнения к истории первых трех поколений рода Радищевых.

Разбирая семейное предание Радищевых, Любомиров выделил два основных документа, легших в его основу: справку из Разрядного приказа о службах представителей этого рода и «поколенную роспись господ Радищевых», составленную силами семьи Радищевых². Исследователь с полным основанием отверг ту часть предания, в которой происхождение рода связывается со взятием Иваном Грозным Арака³, вместе с тем Любомиров не исключает возможности татарского происхождения рода, на что прямо указывают татарские имена первых известных нам его представителей.

П. Г. Любомиров придерживается порядка расположения колен рода, данного в «поколенной росписи», внося в нее некоторые дополнения и изменения. «Поколенная роспись» называет родоначальником Радищевых некоего Григория, у которого был сын Елизарий. Потомком последнего назван Кунай Елизарьев. У него по «росписи» брат Дружина, о котором Любомирову не удалось найти никаких данных, однако ему известен сын Дружины Нагай⁴. Существование Елизария и Куная подтверждается ссылками на документы. О Григории таких данных нет, но П. Г. Любомиров в данном случае полагается на «роспись». Любомирову известен и старший брат Куная Григорий, которого исследователь считает возможным отождествить с Дружиной на том основании, что существовал обычай иметь два имени. На том основании, что у Куная детей не было, Любомиров считает непосредственным предком А. Н. Радищева Дружину-Григория. У Дружины-Григория был сын Нагай, которому «поколенная роспись» присвоила имя Иван. Это было вызвано необходимостью «привязать» прапрадеда писателя Константина Ивановича к генеалогическому древу.

В «росписи» не упомянут Айдар Радищев, Любомирову он известен по публикации Л. М. Сухотина⁵, однако установить отношения Айдара с прочими представителями рода Любомирову не удалось. Одна из при-

¹ Любомиров П. Г. Род Радищева. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.-Л., 1936 (далее — А. Н. Радищев. Материалы. . .).

² А. Н. Радищев. Материалы. . ., с. 294.

³ Там же.

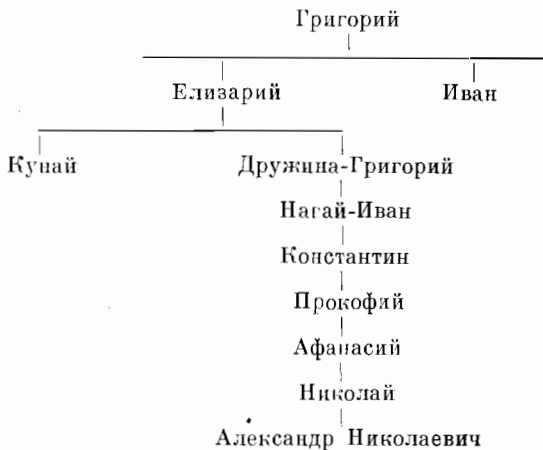
⁴ Там же, с. 296.

⁵ Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. М., 1911, с. 10.

чин этого заключена в том, что исследователь не обращался непосредственно к верстальной десятне 1604 г., воспользовавшись лишь изданием В. Н. Сторожева «Материалы для истории русского дворянства» (т. 1, 2, М., 1892—1909), о чем свидетельствует научно-справочный аппарат статьи «Род Радищева». По данным этой десятни, Айдар был родным братом известного Любомирову Якима Радищева ⁶.

П. Г. Любомиров предполагал существование еще одного Ивана Радищева (помимо Нагая-Ивана), в котором он склонен видеть брата Кунай Елизарьева ⁷. Яким Радищев известен Любомирову только с 1618 г. ⁸, однако он упоминается в уже названной десятне 1604 г. ⁹

Следующее поколение, по мнению Любомирова, знает только одно лицо — Нагая-Ивана Дружинина ¹⁰. По мнению Любомирова, он был отцом прапрадеда А. Н. Радищева Константина Ивановича. В целом генеалогическое построение П. Г. Любомирова представляется следующим образом:

Положение Любима, Якима и Айдара Радищевых Любомировым не определено.

Обнаруженные нами новые архивные источники, среди которых важное место занимают писцовые, переписные, платежные книги, позволяют уточнить родословную Радищева. Непосредственное обращение к десятне 1604 г. помогает ответить сразу на несколько вопросов.

Любомиров прав, предположив существование Ивана Радищева. Более того, источник позволяет говорить о целой ветви «Ивановичей». Вместе с тем становится совершенно очевидной неправомочность объединения Дружины и Григория в одном лице. В 1604 г. существовали Любим Иванов с братьями Айдаром, Якимом и Василием ¹¹ и Кунай Елизарьев с братом Григорием. Яким родился в 1602 г., Василий — в 1595 г., Кунай прослужил к этому времени уже 5 лет ¹², а так как верстание «новииков» производилось по достижении 15-летнего возраста, то годом его рождения с достаточной долей достоверности можно назвать 1584 г.

В 1604 г. был жив еще тот самый Иван, существование которого предположил Любомиров. На это указывает тот факт, что Айдар записан живущим у отца. Айдар был поверстан на 500 четвертей, Кунай с Григо-

⁶ ЦГАДА, ф. 210, к. 302, лл. 102—103.

⁷ А. Н. Радищев. Материалы. . . , с. 296.

⁸ Там же, с. 297.

⁹ ЦГАДА, ф. 210, к. 302, лл. 102—103.

¹⁰ А. Н. Радищев. Материалы. . . , с. 299.

¹¹ ЦГАДА, ф. 210, к. 302, лл. 102—103.

¹² Там же, л. 104.

рием владели 100 четвертями, причем оклад Григория составлял 250 четвертей, но, как известно, поместный оклад «исполнялся» постеленно.

На основании десяти 1604 г. можно предположить, что перед нами либо две ветви одного рода, либо две семьи однофамильцев. Всякие сомнения рассеиваются переписной книгой Малоярославецкого уезда 1646 г. Из нее явствует, что Кунай Елизарьев приходился родным дядей Нагаю Иванову ¹³.

Дружина Радищев, которого П. Г. Любомиров счел возможным отождествить с Григорием, вероятнее всего, принадлежал к ветви «Ивановичей», на что, в частности, указывает общность владений и характерные для «Ивановичей» имена.

В использованном П. Г. Любомировым издании Л. М. Сухотина есть указание на то, что погибший при обороне Пафнутьева-Боровского монастыря Айдар Радищев не оставил после себя наследников. Данные фонда Поместного приказа полностью опровергают эту версию. Нам хорошо известен сын Айдара Иван ¹⁴. В 1627—1629 гг. за ним было значительное поместье с тремя крестьянами и с тремя бобылями. В 1621 г. Иван еще числился в недорослях, следовательно, родился он не ранее 1604 г. ¹⁵ В 1621 г. была жива мать Ивана Айдарова ¹⁶. Последнее упоминание Айдара Иванова относится к 1646 г. ¹⁷ В это время за ним было 19 крестьян и 5 бобылей. Иван Айдаров и был отцом Константина Ивановича, таким образом, отпадает необходимость объединять в одном лице Нагай и Ивана Радищевых.

Источники сообщают нам одну достаточно интересную деталь в прохождении службы сыном Ивана Айдарова Нагаем Ивановым. В 1653 г. он выбран на Земский собор от малоярославецкого дворянства ¹⁸. Выборный список характеризует его как дворянина «доброего и разумного». На основании всего вышеизложенного генеалогия первых трех поколений рода Радищевых представляется в следующем виде ¹⁹:

¹³ ЦГАДА, ф. 1209, к. 440, лл. 623—624, 625.

¹⁴ Там же, к. 681, лл. 403—406.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 210, Денежный стол, св. 85, л. 1597.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, ф. 1209, к. 440, лл. 612, 624—625.

¹⁸ Там же, ф. 210, Севский стол, к. 148, лл. 90—91.

¹⁹ Боковые ветви рода в таблицу не внесены.

Л. М. Спирина

РУКОПИСНЫЙ ИСТОЧНИК ОБ ОСНОВАНИИ ЦЕРКВИ В ЧЕСТЬ ДЕУЛИНСКОГО ПЕРЕМИРИЯ

В собрании Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника (ЗГИХМЗ) среди древнейших документов и различного рода рукописных книг, связанных с историей Троице-Сергиева монастыря, хранится рукописный холщовый антиминс 1619 г.¹

Это небольшого размера (16×17 см) почти квадратной формы кусок грубого неотбеленного льняного холста, подрубленного по краям. В верхней его части в холщовом мешочке, на котором изображен четырехконечный крест на «Голгофе», зашиты частицы мощей, а в уголках из той же холщовой ткани, в местах крепления антиминса к престолу, пришиты четыре малых лоскута. Большую часть лицевой стороны занимает рукописная запись в 12 строк следующего содержания:

«Ос[вя]тис[я] олтар[ь] г[о]с[под]а н[а]ше[го] || Ис[у]са Х[ри]с[та] в ц[е]р-
[ко]вь пр[е]ц[о]д[об]на[го] || отца н[а]шего Сергия Чюдотвор[ца] при дер-
ж[а]ве г[о]с[у]д[ар]я ц[ар]я и великаго || кн[яз]я Миха[ила] Федаривича
всєя Ру[си] и святе[и]ш[ем] Филарете патри[архе] Московском и всєя
Руси || живоначалные Троицы Серги[ева] монастыря архиморито[м]ь
Дионисиемъ лета[сто] двадєсєт асмаго || индито г.»

Запись сделана полууставом, слегка небрежным, но твердым и четким почерком профессионального писца. Черные чернила от времени выцвели и местами растеклись, отчего некоторые буквы теперь плохо читаемы².

Этот своеобразный памятник письменности XVII в. представляет большую ценность, так как у нас есть все основания связать его с важнейшими событиями русской истории времени польско-литовской интервенции России в 1604—1618 гг.

В инвентарной книге музея есть запись о том, что этот антиминс «из церкви села Деулино прислан при указе учрежденного собора 18 июня 1849 № 3»³.

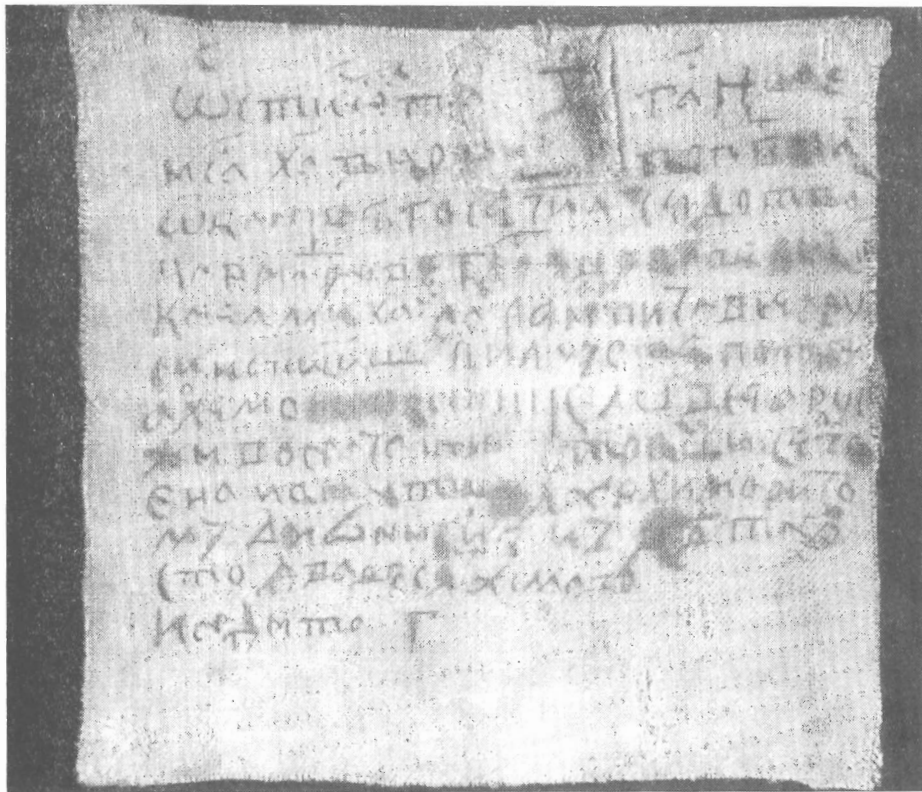
Итак, эта позднейшая запись связывает наш антиминс с тем селом, где в 1618 г. между Россией и Польшей было заключено перемирие, вошедшее в историю под названием Деулинского.

В связи с этим фактом интересно привести данные литературного источника XVII в. — «Сказания» Авраамия Палицына, где в гл. 77 сообщается о «поставлении храма во имя великаго чудотворца Сергия Радонежского в Троицкой деревни Деулине»: «келарь же Аврамей по обещанию своему, еже обещася к преподобному, и советовавше со архимаритом Деонисием

¹ ЗГИХМЗ, инв. № 5827, книга поступлений, № 9099. Антиминс (с греч. — вместо-престолие) — это плат из льняной или шелковой ткани с частицами мощей, полагаемый на престол при освящении вновь построенного храма.

² Этот антиминс, имеющий только одну запись, без традиционного изображения положения Христа во гроб, относится к числу древнейших видов антиминсов.

³ Запись в инвентарной книге сделана на основе записи XIX в. на картоне, на котором был переведен текст антиминса. Есть основание предположить, что сам антиминс был передан в Троицкую Лавру в связи с тем, что в с. Деулине строился новый кирпичный храм, сохранившийся до наших дней.

Антиминс на освящение деревянного храма в селе Деулине, 1619.

и с соборными старцы и прочими; и тако по повелению самодержца в той деревне Деулине, идеже мирное поставление бысть промеж обою государств Московским и Польским, поставляют храм во имя преподобнаго и богосноснаго отца нашего великаго чудотворца Сергия Радонежскаго. . . Освящен же бысть храм во имя великаго чудотворца Сергия по благословению великаго господина святейшаго Филарета, патриарха московскаго и всеа Руси, архимаритом Дионисием со освященным собором в лето 7128-е (1620 г.) декабря в 1 день»⁴.

Сопоставление обоих источников приводит к выводу о том, что антиминс 1619 г. несомненно предназначался для освящения храма в с. Деулине, где за год до этого и происходило подписание исторического перемирия.

Особая ценность этого документа состоит также в том, что он датирован. Это дает возможность точно установить время постройки первого деревянного деулинского храма⁵.

Как известно, центр военных действий в 1618 г. вновь переместился к Троице-Сергиеву монастырю. Здесь оказались сосредоточенными ос-

⁴ «Сказание» Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, гл. 77, с. 248. В комментариях к л. 233 (с. 332) «Сказания» Авраамия Палицына внесена поправка в дату освящения храма, состоявшегося не в 1620 г., как указано в тексте на с. 248, а в 1619 г. в связи с точным переводом со старого летоисчисления на новый, но тем не менее ошибка в некоторых публикациях повторяется, например, см.: *Исаев М. А.* Путь на Ростов Великий. М., 1973, с. 79.

⁵ В XVII в. как в самом монастыре, так и его окрестностях не строилось других храмов во имя Сергия Радонежскаго.

новные силы противника: полки пана Чаплинского, Сапеги и гетмана Хоткевича. Сюда же со своим войском подошел королевич Владислав⁶. Когда был поставлен вопрос о заключении мира, то после предварительных переговоров для решительного соглашения была избрана подмонастырская деревня Деулино, расположенная на пути между Троицким монастырем и неприятельским лагерем⁷. И здесь в сложной политической обстановке после длительных переговоров состоялось подписание перемирия между Польшей и Россией сроком на 14 лет и 6 месяцев⁸.

В первую годовщину со дня подписания договора в память этого исторического события в Деулине был построен деревянный храм, освящение которого состоялось в декабре 1619 г.⁹

Итак, перед нами документ, который можно сравнить только с важнейшей летописной записью, имеющей отношение не только к истории с. Деулина, но и к истории России XVII в.¹⁰

В связи с данной темой следует обратить внимание на сообщение антиминос о том, что освящение деулинского храма было совершено архимандритом Троице-Сергиева монастыря Дионисием, и что в нем упоминается «святейший патриарх всея Руси Филарет». Это прежде всего интересно в том отношении, что деятельность этих двух крупнейших представителей русской церкви в той или другой степени была тесно связана с событиями польско-литовской интервенции в России.

Известно, что Деулинское перемирие предусматривало обмен пленными с обеих сторон¹¹. На этом основании из польского плена был возвращен московский митрополит Филарет Никитич (14 июня 1619 г.), а 24 июня он был посвящен в патриархи всея Руси и поставлен на патриарший престол¹².

⁶ Главный стап Владислава был в деревне Рогачеве, Сапеги — в Сваткове, а гетмана Хоткевича и пана Чаплинского — у дороги ближе к Переславлю-Залесскому. *Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы Лавры.* — М., 1890 (далее — *Горский А. В. Историческое описание. . .*, с. 134—135).

⁷ Деревня Деулино до этого события не имела ничего примечательного. Она находилась по Угличской дороге в 4—5 км от Троице-Сергиева монастыря и входила в состав его владений. В XVI в., по данным писцовых книг, здесь насчитывалось всего 10 крестьянских дворов с пашней, лесом и лугами (Писцовые книги Московского государства, ч. 1, отд. 1. СПб., 1872, с. 88, 246, 285).

⁸ Этому вопросу посвящена специальная работа А. А. Савича «Деулинское перемирие 1618 года. Из истории польской интервенции начала XVII в.» — *Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта*, 1959, т. IV. Серия историческая, вып. 2 (далее — *Савич А. А. Деулинское перемирие. . .*), с. 49—112.

⁹ С постройки храма деревня Деулино была превращена в село и, как сообщает А. В. Горский, его называли Мирным (*Горский А. В. Историческое описание. . .*, с. 136), но это название не привилось. Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1673 г. неоднократно упоминаются вклады в Деулино в XVII в., см. Вкладная книга 1673 года. — ЗГИХМЗ, рук., лл. 635—635 об. (1650 г.), 899 (1654 г.), 900 (1658 г.), 912 (1638 г.), 1046 (1639 г.), 1170—1170 об. (1609 г.), 73 прил., 262 об. (1716 г.). С. Деулино, будучи в составе владений Троице-Сергиева монастыря, упоминается также в жалованной грамоте Елизаветы Петровны 1752 г. (*Горский А. В. Историческое описание. . .*, с. 134).

¹⁰ Что представляла собой эта церковь, нам не известно. Е. Голубинский сравнивает ее с сохранившейся деревянной церковью с. Благовещенского, расположенного в 4 км от Загорска (*Голубинский Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра.* М., 1909, с. 346). А. В. Горский сообщает, что в 1860 г. она сгорела (*Горский А. В. Историческое описание. . .*, с. 136). Большой интерес представляют также сохранившиеся до нашего времени легенды, собранные Т. В. Николаевой у местных жителей о том, что в строительстве храма были использованы пленные поляки, в том числе и инвалиды, пострадавшие во время осады Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. Это мог быть вполне вероятный факт, так как обмен пленными, по условиям Деулинского перемирия, затянулся до осени 1619 г., о чем сообщалось в дополнительных статьях к перемирной записи (*Савич А. А. Деулинское перемирие. . .*, с. 103).

¹¹ Собрание государственных грамот и договоров, т. III. М., 1822, № 44, с. 185—186.

¹² Там же, № 45, с. 186—201.

Возможно, что антиминос 1619 г. является одним из первых сохранившихся до нашего времени письменных документов, в котором Филарет упомянут в этом высоком церковном звании.

Вернувшись из польского плена, патриарх Филарет тотчас же освободил отбывавшего наказание в Новоспасском монастыре по обвинению в ереси архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия. По настоянию иерусалимского патриарха Феофана он вернул его на прежнюю должность архимандрита в Троицкий монастырь¹³.

Вполне вероятно, что именно архимандрит Дионисий, известный своими патриотическими настроениями в годы польско-литовской интервенции России, стал непосредственным вдохновителем постройки деулинского храма¹⁴.

Подводя итог, можно с полным основанием отнести антиминос 1619 г., данный на освящение исторического памятника в с. Деулине, к кругу ценных документов XVII в. периода польско-литовской интервенции России.

¹³ Горский А. В. Историческое описание. . . , с. 137.

¹⁴ О нем см.: Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. — В кн.: «Сказание» Авраамия Палицына, с. 34—36; Белоброва О. А. Портретные изображения Дионисия Зобниновского. — В кн.: Сообщения (Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник), вып. III. Загорск, 1960, с. 165—169; она же. Автограф Дионисия Зобниновского. — «Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский Дом)», 1961, т. XVII, с. 388—390; Клитина Е. П. Доклад на научной конференции в январе 1960 г. «О троицких патриотических грамотах». — Научный архив ЗГИХМЗ.

С. Е. Князьков

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ КОПИИ УГЛИЧСКОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА

Угличское следственное дело неоднократно служило объектом изучения для историков. В вопросе о достоверности следственного дела мнения исследователей разделились: одни (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. С. Беляев и др.) считали его пристрастным и не доверяли ему, другие (С. Ф. Платонов, В. Светозаров, А. И. Тюменев, В. К. Клейн и др.) отстаивали достоверность этого источника. В. К. Клейн, который наиболее обстоятельно провел палеографический анализ следственного дела, доказывал, что изменения в порядке листов дела, его порча вызваны временем и неблагоприятными условиями хранения. Он наметил несколько этапов порчи дела: «Смутное время»; многочисленные московские пожары XVII в.; начало XVIII в., когда петровские архивариусы пытались привести в порядок перебитый столбец с Угличским делом, но сделали это крайне неряшливо; и конец XVIII в., когда дело переплели в тетрадь¹. Результатом работы В. К. Клейна явился предложенный им новый порядок первых листов дела.

Некоторым дополнением и уточнением к выводам В. К. Клейна служат наблюдения над двумя малоизвестными копиями Угличского следственного дела, составленными во второй половине XVIII в. и хранящимися сейчас в Центральном государственном архиве древних актов. В литературе, посвященной данной проблеме, эти копии не упоминаются.

Первая копия была сделана для Г.-Ф. Миллера². Сейчас хранится в его «Портфелях»³. Копия состоит из 32 исписанных и 3 чистых листов. Филигрань «Pro patria» с литерами АГ и вензелем (С. А. Клепиков — 1762—1763 гг.)⁴. Вся копия сделана одним почерком.

На обложке две надписи: «Роспрос и розыск дела о убиении царевича Димитрия. 1591 года». Ниже другим почерком приписано: «Список с подлинного следственного дела, хранящегося в Архиве (напечатано в Собрании Государственных Грамот и Договоров, том II, стр. 103. № 60)». Следовательно, нижняя приписка сделана не ранее 1819 г., когда дело было впервые издано. Первая надпись более ранняя, так как к ней после точки приписано почерком нижней надписи: «1591 года». Бумага обложки сероватая (без филиграней), в то время как сам текст написан на белой

¹ Клейн В. Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия 15-го мая 1591 г. Ч. 1. Дипломатическое исследование. М., 1913, с. 1—13.

² Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954, с. 72.

³ ЦГАДА, ф. 199, портф. 130, оп. 1, д. 2.

⁴ Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные надписи на бумаге русского и иностранного производства XVII—XVIII вв. М., 1959 (далее — Клепиков С. А. Филигранные. . .), № 20, с. 22, 162.

бумаге. Г.-Ф. Миллер был назначен в архив в 1766 г., поэтому текст копии может быть датирован не ранее 1766 г.⁵

Текст подлинника в копии передан почти полностью. Исключение составляет лишь небольшая склейка XIII⁶ (с приказом привести на допрос мамку царевича В. Волохову и «жильцов»), текст которой не внесен в копию. Встречаются неправильно прочитанные буквы. Например, вместо «Семейка» в копии написано «Семенка», вместо «царицин» — «царицын» и т. п. Переданы все рукоприкладства подлинника с пометой, что они находятся на обороте листов. Расположение листов в копии в основном то же, что и в подлиннике. Однако есть и различия. Текст л. 1 (склейка III), помещенный в подлиннике перед л. 2 (склейка IV), в копии написан на полях листа, передающего содержание л. 4 (склейка VII) подлинника⁷. Нарушен порядок лл. 25—27. В копии после л. 24 идет л. 27; после него следуют лл. 25 и 26 подлинника. Из этого можно сделать вывод, что во время написания копии некоторые листы столбца, содержащего дело, были расклеены. Этот факт служит подтверждением предположения В. К. Клейна о том, что в XVIII в. (после работы над подлинником петровских архивариусов) столбец «возможно . . . снова расклеился по некоторым склейкам и в таком виде попал в руки Бантыш-Каменского»⁸. Вероятно, поэтому писец и пропустил склейку XIII, затерявшуюся в разрозненных частях дела. Л. 1 (склейка III) подлинника в то время еще не был приклеен к л. 2. По мнению В. К. Клейна, при переплетении дела в тетрадь л. 1 был подклеен к л. 2. Тогда же, как считал В. К. Клейн, листы были пронумерованы⁹. Однако в издании 1819 г. л. 1 помещен между лл. 8 и 9. Становится непонятным, для чего нужно было помещать л. 1, приклеенный к л. 2, в другое место. Сам В. К. Клейн отмечал, что «цифра 2 . . . служащая нумерацией к листу 2», частично заклеена листом 1; следовательно, сначала была проведена нумерация, а потом уже склейка лл. 1 и 2.

Исходя из этого более вероятно предположить, что нумерация подлинника была проведена не при переплетении дела (в конце XVIII в.), а уже после 1819 г., а л. 1 приклеен к л. 2 после нумерации.

Вторая копия Угличского дела хранится в фонде «Исторические и церемониальные дела»¹⁰, упоминается в путеводителе и обзоре по ЦГАДА¹¹. Состоит из 20 листов (в конце копии — 3 чистых). Филигранные — литеры ФК (сложный вензель) и ПР (также сложный вензель). С. А. Клепиков приводит их под 1768—1769 и 1774 гг.¹²

В копии передан весь текст подлинника без пропусков. Копия написана двумя почерками. Основным сделан почти весь текст. Но встречаются приписки другим почерком и более светлыми чернилами. Вероятно, первый писец не мог прочитать некоторые слова и оставлял свободные места, а правщик уже вносил в них свое понимание. Порядок листов в этой копии почти такой же, что и в уже рассмотренной. Та же путаница лл. 25—27. Однако л. 1 (склейка III) помещен в самом начале текста. Но, как уже отмечалось, он не был еще склеен с л. 2.

⁵ Приношу искреннюю благодарность А. Л. Станиславскому за эти данные.

⁶ Во избежание путаницы номера листов приводятся и по арабской нумерации листов, сделанной в первой половине XIX в. и по нумерации (римскими цифрами) склеек, предложенной В. К. Клейном.

⁷ ЦГАДА, ф. 199, портф. 130, оп. 1, ч. 1, д. 2, л. 2 об.

⁸ Клейн В. Указ. соч., с. 13.

⁹ Там же, с. 5, 21.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 136.

¹¹ Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель, ч. 1. М., 1946, с. 108; Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв., с. 25.

¹² Клепиков С. А. Филигранные . . . , № 704, с. 68, 236.

Обложка моложе самого текста копии. Об этом свидетельствует филигрань листа обложки — герб города Ярославля с литерами ЯМСЯ. Бумага с такой филигранью производилась в 1781—1786 гг.¹³

На обложке — надпись почерком, отличным от основного: « $\frac{7099}{1591}$ мая в 15 [ень]. Список з дела о посылке в Угличь боярина князя Шуйского, и околичного [так!] Клешина, да дьяка Вылузгина для сыску, как убит царевич Дмитрий Иванович?» Этот заголовок сходен с заголовком на обложке подлинника следственного дела и почти идентичен с записью в «Реестре историческим и церемониальным делам, учиненом коллежским ассесором Николаем Бантышем-Каменским 1775 году», где тогда хранился подлинник дела: « $\frac{7099}{1591}$ 15 мая. Дело о посылке в Угличь боярина князь Василья Ивановича Шуйского, околичного Андрея Петровича Клешина и дьяка Елизарья Вылузгина для сыску, как убит царевич Дмитрий Иоаннович. Тут же и все подлинные в том деле допросные речи [начала нет]». Реестр составлялся много лет. По определению В. К. Клейна, запись о следственном деле была внесена в него около 1798 г., тогда же подлинник был переплетен¹⁴. Так что можно предположить, что заголовок копии был написан не ранее этого времени.

Для кого и почему составлялась вторая копия — сказать трудно. Во всяком случае, текст копии и заголовок на ее обложке были составлены в разное время. Возникает вопрос, не могла ли эта копия быть использована для подготовки первого печатного издания Угличского дела и не в связи ли с этим она была составлена? Ответить придется отрицательно, так как в результате проведенного текстуального анализа между копией и изданием 1819 г. выявились значительные разночтения¹⁵.

Наблюдения над двумя копиями Угличского следственного дела интересны прежде всего для дальнейшего изучения подлинника. Копии позволяют уточнить порядок листов дела в XVIII в. Некоторые листы столбца были тогда расклеены (л. 1, скл. XIII, лл. 25—27). Иной порядок лл. 25—27 в обеих копиях говорит также не только о частичной расклейке дела. Наблюдения исследователей касались в основном первых листов дела, как наиболее перепутанных. Копии дают возможность предположить несколько другой порядок листов в середине дела — лл. 27, 25, 26. Эти листы содержат допросные речи царицыных детей боярских, истопников, ключника Г. Тулубеева и стряпчего С. Юдина, причем каждое показание записано на отдельном листе и имеет самостоятельное значение. Возникает вопрос, для разрешения которого требуется дальнейшее исследование подлинника и копий: чем руководствовался Бантыш-Каменский в перестановке этих листов во время переплетения дела? Копии обращают на себя внимание не только в плане изучения подлинника. Сам факт их составления свидетельствует об определенном интересе к Угличскому следственному делу в XVIII в.

¹³ Там же, № 778, с. 20.

¹⁴ Клейн В. Указ. соч., с. 2.

¹⁵ Подготовительным материалом для первой публикации следственного дела послужила, вероятно, третья копия (составлена не ранее 1814 г.). — ЦГАДА, ф. 197, портф. 4, д. 11.

И. З. Кадсон

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ФОНДАХ СИНОДА

Архивные фонды высших органов дореволюционного церковного управления в ЦГИА СССР принадлежат к числу сравнительно редко используемых документальных комплексов. Между тем эти материалы представляют собой первоклассный исторический источник. Ценность их определяется не только тем, что они дают широкую картину жизни русской православной церкви на различных этапах ее истории со всеми присущими тому или иному периоду особенностями. В них также находят отражение многие стороны общественно-политической жизни страны, поскольку они оказывались в поле зрения церковной администрации. Среди таких вопросов — все, что было связано с классовой борьбой в России, особенно начиная с революции 1905—1907 гг.

В настоящей статье делается попытка охарактеризовать не использовавшиеся до сих пор историками сведения о революционном движении в стране, содержащиеся в материалах епархиальной отчетности¹, а также отчетных рапортов по ведомству военного и морского духовенства² за десятилетие, отделяющее первую русскую революцию от свержения царизма в феврале 1917 г. Привлекаемые нами источники составляют сравнительно небольшую часть синодского архива, но в то же время и наиболее важную в интересующем нас плане, поскольку содержат основную информацию о положении в епархиях и воинских частях, систематически направлявшуюся местными духовными властями в Синод.

Ежегодный отчет о состоянии каждой из православных епархий имел строго определенную структуру. В его состав входили разделы, освещавшие деятельность местной консистории и благочинных, положение о монастырях, состоянии паствы и духовенства, борьбу церковных властей против сектантства и некоторые другие. Особый интерес представляет раздел «Паства», ибо именно здесь сосредоточены наиболее важные данные, позволяющие судить об умонастроениях народных масс, росте их классовой сознательности, процессе постепенного отхода трудящихся от церкви и религии.

Отчетные рапорты военных благочинных значительно скромнее по объему, чем епископские отчеты, и имеют менее четкую структуру. И здесь наиболее интересны страницы, где речь идет о политических и религиозных настроениях солдатской массы. Обе группы источников хорошо сохранились. В распоряжении исследователя находится почти весь комплекс церковной отчетности за рассматриваемый период. О большом объеме отложившегося материала позволяет судить тот факт, что одних только епископских отчетов, каждый из которых составляет само-

¹ ЦГИА СССР, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 442.

² Там же, ф. 806 (Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства), оп. 5.

стоятельную единицу хранения, насчитывается за эти годы около 600. Из отчетных рапортов военных благочинных ежегодно формировалось специальное дело, и все эти дела дошли до нашего времени в полной сохранности. Весь этот материал находится в хорошем состоянии, епископские отчеты микрофильмированы. Документы представлены в подлинниках, легко читаются. Епархиальные отчеты, как правило, выполнены машинописным способом. Рапорты военных благочинных обычно писались от руки, но их чтение также не вызывает каких-либо затруднений.

Церковная отчетность — источник специфический. Будучи документом сугубо официальным, любой материал, входящий в ее состав, неизбежно сохраняет следы своего происхождения. Его отличают четко выраженная классовая направленность, нескрываемая ненависть ко всему, что напоминает о революции, преобладание казенного оптимизма в оценке религиозных и политических настроений народных масс.

Тем ценнее признания, прорывающиеся сквозь завесу официальной лжи. Изучавший епархиальные отчеты М. М. Персиц справедливо заметил, что если в таких документах встречаются указания на равнодушные народы к религии, то это свидетельствует о достаточно широком распространении подобных явлений³. Сказанное в равной мере может быть отнесено к оценке духовными администраторами политических настроений трудящихся. В то же время секретность и строгая конфиденциальность церковной отчетности располагали ее авторов к гораздо большей откровенности, чем в тех случаях, когда они имели дело с широким читателем. Ежегодно публиковавшиеся всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Синода или церковная печать являются в этом отношении источником гораздо менее ценным.

Дошедшие до нас епархиальные отчеты и рапорты военных благочинных широко отражают религиозную, а в известной мере и политическую обстановку во всей стране, во всех частях русской армии и флота. Репрезентативность этого источника не подлежит никакому сомнению.

Советские исследователи неоднократно обращались к церковной отчетности как в целях изучения истории русской православной церкви, так и для исследования антиклерикальных движений трудящихся классов⁴. В центре их внимания были по преимуществу вопросы, связанные с развитием в народных массах религиозного индифферентизма и атеизма, отходом их от церкви и религии. Другие проявления пробуждения народа от политической спячки, его социальной активизации затрагиваются значительно слабее. Между тем материалы церковной отчетности и в данном плане содержат много интересного не только по истории революции 1905—1907 или 1917 г., но также за периоды столыпинской реакции и первой империалистической войны.

В епископских отчетах имеется информация, характеризующая политические настроения пролетарских масс самых различных районов России, те сдвиги в народном сознании, причиной которых стала первая русская революция. В качестве одного из примеров сшлемся на столь отдаленные друг от друга епархии, как Екатеринбургская и Екатеринославская. В отчетах местных владык наряду с жалобами по поводу растущего безверия пролетариата выражается и глубокая озабоченность в связи с распростране-

³ Персиц М. М. Атеизм русского рабочего (1870—1905 гг.). М., 1965, с. 18.

⁴ Емелья Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.-Л., 1965; она же. Антиклерикализм и атеизм русских крестьян накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: По этапам развития атеизма в СССР. Л., 1967; Кадсон И. З. Отношение рабочих различных районов России к религии и церкви. — В кн.: Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ. Материалы к научной конференции. Ростов-на-Дону, 1972; она же. О положении в русской православной церкви в последние годы существования царизма. — В кн.: Атеизм, религия, современность. Л., 1973 и др.

нием революционных настроений в широких пролетарских слоях. Екатеринбургский епископ, в частности, подчеркивал такие особенности рабочего класса, как непочтение к начальству и отрицание авторитета всякой власти⁵.

Из епархиальной отчетности видно, что память о революции была жива не только в крупных промышленных центрах, но и в глубокой провинциальной глуши. Об этом можно судить, например, по одному из епископских отчетов за 1910 г., где характеризуются настроения жителей Ветлужского уезда Костромской губернии. Здесь, по словам автора, все еще сохранялись «следы революционно-освободительного движения»⁶.

Наряду с общеоценочными свидетельствами в епископских донесениях присутствуют иногда и более конкретные данные — такие, как упоминания о забастовках пимокатов, шубников и рабочих других категорий в отчете томского архиепископа за 1907 г.⁷

Плохого мнения были епархиальные власти о русском крестьянстве, в политическом сознании которого революция тоже произвела глубокие перемены⁸. Заслуживает внимания в этой связи информация об аграрных «беспорядках», содержащаяся в одном из отчетов по Псковской епархии⁹. В некоторых документах подчеркивается «отрицательное» влияние, которому подвергается население вследствие широкого распространения отходничества¹⁰. Фиксируется епархиальными властями и такой факт, как проникновение оппозиционных настроений в среду нерусских народов, что приписывалось прямому влиянию революционеров¹¹. Особенно беспокоило церковную администрацию поведение политических ссыльных, которые «дружно занимаются пропагандой против церкви и правительства»¹².

Нашли отражение в отчетах епископов настроения трудящихся в связи с выборами в IV Государственную думу¹³.

Заслуживают внимания встречающиеся в них данные об отношении народа к первой империалистической войне. Из отчета туркестанского епископа, например, видно, что мобилизация была встречена ропотом, на военные повинности население смотрело, как на разорение, а жертвования на войну делало крайне неохотно. Народ явно не обнаруживал желания воевать¹⁴.

Нельзя пройти мимо следующих рассуждений епископа екатеринославского. «Приходится иногда слышать и такие речи, — писал он в 1914 г., — что после этой войны опять повторится 1905 год, то есть опять повторится русская революция, которая будет удачнее первой. Но такие мысли копошатся только в головах молодежи, так называемых «сознательных», которые нередко можно встретить в приходах, лежащих возле заводов и рудников. Настроения же такого в массе народной не замечается. Хотя нужно помнить, что в 1905 году такого настроения тоже не было, но оно создалось в несколько месяцев»¹⁵.

В отчете о состоянии Томской епархии за 1914 г. описывается солдатский бунт в Барнауле, в котором приняло участие и городское на-

⁵ Кадсон И. З. Отношение рабочих различных районов России к религии и церкви, с. 212.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2394, л. 63 об.

⁷ Там же, д. 2531, л. 50.

⁸ Там же, д. 2531, л. 39—39 об.

⁹ Там же, д. 2233, л. 8 об.

¹⁰ Кадсон И. З. Отношение рабочих различных районов России к религии и церкви, с. 213—215.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2244, л. 19.

¹² Там же, д. 2262, л. 17 об.

¹³ Там же, д. 2517, лл. 16 об.—17; д. 2519, л. 11.

¹⁴ Там же, д. 2676, л. 36 об.

¹⁵ Там же, д. 2637, лл. 12 об.—13.

селение, а подавить его удалось лишь с помощью военной силы, при этом многие были убиты и ранены¹⁶.

Епархиальные отчеты за 1915 г. констатируют нарастающее брожение в массах, «заметное ослабление прежнего чувства уверенности в благополучном для России окончании войны»¹⁷. В отчете о состоянии Симбирской епархии обращается внимание на усиливающийся интерес крестьян к газетам и другим периодическим изданиям. «Вообще, — подчеркивал местный архиепископ, — деревня занялась политикой»¹⁸.

С этими сигналами перекликается свидетельство главы Пермской епархии, доносившего в Синод уже в 1916 г., что рабочий класс, видя, как наживается на войне буржуазия, решительно требует повышения заработной платы¹⁹. Относящийся к этому же времени отчет о состоянии Туркестанской епархии содержит подробные сведения о народном восстании 1916 г. в Средней Азии и Казахстане²⁰.

Предметом особой заботы церковных властей всех рангов была политическая обстановка в войсках. Трудно найти отчетный документ, адресованный протопресвитеру военного и морского духовенства, в котором обходился бы этот вопрос. Общий тон таких донесений был вполне оптимистичен. Благочинные дивизий и военных учреждений обычно докладывали о наступившем после революции «успокоении» в армии и флоте.

Тем более заметны на этом фоне тревожные ноты, время от времени звучавшие в рапортах благочинных. Так, в рапорте благочинного 3-й пехотной дивизии за 1907 г. признавалось, что революционная печать по-прежнему оказывает влияние на личный состав «и надо думать, пройдет много времени и потребуются много усилий, прежде чем восстановится прежнее настроение воинских чинов»²¹. Среди солдат раздавались голоса, требовавшие отменить смертную казнь. Благочинный омских военно-неподвижных церквей доносил в 1907 г., что солдаты спрашивают его, «совместимо ли со званием христианина убийство своих братьев при подавлении беспорядков»²². Благочинные сообщали об отказе отдельных нижних чинов принимать военную присягу, а в Семиреченской области имела место попытка «произвести возмущение против начальника команды. . . ни одна воинская часть не застрахована от волнений»²³.

Рапорты военного духовенства за последующие годы показывают, что при внешнем благополучии положение в армии по-прежнему давало основания для серьезного беспокойства. Об этом свидетельствовали в 1908 г. благочинные 5, 11, 15-й кавалерийских дивизий, 1-й Сибирской и 46-й пехотных резервных бригад, 10-й пехотной дивизии, военных церквей Семиреченской области²⁴. Не угасал интерес солдатской массы к злободневным проблемам политической жизни страны. Солдаты интересовались деятельностью Государственной думы, аграрным вопросом, переселенческим движением в Сибирь²⁵.

Шли годы, но надежды военных церковников на то, что со временем все «образуется», не оправдывались. Свидетельством тому может служить, например, рапорт благочинного Кавказской кавалерийской дивизии от 27 июня 1911 г. Констатируется, что в частях дивизии дисциплинарных проступков совершается значительно больше, чем это было

¹⁶ Там же, д. 2674, л. 46.

¹⁷ Там же, д. 2692, л. 21 об.

¹⁸ Там же, д. 2729, л. 26 об.

¹⁹ Там же, д. 2758, л. 33 об.

²⁰ Там же, д. 2767, лл. 68—111.

²¹ Там же, д. 806, оп. 5, д. 6038, л. 471—471 об.

²² Там же, лл. 557 об., 385—385 об.

²³ Там же, лл. 125 об., 433 об., 266, 416.

²⁴ Там же, д. 7119, л. 21; д. 6467, лл. 247, 291 об.; д. 6872, лл. 7 об., 495; д. 6467, лл. 364 об., 394.

²⁵ Там же, д. 6872, л. 155.

в предреволюционные годы. «И этот факт, — заключал автор, — я объясняю исключительно пережитой смутой»²⁶. В аналогичном духе выдержан рапорт из 10-й Сибирской стрелковой дивизии²⁷. Следующий, 1912 г., как известно, отмечен мощным революционным подъемом во всей стране, повлекшим за собой и открытые выступления солдат и матросов. Некоторые сведения на этот счет также можно обнаружить в отчетных материалах по ведомству военного и морского духовенства²⁸.

О положении в войсках в этот период, политических настроениях нижних чинов армии и флота дают возможность судить и отзывы епархиальной администрации. Воронежский и Казанский епископы, в частности, доносили в Синод об «отрицательном» влиянии на паству «возвращающихся со службы распропагандированных солдат»²⁹.

В военно-церковной отчетности за 1907 г. встречаются указания на то, что в войсках распространялись прокламации и нелегальная литература. Сведения об этом поступили из 19, 35, 42-й пехотных дивизий, 4-го Западно-Сибирского стрелкового батальона и других частей. В позднейшей документации такие данные отсутствуют. Единственное исключение составляет рапорт, поступивший в 1908 г. из 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии³⁰.

Свидетельства о распространении среди населения антиправительственных листовок и нелегальной литературы хотя и не часты, но все же встречаются также в материалах епархиальной отчетности. В этой связи можно сослаться на отчеты казанского епископа за 1907 г. и рижского — за 1910 г.³¹ В апреле 1913 г. состоялось совещание благочинных Киевской епархии, участники которого пришли к заключению, что левая печать благодаря своей дешевизне легче проникает в деревню, чем правая. Исходя из этого совещание рекомендовало срочно принять необходимые меры, включая издание нового закона о печати, учреждение дешевой газеты «здорового патриотического направления» и т. п.³²

Хотелось бы обратить внимание еще на один небезынтересный аспект рассматриваемой проблемы. Имеется в виду вопрос о причастности тех или иных слоев духовенства к революционному движению либо по крайней мере к оппозиции по отношению к самодержавию. Епархиальные отчеты содержат данные о привлечении отдельных церковнослужителей к судебной ответственности по политическим мотивам. Наиболее часто такие сведения встречаются в документах за 1907 г. В некоторых случаях они ограничиваются простым указанием на привлечение к суду политически неблагонадежных представителей духовенства, в других раскрывают подробности. Епископы отмечали, что против многих церковников политические дела возбуждались необоснованно, по ложным доносам. Иногда духовные лица попадали под следствие только за то, что «напившись до бесчувствия, начинали поносить Верховную власть и других августейших особ»³³.

В 1907 г. политические проступки церковников были зафиксированы в 9 из 64 епархиальных отчетов. Это, конечно, объясняется прямым влиянием только что прошедшей революции. В 1908 — 1909 гг. объем судопроизводства по политическим делам резко сокращается, в 1910—1911 гг. встречаются лишь единичные упоминания об отдаче церковнослужителей под суд по политическим мотивам, в последующие годы они совер-

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 7319, л. 778 об.

²⁷ Там же, д. 7906, л. 353.

²⁸ Там же, лл. 348—349, 352 об.

²⁹ Там же, д. 2510, л. 13 об.; д. 2331, л. 36; д. 2390, л. 20; д. 2520, л. 41; д. 2581, л. 50.

³⁰ Там же, ф. 806, оп. 5, д. 6038, лл. 142 об.—143, 135 об., 64 об., 107 об., 648, 528 об.; д. 6467, л. 427 об.

³¹ Там же, ф. 796, оп. 442, д. 2228, л. 16; д. 2412, л. 33.

³² Там же, д. 2714, л. 62 об.

³³ Там же, д. 2212, л. 2 об.

шенно исчезают из епископских отчетов. Что касается отчетных материалов по ведомству военного и морского духовенства, то они за весь рассматриваемый период хранят в этом отношении абсолютное молчание.

Все это позволяет, очевидно, сделать вывод о том, что нет решительно никаких оснований преувеличивать оппозиционность духовенства по отношению к царизму в период революции 1905—1907 гг. и в годы, непосредственно за ней последовавшие.

Рассмотренные материалы могут быть отнесены к главным источникам о влиянии первой русской революции на одну из самых консервативных прослоек русского общества — православное духовенство. Они позволяют дополнить и расширить наши представления о масштабах, характере и особенностях революционного движения в период столыпинской реакции и первой империалистической войны.

А. Б. Закс

РЕЧЬ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ

11 февраля 1919 г. в Малахитовом зале бывшего Зимнего дворца («Дворца искусств») состоялась Первая всероссийская конференция музейных работников. Председателем был избран академик С. Ф. Ольденбург. На ее открытии выступил народный комиссар просвещения А. В. Луначарский. Краткое изложение речи наркома дано в отчете об этой конференции в газете «Искусство коммуны» от 16 февраля 1919 г. за подписью М. Л. (очевидно, М. Левин, не раз выступавший на страницах этой газеты с отчетами о подобных мероприятиях), а затем перепечатано в сборнике «Советское искусство за 15 лет»¹. В изложении не только утрачены особенности образного языка Луначарского, но и нет необходимого объективного подхода: ему приписывается согласие с мнением определенной группы художников о том, что «ученые и историки завладели музеями», высказывание о вредности расширения коллекций музеев за счет «царских, барских и монастырских вещей», хотя он говорил как раз обратное. Некоторые тезисы речи дополнены составителем отчета фактами и положениями, которых нет в стенограмме. Конференция по делам музеев названа конференцией ИЗО (Отдела изобразительных искусств Наркомпроса), хотя в ней участвовали работники разных профилей.

Стенограмма конференции, хотя и не лишена недостатков, свойственных этому виду источников (тем более, что по тексту стенограммы нельзя установить, была ли она правлена Луначарским, скорее — нет, так как имеется целый ряд неясных выражений), все же дает более объективное представление о речи А. В. Луначарского². Стенограмма знакомит также с развернувшейся вокруг музейного дела и упомянутой в речи «борьбой разных тенденций и групп», которая в значительной мере определила содержание выступления наркома.

Конференция была созвана Наркомпросом для обсуждения и организации музейного строительства. Она намечалась на 20 января 1919 г., но была отложена на месяц. Официально отсрочка объяснялась отъездом А. В. Луначарского. Однако, судя по оживленной дискуссии на страницах газеты «Искусство коммуны» в январе—феврале 1919 г. с участием

¹ Первая конференция Отдела ИЗО по делам музеев (1919 г.). (Отчет). — В кн.: Советское искусство за 15 лет. Материалы и документация. М.-Л., 1933, с. 79—81. О речи А. В. Луначарского см.: Закс А. Б. Источники по истории музейного дела в СССР (1917—1941). — В кн.: Очерки истории музейного дела в СССР, вып. VI. М., 1968, с. 31—32.

² Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников (далее — ГИМ, ОПИ), ф. 54, ед. хр. 91, с. 1—5. При ликвидации Главного управления научно-художественными учреждениями Наркомпроса (Главнаука) материалы по музееведению (1918—1928 гг.) были переданы в Государственный Исторический музей (акт от 27 февраля 1930 г.), где составили фонд 54 (Материалы музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР).

Луначарского, можно предположить, что руководство Наркомпроса решило предоставить возможность высказаться музейным деятелям и работникам искусств разных направлений. В той же газете сообщалось, что в январе происходили совещания в Отделе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса для обоснования ключевых позиций в музейной политике.

А. В. Луначарский значительную часть своей деятельности в области советской культуры посвятил музейному строительству. Осуществляемая им музейная политика в основе своей имела направляющие ленинские указания. Сбереечь научные и культурные ценности и широко использовать их не только для науки, но и в первую очередь для народного просвещения и коммунистического воспитания — таковы были главные задачи, поставленные коммунистической партией и советским правительством перед музеями.

Мероприятия по музейному строительству в первые годы Советской власти осуществлялись в обстановке острой классовой борьбы. В среде музейных работников имелись факты саботажа, отказа от совместной работы с Советской властью. Некоторые из них резко возражали против выдвинутого Советской властью лозунга «Искусство — народу». Решительно борясь с контрреволюционными выступлениями, Луначарский активно проводил в жизнь ленинский принцип бережного подхода к старым специалистам, искренно хотевшим сотрудничать с Советской властью, терпеливо разъясняя позицию Наркомпроса в отношении музейного строительства и включая их в работу Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины³. Состав этих специалистов был далеко не однороден. В статьях, докладах и декларациях, с которыми Луначарский, судя по его выступлению на конференции, был знаком заранее, выявились разные группы, резко полемизировавшие друг с другом и в пылу дискуссий заострявшие внимание на какой-либо одной стороне деятельности музеев. Группа «правых», признавая Советскую власть, не считала ее органы компетентными в вопросах искусства и музееведения, возражала против централизации музейного дела. Не отрицая культурно-просветительного значения музейных коллекций, она не считала просветительную работу функцией музейных работников: музей — «центр свободной академической науки»⁴.

Опорой А. В. Луначарского в проведении ленинской музейной политики была группа музеевдов во главе с И. Э. Грабарем, составлявшая основное ядро Московской коллегии Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Ею была разработана декларация для предстоящей конференции. В противовес сторонникам «искусства для немногих» они провозглашали собрания музеев «драгоценнейшим достоянием всего народа, а не каких-нибудь отдельных групп специалистов, ученых, историков, художников». Главной задачей музея признавалось создание экспозиции, впечатление от которой «должно быть простым, ясным, стройным и свежим». Музей должен быть «живым организмом, не замкнутым в стенах музея, но распространять свое влияние далеко во вне, в самых широких кругах народа»⁵. Это не противоречило признанию значения музеев как базы для работы ученых разных профилей.

В декларации подчеркивалась необходимость создания единой системы — сети московских музеев, что было невозможно без централизации управления музеями.

³ Гарданов В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.) — В сб.: История музейного дела в СССР. М., 1957, с. 33.

⁴ ГИМ, ОПИ, ф. 54, ед. хр. 91, с. 38.

⁵ Там же, приложение, с. 1.

Наибольшую активность в дискуссии проявляла группа «ультралевых» художников-футуристов, представителем которых был Н. Н. Пунин. Художников-футуристов он объявил «обладателями революционной мудрости и творческих художественных идей»⁶. Основной мотив его выступлений — призыв к разрушению старого искусства, к «отрешению от благоговейного отношения к памятникам прошлого». Из этого вытекало резко отрицательное отношение к существующим музеям и музейным работникам. «Профессиональная особенность музееведа, — говорилось в декларации Отдела изобразительных искусств и художественной промышленности 7 февраля 1919 г. по вопросу о принципах музееведения, — сохранить созданное, тогда как художник имеет в виду создать взамен или поверх старого новое»⁷. Отрицательное отношение к музеям усугублялось тем, что крупнейшие художественные музеи, не признавая подлинным искусством работы художников так называемых «левых» направлений, стремились комплектовать фонды современными произведениями лишь тех художников, которые получили признание еще до революции. В упомянутой декларации выставлялось требование передать художникам функции комплектования фондов, создания экспозиций и поручить им дело художественного воспитания. Взамен старых музеев предлагалось создать Музей творческой художественной культуры, освобожденный от «мертвого исторического педантизма»⁸. Возражая против программы Московской коллегии Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, авторы декларации ИЗО смыкались с наиболее «правой» группой музейных работников, отстаивая полную идейную и организационную независимость «дела искусства» от государственных органов.

Представитель присоединившихся к декларации ИЗО художественно-промышленных музеев художник С. В. Чехонин отстаивал не только полную децентрализацию музеев художественной промышленности, но и требовал, чтобы была разрешена передача предметов из музейных фондов в неограниченное пользование рабочим и художникам как образцов для их работ⁹.

Оценивая футуризм как своеобразное выражение буржуазной культуры, Луначарский выделял в нем течение, в котором за левой фразеологией и формалистическими вывертами имелось зерно положительных творческих исканий, тех художников, которые могли внести вклад в развитие культуры. Поэтому в своей речи Луначарский осторожно критиковал декларацию ИЗО, хотя, как мы увидим далее, по существу полностью разоблачил ее несостоятельность. В дальнейшем, признавая свои ошибки, Луначарский не раз давал критику футуристов с ленинских позиций.

Дискуссия выявила необходимость дальнейшей централизации музейного дела. В связи с этим 5 февраля 1919 г. Луначарский представил в Управление делами Совнаркома проект «Декрета об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев». Предполагалась разработка общего плана «музейного строительства в соответствии с деятельностью Народного комиссариата по просвещению»¹⁰.

Такова была обстановка на музейном фронте накануне конференции. Перед Луначарским стояла чрезвычайно трудная задача: исходя из определения сущности музеев и задач, поставленных перед ними партией и Советской властью, критически отнестись к высказываниям противо-

⁶ «Искусство коммуны», 1919, 12 января.

⁷ Советское искусство за 15 лет, с. 84.

⁸ Там же.

⁹ ГИМ, ОПИ, ф. 54, ед. хр. 91, с. 47; Советское искусство за 15 лет, с. 84.

¹⁰ Проект опубликован в кн.: Литературное наследство, т. 80. М., 1971, с. 102.

борствующих групп, «обезвредить» явно неприемлемые предложения и сплотить большинство специалистов вокруг руководящего центра.

С указания на необходимость этого сплочения он и начал свою вступительную речь на конференции музейных работников: «Констатируемое в последнее время сближение Рабоче-Крестьянского Правительства с высшими группами интеллигенции заставляет надеяться, что наладившиеся отношения создадут возможность образцовой совместной работы. Комисариат народного просвещения придает большое значение предстоящей конференции. Правительство предполагает опереться в своих работах на компетентное мнение совещания и предпринять дальнейшие шаги в области музейного строительства лишь по выслушании его пожеланий. Программа Рабоче-Крестьянского Правительства по отношению к музейному делу ясна из тезисов, розданных участникам конференции. Она разделяется и Центральной коллегией Наркомпроса. Остается ее согласовать и докончить».¹¹

Указав далее на унаследованную отсталость музейного дела, особенно художественных музеев, Луначарский дал небольшой исторический экскурс: «Начало коллекционирования было положено кунсткамерами представителей монархии, собраниями курьезитетов. Даже у просвещенных государей имелась лишь одна цель — дополнить обстановку дворца созданием эрмитажей и репо. Французская революция совершила акт передачи Лувра народу и сделала его общенародным и общедоступным, что повлекло за собой колоссальное развитие как Лувра, так и Musée des Monuments Français (Музей французского монументального искусства. — А. З.). Наша революция открыла народу десять дворцов. И теперь, как и тогда, замечается прилив художественных произведений и художественных объектов». Луначарский отметил, что уничтожение «имений феодалов» «заставляет направлять в музеи произведения искусств, ибо блестящая игрушка рискует быть сломанной гигантской, но еще невежественной рукой народа. У нас еще до сих пор демократия не сделала многого в смысле музейного строительства. В настоящее время идет лишь процесс передачи музеев народу и народ еще мало заинтересован в них. Впрочем, музеи даже и в Европе не стоят на должной высоте: так, в Берлине годовое количество посетителей музея меньше ежедневного числа приезжающих в город. Наибольшее число посещаемости (один миллион в год) падает на Стокгольмский музей. Необходимо возможно скорее соорудить мост от мира детей солнца к миру кротов и доказать массам, что музей для них необходим. Нет иного пути защитить музеи, как заинтересовать массы в их существовании. Народовластие стоит перед задачей овладеть знанием, без которого обладание орудиями производства опасно, а обладание богатствами — бесполезно. Демократия остается пустым звуком, если нет подъема культуры масс, а у нас развитие демократии происходит в мучительных, но обнадеживающих формах». Исходя из этого, намечая основные направления деятельности музеев, Луначарский указывает, что, во-первых, музеи — опорные пункты в великом деле народного образования. Однако тут же прибавляет: «Это, разумеется, не значит, что мы придаем музею лишь школьное значение, ему свойственен целый ряд задач. Эти задачи и следует обсудить на конференции, ибо, если каждый отдельный музейный работник. . .¹² как музейевед говорит нечто имеющее объективную ценность, то в то же время он и суживает свою точку зрения, он фанатичен, исключителен. Вокруг музеев идет борьба тенденций и групп». Далее Луначарский раскрывает другие задачи музеев, одновременно критикуя тех музейеведов, которые одну какую-либо задачу превращают в абсолют.

¹¹ ГИМ, ОПИ, ф. 54, ед. хр. 91, с. 1. Далее цитируется эта же стенограмма, с. 1—5.

¹² Далее в стенограмме идет, очевидно, невыправленная фраза: «неизбежно, приобретает высокую точку зрения, ибо».

В речи постоянно подчеркивается взаимосвязанность основных разделов деятельности музеев.

«Во-вторых, — продолжает Луначарский, — музеи — это хранилища художественных ценностей. Против этой точки зрения возражать нельзя: музеи — это памятная книга человечества и необходима хорошая их организация, чтобы можно было найти в них то, что нужно. Но встречаются типы музееведов-идолопоклонников: всякие попытки оживить музей встречают их энергичное сопротивление, они признают лишь путь идеального хранения и боятся трения и соприкосновения с внешним миром. Они настоящие «консерваторы», и в то же время их можно назвать «империалистами», ибо они стремятся расширить свой музей и, деликатные и великодушные в частной жизни, проявляют чрезвычайную жадность, для которой не существует даже территориальных границ. Когда дело касается их музея — они готовы расширять его до бесконечности. Важнейшая задача музеев, — вновь напоминает Луначарский, — сделать свои экспонаты доступными массам. Гордостью музея, как и библиотеки, должна быть циркуляция его экспонатов: как цифра читаемости книг — настоящий аттестат библиотеки, так и для музея цифра его посещаемости важнее количества его приобретений. Мы не отрицаем значения музея как хранилища (необходимо сохранить царское, барское и монастырское добро и собрания частных коллекций), но видим минус в идеальном консервировании». Под «идеальным консервированием», как видно из предыдущего текста, подразумевалось отрицание доступности музейных собраний для всеобщего обозрения.

Следующая часть речи посвящена вопросу, также вызывавшему немало споров, — связи музеев с наукой. Развивая ленинское положение, Луначарский сказал: «В-третьих, музей должен быть опорой науки. В этом смысле у музея два лица: одним он обращен к тому, кто отстал от науки, другим он смотрит в будущее». Далее Луначарский отметил, что естественнонаучные музеи (он называет их «научными») возникли главным образом из университетских лабораторий, были связаны с кафедрами, использовали их научные силы и отражали ход развития университетов. Но и художественные музеи Луначарский относит к научным учреждениям, отражающим историю искусства. «В настоящий момент, — говорит он, — раздаются упреки, будто историки искусства завладели музеем. Художники заявляют свои исключительные права на музеи, считая себя наследниками тех художников, которые наполнили музеи своими картинами». Соглашаясь, что голос художников «всех сколько-нибудь серьезных направлений» не следует игнорировать при приобретении картин, Луначарский предлагает вводить их в жюри, определяющее необходимость картин для музея. Он не отрицает права художников на создание особого «профессионального» музея развития художественной формы, техники гравюры, живописи. Однако высказывается против его исключительности и резко критикует декларацию ИЗО. «Музеи, — еще раз подчеркнул он, — существуют не для ученых, и не для художников, мягче — не только для ученых и художников, но для народа. В декларации Отдела изобразительных искусств недаром так много говорится о профессиональных интересах и так часто повторяется слово «профессиональный», техницизм, формализм поставлен ими во главу угла. Нет слов, нужен и такой музей развития техники гравюры, живописной и др. Но куда мы денем музей как отражение культурной жизни, как написанную кистью гения автобиографию человеческого рода?» Вопрос о научном значении и содержании собраний музеев Луначарский закончил словами: «Все достижения человеческого гения в их апогее равноценны для музейного дела».

В речи имеется много интересных мыслей и предложений, до сих пор не потерявших своей актуальности. Большое внимание уделено эстетике экспозиции: «В-четвертых, музеи преследуют цели чисто эстетические.

В музеях надо наслаждаться, но когда на одной стене висят вместе десятки неподходящих вещей, то это так же ужасно, как если бы в концерте разом исполнялось несколько пьес. Надо произвести определенный подбор, чтобы их (вещей. — А. З.) эстетическое влияние было изолировано, создать обстановку, при которой данное произведение получило бы всю свою *Geltung*» (немец. — значимость. — А. З.). Напоминая о тенденции (и до сих пор бытующей в некоторых зарубежных музеях) к бессистемному размещению экспонатов, имеющему целью создать из произведений искусства лишь ласкающий глаз «красочный офорт», Луначарский сравнивает подобную экспозицию с лекцией, направленной только на доставление эстетического удовольствия, и добавляет: «Необходимо еще кое-что, а именно историко-культурный подход, который всегда глубоко захватывает здорового человека».

Луначарский приветствует «объединение музеев быта и искусства, ибо искусство всюду, где есть элемент человеческого творчества, преобразующего мир. Следует создавать и подходящую архитектурную атмосферу, чтобы в сгущенном виде получалось впечатление эпохи. Исчерпать задачу, разумеется, нельзя, но надо к ней приблизиться».

В связи с проблемой эстетики быта, широко обсуждавшейся, в частности, на страницах газеты «Искусство коммуны», нарком уделил особое внимание музеям художественной промышленности: «Музеи важны как орудие самообразования. В Западной Европе это ярче всего сказалось на музеях художественной промышленности, которые приблизили искусство к мастеру-кустарю. Надо и нам энергичнее вступить на этот путь, памятуя, что нет искусства большего и меньшего». Чехонин в своем докладе предлагал взять все вещи из музеев и отдать их народу. «Нет, — возражает Луначарский, — уники должны быть сохранены, а дубликаты в нужных случаях можно дать в руки массы; если бы некоторые из них и погибли, то лишь для своего возрождения».

Ряд положений речи Луначарского относится к организации работы музея: «Рескин (Джон Рескин — английский теоретик и историк искусства. — А. З.) говорит, что у музеев два врага: обилие и беспорядок. Всем знакома головная боль и утомление, вызываемые осмотром музеев. Необходимо деление музеев на две части: музей-хранилище-фонд и музей-выставку, носящую временный характер и представляющую небольшие избранные крайне систематизированные коллекции». А. В. Луначарский не раскрывает основных требований, предъявляемых к музейным экспозициям, поскольку этому вопросу было уделено особое внимание в докладе о просветительной деятельности музеев¹³. Однако не только экспозиции должны связывать музеи с народом. «Пусть в музеях не только смотрят, но и работают; создадим музеи (в музеях (?). — А. З.) лаборатории, аудитории, мастерские».

Далее Луначарский говорит о музеях «специальных» (однопрофильных) и «синтетических» (многопрофильных, комплексных, какими являются, например, современные краеведческие музеи). Что касается синтетических музеев, то «чем синтетичнее музей, тем лучше. Однако здесь надо быть особенно осторожным: не следует обращать музей в один всеобъемлющий паноптикум. Такой монстр раздавит всякого, входящего в него, и над его дверьми придется поместить надпись из дантовского ада. Или же он будет отрывочным, как энциклопедический словарь. От музея центрального до маленького музея школы, ниспадая, музеи должны становиться все более синтетичными. Пополнение музеев, их

¹³ Доклад на эту тему сделал ученый-зоолог, представитель Зоологического музея АН СССР П. Ю. Шмидт (ГИМ, ОПИ, ф. 54, ед. хр. 91, с. 5—7). В «Очерках истории музейного дела в СССР» (вып. VI, с. 33) мною ошибочно назван докладчиком искусство вед Ф. И. Шмит.

созидание и собирание должно идти снизу, к этому делу надо призвать учителей и учащихся. . . (о жизненности этого положения свидетельствует широкое развитие школьных музеев и их связей с государственными музеями. — А. З.). Наверху же должна царить специализация. Между верхом и низом необходимо установить циркуляцию, организовать общение с филиальными отделениями, с провинцией, развозить выставки». Таким образом, музейная сеть рассматривается как единая система.

Как бы подводя итоги всему сказанному, А. В. Луначарский заканчивает свою речь следующими словами: «Считать музей неприкосновенной сокровищницей — значит уделять слишком мало внимания живой жизни. Но, если мы станем подходить к нему без чувства преклонения, то мы подсечем корни человеческой культуры, ибо Мнемозина, богиня памяти, была матерью муз, а музей — грандиозная памятная книга человечества». Слова эти, сказанные более полу столетия назад и в образной форме выражавшие существо ленинской музейной политики, мы можем повторить и сегодня.

О. В. Петрова

О РОДОСЛОВНЫХ СПРАВОЧНИКАХ С РУКОПИСНЫМИ ДОПОЛНЕНИЯМИ И ИСПРАВЛЕНИЯМИ ГЕНЕАЛОГОВ

В настоящее время многие генеалогические разыскания представляют большую трудность из-за отсутствия полных библиографий и алфавитных указателей к родословным росписям, поэтому информация о малоизвестных генеалогических материалах может иметь важное значение для исследователей.

Особое место во всем справочном комплексе по родословным занимают книги из библиотек генеалогов с их пометами, выявленные в последнее время в составе фондов Литературного и Исторического музеев в Москве. В этом сообщении речь пойдет о книгах с рукописными пометами Л. М. Савелова, Н. П. Чулкова, А. А. Сиверса, а также о книгах из частного собрания московского коллекционера Ю. Б. Шмарова.

Большое число помет, их систематический характер, наконец, то, что они сделаны авторитетными генеалогами, говорит об исключительно важном значении этих экземпляров. Пометы генеалогов содержат самые разнообразные сведения о персоналиях, извлеченные из архивных и опубликованных материалов, записи устных сообщений. Во многих случаях при этом генеалогами сделаны ссылки на источники. Эти пометы являются существенным дополнением к напечатанному тексту с его узкоограниченным кругом фактов.

По своему характеру пометы делятся на дополнения и исправления, а по содержанию включают даты жизни, сведения о службе, наградах, землевладении, местах жительства и захоронений и другие генеалогические факты — пополнение росписей новыми именами, как пропущенными, так и именами лиц, родившихся после выхода в свет соответствующего издания. К пополнению росписей относятся и сведения о браках представителей данного рода, т. е. внесение имен супругов в роспись. В ряде случаев указано потомство по женским линиям.

Большее по количеству помет место принадлежит дополнениям. Например, в опубликованной родословной Толстых сказано, что «имя и происхождение супруги графа П. А. Толстого, несмотря на все разыскания, остается неизвестным». Н. П. Чулковым зачеркнуты эти слова и написано на полях книги: «Ж. с 1683—4 г. Соломонида Тимофеевна Дубровская, дочь стольника Тимофея Богдановича Дубровского, ум. 1708 г.»¹

Наиболее систематическим характером и полнотой отличаются сведения о представителях последних колен родов, относящиеся к периоду конца XIX—первых десятилетий XX в. В качестве примера можно привести родословную Оболенских, изданную Г. А. Власьевым и дополненную Н. П. Чулковым:

¹ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 2. СПб., с. 494. Экземпляр Отдела рукописных фондов Государственного Литературного музея (далее — ОРФ ГЛМ).

Опубликованный текст	Дополнения Н. П. Чулкова
141. Кж. Мария Ивановна, 1887 г. р.	фрейлина, с 16 апреля 1906 за корнетом кавалергард. полка Дм. Ив. Звегинцовым, р. 18 янв. 1888. 141а, Кж. Ольга Ивановна, за 1) кн. Петр. Александр. Оболенским, 2) гр. Александр. Ив. Мусиным-Пушкиным.
261. Кн. Дмитрий Александрович, р. 1882, апр. 11.	помощник Городищ. у. предв. двор., к-ю. Ж. фрейлина гр. Елена Андреевна Бобринская, разведена, во 2 бр. за Серг. Серг. Бутурлиным (разв.).
262. Кн. Алексей Александрович, р. 1883, сент. 29	бывший кавалергард, колл. секр., причисл. к министер. земледелия. Ж. кн. Любовь Петровна Трубецкая ² .

Несколько отличаются по стилю записи, сделанные на основании устных источников (в той же росписи):

Опубликованный текст	Дополнения Н. П. Чулкова
99. Кж. Аграфена Михайловна, р. 1860, март. 7, в Кишиневе. М. Федор Павлович Панютин 1886 апр. убит на дуэли Лазаревым. Брак 1886, февр.	А. М. отказала Панютину, после чего он сделал предложение Лазаревой. А. М. переменяла свое первоначальное намерение и написала Панютину, что согласна на брак. Панютин отказался от Лазаревой и женился на А. М., за что и был вызван на дуэль братом покинутой невесты (сообщ. Г. С. Кокошкина) ³ .

Исправлениям чаще всего подвергались, как правило, даты, а также генеалогические факты. Например, в росписи Пещуровых Н. П. Чулковым зачеркнуто в VI колене имя Марии Алексеевны, дочери № 13 по росписи, а брак с Алексеем Михайловичем Дондуковым-Корсаковым относится к Ольге Алексеевне. Или в том же томе жена Якова Федоровича Повало-Швейковского (№ 8 по росписи) не кн. И. В. Трубецкая, а И. В. Долгорукова, в первом браке Сафонова, вдова полковника Алексея Петровича⁴.

Приведенные выше примеры записей Н. П. Чулкова сходны с записями Л. М. Савелова, А. А. Сиверса и Ю. Б. Шмарова. Более того, имеются случаи одинаковых исправлений и дополнений в экземплярах Чулкова и Сиверса, что говорит об использовании ими одних и тех же источников.

Ниже прилагается составленный нами перечень экземпляров родословных справочников с пометами Л. М. Савелова, Н. П. Чулкова и А. А. Сиверса. Разумеется, что в него вошли далеко не все существующие экземпляры из бывших библиотек названных генеалогов. Отсутствие должного учета в библиотеках музеев книг из собраний генеалогов затрудняет их полное выявление.

При использовании родословных изданий с пометами необходимо знать почерки названных генеалогов, чтобы не спутать их с пометами других лиц, потому что существует много изданий с пометами неуста-

² Власьев Г. А. Потомство Рюрика, т. 1, ч. 2. СПб., 1906, с. 359. Экземпляр Отдела книжных фондов Государственного Литературного музея (далее — ОКФ ГЛМ). В цитируемом тексте опущены ссылки на источники, указанные Г. А. Власьевым относительно каждой персоналии, а сокращения текста Н. П. Чулкова даны по его записям.

³ Там же, с. 346.

⁴ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга, т. 2, СПб., 1895, с. 92, 94. Экземпляр ОРФ ГЛМ.

новленных лиц или лиц, не занимавшихся специально генеалогией. Издания с подобными пометами нами не учитывались, так как наличие рукописных исправлений и дополнений в родословных справочниках — явление очень частое. К тому же имеются различия между пометами генеалогов и всех других лиц. Пометы последних более случайны, их гораздо меньше по числу, чем помет в экземплярах генеалогов, которые буквально испещрены записями, сделанными на полях, между строк, на специально вклеенных для этой цели листах, но привлечение их безусловно также важно и целесообразно для исследования. Определение почерков генеалогов в книгах по родословиям достигается путем сравнительного анализа почерка помет и почерков генеалогов. Автографы Л. М. Савелова, Н. П. Чулкова, А. А. Сиверса находятся в составе их собраний⁵.

Несомненное внимание исследователей должны привлечь к себе книги из частного собрания ныне здравствующего генеалога Ю. Б. Шмарова как наиболее полный комплекс изданий родословных со систематическими пометами вплоть до настоящего времени⁶. Наиболее характерными для книг из собрания Шмарова являются следующие пометы: пополнение росписей новыми именами и ссылки на архивные источники, во многом дополняющие родословные росписи. Например, в «Родословных записях» Л. М. Савелова к росписи рода Аносовых дана такая ссылка: «ЦГАДА, ф. 286, кн. 498, л. 35»⁷. В указанном издании значительная часть фамилий сопровождается подобными записями Ю. Б. Шмарова. Очень ценными являются и подключения к основному родословному дереву отдельных ветвей, обозначенных отдельно в справочниках, например, подключение ветви рода Левашовых⁸. В книгах Ю. Б. Шмарова можно также найти и подключения новообнаруженных ветвей к основному дереву рода. Так, в роспись рода Языковых под № 131а вписан пропущенный В. В. Руммелем Василий Михайлович Языков и далее помещена поколенная роспись его потомства⁹. В записях Ю. Б. Шмарова так же, как и в записях других генеалогов, часть ссылок на литературу требует расшифровки, например, «ЛИРО» — «Летопись Историко-Родословного общества в Москве», «РГО» — «Известия Русского Генеалогического общества» и др.

В дальнейшем необходимо продолжение поиска малоизвестных родословных материалов. Их выявление и изучение поможет не только современным исследованиям, но и явится одновременно черновой работой по составлению будущих биографических и генеалогических справочников, необходимость в которых ощущается постоянно.

Приложение

Перечень выявленных экземпляров родословных справочников с пометами генеалогов

Книги с пометами Н. П. Чулкова в ОКФ ГЛМ

Андреевский С. С. Валуевы. Орел, 1913; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика, т. 1, ч. 1—3. СПб., 1906—1907; *Воронцов-Вельяминов С. И.* Род дворян Воронцовых-Вельяминовых. Тула, 1903; *Головин Н.* Родословная роспись потомков великого князя

⁵ О собраниях этих генеалогов см.: *Петрова О. В.* Генеалогия и поиск документов личного происхождения XIX—начала XX в. — «Советские архивы», 1973, № 2, с. 33—38.

⁶ О собрании Ю. Б. Шмарова см. там же. В будущем предполагается создание каталога библиотеки Ю. Б. Шмарова, который одновременно явится одной из наиболее полных библиографий по генеалогии.

⁷ *Савелов Л. М.* Родословные записи, вып. 1. М., 1906, с. 62.

⁸ *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Указ. соч., т. 1, с. 546.

⁹ Там же, т. 2, с. 775 и сл.

Рюрика. М., 1851; *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга, ч. 1—4. СПб., 1854—1857; *Ельчанинов И. Н.* Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии, ч. 1. Б/м, б/г; ч. 2. Ярославль, 1913; *Ермолов А.* Род Ермоловых. М., 1913; Известия Русского генеалогического общества, вып. 1—4. СПб., 1900—1911; Летописи Историко-родословного общества в Москве, вып. 1—44. 1905—1915; *Лукомский В. К.* Родословие дворян Митусовых. СПб., 1914; *Любимов С.* Опыт исторических родословий. 1915; Материалы для истории рода князей Прозоровских. М., 1899; *Модзалевский Б. Л.* Род Раевских герба Лебедь. СПб., 1908; *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник, т. 1—4. Киев, 1908—1914; *Пазухин А. А.* Родословие Пазухиных и родословные материалы пазухинского архива. СПб., 1914; Родословная дворян Жемчужниковых. Новгород, 1907; *Руммель В. В.*, *Голубцов В. В.* Несколько слов о роде Голубцовых. СПб., 1886; *Савелов Л. М.* Дворяне Егоровы. Родословие. М., 1899; *он же.* Донские дворянские роды, вып. 1. М., 1902; *он же.* Московское дворянство. Родословная книга дворянства Московской губернии, т. 1. М., б/г; *он же.* Родословные записи, вып. 1. М., 1906; *Селиванов А. В.* Род дворян Поливановых. XIV—XX вв. Владимир на Клязьме, 1902; *он же.* Род дворян Титовых. Рязань, 1893; Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891; *Татищев С. С.* Род Татищевых 1400—1900. СПб., 1900; *Чернопятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии, т. III (XII), ч. 1—5. М., 1909; т. VII (XVI), VIII (XVII), XII (XXI). М., 1912; *он же.* Несколько родословных фамилий. Б/м, 1909; *Чулков Н. П.* Де-Витте. М., 1915; *ЮрENEВЫ Г. Н. и Н. А.* Род ЮрENEВых. Генеалогическая роспись. СПб., 1903; *Яблочков М. Т.* Дворянское сословие Тульской губернии, т. VII—IX. Тула, 1904—1905.

Книги с пометами Н. П. Чулкова в ОРФ ГЛМ

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга, т. 1—2. СПб., 1895; *Сиверс А. А.* Генеалогические разведки, вып. 1. СПб., 1913; *Руммель В. В.*, *Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 2. СПб., 1887; *Чернопятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии, т. III (XII), ч. 6. М., 1909.

*Книги с пометами А. А. Сиверса
в библиотеке Государственного Исторического музея*

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга, т. 1—2. СПб., 1895; *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник, т. 1—4. Киев, 1908—1914; *Руммель В. В.*, *Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1—2. СПб., 1886—1887.

*Книга с пометами Л. М. Савелова
в библиотеке Государственного Исторического музея*

Савелов Л. М. Родословные записи, вып. 1. М., 1906.

Е. П. Федосеева

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ Н. А. ВОСКРЕСЕНСКОГО В ХРАНИЛИЩАХ ЛЕНИНГРАДА И МОСКВЫ

Имя Николая Алексеевича Воскресенского (1889—1948)¹ неразрывно связано с публикацией законодательных актов Петра I, которой была посвящена вся творческая биография ученого. Документальные материалы самого Воскресенского и относящиеся к нему находятся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ленинградском отделении Архива АН СССР, Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Архиве Института государства и права АН СССР.

Воскресенский родился 30 марта 1889 г. селе Мелехове Тульского уезда Тульской губернии². Закончил в 1907 г. Тульскую духовную семинарию, затем в 1911 г. — историческое отделение Нежинского историко-филологического института, получив звание учителя гимназии. До 1918 г. преподавал историю сначала в г. Лодзи (Польша), а потом в Петрограде; все последующие годы — до 1943 г. — преподавал историю и географию в школах Ленинграда. Одновременно Воскресенский овладел специальностью историка-юриста как вольнослушатель Петроградского университета (с 1916 г.) и в течение 25 лет, в свободное от занятий в школе время, кропотливо изучал архивные материалы петровской эпохи.

По существу Воскресенский работал изолированно, хотя неоднократно обращался за советами к видным ученым-историкам³ и в Археографическую комиссию с просьбами обсудить принципы археографической подготовки документов и его статьи о важнейших законодательных актах Петра I. Так, 29 декабря 1925 г. на очередном 707-м заседании Археографической комиссии под председательством С. Ф. Платонова и при участии А. И. Андреева, Б. Д. Грекова, А. Е. Преснякова и С. В. Рождественского Воскресенский сообщил о выработанном им проекте правил издания законодательных актов Петра I⁴. По его мнению, издание не могло охватить все царствование Петра I, а должно было воспроизводить только важнейшие законодательные акты. Тщательные разыскания в архивах всех редакций этих актов необходимы, «чтобы по ним обнаруживались постепенность и ход выработки каждой отдельной нормы,

¹ Краткие сведения о нем см. в справочнике: Научные работники Ленинграда. Л., 1934, с. 428.

² Биографические данные приводятся на основании личного и диссертационного дел Воскресенского 1943—1947 гг. (Архив Института государства и права АН СССР, Москва. Далее — АИГП), личного листка по учету кадров и автобиографии 1946 г. (Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 4, оп. 21, д. 11. Далее — ЛЮ ААН).

³ Например, к С. Ф. Платонову, которого считал своим учителем и который положительно оценивал его работу (*Платонов С. Ф. Петр Великий. Личность и деятельность.* Л., 1926, с. 32—33).

⁴ Тезисы его доклада и протокол обсуждения. — В кн.: *Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.*, вып. 33. Л., 1926, с. 61—62.

а также и всего закона в целом». Приемы издания: первая и последняя редакция публикуемого акта должны воспроизводиться полностью (из промежуточных — «только главы и пункты, содержащие изменение нормы»), автографы Петра I — «с соблюдением всех особенностей его правописания». В предисловии указываются фонды, из которых извлечены документы.

В последующие годы Воскресенский разыскал в архивах Москвы и Ленинграда и собственноручно скопировал огромное количество законодательных актов первой четверти XVIII в.⁵ К февралю 1940 г. все выявленные документы были им сгруппированы в три раздела:

I. Акты о высших государственных установлениях.

II. Законодательные акты об общественных классах.

III. Акты о промышленности и торговле.

1 февраля 1940 г. он написал «Археографическое введение» к документам первого раздела, принятого к изданию Институтом права АН СССР. В 1941 г. этот том актов был сдан в типографию, набран и сверстан, но его выходу в свет помешала начавшаяся война⁶. Тем не менее работа Воскресенского получила положительную оценку Б. Д. Грекова, А. М. Панкратовой, Б. И. Сыромятникова уже в 1940—1943 гг.⁷

В суровое время блокады Ленинграда, в холод, под вражеским обстрелом, будучи больным, ученый подготовил два следующие раздела публикации: акты об общественных классах, акты о промышленности и торговле. 1 сентября 1943 г. Воскресенский был зачислен старшим научным сотрудником Института права АН СССР в Москве с правом проживания в Ленинграде для работы в архивах и завершения научных трудов.

21 июля 1944 г. в Институте права им была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Законодательные акты Петра Великого». К защите был представлен первый раздел подготовленной публикации — «Акты о высших государственных установлениях». В 1945 г. эта работа вышла в свет⁸. Ее содержание значительно шире, чем название: в состав книги включены не только тексты самих законодательных актов, но и материалы, относящиеся к истории их создания (среди них имеются и автографы-заметки Петра I)⁹.

С серьезной критикой этого издания выступил в 1946 г. Андреев¹⁰, который на протяжении многих лет был знаком с публикаторской методикой Воскресенского. Отметив впервые проделанную «громадную» работу по пересмотру сохранившихся архивных материалов о петровской

⁵ В подготовке документов Петра I к публикации, а также других работ Воскресенскому помогала его жена Зинаида Андреевна Воскресенская.

⁶ В автобиографии, представленной 1 октября 1943 г. в Институт права АН СССР, Воскресенский писал о посылке в институт верстки (АИГП, диссертационное дело Воскресенского). Рукопись и верстка в АИГП не сохранились.

⁷ См. отзыв Сыромятникова Б. И.: «Советское государство и право», 1940, № 11, с. 121—129; Греков Б. Д. Основные итоги изучения истории СССР за 25 лет. — В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. М.-Л., 1942, с. 85. А. М. Панкратова писала: «Н. А. Воскресенский предпринял, казалось бы, непосильные для единичного исследователя розыски в государственном, сенатском и других архивах и обнаружил множество петровских бумаг-автографов, никем ранее не использованных. Результаты этих трудов составили восьмитомное издание документов о государственной деятельности Петра, опровергающих установившееся после Милюкова мнение о стихийном характере законодательной деятельности Петра, о влиянии на нее иностранцев и т. п.» (Там же, с. 30—31). 3 июня 1943 г. в «Известиях» была напечатана заметка Панкратовой «Новые публикации документов Петра I», где говорилось и о работе Воскресенского.

⁸ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, дошения, челобитья и иностранные источники, т. I. Акты о высших государственных установлениях. Под ред. и с предисл. Б. И. Сыромятникова. М.-Л., 1945.

⁹ Там же, документы № 110, 216.

¹⁰ «Вопросы истории», 1946, № 2—3, с. 135—142.

эпохе», Андреев указал и на неучтенные фонды Я. В. Брюса и А. Д. Меншикова и, главное, критически оценил приемы издания, существенно отличавшиеся от правил публикации исторических источников, разработанных и изданных в 1919—1945 гг.

Однако публикация Воскресенского получила в целом положительную оценку¹¹ и успешно используется в работах советских исследователей¹². С. Н. Валк писал: «Работа, произведенная единолично Н. А. Воскресенским, поистине грандиозна. Обширные розыски в архивах Ленинграда и Москвы, а также тщательная работа над текстом дали возможность Н. А. Воскресенскому подготовить, без сомнения, весьма примечательное издание намеченных им петровских законодательных актов»¹³.

В последние годы жизни, несмотря на тяжелую болезнь, Воскресенский продолжал работать над завершением монографии о Петре I как законодателе и публикации документов о промышленности и торговле, перерабатывал главу из монографии о промышленности при Петре I.

После кончины Воскресенского (28 января 1948 г.) его вдова З. А. Воскресенская передала в 1954 г. рукописи его работ в Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина¹⁴ (ф. 1003, 24 ед. хр.).

Наиболее ценны рукописи неизданных второго и третьего разделов публикации законодательных актов первой четверти XVIII в.

Рукопись второго раздела «Акты об общественных классах» была подготовлена в 1942 г.; она включает 341 документ и состоит из двух частей (автограф, копия З. А. Воскресенской с правкой; 384 л.; 445 л.)¹⁵. В первой части даны перечень и тексты «Указов об основаниях дворянского землевладения» (№ 1—21). Здесь помещены документы не только о правах дворян на землю, но и об их привлечении к службе и награждении за нее: указ от 24 марта 1714 г. о разделе и праве наследования движимого и недвижимого имущества; указ от 16 января 1712 г. об ограничении права распоряжения выморочными и «за вины отнятыми» недвижимыми имениями; указ о явке дворян, служащих и отставных офицеров, в Москву на смотр под страхом конфискации имений (11 января 1722 г.); указы о публикации списков дворянских недорослей, явившихся к смотру, о донесении на уклоняющихся и отдаче их деревень доносителям (26 января 1716 г.) и др.

Основное внимание обращено на один из важнейших петровских законов — «Табель о рангах и акты о государственной службе», 24 января 1722 г. (№ 22—100). Публикации предпослана заметка об установленных Воскресенским четырех редакциях этого документа и дополнительных «Пунктов» к нему. Поскольку выработка закона предшествовала большой работе, в публикацию включены текст первой редакции с дополнениями и текст закона «Табели о рангах» 7 мая 1721 г., а также заметки Петра I о должностных лицах и организации суда; перечни гражданских чинов и чинов по морской и сухопутной службе с определением соответствия между ними (январь 1721 г.); выписки и справки из иностранных таблиц о рангах, сделанные комиссией по составлению проекта «Табели

¹¹ См. отзыв Б. Б. Кафенгауза в кн.: Петр Великий. Сб. статей. Под ред. А. И. Андреева. М.-Л., 1947, с. 353; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954, с. 41.

¹² Памятники русского права, вып. 8. Законодательные акты Петра I (первая четверть XVIII в.). Под ред. К. А. Софроненко. М., 1961, с. 284—285, 289, 301, 302 и др.; Павленко Н. И. Петр I (К изучению социально-политических взглядов). — В кн.: Россия в период реформ Петра I. Сб. статей. М., 1973, с. 40—102.

¹³ Валк С. Н. Советская археография. М.-Л., 1948, с. 171.

¹⁴ Сведения о них см. в кн.: ГПБ. Новые поступления в Отдел рукописей (1952—1966). Краткий отчет. М., 1968, с. 27.

¹⁵ ОР ГПБ, ф. 1003 (Н. А. Воскресенского), ед. хр. 6, 7.

о рангах»; тексты «Табелей» Англии, Дании, Пруссии, Франции и Швеции; выписки из протоколов Сената (январь—февраль 1722 г.), относящихся к работе над «Табелью о рангах». Здесь же приведены образные заметки Петра I о службе: «Боятца пулки — не ітит в салдаты, ілі кому денги дороже чести, тот остаф службу»; «А денги брат і не служит — стыдно»¹⁶.

В состав первой части вошли и «Акты о крестьянах» (№ 101—186). Среди них указы, инструкции, донесения и другие документы, свидетельствующие об усилении эксплуатации, о закабалении и прикреплении крестьян к помещикам, заводам и монастырям (в том числе о сыске беглых солдат, драгун, крестьян, бродяг и их возвращении прежним владельцам).

Значительная часть актов относится к проведению подушной переписи. Это указы Петра I от 12 февраля 1710 г. и 26 ноября 1718 г. о переписи крестьянских дворов; инструкция Петра I генерал-майору Чернышеву от 5 февраля 1722 г. о проведении переписи населения Санкт-Петербургской губернии и о размещении войск по деревням; «Табель», представленная Чернышевым Петру I 22 декабря 1723 г. о монастырях Московской губернии и числе принадлежавших им крестьянских душ мужского пола. Так как результаты переписи оказались неудовлетворительными, в 1722—1724 гг. была проведена ревизия специальными переписными канцеляриями, во главе которых стояли генералы и офицеры. В публикации имеются документы, связанные с ревизией: два донесения Чернышева Петру I от 1 и 9 февраля 1723 г. с просьбой разъяснить вопросы, возникшие при проведении ревизии, и четыре редакции «Инструкции полковнику с офицерами при сборе подушных денег с крестьян» от 6 ноября 1724 г.

Вторую часть публикации составляют «Акты об управлении городов и о горожанях» (№ 187—232) и «Акты об управлении православной церковью и духовенстве» (№ 233—341)¹⁷.

Среди актов об управлении городов помещены документы, связанные с проведением городской реформы и учреждением в Санкт-Петербурге Главного магистрата, ведавшего городскими магистратами. Основное внимание уделено «Регламенту Главного магистрата» от 16 января 1721 г. Публикации его текста предпослана заметка об установленных Воскресенским шести редакциях. Полностью публикуются тексты первой и последней редакций, а из других приводятся только разночтения. В публикацию включены формуляры для описания городов и «жителей городов и оных художеств», «Генеральная роспись всем в городах Российского государства обретающимся жителям в 1721 году», формуляры присяги бургомистра и ратмана, старосты и бургера. Группа документов касается деятельности магистрата: отчет о его работе от 14 апреля 1722 г.; инструкция Петра I цехам от 27 апреля 1722 г.; инструкции Главного магистрата отдельным цехам (1724 г.); донесение Главного магистрата в Кабинет Петра I (октябрь 1724 г.) об образованных им в Санкт-Петербурге цехах.

«Акты об управлении православной церковью и духовенстве» (99 документов) связаны с проведением церковной реформы Петра I: выработкой Духовного регламента от 23 февраля 1723 г. и Определением Петра I о монастырях 31 января 1724 г. Текст «Определения» включает две части: 1) объявление о монастырях; 2) определение о монастырях. Первая — дает разъяснение о сущности монашества, его истории, состоянии в XVIII в. и необходимости преобразования, вторая — содержит основные нормы проводимой реформы. В археографической заметке отмечены пять редакций проекта и окончательная редакция закона. Полностью

¹⁶ ОР ГИБ, ф. 1003, ед. хр. 6, л. 164.

¹⁷ Там же, ед. хр. 7.

публикуются первая редакция и текст закона с разночтениями по другим редакциям. Далее помещены записки Феофана Прокоповича о монастырях и монахах, его трактат о необходимости труда для монахов, полезности их обучения мастерствам и наукам. О стремлении Петра I ограничить число монахов в монастырях свидетельствуют его указ Синоду от 28 января 1723 г. о составлении ведомости о числе монахов и монахинь в России и запрещение вновь постригать в монашество, а также «Штаты монастырей, установленные Петром I» (22 мая 1724 г.).

Рукописи третьего раздела публикации — «Акты о промышленности и торговле» — сохранились не полностью¹⁸. Первая часть, включающая акты о промышленности, дошла в двух вариантах: подготовительном 1938—1942 гг. и окончательном 1943 г. Один из томов подготовительного варианта имеет титульный лист и «Археографическое введение», датированное 21 ноября 1938 г.¹⁹ Это полный экземпляр, включающий 333 документа за 1698—1725 гг. (копия З. А. Воскресенской, 674 л.) Другой том подготовительного варианта содержит документы только за 1719—1725 гг. и относится к началу работы, когда Воскресенский сам переписывал документы в архивах, хотя имеет на титульном листе дату «1942 г.» (автограф, копия З. А. Воскресенской с правкой, 481 л.)²⁰. К 1943 г. акты о промышленности были дополнены, и 596 переписанных З. А. Воскресенской документов были затем переплетены в два тома, один из которых поступил в ОР ГПБ (619 л.)²¹. Он имеет титульный лист с датой «1943 г.» и «Оглавление» на 263 документа (с № 334 по 596) за 1719—январь 1725 гг.

Документы обоих вариантов этой публикации включают акты о промышленности и кадрах для нее. Центральное место занимает «Регламент Мануфактур-коллегии» (3 декабря 1723 г.), публикации которого предпослана археографическая справка о четырех его редакциях. Из первой редакции публикуется только первая часть, вторая же опущена, так как она полностью заимствована из Регламента Адмиралтейства. Полностью воспроизводится последняя, утвержденная Петром I редакция, а вторая и третья даются только в дополнение.

Включенные в публикацию указы, инструкции, определения, жалованные грамоты, привилегии, отчеты, реестры, донесения, письма и другие документы дают представление о строительстве и ходе работ на фабриках, заводах, верфях и в гаванях, о разведке руд и целебных источников, о варке соли, охране корабельных лесов, китовом промысле. О Петровском и Повенецких железных заводах неоднократно писал в донесениях Петру за 1714 и 1715 гг. В. Я. Геннин. В 1722—1724 гг., будучи начальником Сибирских и Уральских заводов, он сообщал о строительстве и работе Уральских заводов, о недостатке мастеровых, рабочих и учеников, о переводе в 1724 г. на Нерчинские заводы 300 семей крестьян, о рудных богатствах и мерах к улучшению горного дела, о новых открытиях полезных ископаемых на Урале. В его донесениях имеются сведения о волнениях: 12 июля 1724 г. он писал о «разбойных» нападениях в районе строящихся заводов, 12 ноября 1724 г. — о недостатке войск для «защиты» Сибири и Тобольска, а еще ранее, 7 сентября 1723 г., — о строительстве Екатеринбургской крепости.

Ряд документов относится к строительству военных сооружений. Таковы донесения Я. В. Брюса Петру в декабре 1715 г. о постройке им мельницы для порохового завода на р. Охте в Петербурге и указ Петра I от 22 ноября 1717 г. о постройке гавани на о. Котлин. О строительстве

¹⁸ З. А. Воскресенская писала А. И. Андрееву 12 сентября 1948 г.: «Пропали 2 книги III тома о пром[ышленности] и торговле, а середина есть» (ЛО ААН, ф. 935 (А. И. Андреева), оп. 5, ед. хр. 107).

¹⁹ ОР ГПБ, ф. 1003, ед. хр. 8.

²⁰ Там же, ед. хр. 9.

²¹ Там же, ед. хр. 11.

Сестрорецких ружейных заводов говорится в пояснениях к плану завода (19 июня 1720 г.), донесении Геннина от 26 декабря 1720 г., докладных пунктах Адмиралтейств-коллегии Петру о пороховых заводах от 24 сентября 1723 г. В публикации отражено и широко развернувшееся строительство пильных мельниц в Казанской губернии и на реках Свири и Черной в 1720—1722 гг.

Значительная группа документов относится к московским предприятиям, продукция которых шла на военные нужды, в первую очередь к Суконному двору (например, указы Берг- и Мануфактур-коллегии В. Щеголину и его компаньонам от 17 февраля 1720 г. и 8 июля 1721 г. о передаче им Московского суконного двора и условиях работы фабрики: содержании в чистоте и порядке, запрещении телесных наказаний). О московской суконной фабрике «за Красным Селом у Семеновского звериного двора близ Сокольничьи слободки» дает представление выпись из дел Канцелярии Московской губернии от 12 декабря 1723 г., данная кабинет-секретарю А. В. Макарову на право владения ею.

Вопросу получения сырья для суконных фабрик посвящены указ Петра от 6 апреля 1722 г. о мерах к поднятию овцеводства в России; постановление Сената от 22 мая 1722 г. раздать овчарные заведения «многовотчинным людям», обязав их продавать шерсть на суконные заводы; указ Петра Коллегии Малороссийской от 15 июня 1724 г. о публикации и распространении инструкции о содержании овец и другие документы.

Ценные сведения о создании и работе Хамовного двора—Московской фабрики по производству парусины — дают указ Петра от 18 ноября 1702 г. об отдаче «Хамовного двора в Преображенском» Ф. Тиммерману для строительства парусной фабрики и отчеты о деятельности фабрики в 1712 и 1722 гг. О недостатке рабочей силы и мерах для улучшения работы фабрики, о трудностях управления и содержания фабрики говорится в документах (1722—1723 гг.), исходивших от комиссара Московского Хамовного двора Одоевского и директора фабрики И. Тиммермана.

Интересны документы о частных фабриках и заводах: указ Берг-коллегии (сентябрь 1719 г.) об отдаче частным лицам «учрежденных от казны» коломиночного, шпалерного и кожевенных заводов; жалованная грамота П. П. Шафирову и П. А. Толстому от 8 июля 1717 г. на монопольное производство шелковых материй, парчи, бархата и тафты; документы о бумажных, «крухмальных и пудреной», кирпичной, кожевенной, полотняной и стекольных фабриках и заводах.

Многие материалы публикации свидетельствуют о нехватке рабочих, мастеров, подмастерьев и учеников, о необходимости готовить мастеров разных специальностей. Документы сообщают о приглашении и иностранных мастеров для работы и обучения русских людей, а также о командировании юношей для учебы за границу. О роли Академии художеств в подготовке отечественных специалистов в области искусства и ремесла говорится в «Проекте учреждения Академии художеств», представленном А. К. Нартовым 1 декабря 1724 г., с дополнениями Петра I.

Вторая часть третьего раздела публикации озаглавлена «О торговле». Она сохранилась только в подготовительном варианте, включающем тексты документов, скопированных в архивах Воскресенским и частично переписанных его женой (474 л.)²². В начале публикации помещено «Сокращенное оглавление» 88 документов за 1674—1724 гг.

Главное внимание уделено «Регламенту Коммерц-коллегии», публикации которого предпослана археографическая заметка о трех его редакциях. Полностью приводятся тексты второй редакции от 17 ноября

²² Там же, ед. хр. 10. На первом листе рукой Воскресенской указана дата завершения работы: «Закончена 1947 г.» и дата смерти Воскресенского: «26.I.1948».

1724 г. и третьей, утвержденной 31 января 1724 г., с разночтениями по другим редакциям.

Публикуются и другие документы о торговле: изменения, внесенные Петром I 15 марта 1714 г. в Торговый устав, «Тариф привозным и отвозным товарам к российским портам от 31 января 1724 г.» О стремлении установить торговые связи с зарубежными странами свидетельствуют указы Петра I: кн. Черкасскому от 14 февраля 1716 г. с инструкцией о поездке его в Индию, к ханам Хивы и Бухары для установления торговли; П. Беклемишеву от 12 января 1716 г. о его торговой деятельности в Испании; Сенату от 4 августа 1724 г. об организации компании для торговли с Испанией и др.

В тесной связи с развитием промышленности и торговли находилось строительство новых дорог, водных каналов и мостов, о чем свидетельствуют указы Петра I Сенату от 28 мая 1712 г., 13 февраля 1724 г.

В фонде Воскресенского имеются также два тома подготовленной в 1941 г. публикации «Петр Великий как законодатель», включающей фотокопии 106 документов — автографов Петра I и их транскрипцию (копия З. А. Воскресенской; 205 л., 159 л.)²³. Это палеографический альбом. В предисловии Воскресенский писал, что ставил своей целью «... дать возможность всякому, интересующемуся историей, непосредственно ощущать источник, имея его в том виде, в каком он вышел из-под пера исторического деятеля и сохранился в архивах до настоящего времени. Для облегчения чтения к каждому акту приложена транскрипция, и ко всем собственноручным его писаниям дан ключ, при помощи которого можно разобрать каждый собственноручный текст Петра, даже без знания общей палеографии»²⁴. Сохранились и рукописи двух монографий Воскресенского: «Промышленность при Петре Великом. Опыт изучения происхождения, географического размещения и социальной структуры крупной промышленности России в конце XVII и первой четверти XVIII в.» (1939 г., копия З. А. Воскресенской с правкой, 351 л.)²⁵ и «Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века» (1945 г., копия З. А. Воскресенской, 719 л.)²⁶.

Несколько творческих материалов Воскресенского находятся в Отделе рукописей ГБЛ (фонд Б. И. Сыромятникова)²⁷. Это его статья о гидрофикации промышленности при Петре I, являющаяся частью монографии и присланная Сыромятникову на отзыв в 1946 г. (автограф, 49 л.); замечания на учебник для IX класса средней школы (под ред. А. М. Панкратовой, 1940 г.), представляющие собой развернутый отзыв на первую главу четвертого варианта учебника, написанный 7 августа 1940 г. по просьбе Панкратовой (машинопись, 20 л.). Здесь же хранится развернутый критический отзыв «К вопросу «О классовой природе монархии Петра I» (автограф, 1944 г., 54 л.) на печатную рецензию С. В. Бахрушина²⁸ о книге Сыромятникова («Регулярное государство Петра Первого и его идеология». М.—Л., 1943).

Несомненный интерес для научной биографии Воскресенского представляют документы 1924—1927 гг., помогающие проследить историю формирования и осуществления его замыслов. Сохранились не только его письма к председателю Археографической комиссии С. Ф. Платонову с просьбами рассмотреть и обсудить его работы по петровскому законода-

²³ ОР ГПБ, ф. 1003, ед. хр. 17, 19. Некоторые из автографов Петра I воспроизведены как иллюстрации в кн.: *Воскресенский Н. А.* Указ. соч.

²⁴ ОР ГПБ, ф. 1003, ед. хр. 17, л. 3—3 об.

²⁵ Там же, ед. хр. 21.

²⁶ Там же, ед. хр. 14. Монография была задумана как диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук.

²⁷ ОР ГБЛ, ф. 366, карт. 8, 9.

²⁸ «Известия Академии наук СССР», серия ист. и филол., 1944, т. 1, № 2, с. 87—92.

тельству²⁹, но и неопубликованные протоколы заседаний Комиссии. Один из них свидетельствует о выступлении Воскресенского 8 февраля 1927 г. с докладом «К постановке вопроса о характере и степени заимствований иностранных законодательств в эпоху Петра Великого»³⁰. Он отметил, что исследование этой не освещенной в русской исторической и юридической науке темы «возможно только после тщательного изучения текста важнейших отдельных законодательных актов». Воскресенский на основании изученных им материалов считал, что Петр I, кроме «практической школы жизни», имел и теоретическую подготовку, изучив законодательство Западной Европы. Однако, хотя это было одним из важных источников «в правотворческой работе Петра и его правительства», важнейшие законы формулировались Петром I «всегда независимо и отлично от иностранного источника, бывшего у него под рукой».

В материалах Археографической комиссии имеются сведения о том, что 22 октября 1927 г. на ее заседании С. В. Рождественский читал отзыв о статье Воскресенского «Регламент Главному магистрату. Анализ памятника в связи с историей текста»³¹. В работе, включавшей статью и публикацию законодательных актов, исследовались история создания Главного магистрата, его компетенция и, по мнению рецензента, была дана «картина совершенно конкретного процесса законодательного творчества петровской эпохи», вводились в научный оборот новые ценные документы. Сомнения вызывали установленные Воскресенским редакцией актов и излишнее дробление текста при его передаче³².

В сохранившихся более поздних отзывах содержатся высокие оценки работ Воскресенского. О самоотверженном труде ученого во время Великой Отечественной войны, когда им и его женой³³ были подготовлены 80 а. л.³⁴ текстов петровских законодательных актов, писал в 1943 г. Б. И. Сыромятников: «Обширный труд Воскресенского — плод всей его жизни — является вместе с тем и свидетельством его героической преданности делу советской науки. В самые кошмарные, катастрофические дни осады Ленинграда фашистской разбойной ратью, когда смерть и разрушение царят в городе Ленина, Н. А. Воскресенский с полным самоотвержением, рискуя своей жизнью и делом всей своей жизни, продолжал работать над своим трудом, не отрываясь ни на час, стоя на своем боевом посту энтузиаста научной исследовательской работы, заслужив, в полном смысле слова, почетное имя *героя научного труда*»³⁵.

Сохранившиеся материалы (стенограмма, протокол, отзывы официальных оппонентов и т. п.) заседания Ученого совета Института права

²⁹ ОР ГПБ, ф. 585 (С. Ф. Платонова), оп. 2, ед. хр. 486, письма от 5 мая 1924 г., 1 февраля 1925 г., 10 января и 12 декабря 1927 г.

³⁰ Протокол № 12 заседания с приложением тезисов доклада находится в ЛО ААН, ф. 133, оп. 1а, ед. хр. 33, лл. 10—17. С замечаниями по докладу выступил А. И. Заозерский, но текста его выступления в ЛО ААН нет.

³¹ Протокол № 19 заседания и отзыв Рождественского см. в ЛО ААН, ф. 133, оп. 1а, ед. хр. 33, лл. 46—49.

³² Там же, л. 49. По мнению рецензента, работа заслуживала издания, но напечатана она не была. Характерно, что в имеющейся в ОР ГПБ публикации актов об управлении городов Воскресенский сохранил то же деление «Регламента» на главы, о котором говорил Рождественский.

³³ З. А. Воскресенская переписала в 1943 г. свыше тысячи документов. На некоторых ею сделаны карандашом пометы: «Переписано во время обстрела Лен[ингра]да 17/VII 43 г.», «Обстрел 3/IX 43 г. сильный», «12/IX 43 нездорова, пишу через силу», «Писано в обстрел 14/IX 43» (ОР ГПБ, ф. 1003, ед. хр. 11, лл. 79, 498, 558, 587).

³⁴ Эти сведения приведены в неопубликованном «Сборнике трудов ленинградских ученых в дни блокады» (1946, с. 306), вторая корректура которого хранится в ОР ГПБ, ф. 240 (И. В. Даниловского), ед. хр. 20 и в ЛО ААН, разр. VI, оп. 5, ед. хр. 60. Сборник представляет собой справочник, содержащий свыше тысячи аннотаций на подготовленные в 1941—1943 гг. в Ленинграде научные работы 480 авторов. См. об этом сборнике: Федосеева Е. П. Неизданный справочник о трудах ленинградских ученых в дни блокады. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. М., 1976, № 32, с. 184—185.

³⁵ АИГП, личное дело Воскресенского, л. 16.

АН СССР от 21 июля 1944 г. отразили дискуссию, развернувшуюся на защите Воскресенским диссертации³⁶. Кроме него и официальных оппонентов, доктора юридических наук Б. И. Сыромятникова и А. И. Андреева, выступили кандидат исторических наук С. Ф. Айнберг-Загряцкова и профессор С. А. Покровский. Не вызывали сомнений актуальность темы и большой труд Воскресенского по разысканию документов. Однако спорными представлялись некоторые важные вопросы: принципы отбора и археографической обработки документов. Андреев отметил, что в публикации нет ни актов, относящихся к началу законодательной деятельности Петра, ни анализа публикуемых документов. Айнберг-Загряцкова указывала, что главное внимание уделяется Петру I и не затрагивается «вопрос о влиянии классовых интересов на характер, содержание и даже факт появления того или иного законодательного акта»³⁷. Последние замечания вызвали возражения со стороны Покровского³⁸ и самого диссертанта³⁹.

Андреев и Айнберг-Загряцкова серьезно критиковали археографические приемы публикации. По мнению Андреева, задача диссертации не была новой, но, в отличие от своих предшественников В. И. Веретенникова и П. В. Верховского, Воскресенский смешивал две разные задачи: исследование происхождения акта и его публикацию. Справедливо отмечались громоздкость подготовленного диссертантом издания, трудность пользования им, а также необходимость обоснования датировки недатированных документов и уточнения редакций «Генерального регламента».

Сравнение архивных материалов о защите Воскресенским диссертации с рецензиями на вышедшую в 1945 г. его книгу показывает, что, к сожалению, он не учел ценных замечаний археографического характера, высказанных ему в 1944 г. на защите диссертации. Это обстоятельство, в свою очередь, говорит о двойственном характере научной работы Воскресенского, отличавшейся поразительной скрупулезностью выявления и сбора документов и одновременно — определенной обособленностью от существовавшей и развивавшейся советской археографической методики.

Однако в целом документальные материалы, содержащие сведения о работе Воскресенского по подготовке к изданию законодательных актов Петра I, особенно неопубликованные тома текстов актов об общественных классах, промышленности и торговле, несомненно, заслуживают внимания исследователей-историков, историков археографии и издателей петровских документов. Публикацию «Петр Великий как законодатель» было бы целесообразно использовать в учебном издании палеографического альбома русских рукописей.

³⁶ Там же. Диссертационное дело Воскресенского за 1943—1944 гг.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ В «Замечаниях по поводу отзыва доцента Айнберг» Воскресенский указывал, что затронутые ею вопросы нашли отражение в другом разделе публикации — актах об общественных классах (ОР ГПБ, ф. 1003, ед. хр. 23).

Н. Н. Розов

АРХИВ И БИБЛИОТЕКА И. П. ЕРЕМИНА

Архивы ученых, особенно тех, кто много поработал с рукописными первоисточниками, всегда привлекали внимание исследователей. Из них черпаются сведения не только о жизненном пути и творчестве ученого, но и о его учителях и учениках, о связях с другими учеными родственников, смежных, а иногда и не смежных специальностей. Таким образом определяется место исследователя среди современников, его вклад в историю науки на определенном этапе ее развития. Наконец, в этих архивах всегда находятся неопубликованные работы и материалы к ним — выписки, различные воспроизведения и микрофильмы рукописей, иногда впоследствии исчезнувших, переписка по поводу их розысков с указаниями шифров материалов и способов их нахождения. Все это может в значительной степени облегчить последующее изучение творчества того или иного писателя, судьбы литературного памятника, исследование той или иной проблемы. Поэтому так часто публикуются описания и обзоры архивов ученых, причем не только в изданиях, специально для этого предназначенных — в путеводителях и периодике архивов и библиотек.

Однако редко случается так, что в обзор архива ученого включаются сведения о его библиотеке, в то время как они тесно связаны и переплетаются друг с другом, взаимно дополняются. Это можно показать на примере архива и библиотеки одного из крупнейших современных исследователей истории русской литературы, профессора Ленинградского университета Игоря Петровича Еремина (1904—1963).

И архив и библиотека этого ученого сравнительно невелики по объему: он не хранил ненужных бумаг и не приобретал лишних книг¹. По своему составу архив И. П. Еремина традиционен: в нем содержатся документы биографии, рукописи его работ и многочисленные материалы к ним, переписка. Старейший документ удостоверяет окончание им средней школы «экстерно»: так 17-летний красноармеец наверстал упущенное им в годы гражданской войны, участником которой он был. Затем он стал работать лектором Губполитпросвета, начал преподавать русский язык и литературу в школе, на рабфаке, в совпартшколе, комвузе Кировского завода, в Транспортной академии, в Ленинградском хореографическом училище. С 1938 г. и до конца дней своих Игорь Петрович связал свою жизнь с Ленинградским университетом, который окончил еще в 1924 г., и где он прошел путь от преподавателя до профессора, заведующего кафедрой русской литературы, декана филологического факультета. Он был участником знаменитого семинария по древнерусской литературе акад. В. Н. Пе-

¹ Основная часть библиотеки в составе 1,5 тыс. томов была приобретена в 1965 г. Академией наук БССР и хранится целиком в Институте литературы им. Я. Купалы в Минске. Архив был передан в 1970 г. в Публичную библиотеку (ОР ГПБ, ф. № 1111. 322 ед. хр.). См.: «ГПБ. Краткий отчет о новых поступлениях рукописей в библиотеку». Л., 1974, с. 24 — 25. Фонд И. П. Еремина еще не полностью разобран и не обработан.

ретца, давшего блестящую филологическую подготовку целому ряду выдающихся советских литературоведов: В. П. Адриановой-Перетц, С. Д. Балухатому, Н. К. Гудзию, С. И. Маслову и многим другим, занимавшимся историей русской литературы не только ее древнейшего периода. Здесь им было написано первое исследование — «Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности». На заседании Общества любителей древней письменности оно получило высокую оценку специалистов, в том числе известного историка С. Ф. Платонова. Работа была основана на тщательном изучении 113 сохранившихся списков этого памятника².

Уже будучи автором ряда опубликованных работ, И. П. Еремин в 1934 г. поступил в аспирантуру Академии наук и в том же году защитил кандидатскую диссертацию по «Повести о посаднике Шиле». Это исследование было опубликовано в I томе «Трудов комиссии по древнерусской литературе» (Л., 1932), положившем начало ныне широко известным «Трудам Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы, а И. П. Еремин вошел в число первых пяти сотрудников названного Отдела. В дальнейшем почти в каждом номере ТОДРЛ публиковались его работы³.

В исследованиях И. П. Еремина прежде всего надо отметить два важнейших качества: широкий охват рукописного материала и глубокий историзм его осмысления. «Изучая вершинные явления старинной русской литературы («Слово о полку Игореве», древнейшие летописи и др.), И. П. Еремин стремился показать, что эстетические принципы и каноны древних авторов не могут быть сведены к понятиям и категориям, возникшим позднее» — писали авторы (Г. А. Бялый, С. С. Деркач, В. Я. Пропп) некролога⁴. И хотя историзм пронизывает все работы И. П. Еремина, являясь основой его методики, именно по поводу отмеченных «вершинных явлений» русской литературы ему приходилось чаще всего отстаивать свою точку зрения, что и делал он с большим полемическим мастерством. Таковы его исследования «Повести временных лет» и Галицко-Волынской летописи, такова оставшаяся неопубликованной статья «О некоторых спорных вопросах изучения древнерусского летописания (беловая машинопись, 18 л., без даты).

Значительная по объему и содержанию часть материалов к работам И. П. Еремина, хранящихся в его архиве, посвящена «Слову о полку Игореве». Среди них — выписки из литературы об этом произведении, преимущественно зарубежной, материалы текстологического и лексического анализа, по топонимике и персоналии этого памятника (к ним приложены соответствующие географические карты и генеалогические таблицы русских князей того времени). Здесь же — черновые и беловые варианты планов и текстов лекций, докладов и выступлений, экземпляр издания текста «Слова» (М.—Л., 1928), весь испещренный подчеркиваниями, отчеркиваниями и комментариями на полях, а также план семинара по этому памятнику. Все это — яркое, хотя и далеко не единственное из имеющихся в архиве, свидетельство нерасторжимой связи научной и педагогической деятельности И. П. Еремина. Изучая тот или иной памятник русской литературы, он одновременно готовил, «примерял» материал к его изложению на лекции или семинаре. Отсюда — та глубина раскрытия материала и тонкость его анализа, которые привлекали на лекции Игоря Петровича многолюдную аудиторию, причем не только филологического факультета. Если к тому еще прибавить мастерское чтение цитат из памятников (на полях планов и текстов его лекций часто попадаются пометы «Цитаты наизусть»), то можно представить себе, какое впечатление

² «Известия АН СССР», серия языка и лит., 1926, т. XXX, с. 323—352.

³ Хронологический список научных трудов И. П. Еремина опубликован в ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 425—431.

⁴ «Вестник Ленинградского университета», серия истории, языка и лит., 1964, вып. 1, с. 171.

производили его лекции на слушателей. Особенно блистательно читал он лекции, посвященные памятникам ораторского искусства — в первую очередь проповедям Кирилла Туровского. Эмоциональное изложение и мастерское цитирование лектора усиливали красноречие оратора XIII в.; все, вместе взятое, производило на слушателей неизгладимое впечатление.

Много внимания уделено было И. П. Ереминым первенцам биографического жанра русской литературы — Житиям Бориса и Глеба, Феодосия Печерского. В его архиве сохранились конспекты и выписки из литературы, черновые наброски, посвященные изучению жанра этих произведений, характеристике их содержания и словесного оформления. В них также есть его пометы на полях: «Исторический очерк», «Скептическое отношение», «Легенды о В[ацлаве] Чешском», «Концепция крещения Руси» и т. п. И это — не столько своеобразные «автоаннотации», сколько «задания» для дальнейшей и более подробной разработки отмеченных аспектов и нюансов. Изучение вопросов происхождения агиографического жанра русской литературы, одним из основоположников которого был летописец Нестор, привело И. П. Еремина к тщательному анализу как византийских предшественников и образцов первых русских жизнеописаний, так и к развитию их характерных особенностей в дальнейшем — в Киево-Печерском патерике, в частности.

Из других памятников литературы XIII—XIV вв., литературы северо-восточной Руси, в архиве И. П. Еремина сохранились сравнительно немногочисленные материалы исследований Повестей о татарском нашествии, Жития Александра Невского, «Моления» Даниила Заточника. Круг изучавшихся им памятников заметно расширяется в позднейший период истории русской литературы, особенно XVII в. В архиве сохранились материалы исследования «Повести о бесноватой Соломонии», сочинений основоположников старообрядчества Аввакума и Епифания, с одной стороны, и прямо противоположных им по происхождению и направлению сочинений украинских богословов-полемистов — с другой. Наибольшим же вниманием из писателей XVII в. пользовался у И. П. Еремина Симеон Полоцкий, изучением творчества которого он занимался всю жизнь, посвятив ему три статьи и издав его «Избранные сочинения» (М.—Л., 1953). И скорее всего при изучении творчества этого и некоторых других южно- и западнорусских полемистов и писателей у него возник интерес к изучению украинской и белорусской литератур, у истоков которых они стояли.

И творчество самого И. П. Еремина приобретает графический характер некоего «древа», ствол которого составляет изучение памятников древнерусской литературы, начиная от его «корней» — памятников византийской литературы, от которого отходят две мощные «ветви» — украинская и белорусская литературы. Последние представлены в архиве материалами изучения творчества многочисленных писателей XVIII, XIX и XX вв. — до Т. Г. Шевченко и Ивана Франко, Якуба Коласа и Янки Купалы включительно. Не случайно, конечно, и внимание, которое уделил И. П. Еремин творчеству Феофана Прокоповича⁵ — писателя, творчество которого как бы олицетворяло собою в начале XVIII в. синтез образующихся традиций русской, украинской и белорусской литератур. Так — совершенно естественно и абсолютно логично — Игорь Петрович перешел от древнерусской литературы к русской литературе XVIII—XX вв., охватив тем самым в своем творчестве весь почти тысячелетний период истории отечественной литературы во всем многообразии ее жанров и тематики.

Монументальными памятниками деятельности И. П. Еремина как историка русской литературы являются его «Лекции по древней русской

⁵ В архиве имеются черновые подготовительные материалы, черновые и белые машинописные экземпляры, а также чистые листы книги: *Феофан Прокопович. Сочинения*. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961.

литературе», подготовленные к печати и изданные посмертно Б. Г. Ереминой и Н. С. Демковой (Л., 1968), и «История украинской литературы XIX в.», ожидающая своей публикации (беловая машинопись, 456 л.).

В архиве И. П. Еремина есть материалы и по истории русского театра, которой он занимался — так же как и историей русской литературы — всей, целиком, начиная от украинского «Вертепа» XVI в. Сохранились немногочисленные выписки по истории школьной драмы XVII—XVIII вв., особая тетрадь выписок и конспектов посвящена театру Петровской эпохи. Южнорусское происхождение древнейших из названных материалов обусловило, вероятно, интерес Игоря Петровича к истории украинского театра и драмы последующих столетий и до наших дней — до творчества А. Корнейчука включительно.

Широта литературоведческих интересов И. П. Еремина отразилась в его переписке. В его архиве сохранились письма едва ли не всех выдающихся современных историков русской, украинской и белорусской литературы, начиная с акад. В. Н. Перетца. Среди них есть письма В. П. Адриановой-Перетц, А. И. Белецкого, А. А. Булаховского, Н. К. Гудзия, Д. С. Лихачева, Н. К. Пиксанова, Б. М. Эйхенбаума, языковедов Г. А. Аванесова и Б. А. Ларина, украинских археографов Л. Е. Махновца и Н. В. Геппенера, белорусского филолога — ученика Игоря Петровича Ю. С. Пширкова. Среди немногочисленных иностранных корреспондентов преобладают письма немецких ученых Г. Рааба и Е. Винтера. Они советуются с И. П. Ереминым по проблемам изучения древнерусской литературы, просят помочь командируемым в Советский Союз своим ученикам, благодарят за присылку книг и статей, выражают тревогу по поводу появления среди советских историков скепсиса в отношении «Слова о полку Игореве». Его приглашали выступить с лекциями по проблемам изучения древнерусской литературы, «Слова о полку Игореве» в частности, в Академии наук ГДР, в Иенском и Грейсвальдском университетах. С западногерманским ученым Л. Мюллером И. П. Еремин переписывался по вопросам изучения «Повести временных лет» и творчества Кирилла Туровского; венгерский исследователь А. Андьял, по совету Г. Рааба, посылает ему на отзыв статью о проблемах славянского барокко. Все это свидетельствует о большом международном авторитете Игоря Петровича как историка русской литературы, что выразилось и в значительном числе писем, полученных из-за рубежа после его внезапной смерти (их насчитывается более 20 из 140).

Переписка И. П. Еремина, сохранившаяся в его архиве далеко не полностью (от многих писем остались лишь конверты с адресами его корреспондентов), дополняется данными состава и дарственными надписями на книгах и оттисках его библиотеки.

Библиотеки ученых представляют собою ценный материал для изучения истории науки и просвещения. Ученый-специалист, хорошо зная литературу предмета своего изучения и следя за текущей библиографией, старается разыскать и приобрести если не все, то по крайней мере важнейшие и редкие книги по своей специальности. В начале своей деятельности он обычно активно разыскивает и приобретает их; в дальнейшем, вместе с ростом известности и авторитета ученого, книги начинают сами находить его. Их посылают авторы, желающие информировать ученого-специалиста о своих трудах и достижениях, узнать его мнение о них. И не только книги, но и оттиски работ, опубликованных в научной периодике, начинают сосредоточиваться в библиотеке ученого. Подбираемые по предметно-тематическому принципу, они становятся визуальной, зримой библиографией по отдельным литературным памятникам и проблемам, которой очень удобно пользоваться. И. П. Ереминым были подобраны и переплетены в два объемистых тома оттиски статей о «Слове о полку Игореве», опубликованных в различных изданиях на русском, украинском, белорусском и иностранных языках и в многочисленных сборниках.

Глубокий историзм творчества И. П. Еремина отразился и в подборе книг его библиотеки⁶. В ней с исчерпывающей полнотой были собраны издания памятников русской историографии — комплекты «Полного собрания русских летописей», «Актов, относящихся к истории южной и западной России», памятники полемической литературы в западной Руси, издания отдельных летописей и памятников литературы Киевской Руси. Последнюю нельзя изучать без хорошего знакомства с византийской литературой; связям и взаимовлиянию этих двух, а также древнеболгарской литератур Игорь Петрович посвятил несколько работ, в том числе и ту, которой суждено было стать его последней работой — доклад на V Международном съезде славистов в Софии⁷. Поэтому не случайно наличие в его библиотеке значительного числа книг и оттисков статей по византиноведению как дореволюционному, так и современному. Книги и оттиски, присланные болгарскими учеными, отражают их достижения в изучении византийско-болгарских и болгаро-русских литературных связей.

В библиотеке И. П. Еремина с исчерпывающей полнотой были представлены не только издания литературных памятников, но и важнейшие труды дореволюционных и особенно современных ученых-литературоведов. Столь же полно им были подобраны труды советских историков — М. Н. Тихомирова, С. Н. Валка, А. В. Предтеченского, Б. А. Романова и многих других. Из дореволюционных историков наиболее полно были представлены В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, А. А. Шахматов. Были и издания XVIII—начала XIX в.: «Древняя Российская история» М. В. Ломоносова (СПб., 1766), «Новый Синописис или Краткое описание о происхождении славено-российского народа» П. Захарьина (Николаев, 1798), «Иоанн — ексарх болгарский» К. Ф. Калайдовича (М., 1824).

С большой полнотой была подобрана Игорем Петровичем и литература по вспомогательным историческим дисциплинам — палеографии (имелись все учебники — от И. И. Срезневского до Л. В. Черепнина), источниковедению и археографии; среди последних — такая библиографическая редкость, как «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» А. Х. Востокова. Тщательность, полнота и разносторонность подбора книг, без которых нельзя изучать историю русской литературы, как нельзя лучше характеризуют личность и стиль работы такого исключительно эрудированного, разносторонне образованного и педантично добросовестного исследователя, каким был И. П. Еремин.

Столь же тщательно были подобраны им книги и оттиски статей по истории украинской и белорусской литератур. Многие книги, а в особенности статьи по истории первой из них, малодоступны: разбросанные по периодическим изданиям собственно украинским, западноукраинским, наконец, зарубежным, они часто не обнаруживаются даже в крупнейших наших библиотеках и не учтены современной библиографией. Особенно много книг и оттисков собрано в библиотеке И. П. Еремина по истории украинского театра, которому он еще в 20-х годах посвятил несколько работ, а также тесно связанному с ней украинскому народному творчеству. Всего в этой библиотеке собрано 370 книг на украинском языке, не считая изданий и исследований по истории украинской литературы на русском и западноевропейских языках.

Белорусское литературоведение — сравнительно молодая отрасль истории литературы народов СССР, но в библиотеке И. П. Еремина собрано значительное число книг и оттисков статей по белорусской литературе. Одних только книг на белорусском языке насчитывается до ста.

⁶ Краткий перечень книг и оттисков библиотеки И. П. Еремина находится в его архиве, он насчитывает до 1,5 тыс. названий.

⁷ О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах XI—XII вв. — В кн.: V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 5—13.

Таков в самых общих чертах состав библиотеки И. П. Еремина, отразивший широту его научных интересов, круг интересовавших его проблем истории русской, украинской и белорусской литератур. Значение его работ для изучения истории трех этих братских литератур отмечено в рецензиях, отразилось во множестве ссылок на его труды в книгах советских и зарубежных литературоведов, запечатлено, наконец, многочисленными дарственными надписями на книгах и оттисках статей его библиотеки.

Старейшие дарственные надписи принадлежат акад. В. Н. Перетцу. «Игорю Петровичу Еремину, моему Вениамину, в надежде, что он одолеет трудности «чужеземной» речи и одолевши воспримет дело, а на моих ошибках научится их избегать» — так написал маститый ученый своему 22-летнему ученику в 1926 г. на украинской книге о «Слове о полку Игореве». Именем Вениамина — младшего и любимейшего из 12 сыновей библейского праотца Иакова — В. Н. Перетц часто называл И. П. Еремина. Однако среди 12 «птенцов гнезда Перетцова» в Ленинграде именно младший вскоре приобрел большой авторитет как знаток древнерусской литературы.

«Не льбо ли бѣшет, братие, начати старыми словесы посвящения князю Игорю, Игорю Петровичу? Начати же ся тѣи пѣсни по былинам сего времени и по замышлению Бояню — се есть раба божия славнаго академика Владимира. Сеи бо боян вѣщый пуцаеть 10 соколов, 1 чижика и 1 пеголицу. И се пеголица кличет вверху древа пѣти славу Игорю Петровичу. Здрави слѣпец и хромец, а патерикам слава. Аминь. В лѣто 7434» — так написала на оттиске своей работы одна из слушательниц семинария В. Н. Перетца, подразумевая первые опубликованные работы его любимого ученика.

«Дорогому Игорю Петровичу Еремину в знак уважения, симпатии и благодарности за то, что он открыл для меня в древнерусской литературе» — написал на своей книге акад. А. И. Белецкий за год до своей смерти, как бы подводя итог значению работ И. П. Еремина в своей многолетней научной деятельности.

Авторитет И. П. Еремина как ученого и влияние его работ выходили далеко за пределы древнерусской, украинской и белорусской литератур.

«С глубоким уважением и надеждой на строгий, но нелицеприятный суд» дарит ему в 1949 г. свою книгу об А. Н. Радищеве Г. П. Макогоненко. «Главному герою «странного сюжета», — пишет Игорю Петровичу Б. М. Эйхенбаум на оттиске своей статьи о «чертах летописного стиля» в произведениях А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова и Л. Н. Толстого, написанной под влиянием его работы о «Повести временных лет».

Таковы некоторые дарственные надписи на книгах и оттисках библиотеки И. П. Еремина. Их много — на 458 книгах и оттисках из 1800, составляющих эту библиотеку; таким образом, одна четвертая часть ее составила как бы сама собой. И в каждой из этих надписей — признание его научного авторитета, благодарность за помощь или надежда получить его отзыв, столь драгоценный для автора.

Знакомство с материалами архива И. П. Еремина и книгами его библиотеки, особенно с дарственными надписями на них, показывает, какое значение имеет комплексное изучение архива и библиотеки ученого. Они тесно связаны, переплетаются и дополняют друг друга, являются суммарным итогом жизни и деятельности ученого, наиболее полным отражением его творчества. И очень жаль, что в подавляющем большинстве случаев библиотеки ученых отрываются от их архивов, обычно распыляются раньше, чем становятся предметом комплексного изучения. По-видимому, невозможно сохранять вместе архивы и библиотеки ученых, так бывает только лишь в редких случаях, когда создается мемориальный кабинет или музей ученого. Однако представляется вполне реальной возможность сочетания сведений об архиве и библиотеке ученого в объединенных их обзорах.

Л. Г. Сырченко

К ИСТОРИИ ОПИСАНИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Эффективность использования документальных источников из фондов личного происхождения во многом определяется уровнем постановки печатной информации об этих материалах, в частности, изданием различных архивных справочников, раскрывающих их состав и содержание. Отечественное архивное дело накопило немалый опыт подготовки подобных изданий.

Однако история появления печатных описаний материалов личных фондов, как и сами эти описания, изучена недостаточно. Архивоведение пока еще не располагает работами, анализирующими практический опыт в этом направлении: имеющиеся работы не затрагивают справочников к материалам личных фондов¹.

В настоящей статье ставится задача проследить начало развития отечественной методики описания документальных материалов деятелей русской культуры, выявить истоки современных методов подготовки печатных справочников. При этом отмечаются достоинства и недостатки дореволюционных изданий, приводятся конкретные примеры, характеризующие их построение, показываются приемы подачи описательных статей, что дает возможность определить рациональное зерно в методике прошлого.

Составители справочников дореволюционного периода немало сделали для развития приемов описания документальных материалов личного происхождения и издания этих описаний, хотя условия децентрализации архивного дела не позволяли установить единые методы подготовки различных типов справочников. Накопленный ими опыт составил ценное наследие, которое должно быть критически изучено и использовано в практической деятельности советских архивохранилищ.

* * *

Во второй половине XIX в. усилился поток документальных поступлений в отделения рукописей крупнейших библиотек и музеев России. Это вызвало появление печатных справочников о составе и содержании материалов деятелей русской культуры, личные архивы и отдельные документы которых принимались в хранилища.

Первые справочники, содержавшие сведения о документальных материалах деятелей культуры, относятся к 70-м годам XIX в. Таковы описания личных архивов В. М. Ундольского, В. И. Григоровича и П. И. Се-

¹ Учебное пособие М. Н. Шобухова «Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России» (М., 1955) содержит характеристику ряда описаний древних рукописей и справочников по материалам учрежденческой документации; статья Э. А. Павлюченко «Обзор научных описаний письменных источников, хранящихся в историко-краеведческих музеях РСФСР» (в сб. «Обзоры научных каталогов памятников материальной и духовной культуры». М., 1971) касается в основном печатных описаний древних рукописей.

вастьянова, составленные ученым хранителем Отделения рукописей Румянцевского музея в Москве А. Е. Викторовым. Архивы названных лиц поступили в музей вместе с собранными ими коллекциями русских, славянских и греческих рукописей. Характеристики личных архивов заняли в печатных описаниях коллекций последние самостоятельные разделы². По особенностям построения и приемам раскрытия состава и содержания материалов эти описания являются прообразами будущих обзоров личных фондов.

Описывая личный архив историка древнерусской литературы и археографа В. М. Ундольского — служащего Архива Министерства юстиции, библиотекаря Общества истории и древностей российских, — Викторов применял разные приемы в зависимости от значения и характера документальных материалов. Капитальные научные работы Ундольского описаны каждая в отдельности и подробно (наличие редакций, передача содержания исследования, его оценка, степень опубликованности); менее важные — просто перечислены. Служебные материалы охарактеризованы по крупным тематическим группам (бумаги официальные: а) по службе в Архиве Министерства юстиции; б) по сношениям с Академией наук, Археографической комиссией и др.; в) по занятиям в Обществе истории и древностей российских и т. д.). Переписка разделена на две группы (письма к Ундольскому и письма Ундольского), указан объем каждой и перечислены наиболее значимые адресаты и корреспонденты.

Единой порядковой нумерации, свойственной описи, группы материалов в этом описании не имеют. В тексте описания приводятся поисковые сведения о документах (инвентарные музейные номера).

Своеобразием приемов построения отличаются описания архивов В. И. Григоровича (слависта, профессора Казанского и Новороссийского университетов) и П. И. Севастьянова (путешественника и археолога). Творческие рукописи и другие документы этих ученых Викторов распределял по весьма детальным занумерованным группам и описал подробнее, чем материалы Ундольского. Он проводил тщательное сравнение рукописей научных трудов и прочих работ с их публикациями, указывая, какие сведения не вошли в текст печатных изданий. По возможности Викторов подчеркивал, в чем состоит «главный интерес» документов, какие из них «обращают на себя внимание» и почему. Характеризуя некоторые рукописи, он пересказывал их содержание (не прибегая к цитированию) и оценивал значение сообщаемых фактов. Для однородных групп материалов (и, конечно, для отдельных важных рукописей) приводились даты, указывалась автографичность («собственноручные» рукописи или нет), количество листов. При описании переписки указывались общие хронологические рамки (например, письма к Севастьянову от его друзей и знакомых с 1830-х годов по 1865 г.), перечислялись фамилии основных адресатов и корреспондентов (в алфавитной последовательности), однако содержание писем не раскрывалось.

Описания архивов Григоровича и Севастьянова отчасти напоминали опись наличием строгой валовой нумерации групп документов, но более походили на обзор благодаря групповому описанию материалов с пересказом их содержания. В качестве поисковых данных в них выступали номера документальных групп по музейному инвентарю, проставленные в скобках вслед за порядковыми их номерами.

Многие из отмеченных особенностей описания характерны и для обзора архива Н. В. Сушкова, также составленного Викторовым³. Правда, в отличие от рассмотренных, этот справочник содержит значительное число

² Викторов А. Е. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского... — В кн.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем. . . М., 1870, с. 55—63 собств. пагина.; *он же*. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, с. 50—60; *он же*. Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881, с. 105—116.

³ Викторов А. Е. Бумаги Н. В. Сушкова в Московском публичном музее. М., 1872.

цитат из описываемых документов, а в некоторых случаях даже полное воспроизведение текста наиболее интересных, с точки зрения составителя, неопубликованных материалов (в частности, подлинных писем Екатерины II, сохранившихся в архиве ее секретаря А. В. Храповицкого, дяди Сушкова). Обзор имеет нечто вроде предисловия, где Викторov сообщает сведения о времени поступления в музей материалов Сушкова, характеризует его как поэта, драматурга, мемуариста и общественного деятеля, дает общую оценку его архива. К сожалению, обзор не содержит поисковых данных.

Во всех обзорах, созданных Викторovым, наблюдаются приемы как группового, так и индивидуального описания, а также элементы источниковедческого анализа. Определенное достоинство описаний составляют многочисленные указания на степень изученности документов, сведения о том, какие новые, еще не известные данные в них содержатся, где, когда и насколько полно публиковались описываемые материалы.

Начиная с 80-х годов XIX в. стали появляться печатные справочники о документальных материалах виднейших деятелей русской литературы: Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, К. Ф. Рылеева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Добролюбова, Л. Н. Толстого.

Одним из первых было предпринято описание рукописей А. С. Пушкина, переданных Румянцевскому музею сыном поэта А. А. Пушкиным, после того, как они экспонировались на Пушкинской выставке в Москве в 1880 г. Викторov составил их краткую опись, дав рукописям инвентарные номера (№ 2364—2395), и напечатал ее в «Отчете» Румянцевского музея за 1879—1882 гг. (М., 1884). С осени 1882 г. рукописи поэта стали доступны исследователям, а в 1884 г. было опубликовано подробное их описание, составленное историком и литературоведом В. Е. Якушкиным⁴.

Якушкин подошел к описанию рукописей поэта прежде всего как исследователь и археограф. Он так определил свою задачу: «Цель предлагаемого описания указать на то печальное положение, в котором находится посмертный пушкинский текст, исправить по возможности его неполноты и ошибки; затем описание даст не мало и дополнений, не бывших в печати, между которыми есть некоторые вещи, имеющие вполне самостоятельное художественное значение; наконец, в описании читатель найдет довольно указаний и заметок, важных для биографии Пушкина, для характеристики и поэта, и его поэзии»⁵.

Пушкинские рукописи представляли собой черновые тетради, а также ряд отдельных листов в обложках. Большие тетради числились каждая под своим инвентарным номером; иногда под одним номером учитывалось и несколько небольших тетрадей. Якушкин расположил их в описании одну за другой в порядке нумерации, принятой в музее (начиная с тетради № 2364). Он не стал давать тетрадям новую валовую нумерацию и менять их местами, тем более что возрастание инвентарных номеров совпадало с хронологией заведения тетрадей поэтом. Он не пытался сгруппировать материалы по жанрам, так как в большинстве случаев в одной тетради находились наброски и поэм, и стихотворений, и прозы. Нумерацию листов в тетрадях Якушкин оставил без изменений, хотя в ней и опекунами (черные цифры), и жандармами (красные цифры) было допущено много ошибок. Он отмечал эти ошибки в описи, но, не давая своей нумерации, пользовался при полистном описании тетрадей то одной нумерацией, то другой, смотря по тому, какая из них была вернее.

Следуя задачам работы, Якушкин тщательно и подробно описывал лист за листом каждую тетрадь. Более кратко описывались беловики (иногда изготовленные писцом) напечатанной самим Пушкиным прозы. Если находившиеся на странице стихи или прозаические отрывки еще не были

⁴ *Якушкин В. Е.* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. — «Русская старина», СПб., 1884, кн. 2—12.

⁵ «Русская старина», 1884, кн. 2, с. 420.

напечатаны, воспроизводился их текст; если они уже были опубликованы — указывалось место публикации; если в напечатанном тексте имелись искажения и ошибки по сравнению с рукописью — на это обращалось внимание читателя. В тексте описательной статьи Якушкин излагал также свои соображения и догадки относительно дат написания произведений и отдельных фактов жизни поэта.

Приведем в качестве примера описание одной из тетрадей. В начале описательной статьи указаны внешние особенности тетради:

«№ 2365. В четверку синеватой бумаги, в переплете. На одной из последних страниц помета: «в сей книжке номерованных и писанных листов ш е с т ь д е с я т д е в я т ь». Красными чернилами перемечено 68 листов, так как заглавный лист красными чернилами не занумерован. Черная нумерация в свою очередь пропустила один лист (после 59), кроме того, еще один лист в конце остался совсем без номера; таким образом, всех листов — 71»⁶.

Далее идет полистое описание, причем отмечаются неправильности в публикациях пушкинского текста. Так, описывая лист с текстом послания к В. Л. Давыдову, Якушкин приводит целиком те части стихотворения, которые были неверно воспроизведены в свое время издателем собрания сочинений поэта П. В. Анненковым. Помимо прочих, Якушкин переписывает следующие заключительные строки текста рукописи:

«Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет,
Народы тишины хотят,
И долго им ярем не треснет».

В подстрочном примечании к этим строкам он, не раскрывая тайный смысл слов «те» и «та» (революционеры и революция. — Л. С.), замечает, что Анненков передал четверостишие в очень искаженном виде:

«Но те в Неаполе шалят,
А та едва ль воспринет:
Народы тишины хотят,
Усталых к миру тянет (!!)»⁷

Отдельные факты из жизни поэта, приведенные в описании, обнародовались впервые, что свидетельствовало о прогрессивном характере общественных взглядов Якушкина, решившего сделать их достоянием гласности. Например, характеризуя рисунок на л. 38 тетради № 2368, он писал:

«38₁. Нарисованы: в а л и в о р о т а [крепость], на валу виселица и на ней пять повешенных, с боку начата фраза: и я бы мог (как тут на...)»⁸. Внизу страницы опять повторен тот же рисунок, а посреди страницы снова начата фраза: и я бы мог... — Рисунки эти относятся к 1826 г. [«О народном воспитании» писано в половине ноября] и напоминают смерть Рылеева, Пестеля, С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского (†13 июля 1826 г.). В записке «О народном воспитании» Пушкин высказывает надежду, что братья, друзья, товарищи погибших [декабристов] успокоятся в р е м е н е м и размышлениями. Он сам еще не был в это время успокоен. Обласканный царем, восторженно встреченный москвичами, он продолжал думать о погибших братьях, и не только о живых, но и о мерт-

⁶ «Русская старина», 1884, кн. 4, с. 87.

⁷ Там же, с. 92—93. Разрядка здесь и далее, а также восклицательные знаки — В. Е. Якушкина.

⁸ Якушкин прочел текст не совсем точно: у А. С. Пушкина — «как шут, ви. . .» (*Дявловская Т. Г. Отклики на судьбу декабристов в творчестве Пушкина. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Сб. статей. Л., 1975, с. 202—203*).

вых. Таким образом, рисунок на этой странице и подпись показывают нам, что сказанное им в письме к кн. Вяземскому [VII.44]: «Повешенные повешены, по каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» было не вполне искренно, что Пушкин, повторяю, думал о мертвых братьях, мысленно присоединял себя к их судьбе. Припомним кстати окончание — вариант Пророка [II.398]. . .»⁹

Таким образом, создатель первого справочника о рукописях Пушкина пользовался приемами подробного описания материалов, выступая одновременно в качестве исследователя, публикатора и архивиста. Это объясняется рядом причин: во-первых, описывались автографы величайшего русского поэта; во-вторых, Якушкин как исследователь, конечно, не мог удержаться от того, чтобы не воспроизвести текст еще неизвестных его творений и высказать свои соображения по поводу обстоятельств, связанных с его жизнью, написанием и изданием произведений.

Описанию пушкинских рукописей предшествовала обстоятельная вступительная часть (без названия). В ней не только излагалась история поступления тетрадей в Румянцевский музей, определялись цель и задачи описания, характеризовались его построение и приемы, но и подчеркивалось важное значение черновых тетрадей поэта как для его биографии, так и для оценки его творчества. Якушкин ясно представлял себе громадное значение рукописей поэта как первоисточника: «К ним должны обращаться все . . . редакторы будущих изданий его сочинений, все будущие его биографы»¹⁰. В состав справочно-вспомогательного аппарата входили также подстрочные примечания, в которых приводились первоначальные редакции и варианты строк, указывались зачеркнутые места и описки, имевшиеся в тексте пушкинских рукописей.

Ценность описания тетрадей Пушкина заключалась прежде всего в том, что оно позволило учесть драгоценные рукописи и способствовало их охране. Кроме того, многие указания и заметки, важные для биографии поэта и характеристики его творчества, значительно облегчили проведение дальнейших исследований пушкинистов. Наконец, труд Якушкина представлял собой первый опыт описания черновых материалов деятелей литературы.

Существенным дополнением к описанию явился еще один справочник, составленный Якушкиным. Это «Указатель к рукописям А. С. Пушкина, хранящимся в Румянцевском музее, № 2364—2395»¹¹, который содержал поисковые данные о текстах произведений и писем поэта, находящихся в его тетрадях. В нем пушкинские тексты составили две группы: 1) «Стихотворения», 2) «Проза». В первой группе названия стихотворений располагались по алфавиту; во второй имелись свои подгруппы: «Романы и повести», «Путешествия, журнальные статьи, заметки», «Исторические сочинения», «Письма», «Записки», «Программы». Рядом с названием текста указывался шифр — условное обозначение места его нахождения. Например (из группы стихотворений): «Аделъ — № 2367. 8₂.», где цифры означали: номер тетради, листа и страницы.

Оба справочника к материалам поэта дополняли друг друга, обеспечивая всестороннее раскрытие состава и содержания пушкинских тетрадей.

Несколько описей личных архивов русских писателей были составлены крупным библиографом, историком и публикатором И. А. Бычковым по материалам, хранившимся в Публичной библиотеке в Петербурге. Таковы справочники к архивам В. А. Жуковского и В. Ф. Одоевского;

⁹ «Русская старина», кн. 6, с. 550. В прямоугольные скобки Якушкин заключал свои дополнения и предположения. Ссылки на опубликованный пушкинский текст (римские и арабские цифры, означающие том и страницу) он давал по последнему изданию сочинений поэта 1882 г. (под ред. П. А. Ефремова).

¹⁰ «Русская старина», 1884, кн. 2, с. 422.

¹¹ Там же, кн. 12, с. 581—588.

оба они были изданы в качестве приложений к отчету Публичной библиотеки за 1884 г.¹²

Самую большую и ценную часть архива Жуковского (принят в Отделение рукописей библиотеки в 1884 г.) составили его произведения в стихах и прозе и педагогические сочинения. Эти материалы подверглись самой тщательной обработке. Они были сгруппированы следующим образом: а) материалы для автобиографии и путевые дневники; б) сочинения и переводы; в) материалы, касающиеся литературного общества «Арзамас»; г) материалы, относящиеся к самообразованию Жуковского; д) педагогические работы. Внутри названных групп рукописи располагались в хронологической последовательности. Опись закрепила организацию этой части архива Жуковского; к сожалению, названия разделов в тексте описи отсутствовали, что, конечно, затрудняло ориентацию в материалах.

Описание рукописей Жуковского было сделано достаточно подробно, хотя и не столь детально, как в описи тетрадей Пушкина. Бычков избегал (за небольшими исключениями) сравнений рукописного текста с печатным, но делал обязательные ссылки на первое издание произведений, не вошедших в последнее собрание сочинений поэта; если произведение не было издано, он указывал, кроме заголовка, начальные строки или приводил весь текст целиком. Кроме того, воспроизводились пометы Жуковского о времени написания произведений, что во многих случаях помогало исправить неточности печатных изданий. Вот, например, начало описательной статьи, составленной на группу стихотворных произведений:

«12) Пачка со стихотворениями первых годов (1800—1810) литературной деятельности Жуковского. Стихотворения, писанные большей частью на отдельных листах, все в черновых редакциях, кроме лишь первого стихотворения «Герой» и «Послания к Нине», которые имеются в окончательной редакции. 53 листа, в лист и 4-ю д. л. Лл. 42 и 44 остались белыми. Перечисляем стихотворения, находящиеся в этой пачке:

а) л. 1. Герой. Стихотворение в 15 строфах, носящее еще подпись: Василий Жуковский и, по всему вероятно, относящееся к 1800 году (ср. прозаическую статью Жуковского «Истинный герой», которая была напечатана в 1800 году; основная мысль как этой статьи, так и стихотворения «Герой» одинакова)¹³.

Далее следуют восемь строк стихотворения «Герой». Подобным же образом ведется описание других стихотворений; дневники, педагогические работы и прочие рукописи описаны менее детально.

В кратком вступлении к описи сообщается о времени принятия «бумаг Жуковского» в Публичную библиотеку и их значении, о построении описания и приемах характеристики рукописей.

Материалы Одоевского, поступившие в Публичную библиотеку в 1869 и 1884 гг., представляли собой 110 «переплетов» (переплетенных томов). При обработке архива их расположили следующим образом: «переплеты» с рукописями произведений, затем — с перепиской, далее — с материалами служебной и общественной деятельности. Четкой грани между этими группами не было, так как наряду с томами, включавшими материалы одного вида или содержания, имелись тома, объединявшие и рукописи, и письма, и материалы служебной деятельности. Описание 110 «переплетов» отразило эту организацию архива.

Если отбросить нечеткость систематизации материалов (которая, кстати, не зависела от составителя описи), можно сказать, что в данном описании уже наметилась схема, свойственная распределению материалов в архивах писателей, а именно: отведение первых разделов для наиболее ценных материалов — рукописей творческих произведений и переписки.

¹² Отчет имп. Публичной библиотеки в С.-Петербурге за 1884 г. СПб., 1887. Приложение: «Бумаги В. А. Жуковского» и «Бумаги князя В. Ф. Одоевского».

¹³ Там же, «Бумаги В. А. Жуковского», с. 17.

Ориентироваться в описи трудно, поскольку она не имеет названий разделов. Внутри каждого «переплета» все рукописи описаны под своими порядковыми номерами. Приемы описания предельно кратки (в тексте отчета библиотеки эта опись названа «кратким перечнем») ¹⁴. Отсутствуют указания на внешние особенности, количество листов и опубликованность рукописей.

Краткими приемами описания отличается также составленная Бычковым опись большого архива Г. Р. Державина, содержащего рукописи поэта, переписку, материалы к биографии, материалы родственников, материалы о Державине. Архив был передан библиотеке академиком Я. К. Гротом, который пользовался им для подготовки академического издания сочинений поэта. Материалы архива составляли 40 томов (одни были переплетены Гротом, другие — еще до него). Опись архива опубликована в тексте отчета Публичной библиотеки за 1892 г. под рубрикой «Приобретения библиотеки» ¹⁵. Ее помещение в составе отчета свидетельствует о том, что в Отделении рукописей проводили определенную грань между краткими описями и подробными описаниями: если целью первых являлась прежде всего информация о поступлении новых материалов, то назначением вторых — удовлетворение научных запросов исследователей.

Опись имеет 40 описательных статей, в каждой из которых дается самая общая характеристика материалов конкретного тома. Например, о т. I сказано:

«1) Том, озаглавленный «Разные черновые стихотворения Державина». 386 листов. Том начинается тетрадью 1776 года, под заглавием «Разные стихотворения». Последняя пьеса, находящаяся в томе, — опера «Грозный, или Покорение Казани» (лл. 360—386). Большинство стихотворений настоящего тома суть черновые наброски Державина; не мало имеется пьес, переписанных им самим или писцами, с позднейшими поправками его руки; наконец, попадаются в этом томе и современные списки стихотворений без всяких поправок Державина, а также несколько новейших копий, сделанных для академического издания Сочинений Державина. Хронологический порядок в размещении пьес настоящего тома не соблюден».

Как и другие рассмотренные нами справочники, настоящая опись отличается повествовательной формой описательных статей, раскрывающих состав и содержание материалов; элементы описательной статьи только начинают складываться.

Описи архива Державина предшествует очень короткое сообщение о составе «собрания бумаг» поэта; отсутствие справочно-вспомогательного аппарата (в частности, указателей) объясняется включением описи в текст отчета библиотеки ¹⁶.

Одним из первых опытов тщательного описания материалов композитора явился каталог нотных рукописей, писем, портретов и других документов М. И. Глинки, хранящихся в Отделении рукописей Публичной библиотеки ¹⁷. Составитель, историк музыки и музыкальный критик Н. Ф. Финдейзен стремился создать подробный каталог рукописей и всех материалов о деятельности композитора — пособие для будущих исследователей его творчества.

¹⁴ И. А. Бычков предполагал в будущем составить более подробное описание архива Одоевского, однако это не было осуществлено.

¹⁵ «Отчет имп. Публичной библиотеки в С.-Петербурге за 1892 г.» СПб., 1895, с. 9—117.

¹⁶ В отчетах Публичной библиотеки опубликованы краткие описи ряда других личных архивов или их частей. См., например, в отчете за 1889 г., изданном в 1893 г., опись архива А. А. Краевского, также составленную Бычковым.

¹⁷ «Каталог нотных рукописей, писем и портретов М. И. Глинки, хранящихся в Рукописном отделении имп. Публичной Библиотеки в С.-Петербурге с приложением описания рукописей и предметов, находящихся в том же отделении, касающихся жизни и деятельности Глинки». Сост. Н. Финдейзен. СПб., 1898.

Основной частью каталога было описание автографов и рукописей музыкальных произведений (по жанрам), писем и автобиографических записок, сгруппированных в разделы:

I. Произведения для оркестра и нескольких инструментов. II. Произведения для оркестра или нескольких голосов с сопровождением нескольких инструментов или оркестра. III. Романсы и песни для одного голоса с сопровождением фортепиано. IV. Опера «Жизнь за царя». . . VI. Музыка к трагедии Н. В. Кукольника «Князь Холмский». . . XII. Письма и автобиографические записки.

Вторую часть каталога заняло описание портретов, альбомов, рисунков Глинки, писем разных лиц к нему, статей и воспоминаний о нем.

Внутри разделов рукописи и письма располагались по хронологии. Если произведение состояло из нескольких рукописей, каждая описывалась под своим порядковым номером. Каталог имел сплошную валовую нумерацию описательных статей.

Обращает на себя внимание следующий прием, использованный Финдейзенем и дававший возможность отразить в одном месте справочника все записи, касающиеся одного музыкального произведения. Если музыкальная запись, относившаяся к определенному произведению, находилась на листе рукописи с записью другого произведения или в каком-либо альбоме, указание об этой записи помещалось среди описаний рукописей данного произведения в соответствии с хронологическим порядком появления записей. Например, среди описания рукописей оперы «Руслан и Людмила» под 1852 г. приведена описательная статья (без номера):

«Отрывок из Баллады Финна (2-е действие оперы Руслан и Людмила)», для фп. в 2 руки с подписанным текстом, переписанный р. Г. (4 стран.) в альбом, подаренный им его сестре Л. И. Шестаковой. [См. № 242, ¹¹].

Под № 242 в каталоге помещен альбом Л. И. Шестаковой, в описании которого под № 11 названа данная запись, сделанная рукой М. И. Глинки:

«11) Авт. Глинки «Отрывок из баллады Финна (2-е действие оперы Руслан и Людмила)». Р. Г. — 4 стран. перелож. для фп. в 2 руки, с подписанным текстом»¹⁸.

В начале каталога имелось подробное оглавление, помогавшее ориентироваться в большом справочнике; за ним следовало предисловие, в котором излагалась история поступления материалов Глинки в Публичную библиотеку и формулировалась цель составления описания; затем приводился перечень встречавшихся в каталоге сокращений. Примечания, касавшиеся в основном времени и обстоятельств сочинения Глинкой своих произведений, помещались без какой-либо системы — или в тексте описательных статей, или под строкой. Каталог был снабжен хронологическим указателем рукописей и писем, со ссылками на номера описательных статей. В качестве приложений выступали публикации ряда музыкальных записей и других материалов.

В ноябре 1909 г. в Отделение рукописей Библиотеки Академии наук был принят архив поэта-декабриста К. Ф. Рыльева, подаренный Якушкиным. Описание архива, составленное В. И. Масловым, вышло в свет в 1910 г.¹⁹ Этот своеобразный справочник имел черты, свойственные и описи, и каталогу. В определенной степени описание следовало построению архива Рыльева: стихотворения; проза; письма Рыльева; письма к Рылеву; произведения, приписываемые Рылеву; издания сочинений Рыльева; материалы для биографии (биографические очерки, документы); бумаги родственников. Однако каждый раздел имел свою нумерацию описательных статей, что совсем не характерно для описи. К тому же после автографов произведений и переписки был помещен самостоятель-

¹⁸ Там же, с. 39 и 75.

¹⁹ Маслов В. И. Архив К. Ф. Рыльева. — «Известия имп. Академии наук», VI серия, 1910, № 12, с. 915—934.

ный раздел «Копии произведений и писем Рыльева», в котором находилось описание копий произведений, подшитых к тетрадам с автографами, и копий писем Рыльева к жене (рукой жены), хранившихся при подлинниках писем, описанных в разделе переписки; в группе материалов родственников были названы письма отца и матери Рыльева, уже указанные в соответствующем месте при описании писем к поэту. Таким образом, описание не отражало во всех деталях организацию архива и не закрепляло ее единой валовой нумерацией. Однако данное описание трудно назвать и каталогом в полном смысле этого слова: его описательные статьи не имеют шифра, обозначающего точное место документальных материалов в составе личного архива.

Что касается приемов описания, следует заметить, что Маслов стремился привести самые необходимые сведения о составе, содержании, внешних особенностях и опубликованности материалов, избегая многословия, обширных исследовательских экскурсов и цитирования текста. Вот пример описания одной из тетрадей:

«1. Тетрадь в четвертку, с подшитыми листами различного формата, в 8-ю и 4-ю доли листа, 23 лл. На л. 10 водяной знак [18] 23. Лл. 1 об., 18, 19 и 23 об. без текста. На л. 1 заглавие «Смесь № 1» с эпитафией:

«Приятна мне с трудом забава пополам,
приятен слабый труд, когда он мил друзьям!»

и датой: «Дрезден. 1814».

За этой общей характеристикой тетради следует поллистное описание: «Л. 2. «Путешествие на Парнас!» (под строкой приписано: «Подражание Крылову»). Нач.: «Итак, предпринят путь к Парнасу. . .» Дата: «Дрезден, Октябрь 15 дня 1814 года». Отрывок этого стихотворения см. Ефр.¹, стр. 191—192»²⁰

Пример описания письма:

«2. К отцу. В четвертку, на 2-х лл.; бумага со знаком 1812; л. 2 об. чистый. Даты нет. Подпись: «Кандратий Рылеев». Из содержания письма видно, что оно писано в конце 1813 или начале 1814 г. — незадолго до выпуска Рыльева из 1-го Кадетского Корпуса (в январе 1814 г.). Ефр.¹, стр. 258—259»²¹.

Содержание письма не раскрывается, вероятно, потому, что оно, как указал составитель описания, было опубликовано П. А. Ефремовым.

В кратком вступительном слове, помещенном перед описанием и исполняющем роль предисловия, рассказывается об истории архива, составе его материалов, степени их опубликованности, а также о построении описания и приемах передачи текста описательных статей. Здесь же приводится список сокращений, примененных при обозначении печатных изданий.

Иногда в описании встречаются подстрочные примечания, где воспроизводятся зачеркнутые в рукописи строки или даются отсылки к другим описательным статьям. Указателей описание не имеет.

* * *

²⁰ Мемориальные музеи дореволюционной России обычно вскоре после своего возникновения предпринимали издания справочников с целью оповещения общественности о собранных в них документальных, книжных и прочих богатствах. Описание документов в большинстве случаев занимало первое место: один или несколько отделов (разделов) справочника.

²⁰ Там же, с. 916. «Ефр.¹» — сокращенное обозначение первого издания «Сочинения и переписка К. Ф. Рыльева». Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1872.

²¹ Маслов В. И. Архив К. Ф. Рыльева, с. 923.

Первым описанием такого рода явилась изданная в 1883 г. опись материалов Лермонтовского музея Николаевского кавалерийского училища, составленная основателем музея начальником училища генерал-майором А. А. Бильдерлингом²². Она имела 16 отделов: I — подлинные рукописи М. Ю. Лермонтова; II — копии с рукописей и корректуры; III — картины и рисунки работы Лермонтова; IV — официальные документы о прохождении службы Лермонтовым; V — отдельные издания сочинений Лермонтова; VI — журналы, сборники и альманахи, в которых помещены произведения Лермонтова; VII — переводы сочинений Лермонтова; VIII — сочинения, журналы и сборники, в которых помещены статьи и отзывы о Лермонтове, его произведениях, переводах, портретах и рукописях; IX — портреты Лермонтова; X — портреты родственников Лермонтова; XI — портреты современников Лермонтова; XII — рисунки к биографии Лермонтова; XIII — рисунки к сочинениям Лермонтова; XIV — музыкальные произведения на слова Лермонтова; XV — проекты памятников Лермонтову; XVI — вещи, принадлежавшие Лермонтову. Состав материалов, отраженных в этих отделах, был характерен для мемориальных музеев великих писателей. Формальное разделение произведений Лермонтова на группы «подлинных рукописей» и «копий» было вызвано стремлением учесть и сохранить все рукописное наследие поэта.

В первом отделе находилось описание 19 тетрадей Лермонтова, подаренных музею разными лицами, в том числе издателем сочинений поэта А. А. Краевским. Порядок расположения тетрадей следовал хронологии их заведения. В других отделах также выдерживалась по возможности хронологическая последовательность распределения материалов. Каждый отдел имел свою нумерацию описательных статей, что помогало установить количество имевшихся в распоряжении музея материалов по всем их категориям.

Поскольку основной задачей описи было ориентировать читателя в составе музейных материалов, использовались краткие приемы описания. Даже наиболее подробное описание тетрадей с автографами поэта дает в основном только сведения о внешних особенностях тетрадей, об имеющихся в них наиболее значительных произведениях, о датировке тетрадей и об их дарителях. Например:

«Четвертая тетрадь — спитая из 10^{1/2} полубелых листов, в лист, черновая. Начинается вторым очерком *Демона*; „писано в п а н с и о н е в н а ч а л е 1 8 3 0 г о д а“; далее следует 46 мелких стихотворений. Обложка оклеена синей бумагой; на внутренних страницах обложки написаны черновые стихотворения, а на задней, кроме того, нарисована пером *голова старика. Пожертвована А. А. Краевским*»²³.

Справочно-вспомогательного аппарата (за исключением оглавления) опись Лермонтовского музея не имела. Те несколько хвалебных строк о поэте и причине создания музея, которые предшествовали описанию, нельзя считать предисловием к справочнику: «Желание осязательно увековечить память о Лермонтове, — писал Бильдерлинг, — вызвало в нас мысль устроить в училище „Лермонтовский музей“, назначение которого собирать и сохранять для потомства все, что относится до памяти одного из величайших русских поэтов — питомца и гордости училища — М. Ю. Лермонтова». Не следует забывать, однако, что опись была составлена всего лишь почитателем гения поэта, а не исследователем и не архивистом.

Издание имело красивое внешнее оформление, было снабжено иллюстрациями, в описательных статьях применялись разные типографские шрифты.

²² Бильдерлинг А. А. Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища. СПб., 1883.

²³ Там же, с. 1.

В 1896 г. вышел в свет каталог Музея М. И. Глинки (при Петербургской консерватории), опубликованный сестрой композитора — Л. И. Шестаковой²⁴. Он содержал краткое описание всех экспонатов музея, в том числе витрины с автографами композитора (№ 48—52). Наиболее полно был охарактеризован альбом Глинки, где находилась музыкальная программа оперы «Руслан и Людмила»; о других автографах сообщались самые общие данные, например: «шесть писем к Ширкову, 40-х годов», «один отрывок письма к Гейденрейху», «листок из географии, писанной для сестры в 1829 г.». Справочник имел валовую нумерацию описательных статей. Думается, что по типу описания он скорее являлся описью музейного имущества, чем каталогом. В предисловии, составленном Шестаковой, говорилось о ее намерении всемерно содействовать устройству музея.

В 1899 г. было издано описание собрания Пушкинского музея при Александровском лицее (Царское Село)²⁵. Для него характерен тот же принцип построения, что и для описи Лермонтовского музея. Составители описания — воспитанники лицея С. М. Аснаш и А. Н. Яхонтов — распределили описательные статьи по десяти отделам. В первый отдел вошли автографы, копии писем и сочинений А. С. Пушкина, его рисунки, документы и письма к нему и о нем. Объединение этих материалов объяснялось их небольшим числом — всего 20 номеров: пять стихотворных автографов поэта, два письма, три записки, вексель и т. п. В остальных отделах содержались описания вещей Пушкина, бюстов и моделей памятников поэту, его портретов, печатных изданий произведений и др. В отличие от описи Лермонтовского музея справочник имел валовую нумерацию описательных статей, причем рядом с каждым порядковым номером стоял номер из музейного инвентаря. Описание Пушкинского музея скорее можно считать своеобразным каталогом музейного имущества.

Если в описании, составленном Якушкиным, встречаются в основном характеристики больших черновых тетрадей поэта, то этот каталог дает примеры тщательного описания автографов, находящихся на отдельных листках. Составители сообщают о внешних особенностях бумаги, ее размерах, числе листов и заполненных страниц, об опубликованности текста:

«1-2195. Пирующие студенты — автограф А. С. Пушкина. На синей линейной бумаге с водяными знаками МОФЕБ 1815 г., ширина 22 см, длина 34 см. Четыре листа, 8 страниц, из которых 6 иписаны и 2 чистые. Есть поправки (первая страница немного надорвана). На последней странице написанный рукою А. С. Пушкина перечень его сочинений. Факсимиле автографа приложено к брошюре «В память пятидесятилетия кончины А. С. Пушкина». СПб., 1887 г., издание императорского Александровского Лицея. О значении его см. ниже приложение 1».

После описательных статей в справочнике помещено несколько приложений-публикаций (в том числе факсимильное воспроизведение «Пирующих студентов»). Сочетание описания с публикациями позволяло дать в одном издании более полную характеристику автографов поэта.

Каталогу предпослано предисловие, в котором кратко освещается история музея, излагаются самые общие сведения о схеме построения каталога и приемах описания печатных изданий; о методике же описания автографов поэта не говорится. Скорее всего это объясняется тем, что основную часть каталога заняло описание книг и периодических изданий.

В справочнике впервые появляется указатель — алфавитный перечень имен, названий книг и предметов, который мы теперь назвали бы комбинированным. В нем встречаются такие понятия, как «автографы

²⁴ «Каталог предметов, нот, книг, автографов и портретов, находящихся в музее Глинки в здании С.-Петербургской консерватории». СПб., 1896.

²⁵ Аснаш С. М., Яхонтов А. Н. Описание Пушкинского музея имп. Александровского лицея. СПб., 1899.

А. С. Пушкина», «Балакирев — музыка на слова: Грузинская песня», «бюсты А. С. Пушкина», «виды Болдина (фотографии)», «Шляпкин И. А. К биографии А. С. Пушкина» и др. Указатель помогал ориентироваться в большом каталоге, хотя в нем имелся ряд недостатков (например, случаи неудачного выбора слов для обозначения рубрик). Завершался справочник оглавлением.

Внешний вид издания отличался импозантностью: прекрасная бумага, разнообразные типографские шрифты, обилие иллюстраций, где воспроизводились автографы и рисунки поэта, обложки альманахов и т. п.

В 1912 г. был опубликован справочник по материалам Толстовского музея в Петербурге²⁶, а в 1914 г. — по материалам Толстовского музея в Москве²⁷. Это были краткие описания, игравшие роль путеводителей. Сведения о музейном имуществе (вещах писателя, его документальных материалах, произведениях изобразительного искусства, книгах) давались в порядке их расположения по комнатам, шкафам и витринам.

В описании Толстовского музея в Петербурге характеристика автографов писателя, находившихся в двух витринах второй комнаты музея, строилась соответственно по разделам: автографы сочинений; письма к разным лицам. Отдельно экспонировались письма и рукописи разных лиц о Толстом.

Каждая из рукописей писателя, расположенных по хронологии, имела самостоятельное описание. Письмам Толстого давалась общая характеристика, вслед за которой шел их хронологический перечень. Некоторые письма аннотировались, из текста ряда писем приводились отрывки, выражавшие основную мысль писателя. Прочие материалы описывались обобщенно.

В Толстовском музее в Москве в витринах были представлены лишь наиболее характерные и удобные для осмотра рукописи и документы писателя; в шестой комнате музея, недоступной для публики, в специальных шкафах, в особых картонах и папках тщательно сохранялись его рукописи и письма, выдававшиеся только исследователям. Описание музея дает краткий обзор этих материалов в виде перечисления наиболее интересных автографов, корректур, групп писем (названы некоторые адресаты и указано общее число писем Толстого к каждому из них).

Оба описания Толстовских музеев начинались с краткого исторического очерка их образования и развития.

В описании Толстовского музея в Петербурге названные в справочнике экспонаты были занумерованы в порядке валовой нумерации, проставленной на полях страниц с левой стороны (описание имело повествовательную форму). Это придавало справочнику переходную форму — от музейной описи к путеводителю. Описание Толстовского музея в Москве не имело подобной нумерации экспонатов и представляло собой справочник с более четко выраженными чертами путеводителя.

* * *

Созданный в самом начале XX в. Пушкинский дом опубликовал в дореволюционный период два выпуска «Временника», имевшего целью ознакомить исследователей и любителей русской литературы с новым хранилищем рукописей и книг. В первом выпуске была помещена опись архива Н. А. Добролюбова, подготовленная поэтом и критиком Вл. Княжениным (В. Н. Ивойловым)²⁸.

²⁶ Толстовский музей в С.-Петербурге. Описание музея. Составили В. И. Срезневский и В. Н. Тукалевский. СПб., 1912.

²⁷ Краткое описание Толстовского музея в Москве. Составлено Н. А. Лютецкой. М., 1914.

²⁸ *Княженин Вл.* Архив Н. А. Добролюбова. Описание бумаг Добролюбова, принадлежащих Пушкинскому Дому. — «Временник Пушкинского Дома. 1913 г.». СПб., 1914.

Документальные материалы Добролюбова в свое время собрал и сохранил Н. Г. Чернышевский, намереваясь писать биографию своего ученика и друга; он использовал этот архив при подготовке первого тома «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова»²⁹. Впоследствии сын Н. Г. Чернышевского — М. Н. Чернышевский — передал архив Добролюбова Литературному фонду, откуда одна часть архива поступила в Петербургскую Публичную библиотеку, а другая — в Пушкинский дом (в 1913 г.). Опись, составленная Княжниным, имеет следующий вид:

«Дневники. Стихотворения. Проза.

Рукописи разных лиц. Воспоминания. Бумаги Н. Г. Чернышевского. Документы. Копии.

Письма Добролюбова. Письма к Добролюбову.

Письма к Н. Г. Чернышевскому. Письма к Н. А. Некрасову. Письма разные».

Как видим, схема систематизации создана в основном по номинальному признаку. К сожалению, сведения о деятельности Добролюбова в редакции журнала «Современник» рассредоточились между такими группами материалов, как «Проза», «Рукописи разных лиц», «Письма разные» и др. Тем самым оказалась невыявленной революционно-демократическая направленность деятельности Добролюбова. Материалы Чернышевского также были разрознены между двумя разделами — «Бумаги Н. Г. Чернышевского» и «Письма к Н. Г. Чернышевскому», — расположенными в разных частях описи. Методы описания, примененные Княжниным, не отличаясь излишней подробностью характеристики материалов, давали о них достаточно полное представление. Прием воспроизведения текста неопубликованных материалов составитель описи пользовался редко: полностью воспроизводились лишь некоторые (с его точки зрения, «наиболее важные») приписки к документам Добролюбова и Чернышевского, а также неизданные письма к Добролюбову от Д. И. Менделеева, Д. К. Гирса, М. И. Михайлова и А. Н. Пышина. Опубликованные письма обычно не аннотировались (кроме двух случаев).

Княжнин добросовестно отмечал внешние особенности документов, что должно было способствовать делу их охраны, а также старался указать, где напечатано то или иное произведение или письмо. Приведем примеры описания стихотворений и писем:

«14. Стихотворения Д-ва: 1. «Весна». Нач.: «Вот весна пришла». Подп.: «Н. Д-в. Июль 1849 г.» (см. также черновую тетрадь 1, стр. 10—13, это же стихотворение, под заглавием: «Описание весны»). 2. «Молитва». Нач.: «Небесный отец! Да святится». Подп.: «Владимир Ленский. 13 апреля 1850 г.». На 4-х стр. в 8-ую д. л. писчей бумаги (стр. рукописи 5—8)»³⁰.

«161. К Андрею [Михайловичу] К р ы л о в у — старшему товарищу по семинарии (2): от 13—25 марта и от 25 июня 1853 г. [Н.-Новг.]. Содержание писем: разбор собственных стихотворений. Напечатаны в т. X Соч. Д.»³¹

Как и предыдущие, этот справочник не отличался единообразием в расположении элементов описательных статей. Эти элементы еще не были четко отделены друг от друга, иногда в описании встречались сведения, которые было бы уместнее изложить в примечаниях. Вот пример из раздела «Письма к Добролюбову»:

«265. Добровольского, Владимира Михайловича — поручика лейб-гвардии драгунск. полка; убит 29 авг. 1877 г. (3); на первом даты нет, но рукою Ч. помечено на первой стр.: «декабрь 1859 г.»; второе — от 20 янв. 1860 г., с заметкою Ч. на первой стр.: «В. Добровольский был офи-

²⁹ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах, т. I. М., Изд. К. Т. Солдатовского, 1890.

³⁰ «Временник Пушкинского Дома. 1913 г.». СПб., 1914, с. 15.

³¹ Там же, с. 49.

цер Генерального штаба, товарищ Сераковского по Военной Академии. Н. Ч.»; третье датировано 6-м марта 1860 г. из Житомира»³².

Опись архива Добролюбова снабжена солидным справочно-вспомогательным аппаратом: предисловием, примечаниями, именной указателем, списком сокращений, оглавлением. Такое «оснащение» печатного описания материалов литературного деятеля мы впервые встречаем именно в этом справочнике.

В предисловии приводится краткая характеристика архива, излагается его история, указываются схема построения описи и приемы описания материалов. Составитель назвал конкретных лиц, с которыми общался Добролюбов, подчеркнул роль Чернышевского в собирании его материалов. В то же время Княжнин по вполне понятным соображениям не выделил и не охарактеризовал материалы, относившиеся к революционной деятельности критика.

После предисловия помещен список сокращений. Подстрочных примечаний в справочнике мало, так как пояснительные сведения в основном включены в текст описательных статей. В конце издания имеется глухой именной указатель. Оглавление с перечислением разделов собственно описи расположено в самом начале справочника, что в определенной степени облегчает ориентацию в его содержании.

Опись имеет важное и интересное приложение — «Бумаги Н. А. Добролюбова, находящиеся в других книгохранилищах и у частных лиц». Это перечень материалов критика, хранившихся в Публичной библиотеке в Петербурге, в Отделении рукописей Библиотеки Академии наук, в Сенатском архиве и в других местах. Из частных лиц назван С. А. Венгеров, у которого хранился дневник Добролюбова за 1857 г. Перечень является опытом составления подобных приложений к описаниям личных литературных архивов, материалы которых довольно часто рассылались.

В 1915 г. во втором выпуске «Временника» было опубликовано описание материалов по истории русской литературы, имевшихся в Пушкинском доме: первоначальных приобретений, а также документов из архивов П. А. Плетнева и П. А. Ефремова. Первый отдел описания составили материалы Пушкина и о нем, во второй вошли все документы, относившиеся к другим русским писателям (за исключением документов архива Добролюбова).

Характер этого справочника, подготовленного историком литературы Б. Л. Модзалевским и литературоведом Е. П. Казанович, позволяет отнести его к группе каталогов³³.

Описание материалов Пушкина и о нем заняло 79 номеров. Основные группы составили произведения поэта, его письма, письма к нему, дела цензурных органов по поводу печатания произведений Пушкина и издания журнала «Современник», воспоминания и статьи о Пушкине. Внутри этих групп материалы располагались в хронологической последовательности.

Во втором отделе описательные статьи были расположены по алфавиту фамилий авторов произведений и писем или лиц, к которым эти документы имеют отношение. Этот отдел продолжал нумерацию первого отдела (№ 80—319). В конце каждой описательной статьи указывался шифр, под которым хранились документы.

В раскрытии состава и содержания материалов описание в основном развивало приемы описи архива Добролюбова. В нем имеется только один случай полного воспроизведения текста рукописи: это текст стихотворения И. И. Козлова, имеющий разночтения по сравнению с напеча-

³² Там же, с. 61.

³³ *Модзалевский Б. Л., Казанович Е. П.* Описание рукописей, принадлежащих Пушкинскому Дому. — «Временник Пушкинского Дома. 1914 г.». Пг., 1915.

танним. В каталоге уже довольно четко определились элементы описательной статьи, за каждым элементом было закреплено свое место: порядковый номер, заголовок, количество листов, формат, автограф или копия, источник поступления рукописи в Пушкинский дом, шифр. Материалы Пушкина описывались более подробно, чем материалы других представителей русской литературы, особое внимание уделялось внешнему виду рукописи и воспроизведению помет. Обязательно делалось указание на публикацию текста или на издание, где упоминается данный документ. Например:

«7. Записка Пушкина Н. И. Гнедичу, от конца апреля—начала мая 1820 г., С.-Пб. (нач.: «Чедаев хотел меня видеть. . .»); на л. 1—8° — Автогр. — (Ефр.) — [1 м. 4].

См. Переписка Пушкина, акад. издание, т. I, стр. 17»³⁴.

Каталог имеет краткое предисловие, в котором составители останавливаются только на его структуре и составе описательной статьи, характеристика состава и содержания описываемых материалов отсутствует. Примечания, набранные петитом, располагаются непосредственно за описательной статьей, а не в низу страницы; это создает некоторое удобство при пользовании каталогом. Именной указатель (глухой) и оглавление являются общими как для описания, так и для статей и публикаций, помещенных во «Временнике», что, конечно, несколько затрудняет использование стравочника (в частности, потому, что ссылки в указателе даются на страницы, а не на номера описательных статей).

* * *

Подведем некоторые итоги. Издание в конце XIX—начале XX в. библиотеками и музеями России печатных справочников по материалам представителей русской культуры, вызванное развитием научных знаний, повышенным интересом общественности к отечественной истории, в частности к истории культуры, свидетельствовало о зарождении и складывании в общих чертах таких типов описаний личных архивов (или справочников об их составе и содержании), как очерки (обзоры), описи, каталоги, путеводители. Правда, еще отсутствовало достаточно четкое представление о различиях этих типов справочников, изданные справочники назывались в большинстве случаев одним широким понятием — «описание». Они были далеки от совершенства не только из-за влияния дворянско-буржуазных установок их создателей, но и потому, что составление и издание описаний велось от случая к случаю, без определенной системы; приемы построения справочников и методы описания документов отличались большой пестротой.

Тем не менее значение рассмотренных печатных справочников велико. Они ввели в научный оборот ценнейшие источники по истории отечественной культуры, чем немало способствовали обеспечению их сохранности, развитию науки, в частности литературоведения. Справочники дореволюционного периода представляют значительный интерес и с точки зрения технических приемов раскрытия состава и содержания документальных материалов личного происхождения и подготовки справочников к изданию.

К концу XIX в. уже определилась общая структура справочника (независимо от его типа): предисловие, собственно описание, указатели и другие виды вспомогательного аппарата. Наметилась схема построения собственно описания (отделы, разделы и другие деления). Для описаний материалов деятелей литературы выявились такие деления схемы, как рукописи, переписка, биографические материалы и др.

³⁴ Сокращение в скобках («Ефр.») означало, что записка поступила в составе архива Ефремова; подобные сведения давали возможность проследить историю материалов.

Значителен вклад составителей справочников в разработку приемов раскрытия состава и содержания документальных материалов. Определены методы описания творческих рукописей (в частности, черновых тетрадей) и переписки (например, аннотирование писем). Проявился дифференцированный подход к систематизации материалов и раскрытию их содержания в зависимости от значения жизни и деятельности того или иного лица и разной ценности его документов. Характеристика отдельных, наиболее важных в научном отношении материалов нередко чередовалась с кратким описанием менее ценных. В ряде справочников содержались указания на имеющиеся публикации рукописей и писем, что существенно помогало исследователям.

Последние по времени создания дореволюционные архивные справочники демонстрируют приемы единства редакции, имеющего целью достижение единообразия в построении справочника и описании материалов (например, одинаковый состав описательных статей и одинаковый порядок расположения их элементов). Интересны приемы составления различных видов вспомогательного аппарата издания (предисловия, списка сокращений, примечаний, указателей, оглавления) и их размещения в справочниках. Наконец, по этим изданиям любопытно проследить, как достигалась внешняя выразительность справочника, например, путем применения разных типографских шрифтов.

Надо также отметить, что рассмотренные справочники показывают постепенное отделение археографических задач, связанных с публикацией еще неизвестных текстов, от чисто архивных задач описания документальных источников с целью информации о месте хранения, составе и содержании материалов.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ П. Г. ЛЮБОМИРОВА¹

1911

Легенда о старце Давиде Хвостове. — «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), № 12, отдел 2, с. 322—355; отд. отт., 34 с.

1912

Новый историк старообрядчества [И. К. Быковский]. — «Старообрядческая мысль», № 1, с. 35—42.

Одна из грамот князя Пожарского (Этюд из начальной истории Нижегородского ополчения). — ЖМНП, № 12, отдел 2, с. 225—256; отд. отт., 32 с.

Рец.: Новые материалы по истории старообрядчества. («Памятники первых лет русского старообрядчества». Изд. Я. Л. Барсковым. — «Летопись занятий имп. Археографической комиссии», вып. 24, СПб., 1912). — «Старообрядческая мысль», № 9, с. 835—840.

1913

Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губерниях. — «Записки отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества», т. 9, СПб., с. 222—240 (совместно с С. Н. Черновым), отд. отт. [СПб.], 1913, 18 с.

Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. — ЖМНП, отдел 2, № 2, с. 301—340; № 3, с. 137—160; № 10, с. 274—322.

1914

Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. — ЖМНП, отдел 2, № 3, с. 1—62; № 9, с. 1—94.

1916

Исторические работы А. В. Тищенко. — В кн.: А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем. Пг., с. XLIX—LIV.

1917

Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Пг., с. IX—X+303.

1919

Организация историко-этнологического отдела Института исследования Сибири. — В кн.: Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, с. 1—2.

1922

Великий голод при царе Борисе. — «Черная година» (Саратов), № 2.

Изображение Пожарского в новом списке «Хронографа 1617 г.»² — Приложение к журн. «Культура», Саратов, № 2—3, с. 17—21.

Новая редакция «Сказания» Авраамия Палицына. (К литературной истории «Сказания»). — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., с. 226—248.

О важности изучения мордвы. — В кн.: Саратовский этнографический сборник, вып. 1. Саратов, с. 239—249; отд. отт., 12 с.

Сокращение штатов после Петра Великого. — журн. «Культура», Саратов, № 1, с. 10—11.

1923

Торговые связи древней Руси с Востоком VIII—XI вв. (Преимущественно по данным о кладах восточных монет). — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. 1, вып. 3, с. 1—38; отд. отт., 38 с.

1924

Выговское общежитие. Исторический очерк. М.—Саратов, 139 с.

К истории народного образования в Саратовской губернии до освобождения крестьян. — «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения», Саратов, вып. 34, ч. 2, с. 32—53.

¹ Составила Е. П. Подъяпольская. При подготовке данного списка использовались материалы личного фонда Любомирова (ГИМ, ОПИ, ф. 470).

² Перепечатано в кн.: Любомиров П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения. М., 1939, с. 307—313.

Нижнее Поволжье полтора года лет назад. — «Нижнее Поволжье», Саратов, № 1, с. 21—31.

Рец. на кн.: *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI—XVIII вв. (Саратов, 1923, 375 с.). — «Нижнее Поволжье», Саратов, № 6, с. 90—91.

1925

К истории Павловского промышленного района.³ — «Труд в России», № 1, с. 218—220.

Отчет о четырехмесячной командировке в Ленинград для научных занятий. — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», вып. 3, с. 102—105; отд. отт., 4 с.

Первые 10 лет существования Иркутской казенной суконной фабрики (1793—1802 гг.).⁴ — «Труд в России», № 1, с. 54—70.

Die wirtschaftliche Lage der deutschen Kolonien des Saratower und Wolsker Bezirkes im Jahre 1791. — «Unsere Wirtschaft», Pokrowsk, № 10—14, 16—25. Отд. изд. Pokrowsk, 95 с.⁵

1926

Заселение Астраханского края в XVIII в. «Наш край», Астрахань, № 4, с. 54—77; отд. изд.: О заселении Астраханской губернии в XVIII в. Астрахань, 24 с.

Новые материалы для истории смутного времени.⁶ — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. 5, вып. 2, педфак, Саратов, с. 99—106; отд. отт., 7 с.

Ткацкая промышленность Астрахани в XVIII и первой половине XIX в.⁷, с. 50—69; отд. отт., 20 с.

1927

Благонамеренное «Путешествие из Петербурга в Москву» (Глушков и Радищев). — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», Саратов, т. 6, вып. 3, педфак, с. 317—330; отд. отт., 14 с.

Проект таможенного тарифа для Астрахани 1757 года (Этюд из истории восточной торговли). — «Наш край», Астрахань, № 2, с. 61—77; отд. отт., 16 с.

³ Перепечатано в кн.: *Любомиров П. Г.* Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. М.—Л., 1947, с. 506—508.

⁴ Перепечатано там же, с. 660—682. Сохранилась авторская рукопись, озаглавленная «Суконная фабрика в Иркутске».

⁵ На обложке дата: «1926»; Покровск — ныне Энгельс. Книга является переводом на немецкий язык рукописи «Экономическое состояние пемецких колоний Саратовского и Вольского уездов в 1791 г.», которая хранится в фонде Любомирова.

⁶ Перепечатано в кн.: *Любомиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения, с. 299—306.

⁷ Перепечатано там же, с. 633—659.

1928

О культуре полбы в России до середины XVIII века. — «Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. 18, вып. 1. 1927—1928 гг., с. 67—96; отд. отт., 30 с.

Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века. Саратов, 80 с. схема (Нижне-Волжское областное научное общество краеведения, вып. 35, ч. 3).

1929

Шелкоткацкая промышленность в России в середине XVIII века.⁸ — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. 7, вып. 3, педфак, с. 117—148; отд. отт., 32 с.

1930

Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в. I. Организационная структура промышленных предприятий.⁹ [Л.], 199 с.

1931

Раскол. — «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 35, стлб. 621—650.

1934

Автобиографическая повесть А. Н. Радищева. — В кн.: Звенья, сб. 3—4. М.—Л., изд. Academia, с. 5—20; отд. отт., 16 с.

Архив Государственного Исторического музея.¹⁰ — В кн.: Государственный Исторический музей в первом полугодии 1934 г. М., с. 19—22.

Сост.: Деятели революционного движения в России. — Библиографический словарь, т. 3. Восемьдесятые годы. (Давиденко-Дядюша). М., стлб. 1057—1294.

Крепостная Россия XVII и XVIII вв.¹¹. — «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 36, ч. 3, стлб. 471—770.

1935

Подгот. к печ. (совместно с М. В. Жижка) и ред.: Князь М. М. Щербатов. Незданные сочинения. (Труды ГИМ, вып. 7). М., с. XXXI, 215; Князь Щербатов и его сочинения. [Вводная статья]. — там же, с. VI—XXXI.¹²

1936

Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в Рос-

⁸ Перепечатано в кн.: *Любомиров П. Г.* Очерки по истории русской промышленности, с. 556—599.

⁹ Перепечатано там же (в более полном виде), с. 5—267.

¹⁰ Авторство установлено на основании автографа, сохранившегося в фонде ученого.

¹¹ Напечатано по рукописи в кн.: *Любомиров П. Г.* Статьи по истории России XVII и XVIII вв. М., 1941.

¹² Напечатано там же.

сии¹³. — «Исторический сборник», № 5, М.—Л., с. 39—76.
Описание моего владения. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., с. 193—209
Род Радищева. — Там же, с. 291—351.

1937

Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.). Географическое размещение металлопромышленности¹⁴. [Л.], с. V—VI, 307+6 вкл. (листов) с картами.

1939

Очерк истории Нижегородского ополчения, 1611—1613. Изд. 2-е. М., 342 с.
Источники и историография по истории Нижегородского ополчения 1611—1612 гг. — Там же, с. 314—340.

1941

Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX вв.¹⁵ — «Исторические записки», № 10, с. 222—249.

Статьи по истории России XVII—XVIII вв.¹⁶ М., 526 с.

1945

Роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности в России в XVII и XVIII веках¹⁷. — «Исторические записки», № 16, с. 65—99.

1947

Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. [М.—Л.], 763 с.

Статьи в энциклопедических словарях

Новый энциклопедический словарь, изд. Брокгауза и Ефрона¹⁸ (Т. 3—28, 1911—1916 гг.): Археологические ин-

¹³ Перепечатано в кн.: Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности, с. 600—632.

¹⁴ Перепечатано там же, с. 268—505.

¹⁵ Перепечатано там же, с. 683—721.

¹⁶ О содержании книги см. в статье: Подъяпольская Е. П. О судьбе одной книги П. Г. Любомирова. — «Археологический ежегодник за 1975 год», М., 1976, с. 309—311.

¹⁷ Перепечатано в кн.: Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности, с. 509—555.

¹⁸ Авторство установлено согласно подписям под статьями (П. Любомиров, П. Л.) и указаниям в оглавлении; на авторство статьи «Архивные ученые комиссии губернские» указала Е. Ф. Любомирова.

ституты в России; Архивные ученые комиссии губернские; Архивы в России; Борис Федорович Годунов; Бельский Богдан Яковлевич; Василий IV Иоаннович (Шуйский); Власьев Афанасий Иванович; Голицын Андрей Васильевич; Голицын Василий Васильевич; Грязной Тимофей Васильевич; Железнов Иоасаф Игнатьевич; Заруцкий Иван Мартынович; Лжедмитрий II; Ляпуновы Прокопий и Захар Петровичи; Марфа Ивановна; Минин Кузьма Захарьевич; Мосальский-Рубец Василий Михайлович; Никита [Пустосвят, Н. К. Добрынин]; Новохлыстовство; Новый Израиль.

Энциклопедический словарь Русского библитографического института Гранат¹⁹ (т. 1—50, 1911—1934): Авраамий; Борис Федорович Годунов; Василий IV Иоаннович Шуйский; Ляпунов Захарий; Ляпунов Прокопий; Скопцы; Соловецкий монастырь; Татаринова Е. Ф.; Хлысты; Старообрядчество; Шалапуты; Рогожское кладбище; Рогожское согласие; Шилов А. И.; Штундизм.

«Русская энциклопедия». Под ред. С. А. Адрианова, Э. Д. Гримма, А. В. Клосовского и Г. В. Хлопина²⁰ (т. I—XI, 1911—1915): Аввакум Петрович; Авраамий (Афанасий); Авраамий Палицын; Аврамьевщина; Адвентизм; Акулина Ивановна; Акулиновщина; Алатырская вера; Александр (еп. вятский), Александр Б. (Бровкович), Александр Дьякон; Алексеев Иван; Алексей (Аф. Зверев); Алимпий (еп. тульчинский); Амвросий (еп. белокриницкий); Анабаптисты; Анастасия (Агафья Карпова); Андреевщина; Андреев Иерофей (Ерофей); Андреев Матвей; Андреяновщина, Андронов Ф. И.; Анкидинов Иван; Анна Родионова; Антоний (Афанасий Климов); Антоний (Радивиловский); Антоний (А. И. Шутов); Антонов Егор; Анфим (еп.); Арина Нестерова; Аркадий (Григ. Федоров, архиеп. оловецкий); Аркадий (Лысый, Андрей Спиридонович); Аркадий (еп. васлуйский); Аркадий (А. Р. Шапошников); Аркадий (А. С. Пиккульский, еп. беловодский); Арсений (архиеп. Еласонский); Арсений (Онисим Шведов); Арсеньевщина; Артамонов; «Археологический сборник...»; Архив; Архивные ученые комиссии, губернские; Архивы России; Асафовщина; Афанасий (митр. белокриницкий); Афиноген; Бабушкин; Балабан (Витенко Герасим); Баптизм; Басманов П. Ф.; Башкин (Бакшин) М. С.; Беглопоповщина; Беловодье, Белокриницкая старообрядческая иерархия; Бе-

¹⁹ Авторство П. Г. Любомирова установлено по подписям и денежным квитанциям, сохранившимся в его фонде. Подписанные автором статьи «Раскол» и «Крепостная Россия XVII и XVIII вв.» отмечены выше.

²⁰ Авторство П. Г. Любомирова установлено согласно подписям, а также по денежным квитанциям, сохранившимся в его фонде.

лоризцы; Бельский Б. Я.; Беспоповщина; Битяговские; Богомолов Ф. И.; Болотников Иван; Болтин Б. Ф.; Бонекемпфер Карл; Бонч-Бруевич В. Д.; Борис Федорович Годунов; «Братское слово»; Василий IV Иванович (Шуцкий); Васильев (Феодосий); Вергуленок; Веригин П. В.; Верховский И. Т.; Верховский Т. А.; Викулин (Викулин) Даниил; Вишняков А. Г.; Власьев А. И.; Воздыханцы; Волосатовщина; Волохова Василиса; Волынский-Боброк Д. М.; Вонифатьев Стефан; Выговское старообрядческое общежитие; Вышати М. И.; Ветка; Геннадий (Беляев Г. В.); Гермоген, патриарх; Геронтий (Колпаков Г. И.); Глоссолалия; Годуновы; Голицын А. В.; Голицын В. В.; Голицын И. В.; Голубчики (голубцы); Гончаров (Ганчар) О. С.; Грамотин И. Т. (Курбатьевич, Курбатов); Грибоедов Ф. А. Гуслицы; Дамаскин (писатель нач. XVII в.); Данила Филиппович; Даниловщина; Двояданы; Денисовы (Вторушины А. и С.); Десное братство; Дмитрий Иванович (Лжедмитрий, Дмитрий-Самозванец); Добротворский И. М.; Досифей (старообрядец); Досифей (Немчинов); «Древняя и новая Россия»; «Древняя Российская Вивлиофика»; «Друг истины»; Духоборы; Духовные христиане; Духоносцы; Дьяконовщина; Евдокия Лукьяновна; Евфимий (инок); Евфимий (основатель толка странников); Евфросин (инок); Евфросин (Псковский); Единоверие; Еленский А. М. (Елянский); Емельян Иванович; Емельянов В.; Еноховцы; Епифаний (соловецкий инок); Епифаний (Ревуцкий Е. Я.); Есипов Г. В.; Ефимьев; Жидовствующие; Журавлев А. И. (Андрей Иоаннов); Заруцкий И. М.; Захарын (Юрьев) М. Ю.; Захарын (Юрьев) Р. Ю.; Зерпалов А. Н.; «Златоструй»; Ивановский Н. И.; Иванов Алмаз; Иван Дмитриевич; Игнатий (второй патриарх русский); Игнатий (дьякон соловецкий); Игнатий (Римский-Корсаков); Игнатий Смола; Измаилов А. В.; Израиль (название); Ильин Н. С.; Илья (Илейка); Иннокентий (Иван Усов); Иннокентий (перомонах балтский); «Иное сказание»; Иргизские старообрядческие монастыри; Ирина Михайловна; Ирина Федоровна (Годунова); Иринарх (Илья); Исидор (поп); Исидор (митр. новгородский); «Истина»; «Историческая библиотека»; «Исторический вестник»; «Исторический, статистический и географический журнал»; Иеговисты; Иерархиты; «Иисусова молитва»; Иоаннитство; Иоанн (Карпушин); Иоасаф (келейник); Иов (Иоанн); Иов (Тимофеев); Иона (Курносый); Иосиф (Решило И. Г.); Кабанов И. Е. («Ксенос»); Кадушеники; Калиновцы; Калмыковы; Капитон (аскет XVII в.); Капитоновщина; Капустин Савелий; Катасонов П. П.; Кательников Е. Н.; Качалов Н. Д.; Кержак; Керженские скиты; Кирилл (Тимофеев К.); Клеппин А. (Лупп) П.; Клобук; Кобыла А. И.; Ковылин И. А.; Козминщина; Колесников С.; Конон

(Смирнов К. Т.); Копылов А. И.; Корабль (название общины); Корела А.; Корнилий; Кошка Ф. А.; Кошкин И. Ф.; Кошкин Ю. З.; Кошкин Я. З.; «Кронштадтский маяк»; Ксения Борисовна Годунова; Кульман Квирин; Лазаревщина; Лазарь (старообрядец); Липованы; Лисовский А. И.; Лисовчики; Лубков В. С.; Луговской Т. Ю.; Лужковское согласие; Лысеновщина; Любопытный П. О. (Святозаров П. Л.); «Люди Божии»; Ляпунов П. П.; Макарий (Маркин) ²¹; Малеванщина; Малёванный; Марина Юрьевна; Мельхиседеки; Мельников; Минин Кузьма; «Миссионер»; «Миссионерский сборник»; «Миссионерское обозрение»; Михаил Калмык; Многогласие; Молокане; Молчанов; Меньжинское согласие; Морельщики; Мормоны; Морозова; Назарей; Неофит; Окружник; Онуфриевщина; Онуфрий; Отрешьев; Отрицалица; Пафнутий; Павел Белокур; Павел Пулиский; Панталынов; Пастуховское согласие; Пафнутий; Пашковщина; Перстосложение; Питирим, епископ.

Неопубликованные рукописи

П. Г. Любомирова (ГИМ, ОПИ, ф. 470)

Первые работы В. О. Ключевского; О Ключевском; Памяти А. С. Лаппо-Данилевского; Исторические работы А. С. Лаппо-Данилевского; Полотняная фабрика в Тобольске; Развитие восточной торговли во второй половине XVI в. и основание нижеволжских городов; Саратовское наместничество в 1782 г.; О Софье Алексеевне; Отношение русского общества к французской революции (Доклад в Саратовском обл. об-ве краеведения); Крестьянский вопрос у Н. Г. Чернышевского; О Ленине (Речь в Саратовском гос. ун-те); К истории Морозовской стачки. Скоро юбилей; Организационные типы промышленных предприятий (Положения к докладу); Описание фабрик полотняных, шелковых, суконных, стеклянных и др.; История политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции: 1) Записка о разделе «XVII и XVIII в.», 2) проспект статьи «Революционная борьба в нач. XVII в.»; Историография «смутного времени» (Стенограмма лекции 3 дек. 1934 г.); Курсы лекций по русской истории; Курсы лекций по старообрядчеству; К вопросу о монетном дворе в Ярославле в XVI—XVIII вв.; Этюды о Радищеве (предисловие к книге, мелкие заметки: 1. К вопросу о том, что читал Радищев по-русски. 2. Радищев в курсе литературы 1830 г.); Рецензия на книгу Жижки о Радищеве; Общественные отношения и умственные течения в России в XVIII в.; Труды Вольного экономического общества. 1765—1798.

²¹ Далее перечислены статьи, написанные П. Г. Любомировым для XII тома (в свет не вышел).

Т. П. Воронова

НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛАТИНСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ

В 1974 г. исполнилось 100 лет со дня рождения создателя советской школы латинской палеографии члена-корреспондента АН СССР О. А. Добиаш-Рожественской. Появление в этом же году коллективного труда советских палеографов «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР», в котором один из разделов посвящен латинской палеографии, подвел определенный итог развитию палеографии в нашей стране.

В течение 1974—1975 гг. вышли в свет сразу три монографии третьего поколения учеников и последователей О. А. Добиаш-Рожественской — В. Л. Романовой, Л. И. Киселевой и В. Н. Малова. Очень разные во многом, работы тем не менее объединены общей методикой в разработке истории латинского письма и основаны на изучении хранящихся в Советском Союзе средневековых рукописей латинского алфавита.

Монография В. Л. Романовой «Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. По материалам собрания рукописных книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» (М., 1975, 239 с.) содержит палеографическое и кодикологическое исследование французских рукописных книг XIII—XIV вв. Выбор темы обусловлен не только ее теоретическим интересом для истории письма указанного периода, но и большим практическим значением для советских ученых-медиевистов. Во многих библиотеках СССР хранятся западноевропейские средневековые рукописи, написанные готическим письмом. Содержащийся в них материал в значительной мере еще не использован в науке. Среди прочих собраний западноевропейские рукописные фонды ГПБ, бесспорно, занимают первое место. Начало палеографическому изучению этого фонда положила создатель советской школы латинской палеографии О. А. Добиаш-Рожественская. Ее работы касались проблем латинской палеографии раннего средневековья V—X вв. Исследованием латинского письма XI—XII вв. занималась Т. В. Луизова; предметом научных разысканий данной работы является книжное письмо XIII—XIV вв. Таким образом, рецензируемая монография хронологически продолжает серию советских палеографических исследований по истории средневековой рукописной книги.

Книга состоит из 4 глав, введения, заключения и приложений, содержащих описание французских кодексов. Глава I, посвященная историографии и методике исследования готического письма XIII—XIV вв., — краткий очерк его изучения, начиная с XV в. и кончая нашими днями. В таком объеме и полноте он дается впервые в советской палеографической литературе, что является безусловной заслугой автора.

Следует остановиться на вопросе о соотношении палеографии и кодикологии. Романова пишет, что «попытки подменить кодикологией палеографию или отодвинуть последнюю на второй план задерживают разработку важнейших проблем истории книжного письма, в том числе и готи-

ческого письма XIII—XV вв.» При этом даются ссылки на нидерландского палеографа М. Лифтинка, который считает, что палеография эволюционировала к кодикологии и была ею поглощена, и приводятся слова бельгийского палеографа, одного из создателей кодикологии, Ф. Мазэ, что «палеография изучает историю письма, кодикология пользуется ею, чтобы практически изучать рукописи» (с. 32). Однако вряд ли можно упрекнуть таких маститых ученых в «попытках отодвинуть» палеографию «на второй план» и тем более задержать «разработку важнейших проблем истории книжного письма!» Отсутствие достаточного числа датированных книг XIII—XV вв. во всех существующих собраниях делает неизбежным их всестороннее кодикологическое исследование с целью выявления признаков, позволяющих определить время и место написания кодексов. Таким образом, кодикологическое исследование предшествует палеографическому, а не заменяет его. Думается, что Лифтинк и особенно Мазэ имеют в виду именно этот аспект. Иными словами, на современном этапе развития палеограф должен быть кодикологом и наоборот, ибо у них один объект изучения — рукописный кодекс. Исследование Романовой — прекрасный тому пример.

Ссылаясь на составителей первых томов серии каталогов датированных рукописей, выработавших научные критерии для выявления и отбора датированных рукописей, Романова отмечает, что «из этих признаков строго исключаются палеографические приметы, что позволяет избежать неизбежного в этих случаях субъективного подхода» (с. 41). Предложенные составителями критерии для отбора рукописей были использованы В. Л. Романовой при выявлении аналогичных рукописей XIII—XIV вв. в собрании ГПБ.

Итак, важны не только, вернее, не столько палеографические данные, сколько кодикологические, а именно: подписи владельцев, посвящения переписчиков и переводчиков на датированных экземплярах, маргинальные пометы и т. п. Спор палеографов и кодикологов о том, чья наука «главнее», о подчиненности той или иной дисциплины, представляется бесплодным.

При написании главы II, посвященной производству рукописных книг во Франции XIII—XIV вв., помимо обширной литературы вопроса, удачно использованы данные из новых печатных каталогов датированных рукописей. В главе собран ценный материал, необходимый для всех, кто будет обращаться к рукописной французской книге. Это своего рода введение в изучение рукописного дела, прекрасным дополнением к которому может служить приведенный в конце книги список литературы (более 150 названий) и перечень каталогов, собраний факсимиле и изданий документов.

Использование материала этой главы несколько затруднено из-за отсутствия деления на параграфы, применяемого в остальных больших главах. В то же время по содержанию глава довольно четко распадается на три части, а именно: монастырские мастерские, университетские мастерские и городские, не входящие в университетские корпорации. В этой же главе собран очень полезный для кодикологов и палеографов материал об особенностях книжного оформления. Глава читается легко, написана интересно и живо. Ее содержание еще раз демонстрирует тесную, неразрывную связь кодикологии и палеографии, ибо без комплексного изучения рукописи, без перепроверки и подкрепления палеографических признаков кодикологическими невозможна подлинно научная датировка и локализация источника.

В главе III дана характеристика собрания рукописных книг XIII—XIV вв. в ГПБ, включающая данные о составе собрания и происхождении отдельных рукописей и их кодикологических особенностях. Имеются два небольших уточнения к первому параграфу этой главы. Упомянув о каталоге Лабурда на иллюминированные рукописи ГПБ (с. 83), нельзя не

указать, что Лаборд знакомился с ними в 1913 г. вместе с крупнейшим французским искусствоведам П. Дюррье и использовал в значительной степени его записи (о чем, кстати, сам Лаборд пишет в предисловии к каталогу). И второе: поступление в 1889 г. рукописей от Строганова отмечено в отчете библиотеки за этот год. Там же дано описание этих рукописей¹. Уместнее сослаться на это издание, чем на статью о библиотеке графов Строгановых в Томском университете, опубликованную в «Русском библиофиле». В результате тщательного обследования собрания средневековых книг ГПБ Романова выделила 99(98?) кодексов французского происхождения, написанных в XIII—XIV вв., что само по себе было далеко не легкой задачей. Их список (с. 204—205), разделенный по векам и языку, включает 82 латинские рукописи (11 — XII/XIII в., 31 — XIII в., 40 — XIV в.) и 16 рукописей XIV в. на французском языке. Жаль, что в самом начале списка допущена досадная опечатка в шифре: Антифонарий XII/XIII в. указан под шифром Q.v. I.6, а надо O.v.I.6. Эта, довольно частая и объяснимая ошибка (Quarta вместо Octava и наоборот) в данном случае тем более досадна, что под шифром Q.v.I.6 числится знаменитая уника VI в. — одна из так называемых Кассиодоровских или Вивариевских рукописей.

Несмотря на то, что почти все рукописи ГПБ XIII—XIV вв. так или иначе описаны в старых инвентарях и каталогах, эти описания не могут служить надежным ориентиром и почти все требуют перепроверки. Романова проделала поистине огромную работу, ибо разобрать многочисленные разновременные пометы, надписи и приписки на рукописи, критически сопоставить их, а порой даже прочесть сам текст средневековой рукописи палеографически очень сложно, хотя всегда увлекательно.

Романова определила, что большинство изученных ею кодексов созданы в мастерских Северной, Северо-Восточной Франции и Иль-де-Франса. Ею впервые было установлено происхождение некоторых кодексов и названы скриптории и библиотеки, которым они первоначально принадлежали. Кроме того, на основании тщательного кодикологического и палеографического изучения всей группы Романовой удалось выделить 15 датированных книг. Жаль, что из числа выявленных рукописей XIII—XIV вв. полностью исключены кодексы этого времени, относящиеся к другим типам письма (имеется в виду бастарда). Сама по себе их цифра была бы интересна для относительного сравнения. Равным образом было бы весьма полезно привести список всех владельцев рукописей, изученных автором, а не только современников кодексов.

Глава IV содержит основную палеографическую часть работы. Исключительная скрупулезность в исследовании графических признаков отдельных букв, тщательность сравнительного анализа, острый глаз, наблюдательность позволяют говорить о незаурядном палеографическом таланте автора, а прекрасная историческая подготовленность дает Романовой возможность нарисовать историю французской рукописной книги XIII—XIV вв. на широком социально-экономическом и историко-культурном фоне².

Французское книжное письмо изучаемого автором периода делится на три группы в зависимости от целевого назначения рукописей: письмо литургических книг, университетских рукописей и письмо книг светского содержания на французском языке.

Точные характеристики письма каждой из этих групп рукописей, множество тонких наблюдений, сделанных в процессе внимательного изучения, позволили автору вывести ряд практических обобщений, которые,

¹ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893, с. 8—15.

² Характеристику палеографической концепции Романовой см. также: Малов В. П. Исследования по латинской палеографии в СССР в 1940-х—1970-х годах. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 277—278.

бесспорно, помогут при датировке и локализации подобных экземпляров книг. Хочется еще раз подчеркнуть, что все теоретические выводы автор строит на солидной источниковой базе и убедительно подкрепляет конкретными примерами из рукописей собрания ГПБ. Важной частью всякой палеографической работы являются приложения, включающие описания рукописей, фотоснимки образцов письма и различные таблицы. В монографии Романовой они имеются, из них особо следует отметить описания девяти французских книг XIII—XIV вв. из собрания ГПБ. Это впервые сделанные полные научные описания этих кодексов. Что касается приложений 50 таблиц с фотографиями образцов письма, то они подобраны интересно, даны в размере оригинала и вместе с пятью таблицами и четырнадцатью рисунками, составленными Романовой, прекрасно иллюстрируют основные положения работы.

Монография Романовой — ценное теоретическое и практическое исследование по истории книжного письма во Франции XIII—XIV вв. Для всех, кто работает с французской рукописной книгой, появление подобного труда — большое событие. Почти каждая рукопись, рассмотренная Романовой в комплексе, может служить объектом специального исследования: искусствоведческого, филологического, текстологического или источниковедческого. Автор в значительной степени проложила дорогу этим исследованиям, проделав самую сложную и ответственную работу — датировку и локализацию рукописей.

Монография Л. И. Киселевой «Готический курсив XIII—XIV вв.» (Л., 1974, 210 с.) посвящена малоисследованной проблеме возникновения и развития готического курсива XII—XV вв.

Введение, которое имеет подзаголовок «К истории вопроса», содержит историографический обзор тех немногих работ, которые в той или иной степени касаются поставленной автором проблемы; здесь также интересно использованы результаты разысканий по физиологии письма бельгийского врача Каллеверта. Привлечение подобных материалов, не совсем обычных для исторического исследования, получилось удачным.

Киселева подробно разбирает два сравнительно недавних исследования зарубежных палеографов: венгерского ученого И. Хайнала «Обучение письму в средневековых университетах» (1954 г.) и бельгийского палеографа Ж. Стьеннона «Дипломатическое письмо в Льежском диоцезе с XI в. до середины XIII в.» (1960 г.), которые, по ее мнению, лишь наметили пути для дальнейшего исследования готического курсива.

Кратко останавливаясь на новых палеографических методах, предложенных Ш. Вьено, М. Фурнье и Л. Жилиссеном на III Международном совещании по палеографии (Париж, 1972), автор заключает, что «даже современные исследователи с их новыми методами» не уделяют готическому курсиву «достаточного внимания» (с. 37).

Глава I «Предпосылки возникновения готического курсива» знакомит «с деятельностью тех общественных институтов, в которых создавались документы, и с теми явлениями в жизни феодального общества XIII—XV вв., которые содействовали развитию этого письма» (с. 38). Таким образом, эта глава — необходимый исторический фон, который нарисован автором достаточно глубоко. Хотя нельзя не отметить, что очерк о бюрократическом аппарате французского королевства (с. 39—48) перегружен деталями, интересными прежде всего для истории административных учреждений этой страны, а не для истории курсива. Во второй части главы собран ценный материал о писцах и школах письма (с. 57—79). Можно сделать небольшое замечание по поводу трактата Гуго Шпехтсхарта (с. 65, сн. 60). Опубликовавший этот трактат в 1865 г. Г. Пальм датировал его XV в., Киселева пишет, что «воспроизведенные в тексте (трактата — Т. В.) формы букв и приемы их начертания характерны для XIV в.», именно для 80—90-х его годов, оспаривая и отвергая датировку трактата XV в. Новое же исследование чешского ученого Ярослава Кашпара при-

миряет обе точки зрения и датирует трактат концом XIV — началом XV в., что якобы, по словам Л. И. Киселевой, «в принципе не противоречит ее датировке». Если автор считает мнение Кашпара доказанным, то тем самым снимается ее полемика с Пальмом, о чем и следовало бы прямо сказать.

Глава II посвящена происхождению готического курсива и его проникновению в канцелярское письмо в XIII в. Опираясь на методику французского палеографа Ж. Маллона, Киселева считает, что источником и графической основой готического курсива был каролингский минускул, а не современное ему готическое книжное письмо. Для подтверждения этого положения сравниваются графические начертания всех букв латинского алфавита в каролингском минускуле, книжном готическом письме и готическом курсиве. При этом следует отметить, что автор — прекрасный рисовальщик, что весьма немаловажно для палеографа.

На примерах палеографического анализа грамот Сент-Антуанского аббатства (ГПБ) и актов Кремоны (Архив ЛОИИ СССР) Киселева иллюстрирует процесс проникновения курсива в канцелярское письмо XIII в. Для выяснения вопроса об истоках этого курсива она привлекает также ряд кодексов XI—XIII в. с курсивными пометами и приходит к выводу, что эти истоки надо искать в ученых трактатах, в записях студентов, в глоссах, приписках и пометах. Иными словами, курсивом начали писать прежде всего нотариусы, архивисты, ученые, студенты (с. 113).

В главе III «Курсивное письмо XIV—XV вв.» исследовано канцелярское письмо, обычное письмо и индивидуальные почерки, а также взаимодействие курсивного и книжного типов письма.

На основании палеографического анализа канцелярского письма XIV в. автор заключает, что этот век был временем «интенсивного развития и динамики канцелярской графики». Если в XIII в. проникавшие в канцелярское письмо курсивные элементы меняли каллиграфию и основные приемы начертания, то в XIV в., по мнению Киселевой, происходило уже усвоение канцелярским письмом беглых форм и дальнейшее их развитие (с. 123), которое нашло свое завершение в письме XV в.

Проблема появления и эволюции индивидуальных почерков является в настоящее время самой неразработанной. Автор анализирует индивидуальные особенности почерков XIV и XV вв. на некоторых интересных примерах, взятых как из рукописей, так и из факсимильных изданий (с. 146—172). В частности, подробно разбирается методика, принятая итальянским ученым П. Канаром при изучении индивидуального письма греческого гуманиста Эммануила Проватариса, которая позволила выявить 150 написанных им рукописей.

Однако вывод Киселевой, что «в XIII в. индивидуальные почерки — редкое явление», а «XIV—XV вв. можно считать эпохой их оформления» (с. 164), кажется нам слишком категоричным. Большинство средневековых произведений вначале писалось самими авторами, затем переписывались. И естественно, что более ранние памятники сохранились в меньшем количестве (отсюда их редкость!), чем поздние, скажем, XIV—XV вв.

Взаимодействию курсивного и книжного типов письма посвящен последний раздел главы (с. 164—172). Автор отмечает, что «в результате проникновения в книги канцелярского курсива создается синтез этих двух типов, на основе которого в XV в. оформилось письмо, применявшееся в кодексах светского и юридического содержания» — т. е. бастарда. Кстати, в приложенных в конце книги таблицах даны примеры бастарды и канцелярского курсива XV в. в рукописях ГПБ. К сожалению, они не убеждают в различии этих типов письма (см., например, № 101—107).

В заключении следует отметить, что книга иллюстрирована множеством рисунков в тексте и 127 таблицами, что существенно увеличивает ее наглядность. Жаль только, что в подписи к таблице 1 с изображением писца неверно названа рукопись и ее дата. На самом деле кодекс датируется

не 1406—1417 гг., а серединой XV в. и включает не сочинения Сенеки, а переводы с латинского на французский язык трех философских трактатов, из которых первый принадлежит Мартину Брага, два остальных — Цицерону.

В приложении (с. 177—193) даны палеографические описания 16 рукописей и 10 грамот. Все это делает исследование Л. И. Киселевой насыщенным многообразным материалом, на основании изучения которого автор сделала ряд интересных наблюдений и выводов по истории готического курсива XIII—XV вв.

Исследование В. Н. Малова «Происхождение современного письма. Палеография французских документов конца XV—XVIII в.» (М., «Наука», 1975, 198 с.) входит в серию палеографических разысканий, основанных на изучении богатейших западноевропейских рукописных собраний СССР, главным образом французских. Оно посвящено проблеме развития курсивного письма во Франции с конца XV по XVIII в. включительно и хронологически завершает тему, рассмотренную в книге Л. И. Киселевой «Готический курсив XIII—XV вв.» Если в XIX и начале XX в. большинство палеографов ограничивало свои исследования кодексами, считая документы объектом изучения дипломатики, то сейчас перед палеографией вплотную встал вопрос о необходимости разрешения основных проблем, связанных с письмом документов.

Масса неиспользованных документов позднего времени, особенно переписка и нотариальные минуты, подчас не может быть введена в научный оборот из-за отсутствия работ, раскрывающих особенности их письма. Малов приводит высказывание современного французского палеографа Ш. Перра о том, что «исследователь-одиночка рискует оказаться перед ними безоружным». Другой французский ученый Р. Маришаль говорил в докладе на XII конференции Международного центра синтеза (май 1960), что именно для этого более близкого и знакомого нам периода палеография, опираясь на огромное число документов, «могла бы построить социологию письма, выделить классы общества, оценить их культуру, показать их взаимодействие и взаимопроникновение; определить областные и национальные особенности и степень их влияния, следить за географическим и социальным распространением». «Но здесь, — как заметил Маришаль, — не сделано ничего, абсолютно ничего, по крайней мере во Франции» (с. 22). Исследование Малова в значительной степени восполняет этот пробел. Наблюдения его над письмом этого периода, сделанные в результате тщательного, всестороннего изучения французских документов, дают возможность автору вывести ряд теоретических и практических обобщений.

Книга состоит из 6 глав, заключения и 53 таблиц с образцами письма. Глава I содержит характеристику источников, историографию и методику исследования. Источники, привлеченные Маловым, делятся на две группы: архивные материалы, т. е. сами документы XV—XVIII вв., и палеографические трактаты XVI—XVIII вв. Методика исследования заключается в изучении этих двух групп, в их сравнении и взаимодействии, в выявлении тех противоречий, которые существовали между теорией и практикой письма. Эта методика открывает новую страницу в истории палеографии, являясь первым опытом по обобщению и исследованию каллиграфических трактатов во Франции. Главы книги, посвященные характеристике отдельных каллиграфов и их учебников, написаны блестяще. Это, пожалуй, одна из самых сильных сторон работы Малова.

Основой для палеографического изучения письма французских документов явились коллекции П. П. Дубровского в ГПБ и Ламуаньона в ЦГАДА. В. Н. Малов дает правильную и интересную палеографическую оценку материала этих коллекций, никем доньше не рассматриваемых с этой точки зрения. При этом необходимо иметь в виду, что одна коллекция Дубровского включает более 10 тыс. документов, главным об-

разом того времени, которому посвящена рецензируемая работа. Следовательно, исследование строится на солидной документальной базе.

Следующие две главы — о французском готическом курсиве конца XV в. (гл. II) и итальянском гуманистическом курсиве XVI в. (гл. III), являются вводными для понимания истории французского письма последующих веков, которое развилось, как показывает Малов, под влиянием этих двух типов письма.

Приложенная к главе II таблица сокращений французского курсива XV в. (с. 36), составленная по документам собрания Дубровского, может служить ценным практическим руководством для всех, кто будет обращаться к источникам этого периода, тем более что общие справочники по сокращениям Шассана, Пру и Капелли не дают сведений о применении различных типов сокращений в те или иные хронологические отрезки времени.

Характеристика работ итальянских каллиграфов XVI в. (Арриги, Тальенте, Палатино, Креши, Скальцини) в главе III дана живо, убедительно и свидетельствует о свободном владении материалом.

В главе IV автор рассматривает французское письмо второй половины XVI в. и отмечает появление в нем существенных изменений (исчезновение тончайших зачинов в так называемых *litterae punctuales*, отмирание петель верхних выносных в «b», «h», «l» и «d», наличие прямостоящего «t», характерного только для XVI в.). Письмо в отличие от XV в., где наклон влево выпрямляется, становится более квадратным, менее жирным и угловатым. Сравнивая систему сокращений письма XV в. с письмом XVI в., автор отмечает усиление роли нового типа сокращений — система выносных букв (что связано с итальянским влиянием), выпадение сокращений «eg», «gi» и «ge», замена особых знаков для отдельных звуков одинаковыми символами. Очень ценными являются наблюдения Малова над письмом так называемых минут — документов, чрезвычайно важных для чтения. Привлечены также не введенные еще в научный оборот документы из архива Парижской счетной палаты, финансовые и судебные решения бальяжа Санлиса.

Глава V содержит основную палеографическую часть. Тщательное изучение документов коллекции Дубровского, богатой источниками XVI—XVII вв., позволяет Малову показать шаг за шагом путь развития французского письма документов. В этой главе особенно ярко проявились палеографические способности автора: острый глаз, наблюдательность, умение в мельчайших изменениях увидеть основную линию развития письма. Исторический подход к явлениям дал возможность Малову, основываясь на палеографических наблюдениях, обрисовать эволюцию института государственных секретарей; важными страницами по истории культуры являются очерки о незаслуженно забытых крупнейших каллиграфов XVII—XVIII вв. Гийоме Леганьере, Луи Барбедоре и др.

В заключительной, VI главе после исследования многочисленных прописей и учебников письма второй половины XVII—XVIII в. (Сено, Дюваль, Алэ, Бленьи, Руалле, Пайяссон, Россиньоль и Ролан) Малов отмечает появление нового типа письма, так называемого кулэ, произошедшего из синтеза рондо и итальянской бастарды. Это наблюдение он подкрепляет документальным материалом из архива Бастилии, хранящегося в ГПБ. Автор справедливо считает, что к концу XVIII в. переход к современному письму во Франции закончился.

Для всех, кто работает с французским документальным материалом XV—XVIII вв., исследование В. Н. Малова послужит ценным подспорьем не только в научном описании рукописных богатств, хранящихся в собраниях Советского Союза, но также поможет в прочтении и датировке многочисленных источников, не опубликованных и не введенных еще в научный оборот.

В. Д. Лизачева

АЛЬБОМ МИНИАТЮР ВИЗАНТИЙСКИХ РУКОПИСЕЙ СОБРАНИЙ АФОНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ ¹

В 1974 г. в Афинах вышел в свет первый том исследования, которое воспроизводит миниатюры византийских и частично позднегреческих рукописей собраний Афонских монастырей и которое будет включать в дальнейшем еще три тома. Цель этой книги, как определено во вступительной статье ее авторами, — помочь специалистам в изучении византийской миниатюры. Но по существу это не только помощь в дальнейшем исследовании византийских рукописей. Книга явилась результатом глубокого и всестороннего изучения византийских иллюстрированных рукописей, так как она представляет собой не просто воспроизведение всех миниатюр византийских рукописей Афона и некоторых лучших иллюстрированных греческих кодексов XVII—XVIII вв. того же собрания. Альбом сопровождается каталогом.

Этот тщательно составленный и максимально полный каталог включает в себя сведения о размерах кодексов и свитков, воспроизводит записи, связанные с заказом рукописи или важные для изучения ее истории, точные описания миниатюр, орнаментов, заставок, инициалов, палеографию текста. Каталог включает библиографию каждой книги и предлагает ее датировку. Желая оставаться только в пределах публикуемого материала, авторы не вводят в каталог указаний на ближайшие аналогии к воспроизведенным миниатюрам, как это принято в некоторых каталогах.

Первый том посвящен миниатюрам византийских рукописей монастырей Протата, Дионисия, Кутлумуша, Ксиропотама, Григориата. Обращаясь к каждому из этих монастырей, авторы приводят описания их природных условий, а также наиболее важные исторические сведения, начиная с момента основания обители и до окончания строительства основных монастырских зданий. В альбом включаются иллюстрации наиболее ценных памятников искусства, находящихся в монастырях: фрески, шитье, серебро, слоновая кость. В конце тома содержится основная библиография по византийской миниатюре и приводится словарь терминов. Все это делает издание доступным более широкому кругу читателей, чем только специалистам в области средневекового искусства оформления книги.

Из всех тех иллюстрированных рукописей, которые включены в каталог и миниатюры которых воспроизведены в альбоме, до сих пор специально исследовался лишь Лекционарий монастыря Дионисия № 587 (середина XI в.). Его еще в 1969 г. опубликовал К. Вейцман ². Исследователь по-

¹ Рецензия на книгу: *Christou P. C., Pelekanidis S. M., Mavropoules-Tsioumis Ch., Kadas S. N.* The treasures of Mount Athos. Illuminated manuscripts. Athenes, 1974, 500 pages, 524 plates.

² *Weitzmann K.* An Imperial Lectionary in the Monastery of Dionisiu on Mont Athos. Its origin and its wanderings. — «Revue des Études Sud-Est Europeen», 1969, VII, p. 239 ff.

стоянно его включал и в общие свои работы по византийским рукописям³. К. Вейцман считает, что этот кодекс был выполнен в императорском скриптории по заказу Исаака Комнина, когда он в 1059 г. постригся в Студийский монастырь. Затем вместе с основной реликвией Студiosa — головой Иоанна Предтечи, рукопись в XVI в. попала на Афон, где для ее пребывания был избран монастырь Дионисия, главный храм которого посвящен Иоанну Предтече.

Довольно полно были изучены в основном со стороны их иконографии миниатюры рукописи Гомилей Григория Богослова монастыря Дионисия № 61 в книге Г. Галавариса⁴. Исследователь сближает их в стилистическом отношении с миниатюрами Сочинений Иоанна Златоуста Парижской Национальной библиотеки Coislin 79 (конец XI в.).

Авторы рецензируемого издания считают К. Вейцмана и С. Ламброса⁵ первыми и единственными исследователями Афонских рукописей. Но они, очевидно, не знают того, что первым обратился к изучению миниатюр афонских рукописей П. И. Севастьянов. С целью исследования произведений искусства, находящихся на Афоне, а также обучения своих воспитанников в середине XIX в. Академией художеств было организовано несколько экспедиций, в которых приняли участие художники (для копирования миниатюр), фотографы и топографы. Привезенное в Петербург П. И. Севастьяновым собрание снимков и копий было выставлено зимой 1853 г. для обозрения публики в здании Синода⁶. Тогда же П. И. Севастьянов передал в имп. Публичную библиотеку собрания снимков с греческих актов. Как и вывезенные П. И. Севастьяновым с Афона иконы, копии греческих и славянских рукописей (преимущественно заставок и инициалов), авторами которых явились художники Грановский и Воден⁷, поступили в собрание Академии художеств. По заказу П. И. Севастьянова художники работали в монастырях Ватопедском, Зографском, Хиландарском, Иверском, в библиотеках Дионисiosa и Кастамонита. По составленному самим П. И. Севастьяновым списку, он привез в Петербург 800 калек с инициалов и заставок, 100 копий миниатюр, 800 фотографий с миниатюр и 3500 снимков с текстов тех же рукописей⁸.

Однако находящееся ныне в библиотеке Академии художеств СССР в Ленинграде собрание копий миниатюр рукописей Афона, к сожалению, неизвестно специалистам по византийскому искусству и не привлекается ими в работах. Уже Н. П. Кондаков⁹ и Ф. И. Буслаев¹⁰ высказывали опасения, что собрание П. И. Севастьянова останется навсегда неизвестным исследователям. Н. П. Кондаков объяснял это печальное обстоятельство общей неподготовленностью науки к восприятию того огромного и сложного материала, который привез П. И. Севастьянов. Он также упрекал П. И. Севастьянова в том, что тот не оставил описания привезенных им копий и не систематизировал их. Но Н. П. Кондаков не был знаком с описаниями копируемых рукописей, которые, как и планы тех церквей, из которых он вывез их вместе с некоторыми иконами и копиями фресок, исполнил П. И. Севастьянов¹¹.

³ Weitzmann K. Studies in classical and byzantine manuscript illumination. London, 1971, p. 252 ff.; *idem*. The Study of Byzantine Book illumination, Past, Present, and Future. — «The Place of Book illumination in byzantine Art». Princeton, 1975, p. 7.

⁴ Galavaris G. The illustrations of the liturgical Homilies of Gregory Nazianzus. Princeton, 1969, p. 25 ff.

⁵ Lambros S. Catalogue of the greek manuscripts on Mount Athos, vol. I—II. Cambridge, 1895—1900.

⁶ Флоринский Т. Афонские акты и фотографические снимки с них в собрании П. И. Севастьянова. Библиографические разыскания. СПб., 1880, с. 104.

⁷ «Современная летопись Русского вестника», 1861, № 1, с. 31.

⁸ Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, с. 7.

⁹ Там же, с. 10, 281.

¹⁰ Буслаев Ф. И. Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917, с. 147.

¹¹ Шевырев С. Афонские иконы византийского стиля в живописных снимках, привезенных в С. Петербург П. И. Севастьяновым. СПб., 1859, с. 5.

Издаваемые в Афинах четыре тома миниатюр византийских и позднегреческих рукописей важны для изучения всего искусства средневековой рукописной книги, в том числе западной и древнерусской. Многие из впервые воспроизведенных миниатюр афонских кодексов дополняют наши понятия об иконографии средневекового искусства, дают довольно обширный материал по истории светского портрета в Византии — теме, мало еще исследованной, наконец, расширяют наши представления о типах заставок и инициалов, о репертуаре орнаментов.

Например, для изучения иконографии евангелистов важен Лекционарий Протата № 11 (XII в.). Он содержит миниатюры, на которых евангелисты сгруппированы по парам, а не изображены, как обычно, каждый отдельно сидящим перед пюпитром или стоящим с кодексом в руках. В этом впервые встречающемся в истории византийского искусства типе композиции евангелисты представлены на каждой миниатюре сидящими друг против друга. Пюпитр расположен между ними, в центре композиции. Он имеет две доски, каждая из которых наклонена к писцу.

Подобно тому как изображались на фоне пейзажа евангелисты в кодексах Реймской школы во времена Каролингов (например, Евангелие Музея искусств в Вене), помещены они среди деревьев на миниатюрах Лекционария монастыря Кутлумуша № 62 (XIV в.). Это первое в истории византийского искусства изображение евангелистов на пейзажном фоне, связанное с общим интересом палеологовской живописи к изображению ландшафта.

В кодексе Сочинений Григория Богослова монастыря Дионисия № 61 на листе 35 изображено усение Василия Великого, так как миниатюра относится к тексту речи, произнесенной Григорием над усопшим. Соответственно инициал «Е», начинающий этот текст, включает фигуру Василия Великого. Но совершенно неожиданно по другую сторону от текста, на том же уровне, что и инициал, появляется фигура сидящего перед мольбертом художника. Он пишет икону с поясным изображением Василия Великого. Рядом на столе положены его кисти и краски. Эта миниатюра уже воспроизводилась в свое время Г. Галаварисом в его книге по иконографии Григория Богослова. Но цветная репродукция появилась впервые. Изображенный иконописец не был монахом. Он одет в ярко-красное платье, и на голове у него белая шапочка.

Многие миниатюры афонских рукописей содержат портреты заказчиков кодексов. Это молодой человек в царских одеяниях, которого Г. Галаварис¹² назвал неизвестным принцем. Он представлен получающим рукопись от Григория Богослова на листе 1 об. той же рукописи Сочинений Григория Богослова. Хрисовул Алексея III Комнина в основанный им монастырь Дионисия (1374 г.) представляет собой свиток длиной в 2,98 м. Он украшен миниатюрой с изображением императора и императрицы, но вместо обычного в подобных композициях изображения благословляющего Христа над супружеской четой помещен благословляющий ее Иоанн Предтеча — патрон основанного монастыря.

На первой миниатюре (л. 1 об.) Лекционария Кутлумуша № 60 (XII в.) изображен его заказчик Василий, имя которого стоит на вкладной записи на листе 1. Он протягивает кодекс Иисусу Христу, у ног которого склонилась супруга Василия. Миниатюра важна для истории светского портрета в Византии. Ее значение было, очевидно, понято еще П. И. Севастьяновым, выбравшим ее среди многих других миниатюр для копирования. На листе 12 об. Псалтири монастыря Дионисия № 65 у ног богоматери помещена маленькая фигурка коленапреклоненного монаха. Кто это? Писец или художник рукописи, живший в XII в.?

Много новых приемов орнаментации, неизвестных ранее, дают инициалы и заставки афонских рукописей. Так, Четвероевангелие монастыря

¹² Galavaris G. Op. cit., p. 25.

Дионисия № 588 (X—начало XI в.) не было до сих пор включено в научные исследования. Даже С. Ламброс пропустил его в каталоге, и только библиотекарь монастыря монах Евфимий¹³ ввел в свой каталог. Эта рукопись содержит четыре миниатюры с изображением евангелистов. Заставки и инициалы начинают каждую из ее четырех глав. Евангелие от Иоанна открывает заставка (л. 226) прямоугольной формы, покрытая орнаментом коврового типа, распространенным в византийских рукописях этого времени. В центре ее название главы помещено не на оставленном свободным от декора пространстве, форма которого имеет традиционный вид квадрифолия, круга или прямоугольника. Здесь в центре положен раскрытый кодекс, изображенный по принципам прямой перспективы (античные реминисценции, характерные для этого периода).

Для изучения византийских, так называемых архитектурных, фронтисписов, появившихся впервые в константинопольских рукописях второй половины XI в., но сохранных до наших дней в немногих образцах, важна миниатюра свитка монастыря Дионисия № 158 (XIII в.). Здесь изображена рама в виде кивория, под навесом которого помещена икона с изображением Василия Великого — автора текста свитка.

Многие рукописи поствизантийского времени, миниатюры которых выборочно представлены в издании, расширяют наши представления об этом мало известном искусстве, существующем уже после разгрома империи. Наряду с характерным для них стремлением более верно следовать старым традициям в нем появляются и новые черты, прежде всего народные: красочность, орнаментальность, подчеркнутая выразительность ликов, плоскостность. Желание как можно более точно воспроизводить старые образцы в условиях уже несуществующей империи сближает хранящиеся сейчас на Афоне рукописи с возникшими в аналогичных условиях коптскими иконами. Создававшие их христианские египетские художники, работавшие среди мусульман, в покоренной арабами стране, старались быть верными старым иконографическим традициям. В то же время они непроизвольно вносили в свои произведения много черт, характерных для них как для народных живописцев, не получивших специального художественного образования.

Издание миниатюр рукописей, находящихся в трудно доступных для большинства специалистов по средневековым монастырях Афона, можно только приветствовать. Тем более это издание представляется важным, что оно сопровождается максимально полным каталогом и выполнено на высоком уровне полиграфического искусства. Книга поможет изучению и атрибуции рукописей других собраний.

Основное возражение может возникнуть у читателя в связи с тем, что обычно в альбоме воспроизводится не весь лист рукописи целиком, но только его миниатюра, заставка и инициал. Представление о композиции листа, важное для суждения о принципах оформления той или иной рукописи, мы получить не можем. Между тем значение решения листа и разворота книги понимал уже П. И. Севастьянов, воспроизводя их в своих фотографиях. И наконец, понятие македонской живописи, впервые введенное Г. Милле¹⁴, уже давно отвергнуто византистами и не может быть применено в отношении фресок Протата, выполненных в начале XIV в. Мануилом Панселином, тем более что в книге оно ошибочно соединено так же с весьма условным понятием «Македонского Возрождения».

Однако эти незначительные для такого большого и строго научного издания замечания не умаляют его значения для всех исследователей византийской культуры и прежде всего ее рукописной книги.

¹³ *Εὐφύμιος*. *Χειρόγραφα μονῆς Διονυσίου*. — «*Ἐπετηρίδα ἐταιρείας βυζαντινῶν Σπουδῶν*», 1957, 27, σ. 234.

¹⁴ *Millet G.* *Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIV-e, XV-e et XVI-e siècles*. Paris, 1916, p. 630—683.

III. ПУБЛИКАЦИИ

К БИОГРАФИИ ГУРИЯ НИКИТИНА

Публикуемый документ из собрания Оружейной палаты (ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 30, стлб. 46492) представляет собой конфликтное дело 7197 (1689) г. между архимандритом Новоспасского монастыря Игнатием и архимандритом суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Тихоном, оспаривающими право «подписи стенным письмом» соборных храмов иконописцем Гурием Никитиным с товарищами. Новоспасский архимандрит обращается в челобитной к государям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и царевне Софье с жалобой на то, что Гурий Никитин, Сила Савин и десять других иконописцев уклонились от работы «по государеву указу» в соборе этого монастыря и пишут стенное письмо в Евфимьеве монастыре в Суздале, в церкви Спаса. В деле изложены объяснение архимандрита Тихона и показания суздальского подьячего. Материал имеет разносторонний интерес.

Мы получаем прежде всего ценное дополнение к нашим знаниям о творческой биографии иконописца первой величины, каким являлся во второй половине XVII в. Гурий Никитин¹. Руководитель по росписи таких ответственных объектов, как Троицкий собор Данилова монастыря г. Переславля-Залесского (1662—1669), Успенского собора Ростова Великого (1670—1671), церкви Ильи Пророка в Ярославле (1682), Троицкого собора Ипатьевского монастыря (1685), Гурий Никитин на протяжении 30 лет был бессменным руководителем прославленной артели костромских иконописцев, искусство которых пользовалось уважением при царском и патриаршем дворах и в посадской среде. Борьба двух могущественных монастырей, желающих заполучить к себе именно этого мастера, красноречиво говорит о высоком признании искусства Гурия Никитина современниками.

Документ служит, далее, основанием для атрибуции ансамбля фресок первоклассного памятника, каким является стенопись Спасо-Преображенского собора Евфимьева монастыря. Еще до того, как были найдены публикуемые сведения, автором настоящей заметки высказано предположение о том, что именно Гурий Никитин руководил работой по росписи собора Спасо-Евфимьева монастыря²; об этом свидетельствует сходство этой росписи в стиле, иконографии и в декоративных элементах с фресками Троицкого собора, расписанного в 1685 г. Гурием Никитиным с артелью костромских иконописцев. Однако известно, что в 1689 г., когда происходят описываемые в документе события, костромские иконо-

¹ Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910, с. 137; Брюсова В. Г. Новое о Гурии Никитине. — «Декоративное искусство СССР», 1965, № 4, с. 41—43.

² См. доклад на тему «Гурий Никитин и костромская школа живописи XVII в.», прочитанный в группе по изучению древнерусского искусства Института истории искусств 30 мая 1961 г.

писцы трудились над росписью собора Новоспасского монастыря³, что вызывает естественные сомнения. Из материалов этой своеобразной тяжбы мы узнаем, что артель иконописцев разделилась: Гурий Никитин и Сила Савин с десятью иконописцами начали работу в суздальском монастыре, тогда как Василий Осипов и Василий Кузьмин с товарищами (15 человек) расписывали собор Новоспасского монастыря.

Найденный источник подтверждает право искусствоведческой науки пользоваться методикой сравнительного анализа как надежным способом атрибуции: результат изучения стиля подтверждается показаниями письменного свидетельства. Мы получаем, таким образом, редкую возможность самопроверки в методике исследования, и с положительным результатом.

Живое описание всех перипетий дела вносит нечто новое и в выяснение проблем организации и условий труда. Известно, что иконописцы в XVII в. принадлежали к низшим социальным кругам — посадскому сословию. Неясно, какие причины заставили уклониться Гурия Никитина с товарищами от выполнения работы в Новоспасском монастыре, хотя договоренность с ними властей Новоспасского монастыря была уже в 1686 г., т. е. три года заранее. Иконописцы, однако, сумели настоять на своем и закончили начатую ими работу в Суздале.

Документ публикуется в соответствии с правилами издания исторических документов XVII в.

В. Г. Брюсова

- п. 1 Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне всеа великия и малыя и белыя России самодержцем бьет челом царския ваши богомолцы Спасова Нового монастыря архимандрит Игнатий, казначей Филарет з братиею. По вашему, великих государей, имянному указу подрядили мы, богомолцы ваши, в вашем государьском богомолии в Спасове монастыре на Новом в соборной церкви Преображения Спасителя, что над вашими царьскими прародителями, иконописцов костромичь Василья Осипова с товарищи подписывать стенным писмом, и те, государи, иконописцы Василей Осипов и Василей Козмин с половиною товарищев своих начали в Спасове церкви стеного писма дело, а тех же государи иконописцов товарищи, иконописцы Гурей Никитин да Сила Савин с товарищи десять человек вашему, великих государей, имянному указу учинились непослушны и две грамоты зазывныя к тому вашему государьскому делу поставили низачто и чрез ваш государьской указ подрядное свое дело в Ефимьева монастыре в Суздале хотят делать. Да и непослушание, государи, их иконописцов от суздальского воеводы Микиты Мусина-Пушкина учинилось невольное, что Ефимьева монастыря архимандрит з братьею вашия, государи, Оружейныя полаты пристава, который был послан по них, Гурья с товарищи на монастырь не пустили и слушки их ево, пристава, бесчестили и бранили нелепотными словами, а суздальской воевода Никита Мусин-Пушкин писал к вам, великим государем, на них непослушание напрасно, потому что оне, иконники Гурей и Сила с товарищи, ваше государьское дело в Спасове монастыре на Новом стеное писмо писать были готовы. И ныне, государи, ваше государьское дело в Спасове церкви без тех иконников задляетца и ваши государьские родители во святей церкви будут без литургии. Милосердые великие государи цари и великия князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна всеа великие и малые и белыя России самодержцы, пожалуйте свое царьское богомолие и для непрестан-

³ Мневa Н. Е. Фрески Новоспасского монастыря в Москве. — «Искусство», 1940, № 1, с. 166—168.

ныя божественныя службы святых литургии над вашими царскими прародители велите, государи, тех костромичь иконников Гурья Никитина да Силу Савина с товарищи из Суздаля взять к вашему государьскому делу в Спасов Новой монастырь для поспешения, чтоб, государи, нынешним летом в церкви Спасовой в стопе и во олтаре подписать и, обновление совершив, на праздник Преображения Спасова августа к шестому числу святую литургию служить, а по вашему государьскому указу в Ефимьеве монастыре подпишут они, иконники, и после, как о том ваш государьский имянной указ состоялся преж сего, мая в 14 день. Великие государи, смилуйтесь, пожалуйте. //

Доклад.

л. 2

В нынешнем, 197 году апреля в 18 да мая в 14 числах били челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцем Спаса Нового архимандрит Игнатий з братиею. В прошлом, во 194 году, костромские иконописцы Гурей Никитин, Василей Осипов, Сила Савин, Василей Козмин с товарищи подрядились у них в монастыре в соборной церкви благолепного Преображения писать стенное письмо, и против того подряду для того стеного письма они, иконописцы с Костромы, к ним в монастырь и донныне не бывали. А у них де в той церкви для того стеного письма подвязи подвязаны, и золото и краски и всякие припасы изготовлены. А ныне де они, иконописцы Гурей с товарищи, подрядились писать в Спаском же Еуфимьеве монастыре, что в Суздоле, в церкви стеное ж письмо. И великие государи пожаловали б их, велели тем иконописцом Гурью Никитину с товарищи против подряду своего и записи стеное письмо писать вынешним летом прежде у них, в Спаском Новом монастыре для того, что де бывает к ним в монастырь их, великих государей пришествие, а над их государскими прародителями та церковь стоит без литургии божии.

И по пометам на челобитных их думных дьяков Данила Полянского, Протасья Никифорова, велено церковное стеное письмо писать иконописцом прежде в Спаском Новом монастыре, а в Спаском же Еуфимьеве монастыре по подрядной записи писать после.

И против того, великих государей, указу о высылке тех иконописцов к Москве посланы великих государей грамоты из Оружейные полаты. По первой челобитной на Кострому к столнику и воеводе к Афонасью Неплюеву апреля в 24 числе.

А по другой челобитной в Суздоль к воеводе к Никите Мусину-Пушкину да в Спаской Еуфимьев монастырь ко властям об отпуске тех иконописцов из монастыря мая в 20 числе Оружейные полаты с приставом с Андрюшкою Семеновым, которой послан по наказу для высылки их же, иконописцев, из Суздаля к Москве.

Ис Костромы столник и воевода Афонасей Неплюев тех иконописцов к Москве никого не выслал, а зачем, — о том к великим государем в Оружейную полату не писал. //

А мая в 30 день по отписке из Суздаля воеводой Никиты Мусина-Пушкина те иконописцы Гурей Никитин с товарищи ныне у церковного стеного письма в Спаском Еуфимьеве монастыре, а к Москве, в Спаской Новой монастырь с приставом не выслал для того, что подорожных памятей Оружейные полаты и суздольские Приказные избы приставов, которые посланы для сыску тех иконописцов они, иконописцы, учинились нам непослушны, из монастыря в приказную избу не пошли, а власти того монастыря им их не отдали ж, а зачем, и о том под отпискою своею прислал в Оружейную полату за рукою того монастыря стряпчего челобитную, а в челобитной их написано:

л. 3

тех де иконописцов им, властям, из монастыря от стеного письма отпустить невозможно для того, что у них в Спасове монастыре в церкви

стенное письмо писать розчато и краски все растворены, и всякие запасы изготовлены, и естли им из монастыря их, иконописцов, отпустить, учинятца в том многие убытки. Да и для того де они их, иконописцов, не отпустили, что де они, иконописцы, на Костроме столнику и воеводе Афонасею Неплюеву дали скаску за своими руками, Спаса Нового монастыря у властей церковного стенного писма подписывать не подряживались и записи за своими руками не давали. И великие государи пожаловали б их, не велели тех иконописцев к Москве высылать, и велели б розчатое церковное стенное письмо дописать против подрядной записи у них в монастыре, чтоб за недопискою стенного писма их монастырю напрасно разорения и убытку не было.

И мая в 30 день били челом великим государем Спаса Нового монастыря архимандрит з братиею, чтобы великие государи пожаловали их, велели для церковного их стенного писма тех иконописцов Гурья Никитина с товарищи из Суздоля взять к Москве против прежнего своего, великих государей, имянного указа, чтоб стенное письмо подписать в церкви у них в Спаском Новом монастыре нынешним летом, потому что де они, иконописцы, в той церкви стенное письмо остановили и затем церковь божия стоит многие годы бес пения.

Да июня в 1 день били челом великим государем Спаса Еуфимьева монастыря архимандрит Тихон з братиею: костромские де иконописцы, которые ныне по подрядной записи пишут у них в монастыре церковное стенное письмо, Гурей Никитин с товарищи десять человек, у властей Спаса Нового монастыря стенного ж писма писать не подряживались, а которые де костромские ж иконописцы подрядились Спаса Нового монастыря у властей писать — Василей Осипов с товарищи пятнадцать человек, и тех де иконописцов с Костромы стольник и воевода Афонасей Неплюев к Москве, к ним, влаstem, в Спаской Новой монастырь выслал. А ево де, Гурья с товарищи, зачем не выслал, о том к великим государем писал, и скаску ево, Гурьеву с товарищи ево, они сказали, что у них в Спаском Новом монастыре // стенного писма писать не подряживались под отпискою своею послал же Спаса Нового монастыря с слугою; и той де отписи и скаски слуга и иконописцы в Оружейной палате не подали. И великие государи пожаловали б их, велели б тем иконописцом Гурью Никитину с товарищи подписать ныне церковное стенное письмо у них в Спаском Еуфимьеве монастыре, а в Спаской Новой монастырь высылать их от них из монастыря не указали б, потому что у них в той церкви стенное письмо росчато и рака чудотворца Евфимия с мощми ис той церкви вынесена и стоит в пределе во утеснении.

На челобитной их помета думного дьяка Протасья Никифорова.

197-го июня в 1 день великия государи пожаловали, велели о том выписать и доложить себя великих государей боярину и оружейнику Петру Васильевичю Шереметеву с товарищи.

Да июня в 15 день бил челом великим государем Спаса Нового монастыря архимандрит Игнатий, казначей Филарет з братиею. По их де великих государей имянному указу подрядили они в Спасове Новом монастыре в соборной церкви Преображения Спасова подписать стенное письмо костромских иконописцов Василья Осипова, Василья Козмина с товарищи. И те де иконописцы Василей Осипов с товарищи своей половины в той церкви стенное письмо писать начали, а иконописцы Гурей Никитин да Сила Савин с товарищи десять человек их, великих государей, имянному указу учинились непослушны, по двум зазывным грамотам к ним в монастырь к стенному писму не бывали и пишут ныне стенное ж письмо в суздольском Еуфимьеве монастыре. И ныне де у них в Спаском Новом монастыре церковное стенное письмо продолжитца и великие государи пожаловали б их, велели тех костромских иконописцов Гурья Никитина, Силу Савина с товарищи против прежняго своего, великих государей, имянного указа взять из Спаского Еуфимьева монастыря для поспешения

стенного писма к ним в Спасов Новой монастырь, чтоб стенное писмо в той церкви и в олтаре подписать нынешним летом и литургия божия совершить на праздник Преображения Спасова. // А в подрядной записи в Спаском Новом монастыре те иконописцы Гурей Никитин и Сила Савин и с ними кто имяны товарищи написаны, и руки их у той записи в том подряде есть ли, того неведомо, потому что они, Спаса Нового монастыря власти, подлинныя подрядные записи и списка в Оружейной полате к делу не подали. И ныне тем костромским иконописцом Гурью Никитину с товарищи попрежнему быть в Спаском Еуфимьеве монастыре у стенного писма, или их взять ис тово монастыря для стенного ж письма к Москве в Спаской Новой монастырь, и сколько человек имяны взять, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна всея великия и малыя и белыя Росии самодержцы о том что укажут.

ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 30, стлб. 46492.

ВОСПОМИНАНИЯ М. Н. СПЕРАНСКОГО О И. Е. ЗАБЕЛИНЕ

Как отмечалось в литературе, жизнь, труды и научные воззрения известного русского историка И. Е. Забелина (1820—1908) изучены далеко не достаточно¹. Предлагаемый вниманию читателей документ — воспоминания видного историка древнерусской литературы академика М. Н. Сперанского (1863—1938) о И. Е. Забелине — позволяет полнее представить научную атмосферу в Историческом музее в первой половине 1890-х годов, руководимого И. Е. Забелиным, привносит отдельные новые штрихи в изучение последнего этапа его творческой биографии, свидетельствует о серьезном влиянии историка на развитие научных взглядов целой плеяды талантливейших ученых — А. В. Орешникова, М. Н. Сперанского, В. Н. Щепкина и др. (что до сих пор также не исследовано еще с должной полнотой).

Публикуемый документ хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в фонде Московского областного бюро краеведения² и представляет собой машинописный текст, правленный автором и подписанный им 6 января 1929 г. В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, в фонде М. Н. Сперанского, находится автограф воспоминаний³, однако он, в отличие от публикуемого источника, не имеет даты, не выправлен, не содержит передаваемых М. Н. Сперанским автобиографических рассказов И. Е. Забелина.

Помета неустановленного лица в конце публикуемого документа «К протоколу № 410 от 17 янв[аря] 1929 г.» подтверждается данными соответственного протокола заседания так называемой «Старой Москвы»⁴, материалы которой содержатся в указанном фонде. В протоколе сообщалось, что заседание (почетным председателем был избран академик М. М. Богословский, вел заседание председатель «Старой Москвы»

¹ Дмитриев С. С. К публикации статьи Н. Л. Рубинштейна об И. Е. Забелине. — «История СССР», 1965, № 1, с. 51. Литературу о жизни и деятельности И. Е. Забелина см.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, с. 269—271, № 4529—4559; Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин. Исторические воззрения и научная деятельность (1820—1908). — «История СССР», 1965, № 1, с. 54—74; Бутько С. П. Дневниковые записи И. Е. Забелина. — В кн.: Материалы научной студенческой конференции (МГИАИ). Май 1970 г., вып. II. Источниковедение историографии. М., 1970, с. 40—44.

² ГБЛ, ОР, ф. 177, к. 49, д. 54, лл. 1—8.

³ ЦГАЛИ СССР, ф. 439, оп. 1, д. 20, лл. 1—3.

⁴ ГБЛ, ОР, ф. 177, к. 2, д. 12. «Старая Москва» — историко-краеведческая организация, функционировавшая в 1909—1930 гг., поначалу как Комиссия по изучению старой Москвы Московского археологического общества, затем, после его ликвидации в 1923 г., как Группа лиц, интересующихся изучением старой Москвы, при Государственном историческом музее (ГИМ), с 1924 г. — как Ученая комиссия при отделении ГИМ «Старая Москва», а с 1926 г. — как секция «Старая Москва» Общества изучения Московской губернии (области). В 1930 г. вследствие реорганизации Общества в Московское областное бюро краеведения, резко изменившей его структуру и характер деятельности, «Старая Москва» прекратила свое существование.

П. Н. Миллер, обязанности секретаря исполняла М. Ю. Меленевская) посвящалось памяти И. Е. Забелина в связи с 20-летием со дня кончины историка. Здесь зафиксированы сообщения и воспоминания А. М. Васнецова, Н. Д. Виноградова, П. Н. Миллера, И. М. Тарабрина и других о жизни и деятельности И. Е. Забелина⁵. Видимо, поскольку у М. Н. Сперанского имелась запись воспоминаний (поступающая, согласно традиции «Старой Москвы», в ее собрание), то его выступление в протоколе отмечено, но не изложено.

Рассмотренными документами не исчерпываются материалы «Старой Москвы», связанные с именем И. Е. Забелина. Так, в протоколе ее заседания от 19 июля 1928 г.⁶ обозначен доклад А. Н. Соловьева «Личные воспоминания старого москвича о встречах в книжном мире», в котором, судя по помете секретаря, речь шла и о И. Е. Забелине. (К сожалению, в протоколе доклад лишь упомянут, а текст его в фонде Московского областного бюро краеведения обнаружить не удалось.) В протоколе изложены прения по докладу, выступая в которых И. К. Линдеман сообщил о частых «столкновениях» И. Е. Забелина с Е. В. Барсовым, Д. И. Иловайским, В. Ф. Миллером, а Б. С. Пушкин — о взаимоотношениях историка с администрацией Дворцового ведомства.

С. Б. Филимонов

Решившись поделиться с присутствующими несколькими воспоминаниями об И. Е. Забелине, считаю необходимым сказать предварительно несколько же слов о своих отношениях к нему. Если слова эти и могут быть^{1*} сочтены некоторой нескромностью с моей стороны, так как они касаются меня, все же я счел их необходимыми в данном случае: ими в значительной степени определяется содержание моих воспоминаний об И[ване] Е[горовиче] и те требования, которые к ним могут быть предъявлены слушателями.

Я имел счастье быть с И[ваном] Е[горовичем] в частом общении с начала 90-х гг. прошлого столетия и до самой его кончины, имел счастье пользоваться расположением и за все это, как видите, довольно продолжительное время быть свидетелем и даже отчасти участником в работе И[вана] Е[горовича], устроителя^{2*} и руководителя Исторического музея¹. Впрочем, должен сейчас же оговориться, что отношения ко мне Ивана Егоровича не представляли ничего из ряда вон выходящего: те же отношения установились у него и к нему у всей тогдашней молодежи, окружавшей И[вана] Е[горовича] в молодом еще тогда Историческом музее. Громадный научный авторитет, с которым И[ван] Е[горович] вступил в управление Музеем², значительная, а иногда и большая разница в годах между ним и окружающими его в Музее, серьезно, сдержанное отношение к людям, как результат его глубокого житейского опыта, не исключаяющее, однако, его доброго расположения к людям, преданность его Музею — все это создало для И[вана] Е[горовича] то исключительное положение, которое он, насколько я мог судить, сразу же занял среди нас в Музее, и не только среди лиц, составлявших служебный штат Музея, но и среди всех, кого интерес к работе и задачам Музея привлекал в его^{3*} стены^{4*} и к Ивану Егоровичу. К последней категории принадлежал и я после окончания мной университета³. Специализировавшись на истори-

Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области). К методике изучения истории советского исторического краеведения. Сост. С. Б. Филимонов. М., 1976, с. 73—76.

⁶ ГБЛ, ОР, ф. 177, к. 2, д. 9.

^{1*} быть вписано над строкой.

^{2*} устроителя вписано над строкой вместо зачеркнутого «хозяина» (как мы в шутку называли его).

^{3*} его вписано над строкой.

^{4*} Далее зачеркнуто музея.

ческих дисциплинах, я не мог не почувствовать, что без Исторического музея и без Ивана Егоровича нельзя ни продолжать учиться, ни работать в этой области. Это и привело меня в Музей и, следовательно, к И[вану] Е[горовичу], и сделало меня на многие годы «завсегдателем» Музея, что было тем легче, что мои сверстники и товарищи по университетской науке, каковы: В. Н. Щеп//кин ⁴, А. И. Станкевич ⁵ и др[угие] уже фактически вошли в состав работников Музея, будучи приглашены И[ваном] Е[горовичем], подбиравшим тогда и организовавшим научный штат сотрудников Музея. В результате оказалось, что и я, не числясь между служащими Музея, далеко не всегда отличал себя от них, да и ими далеко не всегда был ^{5*} отличаю как посторонний. На этой почве и установились у меня на ряд лет те же отношения к Ивану Егоровичу, что и у настоящих его сотрудников; поэтому и мне пришлось работать в сфере влияния и под воздействием И[вана] Е[горовича]. . . Вот тот фон, на котором создавались мои представления об И[ване] Е[горовиче], и та почва, на которой происходило мое общение с ним; этим определяется и круг моих воспоминаний об И[ване] Е[горовиче]. Он и Музей сливаются в моем представлении в одно целое, и это, кажется мне, вполне естественно и правильно. Если И[ван] Е[горович] в последнюю половину своей долгой жизни неотделим от созданного им Музея, то и сам Музей в своей внутренней жизни, начиная с первых годов своего существования и до времени смерти Забелина, неотделим от него. Он, несомненно, был не только «хозяином» ^{6*} и руководителем Музея, но и его душой, как это ярко сказалось хотя бы в известных его заветах Музею ⁶. Глубокий бытовой историк, много уже сделавший в этой истории, он был для большинства из нас авторитетом во всем, что касалось Музея как собрания самых разнообразных памятников бытовой истории русской территории, казался нам специалистом по всем отраслям этой истории: за это ручалась его талантливая, громадная и в то же время самобытная эрудиция. Поэтому мы шли к нему за указаниями, советами, по какой бы ^{7*} области и эпохе русской истории у нас ни возникали вопросы, и получали эти советы, разъяснения и указания, обычно краткие, но всегда дышащие не только научной глубиной, но и жизненной правдой и практичностью. Т[аким] о[образом], не будучи учителем по профессии или профессором на кафедре, И[ван] Е[горович] был для нас тем и другим при общении с ним в стенах Музея, где, благодаря ему, создалась и прочно держалась та научная атмосфера, без которой немислима серьезная научная исследовательская работа, которая составляла насущную потребность, когда мы находились в стенах Музея.

и. 3 Этой ведь атмосферой определялся круг наших интере//сов, вращавшихся почти исключительно среди вопросов научного характера, чаще всего в связи с предметами, тогда в обилии поступавшими в Музей, либо служившими предметом изучения того или другого ^{8*} из нашей среды; в этих разговорах и принимал участие и Иван Егорович. Злободневная болтовня, и вообще мало имевшая места при этом, совершенно не касалась серьезного всегда и строгого Забелина, к тому же отделенного от нас по своему положению старшего: мы просто не решались вовлекать его в подобные разговоры, если такие возникали.

Центром этой музейской жизни был так называемый «круглый» ^{9*}, называвшийся иногда и «великокняжеским», кабинет (здесь предполагался кабинет великого князя, председателя Музея; Забелин, фактический председатель, считался его помощником ⁷) в нижнем этаже. Обыкновенно здесь занимался кто-нибудь из научных сотрудников Музея, сюда же приходили все, кто имел какое-либо дело в Музее, приходил торговец-

^{5*} было вписано над строкой.

^{6*} Далее зачеркнуто написанное над строкой (как его шутя мы иногда называли).

^{7*} Далее зачеркнуто то же было.

^{8*} другого вписано над строкой.

^{9*} Далее зачеркнуто так.

старьевщик с вещами, предлагавшимися им Музею, а то и просто посетитель, приходивший повидаться с кем-либо в Музее. Здесь же происходила работа над памятником, выдаваемым для занятий постороннему лицу, или обработка вновь поступившего предмета тем или иным сотрудником Музея; тут же происходила беседа присутствующих, своих и чужих, по поводу того или иного вопроса или предмета Музея, официального характера не имевшая и т. д. Иван Егорович, обычно сидевший в одной из следующих за кабинетом не отделанных зал или ходивший по делам по тем или другим залам Музея, время от времени появлялся в «круглом» кабинете. При этом мы не упускали случая поговорить с ним, спросить его мнения по поводу вопроса нашего разговора, по поводу рукописи, которой тот или другой из нас занимался, большей частью, чтобы себя проверить; и И[ван] Е[горович] на ходу, иногда присаживаясь на минуту, немногословно, но веско и неторопливо удовлетворял нашей любознательности, иногда довольно ядовито подшучивая над нашей неопытностью, и опять скрывался по делам в залы Музея. Ясно, что это давало ему возможность не только наблюдать за работой в Музее, но и руководить ею и ^{10*} нами, посторонними посетителями. Вопрос//сы же у нас, разумеется, л. 4 всегда находились, и авторитет и опытность И[вана] Е[горовича] были для нас в большинстве случаев решающим моментом в споре. Бывало, принесут для продажи рукопись, и она прежде всего попадала в руки В. Н. Щепкина (он заведовал преимущественно памятниками письменности), и тут начиналась палеографическая, литературная и всякая другая оценка рукописи, кончая вопросом об ее подлинности, пригодности ее для Музея и денежной ее стоимости. При этом, естественно, возникали споры по этому поводу между Щепкиным и присутствующими в данный момент в кабинете; то же происходило и тогда, когда приносили икону или какой-либо иной предмет. И[ван] Е[горович] при этом обыкновенно не присутствовал, видимо, не желая стеснять своим авторитетом спорящих, или, если и находился в кабинете, то молча прислушивался к этим разговорам, брал к себе в залу рукопись или предмет и через несколько времени приносил обратно, причем категорически уже выражал свое мнение или решение, следует ли приобретать принесенное и за какую цену; при этом, как сам коллекционер, много лет неукоснительно ходивший, пока позволяли ему годы, по букинистам и старьевщикам и базарам, вроде Сухаревки, он отлично знал цену предмета и назначал ее безошибочно, разве иногда посоветуется с тем или другим из музейцев, чаще всего с А. В. Орешниковым ⁸. Так же безапелляционно решал он и наши споры, когда мы приставали к нему, причем иногда нам, в частности мне, жестоко доставалось за высказанное слишком поспешно решение: вполне уверенный в нашем уважении к нему и при своем ^{11*} расположении к нам он подчас не щадил в словах нас и наши мнения, резко их высмеивая; обижаться было нельзя, да и мы, даже щекотливый в этом отношении В. Н. Щепкин, не решались вступать в бой с такими неравными силами. С удовольствием поэтому приходится вспоминать теперь эти беседы и распеканья: они наглядно увеличивали опытность и познания начинающего работника, были школой для нас ^{12*}. Еще более интересным и поучительным становилось пребывание в Музее около трех часов, перед прекращением ежедневных занятий. В это время в «круглый» кабинет являлся обыкновенно И[ван] Е[горович] с толстой папиросой-крученкой в простом тростниковом мундштуке, присаживался среди находящихся и сюда собиравшихся с // разных концов Музея сотрудников («забелинских молодцов», как мы л. 5 их звали) ^{13*}, и тут-то начинались иногда разговоры на самые разнооб-

^{10*} ею и *вписано над строкой*.

^{11*} при своем *вписано над строкой вместо зачеркнутого* его.

^{12*} были. . . нас *вписано над строкой*.

^{13*} («забелинских. . . звали») *вписано над строкой*.

разные, хотя часто сдобриваемые шуткой ^{14*}, по всегда серьезные темы, касавшиеся часто музейских ^{15*} дел или научных вопросов, связанных с ними или бывших продолжением разговоров, ведшихся перед тем теми же участниками. Тут-то главный интерес беседы для нас представляли речи Ивана Егоровича. Его мнения, большей частью оригинальные, не шаблонные, своеобразные, и по форме выражения обнаруживали всю его многостороннюю эрудицию, глубокое понимание самой жизни подчас далекого прошлого; высказывался он по обыкновению категорично, как бы делая точный, ясный, жизненноправдивый, неизбежный вывод из большой работы мысли и столь же большого материала, высказывался иногда очень выразительно, картинно и своеобразно и всегда интересно. Припоминается один из таких наших разговоров: в беседе дело шло об обстановке и условиях крещения Руси, обсуждался вопрос, почему Владимир мог так смело и решительно крестить киевлян. Слушал, слушал наши рассуждения Иван Егорович, да и положил конец спорам и колебаниям, сказавши приблизительно следующее: ведь Владимир-то был не то, что император Николай I, который мог приказать и загнать в реку всех киевлян; на подобный приказ или попытку киевляне могли сказать своему князю: «Ты нам не люб — иди себе, откуда пришел». Ясно, что дело обращения в христианство зашло уже до Владимира так далеко, что ему оставалось только сделать то, что и без его приказа было бы сделано; ему самому некуда деваться было от христианства — приходилось только оформлять ^{16*} готовое. И много подобных разговоров пришлось слышать в «круглом» кабинете в девяностых годах. Поэтому мы бессознательно, не сговариваясь, дорожили этими получасами перед закрытием Музея, невольно нас к этому времени тянуло в «круглый» кабинет послушать, что расскажет Иван Егорович. Помимо, так сказать, исторических тем разговоров, несомненный интерес представляли рассказы И[вана] Е[горовича] о недавнем прошлом в жизни самой Москвы, отчасти об им самим пережитом. Стоили бы ^{17*}, например], закрепления его рассказы, отчасти автобиографического характера, о нравах, царивших в 40-х или 50-х годах среди московских архивных работников, о том, как, живя в пещке XVIII столетия ^{18*}, приходилось тайком от начальства заниматься научной работой маленькому архивному ^{19*} писцу, как приходилось ему же «надувать» строгого генерала Голохвастова ⁹, чтобы напечатать работку, составленную по архивным материалам, находящимся в управлении его превосходительства; рассказы о том, как даже почтенные ученые умышленно выставляли вымышленные сигнатуры использованных ими не вполне документов с целью не выдавать другим интересного документа и т. д. Помимо своей авторитетности в наших глазах, общение с Иваном Егоровичем, как о нем можно судить теперь, много лет спустя, имело для нас, несомненно, большое воспитательное значение, а вместе с тем еще выше поднимало научное значение и самого Музея.

Присматриваясь к деятельности И[вана] Е[горовича] в Музее, видишь постоянное напоминание о том, что перед нами прошел единственный в своем роде знаток и историк русской бытовой древности, знаток именно материальной культуры старой Руси, каким мы знали его заочно по его известным печатным трудам ¹⁰. Оценивая вновь поступающий в Музей предмет, он всегда и немедленно находил ему определенное место в той жизненной, житейской обстановке той эпохи, к которой он относил его на основании непосредственного ознакомления с предметом, указывая, если и не всегда категорично, на ту реальную связь с окружающим, дав-

^{14*} хотя. . . шуткой вписано над строкой.

^{15*} Так в тексте.

^{16*} Так в тексте.

^{17*} бы вписано над строкой.

^{18*} XVIII столетия вписано над строкой.

^{19*} архивному вписано над строкой.

шим начало этому предмету. В последнем случае, ограничиваясь намеком, он указывал путь, предлагая другим догадываться и допытываться, заставляя вживаться в эпоху так, как он умел сам переноситься и переносить своего читателя в реальную обстановку прошлого, доводя это чувство прошлой жизни чуть не до наглядности. Таким представляется мне теперь облик Ивана Егоровича во время бесед в «круглом» кабинете Музея.

Здесь, как мне кажется, заложена ^{20*} характерная черта таланта И[вана] Е[горовича]: он был не только глубоким трезвым аналитиком эволюционного направления, но в то же время большим художником-изобразителем. Недаром стиль писаний И[вана] Е[горовича] так своеобразно-неподражаем: глубокое природное чувство языка, изобразительность его речи, мастерское пользование превосходно ему знакомым подлинным старинным языком ярко выделяют его в ряду других // историков быта. Совершенно случайно пришлось мне заглянуть в мастерскую Ивана Егоровича — художника русского слова. Случилось это в связи с описанием большого собрания старинных рукописей Забелина, завещанного им и поступившего в Музей. Не касаясь истории составления этого собрания (она в общих чертах изложена была мною в последнем десятилетнем отчете Исторического музея ¹¹), укажу лишь на преобладающий его характер: оно, как и следовало ожидать, содержит главным образом бытовые памятники в широком смысле слова. Напомню (на основании той же записки) и историю самого описания забелинских рукописей: оно составлено по завету самого Ивана Егоровича и производилось мной, также по желанию, высказанному им самим его дочери Марии Ивановне. Уклониться от столь лестного для меня поручения я не был в состоянии, и в течение пяти лет мною вместе с моими учениками и ученицами, приглашенными уже мною, описание было кончено в рукописи и начато печатанием, но обстоятельства помешали нам вполне осуществить желание И[вана] Е[горовича] ¹². В эти пять лет пришлось основательно познакомиться с собранием рукописей Забелина, перебирая и анализируя рукопись за рукописью; при этом невольно пришлось обратить внимание на многочисленные карандашные пометы на полях рукописей, на подчеркнутые в них отдельные слова и выражения. Ясно, что И[ван] Е[горович], приобретя рукопись, внимательно ее перечитывал, отмечая для себя интересующее его в ней. Если обратить внимание на то, что интересовало при чтении рукописи ее владельца, нельзя будет не заметить, что чаще всего это отдельные слова и выражения, типичные для старинной русской речи, а среди них — чаще всего — термины, названия предметов обихода, бытовые выражения. Такова, напр[имер], обильно исчерканная карандашом замечательная Кормчая XVII в. его собрания; и понятно, почему И[ван] Е[горович] особенно внимательно к ней отнесся: на этой поздней редакции сильно отразилась русская жизнь XVI—XVII вв. и словесное выражение таких отражений жизни и приковало к себе внимание историка русского быта. И[ван] Е[горович], изучая русский быт, т[аким] о[бразом], как бы в записи современников изучал и их речь, чтобы воспользоваться словесным выражением в своих работах по бытовой истории XVI—XVII вв. И действительно, мы знаем, как много стиль и письменный язык Ивана Егоровича дал для // изображения бытовой старины начиная с терминологии и кончая художественной характеристикой старинного предмета быта. Видимо, он, не владевший, как известно, достаточным знанием иноземных языков, подобно русскому человеку XVI—XVII вв., сумел с лихвой возместить этот недостаток своего образования, вдумываясь, вчитываясь в памятники старинной речи, сумел настолько с нею освоиться, что прекрасным, своеобразным чистым русским языком

л. 7

л. 8

^{20*} заложена *вписано над строкой вместо зачеркнутого* лежит.

изображал самые сложные явления, не боясь кажущейся^{21*} скудости слов и выражений, и в то же время достигал той художественной красочности и образительности, которые нам так знакомы по сочинениям Ивана Егоровича и по его изустным речам. И эта сторона превосходного знания и умения пользоваться таким языком применительно к современным нам целям не прошла, благодаря Ивану Егоровичу, бесследно и для Музея. Если раскроем любой из отчетов Музея, вышедших при жизни и при руководстве И[вана] Е[горовича], найдем в нем ясно выраженное стремление составителей отчета приложить и здесь язык и стиль И[вана] Е[горовича] к описанию и характеристике описываемых предметов. Это стремление не отсутствует и в позднейших отчетах Музея: в этом отношении, стало быть, создана Иваном Егоровичем некоторая до сих пор живая традиция.

Конечно, то немногое, что передано мною сейчас, это — не столько воспоминания об Иване Егоровиче, сколько попытка передать то впечатление, которое на нас, имевших счастье лично знать И[вана] Е[горовича], пользоваться его руководством, отчасти быть его сотрудниками, производила личность Ивана Егоровича в Музее в былое время. Биография И[вана] Е[горовича], очерк его деятельности, построенный на основании фактического материала и на основании более обстоятельных воспоминаний о нем современников, а тем более оценка этой более чем полувековой деятельности — дело, разумеется, будущего и в то же время обязанность прежде всего историков русского быта в широком смысле этого слова.

6/1. [1929. Москва

М. Сперанский

ГБЛ, ОР, ф. 177, к. 49, д. 54, лл. 1—8. Машинописный правленный автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: *Разгон А. М.* Российский Исторический музей. История его основания и деятельности (1872—1917 гг.). — В кн.: Очерки истории музейного дела в России, вып. II. М., 1960, с. 224—299. ² И. Е. Забелин был одним из главных организаторов Исторического музея, а в 1883—1908 гг. — его фактическим руководителем (СИЭ, т. 5, с. 583). ³ М. Н. Сперанский учился на историко-филологическом факультете Московского университета в 1884—1885 гг. ⁴ В. Н. Щепкин (1863—1920) — известный ученый славист, языковед, палеограф и историк древнерусской литературы. В 1887—1920 гг. являлся хранителем Исторического музея. ⁵ А. И. Станкевич (1856—1922) — племянник Н. В. Станкевича, автор ряда статей и заметок исторического, историко-литературного и библиографического характера. В 1887—1920 гг. являлся хранителем Исторического музея. См. о нем: Отчет Государственного Исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926, с. 135—137. ⁶ *Забелина М.* Заветы Ивана Егоровича Забелина. — В кн.: Отчет имп. Российского Исторического музея имени имп. Александра III в Москве за 1883—1908 годы. М., 1916, с. 19—22. ⁷ Согласно «Положению об имп. Российском Историческом музее» 1888 г. (см.: «Отчет имп. Российского Исторического музея имени имп. Александра III в Москве за 1883—1908 годы», с. 200—202) «высший надзор за музеем и попечение о его преуспеянии» вверялись «председателю из особ императорской фамилии», фактически почти не принимавшему участия в работе музея. Поэтому управление музеем находилось в руках товарища председателя. В 1884—1905 гг. председателем музея значился великий князь Сергей Александрович (*Разгон А. М.* Указ. соч., с. 268). ⁸ А. В. Орешников (1855—1933) — виднейший отечественный нумизмат, с 1883 г. — заведующий нумизматическим отделом Исторического музея. ⁹ Д. П. Голохвастов (1796—1849) — попечитель Московского учебного округа, автор ряда работ по отечественной истории. ¹⁰ Список печатных работ И. Е. Забелина см.: *Кузьминский К. С.* Иван Егорович Забелин и его печатные труды. М., 1912. ¹¹ *Сперанский М. Н.* Собрание рукописей И. Е. Забелина. — В кн.: Отчет Государственного Исторического музея за 1916—1925 гг. Приложение II. М., 1926, с. 1—27. ¹² Завершению издания помешала война. См. об этом: *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963, с. 219, 250

^{21*} кажущейся *вписано над строкой.*

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

В 1976 Г.

3-5 февраля в Вологде проходила Вторая Северная региональная научная конференция «Археография и источниковедение истории Европейского Севера СССР в период между XXIV и XXV съездами КПСС»¹.

17 февраля состоялось совместное заседание Археографической комиссии и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти Сигизмунда Натановича Валка².

5 апреля состоялось заседание Археографической комиссии, на котором с докладом на тему «Историзм русского героического эпоса» выступил академик Б. А. Рыбаков. Как известно, работы Б. А. Рыбакова, посвященные древнерусскому эпосу, были обобщены в его фундаментальном труде «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи», вышедшем в 1963 г. В докладе Б. А. Рыбаков рассказал о своих дальнейших поисках в этом направлении.

Б. А. Рыбаков давно уделяет большое внимание проблеме той среды, из которой ведут происхождение былины. Изучение этого вопроса позволило ему прийти к выводу, что в создании былин принимали активное участие не только дружинная среда, но и народные массы. В этом смысле, заметил Б. А. Рыбаков, былины общенародны.

Исследования последних лет, в частности работа С. И. Дмитриевой «Географическое распространение русских былин», показали, что наиболее полно былины сохранились в тех местах русского Севера, где имела место новгородская колонизация. Таким образом, сохранившийся былинный фонд представляет собой ту часть общерусского героического эпоса, которая прошла через новгородскую призму. Б. А. Рыбаков указал в связи с этим на необходимость изучения связей правивших в Новгороде князей и их дружин с новгородцами. Далее он подробно рассмотрел вопрос об условиях возникновения различных

былинных циклов, их распространении, слиянии и создании единого былинного фонда.

Углубляя представление об исторической сущности былин, Б. А. Рыбаков предпринял попытку проследить элементы воздействия праславянских сказаний о нашествиях кочевников середины I тысячелетия на былины позднейшего времени.

Выступившая затем Р. С. Лунец (Институт этнографии АН СССР) подчеркнула актуальность доклада и указала на необходимость изучения исторических корней былины как для историков, так и для фольклористов. Председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт охарактеризовал большое научное значение выводов и наблюдений Б. А. Рыбакова и отметил важность конкретно-исторического подхода к содержанию былин для сравнительного изучения материалов эпоса и письменных источников и исследования изменений исторических представлений во времени.

8 июня в Археографической комиссии прошло обсуждение работы младшего научного сотрудника комиссии М. Н. Воробьева по составлению «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР». В обсуждении приняли участие ученый секретарь Археографической комиссии В. А. Черных, руководитель работы старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР А. И. Рогов, старшие научные сотрудники комиссии О. А. Князевская и Н. Б. Шеламанова. О ходе работы сообщил М. Н. Воробьев. В настоящее время «Предварительный список» находится в стадии подготовки к печати. В процессе обсуждения были уточнены вопросы расположения сведений в списке, его структуры и внешнего оформления. Подробно об этой работе см. в статье А. И. Рогова и М. Н. Воробьева, посвященной выходу «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР)», которая будет напечатана в «Археографическом ежегоднике за 1977 год».

¹ Об этом см. стр. 312—315 наст. тома.

² Об этом см. стр. 280—310 наст. тома.

17 июня в Археографической комиссии состоялись традиционные ежегодные Тихомировские чтения, посвященные на этот раз проблемам сокращения передачи текста массовых источников³.

6 июля в Археографической комиссии состоялась встреча с профессором Гарвардского университета доктором *Патрицией Кеннеди Гримстед* — автором трудов по истории архивов СССР. Она ознакомила присутствующих с тематикой библиографий микрофишей по различным проблемам русской истории и про-

демонстрировала ряд каталогов фирмы *Inter Documentation Company*, специализирующейся на изготовлении микрофишей. В настоящее время фирма выпускает серию микрофишей русской и советской справочно-архивоведческой литературы (путеводителей по архивам, описаний архивных собраний, каталогов рукописей и др.). Сообщение доктора Гримстед — новое свидетельство растущего интереса зарубежных исследователей к русской истории.

М. П. Миропенко

³ Об этом см. стр. 146—147 наст. тома.

СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АН СССР И ЦЕНТРАЛЬНОГО ПАРТИЙНОГО АРХИВА ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ С. Н. ВАЛКА

Хроника заседания

17 февраля 1976 г. состоялось совместное заседание Археографической комиссии и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти Сигизмунда Натановича Валка (1887—1975). Со вступительным словом обратился к собравшимся председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт*¹. Доклад «С. Н. Валк и издание ленинских документов» сделал *Ю. А. Ахапкин* (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС). На заседании выступили 15 человек.

Значение историографических работ Валка было раскрыто *В. И. Бугановым* (Институт истории СССР АН СССР).

Б. Г. Литвак (Институт истории СССР АН СССР) сказал о некоторых сторонах публикаторской деятельности Валка. До сих пор не потеряла научного значения публикация «Отмена крепостного права», изданная в 1950 г. под его редакцией. В научный оборот были введены еженедельные донесения министров внутренних дел за весь период проведения реформы 1861 г. (с 30 марта 1861 г. по первое января 1863 г.). Это одна из первых видовых публикаций по истории XIX в. Она внесла новую струю в историографию вопроса и послужила не одному поколению исследователей, хотя и получила тогда не только положительные рецензии. Предисловие к этой публикации, написанное более 25 лет назад, звучит настолько историографически современно,

что является убедительным свидетельством новаторского подхода к выбору темы публикации и составу ее материалов.

Тематические публикации, в подготовке которых участвовал Валк, отличаются высоким научным уровнем. Серийное издание «Крестьянское движение в России в XIX—начале XX века», осуществленное под руководством Н. М. Дружинина, открывается томом, редактором которого был Валк. Том посвящен крестьянскому движению с 1796 по 1825 г. Публикация показала, какими должны быть научно-справочный аппарат и примечания к документам, впервые в таком массовом масштабе вводимым в научный оборот, и стала новым словом в археографической практике.

Валк относился к публикаторской деятельности как к особому роду научной работы, в которой любая деталь должна отражать и концепционные вопросы.

В примечании к Предисловию названного тома оговорено, что в его состав не вошли документы о восстаниях военных поселений и ополченцев, которые имеют свои особенности и «должны явиться предметом особой публикации и самостоятельного исследования»². Даже в изучении такой, сравнительно частной темы Валк обратил внимание на то, что до него оставалось вне поля зрения историков крепостного права и крестьянского движения в России. Это — свидетельство не только широты диапазона научных

¹ Вступительное слово С. О. Шмидта, доклад Ю. А. Ахапкина и выступления В. И. Буганова, Л. В. Черепнина и С. В. Чиркова печатаются на с. 296—302 наст. тома.

² Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сб. документов. Под ред. доктора исторических наук С. Н. Валка. М., 1961, с. 9.

интересов ученого, но и глубины его подхода к историческим явлениям.

С. С. Левина (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина) охарактеризовала значение библиографических работ Валка, неразрывно связанных с его интересами источниковеда и археографа, и его вклад в научно-вспомогательную библиографию. На стыке библиографии и археографии находятся, по ее мнению, известные обзоры Валка о документальных публикациях, печатавшиеся в 1926—1929 гг. в журнале «Архивное дело». Задача этих обзоров чисто библиографическая — информация специалистов о новой литературе. Содержание же их составляет анализ материала не только с точки зрения его новизны и исторической ценности, но и с точки зрения археографической методики. Сейчас принцип отбора материала по его научной ценности является общепринятым в научно-вспомогательной библиографии, а в 20-е годы подход Валка был новаторским.

Главная область, где Валк пролагал новые пути — библиографирование произведений революционной печати, в первую очередь листовок. Его работы, посвященные этому виду исторических источников, внесли существенный вклад в разработку методики их описания³.

Первая инструкция по описанию листовок была составлена им совместно с А. А. Шиловым в 1919 г. В работах 1924 и 1929 гг. Валк дал анализ терминов «листовка», «прокламация» и показал, в чем трудность проведения грани между листовкой и периодическим изданием или брошюрой. Он считал, что, выделяя листовки как тип издания, необходимо рассматривать их в единстве полиграфической формы и содержания, но приоритет остается за формой, так как в виде листовок издавались произведения разнородного содержания. О сложности проблемы, поставленной Валком, свидетельствует тот факт, что в исторической литературе и сейчас нет общепринятого определения, что такое листовка. В то же время в наиболее четких современных определениях содержатся те исходные положения, которые впервые высказаны Сигизмундом Натановичем. Опираясь на накопленный опыт библиографирования листовок пролетарского периода, Валк доказал преимущества описания их под коллектив-

ным автором, что принято сейчас в качестве основного правила.

Последовательно проведенный в Инструкции 1919 г. и в последующих работах Валка источниковедческий подход к произведениям революционной печати ставил перед библиографами задачу установления сведений об организации, составившей текст, месте и времени его издания, обстоятельствах публикации и распространения и других необходимых элементах историко-критического комментария. Эти методические установки уже тогда были положены в основу описания листовок в библиографических указателях, подготовленных под руководством Валка или с его участием⁴.

Рассказывая об этих указателях, Левина назвала также составленный Валком сборник документов — «Листовки Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“» (М., 1934), который, по ее выражению, «буквально насыщен библиографической информацией». В нем приведены сведения об авторах и датах, отсутствующие в текстах документов, дано тщательное описание внешнего облика листовок. Из 67 опубликованных листовок Валком атрибутировано 29, из них 20 — на основании свидетельств членов «Союза борьбы. . .», живших в то время. В публикацию включены два библиографических приложения: список литературы о «Союзе борьбы» и список не обнаруженных листовок.

Названные работы и сейчас сохраняют свое значение для изучения дореволюционной большевистской печати и нелегальной печати XIX в. На использовании и развитии опыта Валка, в котором проникновение в библиографию источниковедческого исследования особенно ценно, основаны последующие издания подобного типа⁵. В них, как и в библиогра-

³ Первомайские прокламации. Библиографическое описание. Составили *Власова О. И., Орловская Е. М. и Бендер И. Г.* под редакцией *Валка С. Н. и Шилова А. А.* Л., 1924; *Валк С. Н.* [ред. на кн.:] Памятники агитационной литературы Росс. Соц.-демокр. раб. партии, т. VI (1914—1917). Период войны, вып. 1. Прокламации 1914 г. М., 1923. — «Былое», 1924, № 23, с. 299—306; *он же.* О приемах описания нелегальной листовки. М., 1929 (отдельный оттиск из журнала «Библиография», 1929, № 2—3).

⁴ Первомайские прокламации. Библиографическое описание; Социал-демократические листовки. 1894—1917 гг. Библиографический указатель, т. I. Листовки центральных учреждений и заграничных организаций. [Л.], 1931; т. II, ч. 1. Листовки Петербургской большевистской организации РСДРП. [Л.], 1934; Русская подпольная и зарубежная печать. Библиографический указатель, [т.] I. Донатовольский период. 1831—1879, вып. 1 Книги, брошюры, листовки. Составлен *Клеевским М. М., Кушевой Е. Н. и Марковой О. П.* под ред. *Валка С. Н. и Козьмина Б. П.* М., 1935.

⁵ См., например: Листовки первых лет Советской власти. Каталог, т. I, II. М., 1967, 1970; Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. (Книги и периодические издания). М., 1971; Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиографический указатель, ч. 1. 1837—1864, август. М., 1974; Сводный каталог

фических работах Валка, произведения печати рассматриваются не только как источники информации, но и как документ эпохи. Книговедение своими путями пришло к признанию источниковедческого значения книги. Начало такому подходу положили историки революционного движения, занимающиеся библиографированием, и в их числе С. Н. Валк.

Далее Левина сказала о значении опыта Валка для организации библиографической работы и его роли как научного руководителя библиографических коллективов.

Академик *Л. В. Черепнин* (Институт истории СССР АН СССР) рассказал о научной и педагогической деятельности Валка в недолгий период его жизни в Москве в годы Великой Отечественной войны (1943—1944) и о встречах с ним затем в Ленинграде.

Мало известные факты, характеризующие облик Валка — ученого и человека, привел член-корр. АН СССР *В. Л. Янин* (Московский государственный университет). Он говорил о доброте, скромности и мужестве С. Н. Валка — качествах, сделавших его в глазах всех, общавшихся с ним, настоящим рыцарем науки. Подробно было рассказано о благородной роли Валка в деле сохранения для читателей части тиража второго выпуска фундаментального труда академика *Н. П. Лихачева* «Материалы для истории русской и византийской сфрагистики» (Л., 1930), благодаря чему эта важная для развития советского источниковедения книга имеется теперь во всех крупнейших библиотеках. *В. Л. Янин* отметил неизменную внимательность Валка к молодым исследователям, в формировании которых авторитетная и тактичная помощь *Сигизмунда Натановича* сыграла немалую роль.

А. И. Юхт (Институт истории СССР АН СССР) посвятил выступление занятиям Валка, связанным с подготовкой издания сочинений *В. Н. Татищева* и материалов о его жизни и деятельности.

После выхода в свет «Истории Российской» — издания, высоко оцененного научной общественностью в нашей стране и за рубежом, Валк вел работу по подготовке издания других сочинений *Татищева*, в основном публиковавшихся ранее, но давно ставших библиографической редкостью. Одновременно он обдумывал возможность публикации документального сборника о жизни и деятельности историка. Собственно говоря, это издание он мыслил как единое. В один том должны были войти труды *Татищева*, а также записки общего характера, касающиеся социально-экономической и политической истории России; в другой том — документы, отражающие основные этапы административной деятельности *Татищева*. *С. Н. Валк* полагал, что для второго тома следует привлечь докумен-

тальный материал, хранящийся в архивах Москвы, Свердловска и Астрахани.

Замысел издания такого сборника был поддержан руководством Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Валк считал также возможным в процессе работы использовать материалы так называемого *куниковского* сборника о *Татищеве*, которые хранятся в архиве Академии наук в Ленинграде. Этот сборник объемом примерно в 40 п. л., включающий самые различные документы о жизни и деятельности *Татищева*, был подготовлен в 80-х годах прошлого века под руководством академика *А. А. Куника* и *Н. А. Попова* в связи с 200-летием со дня рождения историка. Перечень документов был опубликован *Куником* в «Записках Академии наук» (т. 47). В том вошли письма *Татищева*, его донесения, записки и т. д. Они характеризуют в известной мере административную деятельность *Татищева*, пребывание на Урале и в Сибири, поездку в Швецию, деятельность в Монетной конторе, в Оренбурге, Астрахани, *болдинский* период его жизни. Вследствие ряда причин том так и не появился в печати.

Валк во время работы над «Историей Российской», и особенно готовя сборник трудов *Татищева*, самым тщательным образом ознакомился с указанными материалами. И когда внимательно изучил их, то отказался от замысла издания документальной публикации о жизни и деятельности *Татищева*. Он писал по этому поводу *А. И. Юхту*: «На каждый раздел приходится по несколько документов, дающих лишь отрывочные сведения о том, что происходило. Это хрестоматия, которая не удовлетворит даже желающего бегло ознакомиться с документами, касающимися всей жизни *Татищева*».

По мнению Валка, опыт *Куника* и *Попова* показал, что попытки создания документального сборника о *Татищеве* обречены на неудачу. «Деятельность *Татищева* была настолько огромной и разносторонней, — писал Валк, — что для систематического освещения ее потребовалось бы многотомное издание документов и материалов, что вряд ли осуществимо. Общественно-политическая и государственная деятельность *Татищева* может и должна быть охарактеризована в монографическом исследовании. Это тем более надо сделать, что книга *Н. А. Попова* («*Татищев* и его время». М., 1861) устарела». Это мнение Валка, сказал *Юхт*, очень четко характеризует принципы, которыми он руководствовался в своей археографической деятельности.

Е. Н. Кушева дополнила выступление *С. С. Левиной* рассказом о работе над библиографическим указателем произведений русской подпольной и зарубежной печати⁶. В 1931 г. при существовавшей во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев секции по изучению революционного и общественного

русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1975, и др.

⁶ См. с. 281 наст. тома.

движения XIX в. была образована библиографическая комиссия из пяти человек. Возглавляли ее Б. П. Козьмин (от издательства Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев) и С. Н. Валк (в связи с работой над «Декретами Октябрьской революции» он постоянно бывал тогда в Москве). Этой комиссией был составлен план подготовки многотомного библиографического указателя русской нелегальной и зарубежной литературы XIX в. Первый выпуск его должен был включать библиографическое описание книг, брошюр и листовок донародовольческого периода. Во втором выпуске предполагалось дать описание нелегальной периодики.

О том, как шла работа, Е. Н. Кушева сказала: «Это было содружество энтузиастов, в полном смысле слова коллективная работа. Благодаря тому, что Сигизмунд Натанович постоянно бывал в Москве, собиралась обычно вся пятерка. Каждая новая находка, каждый раскрытый аноним вызывали живой интерес, общую радость. Спорные и неясные случаи обсуждались. Огромная эрудиция С. Н. Валка и Б. П. Козьмина оказывали составителям неоценимую помощь. Не менее значительной была помощь Валка в обследовании хранилищ в Москве и Ленинграде».

Описание проводилось в основном по правилам, принятым для социал-демократических листовок⁷, но так как для изданий XIX в. оказалось невозможным осуществить принцип описания под коллективным автором, то материал был расположен в хронологической последовательности.

Первый выпуск указателя вышел в 1935 г. в количестве 2 тыс. экземпляров и стал сейчас библиографической редкостью. Он сохраняет свое значение как этап библиографической работы. Им пользовались и составители «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати» (М., 1971).

В заключение Кушева рассказала о подготовленных Валком в тот период исследовательских статьях (по истории «Народной Воли» второй половины 80-х годов XIX в.) и публикациях документов. Особое место среди них занимает такое уникальное издание, вышедшее под редакцией Валка и с его предисловием, как «Архив „Земли и Воли“ и „Народной Воли“» (М., 1932). Интерес к истории революционного и общественного движения, проявленный Валком в 20—30-е годы, — свидетельство поразительной многогранности его научного творчества.

В докладе Ю. А. Ахапкина, отметил Е. А. Луцкий (Московский государственный историко-архивный институт), впервые так подробно рассказано о работе С. Н. Валка в Институте Ленина, результаты которой воплощены в публикации произведений В. И. Ленина и декретов

Советской власти. В процессе этой работы закладывались основы новой отрасли советского источниковедения — источниковедения произведений В. И. Ленина. Именно источниковедческое исследование и дало возможность осуществить научное издание и сочинений Ленина, и декретов Советской власти. В некоторых случаях Валком произведена реконструкция утраченных подлинников декретов. В качестве примера Е. А. Луцкий привел Декрет о земле. Известно, что подлинника этого декрета или какой-либо заверенной копии до нас не дошло. Готовя научную публикацию первых декретов Советской власти, Валк, учитывая все имеющиеся различия, имел возможность выбрать такой текст, который, как показало дальнейшее изучение, был наиболее близок к протографу. Насколько сложна была эта работа видно из того, что в первом издании Собрания сочинений Ленина была опубликована одна редакция этого декрета, а во втором и третьем изданиях — другая⁸. В «Декретах Октябрьской революции», вышедших после второго и третьего изданий Сочинений В. И. Ленина, Валк предложил иную редакцию текста Декрета о земле, которой не было ни в первом, ни во втором, ни в третьем изданиях Сочинений В. И. Ленина. Сейчас эта редакция является общепринятой. Она вошла и в «Декреты Советской власти», а затем в пятое издание Сочинений В. И. Ленина⁹.

В 1958 г., после выхода первого тома «Декретов Советской власти», Валк выступил со статьей «Документы 25 октября 1917 г.»¹⁰, посвященной обращению «К гражданам России», открывавшему это издание. Хотя интерпретация содержания самого документа вызвала возражения¹¹, статья представляет образец анализа ленинских рукописей и показывает большие возможности текстологического, в частности графологического и топографического, их изучения.

Значительный вклад в источниковедение произведений Ленина внесен изданием «Вспомогательные исторические дисциплины», основанным Валком и выходящим под его редакцией. На страницах этого издания, начиная со второго тома по шестой, было опубликовано 14 источниковедческих работ, посвященных анализу произведений В. И. Ленина и некоторых советских документов, связанных с ленинской тематикой. Сигизмунд На-

⁷ Валк С. Н. О приемах описания нелегальной листовки, с. 281 наст. тома.

⁸ Ленин В. И. Соч., т. XV. Изд. 1-е. М., 1922, с. 21; изд. 3-е, т. XXII. М.—Л., 1929, с. 20—23.

⁹ Декреты Октябрьской революции, т. 1. М., 1933, с. 7—14; Декреты Советской власти, т. 1. М., 1957, с. 17—20; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35. М., 1962, с. 24—26.

¹⁰ Проблемы источниковедения, 1958, т. VI, с. 3—17.

¹¹ Проблемы источниковедения, 1962, т. IX, с. 3—18.

танович Валк, закончил Е. Н. Луцкий, являясь археографом и источниковедом во многих областях истории СССР, был выдающимся специалистом в области источниковедения произведений В. И. Ленина и одним из основателей этого направления научного исследования.

С. В. Чирков (Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена) говорил об исследованиях С. Н. Валка по истории русской исторической науки преимущественно XIX в. и о влиянии на формирование Валка как ученого петербургской школы русских историков, из которой он вышел¹².

Выступление М. В. Кукушкиной (Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде) было посвящено теме: С. Н. Валк как педагог. «Мой путь в науку, — сказала она, — был полностью определен Сигизмундом Натановичем, и именно он подготовил меня как исследователя-источниковеда». В 1944 г., когда Ленинградский университет вернулся из Саратова в Ленинград, Кукушкина оказалась в той группе, которую Валк по традиции брал себе в качестве семинара.

Уже на первом курсе Валк приучал студентов уважать себя как будущих исследователей. Предлагая разобраться в сложном тексте Русской Правды, он неизменно обращался с вопросом: «Как Ваше ученое мнение?», в котором никогда не было иронии.

«На втором курсе, — рассказала М. В. Кукушкина, — Сигизмунд Натанович предложил мне тему, связанную с изучением архивного фонда М. М. Сперанского, которая, как я поняла позднее, интересовала его лично. Сигизмунд Натанович сам привел меня в Библиотеку Академии наук, попросил, чтобы меня оформили в качестве читателя (по правилам это было возможно только для студентов старших курсов), вместе со мной пошел в Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки, где мы смотрели черновую рукопись «Введения к Уложению государственных законов» 1809 г. Сидя рядом, он учил читать скороспью, подводить варианты. Затем мы вместе побывали в Центральном государственном историческом архиве, где хранилась копия текста «Введения». В Рукописном отделе Пушкинского Дома Сигизмунд Натанович познакомил меня с материалами Сперанского, находившимися в архиве Тургеневых. Сейчас самое важное, как говорил Валк, научиться работать с источником». По ряду причин диплома из этой работы не получилось. И завершена она была позднее, когда в ЛОИИ в 1947—1948 гг. началась под руководством Валка подготовка к изданию проектов и записок Сперанского¹³.

Интерес Валка к Сперанскому, проявившийся еще в 1916 г., когда он сотрудничал в Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем Сперанского, был, несомненно, продиктован характером источниковой базы — наличием архивного фонда, опубликование которого могло пролить свет на одну из интереснейших страниц политической истории России XIX в. и колоритную фигуру этого государственного деятеля. В 1948 г. В. Г. Гейман показал Валку копию проекта «Введения», оказавшуюся затерянной. Выдержки из черновой рукописи «Введения» и окончательный его текст были ранее опубликованы и изучались исследователями, однако ясности в соотношении и последовательности редакций не было. Поэтому нельзя было составить и полное представление о взглядах самого Сперанского. Валком лично были выявлены все другие списки проектов и записок Сперанского, и здесь проявилось его великодушное чутье археографа и источниковеда. «Предложив мне заняться подготовкой «Введения» к опубликованию, — сказала Кукушкина, — Сигизмунд Натанович акцентировал внимание на изучении первоначальных, черновых вариантов рукописи и их значения для истолкования позиции ее автора¹⁴. По выходе публикации Валк в личной беседе сказал, что если бы был помоложе, то сам написал бы работу о Сперанском». Он предлагал эту тему ряду своих студентов и не оставлял мысль, что кто-нибудь из его учеников напишет такую работу. В 1974 г. А. А. Копанев — последний из учеников С. Н. Валка — защитил диплом об исторических взглядах Сперанского. С. Н. Валк считал работу удачной и рекомендовал ее автору в аспирантуру.

В трудные послевоенные годы Валк помогал своим студентам чем мог (он, например, посылал книги тем, кто по распределению уехал из Ленинграда, перепечатывал за свой счет студенческие дипломные работы). Валк сотрудничал со своими учениками добросердечные отношения, которые распространялись и на их семьи.

Во всех научных вопросах Валк был человеком необычайно деликатным. Обладая энциклопедическими знаниями, он никогда не подавлял своим авторитетом, не позволял себе вмешиваться в авторский текст, даже аспиранта и студента, а замечая стилистические погрешности и неточности, обычно говорил: «Подумайте, здесь у Вас как-то нескладно написано».

Кукушкина рассказала, что когда Валк начал заниматься Радзивилловской летописью, он стал чаще обычного бы-

¹² См. с. 309—310 наст. тома.

¹³ *Сперанский М. М. Проекты и записки. Подготовили к печати Копанев А. И. и Кукушкина М. В.* Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1961.

¹⁴ *Валк С. Н. Законодательные проекты М. М. Сперанского в печати и в рукописях. — «Исторические записки», т. 54. М., 1955, с. 464—472.* См. также предисловие С. Н. Валка в кн.: *Сперанский М. М. Проекты и записки, с. 3—15.*

вать в Отделе рукописей библиотеки. А через некоторое время вдруг перестал приходить совсем. На вопрос о причине этого он ответил, что над этой летописью работает Г. Н. Моисеева, которая пишет большую книгу о Ломоносове, и он не хочет ей мешать. «Тем много, есть чем заняться», — заметил Сигизмунд Натанович. В отношении к своим ученикам, вообще к молодым исследователям, Валк был всегда щедрым на помощь и готовым отдать им предпочтение, а самому остаться в тени.

Влияние Валка, ученого и человека, на тех, кто общался с ним, был его учеником или работал под его руководством, — такова тема выступления *М. П. Ирошников* (Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР). «На протяжении многих лет, — сказал Ирошников, — мне посчастливилось общаться с Сигизмундом Натановичем, учиться у него, работать под его руководством. Подпись Сигизмунда Натановича как председателя экзаменационной комиссии стоит на моем университетском дипломе. Он был научным руководителем моей кандидатской диссертации. И совсем недавно, в 1974 г. — ответственным редактором моей книги «Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)».

Ирошников остановился на некоторых эпизодах общения с Валком и чертах его личности, особенно запомнившихся. Валк всегда следовал традициям отечественной исторической науки. И выражалось это прежде всего в глубокой и бескорыстной любви и преданности трудному делу ученого — патриота своей Родины.

Питомец историко-филологического факультета Петербургского университета, Сигизмунд Натанович навсегда сохранил глубокое уважение и благодарность своим учителям.

«Нас, его многочисленных учеников, — продолжал Ирошников, — радовало всегда то, что он не меняется, всегда такой же. Сигизмунд Натанович был добрым и светлым идеалом для всех нас. Пройдя большой и достаточно сложный жизненный путь, Валк всегда оставался исключительно скромным и бескорыстным, непритязательным и деликатным человеком, неизменно корректным в научных трудах и спорах. Оставался таким, как всякий истинный ученый, несмотря на высокие ученые степени и звания, заслуженный научный авторитет, а скорее всего, именно поэтому.

Поражала всегда его страстная увлеченность, преданность исторической науке, интересам ее успешного развития. И может быть, именно с этим отношением Сигизмунда Натановича к своему долгу ученого и связано во многом то, что он избирает такой трудный, подчас не очень выигрышный труд публикатора, источниковеда».

Ирошников напомнил о некоторых суждениях Валка о значении комплекс-

ного издания источников. После выхода «Декретов Октябрьской революции» в «Правде» и ряде журналов¹⁵ появились рецензии, высоко оценивавшие значение этого издания для изучения истории Октябрьской социалистической революции. С. Н. Валк опубликовал в 1934 г. в связи с этим специальную статью. Заканчивая ее, он писал: «Мы думаем, что теперь на очереди, наряду с серией «Декретов», т. е. опубликованных актов СНК, стоит издание также и второй серии — серии протоколов, со всеми связанными с ними материалами. Только тогда изучение деятельности СНК за этот период будет возможно полно»¹⁶.

В период подготовки «Истории Российской» В. Н. Татищева С. Н. Валк сказал однажды, что публикации такого фундаментального обобщающего характера — это своего рода долгосрочные вклады в науку, которые долгие годы будут приносить плоды, будут помогать успешному развитию различных отраслей исторической науки. Причем, как он говорил, даже заранее нельзя предугадать, для каких ее аспектов окажется положительным влияние и значение фундаментального издания того или иного комплекса источников. Можно быть уверенным только в одном, что такой положительный и многократный эффект публикации источника несомненно будет.

Для Валка как исследователя и археографа всегда была характерна исключительная добросовестность. Он внимательно читал все, что выходило под его редакцией. При его непосредственном участии готовился не только основной текст «Истории Российской» Татищева, но и все варианты к рукописи. Примечания и довольно сложные указатели также имели многочисленные следы его карандаша.

Много сил, энергии, любви отнимало у Валка в последние годы издание «Вспомогательные исторические дисциплины». Это издание во многом, если не во всем, определялось руководством, заботами и хлопотами Сигизмунда Натановича, который сам лично подбирал состав этих сборников, связывался с авторами, вел с ними переговоры и т. д. И именно Валку — первому и бесшумному редактору вышедших семи томов — прежде всего и больше всего обязано своим успехом это издание.

Валк очень хорошо знал цену не только печатного, но и устного слова. Его лекции, выступления на заседаниях, обычно не многословные, всегда поражали своей емкостью, насыщенностью, глубиной знаний. Но, пожалуй, особенно

¹⁵ См., например: «Правда», 1933, 21 октября; «Историк-марксист», 1934, № 2; «Книга и пролетарская революция», 1933, № 10; «Каторга и ссылка», 1934, № 1, и др.

¹⁶ Валк С. По поводу отзывов на «Декреты Октябрьской революции». — «Пролетарская революция», 1934, № 4, с. 136.

ярко раскрывался Валк в личных беседах и на своих семинарских занятиях. Именно в личном общении особенно щедро проявлялся его замечательный дар педагога, наставника молодых историков.

В жизни Сигизмунда Натановича не было дня, чтобы он не читал. Он просто физически не мог жить без книг, газет, журналов. Они были для него как кислород. Читал Валк на английском, французском, немецком, итальянском языках, не говоря уже о славянских, из которых особенно хорошо владел польским языком.

Поистине уникальный характер носила библиотека Валка. Он собирал ее многие годы своей долгой и удивительной жизни. И важно отметить, что библиотека Валка и при его жизни была не только его личной библиотекой. Все, что можно было, он всегда готов был предоставить ученикам и всем, кому это было необходимо. Многие историки — ленинградцы и москвичи — имеют в своих собраниях книги, подаренные Сигизмундом Натановичем Валком. Сейчас его библиотека в качестве мемориального фонда находится в составе Библиотеки Академии наук СССР (в библиотеке ЛОИИ СССР АН СССР) и в дальнейшем будет служить не одному поколению отечественных историков.

«Было бы совершенно ошибочно думать вместе с тем, — заметил Ирошников, — что С. Н. Валк был таким книжником, утонувшим в бумагах. Буквально до последних месяцев Сигизмунд Натанович проявлял самый живой интерес ко всем сторонам жизни. История была для него самым теснейшим образом связана не только с другими отраслями науки, но и с разнообразными видами искусства. Сигизмунд Натанович неизменно и преданно любил театр, музыку, живопись и не уставал восхищаться ими. Он не пропустил почти ни одной значительной театральной постановки, концерта, выставки. И трудно было представить себе концерт в Большом зале Ленинградской филармонии, на котором можно было бы не встретить С. Н. Валка».

«Подлинное значение деятельности человека, — сказал Ирошников, — определяется, как известно, не только тем, что из материальных или духовных ценностей ему удалось создать, но и тем, что представляет собой его жизнь, как он ее прожил и какое влияние оказала его личность на современников. И в этой связи нельзя не подчеркнуть, что Сигизмунд Натанович был не только крупнейшим ученым, но и поистине замечательным человеком. Ему всегда были присущи органически неизменная доброжелательность, душевная щедрость, готовность помочь в необходимых случаях и словом и делом, и советами и книгами.

Совершенно особым было отношение Сигизмунда Натановича к Ленинграду, с которым оказалась связанной вся его сознательная жизнь. С. Н. Валк рассказывал, что в 20-е годы, когда для занятий

с сотрудниками только что созданного Института Ленина ему приходилось почти еженедельно ездить в Москву, он получил несколько заманчивых предложений переехать в столицу, но так и не смог решиться расстаться со своим любимым городом.

Почти 90 лет прожил Сигизмунд Натанович Валк. Это громадная по своей протяженности и интенсивности жизнь, почти каждый день которой был так или иначе посвящен и отдан любимому делу — исторической науке. Как известно, научная биография ученого-историка определяется во многом его исследованиями, публикациями, книгами. Это в полной мере относится и к Сигизмунду Натановичу, внесшему в советскую историческую науку, в развитие советского источниковедения и археологии выдающийся вклад. Но научная биография Сигизмунда Натановича примечательна и в другом отношении. Он оставил и такое научное наследство, которое не поддается никакому библиографическому учету, — это множество благодарных коллег и учеников во всех концах нашей страны, и в частности в Ленинграде, в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР, где никогда не забудут С. Н. Валка, жизнь и труд которого являются образцом преданного, бескорыстного служения исторической науке».

«Мое знакомство с Сигизмундом Натановичем, — сказал С. М. Кацманов (Институт истории СССР АН СССР), — началось не с его трудов, а с личного общения. Он сразу же произвел на меня неотразимое впечатление. Прежде всего это был необычайно благожелательный человек. Увидев меня в 1952 г. в архиве ЛОИИ, где я, тогда студент III курса Историко-архивного института, занимался, и узнав чем я интересуюсь, Сигизмунд Натанович на следующий же день принес мне свою копию книги Богоявленского монастыря. Источник этот трудно было разыскать так как не был известен его шифр. Я с благодарностью воспользовался любезностью Сигизмунда Натановича и поместил ссылки на этот источник в хронологическом перечне иммунитетных грамот XVI в., опубликованном в «Археографических ежегодниках».

Такую доброту Сигизмунд Натанович проявлял не только ко мне. Влиял он как-то незаметно и воздействовал самой своей личностью, оказанным вниманием. Беседы с ним были крайне поучительны. В один из приездов в Ленинград я получил от него в подарок две не известные мне книги по дипломатике, которые помогли мне в моей дальнейшей работе. А какое счастье было получать написанные его мелким почерком письма! Они всегда доставляли мне большую радость. Его ободрение и одобрение очень много значили.

Смерть Сигизмунда Натановича — невосполнимая потеря, и все знавшие его это прекрасно сознают. Достаточно про-

читать неоднократно упоминавшиеся статьи его о Русской Правде, чтобы понять как широк историко-философский подход к археографическо-источниковедческому исследованию, столь характерный для Валка. Работы Валка построены как бы по следующей схеме: философия истории — источниковедение — археография — сравнительно-исторический метод. Далеко не каждый ученый обладает даром такого тонкого анализа развития исторической науки и изложения самого исторического процесса).

А. И. Копанев (Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР) обратил внимание на значение заседания для исследования научного творчества С. Н. Валка.

Копанев отметил далее, что некоторые моменты биографии Валка оказали влияние на формирование его как ученого, на круг его научных интересов. Валк пришел в революционный Петроград из окопов первой мировой войны, он был у дворца Кшесинской, когда выступал Ленин. С первых дней победы революции Валк стал на путь служения советской науке. Может быть, именно с этим, по мнению Копанева, был связан и интерес Валка к изданию законодательных актов Советского правительства и сочинений В. И. Ленина.

Не одному поколению историков передал Валк свои знания и опыт научно-исследовательской работы. И это проявлялось не только в преподавательской деятельности. Учениками Валка считали себя такие известные историки, как В. В. Мавродин и И. И. Смирнов.

«С Сигизмундом Натановичем, — рассказывал Копанев, — мы встречались до последних дней его жизни. И до последних дней Валк думал о науке, о возможности сделать еще что-то в тех ее областях, в которых работал всю жизнь. В день, когда он в последний раз собирался в больницу, я говорил с ним относительно одной задуманной конференции, в которой было бы желательно его участие. Валк ответил, что согласен и, может быть, примет участие в этом заседании, «если я буду существовать», — добавил он.

В заключение А. И. Копанев информировал о том, что Ленинградское отделение Института истории СССР предполагает провести в декабре 1976 г. заседание памяти Сигизмунда Натановича Валка, к которому следует подготовить доклады о его научном наследии (обзоры архива Валка, его библиотеки и неоконченных трудов) и об общих вопросах источниковедческого изучения разных периодов отечественной истории (феодалного, капиталистического и социального). Кроме того, Ленинградское отделение думает издать сборник трудов С. Н. Валка. Состав его определен самим Сигизмундом Натановичем. Сам Валк составил небольшой перечень своих работ, который послужит руководством при формировании этого сборника.

К заседанию М. Т. Белявский (Исторический факультет МГУ), не имевший возможности присутствовать на заседании, передал текст своего выступления. Он отметил, что становление и развитие советской археографии, выявление, публикацию и изучение самых различных источников, относящихся к истории древней и средневековой Руси, невозможно себе представить без того большого вклада, который внесен С. Н. Валком. Но обращаясь сегодня к работам и научным публикациям, осуществленным в 30—40-х годах, нельзя забывать и о том, что в это время вопрос о характере социально-экономических отношений, уровне политического и культурного развития Руси был еще не только плохо изучен, но и был предметом дискуссий и ожесточенных споров. Эти споры неминуемо переносились на истолкование источников того периода, и их оценки, определение их подлинности и степени достоверности были не только различными, но и порой диаметрально противоположными.

В этом плане интересно и важно, по мнению Белявского, оглянуться на отношения двух крупнейших специалистов в изучении и издании письменных памятников Древней Руси — М. Н. Тихомирова и С. Н. Валка. Общеизвестны их длительные и острые споры по вопросу о подлинности ряда источников, а следовательно, и об уровне письменности в Древней Руси. Их отражением была довольно резкая оценка в тихомировской статье «О частных актах в Древней Руси» суждений С. Н. Валка в отношении ряда источников. Но это был чисто научный спор, в котором уточнялась и расширялась аргументация, менялись оценки отдельных документов, в спорах рождалась более углубленное представление об истории Древней Руси. «Недавно статья М. Н. Тихомирова переиздана в сборнике «Древняя Русь», редактором которого я являлся. Обидно, что во введении к книге оказались объединенными абзацы о борьбе Тихомирова с дилетантскими приемами использования источников и с попытками фальсификации истории Древней Руси и о возражениях ученого против скептицизма в отношении подлинности древнейших русских письменных памятников».

Не менее показательны для взаимоотношений Валка и Тихомирова другое: самая острая полемика и расхождение в оценках того или иного источника не мешали этим ученым видеть значение работы другого, правильно расценивать его вклад в изучение истории нашей Родины. М. Н. Тихомиров, споривший с С. Н. Валком по принципиальным вопросам, приглашает его к деятельному участию в созданном им «Археографическом ежегоднике». «Я вспоминаю, — писал Белявский, — как М. Н. Тихомиров попросил меня отреставрировать рукопись второго тома Ежегодника (за 1958 г.), в состав которого он включил две статьи С. Н. Валка — «Б. Д. Греков как дея-

тель археографии» и «Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX вв.», составившие около 5 печатных листов. Я высоко оценил эти статьи и безоговорочно высказался за их публикацию. Статью о Грекове Тихомиров называл великолепной и говорил об ее большом значении «в условиях, когда археографическая работа в Академии наконец-то приобретает то значение, которое она должна иметь». О второй статье он говорил как о статье серьезной, важной и интересной, которая несомненно принесет пользу в изучении Русской Правды».

С. О. Шмидт, закрывая заседание, сказал: «На заседании, посвященном памяти С. Н. Валка, выступили сотрудники научно-исследовательских учреждений и преподаватели высших учебных заведений Москвы и Ленинграда, представители разных поколений: те, кто был знаком с Сигизмундом Натановичем еще в 20-е годы; те, кто в послевоенные годы или даже в самое недавнее время вступил на путь научных исследований; непосредственные ученики Сигизмунда Натановича по Ленинградскому университету и сотрудники его по ЛОИИ СССР, прошедшие школу обучения у Сигизмунда Натановича исследовательскому мастерству; те, кто сначала учились по трудам Валка, а уж потом удостоились радости личного знакомства с ним. Они охарактеризовали разные сферы деятельности Валка. Для большинства из нас Сигизмунд Натанович был не только высшим авторитетом в нашей отрасли научных знаний, но и человеком, общение с которым обогащало нас, становилось душевной потребностью. И сегодняшнее затянувшееся заседание создавало как бы иллюзию продолжения такого столь дорогого для нас общения».

Возникает задача ознакомить широкую научную общественность с основными научными трудами Валка, тем более, что некоторые из них опубликованы в сборниках и периодических изданиях, ставших библиографической редкостью. (Об этом уже говорил А. И. Копанев.) Это важно для дальнейшего развития нашей науки, для практической работы археографов и архивистов, для обучения студентов. Необходимо выявить незавершенные или неопубликованные труды Валка и определить, можно ли их напечатать, целиком или частично. Известно, что в последние месяцы жизни Сигизмунд Натанович продолжал работу по крайней мере над тремя темами (он делился со мною некоторыми своими соображениями, и я и мои ученики — С. Б. Филимонов, С. В. Чирков — старались достать необходимые ему дополнительные архивные материалы). Это проблемы советской археографии. Две статьи этой тематики были опубликованы в выпусках «Археографического ежегодника» за 1968 и 1971 гг. (о регестах и об археографической «легенде»). Они были замыслены

как части будущей книги по теории и методике археографии. Быть может, остались фрагменты и других глав этой книги? Готовил Сигизмунд Натанович и большую статью об А. С. Лапшо-Данилевском, о выработке им правил издания грамот Коллегии экономии. Ему были пересланы копии документов из ЦГАДА и личного архива академика М. А. Дьяконова, хранящегося в Архиве АН СССР. Сигизмунд Натанович считал нравственным долгом написать труд о своем учителе как археографу и источниковеде. Он готовил статью о жизни и творчестве известного историка С. Н. Чернова (очевидно, по типу статей о Б. А. Романове, И. И. Смирнове). Для этой цели ему переслали копии архивных материалов, отложившихся в фондах краеведческих организаций 20-х годов. Вероятно, заготовки к этим работам должны быть включены, хотя бы в виде приложений, напечатанных иным шрифтом, в сборники трудов Валка.

Думается, что есть основания поставить вопрос об издании двух книг примерно по 20 печатных листов в каждой: одной — включающей работы источниковедческой, археографической и собственно исторической тематики, и второй — с историографическими работами (хотя в научном творчестве Валка и нелегко установить грань между этими сферами его научных интересов). Такие книги станут полезными учебными пособиями.

Желательно собрать в фонде Валка, который формируется в архиве ЛОИИ, подлинники или копии рецензий Сигизмунда Натановича и писем его, подобно тому, как это делали при подготовке описания фонда М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР. Описание (или обзор) фонда Валка несомненно должно быть опубликовано. В Археографической комиссии уже накоплен определенный опыт публикации обзоров всего фонда историков или частей фонда, и такая практика всегда встречала особое одобрение со стороны С. Н. Валка как члена редколлегии «Археографического ежегодника».

Стоит поставить вопрос и об издании сборника материалов о С. Н. Валке. Туда могли бы войти обзор его архивного фонда, описание библиотеки Валка, переданной также в ЛОИИ, публикации некоторых документальных материалов из его архива — и самого ученого и о нем, статьи и заметки о жизни и деятельности С. Н. Валка, воспоминания о нем. Магнитофонные записи выступлений на сегодняшнем заседании могут стать основой ряда таких статей, образовав тем самым и основу будущего сборника. Дополнением к ним явятся тексты выступлений, запланированных на заседании памяти С. Н. Валка в декабре 1976 г. в Ленинграде. В Археографической комиссии будут приложены все усилия для издания такого сборника».

Л. Н. Расстончина

С. Н. ВАЛК
Ленинград, 1973

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО С. О. ШМИДТА

Заседание, посвященное памяти Сигизмунда Натановича Валка, первоначально было намечено на декабрь 1975 г. По традиции в Археографической комиссии в конце года всегда бывает пленарное заседание, посвященное большой теме нашей отрасли науки, а научное творчество Валка — это именно такая тема, которая достойна пленарного заседания, ибо труды его — не только высокие достижения отечественной и мировой археографии и вспомогательных (или специальных) исторических дисциплин, но они во многом определяют перспективы нашей дальнейшей деятельности. Однако ввиду болезни некоторых из тех, кто намерен был выступить в декабре, заседание решено было перенести на февраль 1976 г. — 5 февраля исполнился год со дня кончины Сигизмунда Натановича.

Это очень большая потеря для науки. Это тяжелая личная утрата для тех, кто был близок с Сигизмундом Натановичем. Конечно, мы понимаем, что следует говорить об ушедших не «с тоскою — нет, а с благодарностью — были». И мы благодарны за очень многое Валку и судьбе, которая свела нас с ним. (А у меня в последние годы не было, кажется, случая, чтобы, приехав в Ленинград, хотя бы на день-два, — один вечер не провести в беседе с Сигизмундом Натановичем.) Но это не снимает ощущения того, что оборвалось что-то существенное в нашей личной жизни. И через год чувство это стало, пожалуй, даже более осозанным.

Валк — гордость нашей исторической науки. Творческая биография его — явление феноменальное. Не было, думаю, среди наших современников дру-

гого историка, который бы в равной мере интенсивно и плодотворно исследовал исторический материал столь большого хронологического диапазона — от X в. до наших дней. Силовое поле Валка — это все письменные источники отечественной истории, все процедуры их изучения — от выявления и первичного описания до публикации и сложнейших приемов исследования. Не было в наше время и исследователя, который был бы столь эрудированным специалистом в области стольких специальных научных дисциплин. Наконец, это — едва ли не единственный пример в истории нашей науки, когда ученый, достигший столь почтенного возраста, работал бы с такой неослабевающей творческой эффективностью. Еще за два месяца до кончины, восьмидесяти семи лет, он трудился как обычно, в полную силу — готовил к печати несколько статей (работал в архивах и библиотеках), редактировал и «организовывал» статьи для сборника «Вспомогательные исторические дисциплины», читал диссертации, писал отзывы, присутствовал на многих заседаниях (осмысление «феномена Валка» может стать вообще интересной задачей для психологов и науковедов).

Тематика трудов Валка в буквальном смысле слова трудно обозрима¹. О Валке можно говорить и писать отдельно как об историке, источниковеде, археографе, архивисте, историографе, книговеде и библиографе. О некоторых сферах многовального творчества Валка уже писали в специальных статьях². Об этом

пойдет речь и на сегодняшнем заседании. Но феномен Валка в том, что творчество его — органический синтез всех этих отраслей исторического знания. Валк как бы воплощал в себе и в своей научно-исследовательской, преподавательской, редакторской и научно-организационной деятельности взаимосвязанные интеграцию и дифференциацию разнообразных исторических знаний и различных исторических дисциплин.

Валк при жизни стал классиком нашей археографии. Правильно было бы его назвать и патриархом отечественной археографии, если бы только слово «патриарх» не диссонировало в такой степени с известной всем исключительной скромностью Валка, его внутренним неприятием внешних признаков «величия». Именно Валку обязана наука разработкой основ советской археографии, которую ученый всегда рассматривал в теснейшей взаимосвязи с источниковедением и архивоведением. Уже в 1936 г. академик Б. Д. Греков признавал Валка «нашим наиболее компетентным специалистом» в области археографии³. Опыт источниковедческой работы советских археографов Валк обобщил в книге, изданной в 1948 г. Подготовленные им научные публикации источников признаются высшими достижениями отечественной археографии. Валку принадлежит неосценимая заслуга выработки правил издания трудов В. И. Ленинна. Им же разработаны приемы описания и издания историко-революционных документов, памятников советского законодательства. Велик вклад Валка в создание методики публикации актового материала XII—XV вв., проектов и записок государственных деятелей XIX в., историографических материалов. Валк — начинатель новых научных направлений, жанров исторических исследований, например истории (или историографии) археографии, источниковедения истории исторической науки.

Теперь распространена среди науковедов методика определения значения научного творчества ученого по числу ссылок на его труды. К оценке научного творчества Валка такая методика, пожалуй, не применима. На работы его — исследования, подготовленные им научные публикации, рецензии — ссылки встречаются действительно часто; некоторые из этих работ в списках обязательной учебной литературы; и Валк мог быть счастлив тем, что его труды оказались долгожителем. Но многое, сделанное Валком, выходит за рамки той литературы, на которую обычно ссылаются. Это — выработанные им нормы, методические рекомендации и приемы работы, которые постоянно используются

(из опыта работы). — «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974.

³ Булгаков М. Б. Обзор фонда А. Н. Сперанского. — «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971, с. 288.

¹ Список научных трудов С. Н. Валка — авторских работ и подготовленных к печати первоисточников — опубликован в кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, с. 504—513; «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974, с. 291—292 (труды за 1963—1972 гг.).

² Волк С. С., Прошников М. П. Сигизмунд Натанович Валк (к 75-летию со дня рождения). — «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963; Соболев Г. Л., Токарев Ю. С. Петроградский историко-революционный архив в первые годы Советской власти (1918—1923). — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка; Шмидт С. О. К 80-летию профессора С. Н. Валка. — «История СССР», 1968, № 2; Сладкевич Н. Г. С. Н. Валк (к 80-летию со дня рождения). — «Вестник Ленинградского университета», сер. X. История, язык, литература, 1968, № 8, вып. 2; Шенелев Л. Е. К 80-летию С. Н. Валка. — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969; Аханкин Ю. А., Покровский А. С. Научное издание законодательных актов Советской власти

в архивоведческой и археографической практике. Они так удобны, основательны, настолько общеприняты, что зачастую забывают или даже уже не знают имя автора. Валк искал единые принципы организации и систематизации исторического материала, стремился к выработке таких стереотипов информации (в частности описаний) и их наименований, которые стали бы общеобязательными на всех стадиях работы с источниками.

Для трудов Валка характерно сочетание историографического подхода и, так сказать, футурологического. Он считал нужным и умел охарактеризовать и историю изучения явления и перспективы дальнейшего его изучения. Поэтому-то труды его, несмотря на оптимальное, казалось бы, обилие заключений общего порядка и частных наблюдений, не замыкали исследование проблемы, — сама историографическая как бы манера изложения предусматривала и продолжение исследований с использованием тех материалов и тех новых методических приемов, которые стали известны после выхода трудов Валка.

Вряд ли случалось, что Валк оставил только одну большую книгу. Постоянно занятый работой одновременно над несколькими исследовательскими сюжетами, равно близкими тогда его научным интересам (не говоря уже о разнообразии тематики каждодневной преподавательской и редакторской деятельности), Валк, вероятно, не имел не только возможности, но и склонности на долгое время ограничивать себя занятиями чем-то одним. Среди его трудов преобладают статьи, очерки, рецензии-исследования. И единственная книга «Советская археография» написана ведь тоже в виде отдельных глав или очерков, представляющих собой законченные статьи. В таком же плане мыслилась и подготовка нового — расширенного и более насыщенного теоретико-историографическими рассуждениями издания книги по археографии. Главами его сам ученый признавал статьи об археографической легенде и о регестах, подготовленные для «Археографического ежегодника». Валк вообще имел склонность к писанию статей, как бы продолжающих одна другую. Объединенные вместе, они составляли по существу монографию. Это наблюдение относится к серийным статьям об изучении и изданиях «Русской Правды» и, пожалуй, даже к серии очерков, посвященных отдельным историкам.

Статьи Валка зачастую сбоят больших монографий. Он обладал особой способностью изящно и очень лаконично писать — воистину: *Non multa sed multum*. Он писал «густо», без повторов или излишних разъяснений, даже, как казалось, без подступов к теме, но настолько ясно и основательно, что эти привычные в трудах многих авторов разъяснения и облегчительные подступы оказывались ненужными. Сложное под его пером приобретало доступную форму, совершенную

законченность выражения. Поэтому-то его работы легко рекомендовать и в учебных целях. В трудах Валка органическое сочетание глубины теоретической и методической мысли и фактологической оснащенности (научный аппарат его работ свидетельствует о необычайной осведомленности в отечественной и зарубежной литературе, в том числе самой новейшей) с совершенством формы; и труды его стали одновременно и высоким образцом научно-теоретического мышления и необходимым справочным пособием.

Валк, обладая уникальными и обширнейшими знаниями и постоянно делаясь своими знаниями с другими (нередко при этом эксплуатировавшими деликатность, даже безотказность ученого), по-молодому интересовался всем новым (периодично много и быстро читал, посещал многие доклады), радостно поддерживал действительно новое в работах других (лучше других распознавая, когда «новое» оказывалось основательно забытым старым!) и сам старался его творчески использовать в работе (здесь-то и сказывалась огромная культура труда, тренировка мышления и памяти!). . .

Жизнь и творчество Валка как бы олицетворяли живую связь времён. Научную подготовку он получил еще на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Юношей стал сотрудничать в энциклопедических словарях — писал статьи и заметки очень широкой исторической тематики.

Многообразные дарования и знания Валка смогли проявиться по-настоящему только после Великого Октября. Однако еще в студенческие годы Валк получил возможность творчески работать вместе с корифеями отечественной науки. Ему как бы передались особое внимание к демократической общественной мысли и освободительному общественному движению XIX в., чувство гражданственности Василия Ивановича Семевского, эрудиция, точность и основательность научной методики Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, в семинаре которого пытались «дать живую историю акта» (слова Валка)⁴ и формировались навыки научного руководства тянувшейся к исследованиям молодежи; широта научных и общекультурных интересов и взаимопроникновение исторической, источниковедческой и историографической тематики, характерные для творчества Александра Евгеньевича Преснякова, традициям которого едва ли следовал Валк, создавая свои «историографические портреты». Фотографии этих ученых всегда висели у него в кабинете. А недавно по архивным материалам узнали о том, что когда студента Валка за участие в революционном студенческом движении исключили из университета, то

⁴ Валк С. Н. Воспоминание ученика. — «Русский исторический журнал», кн. 6. Пг., 1920, с. 192.

хлопотал за него, как за человека особых способностей, по-видимому, и знаменитый академик А. А. Шахматов⁵.

С 1918 г. Валк стал работать в Историко-революционном архиве. С именем Валка связано начало советского архивного строительства, становление советской археографии, формирование кадров советских архивистов. На практике осуществлялись ленинские положения о необходимости овладения культурным наследием, проверенным опытом павыками и приемами исследования⁶. Эрудиция, методическое мастерство Валка способствовали выработке основ собирания, описания и публикации материалов по истории революционного движения. Еще в большей мере это проявилось, когда Валк — как общепризнанный перво-степенный специалист в области архивоведения и археографии — был привлечен к делу описания и издания сочинений В. И. Ленина, а затем и Декретов Советской власти.

Деятельность С. Н. Валка — замечательный пример плодотворного использования лучших традиций дореволюционной науки в интересах развития новой советской науки. Валк был всегда современен в своих работах и в то же время никогда не стремился гнаться за модой (в трудах своих он избегал «модных» словечек и цитат). Он даже особо подкупал своей «старомодностью» внешнего облика (чеховские бородка и пенсне), одежды, вежливости, образованности самой (знание языков, преобладающий интерес к музыке, изобразительным искусствам, Валк — постоянный посетитель концертов в филармонии и выставок). В Валке была устойчивость привычек, манеры поведения, нравственного облика — не ощущалось «морального износа».

Валк работал беспрестанно, в буквальном смысле слова без передышки (и отпускное время для него — во всяком случае в последние десятилетия — означало только перемену занятий и освобождение от заседаний), работал быстро, говоря современным языком, оперативно, но отнюдь не торопливо и всегда очень основательно (это легче всего прослеживается по материалам подготовки к печати «Декретов Советской власти» и «Истории» Татищева). Он внутренне не мог себе позволить, употребляя его же слова, сказанные об А. С. Лапцо-Данилевском, «строить свои заключения, не привлекая всего возможного материала, удовлетворяясь тем, пусть даже многим, что без

труда доступно», он как бы «творил в себе психологию научной уверенности, твердой научной устойчивости»⁷.

И в то же время Валк был человеком моцартианского начала (хотя как-то не принято употреблять такое выражение применительно к человеку пожилому, но ведь в понимании Пушкина моцартианство — это черта или сочетание черт характера, а не признак сравнительно молодого возраста). Валк творил ненатужно, как-то внешне незаметно. О Валке нельзя сказать, что он был трудолюбив — работа, можно думать, доставляла ему наслаждение. Он радовался и творчеству других, достижениям их, как бы разливая вокруг себя атмосферу внимания к «несвоему» творчеству. Валк был щедр на темы, указания архивных материалов и литературы. Он столь же щедро — и одновременно придирчиво, хотя очень тактично и благожелательно — редактировал рукописи, советуя внести изменения или дополнения (подчас существенно обогащающие первоначальный текст). Но Валку чуждо было представление о «соавторстве», он считал как бы само собой разумеющимся именно такую заботу об улучшении научных трудов, о повышении эффективности научного творчества. Валк обладал и способностью (особо ценимой им, видимо, и у других) «с осторожностью подойти к настроению чужой мысли и души, подойти чутко, по возможности чутко», в нем было развито «глубокое уважение к молодой нашей мысли»⁸.

Судя по статье «Воспоминание ученика» (откуда и воспроизведены цитаты), Валк рано стал серьезно задумываться над этическими проблемами в науке, как бы утверждая в себе строгие правила требовательности и к своей работе, и во взаимоотношениях ученых, учащихся и учащихся. Эти мысли нашли затем, пожалуй, наиболее заметное для читателей его сочинений развитие в историко-графических трудах Валка, особенно в «историко-графических портретах». Этическое кредо Валка обнаруживалось, конечно, еще в большей мере в личном общении с ним; этическое воздействие его не только на учеников и постоянных сотрудников очень благотворно — «неформальные связи» Валка были очень широкими.

Валк был человеком сердечным, хотя и сдержанным внешне и опасаящимся быть навязчивым. Но становился неотступно требовательным, оценивая приемы научной работы, отношение к своему делу. Валк был убежден в том, что ученый-историк не должен чураться «черновой работы» в науке, обязан стремиться сам овладеть секретами нашего ремесла, не спешить с выводами и публикациями. Валк глубоко огорчался, когда

⁷ Валк С. Н. Воспоминание ученика, с. 194.

⁸ Валк С. Н. Воспоминание ученика, с. 196, 197.

⁵ Робинсон М. А. А. А. Шахматов и студенческие волнения в Петербургском университете в 1911 году. — «Известия АН СССР». Серия литературы и языка, т. XXX, вып. 2, М., 1974, с. 156.

⁶ См. об этом: Шмидт С. О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти. — В кн.: Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970.

узнавал, что кто-либо пытается «пробиться» в науку, расталкивая локтями «соперников», или плетет интригу (и настораживался, когда примечал, что тот или иной молодой ученый горюхится увеличивать список своих печатных трудов — «слишком много и слишком скоро печатает»).

Валк был по-настоящему доброжелателен к людям, не благосклонен, а заинтересованно благожелателен. У него был неостывающий интерес к людям разных поколений, к их научной работе, к только что вступающим в науку молодым исследователям (во время нашего последнего телефонного разговора в январе 1975 г. — я звонил из Кисловодска — Сигизмунд Натанович больше всего говорил о диссертации С. В. Чиркова, посвященной Преснякову). Он был как-то открыто заинтересован тем, что нового скажут молодые исследователи, какие новые способы применят в своей работе, и готов был при этом поделиться своими знаниями и наблюдениями (и, конечно же, способствовать напечатанию трудов «молодых»). Он учил не рецептурно, а самым фактом заинтересованности. Он вообще обладал способностью видеть неожиданные таланты в людях и интересное — и главное хорошее — в неожиданных явлениях. Не утратил он с годами и дар радостного удивления людям и прочитанному. Быть может, в этом сочетании доброжелательной мудрости (хотя и не без доли скепсиса) старого человека и способности наивного и радостного первовосприятия и секрет духовного и физического нестарения Валка? (ведь он еще в конце 1974 г. был не по годам подвижен, быстро и много ходил).

Валк был очень скромн. Эту его черту все отмечают. Ему глубоко чужд и непонятен был высокомерный обычай смотреть на других с высоты своего положения, знаний, возраста. Полностью отсутствовали какие-либо даже элементы чванства, представлений о том, что профессорскому званию и докторскому диплому (а он доктором наук стал еще в середине 1930-х годов, когда, с установлением этой ученой степени, ему в числе немногих наиболее известных ученых присвоили ее без защиты диссертации) соответствуют, мол, определенные нормы поведения, так сказать, самоподачи себя обществу (а этот предрассудок — увы! — достаточно распространен!). Валку были присущи подкупающие простота, естественность поведения, демократизм подлинного интеллигента.

Но понятие «скромность» применительно к Валку отнюдь не однозначно. Он был неприсохлив в быту, не любил хоть как-либо внешне выделяться (и при его небольшом росте и неброской внешности ему это обычно удавалось), сидеть в президиуме собраний, блистать в так называемой светской беседе, «на людях» всегда забивался в дальний угол. Но Валк знал цену не только трудам дру-

гих ученых, но и своим трудам и ценил в них профессиональную оснащенность (обоснованность аргументации, научный аппарат, точность цитат и сносок). Валку было органически присуще не только чувство собственного достоинства, но и уверенности в том, что он является мастером и знатоком своего дела. Потому-то Валка так задевали несправедливые попытки обличить его в незнании или в произволе при отборе и оценке исторических материалов (критика его книги «Советская археография» в МГИИИ в конце 1940-х годов; статья А. Л. Никитина в «Вопросах истории», № 11 за 1973 г.). И подобные действия Валк отнюдь не оставлял без ответа (обычно не только изощренно эрудированного, но и вежливо-язвительного), примером чего может служить и последняя его статья⁹.

Комплекс личных черт С. Н. Валка, казалось бы, далек от того, который мы традиционно связываем с обликом организатора науки. Более того, у Валка была неэффективная и даже не всегда разборчивая речь. И вот этот тихий, внешне малозаметный человек, чуждый суетных забот об удовлетворении своего тщеславия, никогда, вероятно, и не задумывавшийся над тем, чтобы «сделать карьеру», оказался замечательным организатором науки и педагогом. И дело не только в его даровании, многообразных знаниях, добросовестности и энергии, но прежде всего в удивительной внутренней убежденности, в вере в то, что он делает, вере, которая передавалась и тем, к кому он обращался. Дело в нравственном авторитете Валка, его мужестве, высокоразвитом чувстве общественного и личного долга. Он не поступался своей совестью, своими научными убеждениями. И это знали и особенно уважали в Сигизмунде Натановиче. Валку нельзя было отказать. Если он просил написать статью, значит, статья на такую тему действительно нужна и вы способны стать ее автором. Если Валк в 80—85 лет умел написать в срок статью (основной текст которой сопровождался к тому же большим, тщательно выверенным самим автором научным аппаратом), то сорока- и пятидесятилетние не могли не написать в срок, тем более что Валк в это же время выполнял еще и другие работы.

Организаторский и редакторский талант Валка сказались в последние годы в издании сборников «Вспомогательные исторические дисциплины», инициатором и редактором которых он был и которые заслужили высокое признание и в нашей стране и за рубежом. Думается, что именно этому изданию, целенаправленной научно-организаторской деятельности Валка мы особенно обязаны возрастанием интереса к традиционным специальным историческим дисциплинам и

⁹ Валк С. Н. Еще о Болдинском издании Правды Русской. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976.

все более заметными достижениями в этих областях знания. Издание, предпринятое Валком, связано с деятельностью Археографической комиссии, тесные контакты с которой у него были последнее время постоянными (с 1968 г. Валк стал членом редколлегии «Археографического ежегодника»).

В заключение хотелось бы кратко охарактеризовать взаимоотношения С. Н. Валка и организатора и председателя Археографической комиссии академика М. Н. Тихомирова. Тихомиров питал большую симпатию и глубокое уважение к Сигизмунду Натановичу (это уже отмечалось в печати¹⁰). Оба ученых жили интересами науки. Они высоко ценили друг в друге преданность своему делу, исследовательское мастерство, требовательность в воспитании научной смены, заботу о будущем нашей науки. И вряд ли случайно, что и М. Н. Тихомиров и С. Н. Валк (вслед за Ляпко-Данилевским¹¹) любили — независимо один от другого — повторять слова духовной московского князя Симеона: «свеча бы не угасла». Оба они понимали, что история исторической мысли — это борение, столкновение мнений, а не борение личностей. Ученые, по-настоящему ищущие историческую истину, любящие не себя в науке, а науку в себе, всегда продолжают с интересом и уважением относиться к научным исканиям и тех исследователей, которые придерживаются иных точек зрения. Так было и в данном случае, несмотря на научные споры, возникавшие между ними, различия в приемах источниковедческой и археографической методики.

В 1945 г. была опубликована статья Тихомирова «О частных актах в Древней Руси», в которой оспаривались положения статьи Валка 1937 г. «Начальная история древнерусского частного акта». Статья эта перепечатана в сборнике трудов Тихомирова «Древняя Русь» (М., 1975) (Валк был осведомлен об этом переиздании). Хотя статья написана не без запальчивости, характерной для некоторых трудов Тихомирова, переиздание статьи признали целесообразным, так как она является историографическим фактом, важным для изучения и отечественной исторической науки в 1940-е годы, и творческой биографии Тихомирова, а некоторые предположения нашли дальнейшее развитие в трудах и самого Тихомирова («Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.») и других специалистов, прежде всего В. Л. Янина, исследующих памятники истории Великого Новгорода. Книга Тихомирова была сдана в набор еще при жизни Валка, что не давало возможности внести в комментарий цитаты из их переписки или из письменных отзывов Тихомирова

¹⁰ «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, с. 19—20.

¹¹ Валк С. Н. Воспоминание ученика, с. 192.

о научных работах Валка. А эти материалы подтверждают, что для Тихомирова Валк всегда оставался высокоавторитетным ученым.

С организацией Археографической комиссии Тихомиров постарался сразу же привлечь Валка к деятельному участию в ее работе. Он был избран в 1956 г. членом Бюро Комиссии. В 1956 г. Тихомиров обратился с письмами к виднейшим специалистам, приглашая их выступить с докладами на заседаниях и высказать соображения о направлении работы Комиссии и о возможном своем участии в этой работе. Валк откликнулся пространном письмом. Он полагал, что основными формами работы должны стать научные заседания и научно-издательская деятельность «в области истории, а, может быть, и издания документов». «Самым настоятельным делом» Валк считал составление справочников — терминологических, хронологических, о должностных лицах (особенно для XVIII—XIX вв.). «Очень приветствовал бы издание Археографического ежегодника, — писал Валк, — если оно осуществится, то предложил бы в нем помещать ежегодные обзоры работ в области археологии (как теории, так и издательской деятельности), составление которых охотно взял бы на себя»¹². (Как видно, не все пожелания Сигизмунда Натановича оказались выполненными; осуществление их — одна из наших задач.) 28 ноября 1957 г. М. Н. Тихомиров пишет С. Н. Валку в связи с деятельностью Археографической комиссии: «О многом и многом надо бы посоветоваться»¹³.

В первом же выпуске Археографического ежегодника — за 1957 г. — помещен «Список печатных трудов С. Н. Валка (К семидесятилетию со дня рождения)», а, начиная с Ежегодника за 1958 г., публикуются статьи Валка. Причем, характерно, что статья «Судьбы археологии», опубликованная в Ежегоднике за 1961 г., сопровождается редакционным примечанием: «Статья С. Н. Валка поступила в редакцию после того, как настоящий том был набран. По техническим причинам ее не удалось поместить в разделе «Статьи и сообщения»¹⁴. Тихомиров полагал, что статья Валка должна быть среди тех материалов, которые открывают книгу, но при этом не считал возможным задержку ее публикации на год и предпочел напечатать как бы в виде приложения к Ежегоднику.

В Археографических ежегодниках опубликованы статьи Валка о Б. Д. Грекове как деятеле археологии и монографического плана исследование об «изданиях и изучении Русской Правды»

¹² Архив АН СССР, ф. 693 (М. Н. Тихомирова), оп. 4, д. 137, лл. 2—4.

¹³ Письма М. Н. Тихомирова С. Н. Валку сохранились в фонде С. Н. Валка.

¹⁴ «Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962, с. 453.

в XVIII—первой половине XIX в. Редактором статьи об изучении Русской Правды в XVIII в. был Тихомиров (а те статьи, которые он лично редактировал, — в архиве сохранились эти материалы с его пометами — он не считал нужным посылать на отзыв другому рецензенту). Рецензентом всей книги «Археографического ежегодника за 1958 год» был М. Т. Белявский, также высоко оценивший эту работу Валка (письменный отзыв сохранился). Работа эта включает и раздел о деятельности Болтина, содержание которого близко к содержанию статьи «И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой», опубликованной в XIV выпуске «Трудов Отдела древнерусской литературы» и подвергнутой в 1973 г. несостоятельной критике в статье А. Л. Никитина. Такой знаток источников, как Тихомиров, проявлявший к тому же немалое забот о признании научных заслуг русских ученых XVIII в., отнюдь не усмотрел в статье Валка то, что пытался ему приписать Никитин.

В 1958 г. Валка выдвинули в члены-корреспонденты АН СССР. Сохранилась направленная стенограмма выступления Тихомирова на общем собрании Отделения исторических наук 16 июня 1958 г. Запись эта приводится полностью: «Постараюсь быть кратким. Экспертная комиссия выдвигала кандидатуру Валка как крупнейшего знатока археографии, который в течение многих лет работает над археографическими работами. Это — специалист крупнейшего диапазона. Известно, что он подготовил, например, «Грамоты Великого Новгорода»; с другой стороны, в свое время он работал по подготовке сочинений Ленина. Наряду с этим ему принадлежит первая «Советская археография» — книга по советской археографии. У него есть громадное количество статей. Этот человек отпраздновал недавно 70-летний юбилей. Он имеет большое количество учеников в Ленинградском университете и представляет собой кандидатуру, в высокой степени достойную. Экспертная комиссия, выдвигая его кандидатуру, хочет сказать, что это — ближайшая кандидатура. Мы выдвигаем крупнейшую фигуру по археографии, которая практически представлена у нас чрезвычайно слабо»¹⁵.

Валк придавал большое значение деятельности Археографической комиссии и ее изданиям. В письме от 15 апреля 1961 г. (т. е. как раз тогда, когда исполнилось пять лет существования Комиссии) он писал Тихомирову: «Очень рад, что Археографическая комиссия стала за эти годы крупным явлением в нашей исторической науке и особенно своим

Ежегодником создает прочное основание для развития вспомогательных исторических дисциплин, что до сих пор делать никак не удавалось»¹⁶. То же читаем в статье, где подробно охарактеризована деятельность Тихомирова, как организатора Археографической комиссии: «Археографическая комиссия сделала пока только свои первые шаги, но уже ясно, какое значение она имеет для развития нашей исторической науки»¹⁷. Это выдержка из большой, насыщенной фактическим материалом статьи об археографической деятельности Тихомирова, которой открывался «Археографический ежегодник за 1962 год», вышедший из печати к 70-летию ученого в 1963 г. Тихомиров поместил статью в сборнике, посвященном 75-летию Сигизмунда Натановича. Общеизвестно, что оба ученых плодотворно сотрудничали при подготовке издания «Истории Российской» В. Н. Татищева, и это также нашло отражение в их переписке 1960—1963 гг., показывающей перипетии подготовки этого издания. Одно из писем (30 августа 1961 г.) Тихомиров написал: «Всегда готовый для борьбы за Татищева и искренне Вам преданный». В письме 2 августа 1960 г. он настаивал на изменении текста титульного листа: «В конце надо внести поправку: «Том выходит под редакцией С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова». Нельзя мне ставить себя на первый план, не нужно и несправедливо. . . . Издание Татищева это долг, завещанный нам. . .»

Когда было создано — еще при жизни Тихомирова, в 1965 г. — первое Отделение Археографической комиссии в Ленинграде, председателем его был утвержден Валк; он же был утвержден ответственным редактором периодического издания «Вспомогательные исторические дисциплины». Это все неопровержимые документальные свидетельства большого взаимного уважения обоих ученых, их регулярных контактов. Об отношении Тихомирова к Валку можно судить и по тем разговорам, которые он вел с близкими людьми, со своими учениками (а он старался «культивировать» в нашей среде уважение к тем, к кому сам относился с особым уважением, например к В. П. Адриановой-Перетц). Случилось так, что и в час последнего нашего разговора — в больнице, летом 1965 г. — речь зашла о Сигизмунде Натановиче, и Михаил Николаевич, очевидно размышляя уже над конечными оценками людей, сказал о том, что бывают истинно добрые люди, и назвал С. Н. Валка. . . .

Немного в истории нашей науки деятелей, которые бы столько десятилетий пронесли за собой уважение и любовь людей разных поколений, так долго и

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1—1953/1959, д. 103. См. также: Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание. (Сост. И. П. Староверова). М., 1974, № 394.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 137, л. 19.

¹⁷ «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, с. 20.

столь сильно обогащали бы других своим умом и талантом, так согревали бы сердцем и душой. Сигизмунд Натанович Валк

останется спутником тех, кто имел радость общения с ним. А трудом его бесспорно суждена долгая жизнь.

ДОКЛАД Ю. А. АХАПКИНА «С. Н. ВАЛК И ИЗДАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ»

Научная биография С. Н. Валка неразрывно связана с историей Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, историей организации архива документов В. И. Ленина и их издания. Об этой стороне его деятельности уже были упоминания в литературе¹.

Сигизмунду Натановичу шел 37-й год, когда он был приглашен работать тогда еще в Институт Ленина. В то время он являлся сотрудником Ленинградского отделения Центрархива, преподавал в Ленинградском университете и был известен как историк, археограф и архивист. Работая в институте, С. Н. Валк стал крупнейшим лениноведом.

Как известно, в конце марта 1923 г., Московская партийная конференция приняла решение о создании Института Ленина. Н. К. Крупская первая передала организованному институту коллекцию документов В. И. Ленина, известную как «Чемодан Фрея». 29 ноября 1923 г. постановлением Политбюро ЦК РКП(б) институт был признан единственным хранилищем всех рукописей В. И. Ленина. Официально он был открыт по решению XIII съезда партии в мае 1924 г.²

Тогда перед институтом стояли две задачи: создание фундаментального архива В. И. Ленина, библиотеки и музея; издательская деятельность и завершение издания Сочинений В. И. Ленина, предпринятого по решению IX съезда партии³.

Постановление XIII съезда партии о работе института возложило на него также подготовку нового издания Сочинений Ленина⁴.

Именно в это время Институт Ленина прибег к опыту и знаниям С. Н. Валка. В 1923 г. он дал консультацию о ценности работ английских ученых-архивистов по вопросам хранения и реги-

страции документов. Известно, что Валк очень положительно отнесся к начинаниям института и считал возможным использовать рекомендации английских архивистов в его работе. Об этом упоминается и в «Кратком обзоре подготовительной деятельности института»: «Такое же подтверждение дал нам русский специалист архивного дела г. Валк, работающий в Ленинградском отделении Центрархива»⁵. В следующем, 1924 г. Валк стал постоянным сотрудником (консультантом) института⁶.

Как-то в беседе с Сигизмундом Натановичем я его попросил рассказать, как он был приглашен работать в институт. Он ответил, что во время своего очередного приезда в Москву его вызвал один из руководителей Центрархива — В. В. Максакон — и сообщил, что коллегия Центрархива рекомендовала его Институту Ленина как архивиста и археографа. Вскоре Валк был принят руководством института и дал согласие стать его сотрудником при условии, что останется жить в Ленинграде, но перед каждым выходным днем будет приезжать в Москву (в поездке для него было постоянное место, забронированное на субботу) и вечером в воскресенье уезжать. Приехав, Валк приходил на Большую Дмитровку, дом 24, где находился тогда институт. В Москве по главному образом изучал рукописи В. И. Ленина. Утром в понедельник Валк уже читал лекции в Ленинградском университете.

Сохранившиеся в делах дирекции института записки 1924 г. С. Н. Валка и А. Я. Аросева (в то время член совета института и ответственный хранитель архива документов В. И. Ленина) характеризуют один из моментов работы Валка. Так, Валк писал:

«Уважаемый Александр Яковлевич.

Очень жалею, что сегодня Вас нет в Институте: мне надо было посмотреть кое-что для пополнения инструкции. Не откажите выслать возможно скорее копии каких-либо рукописей В. И. [Ленина] следующих типов (копии не целиком, а хотя бы по страничке):

⁵ Каталог рукописей В. И. Ульянова (Ленина), вып. 1. М., 1924, с. 5—7; ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 13, д. 9.

⁶ Фонд документов В. И. Ленина, с. 153—157; Каталог рукописей В. И. Ульянова (Ленина), с. 7 («Г. Валк приглашен Институтом Ленина работать в области подготовки издания полного собрания Сочинений Владимира Ильича Ленина по части археографии»).

¹ Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970, с. 154—159; Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х—начала 30-х годов. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 182.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8, т. 3. М., 1970, с. 121; Фонд документов В. И. Ленина, с. 9—10, 64.

³ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 347, оп. 1, д. 2.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 3, с. 121—122.

1) какого-либо плана статьи и статьи, если она не напечатана (или с точной ссылкой на напечатанный текст),

2) набросок заметок к статье,

3) произведение с правками (чем больше их, тем лучше),

4) страничку с выписками и заметками (лучше все из тетрадки по философии, которую вчера показывали),

5) какое-либо произведение, которое имелось бы не в одном, а в трех (в крайнем случае — двух) списках, незначительно отличающихся друг от друга.

Обяжете чрезвычайно, если сделаете возможно быстрее.

Уважающий Вас С. Валк»⁷.

«Уважаемый товарищ Валк, — отвечал А. Аросев 12 июня 1924 г. — Отмеченные Вами в Вашей записке типы рукописей вышли непременно в понедельник 15 июня. Примите товарищеский привет.

Член Совета и правления Института А. Аросев».

На копии ответа Аросева красными чернилами пометка: «Спешная почта»⁸.

25 июня 1924 г. секретарь института А. А. Лапин сообщил Валку, что посылает ему дополнительно копии страничек из рукописи В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»⁹.

Трудно определить весь объем работы, проделанной Валком, так как в ЦПА ИМЛ сохранилось очень мало материалов за это время. Но и то немногое, чем мы располагаем, все же дает возможность установить, как велика и значительна она была. В делах дирекции Института Ленина помимо переписки с Валком сохранились материалы совещаний, состоявшихся в институте в ноябре—декабре 1924 г., на которых обсуждались вопросы учета, хранения и научной обработки ленинских документов. Кроме сотрудников института, в их работе принимали участие представители других научных учреждений и архивов, приглашенные институтом. Валк, как следует из протоколов, не только присутствовал и выступал на этих совещаниях, но по их поручению должен был дать научно обоснованные рекомендации по организации архива В. И. Ленина и изданию его трудов¹⁰. Сигизмунд Натанович еще прежде ознакомился с уже имевшимся архивом и изучил то, что было сделано для издания Сочинений В. И. Ленина. Известно, что Валком были подготовлены инструкция о книге поступлений доку-

ментов В. И. Ленина и форма книги¹¹, правила пользования и хранения документов В. И. Ленина, инструкция по составлению каталога рукописей Ленина¹².

По поручению института Валком были написаны «Проект правил издания трудов В. И. Ленина» (1924)¹³ и проект инструкции по подготовке к печати «Ленинских сборников» (1926)¹⁴. Он принимал участие в составлении «Инструкции по работе над материалами к научной биографии Ленина», в частности, по подготовке биографической хроники жизни и деятельности В. И. Ленина (1928)¹⁵. Таким образом, в разрешении всех основных вопросов деятельности института того времени Сигизмунд Натанович принимал непосредственное участие. При этом Валк использовал как опыт зарубежной и дореволюционной русской археографии, так и опыт издания новых

¹¹ Фонд документов В. И. Ленина, с. 154—157. Например, в постановляющей части протокола совещания от 6 декабря 1924 г. сказано: «Тип книги поручается выработать т. Валку» (ЦПА ИМЛ, ф. 347, оп. 1, д. 9, л. 59).

¹² Фонд документов В. И. Ленина, с. 157—159. При обсуждении методики описания документов большинство участников совещания 13—14 ноября 1924 г., в их числе и выступавший на нем Валк, высказались против полистного описания рукописи, за краткое — на каталожной карточке (там же, с. 154—155). В протоколе это отражено следующим образом: «Слушали. О кратком каталоге. Постановили. Необходимо ввести карточку по типу международной, без обозначения рубрик. Порядок заполнения карточки предусматривается соответствующей инструкцией, разработка которой поручается т. Валку» (ЦПА ИМЛ, ф. 347, оп. 1, д. 9, лл. 54—55). В протоколе от 14 ноября 1924 г. сказано, что все детали по составлению карточки каталога «должны быть предусмотрены в инструкции, которую просить разработать т. Валка в 2-х недельный срок» (там же, лл. 92—93). «Инструкция заполнения карточек», составленная Валком, обсуждалась на совещании 6 декабря. В нее был внесен ряд поправок. Валку было поручено, «приняв во внимание все указанные соображения, приготовить окончательную редакцию инструкции в самый кратчайший срок» (там же, л. 60). Она была представлена Валком в конце декабря и утверждена дирекцией института (Фонд документов В. И. Ленина, с. 157).

¹³ Проект правил издания трудов В. И. Ленина. Сост. С. Н. Валк. М.—Л., 1926, с. 5; см. также: Валк С. Н. Советская археография. М.—Л., 1948, с. 51.

¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 347, оп. 1, д. 38.

¹⁵ Там же, д. 37.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 347, оп. 1, д. 9, л. 31.

⁸ Там же, л. 30.

⁹ Там же, л. 32; Работу В. И. Ленина см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 1—65.

¹⁰ Фонд документов В. И. Ленина, с. 154—159; ЦПА ИМЛ, ф. 347, оп. 1, д. 9.

видов документов — историко-революционных¹⁶.

Нет необходимости давать здесь характеристику всех названных правил и инструкций, но на некоторые их особенности хотелось бы обратить внимание. Инструкции, составленные Валком, носили особый характер. Это были не только нормативные или методические документы. Они содержали также элементы учебного пособия. Например, в «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» в доступной форме даются объяснения таких археографических терминов, как «рецензия текста», «транскрипция», «эмендация». Заканчиваются «Правила» приложением факсимиле рукописи «Проекта организационного устава ко II съезду РСДРП» и двух вариантов передачи текста этого проекта, а также варианта передачи текста отрывка из работы «Шаг вперед, два шага назад»¹⁷. Это приложение не случайно. Основной контингент сотрудников института состоял тогда из бывших партийных и советских работников. Некоторые из них работали непосредственно с Лениным, хорошо знали историю из личного опыта, но большинство имело очень слабое представление о научной работе с документами. Как бы в подтверждение этому в одном из отчетов института отмечено, что с приходом Валка в институт стало ясно, какая огромная научно-исследовательская работа должна проводиться над каждым документом В. И. Ленина.

Интересны с этой точки зрения и воспоминания Н. А. Подвойской, из которых известно, что в 1927—1928 гг. С. Н. Валк читал для сотрудников института курс лекций по археографии. По некоторым данным можно установить, что во время этих лекций анализировалась хранящаяся в архиве рукопись статьи Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии»¹⁸, напечатанная в № 4 журнала «Заря» (август 1902 г.). Обычно Ленин сдавал рукописи в печать без поправок. Это была его особенность. Они всегда написаны как бы на одном дыхании и очень чисто. А эта рукопись, в отличие от других, имеет много вставок, зачеркиваний и поправок, сделанных рукой Ленина. Встал вопрос, почему появились эти поправки: сам ли автор был недоволен первой редакцией или они были внесены в результате обстоятельств, с которыми Ленин вынужден был считаться.

¹⁶ Валк С. Н. Советская археография, с. 48—54; он же. О приемах издания историко-революционных документов. — «Архивное дело», 1925, вып. III—IV; Медушевская О. М. Указ. соч., с. 182; Фонд документов В. И. Ленина, с. 157.

¹⁷ Проект правил издания трудов В. И. Ленина, с. 12—30, 53—70.

¹⁸ «Ленинский сборник», III. М.—Л., 1925, с. 303—395; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 303—348.

Изучение поправок, переписки и всего комплекса документов, связанных с этой работой, показало, что поправки были внесены Лениным под влиянием споров, возникших среди членов редакции «Искры». Полнота этих споров стала ясна, когда открыли рукопись от чистых листов, на которые она была наклеена перед посылкой в типографию. На обороте многих страниц оказались замечания членов редакции к ленинскому тексту. Таким образом, при издании предпочтение следовало отдать первоначальному варианту статьи, а всю последующую правку отметить в сносках и примечаниях, пояснив причины ее появления. На этом примере Валк показал, что, только тщательно изучая каждую рукопись и зная все обстоятельства работы автора над ее текстом, можно правильно выбрать текст для публикации и опубликовать его так, чтобы читатель получил ясное представление о позиции Ленина.

Многое из того, что рекомендовано Валком в лекциях, было затем практически осуществлено, особенно при подготовке «Ленинских сборников». Начиная с пятого тома «Ленинские сборники» стали издаваться с учетом рекомендаций Валка. Секретарь редакции «Ленинских сборников» Н. А. Подвойская, с первого тома участвовавшая в их подготовке, в одном из своих выступлений, после завершения лекций, сказала, что благодаря им она многое усовершенствовала, и эти усовершенствования будут «памятником» для курса, проведенного С. Н. Валком¹⁹.

Хотелось бы отметить еще одну особенность инструкций и правил, подготовленных Валком. Они посвящены разным темам, но связаны своей целенаправленностью: при создании архива и архивной обработке ленинских документов заложить основы и для их научной публикации. Это характерно для всех этапов работы с ленинскими рукописями. С 1924 г. был введен и зафиксирован следующий порядок их описания, предложенный Валком и принятый институтом. Прежде всего научный сотрудник должен был установить авторство и вид документа, адресат, изложить подробно содержание, выявить всех упомянутых в документе лиц, расшифровать псевдонимы, определить дату и место написания документа, его подлинность²⁰. Все эти сведения, выясненные на первом этапе работы с рукописью в архиве, являются обязательными и при научной публикации документа. Правильный и совершенно точный ответ на каждый из этих вопросов был возможен только в результате глубокого исследования. На основании правил описания документов, разработанных Валком, и была проведена вся работа по упорядочению имевшегося ар-

¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 347, оп. 1, д. 38.

²⁰ Фонд документов В. И. Ленина, с. 157—159.

хива, научной обработке вновь поступавших ленинских документов и подготовке нового каталога. Валк был одним из двух редакторов всех каталожных карточек на ленинские документы ²¹.

По инструкции на каждую ленинскую рукопись составлялась так называемая расшифровка. Это не дипломатическая копия в обычном ее понимании. Текст документа воспроизводился не механически, а, если можно так выразиться, аналитически. С помощью археографических приемов, изложенных Валком в «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина», оговаривались особенности рукописи, все редакции каждой фразы, логически правильно располагался текст. Для этого требовалось установить первый вариант рукописи и оговорить все другие, появившиеся в результате правки ее В. И. Лениным, найти между ними последовательность. Расшифровка, таким образом, раскрывала лабораторию работы В. И. Ленина, становилась основной при подготовке текста рукописи к изданию.

Особую трудность при расшифровке представляли те документы, которые Ленин предназначал для личного пользования: проекты планов его работ, выписки из книг, конспекты книг и статей, записи выступлений. Текст их в археографическом отношении очень труден для передачи. Задача археографа еще более усложнялась своеобразием ленинской скорописи. Обычно в таких случаях Ленин не писал полностью слова, а сокращал их путем исключения части букв. Так, вместо слов: буржуазия, капитализм, борьба, рабочий класс — он соответственно писал: «бзия», «кплизм», «бба», «р. к.» и т. п.

Чтобы расшифровать, прочитать такую рукопись, требуется не только умение и опыт. Надо доподлинно знать, когда и где она написана, что послужило для этого поводом, изучить источники, с ней связанные, знать подробности событий, которые упоминаются. Валк владел всем этим в совершенстве. Через его руки прошли самые сложные в археографическом отношении рукописи. Правилom было посылать ему фотокопию каждой такой рукописи. Он корректировал расшифровки, а иногда и заново их готовил. Известно, что он корректировал расшифровки таких сложных работ Ленина, как «Философские тетради», выписки по аграрным вопросам, конспекты сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и др.

Наконец, характеризуя значение методических разработок Валка, следует заметить, что инструкции разрешили и ряд организационных вопросов, установили логическую последовательность работ.

Все, что было сделано Валком в тот период, очень помогло в работе института. Уже в 1929 г. все материалы архива (а он насчитывал более 18 тыс. ленинских ру-

кописей ²²) были прочитаны, расшифрованы; архив был приведен в порядок.

Рекомендации, данные Валком в 1924—1925 гг., выдержали испытание временем. Они были положены в основу научно-технической обработки созданного после Великой Отечественной войны самостоятельного фонда документов В. И. Ленина (ф. 2); применены при обработке фонда документов К. Маркса и Ф. Энгельса (ф. 1), важнейших документальных коллекций по истории партии до революционного периода ²³. Жизненность методических приемов работы с ленинскими документами, предложенных Валком, лучше всего характеризует его как крупнейшего советского ученого-археографа, отдавшего все знания, огромный опыт и высокую культуру делу пропаганды ленинского учения.

Участие Валка в работе института не ограничивалось сказанным. Начиная с 1928 г. он просматривал разделы биографической хроники к томам Сочинений В. И. Ленина. И в последнее время Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (хотя Валк давно уже не был его сотрудником) считал своим долгом проконсультироваться с ним по всем новым ленинским изданиям. Все тома биографической хроники жизни и деятельности В. И. Ленина, издание которой институт начал с 1970 г., посылались Валку. Каждый том он внимательно читал. К его мнению и советам Сектор произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС очень прислушивался и благодарил за помощь. Большинство замечаний Валка было учтено.

Обращение Валка к ленинским декретам явилось как бы логическим продолжением его деятельности по изданию документов Ленина. В 1924 г. этот вид источников, характеризующих одну из сторон государственной деятельности Ленина, институт намеревал опубликовать как приложения к Сочинениям Ленина, как тома государственных бумаг В. И. Ленина ²⁴. В разработанном Валком «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина» было сказано, что законодательные акты и подобные им документы, имеющие подпись Ленина, но автором которых он не являлся, «составят особую, вторую серию трудов, состав и правила издания которой будут впоследствии установлены» ²⁵. Через несколько лет Валк предложил институту подготовить научное издание ленинских декретов.

В 1927 и 1928 гг. в журнале, издаваемом Институтом Ленина, появились две публикации документов Советского правительства, относящихся к 1917 и на-

²² Фонд документов В. И. Ленина, с. 171.

²³ Там же, стр. 159.

²⁴ «Ленинский сборник», I. М.—Л., 1925, с. 19.

²⁵ Проект правил издания трудов В. И. Ленина, с. 8.

²¹ Фонд документов В. И. Ленина, с. 170.

чалу 1918 г., под заголовками: «Декреты, правительственные распоряжения и сообщения, опубликованные за подписью В. И. Ленина» и «Ленин. Проекты декретов, поправки и дополнения к ним. 1917—1918 гг.»²⁶ Всего было напечатано 10 документов. В их числе декреты о печати, о введении государственной монополии на объявления, об уничтожении сословий и гражданских чинов, проект Положения о рабочем контроле, написанный В. И. Лениным, и само Положение, поправки Ленина к декрету СНК о Рабоче-Крестьянской Красной Армии, ленинские дополнения к декрету «Социалистическое отечество в опасности» и другие документы Совнаркома²⁷. К сожалению, не указано, кем подготовлены эти документы (тогда это не было принято). На основании археографических приемов описания²⁸, сравнения с последующей публикацией этих документов Валком²⁹, а также с данными о том, что в 1927—начале 1930 г. Валк работал в Государственном архиве Октябрьской революции под фондами СНК и СТО (в тех делах, где сохранились карточки пользования делом, всегда есть его расписка), можно предположить, что эти публикации готовились или им самим или при его консультации.

В 1933 г. под грифом Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) вышел первый, и единственный, том «Декретов Октябрьской революции», подготовленный Валком. К сожалению, по не зависящим от него причинам издание было приостановлено, хотя были уже готовы два следующие тома³⁰.

Основной задачей его была публикация документов, характеризующих зако-

нодательную и распорядительную деятельность В. И. Ленина на посту Председателя Совнаркома РСФСР, т. е. осуществление того, о чем Валк писал в «Проекте правил издания трудов В. И. Ленина»³¹. Поэтому в состав издания вошли опубликованные документы СНК, написанные, правленные и подписанные В. И. Лениным³².

Валком была проведена для этого огромная подготовительная работа. Он изучил фонды архива Института Ленина (в то время здесь уже хранились подлинники декретов и постановлений, их проекты с правкой В. И. Ленина, протоколы Совнаркома с приложениями), Государственного архива Октябрьской революции (главным образом документальные материалы Управления делами Совнаркома РСФСР), воспоминания тех, кто работал в Совнаркоме вместе с Лениным, все изданные его труды. Им были найдены не только подлинники, но и проекты законов и постановлений, установлены их авторы, история их разработки. Валк провел текстологическое изучение каждого документа, выяснил различия между подлинником и проектом, характер их и причины. Правда, не всегда удавалось сделать это для всех декретов, и сейчас не всегда удается ввиду отсутствия многих материалов. Тогда эту очень трудоемкую работу Валк выполнял один, теперь ее делает коллектив. И приходится только удивляться, как хватало у Валка на все времени и сил.

Все собранные им сведения были использованы в «Декретах Октябрьской революции» (и в подготовленном к изданию первом томе, и в сохранившейся корректуре), которые высоко оценены не одним поколением историков. Валк предоставил историкам всей нашей страны возможность изучить документы, без которых невозможно правильное понимание исторических процессов в первые месяцы после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

С прекращением издания Валк не оставил мысль о нем и всячески добивался его возобновления. В 1939 г. он выступил со статьей «О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного их издания». В ней он писал: «Необходимо, настоятельно необходимо... иметь научное издание декретов подобно тому, как мы имеем научное издание ряда других первоисточников по важности наших исторических документов. Это научное издание дало бы нам—на основе всех имеющихся источников текста—критически установленный правильный текст декретов»³³.

²⁶ «Записки Института Ленина», I, III. [М.], 1927, 1928.

²⁷ «Записки Института Ленина», I, с. 87—94; III, с. 61—68; см. также: Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, с. 24—25, 55—56, 71—72, 77—78, 83—85, 352—355.

²⁸ Перед текстом каждого декрета сообщаются следующие данные: первая публикация или время написания, внешний вид источника, участие В. И. Ленина и т. п.; именно эти сведения Валк считал нужным указывать при издании ленинских документов.

²⁹ Декреты Октябрьской революции (правительственные акты, подписанные и утвержденные Лениным как председателем Совнаркома), т. I. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. М., 1933, с. 16—18, 49—55, 68—69, 88—90 и 93—96, 47—49, 76—77, 87.

³⁰ Они были доведены хронологически до июля 1918 г. и сохранились в гранках, которые Валк правил. Когда началась работа над «Декретами Советской власти», Валк предоставил составителям гранки для работы.

³¹ «Проект правил издания трудов В. И. Ленина», с. 8.

³² Декреты Октябрьской революции, т. I, с. III—IV.

³³ «Архивное дело», 1939, № 3, с. 22.

В 1955 г. по инициативе Валка дирекция Института истории АН СССР обратилась в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с предложением начать новое, совместное, издание законодательных актов Советской власти, с тем чтобы к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции выпустить первый том. Эти предложения были приняты, а на Валка как инициатора и крупнейшего специалиста было возложено научное руководство изданием. Работа началась в том же году и, как было задумано, в 1957 г. вышел первый том³⁴. Новое издание получило и новое название — «Декреты Советской власти».

По предложению Валка оно не должно было повторять «Декреты Октябрьской революции». Хронологически предполагалось довести его до 1922 г., до образования СССР. Различия более всего касаются состава документов. Было решено печатать все законодательные акты высших органов государственной власти Советской России: Всероссийских Съездов Советов, Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, его Президиума, Совета Народных Комиссаров РСФСР и Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, позднее Совета Труда и Обороны, как опубликованные, так и не опубликованные в то время и вовсе не публиковавшиеся. Таким образом, документальный состав был значительно расширен³⁵. Различия проявились и в отказе печатать полностью подписанные Лениным тексты постановлений о назначениях. В «Декретах Советской власти» такие постановления (ограниченные назначениями народных комиссаров и членов коллегий народных комиссариатов) печатаются в приложениях в виде респектов. Также публикуются и постановления об ассигнованиях сверхсметных кредитов наркоматам и главам, отпускаемых на самые различные нужды. Они весьма многочисленны, и уже сейчас возникает вопрос, не публиковать ли их самостоятельно, дополнительным томом.

В обоих изданиях, чтобы показать роль Ленина в законодательной деятельности Советского государства и разработке важнейших его актов, публикуются тексты декретов и проектов, написанных Лениным, ленинские замечания к проектам, планы и тезисы, проекты, правленные Лениным³⁶.

Подготовка документов в «Декретах Советской власти» основана на тех же археографических приемах, что и в пред-

шествующем издании³⁷. Но легенда теперь строится несколько иначе, шире используются текстуальные примечания, менее подробно дается история разработки документов.

Все это говорит о том, что оба эти издания сохраняют свою самостоятельность и ценность, чем-то дополняют друг друга и что при изучении советского законодательства ни без одного из них нельзя обойтись.

Вышедшие тома «Декретов Советской власти»³⁸ охватывают период с первого дня победы Великой Октябрьской социалистической революции до марта 1920 г. Предполагается, что издание завершится постановлением о создании СССР (1922 г.) и составит примерно 15—17 томов. В нем будет отражена вся деятельность Владимира Ильича Ленина как создателя и руководителя Советского государства, на посту Председателя СНК РСФСР, Совета Обороны и СТО.

В семи изданных томах уже напечатано 2667 законов, из них 600 первые. Абсолютное большинство их подписано В. И. Лениным. Кроме того, опубликовано 390 проектов, замечаний, тезисов Ленина, правленных им проектом. В приложениях даны подробные сведения о 917 постановлениях о назначениях и увольнениях, об ассигнованиях сверхсметных кредитов на различные народнохозяйственные цели и нужды советских учреждений. В восьмой и девятый тома, которые Валк не успел посмотреть до конца (сделанные им замечания и поправки уже внесены в текст, подготовленный к печати), будет включено 515 законов, из них 170 публикуются впервые. В томах будут напечатаны два закона, автором которых является В. И. Ленин, шесть его замечаний к проектам, 43 правленных им проектов и подлинников. Таким образом, общее число декретов и постановлений, опубликованных с участием Валка и под его руководством, составит более 3 тыс.

Интерес к советскому законодательству первых лет Советской власти значительно вырос за последние годы. Нет ни одной серьезной работы по истории нашего

³⁷ Декреты Советской власти, т. I, с. IX—X, ср.: Декреты Октябрьской революции, т. I, с. V—X. Все вопросы подготовки научной публикации этого вида источников помимо самих изданий отражены также в сохранившейся переписке с Валком, в его ответах на вопросы составителей и замечаниях на подготовленные ими документы. См. также: *Алапки Ю. А., Покровский А. С.* Научное издание законодательных актов Советской власти. (Из опыта работы.) — «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974, с. 25—35.

³⁸ Декреты Советской власти, тт. I—VII. М., 1957—1974. (В 1976 г. вышел т. VIII — *Прим. ред.*.)

³⁴ Декреты Советской власти, т. I. М., 1957.

³⁵ См.: там же, т. I, с. VIII—IX, X—XI; ср.: Декреты Октябрьской революции, т. I, с. III—IV.

³⁶ Декреты Советской власти, т. I, с. VIII; ср.: Декреты Октябрьской революции, т. I, с. VIII—IX.

государства этого времени, автор которой не обращался бы к изданию «Декреты Советской власти».

Много вышло тематических сборников³⁹. Декреты и постановления включены во многие местные документальные издания, посвященные 100-летию со дня рождения Ленина. Нам известно, что они имеются более чем в 150 изданиях. Издательство «Известия» выпустило библиографию ленинских декретов⁴⁰, в которой только перечисление их составляет 27 печ. листов. «Декреты Советской власти» не могли не быть использованы во всех этих изданиях.

Именно инициативе Валка, его огром-

³⁹ См., например: Ленинские декреты по здравоохранению. 1917—1921 гг. М., 1970; Ленинские декреты о социальном обеспечении. М., 1972, и др.
⁴⁰ Ленинские декреты. 1917—1922. Библиография. М., 1974.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. БУГАНОВА «ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АРХЕОГРАФИИ В ТРУДАХ С. Н. ВАЛКА»

Выдающийся вклад Сигизмунда Натановича Валка в разработку теоретических и конкретных проблем источниковедения и археографии, издание исторических источников по отечественной истории широко известен и не раз стмечался советской научной общественностью. Из всего комплекса проблем, занимающих заметное место в научном творчестве Валка, хотелось бы остановиться на его историографических работах, содержащих характеристику трудов русских и советских ученых XVIII—XX вв. и посвященных изданию и изучению источников по истории СССР.

Большое внимание в этом плане уделяется в работах С. Н. Валка деятельности В. Н. Татищева. В одной из них он отмечает ведущую роль знаменитого историка в открытии текстов Русской Правды, Судебника 1550 г. и дополнительных указов к последнему. Особенно подробно рассмотрена автором работа Татищева над текстом Русской Правды, ее особенности (стремление к модернизации текста с целью сделать его более понятным современному ему читателю, наличие пояснений, вставок и т. д.). Дает он и характеристику общих взглядов Татищева на Русскую Правду, тесно связанных с его крепостническо-монархической схемой развития исторического процесса в Древней Руси, собирает суждения историка о разных составных частях этого законодательного памятника, о его древнем общеславянском происхождении (задолго до Ярослава), отмечает, что эти взгляды имели ярко выраженное анти-норманистское содержание.

Сохранилось несколько редакций подготовленного Татищевым текста Судеб-

ной работе в этом направлении мы обязаны тем, что этот вид источников так широко представлен в исторической литературе.

Очень высоко оценивается учеными и научный уровень издания. В этом тоже заслуга Валка. Его эрудиция и высокая культура, колоссальный опыт и глубина знаний, требовательность и высочайшая скромность, умение доказать свою правоту и согласиться с доводами оппонента без тени уязвленного самолюбия — все эти и другие качества Валка-руководителя способствовали этому.

Более 50 лет сотрудничал Сигизмунд Натанович с Институтом марксизма-ленинизма. Им проделана огромная работа по организации архива ленинских документов и изданию ленинского наследия. В каждом опубликованном ленинском документе — частица и его труда. И это лучший памятник Сигизмунду Натановичу Валку.

ника 1550 г. (они, как и в случае с Русской Правдой, отличались друг от друга количеством примечаний)¹.

В этих и других исследованиях Сигизмунд Натанович останавливается на характеристике, в том числе источниковедческой, знаменитой «Истории Российской» В. Н. Татищева, в подготовке и издании текста которой он принял, как известно, самое деятельное участие². Он прослеживает отношение Н. М. Карамзина к этому труду³.

В особой работе Валк характеризует деятельность Болтина по изданию Русской Правды (1792 г.), осуществленную на высоком для того времени археологическом уровне. Помимо текста оно содержало предисловие, обстоятельные комментарии, указатели. Одновременно Валк отмечает и недостатки публикации:

¹ [Валк С. Н.]. Татищевские списки Русской Правды. — «Материалы по истории СССР», V. М., 1957, с. 607—657; *он же*. В. Н. Татищев в своем болдинском уединении. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1974, с. 213—214.

² См. вступительные статьи С. Н. Валка к семи томам «Истории Российской» В. Н. Татищева (Татищев В. Н. История Российская, тт. I—VII. М.—Л., 1962—1968).

³ Валк С. Н. «История Российская» В. Н. Татищева в трудах Н. М. Карамзина. — В кн.: Проблемы общественной мысли и экономической политики России XIX—XX веков. Памяти проф. С. Б. Окуня. Л., 1972, с. 177—184.

смешение текстов краткой и пространной редакций, неточная передача текста и др.⁴

Эту же тему — издание и изучение Русской Правды — в более широком плане Сигизмунд Натанович разрабатывает в двух специальных статьях⁵. В первой из них она изучается на материале XVIII—начала XIX столетия по трудам В. Н. Татищева, Штрубе де Пирмонта, М. В. Ломоносова, А. Л. Шлецера, С. Я. Румовского (все они имели дело с краткой редакцией), В. В. Крестинина, опубликованного Пространную Правду, И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина, Г. Эверса, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, В. Ф. Вельяминова-Зернова. Валк показывает, что работа по изданию и изучению Русской Правды была тесно связана с общими историографическими представлениями того времени о характере древнерусского общества и государства, в частности, что норманистские взгляды Штрубе де Пирмонта наложили явный отпечаток на его суждения о Русской Правде. О норманизме этого памятника писал и Н. М. Карамзин, исходивший в суждениях о нем из своей монархической схемы. Взгляды К. Ф. Калайдовича — известного археографа и историка первой трети XIX в. — «не ушли, — по словам Валка, — дальше представлений дворянских историков XVIII в.», в частности норманизма применительно к Русской Правде⁶.

В другой статье Валк выявляет тот вклад, который внесли в издание и изучение древнейшего законодательного кодекса ученые 1820—1840-х годов — Г. Эверс, А. Рейц, И. Г. Нейман, И. Раковецкий, Г. А. Розенкампф и другие представители так называемой исторической школы (тезис о славянском происхождении норм Русской Правды, важные источниковедческие наблюдения над ее текстом), М. Т. Каченовский (отрицание древнего происхождения Русской Правды, подчеркивание связи ее появления с экономическим подъемом в Новгороде Великом), Н. А. Полевой (новгородское ее происхождение, в то же время — «норманистские ноты»), А. Н. Попов, Э. С. Тобин и др. Автор внимательно прослеживает этапы источниковедческого изучения Русской Правды,

углубление представлений об ее составных частях, редакциях (Древнейшая Правда, Правда Ярославичей, Пространная Правда). Это связано с научной деятельностью Э. С. Тобина и других ученых, особенно Н. В. Калачова.

Валк отмечает крайний норманизм М. П. Погодина, вклад которого в изучение Русской Правды нельзя признать большим, и, наоборот, большее значение для своего времени книги Н. В. Калачова, которая «явилась гранью в археографии и историографии Русской Правды» и завершила определенный период в ее изучении⁷.

Сигизмунд Натанович рассматривает проблему исторического источника в русской историографии XVIII в. в целом⁸. Он исходит при этом из важного теоретического положения: «Каждая историографическая теория определяла собою круг источников, пригодный для ставимых ею целей. . . она в то же время отрицала значение других групп источников, и. . . в связи с этим перемена историографических взглядов влекла за собою и переоценку совокупности исторических источников. Если основным требованием настоящего времени является привлечение всех равновидностей исторических источников, то именно историографическое изучение дает возможность проследить, что в прошлом дело обстояло иначе». И далее: «Сам характер работы над историческим источником, ее методика равным образом находится в теснейшей зависимости от характера руководящей историографической теории, от ее методологии»⁹.

Сигизмунд Натанович в этой интереснейшей работе на примере Татищева, Шлецера, Чулкова, Крестинина, Щербатова и других историков XVIII в. (в связи с развитием исторической и философской мысли в Западной Европе) вскрывает их разный подход к отбору и использованию источников, который отражал борьбу мнений, направленной в тогдашней исторической науке. Так, представители официальной дворянской историографии придавали исключительное значение такому источнику, как официальные законодательные акты, исходившие от государственной власти; роль же частных актов, фольклора в историческом познании, наоборот, преуменьшалась или совсем отрицалась. Зарождающаяся же буржуазная историография в лице Крестинина и других проявляла повышенный интерес к частным актам, археологическим, нумизматическим и другим источникам.

⁴ Валк С. Н. И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой. — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIV. М.—Л., 1958, с. 650—656.

⁵ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века. — «Археографический ежегодник за 1958 год» (далее — АЕ). М., 1960, с. 124—160; он же. Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40-х годов XIX в. — «АЕ за 1959 год». М., 1960, с. 194—255.

⁶ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века, с. 157—158.

⁷ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40-х годов XIX в., с. 255.

⁸ Валк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII в. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, с. 33—55.

⁹ Там же, с. 33.

В одной из своих статей С. Н. Валк, по его словам, «стремится наметить... общие черты археографической работы», имея в виду издание источников по отечественной истории периода феодализма¹⁰. Он пишет о том, что было сделано в этой области до Октябрьской революции и за 20 лет Советской власти, о необходимости продолжения издания таких источников, как «Русская Правда», летописи, акты, писцовые книги, документы по истории народов СССР, крестьянства, классовой борьбы, хозяйства, сведения иностранцев о России. Особо он останавливается на целесообразности подготовки и издания сборников исторических документов, предназначенных для учебных целей. В его же статьях, помещавшихся в ряде изданий 40—60-х годов, дается характеристика различных публикаций источников по феодальному периоду истории народов нашей страны; особо в этом плане важны его наблюдения, изложенные в известной обобщающей работе о советской археографии¹¹.

Ряд исследований С. Н. Валка имеет предметом изучения деятельность видных отечественных ученых в области источниковедения и археографии. Такова его работа об И. А. Бычкове¹². Автор отмечает исключительные научные заслуги этого ученого и его отца академика А. Ф. Бычкова, «в ведении» которых более ста лет (1844—1944 гг.) находилось Рукописное отделение Публичной библиотеки в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, именно — в описании и введении в научный оборот богатейшего собрания хранившихся в нем рукописных книг и документов. Они же принимали деятельное участие в издании «Писем и бумаг императора Петра Великого» и других материалов. «Без преувеличения можно сказать, — заключает Валк, — что столетняя деятельность отца и сына, А. Ф. и И. А. Бычковых, создала большую культурно-историческую ценность в виде теперешнего Рукописного отделения Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, которое стало одним из важнейших источников для плодотворного развития русской исторической и историко-литературной наук. Это — научный подвиг Бычковых, благодарная память о которых надолго сохранится в летописях русской науки»¹³. В работе о М. Д. Приселкове Сигизмунд Натанович отмечает, что наряду с продолжением традиций Шахматова Приселков вносит в изучение русских летописей новые важные моменты (перенос центра внимания с филологической критики на конкретную историческую аргументацию по поводу состава, происхождения, значения летописных сводов; синтетическое изложение) летописного материала). Он высоко оценивает обобщающий труд Приселкова по истории русского летописания XI—XV вв. (Л., 1940), в котором эволюция развития этого жанра тесно увязана со всем ходом исторического развития Древней Руси¹⁴.

Характеризуя археографическую деятельность Б. Д. Грекова, Сигизмунд Натанович изучает ее в тесной связи со всеми этапами его научного творчества¹⁵. Так, изыскания Бориса Дмитриевича по истории Новгородского дома св. Софии сопровождалось изучением и публикацией исторических источников (например, бобыльских порядных), составлением описей, указателей к документам (например, того же Новгородского Софийского дома, Большого Тихвинского монастыря). Далее Валк характеризует археографические поездки Б. Д. Грекова, его деятельность в различных архивных и археографических учреждениях, в Историко-археографическом институте, Ленинградском отделении Института истории, его участие в источниковедческом изучении и издании Русской Правды, писцовых книг, актов, ряда томов документов по истории крепостной мануфактуры в России, феодальной вотчины Б. И. Морозова, известный иностранных писателей о России. По инициативе Грекова предложения об издании на новых основаниях русских летописей сформулировал Приселков.

Под редакцией Грекова было начато издание известного «Исторического архива», в котором помещались отдельные небольшие разновидности или группы документов. В конце работы говорится о деятельности Грекова в указанной области в то время, когда он возглавлял Институт истории АН СССР (организация соответствующих структурных подразделений, занимавшихся археографическими проблемами, издание «Судебников XV—XVI вв.»), о тех его замыслах, которые являются по существу «обширной программой работ будущего, работ на многие годы, работ, которые

Под редакцией Грекова было начато издание известного «Исторического архива», в котором помещались отдельные небольшие разновидности или группы документов. В конце работы говорится о деятельности Грекова в указанной области в то время, когда он возглавлял Институт истории АН СССР (организация соответствующих структурных подразделений, занимавшихся археографическими проблемами, издание «Судебников XV—XVI вв.»), о тех его замыслах, которые являются по существу «обширной программой работ будущего, работ на многие годы, работ, которые

¹⁰ Валк С. Н. О публикациях материалов по феодально-крепостническому периоду истории СССР. — «Историк-марксист», 1937, кн. 4, (62), с. 219—227.

¹¹ Валк С. Н. Советские издания документов по истории СССР до XIX века. — «Исторический журнал», 1944, № 4, с. 89—96; *он же*. Советские документальные публикации по истории СССР XIX—XX вв. — В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М., 1942; *он же*. Советская археография. М.—Л., 1948.

¹² Валк С. Н. И. А. Бычков (19 августа 1858 г.—23 марта 1944 г.) — «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1944, т. I, № 5, с. 222—224.

¹³ Там же, с. 224.

¹⁴ Валк С. Н. Проф. М. Д. Приселков. — «Историк-марксист», 1941, № 4, с. 156.

¹⁵ Валк С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии. — «АЕ за 1958 г.», с. 223—232.

всегда будут связываться с именем Б. Д. Грекова»¹⁶.

Характеризуя деятельность другого крупнейшего советского ученого — М. Н. Тихомирова, Сигизмунд Натанович подчеркивает, что она носила необычайно широкий характер: здесь и разыскание источников, и их описание, и издание, и рассмотрение теоретических вопросов отечественной археографии¹⁷. Автор дает высокую оценку известным трудам Тихомирова по описанию Синодального собрания Государственного исторического музея, летописных памятников московских архивохранилищ, его публикациям летописных источников, Мерила Праведного, Закона Судного людям, повестей о Куликовской битве, многих источников по истории XVI—XVII вв., его источниковедческим изысканиям о древнейшей русской надписи (совместно с Д. А. Авдусиным), о Русской Правде, берестяных грамотах и многих других источниках по истории России. Особо останавливается он на трудах Тихомирова, в которых ставятся общие вопросы разыскания, собирания, хранения и издания исторических источников. С. Н. Валк отмечает большое значение деятельности М. Н. Тихомирова как основателя и председателя Археографической комиссии, той программы в области археографии, специальных исторических дисциплин, которая осуществлялась при жизни Тихомирова и продолжает осуществляться после его кончины.

Немалый интерес представляют исследования Валка, в которых рассматривается деятельность (с точки зрения работы в архивах над историческими источниками, издания последних, их изучения) таких советских ученых, как Е. В. Тарле (работа в архивах Франции, лекции о Национальном архиве в Париже; доклады и статьи об организации архивного дела в СССР; выступления, посвященные характеристике архивного дела в Западной Европе)¹⁸, И. И. Смирнов (общий очерк научного творчества, в котором уделяется внимание и его источниковедческим

исследованиям)¹⁹, Б. А. Романов (издание и изучение Русской Правды, служилых кабал и других источников феодального периода; документов по истории России начала XX в.)²⁰, И. А. Голубцов (его участие в архивном строительстве в первые десятилетия Советской власти, работы по теории и практике архивного дела, источниковедению, исторической географии, картографии, подготовке и изданию «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.»)²¹, В. А. Петров (издание и изучение источников по истории России начала XX в., обзоры фондов Рукописного отдела БАН СССР, Архива ЛОИИ СССР АН СССР)²².

В заключение хочется подчеркнуть, что Сигизмунд Натанович Валк уделял в своем творчестве большое внимание указанному направлению советской исторической науки, был одним из пионеров, зачинателей исследований в этой области. Его труды по историографии отечественного источниковедения и археографии — ценный вклад в советскую историографию, прекрасный образец того, как необходимо вести работу в этом направлении, и по существу его завет, программа деятельности в области обобщения опыта отечественной науки по изданию и изучению источников. Ее выполнение — научный, нравственный долг советских ученых; создание обобщающих исследований по историографии источниковедения и археографии в нашей стране — одна из важнейших задач, требующих решения в предстоящие годы.

¹⁹ Валк С. Н. Иван Иванович Смирнов. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967, с. 5—41.

²⁰ Валк С. Н. Творческий путь Б. А. Романова. — «Исторические записки», 1958, т. 62, с. 269—282; он же. Борис Александрович Романов. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971, с. 8—38.

²¹ Валк С. Н. Иван Александрович Голубцов (1887—1966). — «Вспомогательные исторические дисциплины» (далее — ВИД), I. Л., 1968, с. 307—312.

²² Валк С. Н. Владимир Алексеевич Петров (1893—1967). — ВИД, II. Л., 1969, с. 294—297.

¹⁶ Там же, с. 232.

¹⁷ Валк С. Н. Археографическая деятельность академика М. Н. Тихомирова. — «АЕ за 1962 г.». М., 1963, с. 5—20.

¹⁸ Валк С. Н. Е. В. Тарле и литература советского архивоведения. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972, с. 18—25.

Всех нас привело сюда сегодня желание поделиться мыслями и воспоминаниями о большом ученом и очень хорошем человеке Сигизмунде Натановиче Валке с тем, чтобы оживить его образ. Еще трудно, конечно, раскрыть во всей полноте его значение для развития исторической науки. Еще не разобрано и не изучено все его архивное наследие. Мы не можем отрешиться от представления о нем как о живом современнике и участнике нашего общего дела. Но даже одна только повестка сегодняшнего дня свидетельствует, насколько весомую роль сыграл Сигизмунд Натанович как ученый, педагог, организатор науки. Для участия в выступлении записались люди различного возраста, разных гуманитарных специальностей, работники разных научных учреждений, историки, занимающиеся различными эпохами и проблемами, друзья, ученики, товарищи по работе и профессии. Значит, все они чувствуют непосредственную связь с Валком, хотя осмыслить эту связь и рассказать о ней.

Конечно, каждый из нас может внести лишь крупицу воспоминаний и мыслей в общее дело ознаменования памяти ученого. Попробую, в меру сил, сделать это и я. Я хочу остановиться на одной странице большого жизненного пути Сигизмунда Натановича, когда мне удалось впервые с ним довольно близко познакомиться. Это было во время войны, в 1943 или 1944 г. Память человеческая ограничена, а речь идет о том, что имело место за тридцать с лишним лет до сегодняшнего дня. Поэтому в моем выступлении могут быть неточности. Но ошибок я постараюсь избежать, касаясь лишь того, что твердо запечатлелось в сознании.

Я не знаю, как, по чьему поручению или вызову прибыл Сигизмунд Натанович из Ташкента, где находился в эвакуации. Но прибыл он один, на несколько месяцев задержался в Москве, а затем, когда для этого явилась возможность, уехал в Ленинград. Во время пребывания в Москве Сигизмунд Натанович вел преподавательскую работу в Историко-архивном институте (читал лекции и руководил семинарами по археологии) и принимал участие в деятельности Института истории Академии наук СССР. Я в те времена был докторантом Академии наук и доцентом Историко-архивного института. Так состоялось наше знакомство с Сигизмундом Натановичем, которого лично я раньше не знал.

Жилось Сигизмунду Натановичу нелегко. У него не было квартиры, и одно время он ночевал в профессорской комнате Историко-архивного института, а днем искал себе приют в свободных аудиториях. Бывало холодно; зайдя иногда вечером к Сигизмунду Натановичу, можно было застать его одетым в столь хорошо всем известную валковскую шубу. Ощущалась неухоженность человека, ко-

торый не привык думать о себе. Но все эти невзгоды Сигизмунд Натанович переносил с большим стоицизмом и мягким юмором, справедливо считая их ничтожными в сравнении с тем, что творилось в его родном Ленинграде. Тогда я впервые узнал силу спокойного валковского юмора и обаяние его мягкой улыбки.

Время, о котором я сейчас рассказываю, вероятно, историки отметят в будущем как период, когда представители «московской» и «ленинградской» «школ» (буду употреблять эти условные и не вполне удачные термины) ближе узнали друг друга и стали теснее друг с другом работать. Конечно, грустно, что этому способствовала трагедия, постигшая Ленинград.

Наряду с Сигизмундом Натановичем в Москве оказался ряд других ленинградских историков; центром их деятельности также был Историко-архивный институт. Александр Игнатьевич Андреев возглавил кафедру вспомогательных исторических дисциплин, Илья Лукич Маяковский — кафедру теории и практики архивного дела. Специалист по геральдике и генеалогии Владислав Крискентьевич Лукомский был ученым секретарем Ученого совета института. В то время не существовало кафедры археологии, но шли разговоры о ее создании, причем во главе ее предполагалось поставить Сигизмунда Натановича. Этот проект очень поддерживал П. Г. Софинов. Но Сигизмунд Натанович отказался переехать совсем в Москву и покинуть Ленинград, в котором прошла его жизнь. В свою бытность в Москве организационно и научно Сигизмунд Натанович был связан с двумя кафедрами: теории и практики архивного дела и вспомогательных исторических дисциплин. Здесь на заседаниях, на докладах ленинградские историки могли встретиться с московскими, ибо там бывали и С. Б. Веселовский, и С. К. Богоявленский, и Н. Г. Бережков и др. А. И. Андреев широко приглашал на заседания специалистов. Все это были крупные представители исторической науки, хотя каждый из них имел свои достоинства и недостатки. На этом фоне можно было как потеряться, так и, напротив, проявить свои оригинальные черты. Валк сразу нашел здесь достойную среду и показал свою яркую индивидуальность.

Его отличала прежде всего широчайшая эрудиция, исключительные знания источников и литературы с древнейших времен до наших дней. Ведь к нему можно было обратиться (и мы так и делали) за консультацией по любому вопросу отечественной истории и получить исчерпывающий ответ — не формальную отписку, а точную справку с библиографическими ссылками. Он очень хорошо знал и западную историю. При этом его отличало чувство современности, понимание значения тематики, выдвигаемой

жизнью, значения актуальности (а отнюдь не конъюнктурности) проблематики. Я как раз разрабатывал тогда курс лекций о методике вспомогательных исторических дисциплин применительно к источникам нового времени (XIX—XX вв.), который потом несколько лет читал в Историко-архивном институте. Своими советами Сигизмунд Натанович казал мне неоценимую помощь.

Говоря об эрудиции Валка, нельзя не отметить, что редко кто из историков мог бы указать в списке своих трудов такое количество рецензий, как С. Н. Валк. И это потому, что он был в самой гуще того, что происходит в науке, и считал необходимым быстро делать все ее достижения общим достоянием. Из московских историков в этом отношении лучше всего было бы сравнить с Сигизмундом Натановичем Ю. В. Готье — так же знатока исторической литературы разных эпох, содействовавшего своими рецензиями ее оценке и использованию.

Сигизмунд Натанович был таким же первоклассным знатоком архивов, как С. Б. Веселовский или С. К. Богоявленский, но те обогатили историческую науку новыми материалами феодального периода, XVI—XVII вв. Полем деятельности для них являлись фонды старинных архивов Министерства юстиции и Министерства иностранных дел. Сигизмунд Натанович, продолжая традиции публикации источников ранних эпох, стал пионером и разработкой архивных богатств, сделавшихся доступными благодаря Октябрьской революции, материалов по истории России позднего времени, по революционно-освободительному движению и т. д.

Сигизмунд Натанович в течение ряда лет занимался вспомогательными историческими дисциплинами, их теорией, методикой, техникой. Незадолго до войны, в 1937 г., вышел в свет при его участии известный академический сборник статей «Вспомогательные исторические дисциплины». В 1943—1944 гг. в Москве Валк нашел благодатную среду для продолжения своих занятий вспомогательными историческими дисциплинами на кафедре Историко-архивного института, где обсуждалась соответствующая тематика.

Кроме того, в Институте истории АН СССР Сигизмунд Натанович в военные годы возглавил группу специалистов, занимающихся вспомогательными историческими дисциплинами. Я совершенно забыл, на каких это было началах: являлась ли группа межсекторской или же составляла какое-то специальное структурное подразделение института. Е. Н. Кушева обратила мое внимание на заметку С. Н. Валка в «Историческом журнале» за 1944 г. (№ 4), из которой видно, что был создан именно сектор. Я же помню, что до отъезда Сигизмунда Натановича в Ленинград было проведено несколько секторских заседаний. Не касаясь дальнейшей судьбы сектора,

скажу, что пребывание Сигизмунда Натановича в Москве в 40-х годах можно рассматривать как органическое звено его творческой работы по организации изучения вспомогательных исторических дисциплин, которая привела к изданию с конца 60-х годов научных ежегодников.

Если коснуться теперь тех проблем, которые занимали историков отечественного феодализма и феодального источниковедения, в первую очередь придется назвать Русскую Правду. На первый взгляд это кажется противоестественным: война на смерть с озверелым фашизмом — и вдруг правовой кодекс XI—XII вв. Но в этом была своя человеческая правда, порождаемая верой в то, что нельзя убить науку, как нельзя убить народ — ее создателя, нельзя уничтожить его культурные ценности. А Русская Правда была одной из таких ценностей.

Ученые много занимались Русской Правдой и до войны и во время войны. В 1940 г. вышел в свет первый том академического издания памятника. Еще раньше появилось в печати издание Украинской Академии наук под редакцией С. В. Юшкова. В 1941 г. было напечатано исследование о Русской Правде М. Н. Тихомирова. Большую монографию о происхождении памятника готовил В. П. Любимов. Где сейчас его рукопись — я не знаю. А им было написано уже много. Археографической комиссии следовало бы заинтересоваться его архивом. Доклад о своей работе В. П. Любимов сделал на валковском секторе. Некоторые идеи этого доклада мне запомнились. Историю текста Правды Любимов рассматривал в связи с историей летописания и полагал, что Правда дошла до нас через Начальный свод. Некоторые нормы Правды он возводил к записям обычного права, причем очень ранним. В качестве одного из доказательств этого приводел народный склад речи отдельных статей кодекса.

Запомнились прения главным образом благодаря выступлению Б. И. Сыромятникова, критическому по содержанию и резкому по тону. Он оспаривал представление о многослойности памятника, выступал против правомерности текстологического анализа, противопоставляя ему формально-юридический подход. Я не могу воспроизвести сейчас точно то, что говорил Валк, но общая направленность его замечаний отражала отношение к научным дискуссиям, ему свойственное: уважение к суждению другого, желание разобраться в степени аргументированности отдельных мнений, сознание опасности преждевременного признания вопроса решенным, а той или иной точки зрения на него — последним словом науки.

В этой связи мне хочется вспомнить слова Сигизмунда Натановича, сказанные мне в другое время и по иному поводу. Речь шла о статье Б. М. Коцакова о происхождении Новгородской Судной грамоты, в которой автор предлагал вернуться к забытой в науке, по-моему,

схоластической схеме Мрочек-Дроздовского. Я был не согласен с Кочаковым (не согласен с ним и сейчас) и изложил свои соображения Валку. Но он не стал разбирать вопрос по существу, ибо у него не было для этого материала и он не считал себя в праве это делать, а сказал примерно следующее (передаю его речь не дословно, излагаю лишь ее смысл): а разве не бывало в истории науки, что она под натиском новых фактов возвращалась к суждениям, которые ранее были отвергнуты.

На валковском секторе предполагалось (и С. Н. Валк очень эту идею поддерживал) обсуждение двух докладов (Б. Б. Кафенгауза и моего) о происхождении Псковской Судной грамоты, в которых проблема решалась по-разному. Я со своим докладом не успел, доклад Б. Б. Кафенгауза как будто состоялся.

Из проблем археографии нас в то время особенно интересовал вопрос о правилах публикации актового материала русского средневековья. Больше всего споров шло о том, можно ли выработать такой тип издания, который удовлетворял бы потребности как историка, так и филолога. Сигизмунд Натанович, по-моему, несколько скептически относился к подобной возможности. Во всяком случае новгородские акты он подготовил по сравнительно упрощенной транскрипции, сославшись на то, что существует филологическое издание Шахматова.

Весьма интересны были выступления Сигизмунда Натановича по докладом на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института. Запомнилось мне одно из них, по моему докладу о феодальных отношениях в русских княжествах средневековья. Я проводил ряд параллелей между русскими и западноевропейскими институтами. Сигизмунд Натанович считал такой подход вполне закономерным, но находил, что не следует злоупотреблять заменой русских терминов иностранной терминологией. Мне кажется, это полезное предупреждение, ибо одно дело близость явлений, другое дело — их обезличка.

После отъезда С. Н. Валка из Москвы в Ленинград я встречался с ним уже сравнительно редко. Он скоро перестал бывать в Москве по болезни. Я также наезжал в Ленинград не часто и обычно на короткий срок: на защиту чьей-либо диссертации, на какую-нибудь конференцию и т. д. Разговор был, как правило, коротким: в ЛОИИ СССР, в Ленинградском университете. Переписка велась с интервалами и обычно носила деловой характер или выливалась в поздравления с юбилеями, с праздничными датами и т. д. Обменивались книгами, но книги, естественно, выходят не каждый день.

И тем не менее каждая встреча прибавляла какие-то штрихи к образу ученого, который складывался в сознании. Поразительная скромность, не наигранная,

не намеренно прivityтая, а скромность как органическое свойство человеческой природы, как проявление больших душевных качеств. Я случайно попал в Ленинград в одну из юбилейных дат Сигизмунда Натановича (то ли семидесятилетие, то ли семидесятипятилетие) и был в университете, где его приветствовали, а он смущенно, без слов реагировал на приветствия кивками головы. Вероятно, знаки внимания были ему и приятны и одновременно, в силу его скромности, тягостны.

Мне приходилось присутствовать на заседаниях ученого совета ЛОИИ СССР, на которых председательствовал Сигизмунд Натанович. Я обратил внимание, что, объявляя выступления, он обычно называл имя и отчество очередного оратора, опуская степени и звания. Это не было проявлением нигилизма в отношении ученой номенклатуры или нарушением существующего статуса. Сигизмунд Натанович первый радовался за человека, завоевавшего своими трудами право называться кандидатом или доктором, и это право уважал. Но на совете все для него были равны как ученые, и в научном разговоре он это равенство соблюдал.

Сигизмунду Натановичу было свойственно чувство большого доброжелательства к людям. Характерный штрих: беседа с кем-либо из ученых собратьев, он часто обращался к собеседнику со словом «дорогой». Если бы речь шла не о Валке, то можно было бы считать это просто за оборот речи. Для Валка это был не оборот речи, не содержал эпитет «дорогой» и ничего сентиментального или покровительственного. Это было просто выражение добросердечия и внимания к человеку.

Мягкий и доброжелательный Валк мог и умерять эти качества, если он сталкивался с фактами неуважения к науке: пусть даже эти факты были незначительны, пусть они носили чисто внешний характер.

Забота об интересах науки и ее достоинстве всегда руководила действиями С. Н. Валка. Закончу воспоминания о нем одним эпизодом. Был докторский диспут Г. Е. Кочина. Он защищал книгу о земледелии в Северо-Восточной Руси. Оппонентами были П. Н. Третьяков, я (кто третий — не помню). Книга хорошая, но споров было много, настоящих, научных, творческих. Диспут был очень интересным. В перерыве Сигизмунд Натанович говорил мне радостно и оживленно: «Вот это настоящий диспут». И он был очень огорчен, когда при голосовании в урне оказалось несколько отрицательных бюллетеней. Огорчен потому, что считал серьезный научный разговор и спор основой движения науки.

Сигизмунд Натанович прожил большую жизнь, оставил значительный след. О нем будут еще писать, его творчество будут изучать, раскроют его достоинства и недостатки, всем нам свойственные.

Но и сейчас мы можем сказать, что без фигуры С. Н. Валка нельзя себе представить становление и развитие советской

марксистско-ленинской исторической науки и что этот путь науки он осветил большим благородством.

ВЫСТУПЛЕНИЕ С. В. ЧИРКОВА
«С. Н. ВАЛК — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ РУССКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (НАЧАЛО XX в.)»

Изучение отечественной историографии было одной из важнейших сторон научной деятельности Сигизмунда Натановича Валка. Глубина и объективность его историографических исследований сделали их высоким образцом научной работы. Особенно велик вклад С. Н. Валка в разработку новейшей историографии, которая и развивалась буквально на его глазах, и имела в его лице свидетеля и участника — вдумчивого, вооруженного тонким научным методом, сознающего историчность современного момента развития науки и широко понимающего задачи изучения истории этой науки.

Сложилось так, что первоначально С. Н. Валк выступил как создатель «историографического источника». Ценнейшим источником для изучения знаменитого семинария академика Лаппо-Данилевского в Петербургском университете является «Воспоминание ученика» С. Н. Валка¹, содержащее неопценные сведения о психологии этого научного коллектива. Но и этот источник носит характер точного исследования, а черты характеристики А. С. Лаппо-Данилевского, рассеянные в «Воспоминании» и ряде отзывов С. Н. Валка о «Русской дипломатике частных актов»², могли бы составить «историографический портрет», сопоставимый по значению с известным очерком А. Е. Преснякова³.

Обращение к историографии наряду с пристальным вниманием к источнику и факту составляло одну из неотъемлемых черт той петербургской школы русских историков, в лоне которой воспитывался С. Н. Валк в университете и которая получила историографическое осознание в работах А. Е. Преснякова в начале XX в. Еще К. Н. Бестужев-Рюмин, один из основоположников этой школы, отмечал важность для историка предварительного просмотра литературы при подходе к изучению любой темы, что составляет обратную сторону «восстановления прав источника и факта» в истории. Уже в первых работах последовал традиции школы и С. Н. Валк. Излагая в одном из отзывов

взгляды А. С. Лаппо-Данилевского на изучение частных актов, он замечает, что это изложение «невольно теперь связывается с некоторым воспоминанием идейной жизни» семинария Лаппо-Данилевского, в ходе работ которого эти взгляды и вырабатывались. Валк выражал надежду, что такой (с историографическим комментарием) способ изложения «не будет излишним для новой дипломатики». Трудно не сопоставить принятую С. Н. Валком методику изложения научной теории в ее генезисе и исторической обусловленности с тем вниманием к основаниям любого суждения, которое прививала научная школа Лаппо-Данилевского.

Признание существенного значения историографии отчетливо сказалось при обращении Валка к источниковедению и археографии. Появление в печати издания грамот Коллегии экономии повлекло создание ценнейших «Историографических заметок» С. Н. Валка, в которых прослежена история изучения частных актов дореволюционной наукой, а специальное обращение его к анализу древнерусских актов сопровождалось появлением статьи «Исторический источник в русской историографии XVIII века»; тема эта была продолжена впоследствии в одном аспекте — истории изучения Русской Правды. В своей «Советской археографии» Валк дал ряд ценных очерков истории русской археографии.

Следы дальнейшей разработки С. Н. Валком проблем историографии начала века находим в его многочисленных энциклопедических статьях, посвященных русским историкам и писанным в 20—30-х годах. Как и в предшествующих работах, перед нами точные и ясные характеристики, они по необходимости коротки и кажутся безукоризненными, чем-то вроде афоризмов. Поразительная законченность научной работы С. Н. Валка — еще один результат прохождения научной школы. Атмосфера научной школы, «где знание и наука поднимались на надлежащие свои абсолютные места»⁴, оказала влияние на ту «подоснову психики», которая определила характер Валка как человека и мыслителя-ученого. Вместе с тем к выработанной культуре научного исследования и установившемуся индивидуальному стилю его прибавляется, обогащая их,

¹ Валк С. Н. Воспоминание ученика. — «Русский исторический журнал», кн. 6. Пг., 1920, с. 189—199.

² Библиографию см. в кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, с. 504—513.

³ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

⁴ Валк С. Н. Воспоминание ученика, с. 193.

исторический классовый подход к оценке того или иного историка.

Время синтеза наступило в 40-х годах. И едва ли приходится удивляться, что в историографическом обобщении Валк выступил как историк, изучивший развитие и историческую судьбу именно петербургской школы. Ее судьба волновала его в первую очередь. С другой стороны, требования строгой, прямо аскетической научности побуждали его выбрать наиболее обстоятельно документированный предмет исследования. Новые методологические позиции обогатили и историографический подход Валка к тому явлению в истории нашей науки, которое мы теперь понимаем как кризис буржуазной историографии в период империализма. Валк первым, за два десятилетия до утверждения научных представлений об этом явлении, дал объективное его описание. Юбилейный очерк «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет» написан настолько обстоятельно, что отдельные исследования историографии, в частности периода империализма, поскольку они основываются на документах, должны идти некоторое время по пути приложения и продолжения достигнутых Валком выводов. Документально изучая историю петербургской школы, не только видишь во всех привлекаемых архивных бумагах подпись Валка, но и часто ощущаешь зависимость от его мнения как единственно верного.

В послевоенные годы, как известно, Валк создал ряд очерков о творчестве В. П. Татищева и целую галерею историографических портретов историков — своих современников: М. Д. Приселкова, И. А. Бычкова, Б. А. Романова, И. И. Смирнова, И. И. Любименко, И. А. Голубцова и др. Готовилась статья о С. Н. Чернове. В плане истории археографии им изучена деятельность Е. В. Тарле, Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова. По историографии начала века появилась только статья о Н. П. Павлове-Сильванском. Такое ограничение тематики — проявление верности заветам научной школы, к которой принадлежал С. Н. Валк. Несомненно, что в его «внутренней исторической постройке» (выражение А. Е. Преснякова) картина исторического развития науки сложилась в большой подробности и цельности. О степени разработки этой картины в сознании самого Валка говорят строки, посвященные развитию советской исторической науки в начале 30-х годов, в биографии И. И. Смирнова⁵ или крат-

кий очерк научной обстановки в начале века в статье о «Вступительной лекции Н. П. Павлова-Сильванского»⁶. Но разительным, видимо, оказалось то свойство научной практики его учителя — А. С. Лаппо-Данилевского, которую Валк определил словами «требуемая внутренним чувством затыжка»⁷ работы до полного исчерпания материала. Выработанная в ранние годы психология «твердой научной устойчивости»⁸ заставляла его долгие годы изучать творчество Татищева — самое начало русской научной историографии. Создание названных историографических портретов было в основном данью печальной необходимости запечатлеть образы ушедших товарищей. При написании этих портретов Валк крайне редко прибегает к личным воспоминаниям (а такими воспоминаниями, живыми и неоценимыми для историка науки, щедро делился Сигизмунд Натанович в личной беседе), всегда тщательно основывая свое изложение на документальных источниках.

Ближайшим поводом к написанию статьи о Павлове-Сильванском послужило восстановление верной историографической оценки этого ученого. Новое обращение к историографии, намечавшееся в последние годы жизни Валка, было связано с заветной для него темой — с изучением творчества Лаппо-Данилевского. С. Н. Валк собрал источники по истории издания грамот Коллегии экономии и не раз говорил о своем намерении посвятить Лаппо-Данилевскому большую статью. Его обращение к данной теме было закономерно, а намечавшаяся постановка темы становится ясна, если иметь в виду ранние статьи Валка о Лаппо-Данилевском и позднюю статью о Павлове-Сильванском, в которой строгая научность и тонкое понимание характера историка дополнены объективным анализом общественной позиции, обусловившей его творчество. Тема историографии сопутствовала С. Н. Валку на протяжении всей его творческой жизни. Сравнительное изучение историографических работ, созданных в разные периоды научной деятельности Валка, обогащает представление о нем как об ученом и человеке.

в феодальной России. Л., 1967, с. 6, 9—10, 18—20.

⁶ Валк С. Н. Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 617—620.

⁷ Валк С. Н. Воспоминание ученика, с. 194.

⁸ Там же.

⁵ Валк С. Н. Иван Иванович Смирнов. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

30 марта состоялось заседание Ленинградского отделения Археографической комиссии.

Ю. Г. Алексеев (ЛОИИ СССР) сделал доклад о комментированных изданиях древнерусских законодательных памятников, в котором высказал предложение об издании Псковской и Новгородской судебных грамот, Двинской и Белозерской уставных грамот, «Правосудия митрополичьего», земских и губных уставных грамот по образцу ранее изданных «Правды Русской» и «Судебников XV—XVI веков».

В докладе председателя Ленинградского отделения Археографической комиссии А. И. Копалева обобщивалась методика сокращенных изданий массовых источников XVII в. — писцовых, переписных, веревных книг, платежниц и т. п., полное издание которых не представляется возможным из-за их объема.

В прениях по докладам приняли участие сотрудники академических учреждений, библиотек и архивов Ленинграда и Москвы.

Заседание приняло решение, одобряющее основные принципы обоих докладов.

Северное

3—5 февраля в Вологде проходила Вторая Северная региональная научная конференция «Археография и источниковедение истории Европейского Севера СССР в период между XXIV и XXV съездами КПСС»¹. Тома «Северного археографического сборника», содержащие материалы конференции, готовятся к печати.

В мае в Вологде состоялась межвузовская научная студенческая конференция пединститутов РСФСР «Комплексное изучение историко-краеведческих и фольклорно-диалектологических ареалов РСФСР». Значительная часть докладов на этой конференции была посвящена археографической и источниковедческой тематике.

В Тарногском районе Вологодской области продолжают комплексные экспедиционные работы студентов Вологодского педагогического института; полевые археографические исследования проводятся под руководством заслуженного учителя РСФСР А. А. Угрюмова, фольклорными исследованиями руководит М. А. Вавилова.

Уральское

Подготовлен к печати очередной том «Уральского археографического ежегодника», содержащий материалы Уральской археографической конференции, состоявшейся в Перми в ноябре 1974 г.²

Пермская, Свердловская и Челябинская секции Уральского отделения Археографической комиссии продолжают полевые археографические исследования. Пермская секция сосредоточила свои работы в Чердынском районе Пермской области. Книги и рукописи, полученные в результате экспедиций, поступают на хранение в Отдел редкой книги Пермской государственной публичной библиотеки им. М. Горького.

Рукописи и книги, собираемые археографами Уральского университета в районах Свердловской области, поступают в созданное при университете хранилище древних книг и рукописей.

Секции Уральского отделения принимают деятельное участие в подготовке документальных публикаций, справочных и учебных пособий, издаваемых государственными архивами, музеями, высшими учебными заведениями.

Южноуральское

Подготовлены к печати сборники статей «Археография Южного Урала» (10 а. л.) и «Археография и лингвистическая текстология на Южном Урале» (10 а. л.), в основу которых положены материалы II Южноуральской археографической конференции, состоявшейся в Оренбурге в мае 1975 г.³

В апреле 1976 г. в Уфе был организован семинар по методике проведения археографических экспедиций для научных работников Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, преподавателей Башкирского государственного университета, Оренбургского пединститута, сотрудников архивов, библиотек и музеев Южного Урала. Лекции и практические занятия на семинаре вели руководитель археографической группы МГУ И. В. Поздеева, доцент Казанского государственного университета М. А. Усманов, зав. сектором Института истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР Г. Б. Хусаинов.

Постановлением Президиума Башкирского филиала АН СССР от 15 января 1976 г. при Научном архиве БФАН

¹ Беляева Л. С., Кудрявцев И. И. Научная конференция по археографии и источниковедению в Вологде. — «Советские архивы», 1976, № 3, с. 123—124; Черных В. А. Региональные археографические конференции. — «Вопросы истории», 1976, № 6, с. 173—174; см. также с. 312—315 наст. тома.

² См.: В. Ч. Уральская археографическая конференция. — «Археографический ежегодник за 1975 год». М., 1976, с. 362—363.

³ Халикова Р. Х., Ураксин З. Г. Вторая Южноуральская археографическая конференция. — «Археографический ежегодник за 1975 год». М., 1976, с. 362.

создан Отдел рукописей и старопечатных книг, в котором сосредоточиваются памятники письменности, собранные археографическими экспедициями БФАН. Фонд отдела уже насчитывает свыше тысячи единиц хранения.

Сибирское

10—14 мая в Новосибирске состоялись «Археографические чтения», посвящен-

ные десятилетию археографических экспедиций, организуемых совместно Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, Новосибирским государственным университетом и Государственной публичной научно-технической библиотекой СО АН СССР. С докладами и сообщениями выступили научные работники Новосибирска, Москвы, Ленинграда, студенты и аспиранты Новосибирского университета.

ВТОРАЯ СЕВЕРНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

3—5 февраля 1976 г. в Вологде проходила Вторая Северная региональная научная конференция «Археография и источниковедение истории Европейского Севера СССР в период между XXIV и XXV съездами КПСС». Ее организовали Институт истории СССР, Археографическая комиссия АН СССР и Северное отделение этой комиссии, Коми филиал АН СССР, Сыктывкарский государственный университет, Вологодский, Архангельский и Кировский пединституты.

Приближавшееся открытие XXV съезда нашей партии определило проблематику и особенности всей деятельности участников конференции, главными задачами которой было подвести итоги изучения истории региона в период между двумя съездами и наметить перспективы научных исследований на десятую пятилетку.

Приняли участие в конференции более 150 человек. Это ученые академических институтов Москвы и Ленинграда, историки вузов Архангельска, Кирова, Костромы, Перми, Петрозаводска, Сыктывкара, Мурманска, Свердловска и других городов. Большой интерес проявила вологодская общественность, и не только историки Вологодского и Череповецкого пединститутов, вологодских Политехнического и Молочного институтов, но и работники архивов, музеев, учителя, краеведы, студенты.

Приветственное слово произнес секретарь Вологодского обкома КПСС *В. А. Жуков*. На пленарных заседаниях было заслушано 12 докладов по важным проблемам археографии и источниковедения. *С. О. Шмидт* открыл обсуждение проблем докладом «Некоторые итоги и перспективы развития археографии отечественной истории», в котором проанализировал и деятельность Северного отделения Археографической комиссии, работающего на общественных началах с 1968 г. Докладчик охарактеризовал некоторые задачи и приемы исследований, в той или иной мере соприкасающихся с источниковедением и археографией, попытался обосновать определения и задачи таких отраслей специальных исторических знаний, как историография источниковедения, архивное источниковедение, источниковедение археографии,

источниковедение историографии, картографическое источниковедение, историография археографии, детально остановился на задачах полевой археографии, в частности на вопросах собирания и описания материалов по истории нового времени.

В совместном докладе *Е. И. Индовой* и *П. А. Колесникова* «Источниковедческие и историографические проблемы истории крестьянства Европейского Севера СССР» подведены итоги почти десятилетней совместной деятельности в этом плане Вологодского проблемного объединения по аграрной истории и Северного отделения Археографической комиссии, выдвинуты на обсуждение вопросы, связанные с подготовкой к написанию в десятой пятилетке многотомной истории северного крестьянства.

В. И. Бузанов в докладе о проблемах источниковедения отечественной истории в современной историографии подвел итоги и поставил на обсуждение задачи источниковедения и специальных исторических дисциплин досоветского периода. Отмечая возросший интерес к теоретическим проблемам источниковедения, к изучению методики работы *В. И. Ленина* над источниками по истории России, к методологии научного исследования, докладчик призвал к более глубокому проникновению в творческую лабораторию *В. И. Ленина*, к тщательному исследованию не только тех источников, которые он привлекал для работы, но и тех, которые не были *В. И. Лениным* использованы. (Кстати, многие земско-статистические и другие материалы по Европейскому Северу России, например, в «Развитии капитализма в России» по различным причинам не были привлечены *В. И. Лениным* и ожидают своих исследователей).

Г. А. Трукан в докладе «Основные проблемы источниковедения истории советского общества в период между XXIV и XXV съездами КПСС» дал развернутую характеристику главных направлений источниковедения, особенно источниковедения работ *В. И. Ленина* по истории советского общества: классификация ленинских документов, выявление и изучение источниковой базы его исследова-

ний по проблемам развития Страны Советов, разработка стратегии и тактики Коммунистической партии и Советского правительства, анализ происхождения и содержания ленинских работ как важнейших источников по истории советского общества, текстологическое изучение произведений В. И. Ленина, анализ ленинских методов работы с источниками. Раскрывая другие проблемы и направления, докладчик отметил важное значение для всестороннего изучения истории развитого социалистического общества творческого сотрудничества с представителями всех общественных наук.

Доклад *О. М. Медушевской* был посвящен теоретическим проблемам источниковедения, обоснованию сущности теории источниковедения, раскрытию значения теории для практики источниковедения. Большой интерес у присутствующих преподавателей вузов и учителей вызвала та часть доклада, в которой раскрывалось использование достижений теории в педагогическом процессе, использование практики преподавания для изучения социальных и психологических закономерностей восприятия социальной действительности через посредство исторических источников.

Выступление *В. П. Данилова* было посвящено источниковедческим и археографическим проблемам истории русской общины после Октябрьской революции, *А. И. Копанева* — публикации и изучению источников по Северу, *И. В. Поздеевой* — некоторым актуальным проблемам полевой археографии. Все три доклада не только подвели итоги деятельности, но и выдвинули ряд принципиальных теоретических, методических и организационных аспектов работы на десятую пятилетку. Так, *А. И. Копанев*, положительно оценивая работу по выявлению и публикации сотниц и платежей XVI в., настоятельно рекомендовал продолжить начатую деятельность по разысканию этих ценнейших источников социально-экономической истории, а также актовых материалов.

Доклады научных сотрудников Главного архивного управления СССР и РСФСР *Л. С. Беляевой*, *И. А. Георгиевской*, *И. И. Кудрявцева* отразили состояние и перспективы издательской деятельности архивных учреждений, работу по отбору документов в тематических публикациях. Эти вопросы приобретают особую значимость для работников местных архивных учреждений, особенно при подготовке изданий по истории советского общества. Перед археографами встает задача соотношения общего и частного, определения правильной пропорции между материалами, освещающими общесоюзные события, и документами, отражающими ход местных событий. В докладах были охарактеризованы основные направления и проблематика публикаций источников в десятую пятилетку. Высказано пожелание об улучшении совместной координированной дея-

тельности архивных учреждений, Археографической комиссии АН СССР и ее отделений по вопросам отбора и публикации источников.

С итогами и перспективами научной деятельности Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР ознакомил его директор *Н. Н. Рочев*.

А. В. Шестакову — организатору и редактору публикаций документов крестьянских организаций периода Великой Октябрьской социалистической революции посвятил свое выступление *Е. А. Луцкий*.

Коллективный доклад кафедры истории СССР Вологодского пединститута, областного Института усовершенствования учителей и областной детской экскурсионной станции об историческом краеведении в школах области зачитала *Н. И. Голыкова*.

На секции «Европейский Север в Великой Отечественной войне» доклад *Н. И. Баландина* и *В. А. Гостинцева* (Вологда) был посвящен историографическому обзору публикаций, освещающих боевые и трудовые дела трудящихся Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и Коми АССР в 1941—1945 гг. Авторы сделали вывод, что такие проблемы, как связь тыла с фронтом, боевые подвиги северян, вопросы партийного строительства, организационно-партийная работа, нуждаются в дальнейшем изучении, а в целом назрела необходимость создания обобщающего труда о Европейском Севере в суровые годы войны. Несколько докладов было посвящено местной печати как источнику изучения боевых и трудовых подвигов: *А. П. Купайгородская* (Ленинград) раскрыла источниковедческое значение местной печати северных областей РСФСР; *С. Д. Крюков*, *И. А. Першин*, *А. В. Ненахов* (Сыктывкар) — коми республиканской газеты «За новый Север»; *А. П. Грачева* (Киров) — газеты «Кировская правда». Вызвали интерес доклады *В. А. Петровцева* (Вологда) о таких источниках, как заявления трудящихся о добровольном вступлении в ряды Красной Армии, *М. Н. Никольской* и *Т. Б. Сычевой* (Вологда) — о письмах с фронтов как особом историческом источнике, в выявлении и сборе которых у населения, в архивах и музеях, в районных газетах участвовали преподаватели, работники архивов, студенты. Собрано несколько тысяч писем, часть из которых будет опубликована, а остальные переданы на хранение в областной партиархив. О документах архива Ненецкого национального округа, отражающих вклад трудящихся в экономическую победу советского народа над фашистской Германией, рассказал *И. З. Захаров* (Ленинград); о такого рода документах Череповецкого филиала Государственного архива Вологодской области — *А. К. Воробьев* (Череповец), о документах партиархива Архангельского обкома КПСС — *П. П. Синельников* (Архангельск).

Вторая секция «Европейский Север в годы трех революций» заслушала 16 докладов и сообщений. Некоторым итогам и задачам изучения первой русской революции было посвящено выступление *А. В. Островского* (Вологда). Источниковедческие проблемы и источники о революции 1905 г. в крае нашли отражение в нескольких докладах: «Экономические требования в приговорах сельских сходов коми крестьян накануне и в годы первой русской революции» *В. И. Чурова* (Сыктывкар); «Воспоминание крестьян о революции в северной деревне как исторический источник» *Н. Н. Ершова* (Москва); «Архивные источники ГАВО по истории революции 1905 г. в Вологодской губернии» *А. А. Черняевой* (Вологда) и др. Источникам о политической ссылке, о крестьянском движении, о кооперации на Севере, о крестьянских бюджетах были посвящены доклады *Б. Г. Михайлова*, *А. З. Циммана*, *И. В. Воробьева*, *Г. И. Пресириной*, *В. М. Долинина* (Вологда), *Ю. В. Гагарина* и *Т. П. Раевской* (Сыктывкар) и др. Большой интерес вызвало сообщение студента ЛГПИ *Н. Б. Петрова* о разыскании материалов об адресатах *В. И. Ленина*.

На секции «Археографические и источниковедческие проблемы истории Европейского Севера (Советский период)» большое внимание было уделено источникам о становлении Советской власти, о социалистических преобразованиях и социалистическом строительстве в крае. В «Северном археографическом сборнике» (вып. III. Вологда, 1973) уже публиковались постановления первых уездных съездов Советов. Результаты новых поисков в архивах протоколов уездных и волостных съездов Советов, документальных материалов по истории северного крестьянства первых лет Советской власти, протоколов первичных партийных и комсомольских организаций, их источниковедческий анализ были представлены несколькими докладами: *М. Г. Белокурова*, *Т. И. Вальцевой* (Москва), *А. И. Евстратовой*, *В. С. Соболева* (Кострома), *И. А. Петровой* (Череповец). Широко использовали местную печать при исследовании истории установления и упрочения Советской власти на местах *Л. А. Каленистов* (Вологда), *Е. И. Кириухина* (Киров). Обзор исторических и историко-партийных источников о массово-политической и культурно-просветительной деятельности губернских партийных организаций Северо-Запада в 1917—1920 гг. сделал *Б. Б. Быков* (Вологда). Коллективный доклад группы студентов Вологодского пединститута о работе над составлением летописей-хроник социалистических преобразований и социалистического строительства в районах области представил на обсуждение студент *В. Бабанин*. Будучи строго документальными, с хорошо поставленным научным аппаратом, летописи являются своеобразной формой сокращенной пуб-

ликация источников и могут иметь большую ценность для исследователей, быть полезным пособием по историческому краеведению в школе. Обзор источников по истории социалистической индустриализации и развитию северо-западной металлургии был дан в сообщениях *Ю. А. Бобрецова*, *Е. А. Шапарова*, *Л. И. Санникова* (Архангельск) и др.

На секции «Источниковедение и археография истории Европейского Севера в период феодализма» были заслушаны доклады: «Соловецкий летописец» начала XVII в. и его общерусские известия» — *В. И. Корецкий* (Москва); «Новые актовые источники по истории Русского Севера XVI в.» — *С. М. Каиштанов* (Москва); «Подворная опись крестьянских хозяйств Антониево-Сийского монастыря 1745 г. как исторический источник» — *Г. Н. Лохтева* и *А. Л. Дорошенко* (Москва); «Источники по истории северной общины XVI—XVII вв.» — *Ю. С. Васильев* (Сыктывкар); «Фонд Шуерецкой приказной избы XVII в.» — *Т. В. Старостина* (Петрозаводск); «Исповедные и клировые ведомости как исторический источник — *Г. А. Труфанов* (Вологда); «Источники по истории феодально-вотчинного хозяйства Русского Поморья в первой половине XVIII в.» — *А. И. Комиссаренко* (Москва); «Национальный состав населения Русского Севера в XVIII—XIX вв.» — *В. М. Кабузан* (Москва). Все эти доклады, а также выступления *З. А. Огризко*, *Н. П. Воскобойниковой*, *М. Б. Булгакова*, *М. Л. Соколовской* (Москва), *В. И. Седовой*, *К. Р. Слащевой* (Вологда), *В. В. Мухина* (Пермь), *Н. Н. Репина* (Архангельск), *И. С. Шарковой* (Ленинград) были посвящены новым источникам, представляющим ценность не только для изучения местной, но и общероссийской истории.

На секции «Специальные и вспомогательные исторические дисциплины, археографическое наследие краеведов и обществ» было обсуждено 22 доклада, большая часть которых была посвящена историческому краеведению на Европейском Севере в прошлом и в наше время. *С. В. Чирков* (Ленинград) выступил с новыми материалами о местном летописании, *Ю. С. Васильев* и *А. Д. Тельчаров* (Сыктывкар) — о северных краеведческих обществах и их публикаторской деятельности, *Е. Н. Шибаев* (Вологда) — с анализом источников по истории краеведческих обществ Вологодской губернии в начале XX в., *М. И. Мильчик* (Ленинград) выступил с интересным сообщением о выдающемся краеведе Севера — *М. Н. Романове*, *А. В. Шилова* (Пермь) дала обзор фонда Вологовых, *В. Ю. Афиани* (Москва) — о публикации материалов истории Европейского Севера в первой четверти XIX в. Современному состоянию школьного исторического краеведения были посвящены выступления *Р. Д. Булышевой* (Сыктывкар), учительницы Белозерской средней школы,

организатора одного из лучших народных краеведческих музеев Вологодской области *Р. А. Новиковой*, заслуженного учителя РСФСР *А. А. Узрюмова* (Тарнога). Сообщения студента *С. Н. Ильинского* о рукописном фонде Устюженского краеведческого музея и *Ю. И. Чайкиной* об аналогичном фонде Череповецкого музея вызвали живое обсуждение и дали основание участникам внести предложение проверить состояние таких фондов во всех краеведческих музеях. Писцовым и переписным книгам как источникам для составления карты численности населения и реконструкции уездных границ XVII в. и как источникам исторической географии были посвящены доклады *Я. Е. Водарского* (Москва), *Я. Н. Савельевой*, *Э. Г. Истоминой* (Ленинград). Проблеме изучения и преподавания специальных исторических дисциплин были посвящены доклады: *М. Н. Никольской* (Вологда) «Из опыта преподавания специальных и вспомогательных исторических дисциплин в Вологодском пединституте»; *Е. И. Каменцевой* (Москва) «К вопросу об изучении мер Европейского Севера России»; *Б. С. Илизарова* (Москва) «Проблемы измерения в источниковедении». Доклады *А. А. Куратова* (Архангельск), *О. В. Овсянниковой* (Ленинград), *А. В. Никитина* (Москва), *Н. В. Гуслистова*, студентки *Н. А. Бараевой* (Вологда) были посвящены археологическим и археографическим экспедициям, новейшим археологическим исследованиям и изучению археологии в пединститутах.

На секции истории культуры и быта было обсуждено 15 докладов. Этнографические аспекты нашли отражение в докладах *Л. Н. Жеребцова* (Сыктывкар) о состоянии и перспективах этнографического исследования северного фольклора; *Л. Ю. Кваша* (Вологда) о Вологодско-Пермской летописи как источнике изучения местного быта. Докладом *М. А. Вавиловой* (Вологда) «Археографическое

фольклорное наследие М. Б. Едемского» было начато обсуждение вопросов фольклористики. С сообщениями выступили *В. Т. Молчанов* и студент *Ю. В. Розанов* (Вологда). *В. А. Кошелев* (Череповец) обратил внимание на эпистолярное наследие русских писателей, находившихся в XIX в. в Вологодской ссылке, *Г. В. Судakov* (Вологда) раскрыл значение монастырских описей для истории книги, а *Н. Ю. Бубнов* (Ленинград) сообщил о каргопольских рукописях в Библиотеке АН СССР. *В. В. Судakov* (Вологда) привлек внимание к публикациям в местной печати выступлений *А. В. Луначарского* на северных губернских съездах Советов. *А. А. Амосов* (Ленинград) дал интересный материал об использовании информации актовых источников для атрибуции памятников древнерусской письменности. *У. М. Полякова* и *Е. И. Рубинштейн* (Москва) ознакомили с новыми документами к биографии *М. В. Ломоносова* и др.

В период конференции было проведено два координационных совещания: а) представителей отделений Археографической комиссии АН СССР (Северного, Ленинградского, Уральского) с участием представителей ГАУ; б) историков-аграрников, представителей северных вузов, архивов, музеев, специалистов сельского хозяйства, учителей и краеведов, членов Совета Вологодского областного объединения по аграрной истории по подготовке к работе над четырехтомной историей северного крестьянства.

На заключительном пленарном заседании были подведены научные итоги конференции, принята резолюция, в которой отмечена плодотворность деятельности Северного отделения Археографической комиссии АН СССР в период между XXIV и XXV съездами КПСС и намечены перспективы дальнейшей работы.

П. А. Колесников

ИЗДАНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ С. Б. ВЕСЕЛОВСКОГО

Степан Борисович Веселовский (1876—1952) был крупнейшим историком феодализма, источниковедом и археографом. Фундаментальные исследования по истории кадастра и землевладения, работы по социально-политической истории, вводившие в научный оборот широкий круг новых источников, труды по источниковедению, археографии и другим специальным историческим дисциплинам, актовые материалы, изданные при жизни С. Б. Веселовского, не исчерпали результатов его научного творчества¹.

¹ См. библиографию трудов С. Б. Веселовского: «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, с. 401—404.

В фонде С. Б. Веселовского, переданном в 1954 г. в Архив Академии наук СССР в Москве, находились еще неопубликованные статьи ученого, труды справочного характера, основанные на огромном собранном им архивном и печатном материале, труды по генеалогии в виде монографических этюдов, посвященных отдельным родам, родословных таблиц и поколенных росписей дворянских родов. В составе фонда сохранились также сборники документов, в том числе акты Троице-Сергиева монастыря и акты писцового дела (неопубликованная часть), а также богатый картографический материал².

² *Левшин Б. В.* Обзор документальных материалов фонда академика С. Б. Ве-

В 1957 г. по инициативе академика М. Н. Тихомирова, под его председательством Отделением истории АН СССР была создана Комиссия по изучению и изданию трудов С. Б. Веселовского и составлен план издания его большого научного наследия³. Архив АН СССР уже более 15 лет ведет непрерывную работу по подготовке к изданию рукописей С. Б. Веселовского.

Первой книгой, которая вышла в свет в 1963 г., были «Исследования по истории опричнины» (под редакцией акад. М. Н. Тихомирова; подготовка текста и составление комментариев осуществлялись сотрудниками Архива АН СССР М. С. Бахраковой и Н. Н. Жарковой). В ней опубликованы очерки по истории опричнины и источниковедческие исследования материалов этого периода, имеющие большой научный интерес. Книга сразу же стала библиографической редкостью.

В 1969 г. изданы «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» (под редакцией чл.-корр. АН СССР В. И. Шункова и доктора исторических наук С. М. Каштанова; подготовка рукописи к изданию проводилась сотрудником архива Э. Г. Чумаченко). Книга представляет собой сборник монографических очерков, посвященных истории боярских родов. Эти генеалогические исследования основаны на богатейшем круге источников, характеристика которых представлена в предисловии С. Б. Веселовского. Нельзя переоценить значение этой публикации, вводящей в научный оборот малоиспользованные материалы родословных книг и росписей, а также синодиков, для изучения социально-политической истории России.

Одновременно в журнале «Новый мир» № 1 за 1959 г. появилась публикация (с предисловием Е. Дороша) «Род и предки А. С. Пушкина в истории» — вариант очерка, опубликованного в «Исследованиях по истории класса служилых землевладельцев».

В 1974 г. издан подготовленный С. Б. Веселовским словарь имен, прозвищ и фамилий Северо-Восточной Руси XV—XVII вв. — «Ономастикон» (под редакцией В. И. Буганова и Б. В. Левшина; подготовка текста к печати проводилась Э. Г. Чумаченко). Этот труд С. Б. Веселовского не был им завершен. Колоссальный материал, привлеченный автором, относится ко времени складывания и оформления большинства русских фамилий.

Труд С. Б. Веселовского «Дьяки и подьячие XV—XVII вв.» (под редакцией В. И. Буганова и Б. В. Левшина; текст подготовили сотрудники Архива

селовского. — «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, с. 257—266.

³ Левшин Б. В. Издание трудов академика С. Б. Веселовского. — «История СССР», 1958, № 5, с. 250.

АН СССР Л. Г. Дубинская, А. С. Ксенофонтова, Н. Г. Михайлова, А. К. Панфилова, А. Л. Станиславский и Э. Г. Чумаченко) издан в 1975 г. Несомненно научная ценность этого труда в области изучения истории сословий, государственного аппарата и политической истории России, несмотря на незавершенность работы автора над рукописью и выход в свет ряда крупных работ в этой области за годы, прошедшие после его смерти. Краткие сведения о происхождении, служебном положении, иногда об имущественном положении дьяков и подьячих XV—XVII вв. составлены автором на основе огромного фактического материала. Работа содержит около 20 тыс. ссылок на архивные и опубликованные источники (более 10 тыс. подстрочных примечаний), расшифровка которых и сверка представляли большую сложность. Биографические сведения о 4247 лицах располагались С. Б. Веселовским в алфавитном порядке.

В том же 1975 г. был выпущен в свет сборник актов Троице-Сергиева монастыря «Акты Русского государства. 1505—1526», подготовленный к печати сотрудниками Института истории СССР и Института русского языка АН СССР. Редаколлегия: А. А. Новосельский, акад. Л. В. Черепнин, И. А. Булыгин, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, С. И. Котков. Составители: Р. В. Бахтурина, И. А. Булыгин, Л. И. Ивина, С. М. Каштанов, В. Д. Назаров, Л. А. Никитина, Л. З. Мильготина. В основе этого издания лежит материал, собранный и подготовленный С. Б. Веселовским.

В настоящее время выходит в свет сборник документов, составленный С. Б. Веселовским «Акты писцового дела. 1644—1661» (редакторы В. И. Буганов и Б. В. Левшин, подготовка текста к печати осуществлялась сотрудником Архива АН СССР А. Л. Станиславским) (М., 1976). Подготовлен к печати также сборник неопубликованных статей, этюдов и фрагментов «Труды по социально-экономической, политической истории и источниковедению отечественной истории периода феодализма» (редакторы В. И. Буганов и Б. В. Левшин, составители сборника сотрудники Архива АН СССР Л. Г. Дубинская, А. С. Ксенофонтова, А. К. Панфилова).

Однако издание этих трудов не исчерпывает всего рукописного богатства, которое оставил ученый. Ждут публикации прекрасные исторические карты, составленные С. Б. Веселовским; коллекция этих карт — одно из основных богатств его фонда. Не закончено издание источников, скопированных С. Б. Веселовским или по его заданию, в том числе «Актов Русского государства (XVI—начало XVII в.)». В архиве хранится огромный материал заготовок для генеалогических работ. Заслуживает публикации и переписка С. Б. Веселовского с русскими историками.

Л. Г. Дубинская

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ И. С. СВЕЩИЦКОГО

7 апреля 1976 г. в Институте общественных наук АН УССР состоялось заседание, посвященное 100-летию со дня рождения известного филолога, искусствоведа, палеографа и музеоведа Иллариона Семеновича Свенцицкого. Заседание открыл В. П. Чугаев. С докладами и сообщениями выступили Л. А. Гумецкая, Д. Г. Гринчишин, Я. В. Закревская, П. Н. Жолтовский, В. И. Свенцицкая, охарактеризовавшие многостороннюю деятельность ученого.

Ценность представляют описания рукописных памятников, подготовленные Свенцицким и с 1904 г. начинающие выходить в свет: «Церковно- и русско-славянские рукописи публичной библиотеки Народного Дома во Львове»; «Описание иноязычных и новейших карпато-русских рукописей Народного Дома во Львове»; «Опис рукописів Народного Дому з колекції А. Петрушевича» (ч. 1—3), в котором описано 700 рукописей; «Опись Музея Стравроцигійського інститута во Львові»; «Опис кирилических рукописів Національного музею. Пергамінові рукописи XII—XV ст.» и др. Примеры из этих рукописей были использованы Свенцицким и как новый интересный материал при написании целого ряда работ по истории языка, в частности «Нарисів з історії української мови» (Львов, 1920).

Свенцицкий детально изучал кириллические старопечатные книги. Еще в 1908 г. он издает «Каталог книг цер-

ковно-слов'янської печаті Церковного музею», в 1924 г. книгу «Початки книгопечатання на землях України», в которой дано обозрение славянских инкунабул, охарактеризована деятельность первопечатника Ивана Федорова, печатных центров в Галиции и на Волыни, в Киеве, Вильне и Белоруссии, описаны типы старопечатных книг и образцы кириллической печати и «Перший друкар України — Іван Федорович Москвитин».

Много энергии отдал Свенцицкий созданию Национального музея, открытого в 1908 г., с его уникальными собраниями. Благодаря энтузиазму и старанию ученого сегодняшний Государственный музей украинского искусства является самым большим собранием украинских икон и орнаментов. Свенцицкий много сделал для популяризации украинского национального искусства. С этой целью он устраивал выставки, издавал каталоги, читал лекции и печатал статьи в периодических изданиях.

Большой заслугой Свенцицкого была популяризация им русского языка и литературы в Галиции. В 1902—1904 гг. он печатает в журнале «Живая мысль», издаваемом им самим, ряд статей о видных русских писателях, в 1902 г. издает для населения Галиции «Руководство к изучению русского литературного языка». И. С. Свенцицкий был не только ученым, но и общественным деятелем, видным педагогом. К заседанию была подготовлена выставка работ И. С. Свенцицкого.

Д. Г. Гринчишин

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 900-летию ИЗБОРНИКА 1076 Г.

В связи с 900-летним юбилеем Изборника 1076 г. 14—15 июня в Ленинграде состоялась научная конференция, организованная Отделом рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и кафедрой русского языка филологического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова. В прозвучавших докладах большое внимание было уделено вопросу о месте Изборника 1076 г. в ряду современных ему книжных памятников и, в первую очередь, соотношению Изборников 1073 и 1076 гг.

Во вступительном слове академик Д. С. Лихачев (Ленинград) указал на непреходящую научную ценность Изборника 1076 г. и выразил уверенность в том, что юбилей этого памятника древнерусской книжности явится новым толчком к всестороннему его изучению. В качестве одного из основных направлений исследовательских работ по Изборнику, стоящих сейчас на повестке дня, Д. С. Лихачев назвал необходимость выявления

источников для отдельных статей Изборника. Принимая во внимание малый формат книги, а также скромность ее украшений, соединенную, однако, с известной изысканностью, Д. С. Лихачев высказал предположение о том, что Изборник мог быть походной книгой, принадлежавшей киевскому князю, «библиотекой в миниатюре».

В докладе «Книжная культура Киевской Руси времени создания Изборника 1076 г.» О. И. Подобедова (Москва) изложила результаты своего исследования миниатюр, заставок, инициалов современных памятнику-юбиляру рукописей — Остромирова евангелия 1056—1057 гг. и Изборника 1073 г., а также инициалов самого Изборника 1076 г. По мнению О. И. Подобедовой, все эти рукописи были изготовлены и украшены в одной книгописной мастерской в Киеве. Для сравнения привлекались также славянские миниатюры Трирской псалтыри, выполненные в аналогичной манере.

Н. П. Розов (Ленинград) в докладе «Изборник 1076 г. как памятник русского языка, литературы и общественной мысли» выступил за более широкое привлечение материала Изборника как памятника общественной мысли. Очевидно, отдельные статьи Изборника 1076 г. можно рассматривать в качестве ранних предшественников соответствующих статей «Домостроя».

В докладе «Место Изборников 1073 и 1076 гг. в книжной традиции XV века» *Т. Н. Копреева* (Ленинград) указала на близость состава одного из сборников XV в. Погодинского собрания (ГПБ) и Изборника 1076 г., что позволяет предполагать наличие общего для обеих рукописей протографа.

Изборник 1076 г. был, как известно, передан в Публичную библиотеку из Эрмитажной библиотеки, где он хранился после смерти его владельца историка М. М. Щербатова. Вопрос о том, как попал Изборник к М. М. Щербатову, был неясен. *Г. Н. Моисеева* (Ленинград) в докладе «Из истории изучения Изборника 1076 г. в конце XVIII в.» пришла к заключению, что рукопись являлась, вероятно, фамильной реликвией князей Щербатовых, передававшаяся из поколения в поколение.

Доклад *Н. А. Мещерского* (Ленинград) «Изборник Святослава и Изборник 1076 г. (их состав и типология)» был посвящен сравнительному анализу рукописей Изборника 1076 г. и Изборника Святослава 1073 г. Докладчик убедительно аргументировал собственно древнерусское происхождение состава Изборника 1076 г.

О. А. Черепанова (Ленинград) в докладе «Лексика нехристианского мировоззрения в Изборниках 1073 и 1076 гг.» сделала попытку выделить и проанализировать на материале обеих рукописей

некоторые тематические пласты лексики, связанной с языческими верованиями на Руси.

В коллективном докладе *В. С. Гольшенко* и *В. Ф. Дубровиной* (Москва) «Изучение Изборника 1076 г. и академическое издание памятника» была освещена история изучения рукописи Изборника в русской филологической и исторической науке, были рассмотрены недостатки двух первых изданий (конца XIX в.) Изборника 1076 г. и вскрыты причины, вызвавшие необходимость новой публикации памятника. Плохая сохранность рукописи обусловила те трудности, которые возникали в процессе подготовки академического издания Изборника 1076 г. Восстановлению угасшего текста способствовало исследование рукописи методом фотоанализа, осуществленное в Ленинградской лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР *Д. П. Эрастовым* при участии *В. С. Гольшенко*. Это пока единственный случай применения подобных методов работы при подготовке публикации рукописных источников.

Огромный интерес у участников и гостей конференции вызвала выставка рукописных книг Киевской Руси из фондов Отдела рукописей ГПБ. Здесь были представлены листы Остромирова евангелия и Изборника 1076 г. (а для сопоставления — репродукции нескольких листов Изборника Святослава 1073); отрывки Жития Кондрата и Жития Феклы, отрывки Бычковой и Евгениевской псалтырей, Путятина мивея (все рукописи XI в.); Благовещенский кондакарь XI—XII вв.; Лаврентьевская летопись 1377 г.; Киевская псалтырь 1397 г.; Список 1445 г. Изборника 1073 г. из Кирилло-Белозерского собрания.

Т. В. Шпекторова

ОПИСАНИЕ СБОРНИКОВ ЕФРОСИНА XV В.

Археографическая группа Ленинградского отделения Архива АН СССР подготовила к печати описание шести четьих сборников последней четверти XV в., принадлежащих одному из древнерусских книжников, переписчику, редактору и организатору книгописной мастерской — монаху Кирилло-Белозерского монастыря Ефросину¹. Богатый и разнообразный материал этих рукописей уже в XIX в. привлекал внимание ученых-филологов. Целый ряд неизвестных ранее древнерусских оригинальных и переводных произведений были введены в научный оборот по ефросиновским спискам, являвшимся подчас самыми старшими.

¹ *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XVII. М.—Л., 1961.

Древнейшие тексты таких беллетристических памятников, как «Задонщина», «Повесть о Дракуле», «Хождение игумена Даниила», сербская «Александрия», «Сказание об Индийском царстве», «Сны царя Шахаиши», дошли до нас в составе сборников Ефросина. Однако изучение их как единого литературно-культурного явления XV в. началось сравнительно недавно работами *Я. С. Лурье* и *Р. П. Дмитриевой*².

Рукописи Ефросина относятся к сборникам энциклопедического состава, включающим практически большую часть книжного репертуара XV в. Помимо беллетристики обращает на себя внимание интерес Ефросина к апокрифической литературе. Его рукою переписаны «Епистолия о неделе», «Сказание о 12 пятницах»,

² *Дмитриева Р. П.* Четьи сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 150—180.

несколько повестей о Соломоне и Китоврасе, фрагменты из «Беседы трех святителей» и целый ряд апокрифических сюжетов, извлеченных из Палеи. В ефросиновских сборниках встречаются тексты, связанные с устным народным творчеством: «Слово о хмеле», «Плач Адама о рае», «Диалог о добрых и злых женах», загадки. Большое место занимают произведения исторического характера — хронографические и палеинные компиляции, краткие летописцы, греческие и русские, отрывки из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Особый интерес представляют лексикографические статьи, индексы отечественных книг, библиотечно-библиографические заметки, естественнонаучные тексты, реминисценции античных авторов. Наряду с этим немалую часть в сборниках Ефросина занимают песнопения с нотами и произведения традиционно-богослужебного репертуара.

Современный исследователь найдет в сборниках Ефросина материал для решения целого ряда вопросов древнерусской письменности. Они могут использоваться для занятий светским и каноническим законодательством древней Руси (уставы князей Владимира и Ярослава, статьи из «Кормчей», «Вопрошания Кирика», отрывки из монастырских уставов), для решения проблемы состава Скитского патерика, для изучения предистории Великих четьих миней митрополита Макария. Самостоятельную научную тему представляют приписки и записи Ефросина. Наконец, на примере работы Ефросина можно проследить особенности редакторских приемов древнерусского книжника.

Знакомство с содержанием сборников Ефросина затрудняется тем, что ни один из них не имеет полного научного аннотированного описания, а некоторые никогда не описывались. Перед археографической группой стояла задача полного постатейного научного описания, включающего библиографию изданий и исследований текстов; цель описания — дать специалистам наиболее полную информацию о составе и палеографических особенностях рукописей, принадлежащих одному писцу XV в. Полное постатейное научное описание рукописей Ефросина — еще один шаг в изучении энциклопедических сборников, отвечающих литературным интересам и деловым потребностям средневекового читателя.

Работа проводилась под руководством акад. Д. С. Лихачева. При этом были использованы положения «Инструкции для составления каталогов древних славянских рукописей» Эдиционно-текстологической комиссии международного комитета славистов³, доклада акад. Д. С. Лихачева «Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей»⁴ и учен опыт описания рукописей как дореволюционных, так и советских археографов.

³ «Slavia». Praha, 1963, v. XXXII, № 2, с. 240—249.

⁴ «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974, с. 234—242.

Важнейшие особенности описания ефросиновских сборников отвечают задачам современного научного описания, рассчитанного на литературоведов и историков. Полное постатейное описание означает, что в рукописи расписаны все статьи, независимо от их величины и полноты, независимо от того, выделены ли они особым заглавием или инициалом. При описании не допускалось объединение нескольких мелких статей под общим заглавием. Каждая статья обозначалась в описании так, как она дана в рукописи: заглавие, если оно имеется, начало текста (инципит) ∞ конец текста (эксплицит). Маленькие по объему статьи воспроизводились целиком.

Все примечания приведены после статьи. В них прежде всего входят библиографические сведения об изданиях текстов и исследованиях. Библиография может быть нескольких видов: 1) текст издан по данной рукописи; 2) текст издан по другой рукописи, в этом случае отмечалась их идентичность или отличия; 3) текст известен по старопечатным изданиям XVI—XVIII вв.; 4) важнейшие исследования или библиография исследований; 5) если тексты не изданы, но встречаются в других рукописях, указывалась одна или несколько рукописей; в некоторых случаях тексты сверялись.

Послестатейный комментарий, не исчерпывая библиографии данной статьи или сведений о ее рукописной традиции, называет издания, где такие материалы могут быть найдены, или указывает, что подобная статья встречается также и в других сборниках и, следовательно, поиски новых списков возможны. На основании исследований указываются редакции рукописных текстов. В описании воспроизведены все записи и приписки.

Палеографическая часть описания сделана расчлененно и формализованно. Так, при датировке рукописей использованы все даты в приписках Ефросина, все датирующие приметы (имена, исторические события), перечислены все филигранные с ссылкой на альбомы, сделаны копии филигранных и указаны листы, на которых они находятся. Отмечено все количество почерков рукописи и смена их на листах, указано, в каком порядке тетради, писанные рукой Ефросина, перемежаются с тетрадями других почерков, прослежена датировка тетрадией. Для удобства пользования описанием к нему составлены алфавитные указатели — именной, заглавий и инципитов, тематический.

Описание вводит в научный оборот первостепенный по значению материал древнерусской книжности, кроме того, оно интересно своим в известной мере экспериментным характером, поэтому желательно его обсуждение специалистами археографами и скорейшее издание.

*М. Д. Каган, Н. В. Поньрко,
М. В. Рождественская*

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ,
ПОМЕЩЕННЫХ В «АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЕЖЕГОДНИКАХ»
ЗА 1967—1976 ГГ.¹**

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

	«Археографи- ческий еже- годник за 1969 год» ²
<i>Абалихин Б. С.</i> «Львовская газета» и ее связь с русским командованием в 1812 г.	1969
<i>Автократов В. Н.</i> К вопросу о методологии архивоведения	1971
<i>Автократова М. И., Рудельсон К. И., Сесина Л. И.</i> Разработка основ Единой системы научно-справочного аппарата к документальным материалам в советском архивоведении	1968
<i>Адрианова-Перетц В. П.</i> Археографические и источниковедческие труды В. Н. Перетца	1975
<i>Александров В. А.</i> Виктор Иванович Шунков	1967
<i>Александров В. А. В. И. Шунков</i> — историк Сибири	1968
<i>Алексеев В. Н., Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.</i> Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965—1967 гг.	1968
<i>Алешковский М. X.</i> К датировке первой редакции Повести временных лет	1967
<i>Алешковский М. X.</i> Первая редакция Повести временных лет	1967
<i>Алпатов М. А.</i> Петровские «Ведомости» как источник по истории Западной Европы	1969
<i>Альшиц Д. Н.</i> Вопросы теории и практики научного описания исторических источников	1976
<i>Афиани В. Ю.</i> Из истории русской археографии. Публикация исторических источников в «Отечественных записках» П. П. Свицьина (1818—1830)	1972
<i>Ахапкин Ю. А., Покровский А. С.</i> Научное издание законодательных актов Советской власти (из опыта работы)	1975
<i>Батаева Т. В.</i> Документы по истории рабочего движения периода революции 1905—1907 гг. в журнале «Красный архив»	1972
<i>Батаева Т. В.</i> История образования СССР в тематических документальных публикациях	1976
<i>Беляевский М. Т., Сукаев А. Г.</i> Новые материалы о М. Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области	1968
<i>Берков П. Н., Кочеткова Н. Д.</i> Археографические разыскания как очередная задача изучения русской литературы XVIII в.	1969
<i>Бочков В. Н.</i> «Легенды» о выезде дворянских родов	1971
<i>Бржостовская Н. В.</i> Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869—1911 гг).	1975
<i>Буганов В. И. Л. Г.</i> Бескровный как археограф и источниковед (к 70-летию со дня рождения)	1971
<i>Буганов В. И.</i> Об издании русских летописей	1967
<i>Буганов В. И.</i> Присмы работы В. И. Лещина над материалами бюджетных обследований крестьянских и кустарных хозяйств России и Германии	1974
<i>Буганов В. И.</i> Труды А. Н. Насонова о русском летописании	

¹ Алфавитный указатель статей и публикаций, помещенных в «Археографических ежегодниках» с 1957 по 1966 г., см.: «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, с. 445.

² Далее указывается только год, к которому относится «Археографический ежегодник».

<i>Бударгин В. П.</i> Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома (к 25-летию)	1974
<i>Валк С. Н.</i> Археографическая «легенда»	1971
<i>Валк С. Н.</i> Регесты в их прошлом и настоящем	1968
<i>Васильев Ю. С.</i> Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в.	1976
<i>Веселина М. С.</i> О мандатах, удостоверениях, полномочиях, подписанных В. И. Лениным (к составлению сводного списка неразысканных работ и документов В. И. Ленина)	1970
<i>Вздорнов Г. И.</i> Архивные материалы по истории древнерусского искусства	1974
<i>Водарский Я. Е.</i> О достоверности поездных итогов переписи сельского населения 1678 г. в сводных источниках начала XVIII в.	1967
<i>Водарский Я. Е.</i> Опись владений Хлебного приказа как источник по социально-экономической истории и исторической географии России второй половины XVI в.	1970
<i>Волкова Н. Б.</i> Издание документов по истории советской культуры (из опыта ЦГАЛИ СССР)	1976
<i>Володарская А. М.</i> В поисках ленинского наследия (из опыта работы по установлению авторства статей В. И. Ленина)	1968
<i>Воронин Н. Н.</i> «Сказание о Руси и о вѣчемъ Олзѣ» в рукописях А. Я. Артынова (к истории литературных подделок начала XIX в.)	1974
<i>Воронова Т. П.</i> О предварительном списке рукописей латинского алфавита V—XV вв., хранящихся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР)	1975
<i>Гальцов В. И.</i> О черновых вариантах архивных описей Посольского приказа XVII в.	1970
<i>Гальцов В. И.</i> Сведения о С. И. Шаховском в описи архива Посольского приказа 1673 г.	1976
<i>Генкина Э. Б.</i> Протоколы Совнаркома РСФСР за 1917—1922 гг. и их значение как исторического источника	1976
<i>Гольденберг Л. А., Троицкий С. М.</i> О занятиях И. К. Кирилова русской историей (материалы к биографии И. К. Кирилова и В. Н. Татищева)	1970
<i>Горский А. Д. А. В.</i> Арциховский как источниковед (к 70-летию со дня рождения)	1972
<i>Горский А. Д.</i> Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л. В. Черешнина (к 70-летию со дня рождения)	1975
<i>Гранстрем Е. Э.</i> Первоначальные библиографические указатели в древнерусских рукописях	1974
<i>Гудзинская А. П.</i> Документы сыскных комиссий второй половины XVII в. как исторический источник	1967
<i>Данилов В. П.</i> Динамика населения СССР за 1917—1929 гг. (опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса)	1968
<i>Дейч Г. М.</i> О некоторых внешних особенностях писем В. И. Ленина родным	1972
<i>Дианова Т. В.</i> Метод датировки документов с помощью водяных знаков и принципы публикации филиграней	1974
<i>Дианова Т. В., Клосс Б. М.</i> Филигрань «бегущий заяц» и ее датировка	1976
<i>Дмитриева Р. П.</i> Монографические исследования-издания памятников древнерусской литературы	1971
<i>Долгит Ф. И.</i> К итогам VII Международного конгресса архивов	1972
<i>Дружинин Н. М.</i> Больше творчества и самостоятельности	1971
<i>Душинов С. М.</i> К истории отечественной археографии (издания, подготовленные А. И. Яковлевым)	1976
<i>Дьяков В. А.</i> О подготовке библиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России»	1972
<i>Елпатьевский А. В.</i> О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований	1971
<i>Елпатьевский А. В.</i> О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений	1968
<i>Ершова В. М. О. А.</i> Добиан-Рождественская — педагог (По материалам архива О. А. Добиан-Рождественской в ГПБ)	1974
<i>Желвакова И. А.</i> Материалы А. И. Михайловского-Данилевского в «Историческом сборнике Вольной русской типографии»	1969
<i>Житомирская С. В.</i> Некоторые проблемы собирания и использования письменных источников	1970
<i>Житомирская С. В.</i> Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников	1976
<i>Жуковская Л. П.</i> Работа по подготовке славяно-русского выпуска Сводного каталога рукописей и Инструкции по его составлению	1975
<i>Жуковская Л. П.</i> Работы Б. А. Рыбакова в области вспомогательных исторических дисциплин (К 60-летию со дня рождения)	1968

- Зайцев А. Д.* «Русский архив» и цензура 1976
- Закс А. Б.* Опыт собрания материалов по истории Великой Отечественной войны Государственным историческим музеем в 1941—1944 гг. 1975
- Зенц Е. М.* Из истории подготовки Декрета «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» 1973
- Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. 1968
- Зимин А. А.* «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» 1967
- Илизаров Б. С.* О некоторых особенностях публикации Декрета «О мире» в центральных петроградских газетах (27-28 октября 1917 г.) 1972
- Индова Е. И. В. И. Шунков* — историк-аграрник 1967
- Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР (Сост. Жуковская Л. П., Шеламанова Н. Б.)* 1975
- Ирошиков М. П.* К начальной истории советского делопроизводства 1970
- Кабанов В. В.* Документальные публикации по аграрной истории советского общества (1917—1972 гг.) 1973
- Казакова Н. А.* Грамота Ивана III папе Александру VI 1973
- Казанцев Б. Н.* Журналы Московского отделения Мануфактурного совета (20—60-е годы XIX в.) как исторический источник 1968
- Калантырская И. С.* Письма декабристов Н. Н. Муравьеву-Карскому как источник по истории Священной артели 1972
- Каменцева Е. И.* Работа Н. В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин 1968
- Каштанов С. М.* Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. 1973
- Каштанов С. М.* Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.) 1974
- Клепиков С. А.* Водяные знаки бумажных фабрик Ольхиных и Кайдановой (1763—1841) 1975
- Клепиков С. А.* Филигрань «Рожок», ее история и опыт анализа ее эволюции (1314—1600 гг.) 1967
- Клосс Б. М.* О рукописях, написанных дьяком Дмитрием Лапшиным 1974
- Козловский П. Г.* Тарифы подымного налога белорусских поветов 1775 и 1790 гг. 1972
- Колесников П. А.* Из опыта преподавания специальных исторических дисциплин в Вологодском педагогическом институте 1975
- Комиссаров Б. Н.* Судьба архива первой русской экспедиции в Бразилию 1971
- Комлев В. Г.* Сотрудничество архивных учреждений РСФСР и отделений Археографической комиссии Академии наук СССР 1975
- Кондратьев В. А.* Об издании документального фонда Московского военно-революционного комитета 1968
- Копынский Э. Ю.* Сборники документов по истории Белоруссии, изданные в БССР (1921—1971 гг.) 1974
- Корецкий В. И.* Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. 1974
- Костина Р. В.* Об изучении бумаги советских документов 1917—1920 гг. 1974
- Костина Р. В.* Центральные газеты 1918—1920 гг. как источник по истории деятельности Московского городского совнархоза 1968
- Кузев Р. Г.* Шежере — письменные источники по средневековой истории башкирского народа 1971
- Кузнецова К. С.* Выявление и публикация государственными архивами документов о жизни и деятельности В. И. Ленина 1969
- Кузьмин А. Г.* К прочтению текста вводных статей Комиссионного списка Новгородской Первой летописи 1970
- Кузьмин А. Г.* Летописные источники посланий Симона и Поликарпа (К вопросу о «Летописце старом Ростовском») 1968
- Кузьмин С. И.* Розыск документов В. И. Ленина в государственных архивах СССР (1923—1967 гг.) 1968
- Кузьмина В. Д.* Деятельность В. П. Адриановой-Перетц как археографа, библиографа и источниковеда (К 80-летию со дня рождения) 1968
- Курносов А. А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собрания) 1973
- Курносов А. А.* Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941—1945.) 1975
- Кучкин В. А. А. Н. Насонов* как археограф 1974
- Кушева Е. Н.* О работе В. И. Шункова по подготовке издания кабальных книг конца XVI — начала XVII в. и записных книг старых крепостей 1597—1598 гг. 1975
- Ларченко М. Н.* Перечневая роспись оружейной казны царя Алексея Михайловича 1647 г. 1971

- Левина С. А.* Тринадцатый список Воскресенской летописи 1967
- Левина С. С.* Новые данные о публикации речи Петра Алексея (По материалам «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Листовки») 1973
- Левшин Б. В.* Деятельность Архива АН СССР в годы Великой Отечественной войны 1975
- Лисовина А. П.* О значении и особенностях критического анализа годовых отчетов промысловых предприятий как исторического источника 1970
- Листов В. С.* О критике кинодокументальных источников (по материалам советских киносъемок 1917—1920 гг.) 1969
- Литвак Б. Г.* Вклад В. К. Яцунского в источниковедение и археографию 1973
- Литвак Б. Г.* Помещичьи инструкции как источник по истории вотчинного делопроизводства 1975
- Литачев Д. С.* Вступительное слово на совещании в Институте русской литературы АН СССР, посвященном А. А. Шахматову 1970
- Литачев Д. С.* Н. И. Конрад как руководитель серии «Литературные памятники» 1971
- Литачева В. Д.* Задачи Каталога иллюминированных византийских рукописей собраний Советского Союза 1973
- Литачева О. П.* О некоторых особенностях Синодального списка древнерусской переводной повести «Стефанит и Ихнилат» 1972
- Луцало И. Г.* По следам войны (Собирание материалов Музеем Революции СССР) 1975
- Лурье Я. С.* Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца 1971
- Луцкий Е. А.* Первый советский тематический сборник произведений В. И. Ленина 1970
- Любимцева В. А.* К истории научной обработки архива Председателя Совнаркома В. И. Ленина в Центральном партийном архиве 1969
- Макарова С. Л.* Опросные листы Бюро печати Наркомзема и Отдела связи Мособлисполкома как источник о продовольственном положении деревни Центральной России весной 1918 г. 1969
- Малов В. Н.* Происхождение коллекции Г. Ламуаньона (ЦГАДА) 1975
- Махнова Г. П.* У истоков советского источниковедения (О научной деятельности Н. Н. Авдеева) 1971
- Межова К. Г.* Протоколы заседаний Фондовой комиссии как источник по истории комплектования рукописных фондов Государственного литературного музея в Москве 1973
- Мендельсон В. И.* А. Л. Попов и его археографическое наследие 1970
- Миллер И. С.* «Восстание 1863 г.» (Об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов) 1972
- Милов Л. В.* К истории создания «Географического словаря» Афанасия Щекатова 1968
- Мироненко М. П.* Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив» 1975
- Миронов Б. Н.* О методике обработки источников по истории цен (К исследованию проблемы образования всероссийского национального рынка) 1968
- Миронова И. А., Юзт А. И.* О деятельности М. В. Нечкиной в области археографии и источниковедения 1971
- Митюков А. Г.* Архивные материалы в издании «История городов и сел Украинской ССР» 1973
- Михайлова Н. Н.* М. С. Ольминский о собирании биографических материалов 1971
- Мордовина С. П.* К истории утвержденной грамоты 1598 г. 1968
- Муравьева Л. Л.* Заметки о первых московских летописных записях 1971
- Мухамедьяров Ш. Ф.* Вопросы истории народов Поволжья в трудах М. Н. Тихомирова 1976
- Нарочницкий А. Л., Кучеренко Г. С.* О публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века» 1972
- Никитина Л. А.* «Русские» источники и приемы их обработки в произведениях Т. Нэша 1971
- Нильев А. И.* К методике изучения приговоров и наказов крестьян, посланных во II Государственную думу 1970
- Омельченко О. А.* «Древняя Российская вивлиофика» Н. И. Новикова и М. М. Щербатов 1975
- Павлов-Сильванский В. Б.* К истории источниковедческого изучения писцовых книг Московского уезда XVI в. 1975
- Паина Э. С.* Н. М. Дружинин — археограф 1971
- Пашуто В. Т.* Советский археограф С. А. Аннинский 1969
- Пересетов В. А.* Работа Истпарта по собиранию документов по истории Октябрьской революции в 1920—1923 гг. 1969

- Пернер М. И.* К истории борьбы царского правительства против Вольной русской печати за рубежом 1976
- Пернер М. И.* Письма Н. П. Огарева и А. И. Герцена с выскобленными буквами (Опыт текстологического анализа) 1973
- Петрова Л. Н.* К истории издания листовки «К рабочим и работницам фабрики Торнтона» 1971
- Погребинский А. П.* Ценный источник по экономической и финансовой истории России эпохи капитализма 1967
- Подъяпольская Е. П.* Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» 1972
- Поздеева И. В.* Археографические экспедиции Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ в 1966—1967 гг. 1968
- Покровский А. С.* Некоторые вопросы законодательной деятельности Советской власти (октябрь 1917 — февраль 1918 г.) в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича 1968
- Покровский А. С.* Протоколы заседаний СНК РСФСР как исторический источник («Период Смольного») 1972
- Покровский Н. Н., Шмидт С. О.* Археографическая деятельность Д. С. Лихачева 1976
- Попов Г. В.* Позднетверская рукописная орнаментика (Четвероевангелие конца XV — начала XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря) 1970
- Приймак Н. И.* О двух вариантах ленинского «Проекта обращения ЦК и редакции ЦО к членам оппозиции» (1903 г.) 1969
- Прохоров М. Ф.* Опыт составления сводных таблиц выступлений помещичьих крестьян России 1760—1773 гг. (по материалам фондов местных учреждений Московской губернии) 1972
- Рафиенко Л. С.* Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. 1973
- Розов Н. Н.* О возрождении традиций академика В. Н. Перетца в археографических экспедициях 1971
- Романова В. Л. А. Д.* Люблинская — архивист и палеограф (К 70-летию со дня рождения.) 1972
- Ростунов И. И.* Вопросы военной истории России в научном творчестве академика М. Н. Тихомирова 1976
- Рыбаков Б. А.* Вступительное слово [на заседании памяти В. И. Шункова] 1967
- Рыбаков Б. А.* Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в. 1970
- Рыбаков Ю. Я.* Вспомогательные исторические дисциплины в работах В. К. Яцунского 1969
- Рыков Ю. Д.* Редакция «Истории» князя Курбского 1970
- Савицкая Р. М.* Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича как источник для изучения жизни и деятельности В. И. Ленина в период мирной передышки 1918 г. 1968
- Сает Л. Я.* К вопросу о внешней критике журналов Особого совещания по обороне государства (1915—1918 гг.) 1974
- Самодурова З. Г.* Источники Хроники Петра Александрийского из греческой рукописи Московского университета 1967
- Самодурова З. Г.* Об изучении греческого рукописного наследия в СССР (1945—1971 гг.) 1971
- Самодурова З. Г.* Об изучении греческого рукописного наследия в СССР (1945—1971 гг.), ч. 2 1972
- Саралиева З. Х.* Источники о роли библиотек в распространении экономического учения марксизма в рабочем движении России (1895—1917 гг.) 1973
- Свердлов М. Б.* Известия шведских рунических надписей о скандинавах на Руси и в Византии 1972
- Севастьянова А. А.* Записки о Московии Джерома Горсея (К вопросу о принципах научного перевода терминов при публикации источников) 1976
- Сизов Е. С.* Граффити в усыпальнице Ивана Грозного 1968
- Синицына Н. В.* Ранние рукописные сборники сочинений Максима Грека (Кодикологическое исследование) 1971
- Слуховский М. И.* Термин «библиотека» в феодальной России 1971
- Сметанин С. И.* Маклерские и обывательские книги городов как источник по социально-экономической истории России (По материалам городов Урала 1800—1861 гг.) 1967
- Станиславский А. Л.* Личный фонд А. Н. Насонова в Архиве Академии наук СССР 1974
- Старостин Е. В.* О встречах В. И. Ленина и П. А. Кропоткина (К вопросу датировки) 1968
- Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России 1974
- Суринов В. М.* Публикаторская деятельность Н. И. Вавилова 1970

<i>Тамм И. Е.</i> Из истории становления советского делопроизводства (По материалам 1921 г.)	1969
<i>Тамм И. Е.</i> Некоторые вопросы документоведения в работах В. И. Ленина	1973
<i>Тарвел Э.</i> О применении единиц землепользования в сравнительно-исторических исследованиях (По материалам истории Эстонии)	1972
<i>Тартаковский А. Г.</i> Журналы военных действий штаба Кутузова как летучие армейские издания 1812 г. (К постановке вопроса)	1967
<i>Тихонов Ю. А.</i> Отписные и отказные книги Поместного приказа как источник о боярских и дворянских владениях Московского уезда XVII — начала XVIII в.	1968
<i>Троицкий С. М.</i> Материалы переписи чиновников в 1754—1756 гг. как источник по социально-политической и культурной истории России XVIII в.	1967
<i>Туманович Н. Н.</i> О работе академика В. В. Бартольда над восточными рукописями (По материалам фонда Архива Академии наук СССР)	1969
<i>Турилов А. А.</i> Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV — начала XVIII в. (Сказания о ярославских иконах)	1974
<i>Усманов М. А.</i> Официальные акты ханств Восточной Европы XIV—XVI вв. и их изучение	1974
<i>Флоря Б. Н.</i> Кормленные грамоты XV—XVII вв. как исторический источник	1970
<i>Флоря Б. Н.</i> Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике	1973
<i>Ходош И. А. В. И. Шунков и библиотеки</i>	1967
<i>Хорошев А. С.</i> «Ружная роспись» новгородских церквей и время ее составления	1972
<i>Хорошечев А. Л.</i> Псковская полная грамота 1511 г.	1967
<i>Черепнин Л. В. И. А. Голубцов — ученый и человек</i>	1969
<i>Черепнин Л. В.</i> К семидесятилетию Николая Николаевича Воронина	1974
<i>Черепнин Л. В. Б. Б. Кафенгауз — историк и источниковед</i>	1970
<i>Черепнин Л. В.</i> Публикации русских актов XIV—XVI вв., осуществленные в советское время	1971
<i>Черепнин Л. В.</i> Сергей Константинович Богоявленский как историк (1872—1947)	1972
<i>Черных В. А. В. Д. Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры</i>	1973
<i>Черных В. А.</i> К вопросу о тиражах лондонских изданий Герцела и Огарева	1969
<i>Черных В. А., Житомирская С. В., Мьяльников А. С., Левшин Б. В.</i> Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства	1972
<i>Чирков С. В.</i> Археография русского летописания в трудах А. Е. Преснякова	1975
<i>Чирков С. В.</i> Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в.	1974
<i>Чистякова Е. В. М. Н. Тихомиров как историк русского феодального города</i>	1976
<i>Шарадзе Г. С.</i> Библиотека и архив Теймураза Багратиони и их судьба	1970
<i>Шарапов Ю. П.</i> Из опыта изучения ленинских маргиналий	1974
<i>Шеламанова Н. Б.</i> Документы государственных межеваний 30—40-х годов XVII в.	1971
<i>Шеламанова Н. Б.</i> Себежская земля в XVI в. (Историко-географический обзор)	1967
<i>Шепелев Л. Е.</i> К вопросу о методах и источниках изучения истории государственных учреждений России XIX — начала XX в.	1970
<i>Шмидт С. О. В. И. Шунков — источниковед и археограф (Первые десятилетия творческой деятельности)</i>	1967
<i>Шункова Т. М. В. И. Шунков — участник Великой Отечественной войны</i>	1975
<i>Щапов Я. Н.</i> Варсонофьевская кормчая	1968
<i>Щапов Я. Н.</i> Новый документ по истории Молдавии и молдавско-украинских связей XVII в. — «катастих» воеводы Семеона Могилы	1971
<i>Щапов Я. Н.</i> Русская Правда в новых списках кормчих книг XVI—XVII вв.	1969
<i>Эйдельман Н. Я.</i> Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов	1972
<i>Эпштейн Д. М.</i> К истории преподавания археографии в Московском государственном историко-архивном институте	1971
<i>Юзефович Л. А.</i> Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского	1974
<i>Янин В. Л.</i> К вопросу о датировке экземпляров D и K «Смоленской правды»	1968
<i>Янин В. Л.</i> К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода	1976

<i>Автократова М. И.</i> Документы ЦГАДА по истории Академии наук первой половины XVIII в.	1974
<i>Александров В. А.</i> Принципы научно-педагогической деятельности М. Н. Тихомирова	1968
<i>Андроников И. Л.</i> О современных коммуникациях в сфере археографических поисков	1970
<i>Белов Г. А.</i> О работе архивных учреждений по формированию источниковой базы советской исторической науки и введению ее в научный оборот	1971
<i>Блинова Л. И.</i> Работа Архива Академии наук СССР над материалами по истории науки	1974
<i>Буганов В. И.</i> М. Н. Тихомиров как исследователь русского летописания	1973
<i>Граистреж Е. Э., Лебедева И. Н., Фомкич Б. Л.</i> Перспективы описания греческих рукописей советских хранилищ	1972
<i>Долгова С. Р.</i> О редких академических изданиях XVIII в. в Библиотеке ЦГАДА	1974
<i>Дорошенко В. В.</i> Вспомогательные исторические дисциплины на новом этапе	1969
<i>Есаков В. Д.</i> Об издании документов по истории советской науки	1974
<i>Жуковская Л. П.</i> Работа над Сводным каталогом славяно-русских рукописей и некоторые вопросы методики их описания	1972
<i>Ковальченко И. Д.</i> М. Н. Тихомиров — основатель и руководитель кафедры источниковедения Московского университета	1973
<i>Костюхина Л. М.</i> О некоторых вопросах развития русской палеографии	1969
<i>Лихачев Д. С.</i> Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей	1972
<i>Люблинская А. Д.</i> О составлении Сводного каталога рукописей латинского алфавита, хранящихся в СССР	1972
<i>Мирошченко М. П.</i> Хроника заседания [посвященного вопросам сокращенной передачи текста массовых источников]	1976
<i>Митрякова Н. М.</i> Обзор источников по истории Академии наук СССР за советские годы в Архиве АН СССР	1974
<i>Муравьев А. В.</i> Спецкурс М. Н. Тихомирова «Приказное делопроизводство в XVII в.»	1968
<i>Павлов-Сильванский В. Б.</i> Прения по докладам	1972
<i>Павлов-Сильванский В. Б.</i> М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций	1970
<i>Располчина Л. Н.</i> Хроника заседания	1975
<i>Рогов А. И.</i> Труды М. Н. Тихомирова по славяноведению	1968
<i>Староверова И. П.</i> Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР	1968
<i>Угаров И. Ф.</i> Основные советские публикации документов и материалов по истории революции 1905—1907 гг. (Краткий обзор)	1975
<i>Холлов Р. Ф.</i> М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей	1968
Хроника заседания	1973
<i>Чистякова Е. В.</i> М. Н. Тихомиров как палеограф-педагог	1969
<i>Шаскольский И. П.</i> Историческая география в трудах М. Н. Тихомирова	1969
<i>Шмидт С. О.</i> Вступительное слово	1968
<i>Шмидт С. О.</i> Работа М. Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края (Новые материалы)	1973
<i>Эймоптова Р. Г.</i> Источники по истории декабристов в советских изданиях	1975
<i>Янин В. Л.</i> К проблеме новгородских сотен	1973
<i>Янин В. Л.</i> Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории (нумизматика, сфрагистика, эниграфика, весовая метрология)	1969

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ ³

<i>Авшаров Е. Г.</i> Материалы по истории Москвы и Московской области в личных фондах Н. А. Скворцова и М. И. Александровского	1975
<i>Аксенов А. И.</i> Из эпистолярного наследия А. И. Мусина-Пушкина	1969
<i>Алпатова В. Д.</i> Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда [Н. Г. Богдановой, А. И. Васильева, Н. Ф. Лаврова, И. В. Мешалина, П. А. Садикова, М. И. Стеблин-Каменской,	

³ К обзорам Е. Г. Авшарова; В. Д. Алпатовой; Л. А. Котлярской, А. Г. Манькова, Х. Д. Сориной; С. Б. Филимонова «Обзор архива М. И. Смирнова» и к некрологу Д. И. Тверской приложены библиографии.

Н. С. Чаева, А. П. Чулошникова, Н. В. Тимофеева] (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР)	1973
<i>Амосов А. А.</i> Копийная книга Антониева-Сийского монастыря	1971
<i>Амосов А. А.</i> Крестьянский архив XVI столетия	1973
<i>Андреева М. С.</i> Обзор архивных материалов Н. К. Крупской о политико-просветительной работе	1969
<i>Афиани В. Ю.</i> Эпистолярное наследие Ф. И. Буслаева в московских хранилищах	1971
<i>Бадя Л. В.</i> Материалы личного фонда А. М. Панкратовой о революции 1905—1907 гг.	1975
<i>Бастракова М. С.</i> Формирование основ государственной политики по отношению к науке в первые годы Советской власти (По материалам Архива АН СССР)	1968
<i>Батаева Т. В.</i> Издание исторических источников о рабочем классе советского общества за 50 лет (1917—1967 гг.)	1967
<i>Беспамятных Н. Н.</i> Фонд И. Д. Лукашевича в библиотеке Вильнюсского университета	1975
Библиография авторефератов диссертаций, защищенных в Московском государственном историко-архивном институте. (К 40-летию института) (подг. М. С. Книжникова)	1970
Библиография трудов С. Б. Веселовского (сост. <i>Левшин Б. В.</i>)	1968
<i>Бржостовская Н. В.</i> Труды Ю. Ф. Кононова по истории архивного дела	1973
<i>Бубнов Н. Ю., Мартынов И. Ф.</i> К истории библиотеки Белокрыницкой старообрядческой митрополии (по итогам археографических экспедиций Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР 1971—1972 гг.)	1972
<i>Буганов В. И.</i> «Дворцовые разряды» первой половины XVII в.	1975
<i>Буганов В. И.</i> «Записка» И. Д. Беляева об издании разрядных книг	1969
<i>Буганов В. И.</i> Материалы ЦГАДА как источник по истории управления Прибалтикой в годы Ливонской войны	1968
<i>Буганов В. И.</i> Описание списков разрядных книг XVII в.	1972
<i>Букалов А. С., Трусова Н. С.</i> Обзор личного фонда М. Н. Покровского	1968
<i>Булгаков М. Б.</i> Обзор фонда А. Н. Сперанского	1969
<i>Бутько С. П.</i> Малоизвестное описание документальных материалов Московского главного архива Министерства иностранных дел, составленное А. Ф. Малиновским	1968
<i>Вандалюковская М. Г.</i> Обзор материалов дневника М. К. Лемке	1969
<i>Воронова Т. П.</i> Новые советские исследования по латинской палеографии	1976
<i>Галахов В. В.</i> Историкографические материалы в фондах академика Ю. В. Готье	1973
<i>Гинев В. Н.</i> Обзор личного архива Ш. М. Левина	1971
<i>Гранстрем Е. Э., Медведев И. П.</i> Рукописные материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда	1968
<i>Днепровский А. С., Ярхо К. М.</i> Записки XVIII в. «Драгоценная память» калуужанина И. Губкина	1975
<i>Загребин В. М.</i> Сербские рукописи из собрания М. П. Погодина	1973
<i>Закс А. Б.</i> Речь А. В. Луначарского на конференции по делам музеев	1976
<i>Звездин З. К., Полетаев В. Е.</i> О серийном издании документов по истории индустриализации СССР	1967
<i>Зейфман Н. В.</i> Письма В. И. Штейнгеля к Г. С. Батенькову	1975
<i>Иванова К. И.</i> Об уточнении времени написания некоторых славянских рукописей XIV—XV вв.	1976
<i>Иванова Т. С.</i> Коллекция государственных и частных актов помещиков-вотчинных архивов XVI—XIX вв.	1973
<i>Ивницкий Н. А.</i> О публикации документов по истории коллективизации сельского хозяйства	1967
<i>Исаевич Я. Д.</i> Новое исследование по филигранологии	1974
<i>Искюль С. Н.</i> Вестфальский архив в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	1971
<i>Кадсон И. З.</i> Материалы по истории революционного движения в фондах Синода	1976
<i>Карев Д. В.</i> Неопубликованное творческое наследие М. К. Любавского	1974
<i>Кашилин Л. С.</i> Обзор фонда Н. А. Чердынцева (По материалам Государственного архива Пермской области)	1969
<i>Киселева Л. И.</i> Новая книга по истории латинского письма	1974
<i>Князевская О. А.</i> Об одной рукописи ростовской книгописной мастерской XIII в.	1973
<i>Князьков С. Е.</i> Малоизвестные копии Угличского следственного дела	1976
<i>Козлов В. П.</i> Малоизвестные письма К. Ф. Калайдовича к Н. П. Румянцеву	1973
<i>Кострикин В. И.</i> Источники о земельных комитетах 1917 года и их публикация	1967

- Котлярская Л. А., Маньков А. Г., Сорина Х. Д.* Обзор архива А. Н. Вершинского 1975
- Красавин А. С.* Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В. А. Маклакова 1968
- Критский Ю. М.* Эпистолярное наследие В. И. Семевского в архивах Москвы и Ленинграда 1970
- Кукушкина М. В.* О новом альбоме филиграней 1968
- Лизачева В. Д.* Альбом миниатюр византийских рукописей собраний Афонских монастырей 1976
- Меньшиков Л. Н.* Дальневосточные и центральноазиатские рукописные фонды Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (Очерк археографических работ) 1970
- Мирзоян Г. Г.* Древнерусские рукописи в г. Баку 1970
- Михайлова Н. Г.* Обзор документальных материалов фонда Н. В. Устюгова 1968
- Михайлова Н. Г.* Обзор документальных материалов фонда В. И. Шункова 1970
- Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича 1976
- Мошин В. А.* Южнославянские рукописи в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР 1973
- Муравьев В. А.* Лекционные курсы Н. П. Павлова-Сильванского в высших вольных учебных заведениях Петербурга 1969
- Новоатский К. Е.* Архивные материалы о жизни и творчестве В. В. Пасека 1975
- Паалюченко Э. А., Шапов Я. Н.* «Записки Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина как археографическое издание 1975
- Паина Э. С.* Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (Обзор материалов ЦГИА СССР) 1970
- Паина Э. С.* Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (Обзор материалов ЦГИА СССР), ч. 2 1971
- Петрова О. В.* О родословных справочниках с рукописными исправлениями и дополнениями генеалогов 1976
- Подъяпольская Е. П.* О судьбе одной книги П. Г. Любомирова 1975
- Поздняков С. В.* Новое об истории рода Радищевых 1976
- Публикации исторических источников, труды по археологии и специальным историческим дисциплинам за 1966—1967 гг. 1967
- Рашковская М. А., Рашковский Е. Б.* О мемуарах Н. И. Кареева «Прожитое и пережитое» как источнике по истории интеллектуальной жизни России конца XIX в. 1968
- Ржезаникова М. Я.* Обзор личного фонда академика Е. А. Косминского 1971
- Робинсон М. А.* Эпистолярное наследие академика А. А. Шахматова 1973
- Рогов А. И.* Забытый историк Суздальской земли (Научное наследие И. М. Стаховского) 1973
- Розов Н. Н.* Архив и библиотека И. П. Еремина 1976
- Розов Н. Н.* Заметки о рукописных книгах из библиотеки Псково-Печерского монастыря 1972
- Самгина Е. И.* Обзор фонда Салтыковых в Государственном историческом музее 1970
- Спирина Л. М.* Рукописный источник об основании церкви в честь Деулинского перемирия 1976
- Список научных трудов С. К. Богоявленского (сост. *Крайнева Н. Я.*) 1972
- Список научных трудов С. Н. Валка за 1963—1972 гг. (сост. *И. А. Бакланова*) 1972
- Список научных трудов А. В. Предтеченского (сост. *Чижова-Ореус Н. Н.*) 1973
- Список научных трудов Д. А. Чугаева (К 75-летию со дня рождения) (сост. *Макарова С. Л.*) 1974
- Список научных трудов доктора исторических наук Марфы Вячеславны Шепкиной (К 50-летию научной деятельности) 1969
- Список печатных работ П. Г. Любомирова (сост. *Подъяпольская Е. П.*) 1976
- Список трудов А. Е. Преснякова (сост. *Чирков С. В.*) 1970
- Список трудов Е. П. Подъяпольской (К 80-летию со дня рождения) (сост. *Пронина П. В.*) 1975
- Список трудов Е. Э. Гранстрем (К 60-летию со дня рождения) 1971
- Станиславский А. Л.* Личный фонд С. К. Богоявленского в Архиве АН СССР 1972
- Стецкевич М. Я.* Справочные и методические пособия Отдела рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Аннотированный список) 1974
- Сырченко Л. Г.* К истории описания документальных материалов деятелей русской культуры 1976

- Тамм И. Е.* Материалы ЦК профсоюза совработников по истории делопроизводства в первые годы Советской власти 1971
- Тюрenkova Л. В.* Обзор архива историка-краеведа Б. А. Шляева 1971
- Уваров К. А.* Неизданный труд Г. З. Кунцевича (Обзор гранок второго тома «Сочинений князя Курбского») 1971
- Федосеева Е. П.* Документальные материалы Н. А. Воскресенского в хранилищах Ленинграда и Москвы 1976
- Филимонов С. Б.* Материалы к истории исторического краеведения на Урале в годы Великой Отечественной войны 1975
- Филимонов С. Б.* Обзор архива М. И. Смирнова 1971
- Филимонов С. Б.* Эпистолярный архив В. И. Смирнова 1974
- Флоровский А. В.* Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах 1967
- Хохлов Р. Ф.* Личные фонды краеведов-историков в архивном собрании Дмитровского музея 1970
- Хохлов Р. Ф.* Фонд П. А. Кропоткина в собрании Дмитровского музея 1974
- Чижова-Ореус Н. Н.* Обзор личного архива А. В. Предтеченского 1973
- Чирков С. В.* Обзор архивного фонда А. Е. Преснякова 1970
- Шаццлло К. Ф.* Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза Освобождения» в фонде Д. И. Шаховского 1974
- Шаццлло К. Ф.* Первый день «свободы» в Петербурге (18 октября 1905 г. по воспоминаниям В. Я. Богучарского) 1975
- Шевцов В. И.* Материалы переписки Густава Эверса 1973
- Шепелев Л. Е.* «Загробные заметки» Н. Х. Бунге 1969

III. ПУБЛИКАЦИИ

- «Адрес» коллектива Московского завода имени Владимира Ильича Николаю Михайловичу Дружинину от 29 сентября 1922 г. (подг. *Кондратьев В. А.*) 1969
- «Артикулы, сказанные через Кристофа Граевского» — важный источник по истории русской внешней политики 70-х годов XVI в. (подг. *Флоря Б. Н.*) 1975
- Археографические проекты А. А. Шахматова (подг. *Чирков С. В.*) 1973
- Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. (подг. *Кукушкина М. В.*) 1970
- Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в., ч. 2 (подг. *Кукушкина М. В.*) 1971
- Важный документ по истории ликвидации безработицы в СССР (подг. *Рогачевская Л. С.*) 1967
- Вновь открытые повгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. (подг. *Корецкий В. И.*) 1967
- Воспоминания М. Н. Сперанского о И. Е. Забелине (подг. *Филимонов С. Б.*) 1976
- Выступление М. Н. Тихомирова на совещании о работе музеев Московского Кремля 20 января 1955 г. (подг. *Белявский М. Т.*) 1972
- Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря (подг. *Кобрин В. Б.*) 1968
- «Дарение Агелтруды» (Частный акт 907 г. из Италии) (подг. *Скржинская Е. Ч.*) 1970
- Доклад М. Н. Тихомирова 1960 г. о составлении Сводного каталога древних рукописей (подг. *Староверова И. П.*) 1971
- Записка В. В. Пассека о программе издания «Очерков России» (подг. *Филимонов С. Б.*) 1968
- Инструкция управляющего горными заводами на Урале В. де Геннина начальнику Егояшихинского завода капитану Берлину (подг. *Томсинский С. М.*) 1969
- К биографии Гурия Никитина (подг. *Брюсова В. Г.*) 1976
- Н. К. Крупская о «Воспоминаниях И. В. Бабушкина» (подг. *Иванова Л. В.*) 1969
- Кратчайшая редакция «Жития» протопопа Аввакума (подг. *Румянцева В. С.*) 1973
- Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Муром 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.) (подг. *Кучкин В. А.*) 1967
- Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии (подг. *Филимонов С. Б.*) 1973
- Материалы по истории земского собора 1575 г. и о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» (подг. *Корецкий В. И.*) 1969
- Материалы по методике источниковедения в архиве И. И. Полосина (подг. *Шмидт С. О.*) 1967
- Наказ о расследовании убийства сына боярского 1593 г. (подг. *Мордовина С. П.* и *Станиславский А. Л.*) 1975
- Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия (подг. *Соловьев Ю. Б.*) 1972

Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к Степану, королю польскому» (подг. <i>Уо Д. К.</i>)	1971
О времени перевода в Москву Тверской хамовной слободы (подг. <i>Соколов И. И.</i>)	1972
<i>Ольминский М. С.</i> Из общественной жизни (По поводу смерти Н. Павлова-Сильванского) (предисловие <i>Валка С. Н.</i> , подг. <i>Саралиева З. Х.</i>)	1972
Опись Государственного архива конца XVI в. (предисловие <i>Шмидта С. О.</i> , подг. <i>Балакаева И. А.</i>)	1974
Опись новиковского села Авдотьино в 1792 г. (подг. <i>Беляевский М. Т.</i>)	1973
Опись посольских дел, переданных в 1708 г. из Казенного приказа в Посольский (подг. <i>Гальцов В. И.</i>)	1974
Переписка Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова о проблемах феодализма в России (подг. <i>Чирков С. В.</i>)	1972
Письма Е. В. Тарле В. Я. Богучарскому (подг. <i>Шумейко М. Ф.</i>)	1974
Письмо П. Ф. Якубовича В. И. Семеновскому о встрече с А. И. Ульяновой (подг. <i>Митрофанов Н. Н.</i>)	1970
Поручительство из Пьяченцы (Частный акт 938 г.) (подг. <i>Кононенко А. М.</i>)	1970
Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания (подг. <i>Чирков С. В.</i>)	1968
Радиограмма Наркомвоен в Ставку верховного главнокомандующего от 4 (17) ноября 1917 г. (подг. <i>Митрофанов Н. Н.</i>)	1975
Б. Рассел о британских интернационалистах в годы первой мировой войны (подг. <i>Гурвич С. Н.</i>)	1972
Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. (подг. <i>Станиславский А. Л.</i>)	1972
Списки городов, посадов и укрепленных монастырей в России во второй половине XVII в. (подг. <i>Водарский Я. Е.</i> и <i>Чистякова Е. В.</i>)	1972
Списки игуменов Троице-Сергиева монастыря первой половины XVI в. (подг. <i>Брюсова В. Г.</i>)	1969
«Справка» В. Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А. А. Шахматова (подг. <i>Шмидт С. О.</i>)	1970
Статья В. Г. Короленко «О современном положении» (1906 г.) (подг. <i>Митрофанов Н. Н.</i>)	1971

IV. ХРОНИКА

<i>Абалихин Б. С.</i> Неизвестная рукопись о М. И. Кутузове	1970
<i>Амосов А. А.</i> В Московском государственном историко-архивном институте (Деятельность научного студенческого кружка источниковедения истории СССР)	1970
<i>Андрюшайтите Ю. В., Распопчина Л. Н.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1975 г.	1975
<i>Антонова М. Ф.</i> Сопоставление по истории древнерусской литературы	1973
Археографическая группа Ленинградского отделения Архива АН СССР	1972
<i>Афиани В. Ю.</i> В Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова	1974
<i>Афиани В. Ю.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1974 г.	1974
<i>Богина С. Л., Веселов П. В.</i> Теоретический семинар «Терминологические проблемы в области документоведения и архивоведения»	1974
<i>Булгаков М. Б.</i> Заседания Археографической комиссии в 1970 г.	1970
В Государственном историческом музее (<i>Протасьева Т. Н.</i>)	1969
В Институте истории СССР (<i>Орехова Е. Д.</i>)	1969
В Отделениях Археографической комиссии	1973
В Отделениях Археографической комиссии	1974
В Отделениях Археографической комиссии	1975
<i>В. Ч.</i> Уральская археографическая конференция	1975
<i>Васильев Ю. С.</i> Деятельность Северного отделения Археографической комиссии в 1972 г.	1972
<i>Воробьев М. Н.</i> Сопоставление по вопросам описания древнеславянских рукописей	1973
<i>Воронова Т. П.</i> Заседание, посвященное 100-летию со дня рождения О. А. Добиаш-Рожественской	1974
<i>Г. П.</i> Северокавказская конференция по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам	1975
<i>Гвоздикова И. М.</i> Первая Южноуральская конференция по археографии, источниковедению и архивоведению	1972
<i>Гранстрем Е. Э., Лукьяненко В. И.</i> «Рукописная и печатная книга в фондах Научной библиотеки Московского университета»	1973
<i>Гребенюк В. П.</i> В Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР	1971
<i>Гринчишин Д. Г.</i> Заседание, посвященное памяти И. С. Свенцицкого	1976

Дейч Г. М. Работа по составлению биобиблиографического справочника «Адресаты ленинских писем»	1969
Дергачева-Скоп Е. И. В Сибирском отделении Археографической комиссии	1971
Дианова Т. В. «Альбом-указатель водяных знаков бумаги XVII в. по рукописям Государственного исторического музея»	1968
Дианова Т. В. Об изучении книжной орнаментики в Отделе рукописей Государственного исторического музея	1971
Димитриев В. Д. Археографические работы в Чувашии	1970
Долдобанова Н. А. Деятельность Археографической комиссии в 1969 г.	1969
Дубинская Л. Г. Издание научного наследия С. Б. Веселовского	1976
Е. С. О библиотеке М. В. Ломоносова	1972
Еганян О. С. Рост фонда армянских рукописей Матенадарана в послевоенные годы (1945—1973)	1973
Издание научного описания рукописного наследия академика М. Н. Тихомирова	1974
К 80-летию С. Н. Валка (Шепелев Л. Е.)	1967
К 60-летию Е. А. Луцкого (Рыбаков Ю. Я.)	1967
К 65-летию А. В. Арциховского	1967
Казан М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников Ефросина XV в.	1976
Каштанов С. М. IV Международный конгресс по дипломатике	1973
Князевская О. А. Конференция, посвященная Изборнику 1073 г.	1974
Колесников П. А. Вторая Северная научная конференция	1976
Колесников П. А. Изучение материалов по истории Европейского Севера СССР	1968
Копанев А. И. В рукописном собрании Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР	1968
Копылов А. Н. Заседание памяти В. И. Шункова в Сибирском отделении АН СССР	1967
Копынский Э. Ю. В Институте истории Академии наук Белорусской ССР	1968
Кулаков В. В. В кружке вспомогательных исторических дисциплин Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской	1974
Курносов А. А. Деятельность Археографической комиссии в 1973 г.	1973
Либерзон. И. З. Заседание Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР по итогам археографических экспедиций 1975 г.	1975
Лимонов Ю. А. Издание Новгородской первой летописи в Германской Демократической Республике.	1973
Маркелов Г. В. Сопещение в Институте русской литературы АН СССР, посвященное памяти А. А. Шахматова (Вступительное слово академика Д. С. Лихачева. Хроника заседания)	1970
«Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник»	1970
Мироненко М. П. Деятельность Археографической Комиссии в 1976 г.	1976
Митрякова Н. М., Чумаченко Э. Г. О работе Ученого совета Архива АН СССР	1968
Мыльников А. С. О картотеке И. М. Кауфмана	1973
Мыльников А. С. Печатные каталоги и обзоры рукописных фондов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	1968
Новые издания Археографической комиссии и ее отделений	1974
О работе над Предварительным списком славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР	1971
«Описание рукописей Синодального собрания»	1970
Организация Уральского отделения Археографической комиссии	1970
Орлова М. А. Конференция, посвященная методике идентификации почерков в древнерусской рукописной книге	1971
Павлов-Сильванский В. Б. Деятельность Археографической комиссии в 1972 г.	1972
Павлов-Сильванский В. Б. Обсуждение «Археографических ежегодников» за 1968—1972 гг.	1972
Павлов-Сильванский В. Б. Хронологическое обозрение писцовых книг и сотных выписей XV—XVI вв.	1968
Памяти Сигизмунда Натановича Валка	1975
Понырко Н. В. В Институте русской литературы АН СССР	1974
Попов Г. В. Сопещение по вопросам изучения древнерусской рукописной книги в Институте истории искусств Министерства культуры СССР	1969
Распопчина Л. Н. Симпозиум по актуальным проблемам источниковедения	1972
Рождественская М. В. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения В. Н. Перетца	1970
Рябков Г. Т. Работа по изучению истории смоленской деревни	1971

Совместное заседание Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С. Н. Валка. (Хроника заседания. <i>Распопчина Л. Н.</i>). Выступления <i>С. О. Шмидта</i> , <i>Ю. А. Азапкина</i> , <i>В. И. Буганова</i> , <i>Л. В. Черепнина</i> , <i>С. В. Чиркова</i>)	1976
<i>Соскин В. Л.</i> , <i>Осташко Т. Н.</i> Из опыта собрания воспоминаний представителей советской интеллигенции Сибири	1973
Состав Археографической комиссии АН СССР	1973
Состав Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР	1968
<i>Суринов В. М.</i> К семидесятилетию <i>В. И. Шункова</i>	1970
<i>Тамм И. Е.</i> Деятельность Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР за 1967 г.	1967
<i>Тамм И. Е.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1971 г.	1971
<i>Тиганова Л. В.</i> Работа секции рукописной книги на Второй всесоюзной конференции по проблемам книговедения	1974
<i>Халикова Р. Х.</i> , <i>Ураксин З. Г.</i> Вторая Южноуральская археографическая конференция	1975
<i>Хевролина В. М.</i> О работе сектора археологии Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела в 1967—1969 гг.	1969
<i>Шеламанова Н. Б.</i> Заседания Археографической комиссии	1968
<i>Шеламанова Н. Б.</i> Совещание по составлению Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв.	1971
<i>Шеламанова Н. Б.</i> Составление «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР»	1968
<i>Шпекторова Т. В.</i> Научная конференция, посвященная 900-летию Изборника 1076 г.	1976
Некрологи:	
Илья Владимирович Абуладзе (1901—1968) (статья <i>Метрели Е. П.</i>)	1968
Варвара Павловна Адрианова-Перетц (1888—1972) (статья <i>Шмидта С. О.</i>)	1972
Павел Наумович Берков (1897—1969) (статья <i>Степанова В. П.</i>)	1969
Федор Семенович Горовой (1916—1973) (статья <i>Капцуговича И. С.</i>)	1973
Александр Андреевич Губер (1902—1971 г.) (статья <i>Левинсона Г. И.</i>)	1971
Иван Александрович Гуржий (1915—1971) (статья <i>Шевелева А. Г.</i> , <i>Калениченко Т. М.</i> , <i>Санцевича А. В.</i> , <i>Сарбея В. Г.</i>)	1972
Вера Дмитриевна Кузьмина (1908—1968) (статья <i>Пушкарева Л. Н.</i>)	1968
Алексей Андреевич Новосельский (1891—1967) (статья <i>Подъяпольской Е. П.</i>)	1968
Нина Викторовна Пигулевская (1894—1970) (статья <i>Гранстрем Е. Э.</i>)	1970
Николай Кириякович Пиксанов (1878—1969) (статья <i>Шмидта С. О.</i>)	1969
Анна Степановна Тверитинова (1910—1973) (статья <i>Ганковского Ю. В.</i>)	1973
Дина Исаковна Тверская (1925—1975) (статья <i>Жукова Е. М.</i> , <i>Рыбакова Б. А.</i> , <i>Ковальченко И. Д.</i> и др.)	1975
Дмитрий Агеевич Чугаев (1899—1973) (статья <i>Ознобишина Д. В.</i>)	1973

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

Э. Б. Генкина. Протоколы Совнаркома РСФСР за 1917—1922 гг. и их значение как исторического источника	3
Н. Б. Волкова. Издание документов по истории советской культуры (Из опыта ЦГАЛИ СССР)	33
С. В. Житомирская. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников	41
В. Л. Янин. К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода	60
Т. В. Дианова, Б. М. Клосс. Филигрань «бегущий заяц» и ее датировка	69
А. А. Севастьянова (г. Орел). Записки о Московии Джерома Горсея (К вопросу о принципах научного перевода терминов при публикации источников)	71
В. И. Гальцов (г. Калининград) Сведения о С. И. Шаховском в описи архива Посольского приказа 1673 г.	79
Ю. С. Васильев (г. Сыктывкар). Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в.	82
В. Ю. Афиани. Из истории русской археографии. Публикация исторических источников в «Отечественных записках» П. П. Свинына (1818—1830)	89
М. И. Перпер. К истории борьбы царского правительства против Вольной русской печати за рубежом	98
А. Д. Зайцев. «Русский архив» и цензура	101
С. М. Душинов. К истории отечественной археографии (издания, подготовленные А. И. Яковлевым)	111
Н. И. Покровский (г. Новосибирск), С. О. Шмидт. Археографическая деятельность Д. С. Лихачева	121

К 10-летию со дня смерти М. Н. Тихомирова

М. Т. Беляевский, А. Г. Сукаев (г. Куйбышев). Новые материалы о М. Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области	129
Е. В. Чистякова. М. Н. Тихомиров как историк русского феодального города	135
И. И. Ростунов. Вопросы военной истории России в научном творчестве академика М. Н. Тихомирова	137
Ш. Ф. Мухамедьяров. Вопросы истории народов Поволжья в трудах М. Н. Тихомирова	140

Тихомировские чтения 1976 года

М. П. Мироненко. Хроника заседания	146
--	-----

II. Обзоры описания, библиография

К. И. Иванова (НРБ, г. София). Об уточнении времени написания некоторых славянских рукописей XIV—XV вв.	148
С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича	153
С. В. Поздняков (г. Малоярославец). Новое об истории рода Радищевых	194
Л. М. Спирина (г. Загорск). Рукописный источник об основании церкви в честь Деулинского перемирия	197
С. Е. Князьков. Малоизвестные копии Угличского следственного дела	201

<i>И. З. Кадсон (г. Ленинград)</i> . Материалы по истории революционного движения в фондах Синода	204
<i>А. Б. Закс</i> . Речь А. В. Луначарского на конференции по делам музеев	210
<i>О. В. Петрова</i> . О родословных справочниках с рукописными дополнениями и исправлениями генеалогов.	217
<i>Е. П. Федосеева (г. Ленинград)</i> . Документальные материалы Н. А. Воскресенского в хранилищах Ленинграда и Москвы	221
<i>Н. Н. Розов (г. Ленинград)</i> . Архив и библиотека И. П. Еремина	230
<i>Л. Г. Сырченко</i> . К истории описания документальных материалов деятелей русской культуры	236
Список печатных работ П. Г. Любомирова (сост. <i>Е. П. Подъяпольская</i>)	252
<i>Т. П. Воронова (г. Ленинград)</i> . Новые советские исследования по латинской палеографии	256
<i>В. Д. Лихачева (г. Ленинград)</i> . Альбом миниатюр византийских рукописей собраний Афонских монастырей	263

III. Публикации

К биографии Гурня Никитина (подготовила <i>В. Г. Брюсова</i>)	267
Воспоминания М. Н. Сперанского о И. Е. Забелине (подготовил <i>С. Б. Филимонов, г. Симферополь</i>)	272

IV. Хроника

<i>М. П. Мироненко</i> . Деятельность Археографической комиссии в 1976 г.	279
Совместное заседание Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С. Н. Валка	280
Хроника заседания (<i>Л. Н. Раstopчина</i>)	280
Выступления <i>С. О. Шмидта, Ю. А. Ахалкина, В. И. Буганова, Л. В. Черепнина, С. В. Чиркова (г. Ленинград)</i>	289
В Отделении Археографической комиссии	311
<i>П. А. Колесников (г. Вологда)</i> . Вторая Северная научная конференция	312
<i>Л. Г. Дубинская</i> . Издание научного наследия С. Б. Веселовского	315
<i>Д. Г. Гринчишин (г. Львов)</i> . Заседание, посвященное памяти И. С. Свенцицкого	317
<i>Т. В. Шпекторова</i> . Научная конференция, посвященная 900-летию Изборника 1076 г.	317
<i>М. Д. Казан (г. Ленинград), Н. В. Поньрко (г. Ленинград), М. В. Рождественская (г. Ленинград)</i> . Описание сборников Ефросина XV в.	318
Алфавитный указатель статей и публикаций, помещенных в «Археографических ежегодниках» за 1967—1976 гг. (сост. <i>Н. А. Долдобанова</i>)	320

SOMMAIRE

I. Articles et informations

<i>E. B. Guénkina</i> . Les procès-verbaux du Conseil des Commissaires du Peuple de la R. S. F. S. R. des années 1917—1922 et leur importance comme sources historiques	3
<i>N. B. Volkova</i> . Publication des documents sur l'histoire de la culture soviétique (De l'expérience des Archives centrales de littérature et des arts de l'U. R. S. S.)	33
<i>S. V. Jitomirskaja</i> . Problèmes de la description scientifique des mémoires manuscrits	41
<i>V. L. Yanine</i> . Sur la chronologie du «Statut commercial» du prince Vsévolod	60
<i>T. V. Dianova, B. M. Kloss</i> . Le filigrane «Le lièvre courant» et sa datation	69
<i>A. A. Sevastianova (Orel)</i> . Les mémoires sur la Moscovie de Jerome Horsey (Sur le problème des principes de la traduction scientifique des termes dans les publications des sources historiques)	71
<i>V. I. Galtzov (Kaliningrad)</i> . Renseignements sur S. I. Chakhovskoï dans l'inventaire des archives de Possolski prikaz de 1673	79
<i>Yu. S. Vassiliev (Syktyvkar)</i> . Contrats d'engagement d'un patrimoine d'un couvent du Nord en XVII-e siècle	82
<i>V. Yu. Afiani</i> . Sur l'histoire de l'archéographie russe. Publication des sources historiques dans la revue «Otetchestvennyé Zapiski» de P. P. Svignine (1818—1830)	89
<i>M. I. Perper</i> . Sur l'histoire de la lutte du gouvernement tsariste contre l'Impression russe libre à l'étranger	98
<i>A. D. Zaitzev</i> . La revue «Rousski arkhiv» et la censure	101
<i>S. M. Douchinov</i> . Sur l'histoire de l'archéographie russe. (Publications rédigées par A. I. Yakovlev)	111
<i>N. N. Pokrovski (Novossibirsk), S. O. Schmidt</i> . Activité archéographique de D. S. Likhatchev	121

10-e anniversaire de la mort de M. N. Tikhomirov

<i>M. T. Bielavski, A. G. Soukaïev (Kouibychev)</i> . Nouveaux documents sur M. N. Tikhomirov dans les Archives d'Etat de la région de Kouibychev	129
<i>E. V. Tchistiakova</i> . M. N. Tikhomirov comme historien de la ville féodale russe	135
<i>I. I. Rostounov</i> . Problèmes de l'histoire militaire de la Russie dans l'oeuvre scientifique de M. N. Tikhomirov	137
<i>Ch. F. Moukhamédjarov</i> . Problèmes de l'histoire des peuples de la région de la Volga dans les travaux de M. N. Tikhomirov	140

Les lectures Tikhomirov. 1976

<i>M. P. Mironenko</i> . Chronique de la séance	146
---	-----

II. Aperçus, descriptions, bibliographie

<i>K. Ivanova (Sofia, Bulgarie)</i> . Sur la précision du temps de création de quelques manuscrits slaves des XIV—XV siècles	148
<i>S. P. Mordovina, A. L. Stanislavski</i> . Le personnel du Cour spécial d'Ivan IV pendant le «Grand règne» de Siméon Bekboulatovitch	153

<i>S. V. Pozdnyakov (Maloyaroslavetz)</i> . Nouveaux renseignements sur la famille des Radichtchev	194
<i>L. M. Spirina (Zagorsk)</i> . Une source manuscrite sur la fondation de l'église en l'honneur de traité de Déoulino	197
<i>S. E. Kniazkov</i> . Les copies peu-connues du dossier d'enquête d'Ouglitch	201
<i>I. Z. Kadson (Léningrad)</i> . Documents sur l'histoire de mouvement révolutionnaire dans les archives de Synode	204
<i>A. B. Zaks</i> . Discours de A. V. Lounatcharski dans la séance d'inauguration d'une Conférence sur les problèmes des musées	210
<i>O. V. Petrova</i> . Ouvrages de références généalogiques avec les corrections et suppléments manuscrits faits par des généalogues	217
<i>E. P. Fedossieva (Léningrad)</i> . Documents de N. A. Voskressenski dans les dépôts de Léningrad et de Moscou	221
<i>N. N. Rozov (Léningrad)</i> . Les archives et la bibliothèque d'I. P. Yeriomine	230
<i>L. G. Syrtchenko</i> . Sur l'histoire de la description des documents des hommes de culture russes	236
Liste de travaux scientifiques de P. G. Liouboimirov (rédigé par E. P. Podiapolskaïa)	252
<i>T. P. Voronova (Léningrad)</i> . Nouveaux recherches soviétiques sur la paléographie latine	256
<i>V. D. Likhatcheva (Léningrad)</i> . Un album des miniatures des manuscrits byzantins des collections des couvents d'Athos	263

III. Publications

Sur la biographie de Gouri Nikitine (publication de <i>V. G. Briousova</i>)	267
Memoires de M. N. Spieranski sur I. E. Zabeline (publication de <i>S. B. Filimonov, Simféropol</i>)	272

IV. Chronique

<i>M. P. Mironenko</i> . L'activité de la Commission archéographique en 1976	279
Réunion commune de la Commission archéographique de l'Académie des sciences de l'U. R. S. S. et des Archives centrales du Parti de l'Institut du marxisme-léninisme près du Comité central du P. C. U. S., en commémoration de S. N. Valk	280
Chronique de la séance (<i>Rastoptchina L. N.</i>)	280
Discours de S. O. Schmidt, Yu. A. Akhapkine, V. I. Bouganov, L. V. Tchérépnine, S. V. Tchirkov	289
Dans les filiales de la Commission archéographique	311
<i>P. A. Kolesnikov (Vologda)</i> . La Deuxième conférence archéographique du Nord	312
<i>L. G. Doubinskaïa</i> . Publication de l'héritage scientifique de S. B. Vesselovski	315
<i>D. G. Grintchichine (Lvov)</i> . Réunion consacrée au mémoire de I. S. Swiencicki	317
<i>T. V. Chpektorova</i> . Conférence scientifique consacrée au 900-e anniversaire de l'Izbornik de 1076	317
<i>M. D. Kagan (Léningrad)</i> , <i>N. B. Ponyrko (Léningrad)</i> , <i>M. V. Rojdestvenskaïa (Léningrad)</i> . Description des Recueils d'Efrossine du XV siècle	318
Index alphabétique des articles et des publications, publiées dans les «Annuaire archéographiques» de 1967—1976 (rédigé par <i>N. A. Doldobanova</i>)	320

Археографический ежегодник за 1976 год

Утверждено к печати

Археографической комиссией при Отделении истории СССР АН СССР

Редактор издательства *Р. И. Коробейникова*, Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технические редакторы *Р. Г. Грузичова*, *В. Д. Прилепская*. Корректор *Л. А. Сулханова*

Сдано в набор 26/II 1977 г. Подписано к печати 12/VIII 1977 г. Формат 70×103¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 33,1. Тираж 2450 экз. Т-14923. Тип. зак. 85. Цена 3 руб.

Издательство «Наука», 117485, Москва, Профсоюзная ул., д. 94«а»
1-я типография издательства «Наука», 199034, Ленинград 9 линия, д. 12

3-116

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО СЛОВАКИИ